

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

ISSN 1810-0201

ВЕСТНИК ТАМБОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019, ТОМ 24, № 182

TAMBOV UNIVERSITY REVIEW
S E R I E S: H U M A N I T I E S

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (отрасли науки: педагогические науки, исторические науки)

СОДЕРЖАНИЕ

4 CONTENTS

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

- 7 *И.А. Шаршов,
А.В. Королева,
Ю.П. Прокудин* Проблемные аспекты личностно-профессиональной адаптации студентов вуза
- 14 *Г.М. Первова* Школа читательского самообразования как средство подготовки учителя к профессиональной деятельности

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

- 21 *И.С. Дронов* Организационно-педагогические условия обучения письменному академическому дискурсу студентов магистратуры
- 32 *Э.Г. Юзбашева* Психолого-педагогические условия формирования грамматических навыков речи студентов на основе реализации иноязычных интернет-проектов
- 43 *К.В. Акулина,
Е.В. Тихонова* Особенности заимствованной лексики в китайском языке на примере сферы цифровой экономики
- 52 *А.Н. Чугунов,
П.Дж. Митчелл* Особенности перевода португальского военного подъязыка

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

- 61 *Н.В. Гарашкина,
Р.М. Куличенко,
И.А. Акопянц* Социальное здоровье личности ребенка как результат воспитательной деятельности
- 70 *Н.Ю. Баранова* Потребности в разработке программ по формированию ценностного отношения к родительству в современном обществе

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

- 77 *М.И. Старов,
Э.М. Османов* Детерминанты становления профессионально-педагогической компетентности будущего специалиста физической культуры и спорта в условиях вузовского образования

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- 88 *М.И. Долженкова,
О.Г. Прохорова* Гражданское воспитание молодежи средствами экологических и культурозащитных инициатив

- 98 *Т.Ю. Китаевская,
И.Н. Перуновская* Методы обучения студентов вуза дизайн-проектированию
- 107 *М.Ю. Долгушина* Взгляд на региональную певческую традицию: к 100-летию старейшего в России народного хора им. М. Мордасовой села Черняное Тамбовского района Тамбовской области
- 115 *С.В. Шанкина,
Ю.В. Шанкин,
Е.Ю. Шушпанова* Методика обучения в области хореографического искусства людей зрелого возраста
- 123 *О.В. Еришова,
Е.Г. Смирнов* Анализ соревновательной инфраструктуры спортивно-бальных танцев в контексте деятельности международных организаций по спортивно-бальным танцам

ПЕДАГОГИКА СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

- 130 *Е.А. Федотова* Формирование основ информационно-аналитической культуры обучающихся профильных экономических классов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- 137 *Д.С. Жуков,
В.В. Канищев,
С.К. Лямин* Подходы к фрактальному моделированию процессов освоения зоны южнорусского фронта: новая версия модели
- 151 *Э.Л. Дубман* Юго-Восточный «фронт» Европейской России в середине XVII – начале XVIII в.
- 160 *Р.Г. Буканова* Роль строительства укрепленных линий и новых городов в формировании юго-восточных границ России в XVII–XVIII вв.
- 169 *В.Н. Глазьев* Подведомственность российского Черноземья московским приказам в XVII в.
- 178 *Д.А. Ляпин* О записи крестьян в служилые люди крепостей Юга России в конце XVI века
- 187 *Ю.А. Мизис* Формирования воинских гарнизонов на юге России в XVII в.
- 195 *О.В. Скобелкин* Чины служилого населения в городах и уездах южного фронта России в 1715-м году
- 201 *В.М. Брезгунова* Динамика изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630–1680-е гг.
- 209 *А.И. Папков* Государственно-церковное взаимодействие в условиях фронта на Юге России в XVI–XVII веках
- 220 *П.К. Напольникова* Этнический фактор на пограничной территории
- 225 *митрополит
Тамбовский
и Рассказовский
Феодосий (Васнев)* Подготовка к преобразованиям в Тамбовской духовной семинарии: устав 1867 года (исторические аспекты)
- 232 *М.К. Акользина* Сельскохозяйственное предпринимательство купечества уездных городов Тамбовской губернии в XIX веке
- 243 *Р.М. Житин* Экономическое значение садово-парковых зон имений помещиков Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века
- 250 *К.В. Доник* К истории наследования титула и фамилии графов Перовских Михаилом Михайловичем Петрово-Соловово в 1907 г.: юридические нормы и архивная реконструкция обстоятельств
- 260 *П.П. Щербинин,
А.И. Чубаров,
Ю.В. Щербинина* Дети-сироты в годы Гражданской войны: от беспризорности к концлагерям
- 272 *И.А. Шикунова* Историографические традиции в изучении «детей беды» в контексте детского сиротства в Российской империи и Советской России в первой трети XX века
- 283 *Р.А. Мухамедов,
М.И. Хисамов* Ульяновский городской автотранспорт в 1986–1990 гг.

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

292 А.Н. Алленов

«Мансуровский проект» Русской Палестины (по материалам поездки 1857 г. по Святым местам)

299 А.Г. Топильский

Крестьянское землевладение Восточной Галиции во второй половине XIX – начале XX века

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР к. юрид. н. В.Ю. Стромов (г. Тамбов, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. пед. н., проф. П.В. Сысоев (научный редактор) (г. Тамбов, Российская Федерация), И.В. Ильина (отв. секретарь) (г. Тамбов, Российская Федерация), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева (г. Москва, Российская Федерация), д. истории, проф. Тьерри Гробуа (г. Люксембург, Люксембург), д. пед. н., проф. М.И. Долженкова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. И.Ф. Исаев (г. Белгород, Российская Федерация), д. ист. н., проф. В.В. Канищев (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. С.Г. Кащенко (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Р.М. Куличенко (г. Тамбов, Российская Федерация), к. пед. н., доц. Е.П. Лисицын (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Л.Н. Макарова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Т.Э. Мангер (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. Ю.А. Мизис (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., доц. В.В. Миронов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. педагогики, проф. П.Дж. Митчелл (г. Дерби, Великобритания); д. филос. н., проф. И.В. Налетова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. С.А. Нефедов (г. Екатеринбург, Российская Федерация), д. мед. н., проф. Э.М. Османов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. А.Г. Пашков (г. Курск, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Л.С. Подымова (г. Москва, Российская Федерация), д. пед. н., проф. О.Г. Поляков (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. В.В. Романов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., доц. Т.А. Селитреникова (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), д. мед. н., проф. С.Н. Симонов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. А.С. Туманова (г. Москва, Российская Федерация), д. психол. н., проф. Е.А. Уваров (г. Тамбов, Российская Федерация), доктор, проф. истории Хок Стивен Л. (г. Три-Ситис, США), д. пед. н., проф. И.А. Шаршов (г. Тамбов, Российская Федерация).

Адрес редакции: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440

Электронная почта: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about.html> (на русском языке);

<http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about-eng.html> (на английском языке)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70574 от 03 августа 2017 г.

Подписной индекс 83371 в каталоге АО Агентства «Роспечать»

Редакторы: Ю.А. Бирюкова, Т.А. Сустина, М.И. Филатова

Редакторы английских текстов: В.В. Клочихин, С.Ю. Можаров

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчановой

Администратор сайта Т.А. Сустина

Для цитирования:

Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2019. – Т. 24, № 182. – 304 с. – ISSN 1810-0201. – DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182

Подписано в печать 29.10.2019. Дата выхода в свет 18.11.2019.

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 38,00. Усл. печ. л. 36,86. Тираж 1000 экз. Заказ № 19298. Цена свободная

Адрес издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2019

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки», 2019

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science
(field of science: Pedagogical Sciences, Historical Sciences)

CONTENTS

PEDAGOGY OF HIGHER SCHOOL

- 7 *I.A. Sharshov,
A.V. Koroleva,
Y.P. Prokudin* Problematic aspects of personal and professional adaptation of university
- 14 *G.M. Pervova* School of self-education reading as a mean of training teacher for professional activities

THEORY AND METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

- 21 *I.S. Dronov* Organizational and pedagogical conditions of master students teaching written academic discourse
- 32 *E.G. Yuzbasheva* Psychological and pedagogical conditions of formation of students' grammatical skills of the speech on the basis of foreign-language Internet projects implementation
- 43 *K.V. Akulina,
E.V. Tikhonova* Characteristics of borrowing in Chinese Language in the sphere of the digital economy
- 52 *A.N. Chugunov,
P.J. Mitchell* Translation features of the Portuguese military sublanguage

QUESTIONS OF SOCIAL PEDAGOGY AND SOCIAL WORK

- 61 *N.V. Garashkina,
R.M. Kulichenko,
I.A. Akopyanc* Social health of the child's personality as a result of educational activities
- 70 *N.Y. Baranova* Needs in programs development on formation of value attitude towards parenting in modern society

THEORY AND METHODS OF PHYSICAL TRAINING TEACHING

- 77 *M.I. Starov,
E.M. Osmanov* Determinants of development of professional and pedagogical competence of the future specialist of physical education and sports in conditions of university education

THEORY AND METHODS OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY ORGANIZATION

- 88 *M.I. Dolzhenkova,
O.G. Prokhorova* Civic education of youth by means of environmental and cultural protective initiatives

- 98 *T.Y. Kitayevskaya,
I.N. Perunovskaya* Methods of project design teaching to university students
- 107 *M.Y. Dolgushina* Outlook at the regional singing tradition: to the 100th anniversary of the oldest Russian National Mordasova Choir of Chernyanoye village, Tambov District, Tambov Region
- 115 *S.V. Shankina,
Y.V. Shankin,
E.Y. Shushpanova* Teaching methods in choreographic art to people of mature age
- 123 *O.V. Ershova,
E.G. Smirnov* Sports and ballroom dancing competitive infrastructure analysis in the context of international organizations on sports and ballroom dancing

PEDAGOGY OF SECONDARY SCHOOL

- 130 *E.A. Fedotova* Formation of the basis of information and analytical culture of specialized economic classes students

NATIONAL HISTORY

- 137 *D.S. Zhukov,
V.V. Kanishchev
S.K. Lyamin* Approaches to fractal modeling of development processes of the South Russian frontier zone: new version of the model
- 151 *E.L. Dubman* Southeastern “frontier” of European Russia in the middle of the 17th – early of the 18th centuries
- 160 *R.G. Bukanova* The role of building fortified lines and new cities in the formation of southeastern borders of Russia in the 17th – 18th centuries
- 169 *V.N. Glaziev* Jurisdiction of the Russian Black Earth Region to Moscow prikazes in the 17th century
- 178 *D.A. Lyapin* On the record of peasants in service class people of South of Russia fortresses in the late of 16th century
- 187 *Y.A. Mizis* Military garrisons formation on the South of Russia in 17th century
- 195 *O.V. Skobelkin* The ranks of service class population in the cities and counties of the southern frontier of Russia in the year 7185
- 201 *V.M. Brezgunova* Cherkas number changes dynamics in the Voronezh Region in 1630–1680s
- 209 *A.I. Papkov* State and church interaction in the frontier conditions on the south of Russia in 16th – 17th centuries
- 220 *P.K. Napolnikova* Ethnic factor on the frontier territory
- 225 *Metropolitan of Tambov
and Rasskazovsky
Theodosius (Vasnev)* Preparations for a transformations in the Tambov Seminary: charter of 1867 (historical aspects)
- 232 *M.K. Akolzina* County towns merchants’ agricultural enterprise of Tambov Governorate in the 19th century
- 243 *R.M. Zhitin* Economic importance of park and garden zones of landowners’ estates of the Tambov Governorate in the second half of the 19th – early 20th century
- 250 *K.V. Donik* On the history of the title and surname inheritance of Counts Perovsky by Mikhail Mikhailovich Petrovo-Solovovo in 1907: legal norms and archival reconstruction of circumstances
- 260 *P.P. Shcherbinin,
A.I. Chubarov,
Y.V. Shcherbinina* Orphans during the Civil War: from homelessness to concentration camps
- 272 *I.A. Shikunova* Historiographical traditions in the study of “children of misfortune” in the context of orphanage in the Russian Empire and Soviet Russia in the first third of the 20th century
- 283 *R.A. Muchamedov,
M.I. Khisamov* Ulyanovsk urban motor-vehicle transport in 1986–1990

FOREIGN COUNTRIES' HISTORY

292 A.N. Allenov

“Mansurov project” of the Russian Palestine (based on materials from a trip in 1857 to Holy Places)

299 A.G. Topilsky

Peasant land tenure of Eastern Galicia in the second half of 19th – early 20th centuries

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

“Derzhavin Tambov State University”

(33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF Candidate of Jurisprudence V.Y. Stromov (Tambov, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL: Doctor of Pedagogy, Professor P.V. Sysoyev (Scientific Editor) (Tambov, Russian Federation), I.V. Ilyina (Executive Editor) (Tambov, Russian Federation), Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva (Moscow, Russian Federation), Doctor of History, Professor Thierry Grosbois (Luxembourg, Luxembourg), Doctor of Pedagogy, Professor M.I. Dolzhenkova (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor I.F. Isayev (Belgorod, Russian Federation), Doctor of History, Professor V.V. Kanishev (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor S.G. Kashenko (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor R.M. Kulichenko (Tambov, Russian Federation), Candidate of Pedagogy, Associate Professor E.P. Lisitsyn (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor L.N. Makarova (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor T.E. Manger (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor Y.A. Mizis (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Associate Professor V.V. Mironov (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor P.J. Mitchell (Derby, Great Britain), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Naletova (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor S.A. Nefedov (Ekaterinburg, Russian Federation), Doctor of Medicine, Professor E.M. Osmanov (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor A.G. Pashkov (Kursk, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor L.S. Podyumova (Moscow, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor O.G. Polyakov (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor V.V. Romanov (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Associate Professor T.A. Selitrenikova (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Medicine, Professor S.N. Simonov (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor A.S. Tumanova (Moscow, Russian Federation), Doctor of Psychology, Professor E.A. Uvarov (Tambov, Russian Federation), Doctor, Professor of History Hoch Steven L. (Tri-Cities, USA), Doctor of Pedagogy, Professor I.A. Sharshov (Tambov, Russian Federation)

Editors address: 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone number: (4752)-72-34-34 extension 0440

E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru

Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about.html> (In Russian);

<http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about-eng.html> (In English)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate ПИИ no. ФC77-70574 of August 3, 2017

Subscription index in the catalogue of the Stock company Agency “Rospechat” is 83371

Editors: Y.A. Biryukova, T.A. Sustina, M.I. Filatova

English texts editors: V.V. Klochikhin, S.Y. Mozharov

Computer layout by T.Y. Molchanova

Web-site administrator T.A. Sustina

For citation:

Tambov University Review. Series: Humanities. – Tambov, 2019. – Vol. 24, no. 182. – 304 p. – ISSN 1810-0201. – DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182

Podpisano v pechat' 29.10.2019. Data vykhoda v svet 18.11.2019

Format A4 (60×84 1/8). Garnitura «Times New Roman». Pechat' na rizoграфе.

Pech. l. 38,00. Usl. pech. l. 36,86. Tirazh 1000 ekz. Zakaz № 19298. Tsena svobodnaya

Publisher's address: 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation, FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy” of FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”.

190g Sovetskaya St., Tambov 392008, Tambov Region, Russian Federation, E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2019

© The journal “Tambov University Review. Series: Humanities”, 2019

The reference is obligatory while reprinting and citation of materials.

The author is responsible for the contents of publications

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-7-13
УДК 378.2+371.13

Проблемные аспекты личностно-профессиональной адаптации студентов вуза

**Игорь Алексеевич ШАРШОВ, Анна Валерьевна КОРОЛЕВА,
Юрий Петрович ПРОКУДИН**

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2844-0185>, e-mail: silans@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3739-7991>, e-mail: anna-valerevna@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0558-2786>, e-mail: prokudin68@mail.ru

Problematic aspects of personal and professional adaptation of university students

Igor A. SHARSHOV, Anna V. KOROLEVA, Yuri P. PROKUDIN

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2844-0185>, e-mail: silans@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3739-7991>, e-mail: anna-valerevna@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0558-2786>, e-mail: prokudin68@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы, возникающие в процессе профессионализации студентов первого года обучения. С опорой на современные образовательные стандарты и базовые положения компетентностного подхода обоснована необходимость специальной работы с первокурсниками на этапе их вхождения в профессию по таким направлениям, как: понимание личностных особенностей, формирование умений использовать собственные ресурсы и резервы; раскрытие психологического контекста выбора и дальнейшего развития в рамках профессии; предупреждение негативных последствий профессионализации; использование рекреативных инструментов поддержания психологического и социального здоровья; разработка позитивного жизненного сценария с учетом профессиональных особенностей. Выявлены противоречия в сопровождении процесса личностно-профессиональной адаптации студентов по рассмотренным направлениям. Обоснована необходимость разработки специальной технологии, ориентированной на разрешение выявленных противоречий.

Ключевые слова: студенты; профессионализация; профессиональная адаптация и компенсация; профессиональное самосознание; личностно-профессиональная трансформация; технология

Для цитирования: Шаршов И.А., Королева А.В., Прокудин Ю.П. Проблемные аспекты личностно-профессиональной адаптации студентов вуза // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 7-13. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-7-13

Abstract. We consider the current problems arising in the process of first year students professionalization. Based on contemporary educational standards and the basic provisions of the competency-based approach, we substantiate the necessity of special work with first year students at the stage of their entry into the profession in such areas as: understanding personal characteristics, development of skills to use their own resources and reserves; disclosure of the psychological context of choice and further development within the profession; prevention of the negative consequences of professionalization; the use of recreational tools to maintain psychological and social health; development of a positive life scenario, taking into account professional characteristics. We identify contradictions in accompanying the process of personal and professional adaptation of

students in the considered areas. We substantiate the necessity of developing a special technology focused on resolving the identified contradictions.

Keywords: students; professionalization; professional adaptation and compensation; professional identity; personal and professional transformation; technology

For citation: Sharshov I.A., Koroleva A.V., Prokudin Y.P. Problemnyye aspekty lichnostno-professional'noy adaptatsii studentov vuza [Problematic aspects of personal and professional adaptation of university]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 7-13. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-7-13 (In Russian, Abstr. in Engl.)

К наиболее значимым решениям в жизни человека относятся выбор им профессии, профессиональное самоопределение или профессионализация и дальнейшая личностная реализация в профессиональной сфере. При этом профессионализация подразумевает как преобразования в сфере труда, так и преобразования в социальной и личностной сфере. Важно отметить, что целенаправленная, профессионально осуществляемая деятельность связана не только с конкретным получаемым в ее рамках продуктом, но и с тем, какое социальное влияние оказывают ее носители на других членов профессионального сообщества, адаптируя новых представителей, и за его рамками – преобразуя профессиональной деятельностью часть социальной реальности.

В личностной сфере профессионализация становится и неким промежуточным результатом общей направленности личности, ее предыдущих этапов развития и средством, способом глубинных, многогранных личностных изменений, затрагивающих духовный мир человека, мировоззрение, жизненный сценарий. Безусловно, социальная и личностная сферы тесно переплетены: изменения в одной приводят в движение и другую, поэтому профессиональное обучение и воспитание должны помогать личности адекватно и целесообразно реагировать на эти изменения. Опираясь на вышесказанное, мы делаем вывод, что одной из важнейших задач профессиональной адаптации студентов в вузе должна стать гармонизация процессов их изменений в социальной и личностной сферах.

Основание для такого вывода мы находим в Федеральном законе «Об образовании РФ»: «образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также сово-

купность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»¹.

Подтверждает наш вывод и мнение В.А. Цвык. Он писал, что «проблема становления профессионала – это, в первую очередь, проблема личностного и социального развития будущего специалиста как субъекта социального действия. Современный профессионал должен видеть свою профессию во всей совокупности ее широких социальных связей, знать предъявляемые к ней и ее представителям требования, понимать содержание и специфику своей профессиональной деятельности, ориентироваться в круге профессиональных задач и быть готовым разрешать их в меняющихся социальных условиях» [1].

Эта же идея лежит в основе современного компетентностного подхода к образованию, базисом которого является личностно-ориентированная парадигма. «В условиях быстрой смены технологий, научного прогресса актуальным становится формирование специалиста нового типа: обладающего не столько стабильным запасом знаний, сколько определенными умениями и личностными качествами, позволяющими грамотно осваивать технологические новшества. Поэтому новой концепцией профессионального образования становится компетентностный подход, оценивающий конкурентоспособность личности выпускника профессионального учебного заведения на современном рынке

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 4.06.2019).

труда; педагогической основой данного типа образования является личностно-ориентированная парадигма» [2].

Реализация компетентностного подхода на основе личностно-ориентированной парадигмы требует активизации студента как субъекта процесса собственного развития в рамках получения образования, принятия им личной ответственности за успешность и результативность профессионализации. Как показывает практика, на этапе вхождения в профессию многие студенты не осознают личностные цели выбора профессии, собственный личностный потенциал, свои ресурсы и резервы, которые они могут реализовывать, развивать, использовать в рамках выбранной профессии, что может привести к определенным сложностям в процессе профессионального обучения и воспитания.

Ранняя диагностика профессиональной пригодности частично может помочь обучающемуся с разрешением проблемы осознания собственного потенциала и ресурсов, однако речь идет о постоянно развивающейся личности со сложно прогнозируемым ресурсом, к тому же обладающей психологическими компенсаторными механизмами. В рамках нашей работы представляет интерес выделенная А.К. Марковой «профессиональная компенсация – заменяемость недостаточного уровня развития одного профессионально-важного качества более высоким уровнем развития другого. Общими механизмами компенсации являются взаимозаменяемость, замещение недостающих психических качеств другими, более развитыми, более сохранными или перестраивание частично пригодных качеств, порой повышенное развитие выравнивающих качеств, вовлечение новых психических качеств, ранее не участвующих в деятельности. Кроме того, распространено выравнивание в профессиональной деятельности за счет выработки индивидуального стиля, то есть компенсация недостаточно выраженных способностей и качеств определенными способами деятельности» [3, с. 68].

Конечно, стоит отметить, что возможности профессиональной компенсации ограничены и часто не способны возместить отсутствие специфических профессиональных качеств (это относится к таким профессиям, как музыкант, танцор, художник и т. д.), но

при отборе на данные направления подготовки устраивают специальные вступительные испытания. Это требует от абитуриентов предварительной, порой очень длительной подготовки, что свидетельствует о наличии у них сформированного профессионального самосознания. Иначе дело обстоит с так называемыми массовыми и/или «модными» профессиями (специалисты в сфере торговли и услуг, менеджеры, экономисты и т. д.).

На наш взгляд, работа со студентами на этапе их вхождения в профессию должна быть направлена, в первую очередь, на саморефлексию личностных целей выбора профессии – профессиональное самосознание. Е.А. Энс высказал мнение о том, что «современный этап развития общества выявил много противоречий, связанных с профессиональной подготовкой будущих специалистов. Самое острое из них – это несоответствие реального уровня подготовки выпускника вуза той модели, которая описывает востребованного на рынке труда специалиста. Это касается как сформированности операционного звена профессиональной деятельности, так и наличия у выпускников вуза развитого профессионального самосознания, являющегося регулирующим инструментом профессионального развития» [4, с. 128]. Мы согласны с Е.А. Энс и считаем, что развитие личности студента посредством профессионализации и оказание помощи в становлении его профессионального самосознания являются одними из приоритетных задач профессиональной подготовки в вузе. Изучению данного феномена посвящено значительное количество научных работ, раскрывающих его сущность, структуру и динамику. Для удобства приведем некоторые трактовки данного понятия в табл. 1.

Анализ приведенных в табл. 1 определений позволил нам констатировать, что для формирования профессионального самосознания и принятия студентами личностной ценности будущей профессии следующим этапом их профессионализации должно стать осознание обучающимися личностного потенциала и имеющихся ресурсов, а также знание способов их применения и развития в рамках выбранной профессии. Безусловна необходимость ранней диагностики студентов с целью определения соответствия личностных особенностей выбираемой профессии.

Таблица 1

Определения профессионального самосознания

ФИО автора	Трактовка понятия «профессиональное самосознание»
Б.Д. Парыгин	Осознание человеком своей принадлежности к профессиональной группе
М.И. Кряхтунов	Процесс анализа человеком самого себя в рамках профессиональной деятельности
А.П. Шавир	Деятельность личности по осознанию своего собственного соответствия избранной профессии
М.С. Гуткина	Избирательная деятельность самосознания, направленная на собственное профессиональное самоопределение
С.В. Кошелева	Осознание и целостная оценка специалистом себя, процесса и результата своей профессиональной деятельности
Т.Н. Фам	Средство саморегуляции личности, выражающееся в осознании собственных психических особенностей, анализе себя как субъекта деятельности, осознании и оценке системы отношений

Однако, мы видим и новые задачи диагностики как инструмента профессионализации, позволяющего помочь активировать профессиональное самосознание и запустить процесс профессиональной компенсации студента, указывающего на актуальное состояние имеющихся ресурсов и обозначающего тем самым индивидуальное направление профессионального развития.

Многолетняя практика общения со студентами показывает их низкую осведомленность об особенностях предстоящих им личностно-профессиональных изменений, механизмах адаптации к ним, рекреативных и психогигиенических инструментах поддержания психологического и социального здоровья. Вместе с тем знания о потенциальных профессионально-личностных и социальных изменениях, ожидающих студентов в процессе профессионального становления и последующей профессиональной деятельности, могут помочь уточнить их представления о профессии и сформировать отношение к ней, проверить личностную готовность к этим изменениям, а также способствовать развитию профессионального самосознания. Понимание механизмов адаптации к профессии повышает вероятность успешности их профессиональной подготовки и дальнейшей деятельности, активизирует указанную выше профессиональную компенсацию.

Владение рекреативными и психогигиеническими инструментами восстановления и поддержания психологического и социального здоровья позволят создать студенту, как будущему профессионалу, психологически удобную, комфортную, безопасную среду как на рабочем месте, так и во внерабочем социальном пространстве, способствующую восстановлению психологического ресурса и,

как следствие, повышению продуктивности его профессиональной деятельности. Что, в свою очередь, также может способствовать улучшению социальной среды, в которой эта личность осуществляет свою деятельность.

Не вызывает сомнений тот факт, что профессиональные изменения личности оказывают глубинное влияние на всю ее структуру, они способны внести изменения в жизненный сценарий и скорректировать жизненный стиль. Однако эти изменения не гарантируют их позитивной трансформации, а нуждаются в целенаправленной осознанной субъективной работе с ними. «Жизненный сценарий является сложным структурным когнитивным образованием личности, определяющим способность планирования, конструирования и структурирования собственной жизни. Это – некая программа развития человека, на основе которой формируются соответствующие модели поведения. Направленность жизненных сценариев можно проследить путем анализа субъективно-значимых жизненных событий личности в сочетании с транслируемой моделью поведения. Наиболее значимым периодом формирования жизненного сценария выступает ранний этап развития личности, связанный с постановкой жизненных смыслов и цели» [5, с. 62]. Как следует из этого определения жизненного сценария, выбор профессии определяется в его рамках, однако не всегда содержит позитивную реализацию в ней.

В рамках нашей работы представляют интерес научные исследования К.А. Абульхановой-Славской, И.А. Мизиновой, З.И. Рябикиной, Й. Стюарта, К. Штайнера и других, подтверждающие вероятность изменения/коррекции раннего жизненного сценария посредством осознанной целенаправленной ра-

боты [6–9]. Также важно отметить мнение основоположника теории жизненного сценария Э. Берна о том, что наибольшее влияние на его изменение может оказать масштабное, значимое событие, на роль которого, по нашему мнению, подходит профессионализация [10]. Ведь именно профессионализация должна помочь человеку не только найти деятельность, удовлетворяющую его интересы и потребности, но и помочь осознать свою уникальность и значимость, попасть в среду, питающую и развивающую его как личность. То есть, как отмечалось в начале статьи, произвести серьезные изменения в социальной и личностной сфере человека.

Также важно, что целенаправленная личностно-осознанная студентами работа в направлении изучения и, при необходимости, коррекции собственного жизненного сценария может помочь им не только в вопросах, касающихся профессионализации, но и в психологическом взрослении и личностном развитии в целом.

Таким образом, мы обозначили круг проблем, связанных с имеющимися противоречиями в личностно-профессиональной адаптации первокурсников. Вместе с тем современное высшее образование стремится к большей стабилизации результатов, реализуя тенденцию к технологизации учебного процесса. «Дидактические идеи технологизации с учетом компетентностного подхода должны учитывать:

- гарантии достижения конечного результата;
- универсальность для любой образовательной организации, любого учебного предмета, любого педагога, любого обучающегося;
- проектирование технологической карты по каждому предмету на весь период обучения через систему микроцелей – компетенций;
- диагностичное целеполагание в категориях компетенций, определенных ООП;

- диагностику как констатацию достижения или недостижения обучающимся требований ООП на каждом этапе обучения;

- технологизацию как новые возможности целесообразного, объективного и достаточно четкого управления учебным процессом и его качеством по конечным результатам» [11, с. 102].

Обоснованная выше необходимость активации студента как субъекта образовательного процесса и наличие слабой на данный момент управляемости процессами его личностно-профессиональной трансформации и социализации при большой значимости этих процессов привели нас к идее создания технологии личностно-профессиональной адаптации первокурсников к профессии. Основными задачами данной технологии является помощь студентам в:

- понимании личностных особенностей, формировании умений использовать собственные ресурсы и резервы, а также в усвоении инструментов их рекреации;
- раскрытии психологического контекста выбора и дальнейшего развития в рамках профессии;
- предупреждении негативных последствий профессионализации (профессиональной деформации личности, возникновения синдрома эмоционального выгорания, развития трудоголизма);
- практическом приобретении умений и навыков психогигиены, использования рекреативных инструментов поддержания психологического и социального здоровья;
- укреплении или преобразовании, в зависимости от результатов диагностирования, позитивного жизненного сценария с учетом профессиональных особенностей.

Такое наполнение технологии делает ее относительно универсальной практически для всех направлений и уровней подготовки. Однако ее создание требует дальнейшей теоретической и практической разработки.

Список литературы

1. Цвык В.А. Профессионализация как социальный процесс // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4-5. С. 258-269.
2. Игтисамова Г.Р., Шабалин О.А. Концепция профессионального образования в современной отечественной науке // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4.
3. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд Знание, 2012. 312 с.

4. Эннс Е.А. Понятие профессионального самосознания в психологической науке // Психологические науки: теория и практика. М.: Буки-Веди, 2018. С. 127-129.
5. Мизина И.А. Жизненный сценарий личности: основные подходы к рассмотрению // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 59-64.
6. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
7. Рябикова З.И. Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
8. Стюарт Й., Джойнс В. Жизненный сценарий: как мы пишем историю своей жизни // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев), 2000. URL: <http://psylib.org.ua/books/stewj01/index.htm> (дата обращения: 04.06.2019).
9. Штайнер К. Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна. СПб.: Питер, 2003. 416 с.
10. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. М.: Прогресс, 1988. 400 с.
11. Бодичева Л.В. Технологизация образовательного процесса при реализации компетентностного подхода в обучении // Инновационные педагогические технологии. Казань: Бук, 2015. С. 101-103.

References

1. Tsvyk V.A. Professionalizatsiya kak sotsial'nyy protsess [Professionalisation as a social process]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*, 2003, no. 4-5, pp. 258-269. (In Russian).
2. Igtisamova G.R., Shabalin O.A. Kontseptsiya professional'nogo obrazovaniya v sovremennoy otechestvennoy nauke [Conception of professional education in the modern native science]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2012, no. 4. (In Russian).
3. Markova A.K. *Psikhologiya professionalizma* [Psychology of Professionalism]. Moscow, International Humanitarian Fund "Znaniye" Publ., 2012, 312 p. (In Russian).
4. Enns E.A. Ponyatiye professional'nogo samosoznaniya v psikhologicheskoy nauke [The concept of professional identity in psychological science]. *Psikhologicheskiye nauki: teoriya i praktika* [Psychological Sciences: Theory and Practice]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2018, pp. 127-129. (In Russian).
5. Mizinova I.A. Zhiznennyy stsenariy lichnosti: osnovnyye podkhody k rassmotreniyu [The vital script of the personality: the basic approaches to consideration]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, no. 4, pp. 59-64. (In Russian).
6. Abulkhanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni* [Life Strategy]. Moscow, Mysl' Publ., 1991, 299 p. (In Russian).
7. Ryabikina Z.I. *Sub'yekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [The Subject, Personality and Psychology of Human Being]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2001. (In Russian).
8. Stewart I., Joines V. Zhiznennyy stsenariy: kak my pishem istoriyu svoey zhizni [Life scenario: how we write our life story]. *Biblioteka Fonda sodeystviya razvitiyu psikhicheskoy kul'tury (Kiyev)* [Library of the Foundation for the Promotion of Mental Culture (Kiev)]. 2000. (In Russian). Available at: <http://psylib.org.ua/books/stewj01/index.htm> (accessed 04.06.2019).
9. Steiner C. *Stsenarii zhizni lyudey. Shkola Erika Berna* [Scripts People Life. Eric Berne's School]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003, 416 p. (In Russian).
10. Berne E. *Igry, v kotoryye igrayut lyudi: psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnosheniy. Lyudi, kotoryye igrayut v igry: psikhologiya chelovecheskoy sud'by*. [Games People Play: the Psychology of Human Relationships. People Who Play Games: the Psychology of Human Destiny]. Moscow, Progress Publ., 1988, 400 p. (In Russian).
11. Bodicheva L.V. Tekhnologizatsiya obrazovatel'nogo protsessa pri realizatsii kompetentnostnogo podkhoda v obuchenii [Technologization of the educational process in the implementation of the competency-based approach in teaching]. *Innovatsionnyye pedagogicheskiye tekhnologii* [Innovative Pedagogical Technologies]. Kazan, Buk Publ., 2015, pp. 101-103. (In Russian).

Информация об авторах

Шаршов Игорь Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и образовательных технологий. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: silans@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2844-0185>

Королева Анна Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и образовательных технологий. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: anna-valerevna@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, написание части текста и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3739-7991>

Прокудин Юрий Петрович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и образовательных технологий. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: prokudin68@mail.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0558-2786>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Шаршов Игорь Алексеевич
E-mail: silans@mail.ru

Поступила в редакцию 29.07.2019 г.
Поступила после рецензирования 14.08.2019 г.
Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the authors

Igor A. Sharshov, Doctor of Pedagogy, Professor of Pedagogy and Educational Technologies Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: silans@mail.ru

Contribution to the article: general concept of the article, manuscript text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2844-0185>

Anna V. Koroleva, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Pedagogy and Educational Technologies Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: anna-valerevna@mail.ru

Contribution to the article: literature analysis, manuscript drafting and design

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3739-7991>

Yuri P. Prokudin, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Pedagogy and Educational Technologies Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: prokudin68@mail.ru

Contribution to the article: source material acquisition, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0558-2786>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Igor A. Sharshov
E-mail: silans@mail.ru

Received 29 July 2019
Reviewed 14 August 2019
Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-14-20
УДК 378.4

Школа читательского самообразования как средство подготовки учителя к профессиональной деятельности

Галина Михайловна ПЕРВОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5777-2832>, e-mail: gmp47@yandex.ru

School of self-education reading as a mean of training teacher for professional activities

Galina M. PERVOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5777-2832>, e-mail: gmp47@yandex.ru

Аннотация. В Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина, на базе которого открыто региональное отделение Российской Ассоциации Чтения (руководитель местного отделения – доктор социологических наук, профессор ТГУ им. Г.Р. Державина Н.А. Стефановская), в течение нескольких лет реализуется актуальный проект «Школа читательского самообразования». Занятия в данной школе – необходимость для всех сотрудников вуза: проект удовлетворяет потребности учебной работы студентов, научно-исследовательской и педагогической практики аспирантов и преподавателей, а также интеллектуальные любительские запросы в освоении познавательной и художественной литературы всех желающих совершенствовать навыки чтения. Изложен опыт организации работы с читателями-студентами на кафедре теории и методики дошкольного и начального образования ТГУ им. Г.Р. Державина, раскрыты средства и методы читательской деятельности будущих педагогов, вопросы формирования круга чтения и читательских интересов. Особое внимание уделено исследованию по проблеме развития мотивации детского и подросткового чтения, что является одним из основных умений будущего учителя. Названы источники современного литературного образования студентов и их преподавателей. Выводы связаны с преобразованием учебного чтения в процесс повышения читательской культуры на всех уровнях читательской деятельности.

Ключевые слова: читательская деятельность; детское чтение; профессиональное чтение

Для цитирования: Первова Г.М. Школа читательского самообразования как средство подготовки учителя к профессиональной деятельности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 14-20. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-14-20

Abstract. At the Derzhavin Tambov State University, on the basis of which the regional branch of the Russian Reading Association was opened (the head of the local branch is Doctor of Sociology, professor of Derzhavin Tambov State University N.A. Stefanovskaya), relevant project “School of self-education reading” has been implemented for several years. Classes at this school are a necessity for all university employees: the project meets the needs of students’ academic work, research and pedagogical practice of graduate students and teachers, as well as intellectual amateur inquiries in the acquisition of cognitive and fiction literature for everyone who wants to improve reading skills. We disclose the experience of organizing work with student readers at the Theory and Methods of Pre-School and Elementary Education Department of Derzhavin Tambov State University. We reveal means and methods of reading activity of future teachers, the issues of reading circle formation and reader’s interests. We pay particular attention to the study of the motivation development of children and teenagers to read, which is one of the main skills of the future teach-

er. We name the sources of modern literary education of students and their teachers. The conclusions of the article are related to the transformation of educational reading into the process of improving the reading culture at all levels of reading.

Keywords: reading activity; child reading; professional reading

For citation: Pervova G.M. Shkola chitatel'skogo samoobrazovaniya kak sredstvo podgotovki uchitelya k professional'noy deyatel'nosti [School of self-education reading as a mean of training teacher for professional activities]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 14-20. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-14-20 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Активными участниками проекта «Школа читательского самообразования» являются будущие учителя начальных классов, осознающие личностную и профессиональную потребность в читательском самообразовании: им предстоит не только продемонстрировать ученикам навык правильного, беглого, сознательного и выразительного чтения, но и формировать названные качества у начинающих читателей. Более того, обучаясь профессии, они понимают, что будут организаторами и руководителями детского внеклассного и семейного чтения, почему и надо учиться образцово выполнять весь функционал читательской деятельности. Следует научиться ставить привлекательные для детей цели чтения, мотивировать эту деятельность, рекомендовать доступные детские книги, обучить читательским умениям работать с книгой и текстом.

В литературном клубе педагогов и на занятиях по курсу «Основы читательской культуры» студенты проникаются значимостью выдвинутых задач по формированию философского отношения к чтению: «Чтение – это жизнехранящая функция культуры... технология интеллектуального воспроизводства в обществе... коммуникативный посредник, живой диалог с современниками и ушедшими»¹.

Получив представления о возрастной классификации читателей (младшие, средние и старшие дошкольники, младшие школьники, подростки и юношество), студенты внимательно изучают труды специалистов из смежных с педагогикой областей: знакомятся с типами читателей, выделенными Л.И. Беляевой [1], С.А. Трубниковым [2], читают исторические труды Н.А. Рубакина, Г. Гессе [3], С.И. Поварнина [4], А.А. Гениса [5] и

других ученых и публицистов. Интерес вызывают самообследование и составление портрета читателя. Удастся осознанно отнестись к ранжированию читателей не всем студентам. Большинству из них, – а на факультете начальных классов учатся в основном девушки 17–22 лет, – импонирует облегченный вариант, предложенный Клубом любителей книг в Интернете: читатель-невежа, человек действия, чувствительная барышня, идейный мыслитель, формалист-эстет и идеальный читатель.

Когда начинается практикум по анализу литературных произведений, большинство реципиентов интерпретируют текст в рамках авторской концепции (80 %), а для остальной части студенток предложенный текст становится поводом к собственному фантазированию. Такое обстоятельство позволяет разделить читателей на экстравертов и интровертов, нацеленных на сотворчество и на творческих читателей. Выстраивается индивидуальная стратегия развития читательской культуры каждого студента.

Весьма способствуют точной стратегии самозамеры читательских умений, выполняемые на первом курсе института. В заданиях к замерам предложены три типа текста: научно-популярный, публицистический и художественный. Студенты фиксируют результаты техники чтения, высчитывают коэффициент понимания при ответах на вопросы по тексту, участвуют в дискуссии и отмечают личные особенности коммуникации с автором и другими читателями. Выводы по данному самообследованию становятся базой индивидуальной программы читательского развития. Традиционными являются сочинения по теме «Я – читатель» на первом и выпускном курсах, и их сравнительный анализ позволяет судить о степени эффективности проделанной за четыре года работы по совершенствованию портрета читателя.

¹ Homo legens: Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929–1995). М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 47.

В педагогическую подготовку будущих учителей важно включить не только средства собственного совершенствования как читателя, но и факторы профессиональных умений по обучению подрастающего поколения дошкольников и школьников качественному слушанию и чтению. Для этого обсуждаются причины кризиса чтения, отношение к книгам и статус чтения, репертуар современного чтения, жанрово-тематические предпочтения и целевые установки чтения читателей разных возрастных групп. Большое внимание уделяется умению педагога предъявить стимулы, сформировать мотивацию чтения у детей.

В частности, студенты понимают, что роль книги, соотношение целей и мотивов чтения обязательно должны прогрессировать, а не быть одинаковыми именно в первое десятилетие жизни ребенка, когда закладываются полезные привычки, к которым относится и чтение. В ясельном возрасте важны оригинальные дизайнерские типы книг, привлекающие прежде всего внетекстовой информацией: картинные, звуковые книжки, панорамные ширмочки, книжки-игрушки. Средние дошкольники осваивают деятельностный тип детской книги: книги – театр, игры, раскраски, рассказы, самоделки и т. п. Старшие дошкольники приучаются слушать и рассматривать классические книги, созданные специально для детей лучшими писателями и иллюстраторами [6].

Круг чтения младших школьников подчиняется учебно-воспитательным задачам, выработанным государством в виде ФГОС НОО, педагогической наукой, советами библиотекарей и родителей. Необходимо соблюдать ряд законов формирования библиотечки для данного возраста: закон возрастных ограничений, возрастных соответствий, возрастной перспективы, закон содержательного пятилетия и жанрово-тематического разнообразия. По тематическому, жанровому и монографическому принципу структурированы многие хрестоматии для детского чтения, в другие заложены историко-литературные, теоретико-литературные, сезонные, географические и чаще всего проблемно-тематические принципы [7].

В учебных заведениях нашей столицы активно используются достижения московской научной школы методистов детского

чтения под руководством Н.Н. Светловской при Московском городском педагогическом университете. В соответствии с теорией формирования у младших школьников типа правильной читательской деятельности и читательской самостоятельности Н.Н. Светловской специалистами начального чтения разработана Библиотечка младшего школьника. В 1 классе используется такой объем и арсенал детских произведений, который учитывает особенности периода обучения грамоте и рассчитан на инициативу учителя. Со 2 класса каждый ребенок овладевает методом чтения-рассматривания тщательно подобранных детских книг. В 3 и 4 классах программное чтение дополняется качественными рекомендациями для самостоятельного внеклассного чтения и чтения по собственному выбору, активно осваивается метод чтения-общения [8].

Теория и практика формирования читательской самостоятельности школьников широко распространяется и в нашем регионе. На основе научных постулатов ТФЧС студенты и аспиранты кафедры провели исследование по формированию мотивации чтения.

Устанавливая причины, по которым у детей не сформирована привычка ежедневно читать, мы пришли к выводу об отсутствии у педагога умения дифференцировать и менять цели и мотивы чтения. На 1–2 году жизни мотива обращения к книге у ребенка нет, книга – сложный предмет культуры, с которым работает взрослый. Цель обращения к книге привносится воспитателем: ввести этот предмет культуры в развивающую среду. На 3–4 году жизни мотив зарождается, так как книга становится организатором досуга, игр, занятий. Цель становится предметной, так как книгу дают ребенку в руки для детской деятельности – рассматривания, раскрашивания, запоминания, игры, озвучивания роли героя и т. д.

В старшем дошкольном возрасте (5–6 лет) цель по-прежнему формулируется взрослыми, но начинает осознаваться детьми: получить эмоциональное впечатление, испытать удовольствие, представить картины образов мира, запомнить понравившийся оборот речи. Рождается активный или пассивный интерес к книге, которая остается в основном предметом деятельности взрослых, но привлекает как средство общения ребенка с чи-

тающим взрослым. Мотив в этот период ситуативен, он зависит от действий воспитателя, от качества и «нужности» избранной для чтения книги.

Переломным и решительно опасным становится в жизни ребенка 1 класс. Цель выступает в виде требования овладеть книгой как инструментом чтения. Учимся любить книгу заново – в собственном чтении, что весьма проблематично. Учитель в этот период обязан поддерживать любовь к книге своим участием, организацией слушания-рассматривания книг. Мотивы обращения к книге, даже если она художественная, а не букварь, осознаются детьми как учебные. Опрос первоклассников показал типовые представления: «все учатся читать, и я должен», «чтобы учиться в школе, надо уметь читать», «не хочу читать, но надо», «чтение – это наш труд, учеба». У наиболее развитых детей к учебной мотивации присоединяется и познавательная цель: «хочу много знать».

Во 2 и 3 классе мотивы для чтения накапливаются и становятся устойчивыми, при условии, что педагог убедил обучающихся в новой цели: учимся читать книги самостоятельно и для себя. Ставим перед собой цели: узнавать мир (не менее пяти миров: мир детства, окружающей среды, природы, социальный мир и виртуальный или фантастический), узнавать авторов, новые темы, жанры, других людей и себя в том числе; познавать себя как читателя. При правильно подобранной библиотечке книга начинает восприниматься как полифункциональный предмет, расширяется и мотивация чтения, в силу вступают познавательные, развивающие, воспитательные, литературные, личностные мотивы. Внешние мотивы (желание хорошо учиться, получать высокие оценки, чтобы не ругали или отстали с просьбами и приказами читать) хоть и сохраняют свою силу, но обязаны стать менее престижными, чем внутренний тип мотивации.

Чтобы проверить наличие внутренних мотивов, студенты провели анкетирование среди учащихся 2 и 3 классов. В анкете содержалось два вопроса: 1) Любите ли вы читать? Подчеркните нужное слово: да, нет, не очень, иногда; 2) Почему вы читаете?

Ответ на первый вопрос был, наверное, не совсем объективным, так как 52 опрошенных школьника подчеркнули «да» и только

четверо согласились признаться: «иногда» или «не очень». Дети хотят, чтобы о них думали положительно. Ответы на второй вопрос удивили студентов разнообразием, а нам рассказали о правильной работе опытных учителей. Второклассники писали: «хочу больше знать; хочу что-нибудь умное запомнить, выписать в тетрадь; чтобы быть грамотным; чтобы развивалась речь; когда читаешь, узнаешь, кто хороший, кто плохой; нравится книга». Третьеклассники порадовали ответами более всего: они сообщали о разных источниках чтения, о том, что любят ходить в библиотеку, о том, что у писателей можно учиться хорошей речи. «Когда я читаю, то становлюсь лучше» – этот ответ стал победителем мотивов. Дети перечислили те качества, которые в свое время С. Маршак находил у «талантливых читателей»: работает воображение, хочется думать и мечтать, увеличивается словарь, хочется сочувствовать людям; хочется научиться так же красиво сочинять стихи и сказки, как это делают писатели.

Нами было констатировано, что в 4 классе цели, сформулированные ранее учителями, становятся установками личности учеников. В выпускном начальном классе детям стало важно благодаря чтению общение с новыми людьми, решение личностных, жизненно важных проблем, приобретение человеческого опыта. Мотивы общественно значимые совмещаются с мотивами саморазвития, развивается личностная мотивация, происходит интериоризация читательских желаний. В итоге читательская деятельность приобретает личностный смысл, а книги воспринимаются как собеседники. Появляется способность без побуждения и принуждения извне выбирать, читать и понимать нужные данной личности книги, то есть читательская самостоятельность младших школьников-подростков.

Таким образом, мотивация чтения развивается поэтапно: отсутствует в младенчестве, обнаруживается при встрече с книгами, при выразительном чтении взрослых, опредмечивается из-за любопытства, тяги к действию, рождается (не рождается) в читательском общении со взрослыми, проявляется в виде интереса к книге, к процессу чтения, стабилизируется в отношении определенных жанров и тем, развивается в обучении, расширя-

ется, преобразуется в личностный смысл читательской деятельности, в цель чтения. Цели по времени опережают формирование мотивов и ведут их за собой. К концу обучения в начальных классах мотивы и цели объединяются, сливаются, взаимодействуют. «Так, до десяти лет ребенок проходит путь становления самостоятельного читателя, при условии ежегодной динамики мотивов, углубления концепций восприятия детских книг и развития целей чтения от общественно значимых до личностно необходимых» [9, с. 41].

Представив схему движения целей и мотивов навстречу друг другу, поняв, что цель – это осознанный образ достигаемого результата, закодированный в мозгу образ потребности, который направляет действия не только ребенка, но и взрослого читателя, влияет на его намерения, студенты как участники школы читательского самообразования начинают ставить цели чтения сами перед собой, без подсказки преподавателя, при этом уже испытывают потребность обсудить в группе систему мотивов чтения, рекомендуют друг другу книги, спрашивают совета у сотрудников университетской библиотеки. Так начинается истинное самообразование – не через призывы читать, а через внутреннюю потребность: чтение классики и беллетристики – для духовных целей, а чтение учебной и научной литературы – для образовательных нужд.

В проектировании читательской деятельности важное место занимает знание о разных способах читательских действий, начиная с умения составить представление о книге благодаря ее справочному аппарату. Студенты-педагоги осваивают запись библиографической карточки, аннотирование детских книг, составление рекомендательных отзывов и презентаций. Большое количество времени отводится полному и частичному литературоведческому анализу произведений, интерпретации прочитанных текстов, любимых детских книг, заучиванию крылатых выражений, обсуждению литературных событий, сочинениям-рассуждениям.

Тесная связь с библиотекой позволяет студентам участвовать в разного рода книжных праздниках, отмечать День поэзии, Международный день детской книги 2 апреля, присоединяться к Всероссийским чтениям классики (например, в феврале 2017 г. чита-

ли пушкинского «Евгения Онегина»). Организуются очные и заочные встречи с писателями. Ежегодно отмечаются юбилейные даты писателей: в 2019 году отмечаем 250 лет со дня рождения И.А. Крылова и 220 лет со дня рождения А.С. Пушкина. Студенты, преподаватели, библиотечные работники составляют выставку книг юбиляра, вспоминают факты биографии, а самое главное – читают по памяти и по книге тексты классиков литературы. В конце каждого учебного года проходят среди педагогов конкурсы выразительного чтения, в которых участвуют не лучшие чтецы, а каждый студент – будущий учитель и воспитатель.

В литературном клубе педагогов «НЛО» (аббревиатуру обязаны расшифровать участники клуба) студентов привлекает обсуждение содержания современной «Литературной газеты», отечественной и зарубежной литературы. В частности, весьма активно дискутировались книги П. Санаева «Похороните меня за плинтусом», А. Иванова «Географ глобус пропил», романы З. Прилепина, В. Пелевина, Е. Водолазкина, стихотворная миниатюра Н. Матвеевой «Три измерения» («Есть женские стихи, есть дамские, есть бабьи...») и др. Большой интерес вызвала статья специалиста Ю. Щербининой «Дженсен Эклз как лицо российской фантастики. О моде в книжном дизайне» [10] о новых идеях в оформлении современных книг, о смене критериев в оценке их внешнего устройства. На кафедре есть и свои творцы слова: самиздатом печатается журнал «Зеленые ростки».

Актуальны для настоящего литературного образования студентов и преподавателей телевизионные передачи «Игра в бисер» (ведущий – доктор наук И.Л. Волгин) и «Открытая книга» (ведущий – писатель С.А. Шаргунов), так как это профессиональный источник знакомства с произведениями и авторами, возможность увидеть мастеров пера и услышать их мнение, их анализ художественных текстов, узнать лауреатов литературных премий, книжные новинки, по-новому оценить известные произведения.

Внеаудиторная читательская деятельность студентов тесно связана с учебным семинаром «Литературно-методическая подготовка педагогов», на котором осваиваются закономерности ознакомления младших школьников с детской литературой. Важную

роль играет заключительный курс «Теория литературы и практика читательской деятельности» на четвертом году обучения бакалавров. Педагоги осваивают комплексный анализ текста, тесно увязывая теорию и практику чтения.

Чтение – это долгосрочная образовательная программа, так как умение читать с листа и с экрана, читать художественные и

нехудожественные тексты надо развивать и преобразовывать в читательскую культуру постоянно. На кафедре теории и методики дошкольного и начального образования Тамбовского госуниверситета уже написано несколько диссертаций по чтению, однако рождаются все новые проблемы, требующие активности молодых и успешных читателей нового времени.

Список литературы

1. Беляева Л.И. К вопросу о типологии читателей // Проблемы социологии и психологии чтения: сб. науч. тр. М., 1975. С. 143-162.
2. Трубников С.А. Типология читателей художественной литературы. М.: МГИК, 1978.
3. Гессе Г. О чтении книг. 1920. URL: www.hesse.ru/books/story/?story=40 (дата обращения: 07.02.2019).
4. Поварнин С.И. Как читать книги. М.: Изд. дом «Книга», 1970.
5. Генис А.А. Уроки чтения. Камасутра книжника. М.: Изд-во АСТ, 2013.
6. Первова Г.М. Формирование библиотечки детского сада // Практика управления ДОУ. 2015. № 1. С. 28-37.
7. Первова Г.М. Законы формирования круга детского чтения // Начальная школа. 2015. № 1. С. 17-21.
8. Светловская Н.Н., Пиче-оол Т.С. Наука становления личности средствами чтения-общения. М.: Экон-Информ, 2011. С. 52-55.
9. Первова Г.М. Формирование и развитие мотивации чтения // Начальная школа. 2009. № 9. С. 37-42.
10. Щербинина Ю. Дженсен Эклз как лицо российской фантастики. О моде в книжном дизайне // Нева. 2016. № 2. С. 193-202.

References

1. Belyayeva L.I. K voprosu o tipologii chitateley [On the issue of readers typology]. *Problemy sotsiologii i psikhologii chteniya* [Problems of Sociology and Psychology of Reading]. Moscow, 1975, pp. 143-162. (In Russian).
2. Trubnikov S.A. *Tipologiya chitateley khudozhestvennoy literatury* [Fiction Readers Typology]. Moscow, Moscow State University of Culture and Arts Publ., 1978. (In Russian).
3. Gesse G. *O chtenii knig. 1920* [On Reading Books, 1920]. (In Russian). Available at: www.hesse.ru/books/story/?story=40 (accessed 07.02.2019).
4. Povarnin S.I. *Kak chitat' knigi* [How to Read Books]. Moscow, Publishing House "Kniga", 1970. (In Russian).
5. Genis A.A. *Uroki chteniya. Kamasutra knizhnika* [Reading Lessons. Kamasutra of Bibliognost]. Moscow, AST Publ., 2013. (In Russian).
6. Pervova G.M. Formirovaniye bibliotekhki detskogo sada [Formation of kindergarten library]. *Praktika upravleniya DOU* [Pre-School Educational Facility Management Practice], 2015, no. 1, pp. 28-37. (In Russian).
7. Pervova G.M. Zakony formirovaniya kruga detskogo chteniya [Laws of formation of children reading circle]. *Nachal'naya shkola – Elementary School*, 2015, no. 1, pp. 17-21. (In Russian).
8. Svetlovskaya N.N., Piche-ool T.S. *Nauka stanovleniya lichnosti sredstvami chteniya-obshcheniya* [The science of personality formation by means of reading and communication]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2011, pp. 52-55. (In Russian).
9. Pervova G.M. Formirovaniye i razvitiye motivatsii chteniya [Formation and development of reading motivation]. *Nachal'naya shkola – Elementary School*, 2009, no. 9, pp. 37-42. (In Russian).
10. Shcherbinina Y. Dzhensen Eklz kak litso rossiyskoy fantastiki. O mode v knizhnom dizayne [Jensen Ackles as the face of Russian fiction. On fashion in book design]. *Neva*, 2016, no. 2, pp. 193-202. (In Russian).

Информация об авторе

Первова Галина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики дошкольного и начального образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: gmp47@yandex.ru

Вклад в статью: идея, сбор данных, анализ полученных результатов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5777-2832>

Поступила в редакцию 14.03.2019 г.

Поступила после рецензирования 04.04.2019 г.

Принята к публикации 28.06.2019 г.

Information about the author

Galina M. Pervova, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Theory and Methods of Pre-School and Elementary Education Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: gmp47@yandex.ru

Contribution: idea, data acquisition, obtained results analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5777-2832>

Received 14 March 2019

Reviewed 4 April 2019

Accepted for press 28 June 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-21-31
УДК 930.8

Организационно-педагогические условия обучения письменному академическому дискурсу студентов магистратуры

Иван Сергеевич ДРОНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1685-4313>, e-mail: damon_gray@mail.ru

Organizational and pedagogical conditions of master students teaching written academic discourse

Ivan S. DRONOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1685-4313>, e-mail: damon_gray@mail.ru

Аннотация. Современная тенденция интенсивного развития высшего образования при помощи инновационных подходов систематизации обуславливает необходимость создания системы организационно-педагогических условий для достижения максимального эффекта обучения иностранному языку. Дано авторское определение данной системы в качестве совокупно связанных между собой компонентов, необходимых для формирования навыков письменного академического дискурса. Данная система включает в себя следующие компоненты (условия): а) мотивацию; б) сформированность у студентов и преподавателей лингвокомпьютерной компетенции; в) уровень владения языком у студентов и преподавателей не ниже уровня C1 по Общеввропейским компетенциям владения языком; г) реализацию технологии «Обучение в сотрудничестве»; д) сочетание видов аудиторной и внеаудиторной форм работы. Отмечена общность методических функций различных видов самостоятельной внеаудиторной работы и умений письменного академического дискурса и разработан перечень видов внеаудиторной формы работы и развиваемых с их помощью умений письменного академического дискурса: написание эссе по заданной тематике, составление Curriculum Vitae, написание реферата, написание рецензии на прочитанное произведение, написание текста выступления на научной конференции, написание научной статьи, оформление заявки на участие в научном мероприятии, написание аннотации к научной статье, написание доклада, написание текста к стендовому докладу. Также предложено авторское определение термина «лингвокомпьютерная компетенция», которое трактуется как набор языковых компетенций и навыков владения современными информационно-коммуникационными технологиями, необходимыми для овладения коммуникативными умениями в изучении иностранного языка.

Ключевые слова: организационно-педагогические условия; лингвокомпьютерная компетенция; письменный академический дискурс; обучение иностранному языку; иноязычная коммуникативная компетенция

Для цитирования: Дронов И.С. Организационно-педагогические условия обучения письменному академическому дискурсу студентов магистратуры // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 21-31. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-21-31

Abstract. The higher education intensive development current trend with the help of innovative approaches to systematization necessitates the creation of system organizational and pedagogical conditions to achieve the maximum effect of foreign language teaching. In this paper we give the author's definition of this system as a set of interconnected components necessary for the formation of written academic discourse skills. This system includes the following components (condi-

tions): a) motivation; b) formedness of the students and teachers linguistic and computer competence; c) the language proficiency of students and teachers which is not below the C1 level on the common European of reference for language proficiency; d) the implementation of the technology "Learning in cooperation"; e) combination of classroom and extracurricular forms of work. We note the commonality of the methodological functions of the various types of self extracurricular work and skills in writing academic discourse, and develop a list of types of extracurricular forms of work and develop with them the skills of written academic discourse: writing an essay on a given topic, composing a Curriculum Vitae, writing an structural abstract, writing review of the work read, writing essays on writing speech given at scientific conferences, writing scientific papers, applications for participation in scientific events, the abstract writing for scientific article, writing report, writing poster presentation. We also propose a definition of the term "linguistic and computer competence", which is interpreted as the set of language competencies and skills of modern information and communication technologies necessary for mastering of communicative skills in learning a foreign language.

Keywords: organizational and pedagogical conditions; linguistic and computer competence; written academic discourse; foreign language teaching; foreign language communicative competence

For citation: Dronov I.S. Organizatsionno-pedagogicheskiye usloviya obucheniya pis'mennomu akademicheskomu diskursu studentov magistratury [Organizational and pedagogical conditions of master students teaching written academic discourse]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 21-31. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-21-31 (In Russian, Abstr. in Engl.)

АКТУАЛЬНОСТЬ

Динамично развивающаяся в сторону общей цифровизации система современного высшего образования обладает рядом перспективных направлений, одним из которых является интеграция интернет-технологий в образовательный процесс. При всем многообразии ее составных элементов блог учебной группы в качестве одного из подвидов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) представляется нам наиболее удобной площадкой для дальнейшей информатизации. Современные тенденции образования требуют не только способности максимально оптимизировать процесс трансляции научного знания, но и динамично реагировать на изменения в потребностях социума. Так, на данный момент именно взаимодействие сети Интернет, представленной различными площадками, с процессом обучения иностранному языку является одним из самых актуальных направлений развития. Главная цель этого симбиоза: формирование иноязычной коммуникативной компетенции во всем многообразии ее компонентов – лингвистического, речевого (дискурсивного), социокультурного, компенсаторного, учебно-познавательного [1]. Однако для успешного ее формирования необходимо определить необходимое количество организационно-педагогических условий. Сами условия за-

частую определяются в качестве факторов, условий, причин и обстоятельств, напрямую оказывающих влияние на тот или иной вид деятельности. С позиции педагогики и в контексте нашего научного исследования мы предлагаем считать организационно-педагогические условия *системой совокупно связанных между собой компонентов, необходимых для формирования навыков письменного академического дискурса*.

Первое условие. Мотивация студентов к изучению иностранного языка.

Одним из наиболее важных условий, необходимых для формирования навыков письменного академического дискурса, представляется мотивация. Именно ее наличие у студентов обуславливает направленную активность научно-познавательной деятельности. В самом широком смысле *мотивация* имеет внушительный ряд определений, так как и по настоящее время представлен научный интерес у исследователей. Первым, кто применил данный термин, был немецкий философ А. Шопенгауэр в статье «Четыре принципа достаточной причины». По его мнению, «закон мотивации» представляется в качестве основы для объяснения любого вида деятельности человека – совершения поступка, его понимания и мотива, четко им осознаваемого. Идея исследователя была многократно актуализирована, изучена и описана во внушительном количестве работ.

Однако наиболее наглядно и общедоступно, на наш взгляд, его идеи были развиты в «Пирамиде потребностей» А. Маслоу. По мысли американского ученого, спектр человеческих потребностей весьма широк и многогранен, но может быть редуцирован до пяти базовых направлений. Нижние 1-й и 2-й уровни пирамиды отражают атрибутивные потребности людей в первоочередном каждодневном использовании пищевых ресурсов, обеспечении местом жительства и одеждой, которые должны быть защищены от природных и социальных опасностей (пожаров, наводнений, грабежа, насилия и т. д.). Над ними расположены 3-й уровень выбора индивидом принадлежности к определенной социальной группе, то есть к выбору профессии, виду трудовой деятельности, образу жизни; 4-й уровень оценки успешности деятельности индивида, признания его заслуг обществом и 5-й топовый уровень самореализации заветной цели (мечты) индивида как вершины удовлетворения его эго [2].

Мотивация в данном случае обладает функционалом инструмента для осуществления (реализации) потребностей личности, абстрагируясь от свойств импульса или призыва к действию. Что и является пиковой точкой в иерархической пирамиде потребностей – самоактуализация личности.

Среди корпуса отечественных исследователей подходы к определению термина также нашли свое живое обсуждение в научной литературе. Так, например, О.С. Виханский считает, что «мотивация – это совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности и придают этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей» [3, с. 133]. В данной дефиниции термина ученый определяет мотивацию в схожем с А. Маслоу ключе – инструментом достижения поставленной задачи. Однако аспект самореализации в данном случае опускается. В свою очередь, А.Я. Кибанов рассматривает мотивацию как «внутреннее состояние человека, связанное с потребностями, которые активизируют, стимулируют и направляют его действия к поставленной цели» [4, с. 62]. Исследователь разделяет взгляды ученых, но актуализирует мысль в ключе реализации личности и ее потребностей. В свою очередь, Э.А. Уткин дает

следующую дефиницию термина – «состояние личности, определяющее степень активности и направленность действий человека в конкретной ситуации» [5, с. 31]. То есть импульс мотивации может быть ситуативно задан – в том числе в контексте определенного акта коммуникации. Р.А. Фатхутдинов указывает на управленческую функцию мотивации, определяя ее в качестве «функция управления, процесс побуждения индивидуума к деятельности для достижения целей организации и/или многих целей» [6, с. 129]. Ученый разделяет точки зрения своих коллег по части достижения поставленных целей, но акцентирует внимание на мотивации как на инструменте управления.

Анализ приведенных выше определений позволяет нам сделать вывод, что с позиции психологии мотивация представляется как:

- единая система факторов и условий, определяющих направленность деятельности человека;
- процесс и результат формирования мотивов, характеризующих активность человека на определенном уровне;
- инструмент реализации человеком поставленной внешними и внутренними факторами цели.

Нас интересует именно педагогический аспект мотивации в обучении иностранному языку. Приведем ряд определений, данных учеными, для лучшего осмысления одного из психолого-педагогических условий обучения письменному академическому дискурсу.

Так, И.А. Зимняя считает, что «мотив – это то, что объясняет характер данного речевого действия, тогда как коммуникативное намерение выражает то, какую коммуникативную цель преследует говорящий, планируя ту или иную форму воздействия на слушающего» [7, с. 130-134]. Исследователь берет за основу своего определения акт коммуникации, в котором конечной целью будет являться развитие коммуникативных навыков. Также акцент расставлен именно на взаимодействии между двумя участниками процесса, что, в свою очередь, можно считать трансляцией научного знания. А.Н. Леонтьев же считает, что мотивация является внутренним импульсом самого обучающегося – его внутренним желанием и стремлением развить в себе новые умения. «Реально его побуждают учиться другие мотивы: мо-

жет быть, он просто хочет научиться читать, писать и считать», – пишет ученый [8, с. 379]. С позиции педагогической психологии определение, данное исследователем, разделяет взгляды большинства ученых по части внутренних импульсов, исходящих от самих обучающихся. В свою очередь, С.Л. Рубинштейн в своем научном исследовании отмечает следующее: «Всякое действие исходит из мотива, то есть побуждающего к действию переживания чего-то значимого, что придает данному действию смысл для индивида» [9, с. 111]. В данном определении ученый акцентирует внимание на поставленной самим индивидом цели – изучении иностранного языка. Мотивом к действию выступает внутреннее стремление, а целью – формирование иноязычной коммуникативной компетенции.

Также стоит отметить, что в большинстве своем ученые в своих исследованиях сходятся во мнении, что мотивация учебной деятельности дифференцируется на *внешнюю* и *внутреннюю*. В первом случае речь идет о социальных факторах. Они обусловлены мотивационной средой, в которой находится человек. Ситуативно она может быть взаимосвязана с чувством личной ответственности перед кем-либо. Зачастую цель обучения представляется размытой и дистантной – индивид определяет ее не только на основе своих личных желаний, но потребностей общества. Например, «я хочу изучать иностранный язык, потому что он сейчас востребован в обществе». Несмотря на условную абстрактность поставленной цели, ее стимулирующее воздействие на процесс обучения иностранному языку остается довольно сильным.

Говоря же о втором типе мотивации, стоит отметить его тесную взаимосвязь с первым. Внутренняя мотивация напрямую зависит от сферы деятельности образовательного процесса – то есть выступает своего рода катализатором. Личные мотивы, цели и стремления студента определяют качество познавательной деятельности и эффективность процесса обучения. Внешняя мотивация, в свою очередь, выступает своеобразной стратегией этого долговременного процесса и напрямую зависит от мотивационной сферы, которая, в свою очередь, взаимодействует с социумом и динамически реагирует на изменение потребностей его представителей.

Заявленное организационно-педагогическое условие обуславливает необходимость мотивационного компонента в обучении иностранному языку, реализуемое в качестве удовлетворения познавательных интересов студентов, ориентации учебного процесса на развитие самостоятельности, формирования чувства ответственности студента за результаты своей деятельности и т. д.

Второе условие. *Сформированность у студентов и преподавателей лингвокомпьютерной компетенции.*

Технологический прогресс и цифровизация большинства современных образовательных процессов требует актуальных методов взаимодействия с ИКТ. Корпусом исследователей перечень данного вида умений определяется в качестве информационной компетенции. Однако с позиции обучения иностранному языку более правильным будет использовать термин *лингвокомпьютерная компетенция*. Для более четкой корреляции между двумя понятиями проведем анализ некоторых определений, данных отечественными исследователями.

Так, Е.В. Беляева пишет, что информационная компетенция включает в себя следующие навыки: «работа с информацией, представленной в электронном виде, знание и умение использовать рациональные методы поиска и хранения информации, умение представлять информацию в Интернет, владение современными средствами коммуникации (электронная почта, «разговорные программы» и др.), способность создавать собственные информационные ресурсы (презентации, веб-страницы и т. п.)» [10]. В своем подходе к определению исследователь не разделяет информационную компетенцию на уровни (базовый, технологический и практический (профессиональный), а ограничивается общим перечислением навыков.

В свою очередь, И.А. Зимняя предлагает считать информационную компетенцию как «составляющую профессиональной компетентности, которая включает: прием, переработку, выдачу информации; преобразование информации (чтение, конспектирование), массмедийные, мультимедийные технологии, компьютерную грамотность; владение электронной, интернет-технологией» [11]. В данном случае автор указывает на практический

уровень использования навыков в той или иной сфере деятельности.

Также П.В. Сысоев и М.Н. Евстигнеев в своем научном исследовании дают следующее определение информационной компетенции – «способность использовать широкий диапазон информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения иностранному языку и культуре страны изучаемого языка» [12, с. 99]. Авторы связывают развитие ИКТ с процессом обучения иностранному языку, тем самым акцентируя внимание на его дальнейшей оптимизации.

В контексте данного научного исследования нас интересует именно практическое использование технологий в обучении иностранному языку. И, на наш взгляд, именно определение П.В. Сысоева и М.Н. Евстигнеева наиболее полно отражает суть информационной компетенции. Анализ представленных дефиниций позволяет сделать вывод, что, в большинстве своем, под информационной компетенцией ученые понимают набор навыков, связанных с использованием современных средств информационно-коммуникационных технологий и нацеленный на достижение цели коммуникации в необходимой сфере деятельности. В данном случае лингвокомпьютерная компетенция представляется в более узком смысле, так как поле ее использования сужается до обучения иностранному языку.

Можно провести прямую связь с иноязычной коммуникативной компетенцией (ИКК) ввиду общности поставленных целей. А именно – развитие навыков, необходимых для овладения иностранным языком. По этой причине термин лингвокомпьютерной компетенции приобретает дополнительную приставку – *иноязычная*. Термин (ИЛК) определяется Н.В. Поповой как «умение и готовность обучающихся использовать электронные ресурсы для дальнейшего совершенствования своих знаний иностранного языка и для постижения своей профессиональной и научной сферы за счет работы с материалами на иностранном языке» [13, с. 108]. Ученый расставляет необходимый акцент именно на изучении иностранного языка и дальнейшего развития необходимых компетенций при помощи современных ресурсов сети Интернет.

Однако, на наш взгляд, данное определение недостаточно полно раскрывает суть

термина. Проведя анализ существующих понятий и определений, мы предлагаем понимать под **лингвокомпьютерной компетенцией** – *набор языковых компетенций и навыков владения современными информационно-коммуникационными технологиями, необходимыми для овладения коммуникативными умениями в изучении иностранного языка.*

Сформированность ЛКК у обоих участников процесса обучения представляется еще одним из организационно-педагогических условий обучения письменному академическому дискурсу. Участниками процесса выступают студент и преподаватель.

Третье условие. *Уровень владения языком у студентов и преподавателей не ниже уровня C1 по Общеввропейским компетенциям владения языком.*

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования (ФГОС ВО), уровень владения иностранным языком у обучающихся в магистратуре должен находиться на отметке C1 или C2. Данное деление на уровни является общепринятой нормой, реализуемой на основе Общеввропейских компетенций владения иностранным языком. В табл. 1 представлены лингводидактические характеристики этих уровней.

Как известно из научного исследования П.В. Сысоева и О.О. Амерхановой, если «на уровнях A1–B1 в средней общеобразовательной школе и младших курсах вузов большее число умений письменной речи составляет академический дискурс, то на уровнях B2–C2 на старших курсах высших учебных заведений (магистратура и аспирантура) в идеале доминируют умения письменной речи, составляющие научный дискурс» [14, с. 155]. Авторы в своем исследовании акцентируют внимание не только на переходе от академического дискурса к научному, но и на уровне владения языком. Так как некоторые умения письменной речи не могут быть в полной мере освоены на уровнях B1 и B2.

Например, такое умение, как «написание реферата на заданную тему», может быть развито лишь при условии сформированности необходимых лексико-грамматических навыков, что на пороговом (B1) и продвинутом уровнях (B2) не представляется возможным. Уровни профессионального (C1) и со-

Таблица 1

Лингводидактические характеристики уровней C1–C2 владения языком

Уровень	Описание
C1 Уровень профессионального владения	Понимаю объемные сложные тексты на различную тематику, распознаю скрытое значение Говорю спонтанно в быстром темпе, не испытывая затруднений с подбором слов и выражений. Гибко и эффективно использую язык для общения в научной и профессиональной деятельности Могу создать точное, детальное, хорошо выстроенное сообщение на сложные темы, демонстрируя владение моделями организации текста, средствами связи и объединением его элементов
C2 Уровень владения в совершенстве	Понимаю практически любое устное или письменное сообщение, могу составить связный текст, опираясь на несколько устных и письменных источников Говорю спонтанно с высоким темпом и высокой степенью точности, подчеркивая оттенки значений даже в самых сложных случаях

вершенного (C2) владения языком позволяют студенту овладеть необходимым умением письменного академического дискурса. Так как процесс обучения представлен диадой «агент – клиент», то уровень владения языком обоих его участников должен быть максимально высоким. Кроме того, стоит отметить, что организационно-педагогическое условие владения языком на уровнях C1 и C2 также должно быть реализовано исключительно в предметной области – педагогика, юриспруденция, история и т. д.

Четвертое условие. *Реализация технологии «Обучение в сотрудничестве».*

Взаимодействие студентов в одной отдельной группе в процессе обучения представляется еще одним из организационно-педагогических условий обучения письменному академическому дискурсу. Предмет данного взаимодействия представлял интерес со стороны многих исследователей. Само же формирование идеи и последующее развитие технологии обучения в сотрудничестве было разработано рядом американских исследователей – Р. Славином из Университета Джона Хопкинса, Р. Джонсоном и Д. Джонсоном из Университета штата Миннесота, группой Э. Аронсона из Университета штата Калифорния.

По мнению ученых, главная идея технологии обучения в сотрудничестве заключалась в формировании условий для успешной

активации учебной деятельности. Так, ввиду разнящегося уровня владения языком некоторые обучающиеся, не справляясь с поставленными заданиями, теряли мотивацию к обучению. Так как мотивация является одним из важнейших организационно-педагогических условий, дальнейшее их соблюдение в процессе обучения становится невозможным, а следовательно, конечная цель не представляется возможной к достижению.

Учеными была разработана методика обучения в сотрудничестве, представленная в различных вариациях, но со схожей основной идеей, которая заключалась в формировании небольшой учебной группы. Уровень знания языка каждого ее участника может различаться, причем довольно существенно. Однако при определенном подборе в отдельной взятой группе эта разница нивелируется. Например, если группа из пяти человек будет представлена двумя участниками со знанием языка на уровне A2, одним с уровнем B1, одним с уровнем B2 и одним обучающимся с уровнем знания C1, то общее выполнение заданий приведет к улучшению имеющихся навыков у всех участников. Обучающиеся со слабым уровнем знания языка будут активно взаимодействовать с обучающимися, у которых уровень знания выше, тем самым повышая имеющиеся у них навыки. Всего же технология «обучения в сотрудничестве» представляется четырьмя различными вариантами:

- “Student team learning” (“STL”);
- “Jigsaw”;
- “Jigsaw-2”;
- “Learning together”.

В первом случае (“STL”) концепция строится на принципах взаимодействия обучающихся внутри группы, индивидуальной вовлеченности в общий результат и равных возможностях к выполнению поставленной задачи. То есть каждый участник группы, занимаясь решением самостоятельно им определенной задачи, привносит вклад в общую работу, в то же самое время формируя и развивая необходимые для этого навыки.

Во втором случае (“Jigsaw”) перед группами участников ставится общая задача по работе над материалом, который представлен фрагментарно. Каждому члену группы достается определенный фрагмент, который ему предстоит досконально освоить. Далее обучающиеся, изучавшие одинаковые фрагменты, принимают участие в дискуссии с представителями из других групп. Полученную информацию участник представляет по возвращению в свои группы. Обсуждение каждого отдельного фрагмента приводит к общему усвоению материала.

Третий вариант (“Jigsaw-2”) представляется усовершенствованной и частично видоизмененной формой второго. Вместо деления на фрагменты, вся группа получает один материал, но каждый участник работает над отдельно взятой темой. Обсуждение между участниками отдельных групп все еще имеет место. На финальном этапе преподаватель задает контрольные вопросы каждому из участников.

В четвертом случае (“Learning together”) группа получает одно большое задание, которое дифференцируется на более маленькие задания. Одна большая группа обучающихся подразделяется в свою очередь на подгруппы, работающие над усвоением общего материала. Базовые принципы технологии остаются – коллективная работа, взаимодействие студентов между собой и развитие необходимых навыков.

Среди отечественного корпуса исследователей идея обучения в сотрудничестве также нашла свое живое обсуждение. Так, например, по мнению Е.С. Полат, «если объединить учащихся, различающихся по уровню обученности, и дать им одно общее зада-

ние, определив роль каждого из них для совместной деятельности, то учащиеся оказываются в условиях, когда они отвечают за результат не только своей части работы, но и всей группы. В этой ситуации осуществляется взаимоконтроль, консультирование и обучение слабых учащихся их товарищами, более глубокое осмысление материала сильными учащимися» [15]. Автор акцентирует внимание на взаимодействии между самими обучающимися и определяет идею взаимного обучения как главную – не выполнять поставленную задачу группой студентов, а именно – обучаться коллективно. Также ученый отмечает, что обучение в сотрудничестве, по сути, является одной из разновидностей личностно-ориентированного подхода. И в процессе работы у всех обучающихся участников процесса формируется собственная система изучаемого языка. Время языковой практики также увеличивается. Что доказывает причастность обучения в сотрудничестве к активным методам обучения (АМО). Такие методы, по мнению ученых, позволяют катализировать процесс обучения и активизировать творческую деятельность обучающегося.

Сами же АМО разрабатывались на основе учебно-познавательной деятельности обучающихся и связанного с ней изучаемого материала. Так, по мнению И.Я. Лернера и М.Н. Скаткина, выделяются следующие методы:

а) объяснительно-иллюстративный, или информационно-рецептивный: проблемная лекция или рассказ, объяснение, работа с проблемным пособием, демонстрация картин, кино- и диафильмов и т. д.;

б) репродуктивный: воспроизведение действий по применению знаний на практике, познавательная игра, деятельность по алгоритму, программирование, деловая игра;

в) проблемное изложение изучаемого материала;

г) исследовательский метод, когда учащимся дается познавательная задача, которую они решают самостоятельно или совместно, подбирая для этого необходимые методы и пользуясь помощью учителя [16].

Технология «Обучения в сотрудничестве» не теряет свою актуальность и в эпоху общей цифровизации образовательного процесса. Реализация данной технологии может

происходить на площадках, представленных в глобальной сети Интернет. Взаимодействие студентов между собой может происходить дистанционно, что упрощает и оптимизирует процесс обучения письменному академическому дискурсу.

Пятое условие. *Сочетание видов аудиторной и внеаудиторной форм работы.*

Формы работы студентов подразделяются на аудиторную и внеаудиторную. Их сочетание представляется одним из организационно-педагогических условий обучения письменному академическому дискурсу. Внеаудиторная форма работы является самостоятельно-планируемой учебно-познавательной или научно-исследовательской деятельностью обучающихся без непосредст-

венного участия преподавателя, но с выполнением данных им методических рекомендаций. В контексте данного исследования нам представляется целесообразным обозначить основной целью внеаудиторной самостоятельной формы работы развитие необходимых навыков и умений письменного академического дискурса. Ввиду общности методических функций различных видов самостоятельной внеаудиторной работы и умений письменного академического дискурса их сопоставление друг другу имеет логическую составляющую. Нами был разработан перечень видов внеаудиторной формы работы и развиваемых с их помощью умений письменного академического дискурса. Полученные результаты приведены в табл. 2.

Таблица 2

Перечень видов внеаудиторной формы работы и развиваемых с их помощью умений письменного академического дискурса

Вид самостоятельной внеаудиторной работы	Описание вида самостоятельной внеаудиторной работы	Развиваемое умение в сфере письменного академического дискурса
1	2	3
Подготовка к написанию эссе по заданной тематике	Вид внеаудиторной самостоятельной работы по написанию эссе требует от студента умения в максимально четкой форме выражать собственные мысли по заданной тематике при помощи логических рассуждений и аргументации своей точки зрения. Форма написания может быть как определенной преподавателем, так и свободной. Тематика эссе напрямую зависит от изучаемой области научного знания	Написание эссе по заданной тематике
Составление резюме	Вид внеаудиторной самостоятельной работы по составлению резюме требует от студента умения грамотно составить такой формат информационного сообщения, как резюме или Curriculum Vitae (по запросу). От обучающегося при развитии соответствующего навыка требуется соблюдение правил и форм написания, которое имеет общую структуру (биографическое перечисление фактов, мест действия, адресов, умений и навыков, необходимых для работы, и т. д.), но может варьироваться от конкретных условий работодателя	Составление Curriculum Vitae
Подготовка реферата	Вид внеаудиторной самостоятельной работы по подготовке реферата требует от студента умения составить и научный текст, отвечающий, содержащий информацию, которая дополняет и развивает тему, обсужденную на лекционном занятии. Базовым принципом написания реферата, наряду с соблюдением норм и требований к оформлению, является использование темы, представляющей научный интерес и новизну с точки зрения исследования	Написание реферата
Написание рецензии на прочитанное произведение	Вид внеаудиторной самостоятельной работы требует от студента умения давать личную оценку прочитанному произведению. При выполнении поставленной преподавателем задачи обучающийся следует базовому плану написания рецензии: предмет анализируемого произведения, актуальность темы, краткое содержание рецензируемой работы, ее основные положения, общая оценка произведения рецензентом, недостатки, недочеты произведения, выводы обучающегося	Написание рецензии на прочитанное произведение

Окончание таблицы 2

1	2	3
Подготовка к выступлению на научной конференции	Вид внеаудиторной самостоятельной работы по подготовке к выступлению на научной конференции требует от студента умения написать текст, служащий продолжением презентации научного исследования. Студент, опираясь на формат проведения научной конференции, с учетом всех норм и правил оформления составляет и готовит информационное сообщение о представляемом им исследовании. Стилистая составляющая и набор лексических средств при выступлении определяется самим обучающимся	Написание текста выступления на научной конференции
Подготовка научной статьи	Вид внеаудиторной самостоятельной работы по подготовке и научной статьи требует от студента написания научного текста, логически-связанного и освещающего определенную тему, в соответствии с правилами, требуемыми для его оформления и составления: использование общепринятых терминов; при введении нового, малоупотребительного термина необходимо объяснить его значение, не употреблять двусмысленные понятия без указания акцентов в необходимом смысле, не перегружать иноязычной лексикой текст	Написание научной статьи
Подготовка и разработка заявки на участие в научном мероприятии	Вид внеаудиторной самостоятельной работы по подготовке заявки на участие в научном мероприятии требует от студента анализа собственных возможностей и их сопоставления с форматом мероприятия, требованиями к участию в нем и возможностью выступления. При соблюдении обозначенных требований обучающийся развивает необходимое умение	Оформление заявки на участие в научном мероприятии
Подготовка аннотации к научной статье	Вид внеаудиторной самостоятельной работы по подготовке аннотации к научной статье требует от студента написания аннотации в соответствии с нормами, требуемыми для оформления научного текста	Написание аннотации к научной статье
Подготовка доклада на заданную тему	Вид внеаудиторной самостоятельной работы по подготовке доклада требует от студента составления текста по заданной теме в письменной форме. Основные требования, такие как наличие смысловой составляющей, следование плану и структуре текста, соблюдение грамматических и лексических норм, обязаны быть соблюдены. Студентом составляется информационное сообщение по заданной теме с описанием проблемы и перечислением принципиально новых путей ее решения	Написание доклада
Подготовка текста стендового доклада	Вид внеаудиторной самостоятельной работы по подготовке стендового доклада требует от студента составления текста к устному выступлению. Характер сообщения определяется областью знания и поставленной преподавателем задачей. Также основа информационного сообщения должна нести новизну, отражая современный взгляд на обозначенную проблему. Данный формат вида работы отличается от эссе и доклада характером представленной информации – обучающийся дополняет обсуждаемый вопрос приведением фактов или статистических данных	Написание текста к стендовому докладу

Использование внеаудиторных форм работы без их взаимодействия с аудиторными не представляется необходимым организационно-педагогическим условием. Только их умелое совместное сочетание позволит достичь необходимого результата, а именно – развития умений письменного академического дискурса. Формирование этих умений связано с двумя формами работы – аудиторной и внеаудиторной, каждая из которых имеет свои специфические особенности, опреде-

ляющие степень непосредственного участия преподавателя в образовательном процессе, что способствует активизации научно-познавательной деятельности обучающегося.

Так, аудиторная форма работы может быть представлена: лабораторной работой, практическими занятиями, контрольными заданиями (тестами, самостоятельными и проверочными работами), защитой научно-исследовательских работ (курсовых, рефератов, квалификационных и диссертационных

работ). Во всех перечисленных видах имеет место непосредственная совместная работа преподавателя и обучающегося, равно как и во внеаудиторных формах работы. Набор ролей в данной модели взаимодействия остается неизменным – что при самостоятельной работе в аудитории при выполнении заданий, что при самостоятельной работе вне аудитории. Сочетание двух видов представляется необходимым организационно-педагогическим условием обучения письменному академическому дискурсу.

Таким образом, представленные организационно-педагогические условия являются необходимым компонентом обучения иностранному языку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В центре внимания данной работы было обучение письменному академическому дис-

курсу студентов магистратуры. Было предложено авторское определение понятия «лингвокомпьютерная компетенция», которое трактуется как набор языковых компетенций и навыков владения современными информационно-коммуникационными технологиями, необходимыми для овладения коммуникативными умениями в изучении иностранного языка. В результате был определен перечень организационно-педагогических условий обучения письменному академическому дискурсу, включающий в себя: а) мотивацию; б) сформированность у студентов и преподавателей лингвокомпьютерной компетенции; в) уровень владения языком у студентов и преподавателей не ниже уровня C1 по Общеевропейским компетенциям владения языком; г) реализацию технологии «Обучение в сотрудничестве»; д) сочетание видов аудиторной и внеаудиторной форм работы.

Список литературы

1. Бим И.Л. Некоторые актуальные проблемы современного обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2001. № 4. С. 5-8.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
3. Виханский О.С. Стратегическое управление. М.: Экономистъ, 2004. 296 с. ISBN 5-98118-055-2.
4. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации. М.: ИНФРА-М, 1999. 512 с.
5. Уткин Э.А. Основы мотивационного менеджмента. М., 2000. 352 с.
6. Фатхутдинов Р.А. Организация производства. М.: ИНФРА-М, 2001. 672 с.
7. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М., 1986. 222 с.
8. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М., 1983.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1989. 488 с.
10. Беляева Е.В. Формирование информационной компетентности учащихся в процессе развития культуры мышления // Формирование компетентностей у обучающихся в общеобразовательной и профессиональной школе: межвуз. сб. науч. трудов. Ульяновск, 2004. С. 82-83.
11. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос». 2006.
12. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Развитие информационной компетенции специалистов в области обучения иностранному языку // Язык и культура. 2008. № 4. С. 96-109.
13. Попова Н.В. Профессионально-ориентированный учебник по иностранному языку нового поколения: междисциплинарный подход. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. 248 с.
14. Сысоев П.В., Амерханова О.О. Обучение письменному научному дискурсу аспирантов на основе тандем-метода // Язык и культура. 2016. № 4 (36). С. 149-169.
15. Полат Е.С. Обучение в сотрудничестве // Иностранные языки в школе. 2000. № 1.
16. Лернер И.Я., Скоткин М.Н. О методах обучения // Советская педагогика. 1965. № 3. С. 115-128.

References

1. Bim I.L. Nekotoryye aktual'nyye problemy sovremennogo obucheniya inostrannym yazykam [Some actual problems of modern foreign language teaching]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*, 2001, no. 4, pp. 5-8. (In Russian).
2. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 1999, 478 p. (In Russian).

3. Vikhanskiy O.S. *Strategicheskoye upravleniye* [Strategic Management]. Moscow, Ekonomist Publ., 2004, 296 p. ISBN 5-98118-055-2. (In Russian).
4. Kibanov A.Y. *Upravleniye personalom organizatsii* [Organization Staff Management]. Moscow, INFRA-M Publ., 1999, 512 p. (In Russian).
5. Utkin E.A. *Osnovy motivatsionnogo menedzhmenta* [Motivational Management Basics]. Moscow, 2000, 352 p. (In Russian).
6. Fatkhutdinov R.A. *Organizatsiya proizvodstva* [Facility Management]. Moscow, INFRA-M Publ., 2001, 672 p. (In Russian).
7. Zimnyaya I.A. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. Moscow, 1986, 222 p. (In Russian).
8. Leontyev A.N. *Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Psychological Works: in 2 vols]. Moscow, 1983. (In Russian).
9. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [General Psychology Basics]. Moscow, 1989, 488 p. (In Russian).
10. Belyayeva E.V. Formirovaniye informatsionnoy kompetentnosti uchashchikhsya v protsesse razvitiya kul'tury myshleniya [Students information competence formation in the culture of thinking process development]. *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov «Formirovaniye kompetentnostey u obuchayushchikhsya v obshcheobrazovatel'noy i professional'noy shkole»* [Interacademic Collection of Scientific Papers "Students Competencies Formation in Secondary and Vocational Schools"]. Ulyanovsk, 2004, pp. 82-83. (In Russian).
11. Zimnyaya I.A. Klyuchevyye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tata sovremennogo obrazovaniya [Key competences – a new paradigm of the modern education result]. *Internet-zhurnal «Eydos»* [Online Journal "Eydos"], 2006. (In Russian).
12. Sysoyev P.V., Evstigneev M.N. Razvitiye informatsionnoy kompetentsii spetsialistov v oblasti obucheniya inostrannomu yazyku [Development of informational competence in teaching foreign languages]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2008, no. 4, pp. 96-109 (In Russian).
13. Popova N.V. *Professional'no-oriyentirovannyi uchebnik po inostrannomu yazyku novogo pokoleniya: mezhdistsiplinary podkhod* [Professionally-Oriented Foreign Language Textbook of the New Generation: Interdisciplinary Approach]. St. Petersburg, St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2011, 248 p. (In Russian).
14. Sysoyev P.V., Amerkhanova O.O. Obucheniye pis'mennomu nauchnomu diskursu aspirantov na osnove tandem-metoda [Teaching graduate students research discourse via tandem-method]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2016, no. 4 (36), pp. 149-169. (In Russian).
15. Polat E.S. Obucheniye v sotrudnichestve [Education in Cooperation]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*, 2000, no. 1. (In Russian).
16. Lerner I.Y., Skatkin M.N. O metodakh obucheniya [About teaching methods]. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet Pedagogy], 1965, no. 3, pp. 115-128. (In Russian).

Информация об авторе

Дронов Иван Сергеевич, начальник отдела организации научно-исследовательской работы студентов. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: damon_gray@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, определение системы организационно-педагогических условий, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1685-4313>

Поступила в редакцию 09.08.2019 г.

Поступила после рецензирования 30.08.2019 г.

Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the author

Ivan S. Dronov, Head of Organization of Students' Research Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: damon_gray@mail.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, organizational and pedagogical conditions system definition, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1685-4313>

Received 9 August 2019

Reviewed 30 August 2019

Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-32-42
УДК 378

Психолого-педагогические условия формирования грамматических навыков речи студентов на основе реализации иноязычных интернет-проектов

Элина Георгиевна ЮЗБАШЕВА

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2229-5260>, e-mail: eg.yuzbasheva@mpgu.su

Psychological and pedagogical conditions of formation of students' grammatical skills of the speech on the basis of foreign-language Internet projects implementation

Elina G. YUZBASHEVA

Moscow Pedagogical State University
1/1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2229-5260>, e-mail: eg.yuzbasheva@mpgu.su

Аннотация. В связи с общей концепцией информатизации общества и образования, как неотъемлемой его составляющей, к знаниям и умениям основных участников образовательного процесса предъявляются новые требования. Положительное влияние развития информационно-коммуникационных технологий на образование отмечено во многих исследованиях и в ряде официальных документов. Проектная деятельность отвечает запросам общества по прагматическому использованию образовательных ресурсов в целях интенсификации образования. Реализация иноязычных интернет-проектов позволяет формировать у студентов грамматические навыки речи. Однако подобного результата можно достичь при учете ряда психолого-педагогических условий. Поставлен вопрос выявления и обоснования психолого-педагогических условий, которые должны учитываться при разработке методической системы и технологии формирования грамматических навыков речи учащихся в процессе реализации иноязычных интернет-проектов. Обозначена актуальность проблемы и обоснован учет следующих психолого-педагогических условий: а) баланс теоретической составляющей и практической значимости; б) мотивация студентов при формировании грамматических навыков; в) владение иностранным языком на уровне Intermediate-Upper-Intermediate; г) сформированная у студентов информационно-коммуникационная компетенция; д) сформированная у преподавателя информационно-коммуникационная компетенция; е) наличие технологии обучения. Автор обосновывает и подробно описывает каждое из выделенных условий.

Ключевые слова: психолого-педагогические условия; грамматические навыки; иностранный язык; интернет-проект

Для цитирования: Юзбашева Э.Г. Психолого-педагогические условия формирования грамматических навыков речи студентов на основе реализации иноязычных интернет-проектов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 32-42. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-32-42

Abstract. In connection with the general concept of society informatization and education as its integral component, new requirements are imposed to knowledge and abilities of the main participants of educational process. Positive influence of information and communication technologies development on education is noted in many studies and in a number of official documents. Project activity meets the needs of society for the pragmatic use of educational resources in order to intensify education. Implementation of foreign-language Internet projects allows to form students'

grammatical skills of the speech. However, this result can be achieved when accounting a number of psychological and pedagogical conditions. We raise an issue on identification and justification of psychological and pedagogical conditions which have to be considered when developing a methodical system and technology of formation of students' grammatical skills of the speech during implementation of foreign-language Internet projects. We designate the relevance of the problem and substantiate the accounting of following psychology and pedagogical conditions: a) balance of a theoretical component and practical importance; b) motivation of students when forming grammatical skills; c) foreign language skills at the level of Intermediate-Upper-Intermediate; d) developed information and communication competence of students; e) developed information and communication competence of teacher; f) existence of teaching technology. We substantiate and describe in detail each of the allocated conditions.

Keywords: psychological and pedagogical conditions; grammatical skills; foreign language; Internet project

For citation: Yuzbasheva E.G. Psikhologo-pedagogicheskiye usloviya formirovaniya grammaticheskikh navykov rechi studentov na osnove realizatsii inoyazychnykh internet-proyektov [Psychological and pedagogical conditions of formation of students' grammatical skills of the speech on the basis of foreign-language Internet projects implementation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 32-42. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-32-42 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Психолого-педагогические условия – это сочетание внутренних и внешних факторов, влияющих на ход и результат таких процессов, как развитие и обучение личности студентов [1–3]. Большинство ученых, предлагающих новые методики обучения иностранному языку с использованием интернет-технологий, разрабатывали ряд психолого-педагогических условий, учет которых способствует эффективности предлагаемой методики. В данной работе мы хотели бы подробнее остановиться на перечне психолого-педагогических условий, способствующих эффективности процесса формирования грамматических навыков речи студентов на основе интернет-проектов. Таких условий предлагается шесть. Рассмотрим каждое из выделенных условий подробно.

Первым психолого-педагогическим условием выступает баланс теоретической составляющей и практической значимости.

Важно понимать тот факт, что проектная деятельность, при всех своих неоспоримых достоинствах, является одной, но не единственной составляющей образовательного процесса. Построение процесса обучения с использованием исключительно метода проектов, как и его полное исключение в образовании равноценно нецелесообразны [4]. Соблюдение баланса теоретической составляющей [4] и практической значимости [5] в рамках реализации иноязычных интернет-проектов является одним из главных условий успешности достижения образовательных

задач. Таким образом, студент получит не только ценные знания по определенному предмету (в нашем случае, по английскому языку), но и сможет успешно применять алгоритмы работы по проектной деятельности в ходе дальнейшего обучения в вузе, выстраивая план своей деятельности и владея эффективными способами достижения результатов, а также в дальнейшей профессиональной деятельности. Следовательно, формирование грамматических навыков студентов на основе реализации иноязычных интернет-проектов, при соблюдении баланса теоретической составляющей и практической значимости, делает процесс изучения грамматики в частности, а также иностранного языка в целом более значимым для будущего студентов языковых вузов.

Вторым психолого-педагогическим условием является учет мотивации студентов при формировании грамматических навыков студентов при реализации иноязычных интернет-проектов.

Педагоги и психологи давно признали важность мотивации (от греч. *movere* – «движение») в процессе обучения. Ученые определяют мотивацию как: а) постоянный процесс [6]; б) внутреннее стремление [7]; в) необходимую составляющую обучения [8]. Хотя этот список определений представляет собой определенное разнообразие, он не является всеобъемлющим, поскольку постоянно создаются новые и пересматриваются имеющиеся определения данного понятия. С

педагогической точки зрения представляет особую ценность определение мотивации, данное И.П. Подласым как «общее название для процессов, методов и средств побуждения учащихся к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания образования» [9, с. 182]. Различные подходы к мотивации сосредоточиваются на когнитивном поведении (таком как контроль и использование стратегии), непознавательных аспектах (таких как восприятие, верования и отношения) или на обоих из них. Например, А. Готтфрид определяет академическую мотивацию как удовольствие от обучения, характеризуемое направлением подготовки, любопытством, постоянством, приобретением новых знаний, навыков и умений с увеличением количества и сложности заданий [10]. С другой стороны, Д. Тернер полагает, что мотивация синонимична с познавательным вовлечением, которое он определяет как «добровольное использование саморегулируемых стратегий обучения высокого уровня, таких как внимание, связь, планирование и контроль» [11, с. 413].

Исследователи часто противопоставляют внутреннюю мотивацию, которая стимулирует и поддерживает деятельность через спонтанное удовлетворение вольным действием, и внешнюю, управляемую через усилие извне [12]. Ученые отмечают, что чем больше мотивация регулируется извне, тем меньше интереса и усилий проявляют студенты, и тем больше студентов, скорее всего, будут винить других в негативных последствиях своих действий [13]. Таким образом, интернализация внешней мотивацией приведет к более активному и постоянному вовлечению студентов в процесс обучения. Учитывая данное утверждение, создание среды обучения, которая способствует интернализации внешних факторов, может одним способом поддержать положительные академические результаты.

Отношение мотивации и мотива видно из определения мотивации, данного Е.П. Ильиным, из которого следует, что мотивация является динамичным процессом, в ходе которого формируется основание для действия, мотива [14]. При этом человек обычно движим совокупностью мотивов с более доминирующей ролью одного из них, исходя из ситуации [15]. Согласно психологическому

принципу развития, в ходе реализации иноязычных интернет-проектов мотивы, являющиеся движущими силами любой деятельности человека, сопутствуют каждому этапу работы над проектом: от желания узнать нечто новое для себя до разрешения проблемных ситуаций, возникновение которых возможно при коммуникации.

«Истина, добытая путем собственного напряжения усилий, имеет огромную познавательную ценность» [9, с. 186]. Реализация иноязычных интернет-проектов создает благоприятную среду для активизации познавательной деятельности студентов, повышения уровня их самостоятельности (например, в принятии решений по выбору темы проекта, реализации необходимых шагов по выполнению проектной деятельности и т. д.), а следовательно, и уровня их познавательной мотивации.

Третьим психолого-педагогическим условием является владение студентами иностранным языком на уровне Intermediate-Upper-Intermediate.

Ограниченность языковых навыков студентов может послужить одним из определяющих факторов, прямо или косвенно влияющих на их академическую успеваемость. Таким образом, уровень владения иностранным языком может быть ключевым фактором их академического успеха [16].

Шкала ILR (The Interagency Language Roundtable) является старейшей (впервые утвержденная в 1973 г., на основе материалов 1955 г.) из основных систем определения уровня владения иностранным языком в мире. Она была разработана с учетом международной дипломатии. Первая вариация шкалы ILR была, в отличие от ее преемников, одномерной. Данная шкала была нацелена на оценку общего владения иностранным языком по всем основным навыкам, что было достигнуто за счет количественной оценки от одного (1) на самом низком уровне квалификации и до шести (6) на самом высоком уровне.

Данный одномерный формат просуществовал недолго. Тесты, которые оценивали учащихся по этой шкале, не были стандартизированы, а итоговые оценки разительно различались в зависимости от оцениваемого навыка и языка. В настоящее время ILR оценивает уровень владения языком в соответ-

ствии с тем, что официально известно как описание уровней квалификации ILR, которые называются шкалой (шкалами) ILR, или руководящими принципами ILR. Шкалы ILR составляют 11-уровневую систему уровней квалификации, состоящую из шести основных числовых уровней (0–5) и пяти промежуточных уровней между каждым двумя числовыми уровнями. В этих рамках навык того или иного учащегося описывается с точки зрения его способности, того, что он может или не может сделать в контексте этого навыка. Это соответствует схожим шкалам CEFR и ACTFL, последняя из которых разрабатывалась как академический вариант ILR.

Две американские шкалы – ILR и ACTFL (1967 г.) (The American Council on the Teaching of Foreign Languages, что переводится как Американский совет по преподаванию иностранных языков) – взаимосвязаны, так как ACTFL была создана на основе ILR, из-за чего между ними существуют явные, официальные соответствия. Четыре из пяти самых низких основных уровней квалификации в ILR – 0, 1, 2 и 3 – точно соответствуют уровням «Новичок» (Novice), «Средний» (Intermediate), «Продвинутый» (Advanced) и «Высший» (Superior). ACTFL, соответственно, также включает в себя различные подуровни в пределах этих диапазонов на обеих шкалах. Уровни ILR 4 и 5, как правило, также попадают под обозначение ACTFL «Высший».

В большинстве европейских стран CEFR (Common European Framework of Reference, в переводе – Общеввропейские компетенции владения иностранным языком) стал основой для принятия решений по составлению содержания учебной программы, разработки/выбору учебников и других учебных материалов для изучения иностранного языка, основополагания целей тестирования и оценки знаний по иностранному языку, а также, во все большей степени, в качестве рекомендаций для национальных образовательных стандартов.

Европейская шкала CEFR была разработана независимо от двух ее трансатлантических аналогов, что усложнило получение официально признанных эквивалентов, хотя ACTFL и Совет Европы с 2010 г. работают совместно над согласованием этих двух шкал на эмпирической основе. Ниже представим примерное соотношение шкал ACTFL и CEFR с международным обозначением уровней владения иностранным языком, с учетом деления на рецептивные и продуктивные речевые навыки (табл. 1 и 2).

Принимая во внимание тот факт, что выпускник обычной школы должен обладать уровнем владения иностранным языком не ниже Intermediate, а выпускник школы со спецклоном может владеть иностранным языком на уровне Upper-Intermediate, опишем характерные черты в области иностранного языка, соответствующие данным уровням, согласно CEFR (табл. 3).

Таблица 1

Соотношение шкал ACTFL и CEFR с международным обозначением уровней владения иностранным языком по рецептивным видам речевой деятельности

Соответствие международной шкале	Рецептивные навыки (чтение и аудирование) ACTFL	Соответствие шкале CEFR
Proficiency	Distinguished	C2
Advanced	Superior	C1.2
	Advanced High	C1.1
Upper-Intermediate	Advanced Mid	B2
Intermediate	Advanced Low	B1.2
	Intermediate High	B1.1
Pre-Intermediate	Intermediate Mid	A2
Elementary	Intermediate Low	A1.2
	Novice High	A1.1
Beginner	Novice Mid	0
	Novice Low	0
	0	0

Таблица 2

Соотношение шкал ACTFL и CEFR с международным обозначением уровней владения иностранным языком по продуктивным видам речевой деятельности

Соответствие международной шкале	Продуктивные навыки (письмо и говорение) ACTFL	Соответствие шкале CEFR
Proficiency	Superior	C2
Advanced	Advanced High	C1
Upper-Intermediate	Advanced Mid	B2.2
	Advanced Low	B2.1
Intermediate	Intermediate High	B1.2
	Intermediate Mid	B1.1
Pre-Intermediate	Intermediate Low	A2
Elementary	Novice High	A1
Beginner	Novice Mid	0
	Novice Low	0
	0	0

Примечание: на основе www.actfl.org и www.languageTesting.com/cefr.

Таблица 3

Описание уровней владения иностранным языком Intermediate и Upper Intermediate

Уровень	Чтение	Аудирование	Говорение	Письмо
Intermediate	Понимает тексты на интересующие его/ее темы на удовлетворительном уровне	Понимает основные положения устного высказывания общераспространенной тематики без фонетических затруднений и вариацией в акценте	Имеет лингвистический диапазон, достаточный для построения высказываний на общеизвестные темы широкого характера, с возможными ограничениями словарного запаса, вызывающими повторение частей высказывания и временные сложности с формулировкой высказывания под влиянием родного языка	Письменное высказывание характерно понятной структурой с некоторыми возможными ошибками в использовании пунктуационных знаков, выстраивании структуры текста, орфографии
Upper-Intermediate	Испытывает незначительные трудности в понимании редко встречающихся идиом в текстах, различных по тематике, объему и стилю	Понимает основные положения продолжительного разнообразного по тематике высказывания, затрудняясь лишь при наличии значительных звуковых помех	Имеет лингвистический диапазон, достаточный для построения высказывания на различные темы, используя некоторые сложные формы предложений с возможными малочисленными ошибками	Письменное высказывание отличается незначительными ошибками в пунктуации и орфографии, связанными с интерференцией родного языка, при отсутствии проблем со следованием структуре стандартного построения текста

Четвертое психолого-педагогическое условие – это сформированность у студентов информационно-коммуникативной компетенции.

Прежде всего, ознакомимся с понятийным аппаратом. «Компетенция» и «компетентность» происходят от латинского

competentia, что переводится как «встреча, соглашение, симметрия». Однако существует определенная разница между этими понятиями. Под «компетенцией» В.Д. Шадриков понимает системное проявление совокупности знаний, умений, личностных качеств и способностей, а под термином «компетент-

ность» – способность индивида решать конкретные задачи с помощью приобретенных компетенций [17].

Для современного быстро развивающегося мира все чаще характерна технологическая связь, которая превратила его в большое глобальное сообщество, связанное с постоянно расширяющимся охватом информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Темпы развития современных технологий бросают определенный вызов как для учащихся, так и для преподавателей. Глобальная информатизация общества, а также интенсификация данного процесса отмечены во всех значимых документах социально-экономического развития России. Системные проблемы образования часто связаны с отставанием внедрения и грамотного использования информационно-коммуникационных технологий¹.

По сравнению с 2007 г., Россия поднялась с 70-го на 45-е место в международном рейтинге развития ИКТ (ICT Development Index), потеряв, однако, пять позиций с 2014 г. Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., отмечено недостаточное число подготовленных к применению ИКТ в профессиональной сфере педагогических работников, что отрицательно сказывается на успешном формировании у учащихся компетенций, благодаря которым их дальнейшая жизнь в информационном обществе была бы упорядочена и защищена от угроз интернет-преступлений².

Переоценить важность технологии в жизни людей невозможно. Предполагается, что технологическая грамотность скоро станет функциональным требованием для трудовой деятельности, социальной, и, возможно, даже личной жизни. По социально-экономическим причинам студенты должны обладать развитой информационно-коммуникационной компетенцией, чтобы жить успешно в обществе, основанном на знаниях. Образование – одна из ключевых областей применения ИКТ, которые часто воспринимаются как катализатор для изменения к подходам к

обучению и учению, в доступе к информации [18]. ИКТ может помочь, обеспечив альтернативные возможности для образования [19]. Использование различных информационных коммуникационных технологий стало неизбежным для студентов в процессе обучения.

Пятым психолого-педагогическим условием выступает сформированность у преподавателя информационно-коммуникативной компетенции.

В то время как многие преподаватели справедливо полагают, что некоторые технологии Веб 2.0 могут улучшить результаты процесса обучения, взаимодействие студентов с преподавателями и другими сверстниками, навыки и общую удовлетворенность курсом, мало кто использует их на занятиях и во внеурочной деятельности [20]. Причиной этого может быть технологическая незрелость, отсутствие открытости по отношению к новым идеям, интеллектуальному и академическому догматизму и т. п. По отношению к первой причине следует отметить тот факт, что любое нововведение требует определенной адаптации. По мнению Э. Роджерса, решение индивидуума принять и использовать новую технологию связано с имеющимися у него знаниями и навыками, позволяющими правильно использовать данную технологию [21]. Преподаватели являются жизненно важным звеном в системе образования, и для того чтобы образование действительно отвечало потребностям XXI века, они должны играть центральную роль в использовании информационно-коммуникационных технологий в процессе преподавания и обучения.

На глобальном уровне ЮНЕСКО разработала систему компетентности преподавателей, которая была введена в действие в 2008 г. с целью помощи разработчикам в области образования и учебных программ определения навыков учителей, необходимых для использования информационно-коммуникационных технологий в сфере образования. Система профессиональных качеств преподавателей в области ИКТ ЮНЕСКО носит общий рекомендательный характер, поскольку она служит международным ориентиром, определяющим профессиональные качества, необходимые для эффективного преподавания ИКТ. Подчеркивается тот факт, что, помимо наличия компетенций в

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Там же.

области ИКТ, преподаватели также должны использовать свои умения и знания в целях помощи учащимся в совместной работе, решении проблем и творческом подходе к использованию ИКТ. Таким образом, рассматриваются следующие аспекты деятельности учителя: понимание роли ИКТ в области образования, составление учебной программы и системы оценки, преподавание, организация и управление профессионального обучения. Данная система является иерархической и предусматривает три этапа развития компетенций преподавателя в области ИКТ: технологическую грамотность, углубление знаний и создание знаний.

Т.С. Панина, С.А. Дочкин и Ю.В. Клецов понимают информационно-коммуникационную компетентность преподавателя как совокупность способностей педагога подготовки по решению профессиональных задач, связанных с ИКТ-технологией, уровнем подготовки к использованию средств ИКТ, а также определенную организацию предметно-специальных знаний по оцениванию ситуации и принятию целесообразных решений в своей деятельности с помощью ИКТ [22]. Таким образом, содержание этого понятия обозначается через перечисление некоторых его характеристик.

При сравнении все они используют ориентированный на учащихся подход, описывающий компетентность учителей с точки зрения той роли, которую учитель играет в развитии навыков учащихся в области ИКТ, охватывающих весь учебный процесс. Стоит отметить, что наличие этапов развития ИКТ компетенции преподавателя указывает на динамичный характер данного процесса.

П. Киршнер и И. Вонерис выделили некоторые основные компетенции преподавателей в области ИКТ. К ним относятся следующие компетенции:

- использование ИКТ в личных целях;
- освоение целого ряда учебных парадигм, в которых используются ИКТ;
- использование ИКТ в качестве инструментов воздействия;
- использование ИКТ в качестве инструмента преподавания;
- освоение целого ряда парадигм оценки, предполагающих использование ИКТ;

– понимание законодательных аспектов использования ИКТ для преподавания и обучения [23].

Одной из задач преподавателя является умение проектировать целесообразную поддержку изучения, а также сосредоточиться на развитии новой грамотности, которая может быть описана как «цифровая, многогранная, гибридная, межтекстовая, незамедлительная, самопроизвольная, сокращенная, неофициальная, совместная, продуктивная, интерактивная, осуществляющая гиперссылки, диалогическая и лингвистически разнообразная» [24, с. 255].

П.В. Сысоев и М.Н. Евстигнеев вывели следующее определение ИКТ компетентности преподавателя иностранного языка, которое как-никак актуально в рамках нашего исследования: «способность использовать учебные интернет-ресурсы, социальные сервисы Веб 2.0 и другие информационные и коммуникационные технологии с целью формирования языковых навыков и развития речевых умений студентов при обучении иностранному языку и культуре страны изучаемого языка» [25, с. 164].

Шестое психолого-педагогическое условие – это наличие технологии обучения.

Определение понятия «технология» является предметом многих дискуссий, особенно в связи с внедрением в процесс обучения информационно-коммуникационных средств. Мы придерживаемся определения, данного коллективом отечественных методистов: «Образовательная технология – это продуманная во всех деталях модель взаимодействия учителя и учащихся по проектированию, организации и проведению образовательного процесса по иностранным языкам с неизбежным достижением запланированного образовательного результата» [26, с. 38]. Роль образовательной технологии состоит в: а) вовлечении учащихся в познавательный процесс с использованием информационно-коммуникационных технологий; б) создании среды для применения полученных знаний, навыков и умений на практике; в) осознании учащимися роли и сферы применения приобретенных знаний и сформированных навыков; и, как результат, г) развитии иноязычной коммуникативной компетенции наряду с личностными качествами учащихся [26].

По мнению Б. Скиннера, образование является, пожалуй, важнейшей отраслью научной технологии. Весь процесс становления в любой области должен быть разделен на очень большое количество очень малых ступеней, и результат должен быть закреплен на каждом из этих шагов [27]. Созвучно этому утверждению В.М. Монахов говорит о создании системы микроцелей, которая «не только задает логическую структуру будущего учебного процесса, но и играет собственную дидактическую роль как его визуализированная модель» [28, с. 82]. Также В.М. Монахов указывает на важность следованию педагогической технологии, как гарантии достижения цели обучения каждого педагога, при условии соблюдения вышеуказанной педагогической технологии. Таким образом, применение педагогической технологии эффективно и целесообразно, если: а) педагогическая технология универсальна; б) проводится диагностика достижения успеха на каждом этапе процесса обучения; в) содержание педагогического процесса соответствует стандартам образования (ФГОС); г) учитель определяет степень самостоятельности учебно-познавательной деятельности учащегося; д) технология имеет логическую структуру [28]. Проектная деятельность предполагает усердную предварительную подготовку в виде спланированной, контролируемой на всех этапах, работы над проектом.

Другие исследователи говорят о модели обучения как об описании среды обучения, включая поведение учителей при использовании этой модели [29]. Модели представляют собой стратегии обучения, которые помогают реализовать конкретные цели обучения. Таким образом, модели преподавания могут быть преобразованы в модели обучения.

Слово «стратегия» происходит от двух древнегреческих корней: *stratos*, означающее «множество» или «то, что распространяется», в значении «собрать вместе». Таким об-

разом, в своей основе слово «стратегия» определяет разницу между преподаванием и почти всеми другими профессиями: большинство специалистов видят своих клиентов по одному, но «клиенты» учителей приходят к ним, в основном, как группа разнообразных индивидуумов, объединенных по таким отличительным чертам, как возраст, причастность к образовательной организации и, желательно, интерес к предмету. Цель обучения видится в этом свете как создание диалога, который способен объединить эти отдельные личности вокруг общего ядра обучения.

Таким образом, каждый по-своему (через модели обучения, стратегии, ступени, шаги (этапы) обучения и т. п.), но все об одном говорят исследователи: наличие технологии обучения является неотъемлемым компонентом эффективного обучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс формирования грамматических навыков речи при реализации иноязычных интернет-проектов требует наличия и соблюдения ряда психолого-педагогических условий, таких как: 1) баланс теоретической составляющей и практической значимости; 2) учет мотивации студентов при формировании грамматических навыков студентов при реализации иноязычных интернет-проектов; 3) владение студентами иностранным языком на уровне *Intermediate-Upper-Intermediate*; 4) сформированность у студентов информационно-коммуникативной компетенции; 5) сформированность у преподавателя информационно-коммуникативной компетенции; 6) наличие технологии обучения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что выделенные психолого-педагогические условия будут способствовать разработке методической системы и технологии обучения в целях эффективного применения предлагаемой методики.

Список литературы

1. Немов Р.С. Психология: словарь-справочник: в 2 ч. М.: Изд-во «ВЛАДОС-ПРЕСС», 2003. Ч. 2. 352 с.
2. Полонский В.М. Словарь по образованию и педагогике. М.: Высш. шк., 2004. 512 с.
3. Еловская С.В., Алексеева Е.Ю. Психолого-педагогические условия обучения школьников иностранному языку посредством информационно-коммуникационных технологий // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (2). С. 12-14.
4. Матяш Н.В. Инновационные педагогические технологии. Проектное обучение. М.: Изд. центр «Академия», 2014. 160 с.

5. Лазарев В.С. Проектная деятельность в школе: неиспользуемые возможности // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 292-307.
6. Goudas M., Biddle S., Fox K. Perceived locus of causality, goal orientations, and perceived competence in school physical education classes // British Journal of Educational Psychology. 2011. № 64 (3). P. 453-463.
7. Baum J.R., Locke E.A. The relation of entrepreneurial trait, skill and motivation to subsequent growth // Journal of Applied Psychology. 2004. № 89 (4). P. 587-598.
8. Mylläri J., Kynäslähti H., Vesterinen O., Vahtivuori-Hänninen S., Lipponen L., Tella S. The students' pedagogical thinking and the use of ICTs in teaching // Scandinavian Journal of Educational Research. 2011. № 55 (5). P. 537-550.
9. Подласый И.П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов. М.: ВЛАДОС-пресс, 2004. 365 с.
10. Gottfried A.E. Academic intrinsic motivation in young elementary school children // Journal of Educational Psychology. 1990. № 82 (3). P. 525-538.
11. Turner J.C. The influence of classroom contexts on young children's motivation for literacy // Reading Research Quarterly. 1995. № 30 (3). P. 410-441.
12. Deci E.L., Koestner R., Ryan R.M. A meta-analytic review of experiments examining the effects of extrinsic rewards on intrinsic motivation // Psychological Bulletin. 1999. № 125 (6). P. 627-668.
13. Richard M. Ryan, Edward L. Deci. Intrinsic and extrinsic motivations: classic definitions and new directions // Contemporary Educational Psychology. 2000. P. 54-67.
14. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
15. Педагогика / под ред. П.И. Пидкасистого. М.: Пед. общество России, 1998. 640 с.
16. Daller M.H., Phelan D. Predicting international student study success // Applied Linguistics Review. 2013. № 4 (1). P. 173-193.
17. Шадриков В.Д. Личностные качества педагога как составляющие профессиональной компетентности // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Психология. 2006. № 1. С. 15-21.
18. Watson M.D. Pedagogy before technology: Re-thinking the relationship between ICT and Teaching // Education and Information Technologies. 2001. № 6 (4). P. 252-266.
19. Casal R.C. ICT for education and development // Info. 2007. № 9 (4). P. 3-9.
20. Ajjan H., Hartshorne R. Investigating faculty to adopt Web 2.0.0 technologies: Theory and empirical tests // Internet and Higher Education. 2008. № 11. P. 71-80.
21. Rogers E.M. Diffusion of Innovations. 5th ed. N. Y.: Free Press, 2003. 551 p.
22. Панина Т.С., Дочкин С.А., Клецов Ю.В. Уровни информационно-коммуникационной компетентности педагогических работников. URL: www.krirpo.ru (дата обращения: 02.07.2019).
23. Kirschner P., Woperies I.G. Pedagogic benchmarks for information and communication technology in teacher education // Technology, Pedagogy and Education. 2003. № 12 (1). P. 127-149.
24. Mills K.A. A review of the "Digital Turn" in new literacy studies // Review of Educational Research. 2010. № 80. P. 246-271.
25. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Компетентность преподавателя иностранного языка в области использования информационных и коммуникационных технологий // Язык и культура. 2014. № 1. С. 160-167.
26. Гальскова Н.Д., Василевич А.П., Коряковцева Н.Ф., Акимова Н.В. Основы методики обучения иностранным языкам. М.: КНОРУС, 2017. 390 с.
27. Skinner B.F. The Technology of Teaching. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1968. 271 p.
28. Монахов В.М., Тихомиров С.А. Эволюция методической системы электронного обучения // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6. С. 76-88. DOI 10.24411/1813-145X-2018-10230
29. Joyce B.R., Weil M., Calhoun E. Models of Teaching. Pearson Education, 2014. 560 p.

References

1. Nemov R.S. *Psikhologiya: slovar'-spravochnik: v 2 ch.* [Psychology: Dictionary-Reference: in 2 pts]. Moscow, VLADOS-PRESS Publ., 2003, pt 2, 352 p. (In Russian).
2. Polonskiy V.M. *Slovar' po obrazovaniyu i pedagogike* [Dictionary of Education and Pedagogy]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2004, 512 p. (In Russian).
3. Elovskaya S.V., Alekseeva E.Y. *Psikhologo-pedagogicheskiye usloviya obucheniya shkol'nikov inostrannomu yazyku posredstvom informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy* [Psychological and pedagogical provisions for teaching schoolchildren a foreign language by information and communication technologies]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki – Pedagogy. Issues of Theory and Practice*, 2016, no. 2 (2), pp. 12-14. (In Russian).

4. Matyash N.V. *Innovatsionnyye pedagogicheskiye tekhnologii. Proyektnoye obucheniye* [Innovative Pedagogical Technologies. Project Teaching]. Moscow, Publishing Center "Akademiya", 2014, 160 p. (In Russian).
5. Lazarev V.S. *Proyektная deyatel'nost' v shkole: neispol'zuyemye vozmozhnosti* [Project activities at school: unused opportunities]. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*, 2015, no. 3, pp. 292-307. (In Russian).
6. Goudas M., Biddle S., Fox K. Perceived locus of causality, goal orientations, and perceived competence in school physical education classes. *British Journal of Educational Psychology*, 2011, no. 64 (3), pp. 453-463.
7. Baum J.R., Locke E.A. The relation of entrepreneurial trait, skill and motivation to subsequent growth. *Journal of Applied Psychology*, 2004, no. 89 (4), pp. 587-598.
8. Mylläri J., Kynäslähti H., Vesterinen O., Vahtivuori-Hänninen S., Lipponen L., Tella S. The students' pedagogical thinking and the use of ICTs in teaching. *Scandinavian Journal of Educational Research*, 2011, no. 55 (5), pp. 537-550.
9. Podlasnyy I.P. *Pedagogika: 100 voprosov – 100 otvetov* [Pedagogy: 100 Questions – 100 Answers]. Moscow, VLADOS-PRESS Publ., 2004, 365 p. (In Russian).
10. Gottfried A.E. Academic intrinsic motivation in young elementary school children. *Journal of Educational Psychology*, 1990, no. 82 (3), pp. 525-538.
11. Turner J.C. The influence of classroom contexts on young children's motivation for literacy. *Reading Research Quarterly*, 1995, no. 30 (3), pp. 410-441.
12. Deci E.L., Koestner R., Ryan R.M. A meta-analytic review of experiments examining the effects of extrinsic rewards on intrinsic motivation. *Psychological Bulletin*, 1999, no. 125 (6), pp. 627-668.
13. Richard M. Ryan, Edward L. Deci. Intrinsic and extrinsic motivations: classic definitions and new directions. *Contemporary Educational Psychology*, 2000, pp. 54-67.
14. Ilin E.P. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and Motives]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000, 512 p. (In Russian).
15. Pidkasistyy P.I. (ed.). *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow, Pedagogicheskoye obshchestvo Rossii Publ., 1998, 640 p. (In Russian).
16. Daller M.H., Phelan D. Predicting international student study success. *Applied Linguistics Review*, 2013, no. 4 (1), pp. 173-193.
17. Shadrikov V.D. Lichnostnyye kachestva pedagoga kak sostavlyayushchiye professional'noy kompetentnosti [Personal qualities of a teacher as components of professional competence]. *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Psikhologiya* [Herald of P.G. Demidov Yaroslavl State University. Series Psychology], 2006, no. 1, pp. 15-21. (In Russian).
18. Watson M.D. Pedagogy before technology: Re-thinking the relationship between ICT and Teaching. *Education and Information Technologies*, 2001, no. 6 (4), pp. 252-266.
19. Casal R.C. ICT for education and development. *Info*, 2007, no. 9 (4), pp. 3-9.
20. Ajjan H., Hartshorne R. Investigating faculty to adopt Web 2.0.0 technologies: Theory and empirical tests. *Internet and Higher Education*, 2008, no. 11, pp. 71-80.
21. Rogers E.M. *Diffusion of Innovations. 5th ed.* New York, Free Press, 2003, 551 p.
22. Panina T.S., Dochkin S.A., Kletsov Y.V. *Urovni informatsionno-kommunikatsionnoy kompetentnosti pedagogicheskikh rabotnikov* [The Levels of Information and Communication Competence of Teachers]. (In Russian). Available at: www.krirpo.ru (accessed 02.07.2019).
23. Kirschner P., Woperies I.G. Pedagogic benchmarks for information and communication technology in teacher education. *Technology, Pedagogy and Education*, 2003, no. 12 (1), pp. 127-149.
24. Mills K.A. A review of the "Digital Turn" in new literacy studies. *Review of Educational Research*, 2010, no. 80, pp. 246-271.
25. Sysoyev P.V., Evstigneev M.N. Kompetentnost' prepodavatela inostrannogo yazyka v oblasti ispol'zovaniya informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologiy [Foreign language teacher's competence in using information and communication technologies]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2014, no. 1, pp. 160-167. (In Russian).
26. Galskova N.D., Vasilevich A.P., Koryakovtseva N.F., Akimova N.V. *Osnovy metodiki obucheniya inostrannym yazykam* [Basis of Methods of Teaching Foreign Languages]. Moscow, KNORUS Publ., 2017, 390 p. (In Russian).
27. Skinner B.F. *The Technology of Teaching*. New York, Appleton-Century-Crofts, 1968, 271 p.
28. Monakhov V.M., Tikhomirov S.A. Evolyutsiya metodicheskoy sistemy elektronnoy obucheniya [Theory and methodology of training and education]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2018, no. 6, pp. 76-88. DOI 10.24411/1813-145X-2018-10230 (In Russian).
29. Joyce B.R., Weil M., Calhoun E. *Models of Teaching*. Pearson Education, 2014, 560 p.

Информация об авторе

Юзбашева Элина Георгиевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков. Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: eg.yuzbasheva@mpgu.su

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, освоение метода, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2229-5260>

Поступила в редакцию 09.08.2019 г.

Поступила после рецензирования 30.08.2019 г.

Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the author

Elina G. Yuzbasheva, Senior Lecturer of Foreign Languages Department. Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: eg.yuzbasheva@mpgu.su

Contribution: main study conception, literature analysis, method adoption, manuscript design, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2229-5260>

Received 9 August 2019

Reviewed 30 August 2019

Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-43-51
УДК 378.4+811.58

Особенности заимствованной лексики в китайском языке на примере сферы цифровой экономики

Ксения Владимировна АКУЛИНА, Евгения Владимировна ТИХОНОВА

Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Российская Федерация, г. Томск, ул. Ленина, 36

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4731-0017>, e-mail: Ksenia.akulina31@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3438-4623>, e-mail: evkulmanakova@gmail.com

Characteristics of loanwords in Chinese language on the example of digital economy sphere

Kseniia V. AKULINA, Evgeniya V. TIKHONOVA

National Research Tomsk State University
36 Lenin St., Tomsk 634050, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4731-0017>, e-mail: Ksenia.akulina31@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3438-4623>, e-mail: evkulmanakova@gmail.com

Аннотация. Посвящено изучению методов заимствования в китайском языке и степени влияния английского языка на данные методы на примере терминологических единиц из сферы цифровой экономики. Цифровая экономика является одной из активно развивающихся отраслей экономики в мире, чем привлекает внимание большого количества специалистов из разных областей науки. С точки зрения лингвистики, интерес к указанной отрасли вызван следующим вопросом: какие методы заимствования используются для «поглощения» новой лексики в язык в то время, когда общество в самые короткие сроки получает огромное количество информации о новых предметах и явлениях со всего мира? Другими словами: успевает ли язык подобрать соответствующие эквиваленты или адаптировать фонетическую кальку для иностранных лексических единиц? Так, целью данной работы является изучение степени влияния английского языка на методы заимствования в китайском языке. Для достижения цели были поставлены задачи. Во-первых, изучить классификацию методов заимствования отечественных и зарубежных лингвистов. Среди множества научных трудов были отмечены работы таких ученых, как В.И. Горелов, А.Л. Семенов, В.Г. Буров, И.Д. Кленин, В.Ф. Щичко, Гао Минкай, Руйцин Мяо, Куй Чжу, Лю Юнцюань. Во-вторых, подробно рассмотреть и описать графический метод заимствования в китайском языке. Акцент на данный метод заимствования был сделан по причине того, что он подробно рассматривает лексические единицы, состоящие полностью или частично из греческих или латинских букв. В-третьих, проанализировать терминологическую базу китайского языка из сферы цифровой экономики, то есть распределить лексические единицы по группам, соответствующим способам заимствования.

Ключевые слова: цифровая экономика; методы заимствования; графический метод

Для цитирования: Акулина К.В., Тихонова Е.В. Особенности заимствованной лексики в китайском языке на примере сферы цифровой экономики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 43-51. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-43-51

Abstract. It is devoted to the study of borrowing methods in Chinese and the degree of influence of the English language on these methods on the example of terminological units from the digital economy sphere. The digital economy is one of the rapidly developing industries in the world, which attracts the attention of a large number of specialists from various fields of science. From the linguistics point of view, the interest of this industry is caused by the following question: what borrowing methods are used to “absorb” new vocabulary into the language, at a time when society

in the shortest possible time receives a huge amount of information about new objects and phenomena from around the world? In other words: does the language manage to select the appropriate equivalents or adapt the phonetic calque for foreign lexical units? The aim of this work is to study the degree of influence of the English language on borrowing methods in Chinese. To achieve the goal, tasks were set. Firstly, to study the classification of borrowing methods of domestic and foreign sinologists. Among the many scientific works, we note the works of such scientists as V.I. Gorelov, A.L. Semenas, V.G. Burov, I.D. Klenin, V.F. Shchichko, Gāo Míngkǎi, Ruitsin Miao, Kui Zhu, Liu Yongquan. Secondly, to consider and describe in detail the graphical borrowing method in Chinese. The emphasis on this borrowing method was made because it examines in detail lexical units, consisting in whole or in part of Greek or Latin letters. Thirdly, to analyze the terminological base of the Chinese language from the digital economy sphere, that is, to distribute lexical units according to groups corresponding to borrowing methods.

Keywords: digital economy; borrowing methods; graphic method

For citation: Akulina K.V., Tikhonova E.V. Osobennosti zaимstvovannoy leksiki v kitayskom yazyke na primere sfery tsifrovoy ekonomiki [Characteristics of loanwords in Chinese language on the example of digital economy sphere]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 43–51. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-43-51 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

В течение последних лет современное общество активно переходит в новую эпоху – эпоху цифровизации. Об этом свидетельствует появление такой новой отрасли экономики, как цифровая экономика, которая уже успела затронуть многие сферы жизни. Согласно «Стратегии развития информационного общества РФ на 2017–2030 годы», утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р, в России указано следующее определение цифровой экономики: «Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Основными элементами цифровой экономики являются электронная коммерция, интернет-банкинг, электронные платежи, интернет-реклама и интернет-игры¹.

Востребованность цифровой экономики связана с активным использованием таких продуктов, как онлайн-банк, безналичный расчет при помощи гаджетов; люди все больше предпочитают совершать покупки

через Интернет и т. д. Такой спрос на услуги и продукцию цифровой экономики сильно влияет не только на социальную жизнь, но и на развитие языка. Согласно Digital Evolution Index на 2017 год в группу лидеров по развитию цифровых стран входят Сингапур, Новая Зеландия, ОАЭ, группу перспективных стран возглавляют Китай, Малайзия, Боливия, Кения и Россия².

Как было отмечено выше, цифровая экономика – это экономическая деятельность, основанная на IT- и ICT-технологиях. Поскольку компании-лидеры, занимающиеся развитием компьютерных, информационных и цифровых технологий, изначально находились в Кремневой долине, сложившаяся ситуация привела к большому влиянию английского языка на китайский язык. Таким образом, целью указанной статьи является рассмотреть влияние английского языка на методы заимствования в китайском языке в области цифровой экономики.

МЕТОДЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

В работах отечественных ученых можно выделить три большие группы методов заимствования: фонетический, семантический и фонетико-семантический. Так, подобная система прослеживается в учебном пособии

¹ Data Economy: Цифровая экономика. URL: <https://data-economy.ru/> (дата обращения: 23.05.2019).

² Harvard Business Review: Самые цифровые страны. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/p23271> (дата обращения: 23.05.2019).

В.И. Горелова «Лексикология китайского языка». Необходимо отметить, что автор подразделяет семантическое заимствование на два типа: структурные и этимологические кальки. При структурном калькировании происходит копирование семантико-морфологической структуры иностранной лексической единицы. Например, “马力” (马 – лошадь, 力 – сила) – лошадиная сила, “生产力” (生 – производить, 力 – сила) – производственная сила. При этимологическом калькировании раскрывается содержание иностранного слова. К примеру, “打火机” (打 – бить, 火 – огонь, 机 – аппарат) – зажигалка, “自来水” (自 – сам, 来 – приходить, 水 – вода) – водопровод. Также В.И. Горелов обособленно выделяет вторичный метод заимствования, то есть заимствование иностранной лексики из японского языка. Чаще всего это терминологические единицы: “保险” – «страхование», “所得税” – «подходный налог» и т. п. [1].

В труде А.Л. Семенас «Лексика китайского языка» есть небольшое отличие: выделяются пять способов заимствования. В данной системе также есть фонетический и семантический метод, однако фонетико-семантический разделен на три типа:

1) китайская морфема + фонетическое заимствование: “税卡” (税 – налог, 卡 – kǎ) – налоговая карточка;

2) фонетическое заимствование + китайская морфема: “卡带” (卡 – kǎ, 带 – лента) – магнитофонная лента;

3) фонетическое заимствование + родовое слово: “吉普车” (吉普 jípu от англ. “jeep”, 车 – транспортное средство) – джип [2].

В.Г. Буров и А.Л. Семенас в книге «Китайско-русский словарь новых слов и выражений» выделяют фонетический, семантический, полуфонетический и полусемантический, а также гибридный (фонетическое заимствование + родовой элемент) методы [3]. И.Д. Кленина и В.Ф. Щичко в «Лексикологии китайского языка» выделяют две большие группы: фонетическое заимствование и семантическое калькирование, каждая из которых разделяется на прямые (калькирование лексических единиц происходит с языка-источника) и косвенные (заимствование происходит из японского языка) методы [4]. Среди трудов китайских ученых также можно найти схожий подход. Например, в «Словаре китайских заимствований» Лю Чжэньяня, Гао

Минкай, Май Юн, Ши Юйвэй выделяют фонетический, семантический и фонетико-семантический методы заимствования [5].

В работах зарубежных коллег за последний период времени отслеживается ряд изменений в подходе выделения методов заимствования иностранных слов в китайском языке. Например, доктор философских наук Руйцин Мяо (Ruiqin Miao) в своей диссертационной работе, кроме фонетического, семантического и гибридного (фонетико-семантического) методов, выделяет графическое заимствование. Под графическим методом подразумевается заимствование написания японских слов, которое пришло на период 1890–1930 годов, когда китайские студенты и японские ученые ввели в Китай большое количество японских переводов западных терминов (“文学” – «литература», “广场” – «площадь», “不景气” – «стагнация»). Также в этот метод входит заимствование латинского алфавита, который начался с 1970 годов и стимулируется усилением контактов между китайским и западными языками, в особенности английским. В свою очередь, это могут быть как заимствование акронимов, так и комбинация состава между буквами иностранного языка и китайскими морфемами (ATM, CD, BP 机) [6].

Также следует обратить внимание на работу Куй Чжу (Kui Zhu). Автор, помимо ранее рассмотренных традиционных подходов, тоже указывает графический метод заимствования. Однако в данной статье Куй Чжу использует для обозначения термин «трансплантация» (transplantation), который подразделяет на два вида. Первый включает в себя акронимы английского языка (WTO, АРЕС, SOS). Второй вид состоит из инициалей английского языка и финалей китайского языка (X-光 (X-rays), IP-卡 (Internet phone card), pH值 (pH value)) [7].

Лю Юнцюань неоднократно в своих трудах обращался к проблематике наличия буквенных символов в составе лексических единиц китайского языка. В одной из своих работ автор предложил обозначать данный вид заимствования не просто “字母词”, а “中文字字母词” (Chinese lettered words). Поскольку в таких языках, как английский, немецкий, русский, слова уже состоят из букв, то нет места для явления «буквенное слово». В составе лексических единиц китайского язы-

ка лежат иероглифы, и очень малая часть слов в своей структуре имеют буквы, поэтому «字母词», или «буквенное слово» уникально только для китайского языка, и следует обозначать новый вид заимствований как «中文字母词».

Также Лю Юнцюань дает подробное описание и классификацию «字母词». Буквенные слова в китайском языке могут различаться по 5 признакам.

1. По источнику заимствований букв: 1) большинство лексических единиц используют латинский язык; 2) меньшее количество используют греческий язык.

2. По чистоте состава: 1) слова, состоящие полностью из букв (СТ); 2) слова, состоящие из букв и иероглифов. Второй вариант в свою очередь разветвляется еще на два вида. Первый – слова, в которые входят буквы, символы/арабские числа (.net; 3D). Второй – слова, в которые входят буквы и иероглифы (BP机).

3. По размеру букв: 1) прописные (ISO); 2) строчные (ml); 3) комбинация из прописных и строчных (dBASE); 4) допускается использовать вариант написания как прописными, так и строчными буквами (EMAIL, email, Email).

4. По количеству букв в составе: 1) одна буква (B超); 2) две буквы (AA制); 3) больше двух букв (BASIC语言).

5. По расположению букв и иероглифов: 1) буква стоит перед иероглифом (T恤); 2) буква стоит после иероглифа (卡拉OK); 3) буква стоит в середине слова (三C革命) [8].

Таким образом, на основе проведенной классификации признаков графического метода заимствования Лю Юнцюань следует расширить ранее указанные подвиды, которые были перечислены в работах Руйцин Мяо и Куй Чжу. Можно предложить следующее описание – графический метод заимствования подразделяется на:

1) эквиваленты, сохранившие графику исходной лексической единицы;

2) эквиваленты, состоящие из графических элементов исходного слова и морфем китайского языка;

3) эквиваленты, состоящие из графических элементов исходного слова и знаков (или арабских чисел).

Так, принцип выделения фонетического, семантического, фонетико-семантического и

графического методов заимствования в китайском языке прослеживается во многих работах отечественных и зарубежных лингвистов с конца XX века [9–11].

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ТЕРМИНОЛОГИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ОБЛАСТИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Для того чтобы выяснить, в какой степени английский язык повлиял на выбор метода заимствования иностранных слов в китайском языке в области цифровой экономики, были изучены 103 термина. Первоисточником лексических единиц во всех случаях выступал английский язык. Практический материал был разделен по методам заимствования: семантический, семантико-фонетический, фонетический, графический.

Семантический метод. Под семантическим методом заимствования в данной категории подразумевается копирование структуры слова или словосочетания (структурная калька) и раскрытие этимологического значения лексической единицы (этимологическая калька). Так, в данную группу входит больше всего терминологических единиц китайского языка из области цифровой экономики (82 %, что составляет 84 слова). Рассматривая с точки зрения калькирования, 92 % терминов были образованы при помощи структурного калькирования. Например, “Agile Development” (гибкая методология разработки): перевод на китайский язык “敏捷开发” (敏捷 – гибкий, 开发 – разрабатывать). “Business Intelligence” (бизнес-аналитика): перевод на китайский язык “商务智能” (商务 – бизнес, 智能 – интеллект). Оставшаяся малая часть 8 % терминов была образована при помощи этимологического калькирования. К примеру, “Altcoin” (Альткойн – это все криптовалюты, кроме Bitcoin): перевод на китайский язык “竞争币” (конкурентная валюта)³. “Cookie” (куки): перевод на китайский язык “储存在用户本地终端上的数据” (данные хранятся на локальном терминале пользователя). К тому же следует отметить тот факт, что 1/3 лексических единиц группы семантического заимствования составляют термины-аббре-

³ Bitcoinwiki: Альткойны. URL: <https://ru.bitcoin-wiki.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B8%D0%BD%D1%8B> (дата обращения: 23.05.2019).

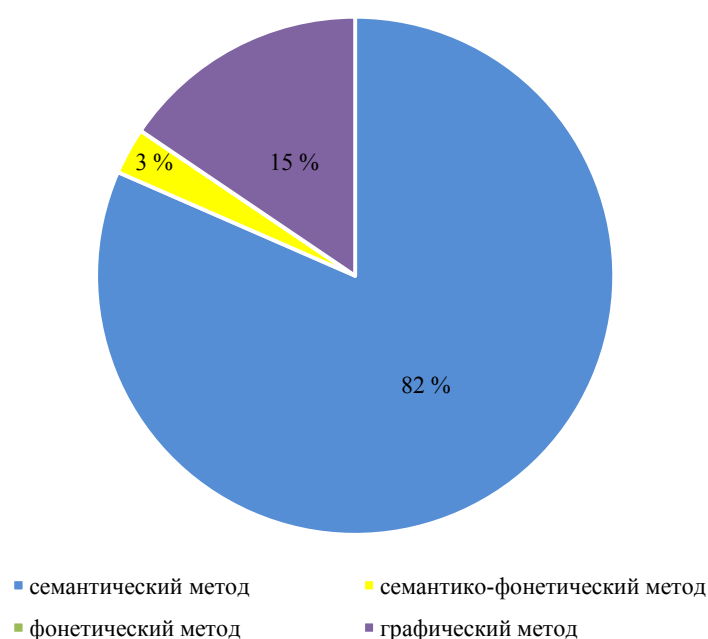

Рис. 1. Статистика по частоте использования методов заимствования в китайском языке в области цифровой экономики 1.0

виатуры английского языка, обладающие соответствующими эквивалентами в китайском языке. Например, “AR” (augmented reality – дополнительная реальность): перевод на китайский язык “增强现实”. “ICT” (information and communications technology – информационно-коммуникационные технологии): перевод на китайский язык “信息通信技术”. Однако при письме на китайском языке отдается предпочтение англоязычному варианту, что может быть связано со стремлением избежать нагромождения в тексте или с большей узнаваемостью и привычностью оригинальной формы. Таким образом, англоязычные аббревиатуры и их эквиваленты китайского языка могут наравне употребляться при письме.

Семантико-фонетический метод. Под семантико-фонетическим методом заимствования в данной категории подразумевается использование морфем и родовых слов китайского языка и фонетических калек. В данную группу вошло всего 3 лексических единицы, что составляет около 3 % от всего объема исследуемых единиц. 2 из 3 термина были построены по схеме «фонетическая калька + родовая морфема». Например, “Hashrate” (хэшрейт – единица, с помощью которой измеряется вычислительная мощность оборудования для добычи криптовалюты (майнин-

га)): перевод на китайский язык “哈希率” (哈希 – hāxī, 率 – коэффициент)⁴. “Bitcoin” (биткоин – виртуальная валюта): перевод на китайский язык “比特币” (比特 – bǐtè, 币 – валюта). Один из трех терминов был образован по схеме «китайская морфема + фонетическая калька». К примеру, “Debit Card” (дебетовая карта): перевод на китайский язык “借记卡” (借记 – дебет, 卡 – kǎ). Таким образом, можно предположить, что семантико-фонетический метод используется для обозначения единиц в очень редких случаях.

Фонетический метод. При изучении терминов китайского языка в области цифровой экономики не было зафиксировано случаев использования фонетического калькирования.

Графический метод. Под графическим методом заимствования в данной категории подразумевается самостоятельное использование латинских или греческих букв, знаков, арабских цифр или совместно с морфемами китайского языка в структуре лексической единицы. В указанную группу вошли термины, сохранившие графический вид англоязычных слов и не имеющие эквивалентного

⁴ Alpari: Хэшрейт. URL: <https://alpari.com/ru/beginner/glossary/hashrate/> (дата обращения: 23.05.2019)..

перевода на китайский язык, термины, состоящие из буквы и иероглифов, а также термины, созданные на основе букв и цифр. При подсчете не были учтены единицы из категории семантического метода заимствования, обладающие равноправными англоязычными и китайскими эквивалентами. Так, общий объем терминов категории графического метода заимствования составляет около 15 % (16 лексических единиц). В процессе изучения терминов китайского языка в области цифровой экономики были зафиксированы все виды данного метода заимствования, указанные ранее.

1. Эквиваленты, сохранившие графику исходной лексической единицы:

- DevOPS (development and operations) – набор практик, нацеленных на активное взаимодействие специалистов по разработке со специалистами по информационно-технологическому обслуживанию и взаимную интеграцию их рабочих процессов друг в друга⁵.

2. Эквиваленты, состоящие из графических элементов исходного слова и морфем китайского языка:

- “R 语言” от “The R Programming Language” (R – язык программирования);

- “CAP原则” от “CAP Principle” (теорема CAP или теорема Брюера);

- “CALS计划” от “Continuous Acquisition & Life-cycle Support” (CALS – непрерывная информационная поддержка поставок и жизненного цикла изделий)⁶.

3. Эквиваленты, состоящие из графических элементов исходного слова и знаков (или арабских чисел):

- SHA-256 (Secure Hashing Algorithm) – это популярный криптографический алгоритм хеширования, разработанный National Security Agency – Агентством национальной безопасности США⁷;

- C2B (Consumer-to-business) – это Потребитель для Бизнеса, а именно наименее развитый вид взаимодействия, при котором потребитель воздействует на организацию, например, самостоятельно устанавливая стоимость товаров и услуг, предлагаемых компанией⁸;

- ERC 20 (Ethereum Request for Comments) – является уникальным идентификатором стандарта Ethereum, чтобы отличить его от других стандартов⁹.

Таким образом, самым частотным подвидом в графическом методе заимствования являются эквиваленты, состоящие из графических элементов исходного слова и морфем китайского языка, что составляет 75 % от общего объема (12 слов). Менее частотными – эквиваленты, состоящие из графических элементов исходного слова и знаков (или арабских чисел), что составляет 19 % от общего объема (3 слова). Редко употребляемым подвидом – эквиваленты, сохранившие графику исходной лексической единицы, что составляет 6 % от общего объема (1 слово). Однако если рассматривать все случаи графического заимствования в китайском языке в области цифровой экономики, то есть учитывать термины, обладающие и англоязычными и китайскими эквивалентами, то самым популярным подвидом оказывается полное графическое копирование исходного слова (первый). Сложившаяся ситуация объясняется тем, что большая часть терминов (63 %), входящих в категорию графического метода заимствования, является акронимами. Как было отмечено выше, расшифровка аббревиатур на китайский язык может вызвать нагромождение в тексте, что станет препятствием для полного и четко восприятия информации. Поэтому зачастую используются аббревиатуры английского языка, несмотря на то, что есть соответствующие эквиваленты в родном языке.

ВЫВОДЫ

Таким образом, вновь сопоставляя изученные данные, можно предположить, что

⁵ ANTI-MALWARE: Что такое DevSecOps и как это помогает разработке безопасных приложений. URL: <https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology/Analysis/what-is-devsecops-developing-more-secure-applications> (дата обращения: 20.05.2019).

⁶ TADVISER: CALS. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:CALS> (дата обращения: 20.05.2019).

⁷ CryptoFeed.ru: Обзор алгоритма шифрования SHA-256. URL: <https://cryptofeed.ru/knowledge/obzor-algoritma-shifrovaniya-sha-256/> (дата обращения: 20.05.2019).

⁸ HUMANTECHNOLOGIES: C2B. URL: <https://old.ht-lab.ru/cms/component/content/article/6-management/1687-c2b> (дата обращения: 20.05.2019).

⁹ Bitcoinwiki: ERC20. URL: <https://ru.bitcoinwiki.org/wiki/ERC20> (дата обращения: 20.05.2019).

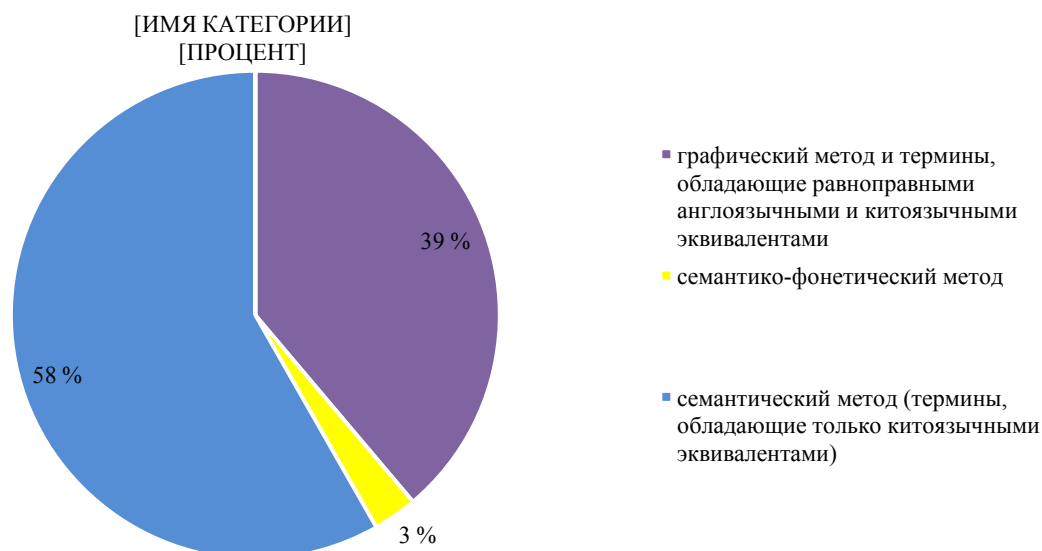

Рис. 2. Статистика по частоте использования методов заимствования в китайском языке в области цифровой экономики 2.0

английский язык оказывает большое влияние на словообразовательные модели китайского языка в области цифровой экономики. Процент терминов, заимствованных графическим методом, и лексических единиц, обладающих равноправными англоязычными и китаяязычными эквивалентами, составляет 39 %. Наиболее продуктивным подвидом заимствования выступают эквиваленты, полностью сохранившие графический вид исходных слов, так как большая часть таких терминов является акронимами (63 %). На втором месте находятся эквиваленты, состоящие из букв и иероглифов. На третьем месте по способу заимствования находятся эквиваленты, образованные на основе букв и знаков.

Однако семантический метод заимствования по-прежнему преобладает (58 %), поскольку правительство КНР проводит ряд политических программ по сохранению чистоты китайского языка. С точки зрения калькирования, структурная калька преобладает при заимствовании новых терминов в лексическом составе китайского языка в области цифровой экономики. Также стоит отметить, что только у 29 % терминов данной категории обладают равноправными англоязычными эквивалентами.

Менее продуктивным методом заимствования выступает семантико-фонетический. Только 3 % терминов были образованы указанным методом, большая часть которых строилась по схеме «фонетическое калькирование + родовая морфема».

Список литературы

1. Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
2. Семенас А.Л. Лексика китайского языка. М.: Восток-Запад, 2005. 310 с.
3. Буров В.Г., Семенас А.Л. Китайско-русский словарь новых слов и выражений. М.: Восточная книга, 2007. 736 с.
4. Кленин И.Д., Щичко В.Ф. Лексикология китайского языка. М.: Восточная книга, 2013. 272 с.
5. 汉语外来词词典, 高明凯等, 上海辞书出版社, 1984, 上海 [Гао Минкай. Словарь заимствованных слов в китайском языке. Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 1984].
6. Miao R. Loanword Adaptation in Mandarin Chinese: Perceptual, Phonological and Sociolinguistic Factors: Ph.D. Dissertation. N. Y.: Stony Brook University, 2005.

7. Zhu K. On Chinese-English language contact through loanwords // *English Language and Literature Studies*. 2011. № 1 (2). С. 100-105.
8. 刘涌泉. 关于汉语字母词的问题 // 语言文字应用. 2002. № 1. С. 85-90. URL: <https://www.ixueshu.com/document/0bdced3453da184e318947a18e7f9386.html> (accessed: 15.05.2019).
9. 李冀宏. 论汉语中外来词的借用 [Электронный ресурс] // 长沙交通学院报. 1998. № 14 (4). С. 109-111. URL: <https://wenku.baidu.com/view/8fd62cea19e8b8f67c1cb957.html> (accessed: 15.05.2019).
10. 毛华奋. 外来语的吸收与新术语的翻译 // 台州师专学报. 1999. № 21 (5). С. 62-65. URL: <https://www.ixueshu.com/document/f1e3bca23ab9a865318947a18e7f9386.html> (accessed: 15.05.2019).
11. 余锋. 外来语与汉语引进外来语的方式探讨 [Электронный ресурс] // 中国民航飞行学院学报. 2006. № 17 (01). С. 37-40. URL: <https://www.ixueshu.com/document/0b867850e9b2006b.html> (accessed: 15.05.2019).

References

1. Gorelov V.I. *Leksikologiya kitayskogo yazyka* [Lexicology of Chinese Language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1984, 216 p. (In Russian).
2. Semenas A.L. *Leksika kitayskogo yazyka* [Lexis of Chinese Language]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2005, 310 p. (In Russian).
3. Burov V.G., Semenas A.L. *Kitaysko-russkiy slovar' novykh slov i vyrazheniy* [Chinese-Russian Dictionary of New Words and Phrases]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2007, 736 p. (In Russian).
4. Klenin I.D., Shchichko V.F. *Leksikologiya kitayskogo yazyka* [Lexicology of Chinese Language]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2013, 272 p. (In Russian).
5. 汉语外来词词典, 高明凯等, 上海辞书出版社, 1984, 上海 Gao Minkay. *Slovar' zaimstvovannykh slov v kitayskom yazyke* [Dictionary of Loanwords in Chinese language]. Shanghai, Shanghai dictionary Publ., 1984.
6. Miao R. *Loanword Adaptation in Mandarin Chinese: Perceptual, Phonological and Sociolinguistic Factors: Ph.D. Dissertation*. New York, Stony Brook University Publ., 2005.
7. Zhu K. On Chinese-English language contact through loanwords. *English Language and Literature Studies*, 2011, no. 1 (2), pp. 100-105.
8. 刘涌泉. 关于汉语字母词的问题. 语言文字应用, 2002, no. 1, pp. 85-90. (In Chinese). Available at: <https://www.ixueshu.com/document/0bdced3453da184e318947a18e7f9386.html> (accessed 15.05.2019).
9. 李冀宏. 论汉语中外来词的借用. 长沙交通学院报, 1998, no. 14 (4), pp. 109-111. (In Chinese). Available at: <https://wenku.baidu.com/view/8fd62cea19e8b8f67c1cb957.html> (accessed 15.05.2019).
10. 毛华奋. 外来语的吸收与新术语的翻译. 台州师专学报, 1999, no. 21 (5), pp. 62-65. (In Chinese). Available at: <https://www.ixueshu.com/document/f1e3bca23ab9a865318947a18e7f9386.html> (accessed 15.05.2019).
11. 余锋. 外来语与汉语引进外来语的方式探讨. 中国民航飞行学院学报, 2006, no. 17 (01), pp. 37-40. (In Chinese). Available at: <https://www.ixueshu.com/document/0b867850e9b2006b.html> (accessed 15.05.2019).

Информация об авторах

Акулина Ксения Владимировна, ассистент, аспирант, факультет иностранных языков. Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация. E-mail: Ksenia.akulina31@gmail.com

Вклад в статью: изучение классификации методов заимствования отечественных и зарубежных ки-таеведов, описание графического метода заимствования в китайском языке, анализ терминологической базы китайского языка из сферы цифровой экономики, то есть распределение лексических единиц по группам, соответствующим способам заимствования, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4731-0017>

Тихонова Евгения Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой китайского языка. Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация. E-mail: evkulmanakova@gmail.com

Вклад в статью: идея исследования, анализ методов заимствования, написание части текста, одобрение рукописи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3438-4623>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Акулина Ксения Владимировна
E-mail: Ksenia.akulina31@gmail.com

Поступила в редакцию 10.06.2019 г.
Поступила после рецензирования 04.07.2019 г.
Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the authors

Kseniia V. Akulina, Assistant, Post-Graduate Student, Foreign Languages Faculty. National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: Ksenia.akulina31@gmail.com

Contribution: study of borrowing methods classification of domestic and foreign sinologists, description of graphical borrowing method in Chinese, analysis of terminology base of the Chinese language from the field of digital economy, that is, lexical units into groups distribution corresponding to borrowing methods, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4731-0017>

Evgeniya V. Tikhonova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of Chinese Language Department. National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: evkulmanakova@gmail.com

Contribution: study idea, borrowing methods analysis, part of text drafting, manuscript approval.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3438-4623>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Kseniia V. Akulina
E-mail: Ksenia.akulina31@gmail.com

Received 10 June 2019
Reviewed 4 July 2019
Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-52-60
УДК 81.243+81.25+316.77+81.276.5

Особенности перевода португальского военного подязыка

Антон Николаевич ЧУГУНОВ, Петр Джонович МИТЧЕЛЛ
Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Российская Федерация, г. Томск, ул. Ленина, 36
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6352-4934>, e-mail: vooldezz@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-903X>, e-mail: peter_mitchell@mail.ru

Translation features of the Portuguese military sublanguage

Anton N. CHUGUNOV, Peter J. MITCHELL
National Research Tomsk State University
36 Lenin St., Tomsk 634050, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6352-4934>, e-mail: vooldezz@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-903X>, e-mail: peter_mitchell@mail.ru

Аннотация. В современном активно глобализирующемся мире, где государствам необходимо устанавливать контакты друг с другом, регулировать взаимоотношения и совместно решать задачи, возрастает необходимость в грамотном ведении диалога между ними. Поскольку большое количество связей между государствами являются военными, существует необходимость в специально обученных военных переводчиках, которые смогут лингвистически обеспечивать диалог с другими странами, не допуская грубых ошибок при выполнении своей деятельности, так как это является недопустимым. Поэтому, в связи с тем, что у Российской Федерации на данном этапе имеются стратегические партнеры среди стран-лузофонов, в данной статье речь будет идти о некоторых особенностях и трудностях перевода текстов военного характера с португальского языка на русский, с которыми может столкнуться военный переводчик в своей повседневной работе. Мы начнем с рассмотрения и раскрытия понятий, с которыми мы будем работать в этой статье. Также будут рассмотрены причины появления и развития португальского военного подязыка, его характерные особенности. Отдельно будет выполнено терминологическое сравнение португальского военного подязыка с английским военным подязыком, подкрепленное наглядными примерами. Во второй части статьи мы перейдем к непосредственному рассмотрению особенностей перевода на русский военный подязык, будут приведены примеры предложений на португальском языке и их перевод на русский с комментариями. В этой же части будет рассмотрен большой терминологический пласт португальского военного подязыка – сленгизмы, будут приведены примеры и их переводы с комментариями.

Ключевые слова: португальский военный подязык; особенности перевода; межкультурная коммуникация; военный сленг

Для цитирования: Чугунов А.Н., Митчелл П.Дж. Особенности перевода португальского военного подязыка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 52-60. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-52-60

Abstract. In a modern actively globalizing world, in which states have to establish contact with each other, regulate their relations and jointly face challenges, it is highly important to establish adequate communication. Since a huge number of ties between states are of a military nature, there is a growing need for military interpreters, who would be able to ensure dialogue with other countries without making grave mistakes. In this regard, since the Russian Federation presently has strategic partners among Lusophone countries, we consider some difficulties and features of translation of the Portuguese military sublanguage, with which a military interpreter in his/her professional work could experience difficulties. We will start with consideration and definitions of the terms that we will work with. Reasons behind the appearance and development of the Portuguese military sublanguage and some of its characteristic features are considered. Furthermore, a termi-

nological comparison of the Portuguese military sublanguage with the English military sublanguage is carried out, followed by examples. Some features of translation into Russian military sublanguage are considered in the second part of the study with examples of sentences in Portuguese and their translation into Russian with comments. Besides this, in this part, a huge terminological layer of Portuguese military sublanguage – slangisms – is considered. We will provide examples and its translation with comments.

Keywords: Portuguese military sublanguage; translation features; intercultural communication; military slang

For citation: Chugunov A.N., Mitchell P.J. Osobennosti perevoda portugal'skogo voyennogo pod'yazyka [Translation features of the Portuguese military sublanguage]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 52-60. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-52-60 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В настоящее время к военному переводчику предъявляется ряд требований, который включает в себя высокое владение переводчиком родным и иностранными языками, умение адекватно воспроизводить речь на родном языке и адекватно подбирать соответствия в иностранном языке, наличие профессиональных знаний. Важно, чтобы военный переводчик знал и следовал правилам языка, понимал стилистические особенности различных типов текстов как в родном, так и в иностранных языках, грамотно строил свою речь.

«Как правило, специалист, который не обладает знаниями и компетенциями, как раз и предопределяющими институциональность военного подъязыка, не способен качественно выполнять поставленные перед ним переводческие задачи» [1].

Военный переводчик – это специалист, в различных условиях (в залах суда, в ходе переговоров с местным населением и на высшем уровне, в конфликтных и кризисных регионах, в регионах, где идут военные действия, в концентрационных лагерях, в лагерях военнопленных и др.) осуществляющий письменный и устный перевод (синхронный, последовательный перевод, перевод с листа и коммунальный перевод) «оперативного назначения, объектом которого являются военные материалы» [2], отличающиеся за счет использования общеизвестной и узкоспециальной военной терминологии [3].

Наряду с этим переводчик несет огромную ответственность, поскольку ошибочный перевод может привести к отсутствию понимания или к неверному толкованию, способному привести к фатальному результату, например, к неправильному использованию оружия [4].

Другой проблемой будет отсутствие достаточного количества работ, описывающих какие-либо особенности перевода текстов военного характера с португальского языка на русский и наоборот, которыми мог бы руководствоваться военный переводчик с португальского языка, чтобы не допускать ошибок в своей деятельности и чтобы добиться определенной унификации в переводе. Данная статья освещает некоторые особенности перевода военных текстов с португальского языка. В силу того, что переводчик может столкнуться с такими конструкциями португальского языка, которые будет трудно перевести на русский язык, поскольку в русском языке могут отсутствовать подобные конструкции, или это может звучать нелогично и неприемлемо, является важным адекватно владеть как русским, так и португальским языками, и иметь знания по теме переводимого материала для выбора наиболее подходящего варианта перевода.

Настоящая статья посвящена португальскому военному подъязыку (язык для специальных целей). В ней будут затрагиваться следующие страны-лузофоны: Португалия, Бразилия и Ангола. Как и во многих других, в странах-лузофонах имеются достаточно развитые вооруженные силы, соответственно существует и военный подъязык, то есть набор терминов, лексических средств, используемых для обозначения и передачи военных реалий. В данной работе особое внимание уделяется переводу на русский язык, так как это является неотъемлемой частью работы переводчика. Португальский военный подъязык, как и любой другой язык для специальных целей, и в особенности, как и остальные военные подъязыки, характеризуется своими определенными чертами, отличительными

признаками, которые проявляют себя разными способами, например, в некоторых случаях они могут играть роль друзей переводчика, в некоторых – ложных друзей.

Поскольку настоящая статья рассматривает португальский военный подъязык и особенности его перевода, считаем необходимым начать с раскрытия и описания некоторых характерных особенностей и отличительных черт компонентов этого термина: военный подъязык, португальский язык, а также непосредственно сам военный перевод.

Подъязык – «малая лингвистическая подсистема, содержащая набор языковых структур и единиц, заданных тематически однородной областью социального или профессионального функционирования языка, обладающая функционально-стилистической направленностью и обслуживающая определенную сферу общения» [2]. Военный подъязык характеризуется большим количеством технических терминов, требующим точного перевода, поэтому является важным, чтобы военные переводчики точно знали все термины, что они обозначают как на одном, так и на другом языке для осуществления корректного перевода. Г.М. Стрелковским перевод определяется как вид речевой деятельности, удваивающий компоненты акта коммуникации и имеющий целью передать сообщение в случаях, когда коды, которыми пользуются источник и адресат, не совпадают [5].

Как было отмечено выше, военный подъязык состоит из большого количества технических терминов, именно поэтому военный перевод является сложной задачей, требующей более детального изучения и рассмотрения. Сложности технического перевода обусловлены терминологией, характерной для определенной области, а также особым стилем изложения материала. Термины являлись объектом исследования многих ученых, однако, до сих пор нет единого мнения о классификации терминов и способах их перевода [6].

Военный перевод является одним из видов специального перевода, который выполняет коммуникативную функцию между военными лицами. Важным фактором в военном переводе является максимально точное и четкое донесение информации. В официальной речи в этом стиле практически отсутст-

вуют образно-эмоциональные выразительные средства.

В качестве своего объекта военный перевод имеет так называемую «военную речь», то есть все те речевые произведения, которые порождаются военными либо для военных, в специфических условиях коммуникации. Военная речь, таким образом, может рассматриваться как специфическая форма речевой коммуникации, присущая определенной профессиональной общности, объединенной общностью предмета своей деятельности [7].

Военный перевод является важной составляющей взаимодействия двух и более стран по вопросам обороны. Военный перевод выполняет важную функцию во взаимоотношениях стран. От перевода напрямую зависит, как две страны поймут друг друга. Военный перевод имеет свой особый лексический состав, и в связи с этим возникают осложнения. Наука развивается, вместе с ней расширяется лексический состав языка [8]. Для того чтобы успешно переводить с одного языка на другой, необходимо знать культуру этих языков. Аналогичная ситуация и с военным переводом, но он требует еще больших знаний о предмете [9].

Перейдем к рассмотрению непосредственно португальского языка. Португальский язык – один из наиболее распространенных языков Европы. Он является особым языком романской группы с XIII века. Современный португальский язык формируется к XVI веку. Португальский язык является государственным языком Португалии и бывших колоний этой страны, а именно Бразилии, Анголы, Кабо-Верде, Мозамбика, Макао, Гвинеи-Бисау, Восточного Тимора, Сан-Томе и Принсипи. Общая численность населения этих стран более 230 миллионов человек. Португалоязычные страны называются лузофонными, а сами носители языка – лузофонами, *lusófono* [10]. Португальский язык характеризуется своими особенностями, по причине территориального удаления друг от друга страны-лузофоны имеют языковую дифференциацию в лексике, произношении и орфографии.

1. Португальский военный подъязык: появление и особенности. Появление португальского военного подъязыка связано с

активной мореходной и колонизаторской деятельностью Португалии. По мере развития военного дела в Португалии развивался и португальский военный подъязык. Появлялись новые виды оружия, кораблей, технологий и т. д. Помимо этого, происходили заимствования военных терминов из других языков. Военная терминология составляет большой лексический пласт языка, поэтому, в определенной мере благодаря этим процессам португальский язык развивался и пополнялся.

В отличие от русского языка, в португальском военном подъязыке не имеется строгой институциональности. «В русском языке существует строгая, устоявшаяся институциональность языка, используемого военнослужащими, то есть строгие и четкие формулировки, определенная терминология, поэтому военным переводчикам необходимо строго соответствовать ей и учитывать статусно-ролевые отношения коммуникантов, высокую терминологичность, четкость и структурированность речи» [1].

Португальский военный подъязык имеет большое сходство с английским военным подъязыком как по его структуре, так и по способам терминообразования. Огромное количество терминов в португальском военном подъязыке представляет собой прямой перевод с английского. Ниже будет приведено сравнение терминов португальского военного подъязыка с английским и будет дан их перевод на русский язык. Как было сказано выше, термины в португальском и английском языках могут быть схожими, в то время как аналог в русском языке будет отличаться. Иными словами, зная английский термин для обозначения, к примеру, вспомогательного вооружения – *secondary armament*, можно предположить, что португальский эквивалент будет – *armamento secundário*, и это будет правильно, в то время как, не зная термин «вспомогательное вооружение» в русском языке, переводчик может неправильно перевести его как «вторичное вооружение», что недопустимо в соответствии с институциональностью русского военного подъязыка. Аналогичным образом термин радиоэлектронное подавление – *electronic countermeasures* и его эквивалент в португальском – *contramedidas eletrônicas*. В некоторых случаях перевод на русский представляет собой не

термин (будь то многокомпонентный или однокомпонентный), а целое предложение: для английского термина *electronic deception* существует португальский эквивалент – *deserção eletrônica*, который легко воспроизводится переводчиком, знакомым с этим термином в английском языке, в то время как перевод этого термина на русский язык представляет собой следующее предложение – введение противника в заблуждение с использованием средств РЭБ, то есть перевод является пояснительным. Конечно, существуют такие случаи, когда переводчик может перевести незнакомый ему на русском языке термин с английского (или португальского) правильно, или когда термины совпадают по своей структуре или компонентам в трех языках сразу, но, тем не менее, исходя из своего опыта работы с военными подъязками, к сожалению, такие случаи встречаются реже.

Рассмотрим однокомпонентные термины:

- *combat* (en) – *combate* (pt) – бой; боевые действия;
- *projectile* (en) – *projétil* (pt) – снаряд (общ.);
- *effect* (en) – *efeitos* (pt) – поражающие факторы (напр. ядерного взрыва);
- *cannon* (en) – *canhão* (pt) – пушка.

Рассмотрим многокомпонентные термины:

- *reentry vehicle* (en) – *veículo de reentrada* (pt) – головная часть (в баллистических ракетах);
- *nuclear fusion* (en) – *fusão nuclear* (pt) – ядерный синтез; реакция синтеза;
- *direct support* (en) – *apoio direto* (pt) – непосредственное обеспечение;
- *vertical stabilizer* (en) – *estabilizador vertical* (pt) – вертикальное оперение.

Рассмотрим некоторые случаи, когда термины по своим компонентам или структуре всех трех военных подъязков схожи:

- *active air defense* (en) – *defesa antiaérea ativa* (pt) – активная противовоздушная оборона. В настоящем примере структура терминов португальского и английского военных подъязков совпадает с русским:
- *tank* (en) – *tanque* (pt) – танк;
- *artillery* (en) – *artilharia* (pt) – артиллерия;
- *critical mass* (en) – *massa crítica* (pt) – критическая масса;

– turbocompressor (en) – turbocompressor (pt) – турбокомпрессор.

2. Особенности перевода с португальского военного подъязыка на русский. Вообще, говоря о переводе с португальского военного подъязыка на русский военный подъязык, стоит сказать, что передача смысла предложения – это всего лишь одна из составляющих военного перевода на русский язык. Как уже было сказано, из-за институциональности русского военного подъязыка большую важность также играет формулировка. Поэтому при переводе необходимо найти схожую конструкцию в русском языке, которая в наибольшей степени передаст смысл фразы, или перевести своими словами, используя свои профессиональные знания на заданную тему для выполнения перевода, который будет звучать на русском языке соответствующим военным реалиям образом. Рассмотрим пример:

A disciplina em unidade militar deve ser mantida por: ... – В данном случае, выполняя перевод какого-либо официального документа, запрещается выполнять прямой перевод, например, «дисциплина в воинской части должна поддерживаться при помощи». Необходимо обратиться к этому документу на русском языке, то есть Дисциплинарному уставу ВС РФ, и перевести это следующим образом: «В целях поддержания воинской дисциплины в воинской части командир (начальник) обязан: ...».

Также существует большое количество случаев, когда нельзя использовать прямой перевод, или использование определенного термина недопустимо. Рассмотрим пример:

O superior nas suas relações com os inferiores, não pode levar até à familiaridade, que é permitida em serviço. – При переводе возможно допустить ошибку, используя слово «фамильярность», как и в предложении, в то время как необходимо использовать правильную военную терминологию, и перевести это не как «не должен допускать фамильярности во взаимоотношении с подчиненными», а следующим образом: «нельзя выходить за рамки уставных взаимоотношений».

При переводе организационно-штатной структуры какого-либо зарубежного подразделения военный переводчик может столкнуться с проблемой в переводе наименова-

ний того или иного подразделения. В зависимости от структуры подразделения один термин может быть переведен по-разному. Рассмотрим данную проблему на примере ОШС танковой бригады ВС Бразилии. В ОШС танковой бригады ВС Бразилии входит подразделение, называемое “Esquadrão de Cavalaria Mecanizado”. Неопытный переводчик, который не разобрался в ОШС танковой бригады ВС Бразилии, переведет данное подразделение как «разведывательный батальон», что, безусловно, будет являться ошибкой. Для того чтобы не допускать таких ошибок, следует внимательно изучить ОШС танковой бригады ВС Бразилии, используя схему, и сделать вывод о том, что “Esquadrão de Cavalaria Mecanizado” будет переводиться на русский язык как «разведывательная рота».

Следует отметить, что перевод военных текстов на русский язык является трудной задачей, требующей от переводчика должного уровня подготовки. Для того чтобы осуществить качественный перевод португальских текстов военного характера, следует «уметь подбирать правильный эквивалент при переводе военных терминов, обладающих полисемией или вовсе не имеющих прямых аналогов в русском языке» [11]. Также следует тщательно разобраться в том, что хотел донести автор, и, в случае возникновения проблем с формулировкой, что вполне вероятно для начинающего переводчика по причине высокого уровня институциональности русского военного подъязыка, обратиться к Общевоинским уставам ВС РФ.

Фоновые знания являются одной из важнейших составляющих адекватного военного перевода, рассмотрим пример:

“Manter uma profundidade constante requer uma operação constante dos tanques de controle de profundidade”. В случае, если переводчик не знает перевода термина “tanque de controle de profundidade”, к примеру, если он осуществляет устный перевод и у него нет возможности посмотреть значение термина, есть две опции:

– Понять значение термина исходя из контекста – “manter uma profundidade constante”, прямой перевод – «поддерживать постоянную глубину». Из устройства подводной лодки мы знаем, что для обеспечения компенсации остаточной плавучести исполь-

зуется уравнильная цистерна, таким образом мы можем перевести термин.

– Понять значение термина непосредственно из его компонентов. “Tanque de controle de profundidade”, прямой перевод – «цистерна (бак) управления глубиной». Соответственно, мы понимаем, что речь об уравнильной цистерне.

Можем сделать вывод, что фоновые знания являются крайне важными для военного переводчика и в большинстве случаев помогают выполнить правильный перевод, не зная заранее перевода того или иного термина.

Сленг в португальском военном подъязыке

Другой особенностью перевода с португальского военного подъязыка будет перевод военного сленга.

Начнем с рассмотрения понятия «сленг». Под этим термином понимается лексический слой, находящийся вне пределов литературного языка и обладающий ярко выраженными оценочными, экспрессивными и эмоциональными коннотациями [12].

Военный сленг представляет собой большой пласт лексики повседневного неформального общения военнослужащих, отсюда и вытекает его важность. Часто бывает так, что военный сленг становится настолько широкоупотребительным, что военнослужащие начинают его использовать не только в условиях неформального общения. За последние полстолетия данный термин расширил свое значение и теперь употребляется для денотации настолько огромного количества различных понятий, что стирается грань между тем, что является сленгом, а что нет [12]. Его необходимо знать переводчику для успешного выполнения перевода в некоторых случаях, например, в рамках неформального общения, при анализе дискурса современного военнослужащего.

Военный сленг является широкоупотребительным в повседневном общении военнослужащих практически любой страны, в связи с чем он представляет собой важный аспект всестороннего понимания дискурса военнослужащих другой страны переводчиком. Касательно португальского военного сленга, до сих пор отсутствует объективная частная классификация. Тем не менее, авторы считают, что уместно использовать тематические

классификации, применяемые для сленгизмов в составе других языков [13].

Приведем некоторые примеры предложений, включающих элементы военного сленга военнослужащих Бразилии, с которыми может столкнуться переводчик в процессе своей профессиональной деятельности.

– Esse laranjeiro tolo nem sabe atirar! – Очевидно, что в данном примере говорят не про продавца апельсинов. В настоящем случае “laranjeiro” означает «новобранец, проживающий в казарме» и является частью общеупотребительного военного сленга военнослужащих Бразилии. Но и как «новобранец» переводить не совсем правильно, поскольку переводчику необходимо передать семантику предложения, сохранить стиль и при этом воспроизвести эквивалент в русском языке естественным образом – так, как сказал бы наш соотечественник военнослужащий в таком же контексте. Иными словами, должна быть достигнута максимальная переводческая эквивалентность и адекватность перевода. Так как слово «новобранец» является стилистически нейтральным, корректный перевод будет следующий: «Этот салага (дух, запах) даже не умеет стрелять!»

В некоторых случаях возможно восстановление значения слова из контекста или схожести его семантического смысла с оригинальным значением, например:

– Se não puder resolver esta tarefa, pode perguntar algum antigão. В данном примере понятен смысл предложения – если не можешь сделать, спроси того, кто компетентнее. Также, в случае со словом “antigão” можно понять, что речь идет о том, кто старше (“antigo” – древний). Соответственно, предоставляется возможным даже без предварительного знакомства: «Если сам не сможешь решить задачу, спроси деда (старослужащего)».

Подобным образом словосочетание “fazer a cara”:

– Rapaz, você precisa fazer a cara todos os dias! – Мы знаем, что в армии бриться необходимо каждый день, в связи с чем понятно, что “fazer a cara” (дословно «делать лицо») означает бриться. Перевод: «Пацан, бриться надо каждый день!».

Еще несколько примеров:

– Dar baixa – получить травму и быть демобилизованным;

- Torar/Lombar – спать в дневное время;
- Apagado/apagadão – (досл. потухший, погасший) невнимательный, безучастный;
- Suco do Chaves – (досл. сок из ключей) любой сок в солдатской столовой.

Однако также существует множество случаев, в которых, не зная значения сленгизма, выполнить адекватный перевод практически невозможно, если только контекст, в котором он употреблен, не указывает явно на смысл сленгизма.

– Vou limpar minha namorada hoje. – Прямой перевод слова “namorada” – подруга, поэтому переводчик, не зная данного сленгизма, может прийти в замешательство, столкнувшись с этим предложением. Но среди военнослужащих Бразилии данное слово используется для обозначения винтовки, автомата. Также в этом контексте синонимами слова “namorada” будут “negona”, “pretinha”. Перевод: «Сегодня почищу свой автомат».

Рассмотрев лишь малую часть примеров военных сленгизмов, мы могли убедиться, что военный сленг является большим лекси-

ческим пластом португальского военного подъязыка. С большой вероятностью при живом общении с военнослужащими из португалоязычных стран переводчик столкнется со сленгизмами. Поэтому военному переводчику при своей профессиональной подготовке необходимо уделять внимание военному сленгу, так как в большинстве случаев он не изучается в стенах учебного заведения.

Помимо этого, рассмотрев особенности перевода с португальского военного подъязыка на русский, мы можем сделать вывод, что такой вид перевода может представлять определенные трудности для военного переводчика, начиная от малого количества пособий по военному переводу с португальского языка и заканчивая недостаточным количеством фоновых знаний в определенной области. Именно по этой причине к военным переводчикам предъявляют строгие требования: высокий уровень языковой подготовки, наличие и постоянное совершенствование своих профессиональных знаний.

Список литературы

1. Шевченко М.А., Игнатов А.А., Гураль С.К. Роль профессионального подъязыка в обучении военному переводу // Язык и культура. 2015. № 4. С. 164-172.
2. Журавлева И.В., Майорова Е.А. К вопросу о военной терминологии и сленге // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: материалы 3 Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Омский автобронетанковый инженерный институт, 2017. С. 90-95.
3. Банман П.П. Военный переводчик: требования и компетенции // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 2 (12). С. 106-112.
4. Тихонова Е.В., Белов Д.Н. Профессиональная компетентность военного переводчика (на материале китайского языка) // Молодой ученый. 2015. № 14. С. 525-528.
5. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода: Немецкий язык. М.: Воениздат, 1979. 272 с.
6. Ткачев М.А. Основные аспекты и трудности военного перевода // Современное языковое образование: инновации, проблемы, решения: сб. науч. тр. 2015. № 2. С. 96-98.
7. Ивлиева Н.В., Красноперова Ю.В. Способы перевода терминов авиастроения (на материале технической документации) // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2015. № 3. С. 79-84.
8. Гарбовский Н.К., Мишкурин Э.Н. Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 2. С. 16-41.
9. Чугунов А.Н. Разница в произношении слов и звуков в разных португалоязычных странах // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 4. С. 84-87.
10. Чугунов А.Н., Орлов С.С. Историческое развитие военной лексики английского языка // Язык и культура: сб. ст. Междунар. науч. конф. Томск, 2017.
11. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. М., 2003. С. 157.
12. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Флинта; Наука, 2006.
13. Соловьев В.М. Португалоязычный бразильский военный сленг // Язык и культура: сб. ст. Междунар. науч. конф. Томск, 2018.

References

1. Shevchenko M.A., Ignatov A.A., Gural S.K. Rol' professional'nogo pod'yazyka v obuchenii voyennomu perevodu [The role of professional sublanguage in teaching military interpreting]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2015, no. 4, pp. 164-172. (In Russian).
2. Zhuravleva I.V., Mayorova E.A. K voprosu o voyennoy terminologii i slenge. *Materialy 3 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy modernizatsii sovremennogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskiye aspekty. Lingvometodicheskiye problemy i tendentsii prepodavaniya inostrannykh yazykov v neyazykovom vuze»* [Proceedings of the 3 International Scientific and Practical Conference “Problems of Modernization of Contemporary Higher Education: Linguistic Aspects. Linguistic and Methodical Problems and Trends in Teaching Foreign Languages in a Non-Linguistic University”]. Omsk, Omsk Armored Vehicle Engineering Institute Publ., 2017, pp. 90-95. (In Russian).
3. Banman P.P. Voyennyy perevodchik: trebovaniya i kompetentsii [Military translator and interpreter: requirements and competences]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2015, no. 2 (12), pp. 106-112. (In Russian).
4. Tikhonova E.V., Belov D.N. Professional'naya kompetentnost' voyennogo perevodchika (na materiale kitayskogo yazyka) [Professional competence of a military translator (based on Chinese language)]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2015, no. 14, pp. 525-528. (In Russian).
5. Strelkovskiy G.M. *Teoriya i praktika voyennogo perevoda: Nemetskiy yazyk* [Theory and Practice of Military Translation: German Language]. Moscow, Voenizdat Publ., 1979, 272 p. (In Russian).
6. Tkachev M.A. Osnovnyye aspekty i trudnosti voyennogo perevoda [Main aspects and difficulties of military translation]. *Sovremennoye yazykovoye obrazovaniye: innovatsii, problemy, resheniya* [Modern Linguistic Education: Innovations, Problems, Solutions], 2015, no. 2, pp. 96-98. (In Russian).
7. Ivliyeva N.V., Krasnoperova Y.V. Sposoby perevoda terminov aviastryeniya (na materiale tekhnicheskoy dokumentatsii). *Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Bulletin of the Scientific Society of Students, Post-Graduate Students and Young Scientists], 2015, no. 3, pp. 79-84. (In Russian).
8. Garbovskiy N.K., Mishkurov E.N. Voyennyy perevod v sovremennoy mire (teoretiko-metodologicheskiye, lingvisticheskiye, voyenno-istoricheskiye i sotsial'no-politicheskiye aspekty) [Military translation in the modern world: theoretico-methodological, linguistic, historical and politico-social aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda – The Moscow University Herald, Series 22, Translation Theory*, 2010, no. 2, pp. 16-41. (In Russian).
9. Chugunov A.N. Raznitsa v proiznoshenii slov i zvukov v raznykh portugaloyazychnykh stranakh [The difference in pronunciation of words and sounds in different Portuguese-speaking countries]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya – Humanities Scientific Researches*, 2016, no. 4, pp. 84-87. (In Russian).
10. Chugunov A.N., Orlov S.S. Istoricheskoye razvitiye voyennoy leksiki angliyskogo yazyka [Historical development of the military vocabulary of the English language]. *Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Yazyk i kul'tura»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Language and Culture”]. Tomsk, 2017. (In Russian).
11. Nelyubin L.L. *Tolkovyy perevodcheskiy slovar'* [Explanatory Translation Dictionary]. Moscow, 2003, p. 157. (In Russian).
12. Arnold I.V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Stylistics of the Contemporary English Language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. (In Russian).
13. Solovyev V.M. Portugaloyazychnyy brazil'skiy voyennyy sleng [Portuguese Brazilian Military Slang]. *Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Yazyk i kul'tura»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Language and Culture”]. Tomsk, 2018. (In Russian).

Информация об авторах

Чугунов Антон Николаевич, ассистент кафедры перевода и языковых коммуникаций факультета иностранных языков. Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация. E-mail: vooldezz@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, терминологическое сравнение подязыков с наглядными примерами, примеры и их переводы с комментариями, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6352-4934>

Митчелл Петр Джонович, доктор педагогики, зав. кафедрой перевода и языковых коммуникаций факультета иностранных языков. Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация. E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ сходства и различий языков, обозначены сложности перевода военного сленга, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-903X>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Митчелл Петр Джонович
E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Поступила в редакцию 08.07.2019 г.
Поступила после рецензирования 06.08.2019 г.
Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the authors

Anton N. Chugunov, Assistant of Translation and Language Communications Department of Foreign Languages Faculty. National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: vooldezz@mail.ru

Contribution: literature analysis, terminological comparison of sublanguages with illustrative examples, examples and their translations with comments, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6352-4934>

Peter J. Mitchell, Doctor of Pedagogy, Head of Translation and Language Communications Department of Foreign Languages Faculty. National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Contribution: study conception, similarities and differences of languages analysis, difficulties of military slang translation indication, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-903X>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Peter J. Mitchell
E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Received 8 July 2019
Reviewed 6 August 2019
Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-61-69
УДК 36+378

Социальное здоровье личности ребенка как результат воспитательной деятельности

**Наталья Владимировна ГАРАШКИНА, Раиса Михайловна КУЛИЧЕНКО,
Игорь Ашотович АКОПЯНЦ**

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9212-4235>, e-mail: nagaraistr@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0605-2472>, e-mail: raisa_kulichenko@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9069-6715>, e-mail: shi15direktor@rambler.ru

Social health of the child's personality as a result of educational activities

Natalia V. GARASHKINA, Raisa M. KULICHENKO, Igor A. AKOPYANC

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9212-4235>, e-mail: nagaraistr@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0605-2472>, e-mail: raisa_kulichenko@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9069-6715>, e-mail: shi15direktor@rambler.ru

Аннотация. Отмечено, что формирование и сохранение социального здоровья детей является актуальной проблемой педагогической теории и практики. Тенденции в воспитательных системах, междисциплинарный анализ понятия, возрастной подход позволили рассматривать социальное здоровье личности ребенка как результат воспитательной деятельности. Рассмотрены взаимосвязь педагогического и управленческого результата воспитательной деятельности, примеры уровней, критериев и показателей социального здоровья личности ребенка с учетом возраста. Сделан вывод о том, что результативность воспитательной деятельности в направлении формирования социального здоровья личности ребенка является базой для обеспечения социальной безопасности личности и общества, воспитания новой культуры взаимодействия, обеспечивающей успешность детей в разных деятельностных сферах с перспективой их в будущей профессии. Социальное здоровье личности ребенка проявляется в социальных, «мягких» навыках (soft skills) (эмоциональный интеллект, критическое мышление, креативность, стрессоустойчивость и др.). Пилотажное исследование подтвердило гипотезу о том, что повышение результативности воспитательной деятельности связано с интенсивным включением тренингов по развитию социальных навыков ребенка, проведением мониторинга и активных семинаров для воспитателей по освоению инновационных технологий обеспечения социального здоровья личности ребенка.

Ключевые слова: воспитательная деятельность; социальное здоровье личности ребенка; социальные навыки; мониторинг воспитательной деятельности; инновационные технологии обеспечения социального здоровья

Для цитирования: *Гарашкина Н.В., Куличенко Р.М., Акопянц И.А. Социальное здоровье личности ребенка как результат воспитательной деятельности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 61-69. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-61-69*

Abstract. Formation and preservation of social health of children is an urgent issue of pedagogical theory and practice. Trends in educational systems, interdisciplinary analysis of the concept, age approach allows to consider the social health of the child as a result of educational activity. Interrelation of pedagogical and administrative result of educational activity, examples of levels, criteria and indicators of social health of the child's personality taking into account age. We conclude that

the effectiveness of educational activities in the direction of the formation of social health of the child is the basis for the social security of the individual and society, education of a new culture of interaction that ensures the success of children in different fields of activity with the prospect of their future profession. Social health of a child's personality is in social, soft skills (emotional intelligence, critical thinking, creativity, stress resistance, etc.). The pilot study confirmed the hypothesis that the increase in the effectiveness of educational activities is associated with the intensive inclusion of trainings on the development of social skills of the child, monitoring and active seminars for educators on the development of innovative technologies to ensure the social health of the child.

Keywords: educational activity; social health of the child's personality; social skills; educational activity monitoring; innovative technologies of social health

For citation: Garashkina N.V., Kulichenko R.M., Akopyanc I.A. Sotsial'noye zdorov'ye lichnosti rebenka kak rezul'tat vospitatel'noy deyatel'nosti [Social health of the child's personality as a result of educational activities]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 61-69. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-61-69 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Для современной теории и практики педагогики становятся актуальными исследования по проблемам формирования и сохранения социального здоровья детей. Во всех странах социальное здоровье признается важнейшей социальной ценностью, основой человеческого капитала.

Тенденции в развитии воспитательных систем разного уровня связаны с приоритетной задачей в сфере воспитания детей, согласно «Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года»¹, ею является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины. Важным направлением государственной политики в области воспитания становится создание условий для воспитания здоровой, счастливой, свободной, ориентированной на труд личности. Приоритеты воспитательной деятельности в современных условиях связаны с личностным результатом – социальным здоровьем каждого воспитанника.

Сегодня широкое распространение приобретает понятие социального здоровья как «состояние полного физического, духовного и социального благополучия» [1; 2].

Социальное здоровье человека как ценностный параметр социального благополучия является предметом изучения различных наук.

Философ Т. Гоббс писал о том, что человек для своего развития должен удовлетворять свои потребности – здоровья, доброжелательности, дружбы, благочестия, ожидания, общения. Для этого человек должен быть самоактуализирующейся личностью. Важно для образования нацеленность и связь социального здоровья с формированием социальной направленности личности [3].

Социологический подход связан с рассмотрением социального здоровья человека в самом общем виде как отражение отношения общества к человеку. То есть социальное здоровье – здоровье всего общества [3].

Л.В. Колпина в рамках медико-социального подхода определяет «социальное здоровье как совокупность личностных характеристик индивида, обеспечивающих его гармоничное взаимодействие с социальной средой» [4, с. 80].

С экономической точки зрения Н.А. Подгорнова рассматривает здоровье как ключевую характеристику человека, важнейший жизненный приоритет, определяющий возможность реализовать все его индивидуальные и социальные устремления [5, с. 247].

Междисциплинарный анализ позволяет констатировать, что «социальное здоровье – это категория, позволяющая характеризовать норму социального развития человека и общества с учетом параметров социального благополучия личности и среды» [6].

В современных условиях система образования усиливает социализирующую функцию, это связано с приоритетностью целостного влияния на личностное развитие взрослеющей личности. Для воспитательной дея-

¹ Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 01.07.2019).

тельности, системного педагогического влияния на развитие ребенка важно прогнозировать идеальный ожидаемый результат профессиональной педагогической деятельности в виде социального здоровья как индикатора благополучия личности в социальной среде. Социальное здоровье ребенка на всех возрастных этапах тесно связано с формированием социальных нравственных норм, социальной культурой личности, поскольку они выступают регулятором, позволяющим выстроить конструктивные социальные взаимодействия между взрослеющей личностью ребенка и его изменяющимся социумом на разных возрастных этапах.

Образование как сфера системного влияния на каждую семью имеет особое значение. От уровня культуры нынешних учащихся зависит будущее нашей страны и мирового сообщества.

Важно для профессионального сообщества осознавать значение социального здоровья ребенка как педагогического результата.

Еще А.С. Макаренко отмечал, что «развитие социально здоровой личности возможно только через воспитательную деятельность» [7].

Воспитательная деятельность в современных условиях – это «деятельность педагога, направленная на развитие у ребенка нравственного опыта». Воспитательная деятельность включает и поддержку педагогом процесса осознания ребенком собственного эмоционального опыта и опыта выработки и соблюдения нравственных норм. Воспитательная деятельность предполагает организацию педагогом саморазвития ребенка, координации интеллектуальных, волевых, нравственных усилий детей. Воспитательная деятельность создает систему условий для проявления социальных качеств воспитанников через создание событий (событийная воспитательная среда); это мотивационное «включение» воспитанника в совокупность событий и его педагогическое сопровождение в событийной воспитательной среде.

Социальное здоровье взаимосвязано с социальными нравственными нормами и воспитательной событийной средой, которые обеспечивают устойчивое социальное функционирование личности и позволяют выстраивать гармоничные отношения в обществе.

Социальное здоровье ребенка должно рассматриваться в контексте истории семьи, общины и культуры, физического, эмоционального и социального развития самого ребенка. Социальное здоровье развивается как способность к формированию безопасных отношений, опыта и регулирования эмоций и познавательной деятельности. Социальное здоровье отражает развивающуюся способность ребенка формировать тесные, безопасные отношения с другими знакомыми людьми в своей жизни, такими как родители, родственники и другие воспитатели. Эта доверительная связь помогает детям чувствовать себя в безопасности, исследуя свой мир.

С.С. Рейвер и Э.Ф. Зиглер (С.С. Raver and E.F. Zigler, 1997) связывают социальное здоровье с термином «социальная компетентность», которое определяют как группу поведенческих моделей, позволяющих каждому ребенку развиваться и вступать в позитивные взаимодействия с другими людьми. В эти группы поведения включены:

- реагирование и инициирование взаимодействия между воспитателями, братьями и сестрами, другими взрослыми и сверстниками;
- участие в совместной и общественной деятельности;
- управление поведением и разрешение конфликтов;
- знание о себе и других;
- проявление эмпатии;
- развитие позитивного образа себя и самоуважения [8].

Социальная компетентность определяется как способность эффективно управлять социальными взаимодействиями. Другими словами, социальная компетентность – это способность хорошо ладить с другими людьми, формировать и поддерживать тесные отношения, а также адаптивно реагировать в меняющихся социальных условиях [8].

Ряд исследователей к социально-эмоциональной компетентности студентов относят:

- самосознание (например, идентификация и распознавание эмоций);
- самоуправление (например, управление стрессом);
- общественное сознание (например, уважение к другим людям);
- навыки отношений (например, построение отношений);

– принятия ответственных решений (например, решение проблем, личной, социальной и этической ответственности) [9].

Исследования свидетельствуют о том, что программы социального и эмоционального обучения могут привести к положительным результатам в области развития детей разных возрастов [10].

Ряд исследователей связывают социальное здоровье с эмоциональной компетентностью, эмоциональным интеллектом. Эмоциональное развитие тесно связано с социальным развитием. Это относится к выражению чувств ребенка к себе, другим и ситуациям, с которыми он столкнется в окружающем мире, а также к получению контроля над своими телесными функциями, обучению фокусироваться и обращать внимание в контексте поддержки воспитания значимыми воспитателями (Mackrain, Golani и Kairone, 2008).

D.C. Witherington, J.J. Campos и M.J. Hertenstein называли эмоции «процессами, посредством которых индивид пытается установить, изменить или сохранить свою регуляцию к окружающей среде по вопросам, имеющим значение для человека»².

Эмоциональная компетентность определяется как способность эффективно регулировать эмоции для достижения своих целей (J.J. Campos et al., 1994). Эмоции – это реакции, которые по-разному переживаются каждым человеком. Вот почему у разных людей могут быть разные эмоции, когда они переживают одно и то же событие. Маленькие дети должны развивать и безопасно выражать различные эмоциональные реакции, чтобы они могли научиться приспосабливаться к новым ситуациям и достигать желаемых результатов. Это приводит к более богатой социальной среде и более удовлетворительным отношениям для ребенка и тех, кто его окружает³.

В США популярна модель CASEL (Collaborative for Academic, Social, and Emotional Learning) – это целостная и всеобъемлющая модель социально-эмоционального обучения, которая охватывает наиболее важные аспекты социально-эмоциональной компетентно-

сти. Результат обучения включает в себя набор навыков в распознавании и управлении своими эмоциями, развитие заботы о себе и заботы о других, установление позитивных отношений, принятие ответственных решений, конструктивное и этическое разрешение сложных ситуаций. Модель CASEL рассматривает социальные эмоциональные навыки на двух уровнях: внутриличностном и межличностном. Первый включает в себя неприятие и регулирование собственных эмоций, в то время как второй включает в себя понимание чужих эмоций, взаимоотношений с другими людьми, а также ответственное принятие решений [11].

Линейный подход предназначен для обучения эмоциональному интеллекту. Существует 5 основных направлений:

- 1) распознавание эмоций в себе и других людях;
- 2) понимание причин и следствий возникновения эмоций;
- 3) маркировка эмоций с помощью специального словаря;
- 4) выражение эмоций в соответствии с культурными нормами и социальным контекстом;
- 5) регулирование эмоций с помощью полезных стратегий.

В школах, использующих линейный подход, учащиеся создают уставы или правила в классе, используют измеритель настроения для определения своих эмоций, способствуют разрешению конфликтов и поощрению учащихся к размышлению о своем самочувствии и личном благополучии.

Социально-эмоциональная компетентность является одним из важнейших факторов, на которые следует ориентироваться при проведении универсальных профилактических мероприятий, поскольку этот конструкт влияет на социальные, поведенческие и академические результаты, которые важны для здорового развития;

- предсказывает важные жизненные результаты во взрослом возрасте;
- может быть улучшен с помощью осуществимых и экономически эффективных мероприятий [12].

Социально-эмоциональная компетентность повышает способность детей интегрировать навыки, отношения и поведение для

² The Center for Early Childhood Mental Health Consultation. URL: <https://www.ecmhc.org/index.html> (accessed: 01.07.2019).

³ Ibid.

эффективного и этичного решения повседневных задач и проблем.

Чем меньше возраст ребенка, тем большее значение имеет его эмоциональный интеллект. При рассмотрении социального здоровья ребенка важно учитывать не только возрастные особенности, но и верно выбирать критериальный блок для проведения мониторинга воспитательной деятельности [13].

Мониторинг воспитательной деятельности включает педагогический результат – социальное здоровье личности детей и функционально-управленческий результат – внедрение инновационных технологий формирования и сохранения социального здоровья личности детей (рис. 1).

Для проведения мониторинга социального здоровья детей важно опираться на возрастной подход. На сегодняшний день не существует единой общепринятой классификации возрастных периодов развития человека. Для нашего исследования представляет интерес период детства. В соответствии с Конвенцией о правах ребенка, «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста»⁴.

В ходе исследования анализировались критерии социального здоровья, применимые при организации воспитательной деятельности. Например, в работе подростками применимы три критерия, разработанные Л.А. Байковой: социально-психологическая адаптированность; самоактуализация; социальная направленность (ценностные и смысловые ориентации, не противоречащие общечеловеческим ценностям). Данные показатели были согласованы с учетом социальных норм для конкретного возраста, например, подростков (12–14 лет) (рис. 2) [14].

Учитывалось, что социальное здоровье подростков отражает социальные ресурсы, межличностные контакты, социальные навыки, оно проявляется на уровнях, представленных на рис. 3.

Показатели социального здоровья для старшего школьного возраста связаны с готовностью к выполнению своих социальных функций и социальной интеграции; способностью к сопротивлению деструктивным общественным процессам и явлениям; лич-

ностным и профессиональным самоопределением. К характеристикам социального здоровья юношества Н.А. Матвеева относит: «адаптивность личности в социальной среде; социальную активность во всех сферах общественной жизни; социальная направленность и значимость деятельности; регулятивность поведения; креативность мышления; готовность к социальной интеграции и саморазвитию» [15, с. 152].

Наше понимание социального здоровья связано с осмыслением современной социальной ситуации (цифровизация общества), оно отражает необходимость усилить внимание к повышению результативности воспитательной деятельности в направлении формирования социального здоровья детей как базы для обеспечения социальной безопасности личности и общества, а также воспитания новой культуры взаимодействия, обеспечивающей успешность детей в разных деятельностных сферах с перспективой их будущей профессиональной деятельности.

Социальное здоровье личности ребенка связывается с новыми вызовами общества и требованиями работодателей к социальным, «мягким» навыкам (soft skills) новых сотрудников. К ним относятся критическое мышление, креативность, стрессоустойчивость, эмоциональный интеллект, управление командой. Соответственно показатели мониторинга социального здоровья ребенка должны быть расширены с учетом включения новых социальных навыков [16].

Организация современной воспитательной деятельности предполагает применение новой базы для оценки ее результативности в форме интегрального результата – социального здоровья ребенка. В ходе исследования в качестве критериев социального здоровья личности ребенка выделены эмоциональный, когнитивный, коммуникативный, деятельностный.

Результаты пилотажного исследования подтверждают повышение результативности воспитательной деятельности с включением алгоритмов тренинга по развитию социальных навыков ребенка, а также проведение активных семинаров для воспитателей по освоению инновационных воспитательно-образовательных, физкультурно-оздоровительных и цифровых технологий.

⁴ Конвенция о правах ребенка. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 01.07.2019).

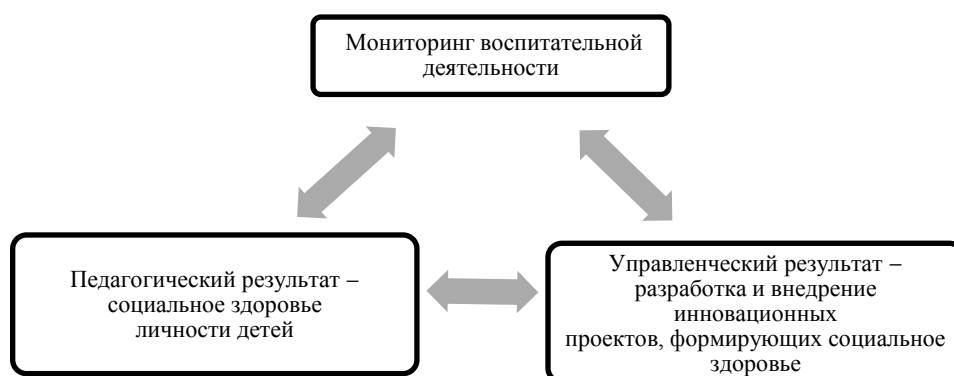

Рис. 1. Взаимовлияние педагогического и управленческого результата воспитательной деятельности – социального здоровья детей

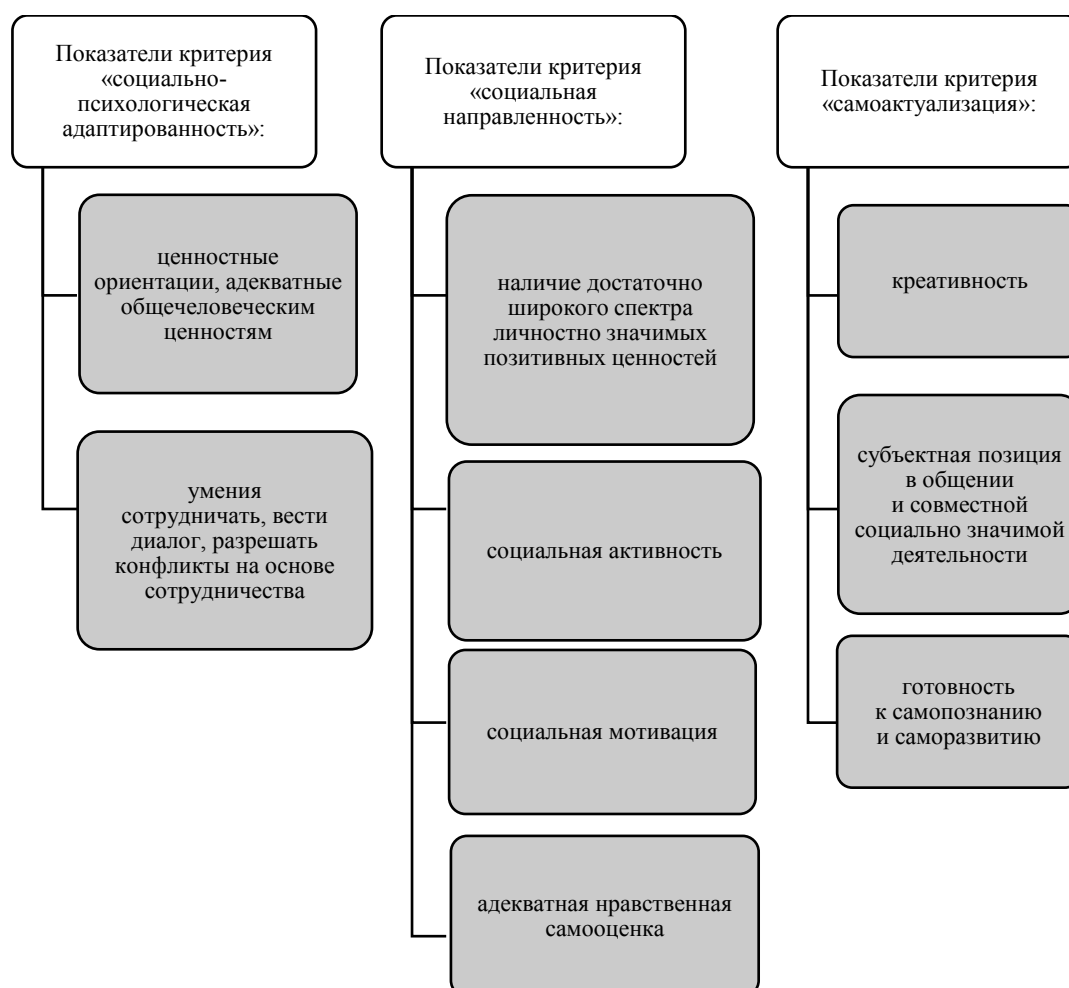

Рис. 2. Показатели трех критериев социального здоровья личности (на примере подросткового возраста)

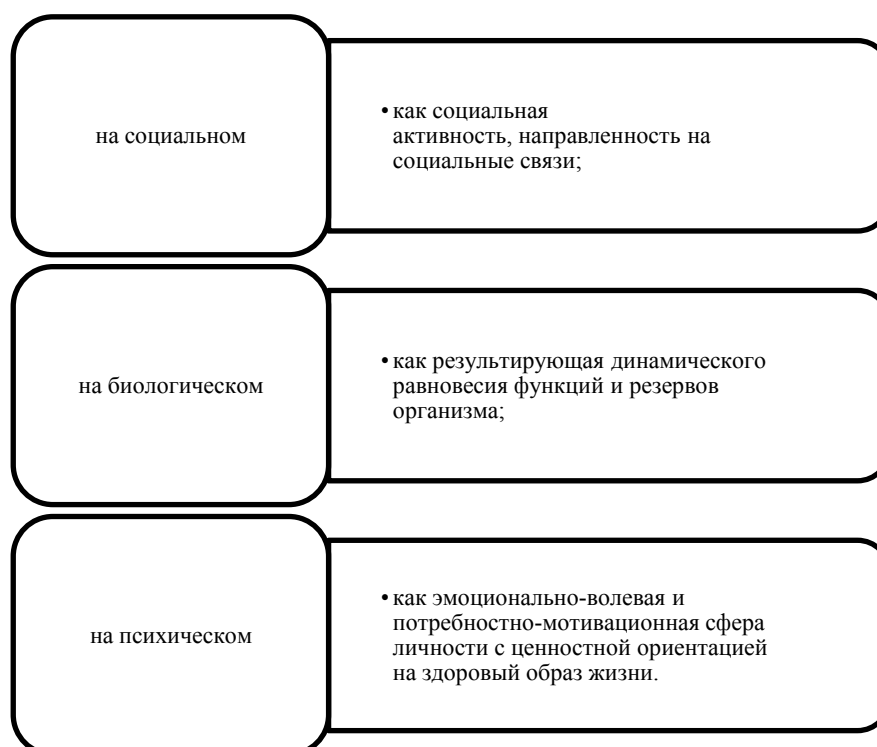

Рис. 3. Уровни социального здоровья личности ребенка

Таким образом, социальное здоровье личности является важным интегральным индикатором оценки результативности вос-

питательной деятельности организаций, обеспечивающих системную социализацию детей различных возрастных групп.

Список литературы

1. Лысенко Е.М., Хачатрян А.В. Соотношение понятий «телесное здоровье», «ментальное здоровье», «социальное здоровье» и «духовное здоровье» в педагогическом дискурсе // Современные тенденции развития системы образования. Чебоксары, 2019. С. 302-311.
2. Куличенко Р.М., Дьячек Т.П. Реабилитация семей и детей как фактор сохранения социального здоровья населения (региональный опыт) // Фундаментальные исследования. 2004. № 2. С. 170-172.
3. Приступа Е.Н. Социально-педагогическая профилактика девиаций социального здоровья школьника: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2008.
4. Колтина Л.В. Социальное здоровье: определение и механизмы влияния на общее здоровье: обзор литературы // Синергия. 2017. № 2. С. 73-81.
5. Подгорнова Н.А. Общественное здоровье нации и индивидуальное здоровье личности // Инновационные технологии в науке и образовании. 2017. С. 247-249.
6. Дружинина А.А., Гарашикина Н.В. Инновационные технологии обеспечения социального здоровья // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 10 (162). С. 72-81. DOI 10.20310/1810-0201-2016-21-10(162)-72-81
7. Макаренко А.С. Методика организации воспитательного процесса // Макаренко А.С. Соч.: в 7 т. М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1960. Т. 5. 558 с.
8. Raver C.C., Zigler E.F. Social competence: an untapped dimension of head start's success // Early Childhood Research Quarterly. 1997. Vol. 12. № 4. P. 363-385.
9. Panayiotou M., Humphrey N., Wigelsworth M. An empirical basis for linking social and emotional learning to academic performance // Contemporary Educational Psychology. 2019. Vol. 56. P. 193-204. DOI 10.1016/j.cedpsych.2019.01.009
10. Meyers D.C., Domitrovich C.E., Dissi R., Trejo J., Greenberg M.T. Supporting systemic social and emotional learning with a schoolwide implementation model // Evaluation and Program Planning. 2019. № 73. P. 53-61.

11. Zhou M., Ee J. Development and validation of social emotional competency questionnaire // *International Journal of Emotional Education*. 2012. № 4. P. 27-42.
12. Domitrovich C.E., Durlak J.A., Staley K.C., Weissberg R.P. Social emotional competence: an essential factor for promoting positive adjustment and reducing risk in school children // *Child Development*. 2017. Vol. 88. № 2. P. 408-416.
13. Гарашкина Н.В., Дружинина А.А. Мониторинг сформированности навыков самостоятельной жизни у воспитанников и выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Вып. 9 (149). С. 43-49.
14. Байкова Л.А. Социальное здоровье детей и молодежи в контексте педагогических исследований проблем развития современного образования // Актуальные педагогические проблемы современного образования в России. М., 2018. С. 7-83.
15. Матвеева Н.А. Социальное здоровье молодежи: постановка проблемы и стратегия исследовательского проекта // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (Т. 7). С. 146-158.
16. Падылин Н.Ю. Формирование основ социального здоровья старшеклассников в социокультурной воспитательной среде школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2013.

References

1. Lysenko E.M., Khachatryan A.V. Sootnosheniye ponyatiy «telesnoye zdorov'ye», «mental'noye zdorov'ye», «sotsial'noye zdorov'ye» i «dukhovnoye zdorov'ye» v pedagogicheskom diskurse [Concepts correlation "bodily health", "mental health", "social health" and "spiritual health" in pedagogical discourse]. *Sovremennyye tendentsii razvitiya sistemy obrazovaniya* [Current Trends in the Education System Development]. Cheboksary, 2019, pp. 302-311. (In Russian).
2. Kulichenko R.M., D'yachek T.P. Reabilitatsiya semey i detey kak faktor sokhraneniya sotsial'nogo zdorov'ya naseleniya (regional'nyy opyt) [Families and children rehabilitation as a factor of social health population preservation (regional experience)]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental Research], 2004, no. 2, pp. 170-172. (In Russian).
3. Pristupa E.N. *Sotsial'no-pedagogicheskaya profilaktika devitsiy sotsial'nogo zdorov'ya shkol'nika: avto-ref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Social and Pedagogical Prevention of Child's Social Health Deviations. Dr. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2008. (In Russian).
4. Kolpina L.V. Sotsial'noye zdorov'ye: opredeleniye i mekhanizmy vliyaniya na obshcheye zdorov'ye: obzor literatury [Social health: definition and influence mechanisms on general health: literature review]. *Sinerhiya – Synergy*, 2017, no. 2, pp. 73-81. (In Russian).
5. Podgornova N.A. Obshchestvennoye zdorov'ye natsii i individual'noye zdorov'ye lichnosti [Nation public health and personal health of the individual]. *Innovatsionnyye tekhnologii v nauke i obrazovanii* [Innovative Technologies in Science and Education], 2017, pp. 247-249. (In Russian).
6. Druzhinina A.A., Garashkina N.V. Innovatsionnyye tekhnologii obespecheniya sotsial'nogo zdorov'ya [Innovative technology to ensure social health]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 10 (162), pp. 72-81. DOI 10.20310/1810-0201-2016-21-10(162)-72-81 (In Russian).
7. Makarenko A.S. *Metodika organizatsii vospitatel'nogo protsessa* [Educational process organization methods]. In: Макаренко А.С. *Sochineniya: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Academy of Pedagogical Sciences Publ., 1960, vol. 5, 558 p. (In Russian).
8. Raver C.C., Zigler E.F. Social competence: an untapped dimension of head start's success. *Early Childhood Research Quarterly*, 1997, vol. 12, no. 4, pp. 363-385.
9. Panayiotou M., Humphrey N., Wigelsworth M. An empirical basis for linking social and emotional learning to academic performance. *Contemporary Educational Psychology*, 2019, vol. 56, pp. 193-204. DOI 10.1016/j.cedpsych.2019.01.009
10. Meyers D.C., Domitrovich C.E., Dissi R., Trejo J., Greenberg M.T. Supporting systemic social and emotional learning with a schoolwide implementation model. *Evaluation and Program Planning*, 2019, no. 73, pp. 53-61.
11. Zhou M., Ee J. Development and validation of social emotional competency questionnaire. *International Journal of Emotional Education*, 2012, no. 4, pp. 27-42.
12. Domitrovich C.E., Durlak J.A., Staley K.C., Weissberg R.P. Social emotional competence: an essential factor for promoting positive adjustment and reducing risk in school children. *Child Development*, 2017, vol. 88, no 2, pp. 408-416.

13. Garashkina N.V., Druzhinina A.A. Monitoring sformirovannosti navykov samostoyatel'noy zhizni u vospitannikov i vypusknikov organi-zatsiy dlya detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ey [Monitoring of formation of skills of independent life at pupils and graduates of the organizations for orphans and children, left without parental support]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, no. 9 (149), pp. 43-49. (In Russian).
14. Baykova L.A. Sotsial'noye zdorov'ye detey i molodezhi v kontekste pedagogicheskikh issledovaniy problem razvitiya sovremennoy obrazovaniya [Social health of children and youth in the context of pedagogical researches modern education development problems]. *Aktual'nyye pedagogicheskiye problemy sovremennoy obrazovaniya v Rossii* [Current Pedagogical Issues of Modern Education in Russia]. Moscow, 2018, pp. 7-83. (In Russian).
15. Matveyeva N.A. Sotsial'noye zdorov'ye molodezhi: postanovka problemy i strategiya issledovatel'skogo proyekta [Social health of youth: the problem and strategy of research project]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University], 2017, no. 5, vol. 7, pp. 146-158. (In Russian).
16. Padylin N.Y. *Formirovaniye osnov sotsial'nogo zdorov'ya starsheklassnikov v sotsiokul'turnoy vospitatel'noy srede shkoly: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [High School Students Social Health Foundations Formation in the Social and Cultural Educational Environment of School. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2013. (In Russian).

Информация об авторах

Гарашкина Наталья Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной работы. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: nagaraisr@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, написание аннотации статьи, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9212-4235>

Куличенко Раиса Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, научный консультант Педагогического института. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: raisa_kulichenko@mail.ru

Вклад в статью: научное консультирование, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0605-2472>

Акопянц Игорь Ашотович, аспирант, кафедра социальной работы. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. e-mail: shi15direktor@rambler.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, поиск и анализ литературы, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9069-6715>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Гарашкина Наталья Владимировна
E-mail: nagaraisr@mail.ru

Поступила в редакцию 27.07.2019 г.
Поступила после рецензирования 22.08.2019 г.
Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the authors

Natalia V. Garashkina, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Social Work Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: nagaraisr@mail.ru

Contribution to the article: main study conception, article abstract writing, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9212-4235>

Raisa M. Kulichenko, Doctor of Pedagogy, Professor, Scientific Advisor of Pedagogical Institute. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: raisa_kulichenko@mail.ru

Contribution to the article: scientific consulting, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0605-2472>

Igor A. Akopyanc, Post-Graduate Student, Social Work Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. e-mail: shi15direktor@rambler.ru

Contribution to the article: source material acquisition, literature search and analysis, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9069-6715>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Natalia V. Garashkina
E-mail: nagaraisr@mail.ru

Received 27 July 2019
Reviewed 22 August 2019
Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-70-76
УДК 37.018.1

Потребности в разработке программ по формированию ценностного отношения к родительству в современном обществе

Наталья Юрьевна БАРАНОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-6353>, e-mail: baranova_rtr@mail.ru

Needs in programs development on formation of value attitude towards parenting in modern society

Natalya Y. BARANOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-6353>, e-mail: baranova_rtr@mail.ru

Аннотация. Обозначены основные проблемы, с которыми сталкиваются современные семьи в повседневной жизни. Проанализированы исследования в области значимости семьи и семейных ценностей для населения страны. В качестве одного из перспективных направлений повышения качества жизни современного общества отмечено педагогическое программирование. Описаны его методы. За основу для направлений деятельности и наполнения мероприятий с семьями по формированию у них ценностного отношения к родительству взяты основные направления государственной семейной политики Российской Федерации в рамках Десятилетия детства. На основе проведенного исследования были выделены и описаны уровни потребностей в разработке программ по формированию ценностного отношения к родительству, существующих в современном обществе. Выявлены и обозначены группы потребностей в разработке программ по формированию ценностного отношения к родительству. Отмечено, что выделенные группы потребностей, существующие на разных уровнях, взаимосвязаны друг с другом и подкреплены основными направлениями государственной семейной политики Российской Федерации. Сделан вывод, что, учитывая особенности современного общества, создание полноценной семьи, рождение детей и их должное воспитание невозможно без осознания истинных ценностей родительства и значимости этого статуса самими семьями, а также будущими родителями. Формирование у современного населения ценностного отношения к родительству представляется возможным путем привлечения семей и их членов к участию в мероприятиях программ по формированию ценностного отношения к родительству.

Ключевые слова: проблемы современной семьи; родительство; ценностное отношение к родительству; педагогическое программирование; методы педагогического программирования; уровни потребностей в разработке программ по формированию ценностного отношения к родительству; группы потребностей в формировании ценностного отношения к родительству в современном обществе

Для цитирования: Баранова Н.Ю. Потребности в разработке программ по формированию ценностного отношения к родительству в современном обществе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 70-76. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-70-76

Abstract. We identify the main problems faced by modern families in everyday life. We analyze studies of family and family values importance to the country population. Programming is noted as one of the promising directions of improving the modern society quality of life. We describe its methods. The main directions of the state family policy of the Russian Federation within the Tenth anniversary of childhood framework are taken as a basis for the activities and filling of events with

families to form their value attitude to parenting. On the basis of the conducted research we identify and describe the levels of needs in the programs development for the value attitude formation to parenting existing in modern society. We reveal and determine groups of needs in the programs development for the formation of value attitude to parenting. We note that the selected groups of needs existing at different levels are interconnected with each other and are supported by the main directions of the state family policy of the Russian Federation. We conclude that at the present stage, taking into account the peculiarities of modern society, the creation of a full family, the birth of children and their proper upbringing is impossible without awareness of the true values of parenting and the perception of this status by the families themselves, as well as future parents. The development of value attitude to parenting among modern population is possible by attracting families and their members to participate in the programs activities to form a value attitude to parenting.

Keywords: modern family problems; parenting; value attitude towards parenting; pedagogical programming; methods of pedagogical programming; levels of needs in programs development on formation of value attitude towards parenting; groups of needs in formation value attitude towards parenting in modern society

For citation: Baranova N.Y. Potrebности v razrabotke programm po formirovaniyu tsennostnogo otnosheniya k roditel'stvu v sovremennom obshchestve [Needs in programs development on formation of value attitude towards parenting in modern society]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 70-76. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-70-76 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Современные российские семьи в своем багаже имеют разнонаправленные по содержанию и степени разрешимости проблемы, с которыми им приходится сталкиваться в повседневной жизни. Наиболее часто освещаемые проблемы – это проблемы экономического характера, занятости, психолого-педагогические, информационные, физического здоровья, жилищная и досуговая.

Проблемы экономического характера и проблема занятости представлены низкой материальной обеспеченностью семей, отсутствием у них основных навыков планирования семейного бюджета, неумением представить личные профессиональные умения и трудовые качества работодателю, отсутствием выбора достойной работы, нежеланием работодателей принимать женщин, имеющих детей дошкольного возраста.

Наличие психолого-педагогических проблем раскрывается низким уровнем родительской компетенции, применением в качестве наказания физического воздействия, отсутствием навыков неконфликтного поведения, затруднениями родителей в распределении времени для оказания должного внимания каждому ребенку и членам семьи, совместно проживающим.

В основе информационных затруднений современных семей лежит отсутствие информации в доступном для многих виде о мерах социальной поддержки населения, о мероприятиях, проводимых на территории

проживания. Особое внимание также отводится сомнительного качества информации, распространяющейся по сети Интернет.

Проблемы, связанные с поддержанием физического здоровья, имеют очень широкий спектр. Это и болезни пожилых родственников, и заболевания, приводящие к инвалидности; повышенная нагрузка на организм матери в ходе вынашивания ребенка, отца в поиске постоянных подработок для достойного обеспечения материальными благами своей семьи и т. д.; невозможность получить полноценное медицинское лечение и качественное обследование из-за недостатка времени по причине осуществления присмотра и ухода за детьми или невозможности отпроситься с работы.

Жилищная проблема современных российских семей проявляется отсутствием у значительной доли населения страны достойного жилья. Жилые помещения без удобств, в неудовлетворительном, зачастую аварийном состоянии. Молодым семьям приходится проживать совместно с другими родственниками. Найм временного жилья затруднен с учетом финансовой обеспеченности семей.

Организация досуга – отсутствие свободного времени у родителей для совместного с детьми отдыха и труда. Трудности в посещении платных развивающих ребенка кружков, секций и занятий по интересам и т. д.

Особого внимания в современном обществе требует проблема понимания членами современной семьи ценности родительства.

Поиск путей повышения качества жизни современного общества является важной задачей современной науки. Одним из перспективных направлений повышения качества жизни современного общества считаем обращение семей к истинным ценностям родительства, путем вовлечения их в мероприятия программ по формированию ценностного отношения к родительству.

Обращение к программированию позволяет современным ученым решать поставленные задачи, используя известные и специально разработанные для этого приемы. Программирование и его особенности описывают в своих трудах А.Ю. Гончарук [1], Т.П. Дьячек [2], А.И. Кравченко [3] и др.

Участие в мероприятиях программ по формированию ценностного отношения к родительству дает современным семьям возможность посмотреть на себя со стороны, примерить на себя привлекательный образ, предлагает побывать в условиях, специально созданных для совместного проведения досуга и организации совместной работы с детьми и другими членами семьи. Мероприятия способствуют переносу семьями полученных во время занятий навыков и умений в свой домашний быт.

При разработке программ по формированию ценностного отношения к родительству используются общетеоретические методы и методы педагогических исследований. Представим некоторые из них в табл. 1.

Использование данных методов при разработке программ по формированию ценностного отношения к родительству у современного населения позволяет более четко и точно обозначить круг основных направлений работы (с учетом существующих потребностей и проблем), обозначить требующиеся ресурсы, которые необходимо привлекать к реализации данного направления (межведомственное взаимодействие), оценить возможные риски и обозначить ожидаемые результаты (экспертная оценка).

Потребность в разработке данного рода программ существует в современном обществе на разных уровнях. Представим группы этих потребностей.

1. Социально-политические – на уровне государства (с учетом основных направлений государственной семейной политики).

2. Теоретические – на уровне современной науки (с учетом результатов исследований в данной области).

3. Практические – на уровне практики (внедрение инновационных форм и методов работы с семьей).

4. Общественные и личностные – на уровне общества и конкретной личности (формирование на уровне общественного сознания ценностного отношения к родительству, а также помощь уже созданным конкретным семьям, испытывающим трудности в понимании и реализации основных направлений данного феномена, и помощь молодежи, как будущим родителям, в осознании истинной ценности родительства, основных его перспектив). Далее рассмотрим их подробнее.

С 2017 г. в России президентом В.В. Путиным было объявлено Десятилетие детства (2018–2027 гг.). Основные мероприятия в рамках данного указа направлены на совершенствование государственной политики в направлении защиты детей, с учетом итогов реализации Национальной стратегии действий в интересах детей (2012–2017 г.). Согласно плану мероприятий Десятилетия детства в России (до 2020 г.), особое значение отводится развитию таких направлений работы, как благосостояние и безопасность семьи и детей, их здоровье, образование и культурное развитие, обеспечение отдыха и семейного туризма и т. д.

Основные направления Концепции государственной семейной политики¹ Российской Федерации (до 2025 г.) нацелены на поддержку и укрепление, а также защиту семьи и ценностей семейной жизни.

В том числе и основные направления Стратегии развития воспитания в РФ (до 2025 г.) затрагивают вопросы ценности семьи, ответственного родительства. Приоритетным направлением, требующим объединения усилий организаций и ведомств всех уровней (федерального, регионального и местного), является воспитание детей².

¹ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р. Доступ из СПС Гарант.

² Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р. Доступ из СПС Гарант.

Таблица 1

Методы педагогического программирования

Метод	Содержание метода	Область применения метода
Аналитический (необходимое событие делится на простые элементы и их части, которые в дальнейшем тщательно анализируются)	Диагностируется проблема, обобщаются результаты, полученные в ходе исследования процессов. С использованием методов ситуационного анализа выявляются сильные и слабые стороны исследования, возможности, риски, опасности и угрозы. Применение данных результатов в разработке стратегических планов. Применение программных оценок (где соотносятся результаты и затраты), проводится факторный анализ	Определение перечня проблем, подлежащих программному решению. Разработка концепции, а также сценариев программ. Контрольная часть реализации программ (выявление необходимости проведения мероприятий обучающего характера по тематике программы с участниками, разработка плана мероприятий занятий с ними)
Моделирование	Концептуальное, структурное, математическое, графическое, компьютерное и др.	Проведение анализа педагогической ситуации. Построение целевой, обеспечивающей и организационной структур программы (определение основных направлений работы, обозначение ответственных лиц)
Декомпозиция (применяется при замене решения одной обширной задачи решением составляющих ее меньших задач)	Используется построение древа целей	Формирование целевой структуры программы (разработка более точного плана мероприятий программы)
Игровые-имитационные, активные методы обучения	Деловая игра, мозговой штурм и т. д.	Формирование системы мероприятий программ. Важно проработать вопрос наличия необходимых ресурсов, исполнителей и обсудить сроки выполнения. Согласование управленческих решений, принимаемых в процессе программирования (постатпное расписание мероприятий программы с применяемыми методами и задействованными ресурсами)
Экспертные методы оценки	Ранжирование	Распределение ресурсов программ. Согласование возможных вариантов решения поставленных задач. Выбор наилучшего решения для решения поставленных задач (анализ проведенных мероприятий программы)
Плановые расчеты	Нормативный балансовый, последовательных приближений, оптимизационный, метод критического пути	Постановка целей. Построение ресурсной и организационной структур программ (уточнение привлекаемых ресурсов)
Прогнозные обоснования	Экстраполяция, сценарный метод, трендовое моделирование и т. д.	Постановка целей. Построение обеспечивающей и результирующей структуры программ. Оценка последствий и эффективности программных мероприятий (оценка эффективности мероприятий программы)

Таким образом, к осуществлению государственной политики в направлении воспитания детей государственными органами власти предъявляются новые дополнительные требования [4, с. 49].

Именно через разработку и реализацию программ, направленных на формирование ценностного отношения к родительству,

можно достичь успехов в основных направлениях государственной семейной политики, которые отражены в Национальной стратегии.

Создание полноценной семьи, рождение детей и их должное воспитание невозможно без осознания истинных ценностей родительства.

Наличие положительного опыта разработки и реализации программ, помогающих формировать в современном обществе именно ценностное отношение к родительству, является также важным и значимым аспектом в обозначении потребности разработки данного направления. Так, например, по результатам социологических исследований, проведенных в 2015 г. (Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации), отмечено увеличение числа родителей (на 10 % по сравнению с 2009 г.), отказавшихся от применения физического наказания к своим детям, сожалеющих о несправедливом наказании ребенка и извиняющихся за это³. Данные результаты позволяют сделать выводы о том, что компания по распространению материалов, направленная на пропаганду отказа от насилия в воспитании детей, проводимая Фондом, является эффективной. Также было отмечено, что в современном обществе родители все больше времени стали уделять совместному времяпровождению с детьми, но в большинстве случаев преобладает все же материальное поощрение ребенка. Следовательно, если влияние мероприятий программ на современные семьи является эффективным, то существует потребность в разработке долгосрочных программ, помогающих формировать в современном обществе именно ценностное отношение к родительству. Важно, чтобы члены современной семьи понимали, что семья объединяется в единое целое не только для финансового и материального благополучия, но и для духовного общения, любви и заботы, а также ответственности друг за друга.

Министерством просвещения РФ в 2018 г. разработаны рекомендации по подготовке и апробации элективных курсов, посвященных основам семейного уклада и семейных традиций, для школьников и их родителей⁴. Министр просвещения О.Ю. Васильева подчеркивает, что современным компетентным и ответственным родителям необходимо дос-

тичь осознания своей ключевой роли не только для детей, но и в семье в целом, осознания родительства как главной роли в жизни. Это становится возможным в результате привлечения членов семей к участию в мероприятиях инновационных программ, направленных на формирование ценностного отношения к родительству [4]. Как следствие, подтверждается важность и необходимость разработки данных программ.

Потребность же самого общества в помощи осознания ценности, важности и значимости родительства и ценностного отношения к нему подтверждается, в том числе, и результатами современных социологических опросов.

Так, например, обратимся к результатам социологического опроса, проведенного в Республике Коми и Уральском федеральном университете (2014–2018 гг.), среди старшеклассников и студенческой молодежи (как основной массы будущих родителей). Было выявлено, что лишь небольшая часть после окончания вуза планирует создать семью и родить ребенка: 13,4 % – Коми (в опросе принимали участие респонденты обоих полов), 46 % – Уральский федеральный университет (в опросе принимали участие только респонденты женского пола). На первом же месте в планах на ближайшие 3–5 лет, независимо от пола, участники опроса отметили поиск и обеспечение себя хорошей, достойной работой: 53,8 и 64 % [5].

Молодые люди осознают необходимость заключения брака и появления детей в семье, но большинство из них плохо представляют себе свои биосоциальные роли, а представления о полоролевых обязанностях зачастую носят искаженный характер. Многие рассматривают семейные отношения как законную возможность без ограничения реализовывать свои сексуальные потребности [6, с. 66]. Большинство из них, согласно результатам опроса, в будущем готовы совместно проживать со своей второй половиной без регистрации брака. Это в очередной раз доказывает, что одобрение и популярность гражданского брака среди современной молодежи обусловлено отсутствием взаимных обязательств. Молодежь ищет менее ответственные формы совместного проживания, когда партнер в любое время может удалиться и разорвать отношения без каких-либо обя-

³ Какие методы воспитания выбирают родители в современной России? URL: <https://www.fond-detyam.ru/press-sluzhba/novosti-fonda/12469/> (дата обращения: 04.02.2019).

⁴ Минобрнауки подготовило рекомендации по воспитанию семейных ценностей. URL: <https://news.rambler.ru/education/39931176-minobrnauki-podgotovilo-rekomendatsii-po-vozpitaniju-semejnyh-tsennostey/> (дата обращения: 04.02.2019).

яснений. Дети же, растущие при такой организации отношений, перенимают на себя подобную форму поведения и в дальнейшем тоже могут прибегнуть к подобному шаблону [5; 7–10].

Следовательно, в связи с тем, что молодежь в современном обществе находится в очень трудноразрешимой для нее ситуации: есть осознание потребности в родительстве, как ценности семейных отношений, а также есть боязнь сохранения прежних и появление новых трудностей в связи обретением нового статуса – родитель, необходимо донести до подрастающего поколения сущность феномена родительства, раскрыть все его перспективы и возможности, как вариант, через

участие в программах по формированию ценностного отношения к родительству.

Таким образом, выделенные нами группы потребностей современного общества в разработке программ по формированию ценностного отношения к родительству: практические (потребность современной практики во внедрении инновационных методов и форм работы с семьей), а также общественные и личностные (потребность семей и будущих родителей в осознании истинной ценности родительства) взаимосвязаны между собой и подтверждены исследованиями (научные) и приоритетными направлениями государственной семейной политики (социально-политические).

Список литературы

1. Гончарук А.Ю. Теория и методика социально-педагогического проектирования и прогнозирования. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 235 с.
2. Дьячек Т.П. Социальный проект: создание, ресурсная поддержка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 132 с.
3. Кравченко А.И. Социология. М.: Акад. проект, 2002. 496 с.
4. Дементьева И.Ф. Социально-педагогические принципы формирования позитивного родительства // Воспитание школьников. 2016. № 6. С. 48-56.
5. Фаузер В.В. Репродуктивные установки студенческой молодежи: социологическое измерение // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сб. материалов 4 Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. С. 171-176.
6. Москвина С.С. Формирование у старшеклассников брачно-семейных ценностей // Воспитание школьников. 2013. № 1. С. 66-67.
7. Барашкова А.С., Стручкова Е.С. Гражданский брак в Якутии: мнения студенческой молодежи // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. ст. 7 Уральского демографического форума с междунар. участием / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. Т. 1. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. С. 271-275.
8. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Залевский В.А. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с.
9. Павлова В.И., Павлов Б.С., Сарайкин Д.А., Степанова А.Ю. Семья и семейная жизнь в сознании и жизненных планах студентов уральских вузов // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. ст. 7 Уральского демографического форума с междунар. участием / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. Т. 1. С. 299-306.
10. Фарафонова А.И., Амбарова П.А. Репродуктивные установки студенческой молодежи: проблемы и способы формирования // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. ст. 7 Уральского демографического форума с междунар. участием / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. Т. 1. С. 257-261.

References

1. Goncharuk A.Y. *Teoriya i metodika sotsial'no-pedagogicheskogo proyektirovaniya i prognozirovaniya* [Theory and Methods of Social and Pedagogical Projecting and Forecasting]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2015, 235 p. (In Russian).
2. Dyachek T.P. *Sotsial'nyy projekt: sozdaniye, resursnaya podderzhka* [Social project: Creation, Resource Support]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2010, 132 p. (In Russian).

3. Kravchenko A.I. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2002, 496 p. (In Russian).
4. Dementyeva I.F. Sotsial'no-pedagogicheskiye printsipy formirovaniya pozitivnogo roditel'stva [Social-pedagogical principles of formation of positive parenting]. *Vospitaniye shkol'nikov – Upbringing of Schoolchildren*, 2016, no. 6, pp. 48-56. (In Russian).
5. Fauzer V.V. Reproktivnyye ustanovki studencheskoy molodezhi: sotsiologicheskoye izmereniye [Reproductive orientations of student youth: sociological dimension]. *Sbornik materialov 4 Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiyem «Gorizonty demograficheskogo razvitiya Rossii: smena paradigm nauchnogo predvideniya»* [Proceedings of the 4th Ural Demographical Forum with International participation "Horizons of the Demographic Development of Russia: a Shift of Scientific Foresight Paradigms"]. Ekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 2013, pp. 171-176. (In Russian).
6. Moskvina S.S. Formirovaniye u starsheklassnikov brachno-semeynnykh tsennostey [Formation at seniors of matrimonial values]. *Vospitaniye shkol'nikov – Upbringing of Schoolchildren*, 2013, no. 1, pp. 66-67. (In Russian).
7. Barashkova A.S., Struchkova E.S. Grazhdanskiy brak v Yakutii: mneniya studencheskoy molodezhi [Civil marriage in Yakutia: views of students]. *Sbornik statey 7 Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiyem «Dinamika i inertsionnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokoleniy v Rossii i SNG»*. [Digest of the 7th Ural Demographical Forum with International Participation "Dynamics and Inertia of Reproduction of the Population and Replacement of Generations in Russia and the CIS"]. Ekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 2016, vol. 1, pp. 271-275. (In Russian).
8. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N., Zalevskiy V.A. *Naseleniye severnykh regionov: ot kolichestvennykh pokazateley k kachestvennomu izmereniyu* [Northern Regions Population: from Quantitative Indicators to Qualitative Measurement]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 2016, 240 p. (In Russian).
9. Pavlova V.I., Pavlov B.S., Saraykin D.A., Stepanova A.Y. Sem'ya i semeynaya zhizn' v soznanii i zhiznennykh planakh studentok ural'skikh vuzov [Family and family life in the minds and life plans of Ural universities female students]. *Sbornik statey 7 Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiyem «Dinamika i inertsionnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokoleniy v Rossii i SNG»*. [Digest of the 7th Ural Demographical Forum with International Participation "Dynamics and Inertia of Reproduction of the Population and Replacement of Generations in Russia and the CIS"]. Ekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 2016, vol. 1, pp. 299-306. (In Russian).
10. Farafonova A.I., Ambarova P.A. Reproktivnyye ustanovki studencheskoy molodezhi: problemy i sposoby formirovaniya [Reproductive orientations of student youth: problems and ways of development]. *Sbornik statey 7 Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiyem «Dinamika i inertsionnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokoleniy v Rossii i SNG»*. [Digest of the 7th Ural Demographical Forum with International Participation "Dynamics and Inertia of Reproduction of the Population and Replacement of Generations in Russia and the CIS"]. Ekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 2016, vol. 1, pp. 257-261. (In Russian).

Информация об авторе

Баранова Наталья Юрьевна, аспирант, кафедра психолого-педагогического и социального образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: baranova_nrr@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-6353>

Поступила в редакцию 24.05.2019 г.

Поступила после рецензирования 14.06.2019 г.

Принята к публикации 05.07.2019 г.

Information about the author

Natalya Y. Baranova, Post-Graduate Student, Psychological-Pedagogic and Social Education Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: baranova_nrr@mail.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-6353>

Received 24 May 2019

Reviewed 14 June 2019

Accepted for press 5 July 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-77-87
УДК 37.025+796

Детерминанты становления профессионально-педагогической компетентности будущего специалиста физической культуры и спорта в условиях вузовского образования

Михаил Иванович СТАРОВ, Эседулла Маллаалиевич ОСМАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5439-2594>, e-mail: starovmi@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7493-2351>, e-mail: osmanov@bk.ru

Determinants of professional and pedagogical competence development of the future specialist of physical education and sports in conditions of university education

Mikhail I. STAROV, Esedulla M. OSMANOV

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5439-2594>, e-mail: starovmi@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7493-2351>, e-mail: osmanov@bk.ru

Аннотация. Рассмотрены детерминанты (факторы, средства) становления профессионально-педагогической компетенции у будущих специалистов физической культуры и спорта в вузовском образовательном пространстве. Дана их классификация в зависимости от специфики воздействия на формирование профессионально-педагогической компетентности студентов-спортсменов. Представлены: 1) детерминанты, имеющие непосредственное влияние на студентов в образовательном процессе вуза; 2) факторы, влияющие на будущих специалистов физической культуры и спорта, опосредованно – через взаимодействие с другими субъектами в вузе в процессе учебной и воспитательной деятельности «в зоне ближайшего развития» (по Л.С. Выготскому); 3) детерминанты, влияющие на будущих специалистов через взаимоотношения в группах по интересам; 4) детерминанты-стимулы (конкуренция в учебной или спортивной деятельности); 5) субъективные детерминанты – гражданская позиция, духовно-нравственные ценности, мотивация увлечения спортом и выбора профессии, ответственность, самооценка, уровень притязания, направленность личности и т. д. Учитывается сила воздействия разных детерминант с учетом индивидуально-психологических и психолого-типологических особенностей студентов: сильно влияющих, со средней силой влияющих, слабое оказывающих воздействие. Раскрыто содержание, специфика и характер влияния на личность будущих специалистов. Представлены психологический механизм их влияния и способы и методы мониторинга становления у них профессионально-педагогической направленности.

Ключевые слова: детерминанты (факторы и средства); будущие специалисты физической культуры и спорта; профессионально-педагогическая компетенция; студенты-спортсмены; психологический механизм

Для цитирования: *Старов М.И., Османов Э.М.* Детерминанты становления профессионально-педагогической компетентности будущего специалиста физической культуры и спорта в условиях вузовского образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 77-87. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-77-87

Abstract. We consider the determinants (factors, means) of the professional and pedagogical competence development of future specialists in physical education and sports in the university

educational space. We give their classification depending on the specifics of the impact on the professional and pedagogical competence development of students athletes. We present: 1) determinants that have a direct impact on students in the university educational process; 2) factors affecting future specialists in physical education and sports, indirectly – through interaction with other subjects at the university in the process of educational and upbringing activities “in the zone of proximal development” (according to L.S. Vygotsky); 3) determinants that affect future professionals through relationships in interest groups; 4) determinants of incentives (competition in educational or sports activities); 5) subjective determinants – citizenship, spiritual and moral values, motivation for sports and choosing a profession, responsibility, self-evaluation, level of aspiration, personality orientation, etc. The force of influence of different determinants is taken into account, considering the individual psychological and psychological-typological characteristics of students: strongly influencing, with medium influence, having low influence. We reveal the content, specificity and nature of the influence on the personality of future specialists. We present the psychological mechanism of their influence and the ways and methods of monitoring the development of their professional and pedagogical orientation.

Keywords: determinants (factors and means); future specialists of physical education and sports; professional and pedagogical competence; students athletes; psychological mechanism

For citation: Starov M.I., Osmanov E.M. Determinanty stanovleniya professional'no-pedagogicheskoy kompetentnosti budushchego spetsialista fizicheskoy kul'tury i sporta v usloviyakh vuzovskogo obrazovaniya [Determinants of development of professional and pedagogical competence of the future specialist of physical education and sports in conditions of university education]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 77-87. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-77-87 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Актуальность поднятой проблемы объясняется потребностью в профессионально-педагогической компетентности специалистов физической культуры и спорта, и возникла она в связи с повышением роли этой деятельности во всестороннем и гармоничном развитии, улучшении здоровья личности в современных социально-экономических условиях российского общества.

Сразу же хочется оговориться, что многообразие видов спорта, которые даже трудно перечислить, диктует особый подход на особенности подготовки специалистов для ведения занятий в дошкольных, школьных, средних и высших учебных заведениях, а также тренеров по различным видам спорта, руководителей фитнес-центров, атлетических центров, аэробики, туризма, в лечебных, оздоровительных, коррекционных учреждениях и т. д.

Как видим, поле деятельности специалистов, которых готовят на факультетах физической культуры и спорта и в физкультурно-спортивных вузах, очень широко, и арсенал их деятельности неограничен. При этом каждый выпускник должен учитывать специфику конкретной физкультурной или спортивной деятельности, особенности современных методик ведения занятий для укрепления здоровья или достижения спортивного мас-

терства. Значительный успех в спортивной и физкультурной деятельности зависит непосредственно от эффективной и качественной профессионально-педагогической направленности процесса обучения в вузах. Отметим, что профессиональную и педагогическую подготовку необходимо осуществлять органически, в связи с тем, что работать специалистам придется с людьми, поэтому им надо знать не только хорошо особенности того или иного вида физкультурно-спортивной деятельности, а человеческие качества в первую очередь.

Анализ научных и методических источников свидетельствует о том, что проблему подготовки специалистов физической культуры и спорта исследовали многие ученые: Г.М. Акушев, Т.В. Бакшева, И.М. Бутин, Е.Н. Гогун, Ю.И. Горлова, О.И. Дутова, Т.П. Ковядина, Е.В. Конеева, В.А. Никишин, Р.С. Сафин, Н.Н. Сивашова, И.Г. Трофимова, С.И. Филимонова и др. [1]; Л.Л. Артамонова, В.В. Борисова, А.Б. Воронин, Е.А. Дубицкая, В.Д. Ковалев, П.В. Левин, Д.Д. Рассказов, И.М. Туревский, В.А. Уваров, Т.А. Шестакова, Е.А. Штыхлина [2] и др. Однако ученые в основном рассматривали отдельные вопросы совершенствования качества подготовки будущих специалистов физической культуры и спорта, но никто не исследовал влияние со-

вокупности детерминант на становление у них профессионально-педагогической компетенции в условиях вузовского образовательного пространства.

Поэтому цель настоящего исследования состоит в выделении структуры, анализе и раскрытии содержания детерминант (факторов, средств) профессионально-педагогической подготовки специалистов физической культуры и спорта в образовательном пространстве современного вуза.

В связи с целью решались следующие задачи.

1. Структурировать детерминанты, влияющие на профессионально-педагогическую подготовку таких специалистов.

2. Раскрыть содержание и специфику воздействия этих детерминант на личность будущего специалиста физкультурно-спортивной деятельности.

3. Определить психологический механизм разнообразного действия детерминант на студентов-спортсменов.

4. Подобрать диагностический аппарат для мониторинга влияния детерминант на профессионально-педагогическую компетентность будущего специалиста физической культуры и спорта.

Методологической основой нашего исследования стали следующие философско-психологические подходы: личностно-деятельностный – А.Н. Леонтьев, В.М. Выдрин [3; 4]; компетентностный – Е.И. Артамонова, Ю.В. Вардамян, И.А. Зимняя [5–7]; системно-структурный – А.Ф. Лазурский, К.К. Платонов [8; 9]; отношенческий – В.Н. Мясищев, М.И. Старов [10; 11]; потребностно-мотивационный – Б.И. Додонов, Ю.М. Орлов, М.И. Старов, М.С. Барановский [12–14].

Методы исследования при этом использовались следующие: анализ специальной педагогической и физкультурно-спортивной литературы, целенаправленное наблюдение, интервью с тренерами и преподавателями физического воспитания, анализ и обобщение данных источников и собственного многолетнего опыта педагогической работы в физкультурно-спортивной деятельности в вузах.

При решении первой задачи мы сделали попытку классифицировать детерминанты, влияющие на становление профессионально-педагогической компетентности студентов и

студенток – будущих специалистов физической культуры и спорта.

Прежде всего, мы обратили внимание на отношения студентов к профессионально-педагогической направленности своей будущей специальности в сфере физкультурно-спортивной деятельности, которая складывается под влиянием следующей системы детерминант (факторы и средства):

- 1) факторы, имеющие непосредственное отношение к образовательному процессу в вузе, – это семестровые занятия (лекции, семинарские, практические и лабораторные работы); зачетная и экзаменационная сессия (тесты, зачеты, консультации, контрольные работы, рефераты, сдача контрольных нормативов по видам спорта, составляющих учебной программы подготовки, и т. д.); научно-исследовательская работа студентов (НИРС) (анализ научно-методической литературы, анкетирование, наблюдения, эксперименты, выступления на научно-практических конференциях и публикации в печати по результатам опытно-исследовательской деятельности);

- 2) факторы, влияющие на будущих специалистов по физкультуре и спорту опосредованно, – через взаимодействие с другими субъектами в вузе в процессе учебной и внеучебной деятельности «в зоне ближайшего развития» (по Л.С. Выготскому): преподавателей разных теоретических и практических дисциплин между собой и со студентами, тренерами по спорту, с другими студентами, кураторами, родителями, подопечными;

- 3) детерминанты, влияющие через взаимоотношения в группах по интересам (художественной самодеятельности, волонтерству, клубу веселых и находчивых и т. д.);

- 4) детерминанты-стимулы (конкуренция в учебной деятельности или НИРС, состязательность на спортивных состязаниях, стипендия, поощрения, денежные вознаграждения, дипломы, призы, грамоты, медали, кубки, взыскания за нарушения дисциплины и спортивного режима);

- 5) субъективные детерминанты – гражданская позиция, жизненные духовно-нравственные ценности, мотивация занятиями спортом и выбора профессии, личная и корпоративная ответственность, направленность личности, самооценка и уровень притязания в учебной и спортивной деятельности, удов-

летворенность или неудовлетворенность выбранной профессией, физкультурные и спортивные традиции вуза, факультета и т. д.

Решая вторую задачу, мы постарались раскрыть специфику содержания некоторых детерминант. При целенаправленном формировании у студентов-спортсменов профессионально-педагогических качеств обратили внимание, что эффективность влияния зависит в большей мере от позитивного или негативного, подлинно ответственного или безответственного отношения самих субъектов к своей подготовке.

Во-первых, необходимо учитывать силу воздействия детерминант на студентов с учетом индивидуально-психологических особенностей каждого из них:

1) сильно позитивно влияющие: положительная внутренняя мотивация к обучению, производственно-педагогическая практика, хобби, лидерство в спорте и учебе, харизматичность личности тренера, удовлетворенность избранной профессией, любовь к детям, уважение к другим людям, товарищи по спорту и учебе, экзаменационная сессия, успехи на соревнованиях, социальный статус в учебной или спортивной группе, родители;

2) среднюю силу влияния имеют вузовские преподаватели разных дисциплин, педагогический коллектив, куратор, руководители НИРС и др.;

3) слабые факторы – коллектив академической группы, подразделения вуза (институты, факультеты, курсы);

4) негативные детерминанты – неудовлетворенность выбранной профессией; неудовлетворенность учебным процессом; неудачи в спортивной деятельности, травмы (физические и психические); конфликтные отношения с тренером, товарищами по учебе и спорту; увлечение каким-либо другим хобби, например, религией, хореографией, драматургией; материальные недостатки; безответственность; нездоровые отношения в семье и т. д.

Во-вторых, специфика влияния субъективных факторов на профессионально-педагогическую компетентность зависит от: а) принадлежности студента к той или иной типологической группе (статуса в спортивной группе по виду избранной специализации, гражданской и профессионально-педагогической направленности личности, так

как предстоящая работа связана непосредственно с детьми, молодежью или пожилыми людьми), от пола (мужской или женский), уровня академической успеваемости, самооценки, уровня притязания, индивидуально-психологических и индивидуально-типологических особенностей личности (темперамента, внимания, памяти, мышления, эмоциональной сферы, степени волевой регуляции, инициативы, самостоятельности, решимости, персональной ответственности и т. д.).

Решая третью задачу исследования, нами были рассмотрены психологические механизмы воздействия объективных и субъективных детерминант на позитивное и ответственное отношение субъектов-спортсменов к образовательному процессу в вузе.

Процесс влияния указанных детерминант на отношения будущих специалистов к своему профессионально-педагогическому становлению происходит следующим образом. Каждый фактор, взаимодействуя с системой внутренних психологических установок и мотивов, оценивается, осознается и переживается как значимый для компетентного профессионально-педагогического становления и гармонического духовно-нравственного развития личности и оказывает действительное воздействие на отношение субъекта к образовательному процессу, то есть происходит интериоризация с последующей эстериоризацией. В противном случае, если детерминанта не осознается и не переживается, то влияние ее незначительно или вовсе отсутствует.

На устойчивость положительного и ответственного отношения студентов к формированию профессионально-педагогической направленности, по мнению В.А. Мищенко и О.С. Овсянниковой [15], оказывают такие постоянные факторы, как конкурентная способность (состязательность), влияние личности тренера, спортивные занятия, сдача норм ГТО, спортивно-оздоровительные лагеря, спортивные сборы, туристические походы, коллектив спортивной секции. Однако иногда эти факторы не воздействуют на студентов-спортсменов в полной мере и, как следствие, слабо способствуют формированию профессионально-педагогической направленности будущих специалистов физической культуры и спорта. Направленность личности, в данном случае, не складывается по за-

проектированному преподавателями сценарию или складывается стихийно, а иногда влияет негативно и вопреки планируемому.

В связи с этим необходимо: во-первых, усилить профессионально-педагогическую направленность всех видов образовательной деятельности юношей и девушек – будущих специалистов физической культуры и спорта; во-вторых, создать психолого-педагогические и организационно-педагогические условия для использования эффективных психологических механизмов осознания, переживания и значимости их для становления компетентного специалиста в этой сфере деятельности.

Поэтому требуется высококвалифицированная психолого-педагогическая подготовка и деятельность педагогов всех теоретических и практических дисциплин, в том числе спортивных – практических тренеров по видам спорта, работающих в вузах и ведущих подготовку специалистов по физической культуре и спорту.

Оптимизация влияния объективных и субъективных факторов должна быть направлена, в первую очередь, на когнитивную (познавательную) компоненту личности студента-спортсмена, то есть просветительскую работу по значимости физической культуры и спорта для своего здоровья и здоровья окружающих субъектов, с которыми в будущем им придется работать. На лекциях, семинарских занятиях, НИРС, самостоятельной работе важно усилить положительное влияние «зоны ближайшего развития» на позитивное и ответственное отношение студентов к учебной деятельности путем организации и утверждения у них подлинно духовно-нравственных отношений и зависимостей в образовательном пространстве вуза.

На теоретических и практических занятиях, во время спортивных сборов, спортивных соревнований, практики судейства, производственно-педагогической практики в различных организациях студентам надо дать возможность понять и прочувствовать, что именно в деятельности коллектива и только в нем развиваются организаторские, когнитивные, креативные и коммуникативные способности, умения работать не только индивидуально, а и с коллективом. Примерно в том же направлении должна организо-

вываться работа по оптимизации влияния на студентов других объективных детерминант.

Как показали наши многолетние наблюдения в процессе преподавательской деятельности в вузах, наиболее действенной детерминантой, влияющей на профессионально-педагогическую компетенцию будущих специалистов физической культуры и спорта, является производственно-педагогическая практика. Она является доминантой, позволяющей прочувствовать собственное отношение к избранной профессии. К тому же практика является испытательным полигоном для целенаправленного, сознательного и ответственного совершенствования своих знаний, умений и навыков, полученных в процессе образовательных технологий в вузе. Профессионально-педагогическая практика – связующее звено между теоретико-практическим обучением специалиста в вузе и его будущей самостоятельной деятельностью в области физической культуры и спорта. Эта доминанта способствует качественной подготовке будущего специалиста к самостоятельности, творческому выполнению основных профессионально-педагогических функций в реальных условиях учебно-воспитательной и тренерской деятельности в соответствии с современными требованиями к сложной деятельности по избранной профессии.

Структура производственно-педагогической практики представляет непрерывный процесс становления компетенции специалиста физической культуры и спорта.

Во время практики происходит следующее: ознакомление студентов-спортсменов с системой физической культуры и спорта, состоянием и реальными условиями осуществления этого вида деятельности; углубление, расширение и закрепление, а также проверка действенности теоретических знаний, практических умений и навыков, приобретенных в процессе обучения в вузе; накопление опыта практической деятельности с людьми и в коллективе по избранной профессии в сфере физической культуры и спорта, при этом осуществляется развитие организаторских, гностических, коммуникативных, творческих, конструктивных умений в этой деятельности.

Таким образом, возможности по развитию профессионально-педагогической компетентности у будущих специалистов физи-

ческой культуры и спорта непосредственно во время практической деятельности достаточно широки, если при этом использовать все возможности организации ее непрерывно на всех курсах, начиная с первого и заканчивая выпускным.

В современном образовательном процессе учебно-воспитательной и научно-исследовательской деятельности студентов как детерминанты, влияющей на качество профессионально-педагогической подготовки будущих специалистов по физической культуре и спорту, в вузе отводится все большая роль. Однако сейчас указанный фактор используется преподавателями не на достаточном уровне и не всегда дает позитивный и эффективный результат. Очевидная причина создавшейся ситуации состоит в противоречии между стремлением привлечь к научно-исследовательской деятельности всех студентов-спортсменов, начиная с первого по пятый курсы, и определенными трудностями в обеспечении высококвалифицированными научными кадрами среди преподавателей, умеющими руководить этим видом деятельности и организовывать научные поиски студентов.

В вузах, в которых ведется подготовка специалистов физической культуры и спорта, иногда встречается формализм в организации и управлении НИРС, что отражается негативно на качестве выпускников. При хорошем научном руководстве опытными профессорами и доцентами научно-исследовательская деятельность студентов эффективна и влияет положительно на формирование у будущих специалистов устойчивого позитивного, мотивированного, ответственного отношения к проектно-поисковой деятельности в области физкультуры и спорта.

Для оптимизации воздействия данной детерминанты на студентов целесообразно максимально использовать возможность привлечения их к выполнению госбюджетных, хоздоговорных, кафедральных тем, выполнения грантов, дипломных работ, к активной и систематической деятельности в научных кружках по проблемам теории и методики физической культуры, спорта, биологии, педагогики, психологии, медицине, истории и т. д.

Далее рассмотрим детерминанты, воздействующие опосредованно на отношение

будущих специалистов физической культуры и спорта к своей профессионально-педагогической образовательной деятельности. Совокупность детерминант этой группы оказывает на студентов в их самооценке среднее или даже слабое влияние. При компетентном управлении процессом воздействия этих факторов их возможности становятся гораздо шире.

Уровень профессионально-педагогической подготовки и ответственного отношения к своей образовательной деятельности у студентов зависит, прежде всего, от умелой организации стратегии, стиля, структуры и содержания физкультурных и спортивных традиций, принятых на факультете, в институте, вузе.

Следует подчеркнуть, что решающее значение в образовательной деятельности преподавательского коллектива, его развитии имеют профессиональная компетентность и личные черты, научный и методический потенциал профессорско-преподавательского состава, что выдвигает вопрос о тщательном подборе кадров на кафедрах, их правильной расстановке в соответствии со специализацией.

Существенное место в жизнедеятельности каждого студента-спортсмена занимают учебная группа и спортивная секция. Они являются не только первичными для студентов коллективами, а социальными контактными ячейками. Поэтому требуется психолого-педагогическое правильное руководство развитием одновременно учебным и спортивным объединениями, чтобы каждое из них в возможно короткий срок превратилось из социального образования занятых общей деятельностью в сплоченный полноценный коллектив. Стихийно, без направляющего воздействия преподавателей и педагогов-тренеров, группа коллективом не становится, несмотря на общую цель, мало влияющим на формирование позитивного и ответственного отношения студентов к вузовскому образовательному процессу. Недостаточную действенность некоторых кураторов и тренеров можно объяснить тем, что не все они владеют в достаточной мере психолого-педагогическим и методическим арсеналом знаний и умений. При данных обстоятельствах необходима продуманная целенаправленная система психолого-педагогического всеобуча, способная повысить степень теоретической и

методической подготовки, с целью выработки у педагогов практических умений и навыков создавать оптимальный психологический климат и работоспособную атмосферу в учебных и спортивных группах, проектировать и укреплять подлинно гуманистические взаимоотношения между будущими специалистами физической культуры и спорта. Хотя это очень трудная задача в связи с высокой степенью состязательности в спорте и в учебе.

Физкультурная и спортивная деятельность студентов рассматривается в настоящее время как составная часть учебно-воспитательного процесса в вузах и тем более там, где готовят специалистов этого профиля. Известны факты, когда некоторые преподаватели-тренеры и студенты-спортсмены считают, что занятия спортом являются основным видом их деятельности; по мнению таких педагогов учебной деятельности можно уделять незначительное внимание. И наоборот, ряд преподавателей, в основном теоретических дисциплин, считают, что учебная деятельность – это основа подготовки специалистов физической культуры и спорта, а приоритет занятиям спортом даже мешает полноценной учебе. Углубленный анализ данной проблемы показал, что на мнению субъектов отразилась перегруженность отдельных студентов тем или иным видом занятий, недостаточным учетом их интересов, индивидуальных склонностей при определении последовательности прохождения предметов в расписании, с учетом санитарно-гигиенических условий.

Рассмотрим детерминанты-стимулы, влияющие на отношение студентов – будущих специалистов физической культуры и спорта к образовательному процессу в вузе. Степень воздействия этих детерминант весьма неоднозначна и неоднородна. Наибольшую значимость среди них имеет стипендия. Назначение стипендии для студента имеет не только материальный, но и моральный смысл: признание успешности в учебной и спортивной деятельности одновременно, утверждение значимости личности перед семьей, коллективом, окружающими людьми «в зоне ближайшего развития». В силу этого данный детерминант действует безотказно на всех студентов и на всех курсах обучения. В плане дальнейшего совершенствования рабо-

ты стипендиальных комиссий можно рекомендовать им всесторонне подходить к процессу назначения стипендий. Учитывать не только средний балл успеваемости, который может быть обусловлен умственными способностями студентов, не только общественную активность, которая может быть продиктована только эгоистическими мотивами, не только высокими спортивными достижениями за счет развития физических качеств, но и степень добросовестности в приобретении профессионально-педагогической направленности и компетентности субъектом образовательного процесса.

Особая роль в развитии позитивного и ответственного отношения к образовательному процессу принадлежит конкуренции или состязательности. Однако, в отличие от существующих форм студенческого соревнования, когда в первую очередь дифференцируются и фиксируются позитивные результаты каждого студента, необходимо учитывать вклад его в достижения учебного или спортивного коллективов. Такая форма соперничества концентрирует внимание студентов на вопросах рациональных затрат времени и энергии, на моральной оценке оправданности этих затрат, позволяет глубже понять социально-ценностный смысл и общественно-экономическую ценность и полезность образовательной деятельности, оценить ее качество с духовно-нравственной точки зрения.

Поощрения и наказания мы относим: по силе – иногда к сильным, иногда к слабым средствам; по качеству – иногда к позитивно, иногда к негативно действующим факторам. Оба средства часто не опираются на общественное мнение групп, студенты считают, что носят они, как правило, административный характер, грешат глобальной оценкой достижений личности только в спортивной деятельности. Практика поощрений и наказаний нуждается в существенной коррекции и улучшении.

Решению этих вопросов во многом может способствовать знание характера влияния следующей группы субъективных детерминант: уровня притязания личности, самооценки личности, степени волевой самореализации, личной ответственности, сознательности, мотивации, потребности, интереса,

удовлетворенности избранной специальностью и реальным процессом обучения и т. д.

При одних и тех же объективных и субъективных условиях в вузе отношение у разных студентов-спортсменов к образовательному процессу неоднозначно. Это связано с влиянием комплекса субъективных факторов на подход будущего специалиста физической культуры и спорта к своей профессионально-педагогической подготовке. Влияние субъективных факторов на отношение студентов к аудиторной и внеаудиторной деятельности зависит от:

а) личностной гражданской и жизненно-ценностной позиции к будущей профессионально-педагогической деятельности в целом и к ее отдельным видам (гностической, коммуникативной, конструктивной, проектировочной, креативной, организаторской, переключаемости, доминантной);

б) наличия подлинно профессионально-педагогической направленности потребностей, мотивации, интереса к овладению выбранной специальностью в области физкультуры и спорта;

в) степени выраженности профессионально-педагогической позиции (модальности, интенсивности, широты, устойчивости, переключаемости, доминантности, эмоциональности, персональной и коллективной ответственности, сознательности);

г) стиля личной активности и ответственности (новатор, передовик, осторожный, рискованный, консерватор, трусливый, умеренный);

д) умения эффективно применять в работе с подопечными стили руководства (либеральный, демократичный, административный);

е) глубокого убеждения и осознанности в необходимости профессионально-педагогической направленности приобретаемой специальности, в отличие от недостаточно осознанного увлечения каким-либо видом спорта;

ж) характера мотивации (личностной, ситуативной, общественной), мотива поступления студента именно в этот вуз и именно на эту специальность, связанную с физкультурой и спортом;

з) физической подготовленности, спортивной квалификации и личного опыта занятий спортом;

и) уровня развития волевой саморегуляции (целенаправленности, силы воли, настойчивости, выдержки, самостоятельности, дисциплинированности).

Процесс становления профессионально-педагогической позиции специалиста физической культуры и спорта возможен при следующих дидактических принципах: целенаправленности, единства, целостности, открытости, систематичности, последовательности, доступности, рациональности в соответствии с государственными документами, опираясь на все составляющие образовательного процесса: цели, задачи, формы, средства, стратегии, стили, технологии, моделирование, проектирование, инновационные методы аудиторной и внеаудиторной работы.

Решая четвертую задачу, мы постарались определиться с диагностикой отношения студентов-спортсменов – будущих специалистов физической культуры и спорта к овладению профессионально-педагогической компетентностью.

Успешное управление формированием у студентов позитивного и ответственного отношения к профессионально-педагогическому образованию невозможно без обратной связи о ходе этого сложного процесса.

1. При анализе характера и направленности отношений личности к профессионально-педагогическому процессу важно учитывать мотивационную сторону – ради чего студентами приобретаются знания, умения и навыки. При одних и тех же условиях и успехах отношения могут быть различными в зависимости от того, чем они мотивированы. Например, внешне мотивированное положительное отношение к учебно-познавательной деятельности может быть только ради проявления собственного Я, получения одобрения, оценки, стипендии, награды, поощрения – это в итоге развивает эгоистическую направленность личности. Высший уровень социально-ценностной мотивации учебной и спортивной деятельности будет у студента, если у него наблюдается гармония личной и общественно-полезной мотивации, направленной на профессионально-педагогическую деятельность с людьми в области физической культуры и спорта. Следовательно, общественная профессионально-педагогическая направленность – один из критериев положительного отношения будущего спе-

циалиста физической культуры и спорта к образовательному процессу в вузе, проявляющаяся особенно во время педагогической практической деятельности.

2. Поскольку академическая и спортивная группы по отношению к каждой личности студента выступают как «ближайшая зона развития», то необходимо изучать и учитывать мнение членов этих первичных коллективов о профессионально-педагогической направленности обучающегося на будущую специальность. При этом необходимо использовать метод независимых характеристик, социометрию, групповую оценку познавательной активности, умение объединять личные мотивы и интересы с общественными и государственными запросами и потребностями.

3. Высший уровень устойчивости положительного и ответственного отношения субъектов к учебно-познавательной и практической деятельности проявляется в творчестве, в поисках своего индивидуального стиля учебной и спортивной деятельности, в выработке рациональных умений, навыков, приемов. В связи с этим следует изучать, в чем заключается индивидуальная стратегия, своеобразие учебной и спортивной деятельности студента, насколько он активно и творчески занимается самообразованием и самосовершенствованием по индивидуальным планам подготовки, так как часто спортсмены отвлекаются от регулярных занятий на спортивные сборы и соревнования.

4. Активная жизненная действенная позиция студента-спортсмена по усвоению знаний, практических умений и навыков проявляется в стремлении применять свою компетенцию на профессионально-педагогической практике в физкультурной и спортивной деятельности с людьми, что может быть одним из существенных показателей степени развития у них компетенции.

5. Поскольку высокая устойчивость позитивной внутренней мотивации в деятельности проявляется в предпочтении студентами более трудных заданий, то необходимо в диагностических целях создавать проверочно-оценочные ситуации по определению профессионально-педагогической устойчивости и самореализации в физкультурно-спортивной деятельности.

6. Одними из показателей для оценки характера профессионально-педагогической компетентности будущего специалиста может служить умение организовывать физкультурную или спортивную деятельность с подопечными (творчески, устойчиво, ситуативно, безразлично, ответственно). Умение сочетать стили руководства с занимающимися детьми и другими людьми физкультурой или спортом (авторитарный, демократический, либерально-попустительский).

На основе изложенного выше делаем следующие выводы.

1. Наибольший эффект в управлении процессом становления профессионально-педагогической компетентности у будущих специалистов физической культуры и спорта будет достигнут в том случае, когда в работе со студентами-спортсменами преподаватели и тренеры будут грамотно учитывать, использовать и координировать воздействие как объективных, так и субъективных детерминант, их структуру, силу, характер на обучающихся в вузе.

2. Преподавателям и тренерам необходимо знать психологический механизм влияния объективных и субъективных факторов на личность будущих специалистов физкультуры и спорта в вузовском образовательном пространстве (интериоризация и экстериоризация).

3. Для мониторинга влияния детерминант на профессионально-педагогическую компетенцию необходимо использовать комплекс психолого-педагогических методик.

Список литературы

1. Личность студента в образовательно-развивающем пространстве физической культуры: в 2 ч. / отв. ред. М.Я. Виленский. М., 2003. Ч. 2. 352 с.
2. Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития: материалы юбилейной Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 10-летию Междунар. академии наук непрерывного педагогического образования: в 2 ч. / отв. ред. Е.И. Артамонова, М.Я. Виленский. М.: МПГУ; МАНПО, 2005. Ч. 2. 799 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Мысль, 1981. 584 с.

4. *Выдрин В.М.* Деятельность специалистов в сфере физической культуры. СПб., 1997.
5. *Артамонова Е.И.* Общекультурная компетенция педагога // Педагогическое образование: вызовы 21 века: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 3-10.
6. *Варданын Ю.В.* Структура и развитие профессиональной компетентности специалиста с высшим образованием: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1999. 42 с.
7. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М., 2004.
8. *Лазурский А.Ф.* Классификация личностей. Москва; Петроград, 1923. 302 с.
9. *Платонов К.К.* Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 255 с.
10. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1995.
11. *Старов М.И.* Психология отношений. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 156 с.
12. *Додонов Б.И.* Потребности, отношения и направленность личности // Вопросы психологии. 1973. № 5. С. 18-29.
13. *Орлов Ю.М.* Потребностно-мотивационные факторы эффективной учебной деятельности студентов вуза. М., 1984. 525 с.
14. *Старов М.И., Барановский М.С.* Ответственное отношение студентов как мотивационно-личностный потенциал их профессионально-познавательной деятельности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 11 (139). С. 27-34.
15. *Мищенко В.А., Овсянникова О.С.* Проблемы формирования профессиональной устойчивости студентов к профессионально-педагогической деятельности в условиях обучения в вузе // Педагогическое образование: вызовы 21 века: сб. науч. ст. Междунар. науч.-пед. конф. М., 2015. С. 98-102.

References

1. Vilenskiy M.Y. (executive ed.). *Lichnost' studenta v obrazovatel'no-razvivayushchem prostranstve fizicheskoy kul'tury: v 2 ch.* [Student's Personality in the Educational and Development space of Physical Culture: in 2 pts]. Moscow, 2003, pt 2, 352 p. (In Russian).
2. Artamonova E.I., Vilenskiy M.Y. (executive eds.). *Professionalizm pedagoga: sushchnost', soderzhaniye, perspektivy razvitiya*: [Professionalism of the teacher: essence, content, development prospects]. *Materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, priurochennoy k 10-letiyu Mezhdunarodnoy akademii nauk nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovaniya: v 2 ch.* [Proceedings of the Anniversary International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 10th Anniversary of International Continuing Teacher's Training Academy of Science: in 2 pts]. Moscow, Moscow Pedagogical State University, International Teacher's Training Academy of Science Publ., 2005, pt 2, 799 p. (In Russian).
3. Leontyev A.N. *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Mysl Publ., 1981, 584 p. (In Russian).
4. Vydrin V.M. *Deyatel'nost' spetsialistov v sfere fizicheskoy kul'tury* [Activity of Specialists in the Field of Physical Culture]. St. Petersburg, 1997. (In Russian).
5. Artamonova E.I. *Obshekul'turnaya kompetentsiya pedagoga* [General cultural competence of the teacher]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pedagogicheskoye obrazovaniye: vyzovy 21 veka»* [Proceedings of the International Scientific and Pedagogical Conference "Pedagogical Education: Challenges of the 21st Century"]. Moscow, 2015, pp. 3-10. (In Russian).
6. Vardanyan Y.V. *Stroyeniye i razvitiye professional'noy kompetentnosti spetsialista s vysshim obrazovaniyem: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Structure and Development of Professional Competence of Specialist with Higher Education. Dr. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1999, 42 p. (In Russian).
7. Zimnyaya I.A. *Klyuchevyye kompetentsii kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii* [Key Competencies as an Effective and Target Basis of Competency-Based Approach in Education]. Moscow, 2004. (In Russian).
8. Lazurskiy A.F. *Klassifikatsiya lichnostey* [Classification of Personalities]. Moscow, Petrograd, 1923, 302 p. (In Russian).
9. Platonov K.K. *Struktura i razvitiye lichnosti* [Structure and Development of Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 255 p. (In Russian).
10. Myasishchev V.N. *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of Relations]. Moscow, Voronezh, Institute of Practical Psychology, Scientific Production Association "MODEK" Publ., 1995. (In Russian).
11. Starov M.I. *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of Relations]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2010, 156 p. (In Russian).

12. Dodonov B.I. Potrebnosti, otnosheniya i napravlennost' lichnosti [Needs, Relationships and Personality Orientation]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 1973, no. 5, pp. 18-29. (In Russian).
13. Orlov Y.M. *Potrebnostno-motivatsionnyye faktory effektivnoy uchebnoy deyatel'nosti studentov vuza* [Demanding and Motivational Factors of Effective Educational Activity of the University Students]. Moscow, 1984, 525 p. (In Russian).
14. Starov M.I., Baranovskiy M.S. Otvetstvennoye otnosheniye studentov kak motivatsionno-lichnostnyy potentsial ikh professional'no-poznavatel'noy deyatel'nosti [Responsible attitude of students as motivation and personal potential of their professional and cognitive activity]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, no. 11 (139), pp. 27-34. (In Russian).
15. Mishchenko V.A., Ovsyannikova O.S. Problemy formirovaniya professional'noy ustoychivosti studentov k professional'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti v usloviyakh obucheniya v vuze [Problems of students' professional stability formation to the professional and pedagogical activity in conditions of study in university]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-pedagogicheskoy konferentsii «Pedagogicheskoye obrazovaniye: vyzovy 21 veka»* [Proceedings of the International Scientific and Pedagogical Conference "Pedagogical Education: Challenges of the 21st Century"]. Moscow, 2015, pp. 98-102. (In Russian).

Информация об авторах

Старов Михаил Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор-консультант кафедры социальной и возрастной психологии. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: starovmi@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция идеи исследования, теоретический анализ источников, определение теоретических и методологических позиций.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5439-2594>

Османов Эседулла Маллаалиевич, доктор медицинских наук, профессор, директор медицинского института. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: osmanov@bk.ru

Вклад в статью: научное редактирование, обработка материала, структурирование статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7493-2351>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Старов Михаил Иванович
E-mail: starovmi@mail.ru

Поступила в редакцию 30.07.2019 г.
Поступила после рецензирования 21.08.2019 г.
Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the authors

Mikhail I. Starov, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor-Consultant of Social and Age Psychology Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: starovmi@mail.ru

Contribution: study idea main conception, theoretical references analysis, theoretical and methodological positions definition.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5439-2594>

Esedulla M. Osmanov, Doctor of Medicine, Professor, Director of Medical Institute. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: osmanov@bk.ru

Contribution: scientific editing, material processing, article structuring.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7493-2351>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Mikhail I. Starov
E-mail: starovmi@mail.ru

Received 30 July 2019
Reviewed 21 August 2019
Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-88-97
УДК 37.068; 379.82

Гражданское воспитание молодежи средствами экологических и культурозащитных инициатив

Марина Игоревна ДОЛЖЕНКОВА¹, Оксана Германовна ПРОХОРОВА²

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7656-7028>, e-mail: dolzhenkovam@mail.ru

²ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
127051, Российская Федерация, г. Москва, ул. Сretenка, 29
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4712-7389>, e-mail: katya_april@mail.ru

Civic education of youth by means of environmental and cultural protective initiatives

Marina I. DOLZHENKOVA¹, Oksana G. PROKHOROVA²

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7656-7028>, e-mail: dolzhenkovam@mail.ru

²Moscow State University of Psychology & Education
29 Sretenka St., Moscow 127051, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4712-7389>, e-mail: katya_april@mail.ru

Аннотация. Раскрыта сущность и специфика гражданского воспитания молодежи в условиях функционирования культурозащитных и экологических инициатив. Выявлены особенности профильно ориентированной социально-воспитательной работы. Охарактеризованы способы включения молодежи в инновационную проектную деятельность, ориентированную на гражданское воспитание, экологию и защиту культурного наследия. Проектная деятельность позиционирована как особый вид социального творчества, стратегической целью которого является создание хорошо организованной общности инициативных граждан. Дана характеристика деятельности центров молодежных и гражданских инициатив; молодежных банков социальных инициатив и бизнес-инкубаторов. Показана роль некоммерческих организаций в развитии молодежного добровольчества. Проанализированы задачи и перспективы проведения фестивалей и конкурсов гражданских инициатив, ярмарок проектов и квестов. Обобщен опыт деятельности гражданских инициатив молодежи экологической и экокультурной направленности, а также работа виртуальных досуговых общностей по интеграции добровольцев (на примере московского и петербургского сообществ блогеров). Систематизированы данные о наиболее популярных экологических и экокультурных проектах, получивших широкое распространение в России. Проанализированы особенности реализации проектов «Экобег», «Плоггинг», «Том Сойер Фест»; выявлена их градозащитная ориентация, направленность на развитие здорового образа жизни и благотворительность.

Ключевые слова: гражданское воспитание; добровольчество; экологическое волонтерство; культурозащитные технологии; социальное проектирование

Для цитирования: Долженкова М.И., Прохорова О.Г. Гражданское воспитание молодежи средствами экологических и культурозащитных инициатив // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 88-97. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-88-97

Abstract. We reveal the essence and specificity of civic education of youth in the context of functioning of cultural protective and environmental initiatives. We identify the features of profile-oriented social and educational work. We characterize the ways of involving young people in innovative project activities focused on civic education, the ecology and the protection of cultural

heritage. Project activities are positioned as a special type of social creativity, the strategic goal of which is to create a well-organized community of initiative citizens. We give the characteristic of the activity of youth and civic initiatives centers; youth banks of social initiatives and business incubators. We show the role of noncommercial organizations in the development of youth volunteering. We analyze the tasks and prospects of holding festivals and competitions of civic initiatives, fairs of projects and quests. We summarize the activities experience of civic initiatives of young people of environmental and ecocultural orientation, as well as the work of virtual leisure communities for the integration of volunteers (on the example of the Moscow and Saint Petersburg community of bloggers). We systematize data on the most popular environmental and ecocultural projects that have become widespread in Russia. We analyze the features of implementation of projects "Ecobeg", "Plogging", "Tom Sawyer Fest"; we also reveal their city historic preservation orientation, focus on the development of healthy lifestyle and charity.

Keywords: civic education, volunteering, environmental volunteering, cultural protective technologies, social design

For citation: Dolzhenkova M.I., Prokhorova O.G. Grazhdanskoye vospitaniye molodezhi sredstvami ekologicheskikh i kul'turozashchitnykh initsiativ [Civic education of youth by means of environmental and cultural protective initiatives]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 88-97. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-88-97 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Создание условий для становления гражданской позиции молодого поколения рассматривается как приоритетное направление работы с подрастающим поколением. Само понятие «гражданин» предполагает субъектность и самостоятельность личности, ее определенную и активную жизненную позицию, оптимальное сочетание личных и общественных интересов, стремление к сознательному взаимодействию и партнерству с властными структурами [1].

Поэтому целенаправленная воспитательная работа ориентирована на принятие представителями подрастающего поколения фундаментальных гражданских, экологических и экокультурных ценностей; повышение уровня своей готовности к жизни и творческой самореализации в современном обществе, исполнению различных ролей в социуме, грамотной организации жизненного пространства, принятию самостоятельных ответственных решений, овладению технологиями социального проектирования. Молодые люди активно включаются в инициативы, коллективные социально-ориентированные активности и общественные акции [2].

Молодежная гражданская инициатива представляет собой особого рода форму общественной активности, реализующуюся в добровольном включении индивида в многообразные социальные взаимоотношения, в самостоятельные активные ответственные действия на благо общества, характеризующиеся инновационным творческим отноше-

нием к общественно полезному интеллектуальному и производительному труду, сложившимся и принятым в социуме нормам экологического и экокультурного поведения.

Молодежные инициативы более успешно развиваются в условиях инновационной среды и сами по себе носят инновационный характер. Молодежь как социальная страта стремится принять деятельное участие в системе отношений социума, она склонна к инновациям, способна к творческой проработке новых идей, воплощению их в социально-педагогических и социально-культурных проектах. Следовательно, проблемы гражданского воспитания в сфере активности молодежных инициатив, а также организации социально-педагогической поддержки подрастающего поколения обусловлены проблематикой развития инновационной (в том числе проектной) деятельности.

Тем самым, важнейшим средством стимулирования и реализации инновационной инициативы и активности в молодежной среде является социальное проектирование, направленное на разрешение конкретной социальной проблемы. Проектная деятельность становится особым видом социального творчества, стратегической целью которого является создание хорошо организованной общности инициативных граждан [3]. Включение молодых людей в разработку социальных проектов пробуждает их инициативу, социальную и гражданскую активность.

Молодежный инновационный социальный проект, как правило, направлен на решение какой-либо конкретной задачи, проектируемые педагогические и социокультурные процессы и явления опираются на социальные механизмы саморазвития, отличаются динамичностью, гибкостью, способностью к усложняющим или упрощающим изменениям в ходе реализации.

Эти особенности открывают возможности для эффективного использования инновационных и модернизированных проектных технологий для формирования, развития и реализации актуальных интересов молодежи в сфере гражданского воспитания, экологии и защиты культурного наследия. Это предполагает и стимулирует социальное партнерство – добровольное и равноправное взаимодействие в проектной деятельности.

В процессе инициативной проектной деятельности молодые люди вступают в идеологические, управленческие, нравственные, эстетические, семейно-бытовые, межличностные отношения, постепенно становятся полноправными субъектами социальных отношений, активно реализующими свои ценностные установки, интересы, потребности, жизненные притязания и планы. Существенной динамике подвергаются их жизненные позиции, способы жизнедеятельности, образ и стиль жизни. Приоритетными направлениями работы гражданских инициатив является вовлечение молодежи в созидательную социальную активность, а также разъяснение ее потенциальных возможностей саморазвития и самореализации.

В центре внимания инициативной активности молодежи оказываются объекты природного, материального и духовного культурного наследия. Целью таких инициатив становится объединение активных представителей молодежи в агломерацию, способную вырабатывать общественно-значимые идеи, способствующие экологической и социокультурной реабилитации регионального социума. Каждый субъект молодежной гражданской инициативы осознанно формирует собственную стратегию ее реализации, существенно расширяя векторы и траекторию ее развития: планируются и осуществляются персональные и групповые действия, складываются представления о референтных группах, способных решить сходные про-

блемы. Посредством индивидуальной и групповой проектной деятельности молодые люди учатся действовать согласно своему замыслу, в соответствии с самостоятельно поставленной целью, выбирая оптимальные формы и способы реализации собственной идеи [4].

Через реализацию проектов экологической и экокультурной направленности решаются многие проблемные вопросы, связанные с формированием комфортной городской среды, культурного пространства поселения, обустройством скверов и спортивных площадок, утилизацией твердых бытовых отходов и ликвидацией стихийных мусорных свалок. Параллельно в орбиту проектных преобразований попадают проблемы профилактики социального сиротства, поддержки и защиты прав ребенка; социальной поддержки лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию; повышения качества жизни людей пожилого возраста; социальной адаптации инвалидов, содействия благотворительности и добровольчеству в сфере гражданско-патриотического воспитания молодежи, развития межнационального сотрудничества, сохранения и защиты самобытных культурных традиций народов Российской Федерации, охраны, развития любительского краеведения и популяризации объектов культурного наследия [5].

Практика подобной деятельности получила широкое распространение в Российской Федерации. В регионах проходят конкурсы «Гражданских инициатив», участниками которого становятся объединения «по интересам», увлеченные командной работой, направленные на решение актуальных и конкретных проблем регионального сообщества. Чаще всего речь идет о среднесрочных долгосрочных проектах, подготовка и реализация которых имеет очевидный воспитательный эффект.

Во многих регионах России создаются Центры молодежных и гражданских инициатив, направленные на развитие и поддержку гражданской и социальной активности молодых граждан; включение молодежи в процесс инновационного развития общества посредством раскрытия талантов и реализации потенциала личности; создание условий для самореализации, стимулирование предпринимательской активности; воспитание моло-

дого поколения в духе гражданственности, патриотизма, ценностного отношения к природе и культурным традициям малой родины. Их деятельность связана с организацией мероприятий в сфере молодежной политики, ориентированных на вовлечение молодежи в инновационную, добровольческую предпринимательскую, деятельность, а также на развитие ее гражданской активности, проведение культурно-массовых мероприятий (семинары, конференции, фестивали, выставки, конкурсы, смотры).

В субъектах федерации проводятся региональные конкурсы молодежных гражданских инициатив, направленные на поддержку и стимулирование инициатив решения социальных проблем, вопросов духовно-нравственного воспитания по номинациям создание безопасной и комфортной среды; охраны здоровья и пропаганды здорового образа жизни; патриотического воспитания и уважения к истории родного края, развитие творческой активности; проведение мероприятий по защите и охране окружающей среды; социальной защиты, адаптации и интеграции социально незащищенных слоев, поддержке людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; гражданские инициативы в сфере охраны культуры, искусства, сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Также проводятся фестивали гражданских инициатив – яркие масштабные акции, включающие ярмарки проектов, благотворительные акции, конкурсы и квесты, партнерские лекции и семинары от благотворительных фондов фестиваля; мастер-классы экспертов-практиков, авторов социальных проектов, дискуссионные площадки, на которых обсуждаются решения конкретных социальных проблем [6].

Создаются региональные молодежные банки социальных инициатив, а также «инкубаторы» молодежных инициатив, призванные обеспечить взаимодействие между добровольческими молодежными объединениями, некоммерческими организациями, властью и бизнесом. Эти объединения преследуют цели формирования активной гражданской позиции, обеспечения партнерского взаимодействия с некоммерческими организациями, бизнес-сообществом и органами местного самоуправления; обобщения и рас-

пространения опыта лучших молодых инноваторов, акселерации социальных инициатив за счет ресурсов самих общественных объединений; вовлечения молодежи в добровольческую деятельность. Региональные центры поддержки молодежных и добровольческих инициатив проводят обучающие семинары, форумы, воркшопы по оформлению проектов. Они активизируют проектную активность в молодежной среде, привлекают ресурсы на молодежные проекты, воспитывают молодежных лидеров и экспертов, обеспечивают поддержку и успешное развитие молодежных стартапов в сфере некоммерческой деятельности или социально-ориентированного бизнеса.

Некоммерческие организации становятся своеобразными драйверами роста, играющими важную роль в социально-экономическом и социокультурном развитии региона, реализуя проекты по оказанию помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации [7].

Гражданские инициативы молодежи экологической и экокультурной направленности получили широкое распространение в виртуальном пространстве (в социальных сетях, в сообществах блогеров). Эти инициативы тесно связаны со спортом и благотворительностью: возникают досуговые интернет-общности, организующие экологические, градозащитные и благотворительные пробеги и марафоны.

Особой активностью в этом направлении отличаются сообщества блогеров столичных городов. Так, сообщество Питерских блогеров традиционно проводит Всероссийский спортивный праздник «Зеленый марафон» совместно со Сбербанком, в рамках которого осуществляется забег блогеров под девизом «Километры добрых дел» по пляжам Невы, сочетающий многообразные спортивные и развлекательные мероприятия для всей семьи (мастер-классы по росписи деревянных фигур, изготовлению ветряков, йоге и SUP-серфингу, квесты, праздничные концертные программы с участием известных исполнителей, игры в пляжные волейбол и бампербол). Запоминающейся стала историко-культурная акция – яркий флешмоб «314 воздушных змеев» (по числу лет со дня основания города).

Проект сообщества блогеров «Кроличьи бега» осуществляется совместно сетью квестов «Rabbit Hole» (кроличья нора) и предполагает проведение увлекательных квестов, наполненных детективными расследованиями, захватывающими путешествиями, приключениями в городской среде.

В начале июня по берегу Финского залива проходит романтический ночной трейл «Белая ночь», участники которого бегут по кромке воды и встречают рассвет на финише. Старт и финиш проходят под звуки живого исполнения джаза и сопровождаются яркими файер-шоу и шоу-программой.

В конце декабря проходит массовая зрелищная пробежка Дедов Морозов по центру Петербурга, в которой принимают участие профессионалы, ветераны и любители легкоатлетического спорта. Как правило, открывает костюмированный пробег Всероссийский Дед Мороз из Великого Устюга.

Традиционно в парке на Елагином острове проводится благотворительный «Добрый забег», направленный на сбор средств на развитие спорта среди детей с ограниченными возможностями, стартовые взносы которого направляются на закупку спортивного инвентаря и специального оборудования для коррекционных школ.

Московские блогеры проводят уникальный красочный забег «ColorsGO» в парке Дружбы, в рамках которого участники преодолевают красочные зоны и финишируют красочным броском, когда каждого участника обсыпают яркой красочной пылью, вручают подарки от партнеров и освежающий напиток.

В июле московские блогеры проводят акцию – любительский «Блоггеры – забег» по набережной на Воробьевых Горах, не предполагающий особой подготовки (можно пройти дистанцию пешком).

Блогер и спортсмен Дмитрий Сметкин инициировал марафонский пробег из Москвы в Финляндию, посвященный привлечению внимания к проблеме донорства костного мозга. Маршрут пробега проходит через 18 городов, где устраиваются встречи с журналистами и читаются лекции по теме донорства.

Широкое распространение по всей России получило зародившееся в Скандинавии движение плоггеров, объединяющее сторон-

ников особого вида физической активности, представляющего собой экологический спортивный забег на определенную дистанцию, совмещенный со сбором мусора. По сравнению с обычными пробежками плоггинг предполагает более разнообразные тренировки за счет того, что необходимо постоянно наклоняться, поднимать мусор и снова бежать. По окончании пробежки необходимо взвесить пакет, сфотографироваться, выложить фотографию в социальных сетях. Победители определяются по весу собранных отходов, а при одинаковых результатах – выигрывает тот, кто прибежал раньше. Плоггинг превратился в масштабную экологическую акцию, которая вносит существенный вклад в поддержание благоприятной экологической среды города и порождает новаторские креативные решения. В яркие праздники превратились прошедшие в сентябре 2019 г. в Липецке и Тамбове плоггинг-забеги с лозунгом «Чистота – залог здоровья» в рамках Всероссийской акции «Чистая страна». В Петрозаводске клуб «Бегать модно» регулярно устраивает экологические турниры, предполагающие сбор мусора на пляжах города.

Петербургская ассоциация плоггеров Eco Plogging SPb в 2018 г. организовала забег по Кругобайкальской железной дороге для привлечения внимания к проблеме экологии Байкала.

Плоггинг-мероприятия получили распространение и в музейно-парковых комплексах. Так, в музеях-заповедниках «Царицыно», «Кузьминки-Люблино», «Борисовские пруды» прошли акции «Царь-плоггинг», в рамках которых по территориям парков активисты осуществили пробежку и сбор мусора. На финише каждый участник получил памятный сувенир.

В России возник аналог плоггинга – движение «Чистобег», участники которого не только бегут с мусорными мешками, но занимаются на природе йогой, акробатикой, аэробикой или балетом. Аналогичный проект зародился в Санкт-Петербурге в 2014 г. и постепенно охватил несколько десятков тысяч гражданских активистов по всей России. Это новаторский креативный субботник под названием «Чистые игры», игровой формат которого включает интенсивную зарядку под зажигательную музыку. Цель субботника – убрать мусор, собрать пластик, стекло, жес-

тяные банки, автомобильные шины для дальнейшей переработки, а также внести свой вклад в улучшение экологической обстановки в городских парковых зонах. Координаторы («скупщики мусора за баллы») начисляют очки, «отбирают для коллекции» особо интересные, подчас антикварные находки, награждают участников памятными подарками, угощают вкусной выпечкой и молоком, приготовленными компаниями-партнерами.

Волонтерский проект «Социобег» (руководитель А. Герасименко) предполагает совместные пробежки в парках с детьми из детских домов и направлен на социализацию воспитанников через занятия спортом, формирование у них социально-значимых ценностей и мировоззренческих позиций. Организаторы проекта также устраивают плоггинг-субботники «экобег», сопровождаемые квестом по сбору мусора. Наставники-волонтеры стремятся своим примером развить в детях гражданскую ответственность, они общаются с детьми, обсуждают текущие дела, делятся яркими впечатлениями и эмоциями. Как результат – осознанные занятия детей плоггингом. Продолжением стал проект «Спортивная история», сочетающий беговые тренировки с экскурсией: пробежку сопровождает экскурсовод, который едет на велосипеде или скутере и рассказывает об исторических и архитектурных достопримечательностях городских районов. Ежегодно проводится до 20 подобных экскурсий, popularизирующих ценностное отношение к историческому наследию городского пространства.

Так, спортивно-экологические и экокультурные проекты совмещаются с социальным волонтерством, направленным на адаптацию социально неблагополучных категорий.

Примером тому могут служить совместные плоггер-акции в Кургане, где молодые активисты сотрудничают с домом престарелых, инклюзивные фитнес-субботники в Кемерово и Екатеринбурге, семейный плоггинг-субботник в Челябинске [8].

Уникальным отечественным социально-культурным явлением стал «Том Сойер Фест» – это волонтерское движение, социальный проект по сохранению и восстановлению городской исторической среды, воз-

никший в Самаре в 2015 г. Общественная инициатива получила статус фестиваля, поскольку ориентирована не только на восстановление домов, а на общение, обмен информацией и эмоциями, новые знакомства, тусовки, лекции, концерты, мастер-классы, выставки и т. п. Идея фестиваля состояла в том, чтобы силами волонтеров восстанавливать ежегодно в летний период несколько деревянных домов, не имеющих статуса объекта культурного наследия в исторических городах России. Постепенно это движение распространилось на более 30 городов Поволжья, Черноземья, Урала, Сибири и Центральной России). Уже обозначилась тенденция сравнительно легкой организации фестиваля в больших (где много людских и материальных ресурсов) и самых маленьких городах (где все делается небольшими силами), а в средних городах организовать проект сложнее.

Фестиваль проводится при поддержке общества охраны памятников, а также многочисленных спонсоров, среди которых есть строительные компании, уникальные столярные и кузнечные мастерские, способные помочь в восстановлении отдельных кованых и резных элементов декора. Крупными партнерами фестиваля стали компании МТС, «Леруа Мерлен», «Кувалда.ру», различные банки. Компания Tikkurila сама предложила краску для реализации проектов. Профессиональные архитекторы-реставраторы безвозмездно разрабатывают концепцию восстановления, создают визуализацию и 3D-модели объектов фестиваля.

Опыт фестиваля получил высокую оценку на конференции ЮНЕСКО по жилищному строительству в Эквадоре, где был квалифицирован как наиболее успешная городская инициатива по работе с общественностью, как особенно эффективная стратегия «мягкого обновления». Фестиваль получил президентский грант в размере 4,086 млн рублей при содействии Фонда поддержки гражданской активности в малых городах и сельских территориях «Перспектива». Проект также вошел в шорт-лист национальной премии «Серебряный лучник», в Санкт-Петербурге получил премию «Нобель».

Бузулук архитекторы и культурологи уже осторожно называют столицей деревянного модерна России.

В «Том Сойер Фесте» часто принимают участие иностранные гости (в Самару приезжали американский профессор урбанистики Дж. Гильдерблум, финский актер В. Хаапасало, журналист газеты «The Guardian»).

Еще в 2010 г. подобное по направленности молодежное волонтерское движение по реставрации деревянных домов возникло в селах Самарской области. Молодые добровольцы из Самары, Болгарии, Индии, Китая и Вьетнама, размещавшиеся в лагере «Большой Костер», занимались реставрационными работами по просьбе сельских жителей. Поддержку движению тогда оказывал ООО «Газпром трансгаз Самара». Однако в 2012 г. это волонтерское движение прекратило свое существование, но в формате «ТомСойерФест» возродилось в 2015 г. Идеологом проекта стал историк, урбанист и экс-главред интернет-портала «Другой город» А. Кочетков. Ему эту идею воплотили томские блогеры Н. Кирсанов и Ю. Терехова, которые занимались восстановлением заброшенных и разрушенных деревянных домов и рассказывали об этом в «Живом Журнале».

Это фестиваль для тех, кто не просто осознает ценность исторической среды города, хочет привести в порядок внешний вид и восстановить историческую застройку, но также для максимального вовлечения в эти процессы жителей города, для организации командной работы сообщества инициативных городских активистов [9].

В рамках фестиваля вокруг объекта реставрации формируется инициативное, деятельное сообщество, объединенное общими интересами, работой и досугом. «ТомСойерФест» существенно влияет на социально-психологический климат населенного пункта, на оптимистичный жизненный настрой инициаторов праздника. Создавая шумиху вокруг старых домов, фестиваль часто спасает их от сноса, способствует их выживанию. Строительная площадка российских городов на время фестиваля «Том Сойер Фест» превращается в пространство проведения разнообразных мероприятий для широкой аудитории жителей (выставки, фотовыставки, фотозоны, фотосессии, экскурсии концерты, мастер-классы, лекции, благотворительные ярмарки книг, журналов и сувениров, презентации краеведческих изданий, выступления бардов, музыкальные джемы, творческие

мастерские для детей, создание арт-объектов городской среды и т. п.).

Работа на объекте становится для добровольцев особой привилегией. Как Том Сойер превратил покраску забора в увлекательный интерактив, так и фестиваль привлекает активистов для развития пространства и обеспечения его туристской привлекательности. Волонтеры-участники фестиваля зачищают строение от старой краски металлической щеткой, обрабатывают дерево и кирпич антисептическим раствором, грунтуют стены, красят фасады, восстанавливают и заменяют новыми ветхие декоративные детали (наличники, карнизы, причелины), ремонтируют водостоки. Фестиваль объединяет горожан, побуждает включиться в процесс всех творческих людей. Банальная покраска стен привлекает художников и, соответственно, перерастает в арт-акцию. В Оренбурге, например, «ТомСойерФесту» активно помогали студенты-дизайнеры с архитектурно-строительного факультета ОГУ. В Томске фестивалю «ТОМСК Сойер Фест» активно помогали Архитектурная студия «АРХНУВО», многочисленные предприниматели.

Контролирует процесс специальный координатор, который находит занятие для каждого пришедшего добровольца в соответствии с его интересами. Существенный аспект организации фестиваля – обеспечение безопасности (волонтеры должны быть уставшие, счастливые, довольные собой, но невредимые).

Регулярной в Самаре стала Школа фестиваля «Том Сойер Фест», которая помогает поделиться наработанным опытом, технологиями и идеями с близкими по духу проектами, а также запустить фестиваль восстановления исторической среды в других городах. В качестве преподавателей школы выступили ведущие отечественные ученые в области прикладной урбанистики. В рамках образовательной программы школы проходят лекции, воркшопы мастер-классы и дискуссии. В рамках школы разработана Хартия «Том Сойер Феста» [10].

В различных городах России сложились свои традиции и особенности проведения фестиваля. Интересным представляется опыт муниципального округа Москвы, где в культурном центре «Братеево» все его сотрудники (от звукорежиссера до пиар-менеджера) организовали краудсорсинговый проект, а

затем, вооружившись кисточками, валиками и красками, облагородили фасад здания. В Самаре все работы участников творческой фотомастерской стали частью благотворительного проекта «Поколение М», были перенесены на интернет-площадку, продвижению которой помогала компания МТС, направляя вырученные средства в помощь тяжелобольным детям.

Вологодские градозащитники отнеслись к реставрации памятников архитектуры очень осмотрительно, работы осуществлялись очень медленно, размеренно и под присмотром реставраторов. Проект реализовывался инициативной группой на условиях краудфандинга.

Родственен фестивалю общероссийский проект «Экодвор», направленный на продвижение культуры и практики раздельного сбора отходов. Эко-праздники проходят во дворах жилых домов, в рамках праздника проходят PR-акции в поддержку раздельного сбора отходов, эко-лекторий, мастер-класс по печати на ткани, фримаркет, конкурсы для детей.

Обобщение опыта организационной и проектной деятельности молодежных инициатив гражданской направленности имеет существенное значение для обогащения теории и практики социального воспитания и социально-культурной деятельности, а также для разработки и реализации федеральных и региональных целевых программ и проектов в области молодежной политики.

Таким образом, гражданское воспитание молодежи средствами экологических и культурозащитных инициатив предполагает комплексную, целенаправленную организационную и социально-педагогическую деятельность, опирающуюся на активности всех заинтересованных субъектов социальной и молодежной политики. Молодежные инициативы играют большую роль в развитии граж-

данского общества, поскольку аккумулируют энергию и творческий потенциал наиболее активной в социальном отношении группы населения. Существенную поддержку молодежным гражданским инициативам оказывают многочисленные объединения, социальные сообщества, фонды и некоммерческие организации.

Развитие молодежных инициатив предполагает выявление новых интегративных инновационных организационно-педагогических подходов, вовлечение в реализацию социально значимых проектов возможно большего количества молодых людей, создание нормативно-правовых, информационно-коммуникационных и организационных условий для гражданского становления подрастающего поколения в сфере экологической и экокультурной жизнедеятельности общества. Реализуемые гражданские инициативы позволяют молодежи познакомиться с методами и процедурами общественно-политической деятельности, формируют практические навыки участия в общественной жизни региона и страны в целом. Молодые проектанты выявляют и анализируют наиболее актуальные экологические и социокультурные проблемы локального пространства, изучают механизмы принятия решений и формирования пакетов предложений по оптимизации ситуаций в сфере охраны природных ресурсов и культурного наследия.

В этом контексте актуализируется проблема организационно-педагогической поддержки и стимулирования молодежных инициатив, продвижения инновационных проектов, основанного на партнерском взаимодействии субъектов проектирования и представителей различных сегментов социума с использованием технологии связей с общественностью, обеспечивающих оптимальное коммуникационное сопровождение проектов.

Список литературы

1. Бочаров О.Е. Поддержка молодежных инициатив как фактор формирования гражданской позиции студентов // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 1 (58). С. 80-86.
2. Андреева Л.М. Социально-педагогические условия поддержки молодежных инициатив в регионе: дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2007. 170 с.
3. Глебова Л.Н. Волонтерство как форма социального партнерства в малых городах России // Теория и практика психолого-социальной работы в современном обществе: материалы 5 Междунар. науч.-практ. конф. Арзамас, 2017. С. 150-152.

4. Антонюк Г.А. Социальное проектирование и управление общественным развитием: теоретико-методологический аспект. Минск, 1986. 203 с.
5. Апазихова Н.В., Долженкова М.И. Социокультурное проектирование как одно из ведущих направлений в сфере дополнительного образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. № 4 (168). С. 30-36. DOI 10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-30-36
6. Михайлова В.Е. Социальные технологии как ресурс развития гражданских инициатив молодежи // Символ науки. 2016. № 10-2. С. 153-155.
7. Оленина Г.В., Десятов В.И. Проектирование гражданских инициатив учащейся молодежи: региональный опыт управления и коммуникационного сопровождения // Вестник АлтГТУ им. И.И. Ползунова. 2006. № 1. С. 106-109.
8. Вережак Ю.В. Мир экологического волонтерства. М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. 90 с.
9. Лампова К. Как это устроено: фестиваль восстановления исторической среды «Том Сойер Фест» // Большая деревня: сайт о Самаре, в которой интересно жить. 2018. 14 мая. URL: <https://bigvill.ru/city/56008-kak-eto-ustroeno-festival-vosstanovleniya-istoricheskoy-sredy-tom-soyer-fest/> (дата обращения: 15.07.2019).
10. Цаликова Т. Школа волонтеров // Охраняется государством. 2019. № 1. С. 40-44.

References

1. Bocharov O.E. Podderzhka molodezhnykh initsiativ kak faktor formirovaniya grazhdanskoy pozitsii studentov [Support of youth initiatives as the factor of formation of a civil stand of students]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2009, no. 1 (58), pp. 80-86. (In Russian).
2. Andreyeva L.M. *Sotsial'no-pedagogicheskiye usloviya podderzhki molodezhnykh initsiativ v regione: dis... kand. ped. nauk* [Social and Pedagogical Conditions for Supporting Youth Initiatives in the Region. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Kostroma, 2007, 170 p. (In Russian).
3. Glebova L.N. Volonterstvo kak forma sotsial'nogo partnerstva v malykh gorodakh Rossii [Volunteering as a form of social partnership in small towns of Russia]. *Materialy 5 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Teoriya i praktika psikhologo-sotsial'noy raboty v sovremennom obshchestve»* [Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference "Theory and Practice of Psychological and Social Work in the Modern Society"]. Arzamas, 2017, pp. 150-152. (In Russian).
4. Antonyuk G.A. *Sotsial'noye proyektirovaniye i upravleniye obshchestvennym razvitiyem: teoretiko-metodologicheskii aspekt* [Social Design and Management of Social Development: Theoretical and Methodological Aspect]. Minsk, 1986, 203 p. (In Russian).
5. Apazikhova N.V., Dolzhenkova M.I. Sotsiokul'turnoye proyektirovaniye kak odno iz vedushchikh napravleniy v sfere dopolnitel'nogo obrazovaniya [Social and cultural projection as one of the leading directions in the sphere of additional education]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 4 (168), pp. 30-36. DOI 10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-30-36 (In Russian).
6. Mikhaylova V.E. Sotsial'nyye tekhnologii kak resurs razvitiya grazhdanskikh initsiativ molodezhi [Social technologies as a resource for the development of youth civic initiatives]. *Simvol nauki* [Symbol of Science], 2016, no. 10-2, pp. 153-155. (In Russian).
7. Olenina G.V., Desyatov V.I. Proyektirovaniye grazhdanskikh initsiativ uchashcheysya molodezhi: regional'nyy opyt upravleniya i kommunikatsionnogo soprovozhdeniya [Designing civil initiatives for students: regional experience in management and communication support]. *Vestnik AltGTU im. I.I. Polzunova* [Bulletin of Polzunov Altai State Technical University], 2006, no. 1, pp. 106-109. (In Russian).
8. Vereshchak Y.V. *Mir ekologicheskogo volonterstva* [World of Environmental Volunteering]. Moscow, State Budgetary Institution "Mosvolonter" Publ., 2018, 90 p. (In Russian).
9. Lampova K. Kak eto ustroyeno: festival' vosstanovleniya istoricheskoy sredy «Tom Soyeyer Fest» [How it works: historical environment restoration festival "Tom Sawyer Fest"]. *Bol'shaya derevnya: sayt o Samare, v kotoroy interesno zhit'* [Big Village: Site about Samara, Which is Interesting to Live in], 2018, 14th May. (In Russian). Available at: <https://bigvill.ru/city/56008-kak-eto-ustroeno-festival-vosstanovleniya-istoricheskoy-sredy-tom-soyer-fest/> (accessed 15.07.2019).
10. Tsalikova T. Shkola volonterov [School of volunteers]. *Okhranyayetsya gosudarstvom* [Protected by the State], 2019, no. 1, pp. 40-44. (In Russian).

Информация об авторах

Долженкова Марина Игоревна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры культуроведения и социокультурных проектов. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: dolzhenkovam@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, систематизация материала, анализ программ и проектов, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7656-7028>

Прохорова Оксана Германовна, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью. Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: katya_april@mail.ru

Вклад в статью: обобщение опыта молодых инициатив, написание части текста,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4712-7389>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Марина Игоревна Долженкова
E-mail: dolzhenkovam@mail.ru

Поступила в редакцию 25.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 12.08.2019 г.

Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the authors

Marina I. Dolzhenkova, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Cultural Studies and Social and Cultural Projects Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: dolzhenkovam@mail.ru

Contribution: literature analysis, material systematization, programmes and projects analysis, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7656-7028>

Oksana G. Prokhorova, Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of Social Communication and Organization of Work with Youth Department. Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation. E-mail: katya_april@mail.ru

Contribution: young initiatives experience generalization, part of text drafting, editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4712-7389>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Marina I. Dolzhenkova
E-mail: dolzhenkovam@mail.ru

Received 25 July 2019

Reviewed 12 August 2019

Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-98-106
УДК 378.147

Методы обучения студентов вуза дизайн-проектированию

Татьяна Юрьевна КИТАЕВСКАЯ, Ирина Николаевна ПЕРУНОВСКАЯ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6386-076X>, e-mail: kita68@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4124-4717>, e-mail: peru-irina@yandex.ru

Methods of project design teaching to university students

Tatyana Y. KITAEVSKAYA, Irina N. PERUNOVSKAYA

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6386-076X>, e-mail: kita68@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4124-4717>, e-mail: peru-irina@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены методы организации обучения дизайнеров художественно-проектной деятельности, включающей несколько видов деятельности: художественную, проектную, информационно-технологическую, организационно-управленческую, научно-исследовательскую и педагогическую, в условиях модернизации профессионального образования и принятия новых государственных стандартов, позволяющих строить мобильную систему обучения, отвечающую уровню развития современных компьютерных технологий, способов коммуникации и передачи информации. Дана сравнительная характеристика методов, отражающая степень активности и самостоятельности обучающихся, в контексте обучения дизайнеров проектной деятельности в соответствии с основными этапами дизайн-проектирования. В данном исследовании проектная деятельность дизайнера рассматривается по принципу двойного вхождения: как средство и как результат будущей профессиональной деятельности, система методов рассматривается как способ организации учебно-познавательной и проектной деятельности студентов. Сделан акцент на активные и интерактивные методы обучения проектной деятельности дизайнеров: «круглый стол», «мозговой штурм», деловые игры, кейс-метод, в том числе специальные: мастер-класс, творческий просмотр и их выбор в соответствии с этапами дизайн-проектирования, которые позволяют наиболее эффективно проводить индивидуальную и групповую работу над дизайн-проектом. Универсальность предложенных нами ранее подходов к выбору методов обучения и разработанного автоматизированного комплекса позволяет модифицировать существующие базы данных методов в соответствии со спецификой дизайн-проектирования, что делает возможным его использование в системе подготовки дизайнеров.

Ключевые слова: дизайн-проектирование; учебно-познавательная деятельность; методы обучения; этапы проектирования

Для цитирования: Китаевская Т.Ю., Перуновская И.Н. Методы обучения студентов вуза дизайн-проектированию // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 98-106. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-98-106

Abstract. We consider the organization methods of art and project activities teaching to designers, including several types: artist, project, information and technology, organization and management, research and teaching, in the modernization of professional education and new state standards adoption. That allows to build a mobile teaching system on the level of modern computer technologies, methods of communication and information transfer. We present the comparative characteristic of methods. It reflects degree of students activity and independence in project activity teaching to designers according to the main stages of design project. In this study we consider the project activity of the designer on the principle of double entry as a mean and result of future professional activity, the methods system as a way of organizing educational, cognitive and project

activities of students. The focus is on active and interactive methods of project activities teaching to designers: “round table”, “brainstorming”, business games, case method, including special: workshop, creative overview and choice following the stages of project design, which allow the most effective to realize individual and group work on the design project. The universality of our early approaches to the choice of teaching methods and the developed automated system allows us to modify the existing database of methods following the specifics of project design, which enables to use it in the system of training designers.

Keywords: project design; educational and cognitive activity; teaching methods; stages of design

For citation: Kitayevskaya T.Y., Perunovskaya I.N. Metody obucheniya studentov vuza dizayn-proyektirovaniyu [Methods of project design teaching to university students]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 98-106. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-98-106 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Необходимость данного исследования определяется требованием общества в получении дизайн-образования в вузе, основанного на подходах, позволяющих строить мобильную систему обучения, отвечающую уровню развития современных компьютерных технологий, способов коммуникации и передачи информации¹. Развитие методической системы обучения дизайнеров в условиях открытости образования и реализации государственных образовательных стандартов нового поколения ориентируют на формирование компетенций, связанных с проектной деятельностью, как основного вида профессиональной деятельности дизайнера. Выбор методов обучения играет значимую роль в решении поставленных задач по эффективному освоению содержания обучения в контексте проектной деятельности дизайнеров. Роль преподавателя при таком подходе состоит в создании ситуаций, приближенных к будущим профессиональным условиям и отборе системы методов, адекватно отражающих целевую модель содержания обучения проектной деятельности дизайнеров.

Большинство авторов, акцентируя внимание на разных сторонах этого понятия и сохраняя дословный перевод греческого “methods” – «способ достижения какой-либо цели», считают метод обучения способом организации учебно-познавательной деятельности обучаемых (Ю.К. Бабанский, Т.А. Ильина, П.И. Пидкасистый, И.П. Подласый, Н.В. Савин, В.А. Сластенин, С.А. Смирнов, С.Д. Смирнов и др.) [1–4]. Рассматривая методическую систему как систему управления

процессом обучения с ожидаемыми результатами и выделяя в качестве ведущего звена организацию гибкой деятельности студента на основе теории планомерного формирования умственных действий и понятий, мы говорим о методах обучения как о способах организации учебно-познавательной деятельности студентов «с заранее определенными задачами, уровнями познавательной активности, учебными действиями и ожидаемыми результатами для достижения дидактических целей» [5].

По источнику получения информации в обучении дизайнеров в высшей школе используются следующие методы обучения (конкретизация типологии, предложенной Е.И. Петровским, Д.О. Лордкипаридзе, Е.Я. Голант): словесные (беседа, лекция, объяснение, работа с источниками), наглядные (показ, демонстрация моделей, проектов), практические (решение проектных задач) [6].

В обучении дизайнеров наряду с общими методами целесообразно использование специальных методов обучения, отражающих специфику основной будущей профессиональной деятельности, – дизайн-проектирования.

Профессиональная проектная деятельность дизайнера многогранна по своему характеру: в ней связаны несколько видов деятельности, что отражено в государственных профессиональных стандартах: художественная, проектная, информационно-технологическая, организационно-управленческая, научно-исследовательская и педагогическая.

Обучение проектной деятельности дизайнера строится по принципу двойного вхождения: проектная деятельность рассматривается и как средство, и как результат будущей профессиональной деятельности. В

¹ Об утверждении профессионального стандарта «Графический дизайнер»: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 17.01.2017 № 40н. Доступ из СПС Гарант.

процессе дизайн-проектирования определяются и принимаются пути решения поставленных задач функционального, стилистического, объемно-пространственного, цветочеловеческого характера с учетом историко-культурного, материального, социального и нравственного критериев. Применение оптимальной системы методов обучения позволяет более эффективно осуществлять подготовку студентов-дизайнеров к профессиональной деятельности на всех этапах проектирования.

Многие проблемы, посвященные классификации, рассмотрению функциональной пригодности методов обучения, достаточно подробно отражены в фундаментальных работах по педагогике (Ю.К. Бабанского, Т.А. Ильиной, П.И. Пидкасистого, И.П. Подласого, Н.В. Савина, В.А. Сластенина, С.А. Смирнова и др.). В настоящее время имеются основополагающие работы, связанные со спецификой методов обучения дизайнеров [7–9]. В то же время анализу методов обучения проектной деятельности в контексте основных этапов дизайн-проектирования не уделялось должного внимания.

В ходе обучения дизайнера проектной деятельности методы обучения могут выполнять следующие функции: обучающую, в которой реализуется главная цель – подготовка дизайнера; развивающую, задающую темп и уровень творческого развития; эстетически-воспитывающую, влияющую на общий культурный уровень; побуждающую, выступающую как средство творческого саморазвития личности; контрольно-диагностическую, позволяющую педагогу управлять процессом обучения проектной деятельности как основного вида профессиональной деятельности.

Проектная деятельность дизайнеров включает в себя несколько этапов:

- поисково-аналитический этап (сбор, изучение и систематизация информации по объекту проектирования, изучение аналогов дизайн-проектов по сходной тематике);
- стратегический этап и разработка дизайн-концепции проекта (выбор стилистического, композиционного, колористического и типографического решения будущего дизайн-проекта, представление фор-эскизов и скетчей, а также возможных вариантов проектных решений);

- эскизное решение проекта (выбор варианта окончательного решения проекта и представление его художественными и компьютерными средствами заказчику);

- реализация проектного решения (выполнение проекта с помощью компьютерных средств и программного обеспечения, конструирование и макетирование, выбор материалов для практической реализации проекта, подготовка документации на проект и ее согласование с заказчиком, выполнение проекта в материале);

- внедрение проекта (презентация и сдача проекта).

Применительно к обучению дизайнеров на каждом из этапов проектирования используются следующие группы методов обучения, отражающие степень активности и самостоятельности обучающихся, в соответствии с классификацией, предложенной И.Я. Лернером и М.Н. Скаткиным [10] (табл. 1).

Компетенции, формируемые на каждом из этапов проектной деятельности студентов, приведены в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению подготовки 54.03.01 «Дизайн».

Информационно-рецептивный метод предполагает получение информации студентами в результате как прямого контакта с преподавателем в форме лекции-беседы, где уточняется знакомая информация, принимаются и осмысливаются факты, даются оценки, делают обоснованные выводы, которые остаются в рамках репродуктивного (воспроизводящего) мышления, так и из других источников: литературы, просмотра лучших дизайнерских проектов, интернет-источников. Используется на поисково-аналитическом этапе проектирования.

Репродуктивный метод предполагает применение усвоенного студентом теоретического и практического материала на основе изучения, выявления основных качеств и повторений лучших свойств проекта-образца на поисковом и стратегическом этапе дизайн-проектирования. Деятельность обучающихся строится в виде алгоритма: построение всего хода дизайн-проектирования по аналогии с уже существующими дизайн-проектами. Например, выработка основной идеи дизайн-проекта, его девиза или лозунга; подбор аналогов, успешных дизайн-проектов на задан-

Таблица 1

Методы обучения на этапах дизайн-проектирования

Этапы дизайн-проектирования	Методы обучения	Деятельность обучаемых	Профессиональные компетенции
Поисково-аналитический этап	Информационно-рецептивный, репродуктивный, частично-поисковый	Получение новых знаний об объекте проектирования и уточнение существующих, анализ проектов, сходных по тематике проектирования	ОПК-6 ОПК-7 ПК-7
Стратегический этап и разработка дизайн-концепции проекта	Проблемное изложение, эвристический, исследовательский	Исследование аналогов, моделирование, обсуждение, художественная деятельность	ПК-3 ПК-7 ППК-1 ППК-2
Эскизное решение проекта	Частично-поисковый, эвристический, исследовательский	Активный поиск решения проектных задач, дискуссия, художественная деятельность, самостоятельный поиск варианта решения проектных зад	ОПК-1 ОПК-2 ОПК-4 ОПК-6 ПК-7 ПК-2 ПК-3 ППК-1 ППК-2 ППК-3
Реализация проектного решения	Информационно-рецептивный, репродуктивный, частично-поисковый	Проектная деятельность, компьютерное моделирование	ПК-4 ПК-5 ПК-6 ППК-4 ППК-5 ППК-6 ППК-7
Защита и внедрение проекта	Репродуктивный	Творческий просмотр, презентация проекта, подготовка документации проекта	ОПК-6 ОПК-7 ПК-5 ПК-6

ную тему; выбор творческих источников; составление круга вопросов для уточнения задач дизайн-проектирования.

Частично-поисковый метод позволяет организовать под руководством педагога активный творческий поиск решения выдвинутых в обучении (или самостоятельно сформулированных) познавательных задач либо поиск собственного решения проектных задач обучаемым на основе алгоритма и указаний, разработанных педагогом. Поиск решения проектных задач может осуществляться методом «от противного», когда педагог представляет на суд обучаемых неудачные и «провальные» проекты, представляя комментарии экспертной комиссии и предлагая студентам выступить в защиту проекта и дать свои положительные отзывы.

Метод проблемного изложения предполагает постановку преподавателем основной цели дизайн-проектирования, формулировки проектных задач, а затем, при сравнении

разных точек зрения и различных подходов в решении проектных задач по схожей тематике, общими усилиями вырабатывается способ решения поставленной цели на примере успешных проектов.

Эвристические методы. Творческий процесс работы дизайнера строится по определенным законам, в настоящее время разработано достаточное количество методов, позволяющих его активизировать, направленно генерируя новые идеи. Предпочтителен для работы над большими групповыми проектами на поисковом и стратегическом этапах, на этапе реализации проекта этот метод может использоваться в случаях изменения общей дизайн-концепции проекта. Ассоциативные методы, такие как метод фокальных объектов и метод гирлянд случайностей и ассоциаций, можно использовать на поисковом, стратегическом и этапе реализации проекта и как элемент «мозгового штурма». Данные методы помогают дизайнерам развивать

творческое воображение, возможность рассмотреть объект проектирования с разных сторон, выявить новые свойства проектируемого объекта.

Исследовательский метод позволяет студентам самостоятельно изучать литературные и интернет-источники, вести наблюдения, измерения и структурный анализ объектов проектирования, выполнять действия поискового характера для выбора оптимального решения проектных задач на поисковом, стратегическом этапах и этапе реализации проекта, для чего студенты могут, например, использовать сравнительный анализ потребительских свойств проектируемого объекта в форме сравнительной таблицы для выявления существенных и несущественных признаков.

Кроме перечисленных методов в соответствии со степенью включения обучаемых в творческую и познавательную деятельность в дизайн-проектировании для стимулирования творческого процесса наиболее целесообразно использовать *активные и интерактивные методы обучения*, которые были отобраны нами в результате факторного анализа. Рассмотрим более подробно конкретные методы стимулирования творческой активности обучаемых на этапах проектной деятельности.

Активные и интерактивные методы могут быть использованы на всех этапах дизайн-проектирования, позволяют выстроить весь процесс обучения в форме диалога и даже сменой ролей педагога и обучаемого, в форме деловой игры, моделирующей профессиональные ситуации [11–13]. Эти методы ориентированы не только на взаимодействие студентов с преподавателем, но и друг с другом, на доминанту активности студента в процессе обучения и организации его познавательной деятельности в ходе работы над индивидуальными и групповыми дизайн-проектами. Студенческие мастер-классы позволяют активизировать самостоятельную творческую и научную деятельность будущих дизайнеров, поделиться своими творческими идеями и наработками в профессиональной среде с широкой аудиторией, что дает определенный профессиональный рост студенту. Главной задачей интерактивных методов является создание специальных условий обучения в творческом процессе, при

которых обучаемые чувствуют доверительные взаимоотношения в группе, могут развивать интеллектуальную и творческую самостоятельность в проектной деятельности, ощущать свой профессиональный рост. Роль преподавателя в контексте такого обучения заключается в регулировании процесса дизайн-проектирования, его общей организации, в подготовке ключевых заданий, контрольных вопросов и тем для обсуждения в учебных группах, в проведении консультационных занятий в ходе художественно-проектной деятельности студентов, контроле за временем и порядком выполнения этапов намеченного плана-графика работы над проектом, решении конфликтных ситуаций.

Основными средствами организации учебной деятельности *при выборе интерактивных методов* обучения проектной деятельности дизайнеров в нашем исследовании становятся «круглый стол», «мозговой штурм», деловые игры, кейс-метод, мастер-класс, творческий просмотр, которые позволяют наиболее эффективно проводить индивидуальную и групповую работу над дизайн-проектом, тренинги, моделирующие профессиональные ситуации, организовать самостоятельную работу с творческими источниками и аналогами, а также другими информационными источниками.

«Круглый стол» позволяет выработать у учащихся навыки не только профессионально излагать мысли, аргументировать свои соображения, обосновывать предлагаемые решения и отстаивать свои убеждения, но и уважать мнение других участников беседы, вырабатывает умение слушать оппонента, относиться с уважением к противоположным точкам зрения. При этом происходит закрепление полученных знаний и организация самостоятельной работы с дополнительными информационными источниками, а также выявляется круг проблем и вопросов для обсуждения и выработки главной идеи и концепции дизайн-проекта на поисковом и стратегическом этапе проектирования. «Круглый стол» также может использоваться и на заключительном этапе проектирования – презентации и защите проектов.

«Мозговой штурм» (мозговая атака, brainstorming) построен на основе стимулирования творческой активности в принятии решений по проблемным вопросам, где в

процессе поиска решений студентам предлагается высказывать как можно большее количество вариантов решения, в том числе самых фантастичных. Затем из общего числа высказанных идей отбираются наиболее удачные, которые могут быть использованы в решении поставленной проблемы [14]. «Мозговой штурм» может использоваться и в дизайн-проектировании для поиска нетрадиционных творческих решений поставленных проектных задач, при выходе из тупиковых или проблемных ситуаций на поисковом, стратегическом этапах и этапе реализации проекта. Сущность данного метода применительно к обучению дизайнеров заключается в том, что процесс генерирования идей отделен от процесса их критической оценки и последующего отбора. Кроме того, используются разнообразные приемы стимулирования творческого мышления и потенциала обучаемых в поиске верных решений дизайн-проекта. Например, иногда к процессу работы над проектом привлекаются посторонние люди, не связанные с дизайном, – неспециалисты, которые могут благодаря неосведомленности сформулировать «безумные» идеи и предложения, которые в свою очередь стимулируют творческое воображение дизайнера, пытающегося опровергнуть данные предложения.

«Деловые игры» предполагают моделирование и создание сходных условий будущей профессиональной деятельности и взаимоотношений в творческом коллективе, в условиях деловой игры обучение студентов происходит в процессе совместной деятельности над дизайн-проектами. При этом каждый решает свою отдельную задачу в соответствии с заранее определенной ролью и профессиональной компетенцией. Общение в деловой игре помогает студенту коллективно усваивать определенные знания, умения и навыки профессионального сотрудничества. Специфика обучающих возможностей деловой игры как метода обучения состоит в том, что процесс обучения максимально приближен к реальной практической деятельности руководителей и специалистов в сфере дизайна, что достигается путем использования специальных модулей с описанием реальных профессиональных отношений и ситуаций.

«Кейс-метод» – метод анализа конкретной ситуации, педагогическая технология,

основанная на моделировании специальной ситуации или использования реальной ситуации в целях анализа данного случая, выявления проблем, поиска альтернативных решений поставленных задач. Ситуационный анализ этапов работы над конкретными дизайн-проектами, поиск самостоятельных решений и их сравнение с существующими реальными проектами дает возможность изучить сложные проблемы дизайн-проектирования и общения с заказчиком в искусственной обстановке, а не в реальной жизни. Анализ конкретных ситуаций – это эффективный метод активизации учебно-познавательной деятельности обучаемых. Конструирование определенной ситуации, соответствующей реальности, позволяет моделировать алгоритм вариантов ее решения в процессе ее обучения, что дает возможность студенту, изучая чужой опыт, выработать свои навыки и умения разрешения подобных ситуаций.

«Мастер-класс» – это главное средство передачи творческого и профессионального мастерства дизайнера группе слушателей. Выбор формы мастер-класса в обучении дизайнеров зависит от стиля, наработанного мастером в своей профессиональной деятельности, от тематики и места проведения, а также от подготовленности слушателей. Мастер-классы способствуют росту личностной профессиональной компетенции студента, формированию его художественных вкусов и культурных интересов и развитию творческого мышления. Для мастер-класса как метода обучения дизайнеров характерно следующее: организация самостоятельной и индивидуальной работы участников; создание условий для включения всех в активную деятельность; постановка задачи и решение ее через творческие приемы; творческое взаимодействие ведущего и участников мастер-класса; формы, методы, технологии работы на мастер-классе предлагаются в доступной форме; атмосфера и основная форма взаимодействия построена на сотрудничестве, сотворчестве, совместном поиске и обмене мнениями.

«Творческий просмотр» может применяться как форма интерактивного метода стимулирования познавательной и творческой деятельности и как метод организации контроля обучения, который осуществляется на заключительных этапах дизайн-проекти-

рования (реализации проектного решения; защиты и внедрения проекта), в качестве презентации и представления проекта экспертной комиссии – на итоговом этапе проектирования. Предварительно вырабатываются критерии оценки проектов с точки зрения оригинальности принятия проектных решений, композиционного и колористического решения, полноты анализа аналогичных проектов, представления вариантов поисковых решений, презентации проекта. Дизайн-проект оценивается художественным советом, состоящих из трех и более экспертов. Критерии итоговой оценки на творческом просмотре зависят от множества факторов, таких как: общий объем участия в работе над проектом (если мы рассматриваем коллективный проект); активность и самостоятельность в принятии решений поставленных задач в ходе работы над индивидуальным проектом; «креативность» и творческий подход в решении поставленной задачи; умение анализировать аналоги и творческие источники, делать выводы; умение представлять и защищать дизайн-проект.

Выбор методов обучения в данном исследовании рассматривается в контексте основных этапов проектной деятельности как основной профессиональной деятельности дизайнеров с учетом изменений информационной среды, что позволяет создать условия обучения, максимально приближенные к профессиональной обстановке, а это, в свою очередь, значительно повышает эффективность обучения и уровень формирования профессиональных компетенций дизайнеров,

готовых к самостоятельному решению проектных задач.

На каждом из этапов проектирования отбирается система методов обучения, где один из методов является ведущим. А остальные выступают в роли методических приемов. В основе отбора системы методов лежит разработанный ранее алгоритм проектирования системы методов обучения в соответствии с необходимыми ограничениями, отражающими систему факторов, определяющих комплекс эффективных методов для изучения дидактических единиц и модулей содержания дисциплины [15]. Разработанный алгоритм реализован в виде программного комплекса. Данный комплекс является средством поддержки принятия решения выбора системы методов обучения и позволяет педагогу осуществлять обоснованный отбор наиболее эффективных методов обучения в автоматическом или автоматизированном режимах с учетом личных предпочтений. Универсальность комплекса позволяет модифицировать базы данных методов в соответствии со спецификой дизайн-проектирования, что делает возможным его использование в системе подготовки дизайнеров.

Реализация данного подхода была апробирована в построении учебного процесса дизайнеров на факультете культуры и искусств Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, что позволило выпускникам направления «Дизайн» не только получить навыки будущей профессиональной деятельности, но быстро адаптироваться в профессиональной среде в новых экономических условиях.

Список литературы

1. *Бабанский Ю.К.* Избранные педагогические труды. М.: Педагогика, 1989.
2. *Подласый И.П.* Педагогика. М.: Юрайт, 2009.
3. *Сластенин В.А.* Педагогика. М.: ИЦ Академия, 2012.
4. *Фокин Ю.Г.* Теория и технология обучения. Деятельностный подход. М.: Юрайт, 2018.
5. *Смирнов С.Д.* Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Изд. центр «Академия», 2001.
6. *Харламов И.Ф.* Педагогика. М.: Гардарики, 2005.
7. *Арефьева О.В.* Профессиональная подготовка студентов-дизайнеров в процессе обучения компьютерной графике: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 2007.
8. *Бакдасарова В.Е.* Выявление методов дизайна для обучения студентов факультетов технологии // Педагогика и психология: от вопросов к решениям: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 2016. № 1. 76 с.
9. *Власенко О.В.* Методы и средства преподавания проектирования в дизайне среды // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19939> (дата обращения: 16.07.2019).

10. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981.
11. Бороненко Т.А., Кайсина А.В., Федотова В.С. Активные и интерактивные методы педагогического взаимодействия в системе дистанционного обучения // Научный диалог. 2017. № 1. С. 227-243.
12. Прохорова О.Г. Интерактивные и активные формы обучения взрослых: методические рекомендации. М.: ДСЗН, 2014.
13. Окань Г.И. Активные методы обучения в вузе: содержание и особенности внедрения // Научный диалог. 2012. № 1. С. 265-270.
14. Григораш О.В., Трубилин А.И. Интерактивные методы обучения в современном вузе // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 101 (07). С. 1286-1302.
15. Китаевская Т.Ю., Тигров В.П. Отбор системы методов обучения информатике с использованием программного комплекса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 177. С. 50-58. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-177-50-58

References

1. Babanskiy Y.K. *Izbrannyye pedagogicheskiye trudy* [Selected Pedagogical Works]. Moscow, Pedagogika Publ., 1989. (In Russian).
2. Podlasyy I.P. *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow, Yurayt Publ., 2009. (In Russian).
3. Slastenin V.A. *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow, Akademiya Publ. Center, 2012. (In Russian).
4. Fokin Y.G. *Teoriya i tekhnologiya obucheniya. Deyatel'nostnyy podkhod* [Theory and Technology of Teaching. Activity Approach]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. (In Russian).
5. Smirnov S.D. *Pedagogika i psikhologiya vysshego obrazovaniya: ot deyatel'nosti k lichnosti* [Pedagogy and Psychology of Higher Education: from Activity to the Personality]. Moscow, Akademiya Publ. Center, 2001. (In Russian).
6. Kharlamov I.F. *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. (In Russian).
7. Arefyeva O.V. *Professional'naya podgotovka studentov-dizaynerov v protsesse obucheniya komp'yuternoy grafike: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Professional Preparation of Students-Designers in the Process of Computer Graphics Teaching. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Magnitogorsk, 2007. (In Russian).
8. Bakdasarova V.E. Vyyavleniye metodov dizayna dlya obucheniya studentov fakul'tetov tekhnologii [Design methods exposure for students teaching]. *Sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pedagogika i psikhologiya: ot voprosov k resheniyam»* [Proceedings of International Scientific and Practical Conference "Pedagogy and Psychology: from Issues to Solutions"], 2016, no. 1, 76 p. (In Russian).
9. Vlasenko O.V. Metody i sredstva prepodavaniya proyektirovaniya v dizayne sredy [Methods of project teaching in landscape design]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Current Issues of Science and Education], 2015, no. 3. (In Russian). Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19939> (accessed 16.07.2019).
10. Lerner I.Y. *Didakticheskiye osnovy metodov obucheniya* [Didactic Basis of Teaching Methods]. Moscow, Pedagogika Publ., 1981. (In Russian).
11. Boronenko T.A., Kaysina A.V., Fedotova V.S. Aktivnyye i interaktivnyye metody pedagogicheskogo vzaimodeystviya v sisteme distantsionnogo obucheniya [Active and interactive methods of pedagogical interaction in system of distance learning]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2017, no. 1, pp. 227-243. (In Russian).
12. Prokhorova O.G. *Interaktivnyye i aktivnyye formy obucheniya vzroslykh* [Interactive and active forms of adults teaching]. Moscow, DSZN Publ., 2014. (In Russian).
13. Okan G.I. Aktivnyye metody obucheniya v vuze: sodержaniye i osobennosti vnedreniya [Active teaching methods in a higher educational institution: essence and introduction peculiarities]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2012, no. 1, pp. 265-270. (In Russian).
14. Grigorash O.V., Trubilin A.I. Interaktivnyye metody obucheniya v sovremennom vuze [Interactive teaching methods in the modern university]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU – Scientific Journal of KubSAU*, 2014, no. 101 (07), pp. 1286-1302. (In Russian).
15. Kitayevskaya T.Y., Tigrov V.P. Otkor sistemy metodov obucheniya informatike s ispol'zovaniyem programmnogo kompleksa [Selection of a system of computer science teaching methods using a software package]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 177, pp. 50-58. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-177-50-58 (In Russian).

Информация об авторах

Китаевская Татьяна Юрьевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры дизайна и изобразительного искусства. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: kita68@rambler.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, обобщение опыта исследователей, написание и редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6386-076X>

Перуновская Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры дизайна и изобразительного искусства. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: peru-irina@yandex.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, поиск и анализ литературы, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4124-4717>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Китаевская Татьяна Юрьевна
E-mail: kita68@rambler.ru

Поступила в редакцию 30.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 23.08.2019 г.

Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the authors

Tatyana Y. Kitaevskaya, Doctor of Pedagogy, Professor of Design and Fine Arts Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail : kita68@rambler.ru

Contribution: main study conception, synthesis researches experience, manuscript drafting and text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6386-076X>

Irina N. Perunovskaya, Senior Lecturer of Design and Fine Arts Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: peru-irina@yandex.ru

Contribution: source material acquisition, work with literature references, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4124-4717>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Tatyana Y. Kitaevskaya
E-mail: kita68@rambler.ru

Received 30 July 2019

Reviewed 23 August 2019

Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-107-114
УДК 372.878+784.4

Взгляд на региональную певческую традицию: к 100-летию старейшего в России народного хора им. М. Мордасовой села Черняное Тамбовского района Тамбовской области

Марионелла Юрьевна ДОЛГУШИНА

ТОГБОУ ВО «Тамбовский государственный музыкально-педагогический
институт им. С.В. Рахманинова»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 87

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-302X>, e-mail: anna.dolguchina@yandex.ru

Outlook at the regional singing tradition: to the 100th anniversary of the oldest Russian National Mordasova Choir of Chernyanoye village, Tambov District, Tambov Region

Marionella Y. DOLGUSHINA

Tambov State Musical Pedagogical Institute named after S.V. Rachmaninov

87 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-302X>, e-mail: anna.dolguchina@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено характеристике локальной певческой традиции села Черняное Тамбовского района Тамбовской области, в границах которого ныне находится деревня Нижняя Мазовка – родина народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда М.Н. Мордасовой. Решается проблема реконструкции процесса трансформации культурной традиции под влиянием социальной среды. Обратной стороной исследуемой проблематики является воздействие агентов народной традиции на меняющийся социум. Исследование приводит к выводу о том, что локальная певческая традиция достигает высокого уровня к началу XX века и под воздействием процессов модернизации и парадигматического слома общественно-политической системы трансформируется. Самобытность творчества выдающейся народной певицы Марии Мордасовой интерпретируется как результат уникальной певческой природы и личностного эмоционального вхождения в многовековое наследие народного искусства. Уникальность музыкально-эстетического восприятия мира, свойственного выдающимся представителям локальной певческой традиции, объяснено сложными межличностными отношениями, индивидуальным опытом участия в художественной коммуникации. В исследовании используются методы из области философии культуры, социологии музыки, культурологии, педагогической антропологии.

Ключевые слова: певческая традиция; народный хор; Мария Мордасова; социокультурная среда; социокультурная динамика; музыкально-эстетическое восприятие

Для цитирования: Долгушина М.Ю. Взгляд на региональную певческую традицию: к 100-летию старейшего в России народного хора им. М. Мордасовой села Черняное Тамбовского района Тамбовской области // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 107-114. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-107-114

Abstract. The study deals with the characterization of the local singing tradition of the Chernyanoye village, Tambov District, Tambov Region, within which now lies the Nizhnyaya Mazovka village – the birthplace of the People's Artist of the USSR, Hero of Socialist Labor, M.N. Mordasova. We solve the problem of reconstruction of the process of transformation of cultural tradition under the influence of social environment. The reverse side of our problem is the agents influence of folk tradition on the changing society. The study leads us to the conclusion that the local singing tradition reaches a high level by the beginning of the 20th century and under the influence of mod-

ernization and paradigmatic breakdown of the socio and political system is transformed. The originality of the work of the outstanding folk singer Maria Mordasova is interpreted as a result of the unique singing nature and personal emotional entry into the centuries-old heritage of folk art. The uniqueness of the musical and aesthetic perception of the world peculiar to the outstanding representatives of the local singing tradition is explained by complex interpersonal relationships, individual experience of participation in artistic communication. In this research we use methods from the field of philosophy of culture, sociology of music, cultural studies, pedagogical anthropology.

Keywords: singing tradition; folk choir; Maria Mordasova; social and cultural environment; social and cultural dynamics; musical and aesthetic perception

For citation: Dolgushina M.Y. Vzglyad na regional'nyu pevcheskuyu traditsiyu: k 100-letiyu stareyshego v Rossii narodnogo khora im. M. Mordasovoy sela Chernyanoye Tambovskogo rayona Tambovskoy oblasti [Outlook at the regional singing tradition: to the 100th anniversary of the oldest Russian National Mordasova Choir of Chernyanoye village, Tambov District, Tambov Region]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 107-114. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-107-114 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В этом году исполняется 100 лет старейшему в Тамбовской области и в России художественному коллективу – Черняновскому народному хору имени Марии Николаевны Мордасовой. Если учесть, что хор возник на основе клиросной группы, возглавляемой регентом Свято-Никольского храма с. Черяное Иваном Тимофеевичем Загуменновым [1, с. 20] еще в начале XX века, то возраст его правильно было бы определять дореволюционным периодом¹ [2; 3]. Официальной же датой рождения коллектива считается 27 января 1919 г., когда Черняновский волисполком постановил создать агитбригаду во главе с волостным председателем А.С. Черняновским и учителем И.Т. Загуменновым [4], чему, однако, предшествовал факт организации хорового коллектива при школе с. Черяное по инициативе того же И.Т. Загуменнова [5, с. 65-66].

Общее признание села Черяное как одного из самых «песенных» на Тамбовщине, а также сложная история самого певческого коллектива делают народный хор перспективным предметом научного осмысления с позиций социологии музыки и, прежде всего, в аспекте понимания социокультурной среды, определявшей его судьбу и отраженной в творческом наследии самой знаменитой солистки черняновского хора – Марии Мордасовой.

Музыкально-эстетическое восприятие действительности фиксируется не только в художественном тексте как таковом, но и в музыкально-художественной ориентации

социума, чему соответствует тип культуры, система трансляции и передачи художественного опыта. Наглядные примеры, подтверждающие сказанное, лежат в плоскости социологии музыки [6]. Несмотря на древнее происхождение научного интереса к музыке как участнице динамического изменения социокультурной среды, специальный методологический и методический аппарат сложился только к концу XIX века, когда появился труд К. Беллаги «Музыка с социологической точки зрения», где предлагался развернутый анализ музыкального искусства как явления общественной жизни. В тот же период появился и термин «социология искусства», введенный французским философом И. Тэнном [7, с. 29].

Характер социокультурной среды зависит от системы ценностей, принимаемых и поддерживаемых обществом. Изменения и деформации в системе ценностей неизбежно приводят к усилению динамических процессов в социокультурной сфере. Усложнение и изменение культурной среды сопровождается усложнением и изменением языка культуры. Сказанное справедливо и в отношении крестьянского хора с. Черяное. Если факт весомого участия музыки в жизни общества не вызывает сомнений, то характеристика механизма этого участия остается актуальной задачей музыкальной социологии, синтезирующей знания из области истории, философии, эстетики, психологии, педагогики. Сама способность хорового искусства выражать ценностные культурные смыслы единодушно признается ученым сообществом [8, с. 23; 9; 10, с. 9]. История черняновского хо-

¹ Для сравнения: крестьянский хор Митрофана Ефимовича Пятницкого возник в 1911 году.

ра показательна и в том смысле, что наглядно свидетельствует о значимой роли народной песни как средства, объединяющего социум единым чувством, единым переживанием происходящего. Путь от крестьянского певческого коллектива к народному хору им. М.Н. Мордасовой отражает важнейшие этапы истории Тамбовщины и России.

Своими музыкально-эстетическими представлениями народная певица во многом обязана старинному тамбовскому с. Черняное с его богатой историей и уникальной певческой традицией. Необыкновенное чувство свободы и воли, человеческого достоинства, которое является всякий раз, когда мы слышим голос М.Н. Мордасовой, заложено самой историей Черняного, которое упоминается уже в 1647 г. как поселение служилых людей, охраняющих Тамбовский вал на Белгородской засечной черте. Как показывают Межевые книги, полковые казаки и их семьи соседствовали с мордвой, издавна населявшей Червленый Яр. Музыка этнонима «мордва» еще не перестала опознаваться в имени великой русской частушечницы Марии Мордасовой [1, с. 8-9]. Статью, физической силой, которые так необходимы в певческом процессе, Мария Николаевна также обязана служилому сословию: известно, что «сторожевая и полковая службы считались наиболее опасными, требовали хорошего снаряжения и выучки, поэтому в нее записывали «крепких», надежных хозяев, способных обеспечить себя оружием и конем» [1, с. 8-9]. Служба отечеству на южных рубежах молодого московского государства, сочувствие и помощь разинцам в составе народного ополчения, активность чернянцев на службе в имперской армии, само старинное название деревеньки Нижняя Мазовка (родина М.Н. Мордасовой) – «Солдатчина», объясняют многочисленность примеров мужества, гражданственности и патриотизма чернянцев. Например, самое активное участие чернянцы приняли в сборе средств для Красной армии во время Великой Отечественной войны: строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник», овчинные полушубки, валенки, носки, варежки и пр. [11]. Патриотическая тема отражена в творчестве Марии Николаевны Мордасовой, которая как солистка и в составе Воронежского хора бы-

ла желанной гостьей на фронтах Великой Отечественной войны.

Другой чертой «черняновского менталитета» является предприимчивость и трудолюбие, чему способствовало малоземелье, заставлявшее развивать ремесла и промыслы. Умение получить и развить навык, без чего не может существовать певческая культура – это тоже часть этнокультурного наследия [1, с. 15].

К моменту рождения Марии Николаевны Мордасовой, в девичестве – Яркой, Черняное было крупным волостным центром с развитой инфраструктурой: почтовая служба, обеспечивающая коммуникацию на лысогорском тракте № 3, соединяющем Тамбов, Владимир и Нижний Новгород; две школы: церковно-приходская и земская – все это способствовало проникновению новых идей и веяний в сельский социум. Носителями новой культуры были, прежде всего, бывшие солдаты царской армии, прошедшие через Русско-турецкую, Русско-японскую и Первую мировую войны. Воины, как агенты новой культуры, не могли не оказать влияния и на музыкально-эстетические вкусы, и на интонационную структуру песенных текстов и манеры их исполнения. Закономерно, что в составе добровольческого красноармейского отряда, организованного в Черянном уже в 1917 г., оказались демобилизованные солдаты, среди которых есть и фамилии родственников Марии Мордасовой – Дмитрий Яркин, И.П. Пивоваров. Сочувствия чернянцев оказались на стороне советской власти, что усилила жестокость, с которой действовали антоновские банды в период гражданской войны [11, с. 33].

Мария Николаевна, как и другие ее земляки, объединенные единой певческой традицией, стали свидетелями стремительных изменений, повлиявших и на музыкально-эстетическое самоопределение крестьян: образование колхозов в начале 1930-х гг. («Новая жизнь», «Красная Мазовка», «Общий труд», «Честный труд» близ д. Мазовка, в которой родилась Мария Николаевна и которая теперь является частью с. Черняное; «Пятилетка», «Красный перекоп» – Черняное; «Красное знамя» – Дубки; «Колхоз им. Сталина» – Тихий Угол); появление первого трактора «Фордзон» в 1934 г.; строительство МТС, изб-читален; открытие комсомольско-

го клуба и пр. Яркины, Проскуряковы, Дутовы – родственники Марии Николаевны – были в составе правления колхозов по Черняновскому сельсовету [1, с. 18].

Авангардная культура обозначила границу между миром инновационным и традиционным. За чертой оказался древний культурный центр – замечательная приходская церковь, освященная во имя святителя Николая Чудотворца, имеющая приделы Благовещения Божией Матери и апостола Иоанна Богослова, которая простояла на одном месте 317 лет [12] и была разобрана в 1937 г. большевиками до основания – знаменитых черных камней, легендарно связанных с временами языческой мордвы [1, с. 14, 18, 19]. Именно Никольская церковь собрала в себе все самое лучшее и талантливое, что накопила крестьянская община: древоделие², ткачество, вышивка, кружевоплетение, народное пение – все, что подвигало человеческий дух к вышним мирам. Нет ничего удивительного, что именно церковь собирала лучших певцов со всей округи. Среди них были Герасим Ильич Ходяков (с. Дубки), Прасковья Прокопьевна Яркина (Нижняя Мазовка) – мать народной артистки, а затем и сама Мария Николаевна. Душой певческого коллектива был сельский интеллигент, церковный регент Илья Тимофеевич Загуменнов (Черняное).

Советская власть нуждалась в решительной смене идеологии, что отразилось и на местной певческой традиции, и на судьбе ее носителей. Жестоко обошлась новая власть с духовенством. Жители Черняного и окрестных деревень стали свидетелями трагического поворота в жизни прихода, который был упразднен, а священнослужители о. Алексей Романовский, о. Иван Стежинский, о. Иван Корнилов, а также члены их семейств были подвергнуты репрессиям [11]. Хотя приходская жизнь черняновского храма в годы детства и юности певицы рушилась под ударами атеистической официальной власти, до 1937 г., то есть до разрушения церковного здания, на службы собирался народ [13].

Многое связывало Ярких с приходским Никольским храмом, где крестили, венчали, отпевали, причащали членов семейства. Для Марии Николаевны эта связь носила художественно-эстетический характер: здесь нашла она образец певческого мастерства,

здесь поняла чудесную силу богоданного таланта, возвышающую душу и преобразующую окружающую среду. «Я с детства среди песен, как в саду», – признавалась М.Н. Мордасова журналистке Л.В. Кравец [14, с. 4]. Представление о райском саде, где поют ангелы – важная часть музыкально-эстетического мировосприятия певицы, которое формировалось, когда ее мать, вышедшая из рода потомственного духовенства Пивоваровых, Прасковья Прокопьевна, брала ее с собой в церковь, где пела на клиросе. Замечателен и символичен сам факт крещения будущей певицы, которая родилась 31 января 1915 г. в д. Нижняя Мазовка Тамбовского уезда, а 1 февраля, накануне празднования Сретения Господня, ее крестили приходской священник о. Михаил Глаголев и псаломщик Иоанн Корнилов [13]. Не безынтересно, что в Черняном, в семье священника Михаила Глаголева на правах приемного сына вырос Сергей Михайлович Глаголев (25.09.1909 – 23.01.1977) – ученик основателей Тамбовского музыкального училища им. С.В. Рахманинова С.В. Богородицкой и С.М. Старикова, воспитанник Московской консерватории, музпедучилища им. Гнесиных, участник Великой Отечественной войны, основатель Тамбовского хорового общества, солист, пианист, руководитель и дирижер народного оперного театра [13].

Локальную певческую традицию поддерживал традиционный семейный быт, где лилась мягкая мелодичная южнорусская речь. Распространение грамотности обогатило эту традицию доступом к русской литературе, однако, влияние это было избирательным: в крестьянской среде предпочитали близких народу поэтов: Пушкина, Кольцова, Некрасова, Никитина. Именно эти имена вспоминала Мария Мордасова, когда рассказывала о своем отце – Николае Степановиче Яркине. От него же, бывшего солдата царской армии, она унаследовала высокую гражданственность и патриотизм [13].

Талантливый журналист, главный редактор областной газеты «Тамбовская правда» И.И. Овсянников со слов певицы вспоминал: «Мать Мордасовой, Прасковья Прокопьевна, по свидетельству самой Марии Николаевны, была «первой песенницей в округе и почти всегда говорила плавно и в рифму». Ее специально приглашали на свадьбы и другие

² Зодчие, слесари, плотники, резчики.

сельские торжества... Сначала «мамины песни пела, а потом и сама стала сочинять», говорит М.Н. Мордасова в одном из интервью. Жили с песней! Не было вечера, чтобы семья Ярких не выходила на завалинку песни петь. Спать не пойдут, пока не напоятся. «Мама мне целый сундук песен в наследство оставила... Я была небогатой невестой, но мама подарила мне большой багаж песен» [11]. В семье Ярких часто пели всей семьей. Мария Николаевна вспоминала, что уже во времена ее детства традиционный песенный репертуар ее бабушки Надежды, матери – Прасковьи Прокопьевны, деда Степана дети воспринимали как старину. Мужская часть семьи Ярких владела гармошкой, во всяком случае, младшему брату Марии, Дмитрию, пришлось осваивать исполнительские навыки на такой старой гармошке, которая была «вся веревочками связана». Однако это не мешало ему еще в детстве прославиться как выдающемуся гармонисту: «играл он – «душу оторвет», как говорили в Черняном» [11]. Именно он, Дмитрий Яркий, сделал обработку замечательного частушечного спева «Тимоня», с которым Мария Николаевна выступала перед бойцами Великой Отечественной войны, а затем, в мирное время, на торжественных концертах, приуроченных ко Дню Победы над фашизмом.

К поколению матери певицы относится творчество замечательного черняновского тенора Герасима Ильича Ходякова, легенды о котором еще живы в народной памяти. Герасим Ильич был хозяином многодетной и бедной крестьянской семьи. Однажды староста-лесничий застал его за несанкционированным вывозом дров из леса, без которых семья Ходякова замерзала бы в ветхой избе. Случай был чреват штрафом. Однако, услышав, как Герась (так его звали сельчане) поет романс «Ох, ты доля, моя доля...», староста умилился и проводил крестьянина с миром, оставив при нем дрова.

Среди любимых романсов, исполняемых Герасимом, мы обнаруживаем произведения, написанные на стихи «крестьянских» поэтов: «Ох, ты доля, моя доля...» И.З. Сурикова (иное название – «Доля бедняка»)³ [15, с. 11-

19], «Соловьем залетным» А.В. Кольцова, а также романс на стихи безвестного автора «Горит в избе лучинушка». Последний из названных романсов Герасим Ильич блистательно исполнил на смотре в Воронеже в 1934 г., заслужив восторженные отзывы жюри и зрителей: «Земля таких мало родит. Из артистов артист», – так говорили о нем очевидцы. Впечатление от пения было таким сильным, что Герасиму Ильичу предложили «учиться в консерватории и петь в профессиональном хоре» [11, с. 30-32]. Но он предпочел остаться в Черняновском хоре, которым руководил глубоко почитаемый им музыкант и педагог Илья Тимофеевич Загуменнов [11, с. 30-32]. Именно Илья Тимофеевич являлся средоточием певческой традиции села; его опыт переживания действительности в интонационном богатстве народной культуры передавался хоровому коллективу. Он владел навыками академического пения, так как получил специальное музыкальное образование, и навыками церковного пения, являясь регентом, при этом он был привержен образам и духу народной традиции.

Благодаря И.Т. Загуменнову после разрушения приходского храма Черняновский хор стал духовным центром, культурной средой, в которой осуществлялась культурная коммуникация. Лучшие певцы церковного хора – Герасим Ходяков, Федор Саяпин, Владимир Мордасов, Прасковья и Мария Яркие – объединились в общей любви к песне, созданной талантами народных поэтов и музыкантов, часто безымянных. Убедительная победа хора на смотре в Воронеже в 1934 г. показывает высокий уровень любительского пения на Тамбовщине [11, с. 30-32].

Личность сельского учителя и регента Ильи Тимофеевича Загуменнова дает убедительный материал для понимания закономерностей существования, развития и угасания песенной традиции. Как свидетельствует Мария Николаевна, сельчане почитали И.Я. Загуменнова просветителем, вспоминая, как он ходил по селу «с тросткой», убеждая родителей отдавать детей в школу и отпускать на репетиции хора. В 1919 г. он органи-

была» и др.), и Ц. Кюи («Засветилась вдали, загорелась заря»), и А.Т. Гречанинов («В зареве огнистом»). Более же других известно стихотворение И.З. Сурикова «Степь да степь кругом», музыку к которому написал С.П. Садковский.

³ Композитор, написавший музыку к песне-балладе на стихи И.З. Сурикова «Ох, ты доля, моя доля...» неизвестен, хотя на стихи И.З. Сурикова писали музыку и П.И. Чайковский («Я ли в поле да не травушка

зовал школьный хор и самодеятельный оркестр [5, с. 60-61]. Хотя песни революционно-патриотического содержания (о революции, гражданской войне, новой жизни) [5, с. 66-67] имелись в репертуаре хора, но не они составляли средоточие духовного, музыкально-эстетического развития хористов. И.Т. Загуменнов по понятным причинам не мог включать в репертуар хора произведения церковной традиции, но он сам более всего любил русские народные романсы, привязанность к которым прекрасно сумел передать своим воспитанникам. Любимым произведением Ильи Тимофеевича был романс А. Варламова на стихи Алексея Кольцова «Соловьем залетным», который вся Россия слушала в исполнении непревзойденного тенора Сергея Яковлевича Лемешева. Желая приобщить к эмоциональной палитре народной песни своих воспитанников, И.Т. Загуменнов переложил текст романса для смешанного состава хора. Это произведение стало общей эмоционально-смысловой доминантой системы эстетических ценностей хористов. Поэзия А. Кольцова, так близкая народной эстетике, стала средой формирования единства и сплоченности хорового коллектива. Мария Мордасова вспоминала: «В самом раннем детстве я познакомилась со стихами Алексея Васильевича Кольцова... Я их начала читать, когда училась в четвертом классе. Мой учитель Илья Тимофеевич Загуменнов очень любил стихи Кольцова. Мы хором пели песню «Соловьем залетным», по-своему пели. Как-то Илья Тимофеевич дал мне почитать стихи Кольцова. Книжечка была порвана. Много листочков не хватало. Я взяла эту книжечку, приложила к сердцу... Пришла домой, забила на печку и читала, пока не закрыла последнюю страничку» [5, с. 60].

Воспитанное в хоре чувство единомыслия долгие годы питало самые близкие отношения между хористами. Например, Мария Николаевна с необыкновенной теплотой вспоминала своих односельчан, с которыми довелось петь под руководством И.Т. Загуменнова: Полю Журавлеву, супругов Антонину и Николая Коняхиных, сестер Рак, Ольгу Кондратьеву, Ольгу Старновкину, Марию Фофанову, Татьяну Верстунову, своих теток-певуний – Варвару, Марфу, Лукерью⁴.

⁴ Материалы музея истории села Черняное. МО ТР ТО «Администрация Черняновского сельсовета».

Изложенный материал позволяет предположить, что первая четверть XX века – это период перехода локальной певческой традиции в стадию трансформации, аккумуляции опыта профессионального музыкального искусства и литературы. К этому истоку восходит певческая эстетика Марии Мордасовой, интонационно близкая локальному типу интонирования. О значении этого «ушедшего» репертуара в творчестве М.Н. Мордасовой свидетельствуют видеозаписи, сделанные различными съемочными группами, которые приезжали в Черняное вместе с певицей. Именно по настоянию М.Н. Мордасовой представители старшей возрастной группы народного Черняновского хора пели песни, которые уже не входили в репертуар коллектива: «По дворочку Дуня шла», «Не долго веночку», «Златокрыленький» и др. Из репортажа корреспондента «Тамбовской правды» известно, что в августе 1956 г. М.Н. Мордасова по просьбе земляков на концерте в с. Черняное [16] исполнила, помимо народной песни «Сама садик я садила», романсы «Меж высоких хлебов»⁵ [17, с. 378], «Очаровательные глазки»⁶ [18]. Вторая часть ее концертной программы состояла из совместного выступления с руководителем хора Н.И. Коняхиным (исполнены были припевки «Всю неделю с милым врозь» и др.), а также ответных выступлений солистов хора с. Черняное. Импровизированные концерты возникали у дома Марии Николаевны, когда она приезжала навестить мать, Прасковью Прокопьевну.

Песенное наследие с. Черняное Мария Николаевна вынесла на профессиональную сцену, где действуют свои законы. Перенос традиции потребовал изменения исполнительской манеры пения, приспособления структуры музыкального текста к требованиям новой эстетики. Решать эту задачу помогали Марии Николаевне замечательные музыканты. Например, как показывает сборник

⁵ Стихотворение Н.А. Некрасова «Похороны» положено на музыку Николаем Андреевичем Александровым в 1911 г.

⁶ Выходец из бедных виленских крестьян Иван Кузьмич Кондратьев (1849–1904), известный москвовед, «народный песенник», дружил с А.П. Чеховым, И.И. Левитаном, А.К. Саврасовым. Помимо романса «Очаровательные глазки», ему приписывают, по неподтвержденным данным, авторство песни-баллады «По диким степям Забайкалья».

«Когда Мордасова поет...», большую часть старинных многоголосных черняновских песен на сцене Воронежского народного хора М.Н. Мордасова пела в обработке И. Руденко, П. Старикова, Я. Шматько: «На серебряной реке», «Бабинька-бабеночка», «Наша подружка обманщица», «За лесом, за рошей» и др. [14, с. 27-108]. Замечательный материал для наблюдения ушедшей певческой традиции дают фрагменты фильмов, снятых с участием Черняновского хора: фильм-концерт «Три спасибо в день» (Творческое объединение «Экран», 1971); документальные ленты

«Черняновские хроники», «Крестьянские дети, или пора экзаменов» (1974); фильм-концерт «Путешествие домой» (1985, режиссер Ю. Мартиросов, по сценарию Л. Кравец) [14, с. 27-108].

В 1993 г., когда Черняновский хор готовился к своему 75-летию, ему присвоили имя народной артистки Марии Мордасовой, которая восприняла это событие как самую высокую награду своего труда⁷.

⁷ Материалы музея истории села Черняное. МО ТР ТО «Администрация Черняновского сельсовета».

Список литературы

1. Юдин Б.И. Черняное – серебряный голос России // Тамбовская канарейка. Очерки о жизни и творчестве Марии Николаевны Мордасовой. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. С. 7-29.
2. Пасхалов В. М.К. Пятницкий и история возникновения его хора // Советская музыка: сб. ст. М., 1944.
3. Хор имени Пятницкого. 1911–1961 / сост., авт. вступ. ст. И.И. Мартынов. М.: Сов. Россия, 1961.
4. Смирнова Г.В. Черняное – песенное село // Научно-методический центр народного творчества и досуга. URL: <https://vk.com/@nmctambov-chernyanoe-pesennoe-selo> (дата обращения: 17.05.2018).
5. Евтихьева Л.Ю. Песенное-перепесенное мое Черняное // Тамбовская канарейка. Очерки о жизни и творчестве Марии Николаевны Мордасовой. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. С. 55-70.
6. Сохор А.Н., Капустин Ю.В. Социология музыки // Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г.В. Келдыш. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 672.
7. Тэн И. Философия искусства. М.: Республика, 1996.
8. Асташова Н.А. Хор как инструмент ценностного развития личности // Дирижерско-хоровое образование и исполнительство в XXI веке. Взгляд молодых ученых: материалы 5 Междунар. науч.-практ. конф. / ред. М.В. Кревсун. Таганрог: Изд-во Ступнина А.Н., 2010. Ч. 2. С. 22-27.
9. Бодина Е.А. Воспитательная функция музыки (эволюция и современные тенденции реализации): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1992.
10. Мудрик А.В. Социальная педагогика. М.: Академия, 2002.
11. Овсянников И.И. «Я – с тамбовских полей...». Штрихи к портрету Марии Мордасовой // Тамбовская канарейка. Очерки о жизни и творчестве Марии Николаевны Мордасовой. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. С. 29-50.
12. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / ред. А.Е. Андриевского. Тамбов, 1911. 909 с.
13. Евтихьева Л.Ю. Прижимаю к груди мое детство // Тамбовская канарейка. Очерки о жизни и творчестве Марии Николаевны Мордасовой. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. С. 50-55.
14. Когда Мордасова поет... / сост. Л.В. Кравец. М.: Сов. Россия, 1980.
15. Брусянин В.В. Поэты-крестьяне: Суриков и Дрожжин. Петроград, 1915.
16. Бобков А. В родном селе // Тамбовская правда. 1956. 7 авг.
17. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. Стихотворения 1855–1866 гг.
18. Кондратьев И.К. Седая старина Москвы // Русарх: электронная научная библиотека. URL: <http://rusarch.ru/kondratiev0.htm> (дата обращения: 14.11.2018).

References

1. Yudin B.I. Chernyanoye – serebryanyy golos Rossii [Chernyanoye – silver voice of Russia]. *Tambovskaya kanareyka. Ocherki o zhizni i tvorchestve Marii Nikolayevny Mordasovoy* [Tambov Canary. Essays on the Life and Work of Mariya Nikolayevna Mordasova]. Tambov, Tambovpoligrafizdat Publ., 2006, pp. 7-29. (In Russian).
2. Paskhalov V. M.K. Pyatnitskiy i istoriya vzniknoveniya ego khora [Pyatnitsky and the history of his choir]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet Music]. Moscow, 1944. (In Russian).
3. Martynov I.I. (compiler, ed., introd. article). *Khor imeni Pyatnitskogo. 1911–1961* [Pyatnitsky Choir. 1911–1961]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1961. (In Russian).

4. Smirnova G.V. Chernyanoye – pesennoye selo [Chernyanoye – singing village]. *Nauchno-metodicheskiy tsentr narodnogo tvorchestva i dosuga* [Scientific and Methodological Center of Folk Art and Leisure]. (In Russian). Available at: <https://vk.com/@nmctambov-chernyanoe-pesennoe-selo> (accessed 17.05.2018).
5. Evtikhiyeva L.Y. Pesennoye-perepesennoye moye Chernyanoye [My singing Chernyanoye]. *Tambovskaya kanareyka. Ocherki o zhizni i tvorchestve Marii Nikolayevny Mordasovoy* [Tambov Canary. Essays on the Life and Work of Mariya Nikolayevna Mordasova]. Tambov, Tambovpoligrafizdat Publ., 2006, pp. 55-70. (In Russian).
6. Sokhor A.N., Kapustin Y.V. Sotsiologiya muzyki [Sociology of music]. In: Keldysh G.V. (ed.-in-chief). *Muzykal'nyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Musical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, p. 672. (In Russian).
7. Ten I. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Moscow, Respublika Publ., 1996. (In Russian).
8. Astashova N.A. Khor kak instrument tsennostnogo razvitiya lichnosti [Chorus as an instrument of value development of personality]. *Materialy 5 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Dirizhersko-khorovoye obrazovaniye i ispolnitel'stvo v XXI veke. Vzglyad molodykh uchenykh»* [Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference “Conducting and Choral Education and Performance in the 21st century. View of Young Scientists”]. Taganrog, Stupnin A.N. Publ., 2010, pt 2, pp. 22-27. (In Russian).
9. Bodina E.A. *Vospitatel'naya funktsiya muzyki (evolyutsiya i sovremennyye tendentsii realizatsii): avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Educational Function of Music (Evolution and Modern Trends of Realization). Dr. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1992. (In Russian).
10. Mudrik A.V. *Sotsial'naya pedagogika* [Social Pedagogy]. Moscow, Akademiya Publ., 2002. (In Russian).
11. Ovsyannikov I.I. «Ya – s tambovskikh poley...». Shtrikhi k portretu Marii Mordasovoy [“I am – from Tambov fields...”. Strokes to the portrait of Mariya Mordasova]. *Tambovskaya kanareyka. Ocherki o zhizni i tvorchestve Marii Nikolayevny Mordasovoy* [Tambov Canary. Essays on the Life and Work of Mariya Nikolayevna Mordasova]. Tambov, Tambovpoligrafizdat Publ., 2006, pp. 29-50. (In Russian).
12. Andriyevskiy A.E. (ed.). *Istoriko-statisticheskoye opisaniye Tambovskoy eparkhii* [Historical and Statistical Description of the Tambov Eparchy]. Tambov, 1911, 909 p. (In Russian).
13. Evtikhiyeva L.Y. Prizhimayu k grudi moye detstvo [Pressing my childhood against the chest]. *Tambovskaya kanareyka. Ocherki o zhizni i tvorchestve Marii Nikolayevny Mordasovoy* [Tambov Canary. Essays on the Life and Work of Mariya Nikolayevna Mordasova]. Tambov, Tambovpoligrafizdat Publ., 2006, pp. 50-55. (In Russian).
14. Kravets L.V. (compiler). *Kogda Mordasova poyet...* [When Mordasova Sings...]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1980. (In Russian).
15. Brusyanin V.V. Poety-krest'yane: Surikov i Drozhzhin [Poets Peasants: Surikov and Drozhzhin]. Petrograd, 1915. (In Russian).
16. Bobkov A. V rodnom sele [In native village]. *Tambovskaya pravda* [Tambov Truth], 1956, 7 August. (In Russian).
17. Nekrasov N.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 15 t. T. 2. Stikhotvoreniya 1855–1866 gg.* [Complete Works and Letters: in 15 vols. Vol. 2. Poems 1855–1866]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. (In Russian).
18. Kondratyev I.K. Sedaya starina Moskvyy [The hoary antiquity of Moscow]. *Rusarkh: elektronnyaya nauchnaya biblioteka* [Rusarkh: Scientific Electronic Library]. (In Russian). Available at: <http://rusarch.ru/kon-dratiev0.htm> (accessed 14.11.2018).

Информация об авторе

Долгушина Марионелла Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, доцент объединенной кафедры камерного ансамбля, концертмейстерской подготовки и общего фортепиано. Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С.В. Рахманинова, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: anna.dolguchina@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы и творческого наследия, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-302X>

Поступила в редакцию 02.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 23.07.2019 г.

Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the author

Marionella Y. Dolgushina, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Joint Chamber Ensemble, Concertmaster Training and Compulsory Piano Department. Tambov State Musical Pedagogical Institute named after S.V. Rachmaninov, Tambov, Russian Federation. E-mail: anna.dolguchina@yandex.ru

Contribution: main study conception, literature and creative heritage analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-302X>

Received 2 July 2019

Reviewed 23 July 2019

Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-115-122
УДК 378.2+793

Методика обучения в области хореографического искусства людей зрелого возраста

Светлана Викторовна ШАНКИНА¹, Юрий Викторович ШАНКИН^{1,2},
Евгения Юрьевна ШУШПАНОВА¹

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5651-8288>, e-mail: fiesta-tsu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0043-5146>, e-mail: tooofsb@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2443-1692>, e-mail: fiesta-tsu@yandex.ru

²ТООО «Федерация спортивного бального танца»

392027, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Чичерина, 34

Teaching methods in choreographic art to people of mature age

Svetlana V. SHANKINA¹, Yuriy V. SHANKIN^{1,2}, Evgeniya Y. SHUSHPANOVA¹

¹Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5651-8288>, e-mail: fiesta-tsu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0043-5146>, e-mail: tooofsb@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2443-1692>, e-mail: fiesta-tsu@yandex.ru

²Federation of Sports Ball Dance

34 Chicherina St., Tambov 392027, Russian Federation

Аннотация. Рассмотрена особая область дидактики – обучения людей зрелого возраста. Выбранная сфера развития умений обучающихся определена как хореографическое искусство. Определены не только особенности хореографии, но и специфика развития двигательной активности у людей зрелого возраста средствами хореографического искусства, выявляя, в том числе, и физиологические ограничения и пути развития физиологии тела данной возрастной категории. Дан подход авторов к самой методике обучения в области хореографического искусства людей зрелого возраста, заключающийся в формировании отношения обучающихся к хореографии как части культуры здорового образа жизни. В рамках разработанной программы дополнительного образования «Старшее поколение» подготовлены методические материалы, фрагмент которых приведен в публикации.

Ключевые слова: методика обучения; люди зрелого возраста; хореографическое искусство; дополнительная образовательная программа; методы обучения

Для цитирования: Шанкина С.В., Шанкин Ю.В., Шушпанова Е.Ю. Методика обучения в области хореографического искусства людей зрелого возраста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 115-122. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-115-122

Abstract. We consider a special area of didactics – teaching people of mature age. We chose choreographic art as a sphere of students' skills development. We define not only the features of choreography, but also the specifics of the motor activity development in people of mature age using means of choreographic art revealing physiological limitations and development ways of the body of this age. The author's approach to the teaching methods in choreographic art to people of mature age is in the formation of the students' attitude to choreography as part of a healthy lifestyle culture. Within developed programme of continuous education "Older generation" we prepared methodical materials, a fragment of which is in the publication.

Keywords: teaching methods; people of mature age; choreographic art; additional educational programme; teaching methods

For citation: Shankina S.V., Shankin Y.V., Shushpanova E.Y. Metodika obucheniya v oblasti khoreograficheskogo iskusstva lyudey zrelogo vozrasta [Teaching methods in choreographic art to people of mature age]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 115-122. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-115-122 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Актуальность данного исследования определяется возросшим общественным интересом к здоровому образу жизни. В последнее время мы наблюдаем разрозненные отношения личности и общества, наполнение национальной культуры интернациональным содержанием. Все это является следствием кризисных процессов и изменений социально-экономического аспекта нашего общества. В этих условиях возрастает значимость государственной политики, направленной на укрепление здоровья нации. Государственная политика в рамках национального проекта «Демография», политика департамента труда и социальной защиты населения в рамках регионального проекта «Старшее поколение» способствуют укреплению межличностных отношений. Благодаря таким мероприятиям, как «Танцуй Москва – танцуй Россия» у людей зрелого возраста мы можем наблюдать стабилизацию душевного, физического и эмоционального состояния. Путем приобщения к достижениям мировой культуры в области хореографического искусства прослеживается благоприятная динамика в интеграции музыкального, художественно-эстетического и физиологического развития личности.

Проблемы социокультурной адаптации людей зрелого возраста, их взаимоотношения с обществом, принятия их как полноценных партнеров выходят на первый план. Самореализация людей зрелого возраста и их адаптация к окружающей среде являются основой их социальной независимости. Важнейшими задачами социальной политики становятся: создание условий для развития двигательной активности людей зрелого возраста, помощь в раскрытии их творческого потенциала, всестороннее взаимодействие, моральная и физическая поддержка. При реализации этих задач мы можем говорить о неоспоримом общественном прогрессе.

Развитие двигательной активности у людей зрелого возраста средствами хореогра-

фического искусства – инновационная и слабо изученная тема. Отсутствие конкретной методики работы с людьми зрелого возраста в области хореографического искусства образует пробел в современной педагогике. Физическая активность помогает стабилизировать психическое и эмоциональное состояние людей зрелого возраста, оказывает положительное влияние на опорно-двигательный аппарат, формирует образное мышление, способствует развитию пластичности и музыкальности.

Современная хореография – это не только инструмент для формирования хороших физических данных, развития координации, тренировки памяти, но и способ решения многих психологических проблем, помощь в развитии коммуникативных навыков, преодоления стеснительности и зажатости.

Любое сложное действие человека формируется благодаря элементарным первичным действиям, в дальнейшем образуя новые, более сложные процессы. Полученные упражнения, выполненные человеком в результате сознательной деятельности, формируют навыки.

«Навык» (англ. skill) – действие, доведенное до автоматизма путем многократных повторений. Особенностью такого действия является то, что оно не требует постоянного внимания и контроля. Многие автоматизированные действия или навыки возникают в связи с осуществлением определенного вида деятельности (учебные, бытовые, профессиональные навыки); кроме того, существует деление навыков на мнемические (связанные с запоминанием и воспроизведением), речевые, мыслительные, двигательные и т. д. [1, с. 16].

Рассмотрим подробнее понятие «двигательный навык» в контексте научных исследований. В психологическом словаре понятие «двигательный навык» (англ. motor skill) – это способность к осуществлению того или

иного движения без сознательного контроля за ним, сформированная в обучении [1].

Понятие «двигательный навык», отмечает Е.И. Бойко, не обязательно означает владение техникой движения в совершенстве [2]. Может быть сформирован навык неправильного выполнения упражнения. Это происходит тогда, когда несовершенное движение повторяется многократно. Поэтому людей зрелого возраста надо сначала научить правильно выполнять упражнения и только после этого переходить к закреплению навыка.

Процесс обучения движениям, по словам Н.А. Бернштейна, состоит из следующих этапов:

- 1) первоначальное разучивание;
- 2) углубленное разучивание;
- 3) закрепление навыка и совершенствование техники [3, с. 13].

Первоначальное разучивание. На данном этапе мы учимся формировать общее представление о движении, осваиваем базовые технические моменты, учась выполнять их правильно. Создается база для дальнейшего изучения. Характерным для данного этапа является отсутствие точности и четкости при выполнении движений, физическое и мышечное напряжение, отсутствие координации.

Углубленное разучивание. Второй этап предполагает углубленное изучение технических аспектов движения, выработку четкого умения правильно исполнять движение.

Закрепление навыка и совершенствование техники. Последний этап предполагает преобразование полученного умения в навык, совершенствование техники исполнения движения. В итоге мы имеем возможность применения данного навыка в любых условиях и ситуациях, в соревновательной деятельности и игровой форме.

Анатомическая наука предлагает рассматривать двигательные навыки как сложно координированные и законченные действия, состоящие из простых элементов, доведенных до уровня автоматизма.

При рождении человек уже наделен рядом жизненно важных действий, подчиняющихся рефлексам и инстинктам. В его дальнейшем развитии и становлении как личности данные движения преобразуются, дополняются новыми действиями, объединяются и взаимодействуют между собой. Так формируются двигательные навыки, которые жиз-

ненно необходимы человеку в быту, общественной деятельности, на профессиональном поприще.

Автоматизация навыка и ее степень напрямую зависят от:

- структурной наполняющей навыка;
- частоты и интенсивности использования навыка (чем чаще, тем более автоматизированным он является);
- регулярности условий для применения навыка (стабильней условия – прочнее навык).

Таким образом, понятие «двигательный навык» в контексте научных исследований трактуется как автоматизированный способ управления движениями. Выявлено, что основной задачей педагогического процесса является максимальное раскрытие базовых двигательных навыков для комфортного физического развития людей зрелого возраста.

Регулярная физическая деятельность, упражнения, мышечная активность играют большую роль в укреплении здоровья человека, вырабатывают выносливость и иммунитет к неблагоприятным воздействиям внешней среды, увеличивают продолжительность жизни. Для людей зрелого возраста физическая активность более чем важна.

Одним из эффективных средств повышения двигательной активности людей зрелого возраста является хореография. Хореографическое искусство – важное средство эстетического воспитания, а также развития творческих способностей у людей зрелого возраста. У занимающихся хореографией развивается правильное ощущение красоты движений, способность передавать в них определенные эмоциональные состояния, различные настроения, переживания, чувства [4].

Танец – это движение, движение – это жизнь. С возрастом постепенно развивается атрофия мышц, что приводит к мышечной слабости, поэтому физическая активность очень полезна. Танцуя, люди испытывают положительные эмоции – удовольствие от движения и радость общения с единомышленниками замедляют процессы старения. Возраст – не помеха для занятия танцами.

Многочисленные исследования доказывают, что люди зрелого возраста отличаются структурной составляющей памяти, особой реакцией на сложные жизненные ситуации и умением принимать правильное решение.

Обучение людей зрелого возраста также способствует укреплению нервной системы, регулярной умственной активности, тренировки памяти. Отметим, что основным моментом в формировании учебной деятельности людей зрелого возраста является индивидуальный подход, позволяющий учесть возрастные, психологические и физические особенности данной категории граждан.

Л.Д. Ивлева полагает, что основными задачами уроков хореографии являются: компенсация двигательного и эмоционального дефицита, обучение владению своим телом. Занятия способствуют повышению работоспособности, укреплению здоровья, коррекции двигательных нарушений и недостатков физического развития, формированию умения дифференцировать движения и подчинять по степени мышечных усилий во времени и пространстве, управлению темпом движения и подчинению своих движений музыке, приданию движениям целесообразности, стройности, выразительности и уверенности [5].

Физическая активность у людей зрелого возраста предполагает решение ряда физиологических проблем (улучшение физической формы, укрепление костно-мышечного аппарата, развитие и улучшение памяти и внимания, развитие координации, силы и ловкости) и формирует художественно-эстетическое мировосприятие (развитие чувства ритма, музыкальности и слуха, ритмической выразительности, эстетического вкуса и актерского мастерства).

Моторика индивида может быть также скорректирована путем занятий хореографией. Грамотно подобранные упражнения, порядок и структура их выполнения, систематичность занятий позволяют внести вклад в гармоничное восстановление психической и физической активности человека.

Хореографическое воспитание дает возможность стремиться к совершенству, укрепляя и развивая свои физические данные, снимает внутреннее напряжение, психологическую зажатость, позволяет получить положительные эмоции, способствует улучшению настроения и создает разрядку.

Данная методика легко трансформируется для различных возрастных групп с идентичной или разрозненной гендерной составляющей. Педагог корректирует нагрузку, учитывая возрастные, психологические и

физические особенности людей зрелого возраста. Танцевальный материал дается с учетом интересов и пожеланий участников группы.

Хореографические занятия включают в себя разминку, упражнения для развития ловкости, координации, опорно-двигательного аппарата, упражнения на развитие чувства ритма, музыкального слуха, различные направления танцевальных дисциплин, комбинации и рисунки танца, упражнения для релаксации и мн. др.

При работе с людьми зрелого возраста активно используется метод «от простого к сложному». Начиная с азов и базовых элементов, постепенно усложняя техническую базу, переходя от медленного темпа к быстрому темпу, педагог отрабатывает и закрепляет пройденный материал. Наполнение занятий зависит от психологической и физической подготовки конкретной группы. Заострение внимания на занятиях актерским мастерством способствует развитию эмоциональной выразительности.

Следует учитывать, что люди зрелого возраста не знают всех своих возможностей, так как ограничение опыта в силу возраста замыкает круг их представлений и действий своего организма. Поэтому нагрузку необходимо соблюдать в связи с физическими возможностями данной категории людей зрелого возраста. Она должна создать у них уверенность в своих силах и положительно сказаться на самочувствии [6].

Обучение в области хореографического искусства людей зрелого возраста должно вызывать интерес, создавать разрядку, помогать переключать внимание на новые варианты физической деятельности.

Посредством занятий танцами у людей зрелого возраста происходит социальная адаптация и физическая реабилитация. Таким образом, введение танцевальных занятий в занятия по физической культуре в коррекционно-образовательных учреждениях является первостепенной задачей, стоящей перед системой образования.

Многочисленные исследования показали, что регулярная физическая активность способствует всестороннему, комплексному развитию организма, укрепляет иммунитет, улучшает общее физическое и психическое состояние человека, стимулирует умствен-

ную деятельность. Адаптировав хореографическое воспитание под нужды конкретной категории людей, можно получить большую пользу от данной физической активности.

Задачи развития двигательных навыков и двигательной активности людей зрелого возраста можно разделить на несколько групп.

В первую группу входят задачи, относящиеся к здоровым людям. Их можно условно разделить на общеобразовательные, оздоровительные и воспитательные. Общеобразовательные задачи формируют представление о пользе физических упражнений, знаний о здоровом образе жизни, понимании основных гигиенических норм и правил. Оздоровительные задачи способствуют укреплению здоровья, иммунитета, совершенствованию функциональных возможностей организма, повышению умственной и физической работоспособности.

Вторую группу задач составляют двигательные коррекционные задачи, которые целесообразно разделить на основные и вспомогательные. Первоочередной основной задачей является поэтапное двигательное развитие людей зрелого возраста в той последовательности, которая свойственна здоровым людям. Вспомогательные коррекционные задачи включают в себя коррекцию порочных установок опорно-двигательного аппарата, улучшение подвижности в суставах, нормализацию тонуса мышц, улучшение деятельности сердечно-сосудистой, дыхательной и других систем организма и др.

Существует несколько основных принципов реализации успешной работы по обучению хореографическому искусству людей зрелого возраста, которыми необходимо руководствоваться при организации практической деятельности. Рассмотрим их.

1. Наглядность – этот принцип обучения воссоздает конкретно точное исполнение движения. При этом для правильного восприятия людьми зрелого возраста показ движения должен быть максимально точным, полным, сопровождаемым четкими объяснениями. Принцип наглядности можно с успехом применять, используя видеоматериал и фотоматериал.

2. Доступность является максимально важным условием в работе с людьми зрелого возраста, так как в силу своих физических и психических особенностей не весь материал,

даваемый педагогом, может быть правильно интерпретирован и переработан.

3. Последовательность предполагает поэтапное изучение нового материала (от простого к сложному) с многократным повторением ранее изученного.

4. Систематичность – регулярное закрепление пройденного материала, помогает людям зрелого возраста свободно ориентироваться в потоке получаемой информации, четко исполняя танцевальный материал.

Разработанный нами алгоритм методики обучения, направленный на развитие двигательной активности людей зрелого возраста средствами хореографии, предполагает выполнение следующих действий:

1) анализ резерва физической активности индивидов в условиях практических занятий;

2) выбор режимов упражнений для развития скорости, физической активности людей зрелого возраста;

3) систематизацию тренировочных занятий, включающих кардиоразвитие танцоров, с учетом индивидуальных особенностей.

Используемая методика обучения в области хореографического искусства позволяет, в случае необходимости, адаптировать ее для обучения людей любого возраста.

Преподавание хореографии обусловлено необходимостью осуществления коррекции недостатков физического и психического развития людей зрелого возраста средствами музыкально-ритмичной деятельности, которая имеет целью активизировать музыкальное восприятие детей через движение, привить им навык осознанного отношения к музыке, помочь выявить их музыкальные и творческие способности [7].

Развитие опорно-двигательного аппарата, навыков музыкального слуха и ритмичных движений, коммуникативных навыков и творческих способностей является основой данной методики.

Основными способами работы будут выступать:

- беседа с людьми зрелого возраста как форма универсального использования слова;
- прослушивание музыкального материала, просмотр видеоуроков, наглядная демонстрация технических аспектов исполнения как метод наглядного восприятия;

- преодоление коммуникативных барьеров и эмоциональной зажатости посредством игрового тренинга;

- участие в показах и концертах для снятия зажатости, преодоления страха выступлений на публике и сцене.

При работе с людьми зрелого возраста необходим поэтапный подход, разбор материала от простого к сложному, поэтапный план действий. Таким образом, для начала группе предлагается прослушать музыкальный материал, сформулировать и выразить свои чувства и эмоции от услышанного. Затем постепенно мы переходим к изучению основных базисных движений, постоянно насаивая все более сложные комбинации и технические практики на уже имеющийся материал. Следует заметить, что каждый блок должен быть неоднократно закреплён и отработан.

На уроках хореографии изучаются многообразные сочетания движений ног, рук, туловища, головы. Путём соответствующей корректировки каждого движения воспитывается его выразительность, без которой невозможно добиться артистичности исполнения [8].

Особое внимание педагог должен уделять музыкальному материалу, так как без него не обходится ни одно занятие хореографией. Необходимо избегать разнообразия и тусклости в подборе музыкального материала. Не всякая музыка подойдет для постановки хореографического номера, а лишь та, что представляет собой художественную ценность. Она должна быть приятна слуху, понятна и доступна для трансформации ее под хореографическую базу, движения должны вытекать из музыкального материала [9].

Музыкальное сопровождение танцевальных композиций способствует развитию слуха, формированию пластичности и точности движений, воспитанию чувства прекрасного. Все это является базой для дальнейшего развития творческой жизни учащихся и их способностей. Гармоничное сочетание умственного и физического развития, нравственной чистоты и творческого отношения к жизни и искусству – необходимое условие занятия хореографией. Задачи эстетического воспитания не исчерпываются необходимостью научить учащихся верно понимать эстетические явления. Главное – воспитывать и раз-

вивать те качества личности, которые превращают человека в активного создателя прекрасного [10].

При работе с людьми зрелого возраста также происходит коррекция их психофизического развития:

- 1) формируются музыкально-ритмические навыки (умение передавать музыкальный материал посредством хореографических движений);

- 2) вырабатываются навыки выразительных движений (основных, с предметами и без них, сюжетно-образных, танцевальных).

Овладение ими осуществляется посредством специальных танцевальных движений.

Из вышесказанного стоит сделать вывод о том, что огромное значение при реализации работы с людьми зрелого возраста имеет правильный выбор методики обучения в педагогическом процессе. Немаловажным фактором является индивидуальный подход, учитывающий особенности данной группы людей, формируя тем самым комплексную, всестороннюю работу по обеспечению доступного и комфортного обучения. В процессе организации занятий учитываются возрастные и психофизиологические особенности людей зрелого возраста. Систематичность и разноаспектный характер занятий танцами, их развивающая ориентация помогают раскрыть способности и творческие дарования личности, а также развить двигательные навыки и двигательную активность людей зрелого возраста. Причём весьма часто значительность достижений противоречит характеристике, данной на основе медицинских показателей.

Государственная политика и национальные проекты, направленные на оздоровление нации, помогают решить целый комплекс проблем людей зрелого возраста. Помимо проблем с физическим развитием, особое внимание здесь уделяется коммуникативным навыкам, преодолению внутреннего барьера при общении с новыми людьми. Человек, сменивший свою повседневную среду общения и попавший в атмосферу танца, начинает постепенно психологически раскрепощаться, находит новых друзей и знакомых. Посредством участия человека в концертах, конкурсных программах, соревновательной деятельности происходит преодоление стеснения и зажатости, что немаловажно для комфортного существования индивида в социальной среде.

Список литературы

1. Аскназий А.А. К вопросу о физиологических механизмах автоматизации двигательного навыка: материалы VII научной конференции по вопросам морфологии, физиологии и биохимии мышечной деятельности. Тарту, 1962. С. 16-18.
2. Бойко Е.И. Еще раз об умениях и навыках // Вопросы психологии. 1957. № 1. С. 133-139.
3. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966. 349 с.
4. Трошин О.В., Жулина Е.В., Кудрявцев В.А. Основы социальной реабилитации и профориентации. М.: ТЦ Сфера, 2005. 107 с.
5. Ивлева Л.Д. История преподавания танца. Челябинск, 2011. 140 с.
6. Ашмарин Б.А. Двигательные умения и навыки // Теория и методика физического воспитания. М., 2005. С. 65-75.
7. Казначеев С.В. Искусство танца, как особая система укрепления и развития здоровья современного человека // Танец Сибири. 2000. № 2. С. 18-24.
8. Мацукевич О.Ю., Попов В.Н. Бальная хореография как направление социокультурной реабилитации инвалидов // На пороге нового тысячелетия: сборник статей молодых ученых. М.: МГУКИ, 2000. С. 23-28.
9. Боголюбская М.С. Музыкально-хореографическое искусство в системе эстетического и нравственного воспитания. М.: ВНМЦ НТ и КПН, 1986. 93 с.
10. Кремлев Ю.О. О месте музыки среди искусств. М.: Музыка, 1966. 62 с.

References

1. Asknazy A.A. *Materialy 7 nauchnoy konferentsii po voprosam morfologii, fiziologii i biokhimii myshechnoy deyatel'nosti «K voprosu o fiziologicheskikh mekhanizmkh avtomatizatsii dvigatel'nogo navyka»* [Proceedings of the 7th Scientific Conference on Issues of Morphology, Physiology and Biochemistry of Muscle Activity "On the Issue of physiological mechanic automatization of motor skill"]. Tartu, 1962, pp. 16-18. (In Russian).
2. Boyko E.I. *Eshche raz ob umeniyakh i navykakh* [Once again on abilities and skills]. *Voprosy psikhologii – Questions of Psychology*, 1957, no. 1, pp. 133-139. (In Russian).
3. Bernshteyn N.A. *Ocherki po fiziologii dvizheniy i fiziologii aktivnosti* [Notes on Motor and Active Physiology]. Moscow, 1966, 349 p. (In Russian).
4. Troshin O.V., Zhulina E.V., Kudryavtsev V.A. *Osnovy sotsial'noy reabilitatsii i proforiyentsatsii* [Basics of Social Rehabilitation and Career Advice]. Moscow, Creative Center Sfera Publ., 2005, 107 p. (In Russian).
5. Ivleva L.D. *Istoriya prepodavaniya tantsa* [History of Dance Teaching]. Chelyabinsk, 2011, 140 p. (In Russian).
6. Ashmarin B.A. *Dvigatel'nyye umeniya i navyki* [Motor abilities and skills]. *Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya* [Theory and Methods of Physical Education]. Moscow, 2005, pp. 65-75. (In Russian).
7. Kaznacheyev S.V. *Iskusstvo tantsa, kak osobaya sistema ukrepleniya i razvitiya zdorov'ya sovremennogo cheloveka* [Dance art as a special system of modern person health promotion and improvement]. *Tanets Sibiri* [Dance of Siberia], 2000, no. 2, pp. 18-24. (In Russian).
8. Matsukevich O.Y., Popov V.N. *Bal'naya khoreografiya kak napravleniye sotsiokul'turnoy reabilitatsii invalidov* [Ballroom choreography as a kind of social rehabilitation of disabled]. *Na poroge novogo tysyacheletiya* [On the Eve of a New Millennium]. Moscow, Moscow State University of Culture and Arts Publ., 2000, pp. 23-28. (In Russian).
9. Bogolyubskaya M.S. *Muzykal'no-khoreograficheskoye iskusstvo v sisteme esteticheskogo i nrvstvennogo vospitaniya* [Musical and Choreography Art in the System of Esthetics and Moral Education]. Moscow, VNMTS NT i KPN Publ., 1986, 93 p. (In Russian).
10. Kremlev Y.O. *O meste muzyki sredi iskusstv* [On Music Place Among Art]. Moscow, Muzyka Publ., 1966, 62 p. (In Russian).

Информация об авторах

Шанкина Светлана Викторовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры сценических искусств. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: fiesta-tsu@yandex.ru

Вклад в статью: идея, разработка образовательной программы, освоение методики обучения, написание части текста и редактирование статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5651-8288>

Шанкин Юрий Викторович, старший преподаватель кафедры сценических искусств. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; президент Тамбовской областной общественной организации «Федерация спортивного бального танца», руководитель Тамбовского регионального отделения Российского танцевального союза, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tooofsbt@mail.ru

Вклад в статью: освоение методики обучения, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0043-5146>

Шушпанова Евгения Юрьевна, методист центра бальной хореографии «Фиеста-ТГУ». Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: fiesta-tsu@yandex.ru

Вклад в статью: работа с литературными источниками, апробация методики обучения, оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2443-1692>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Шанкина Светлана Викторовна
E-mail: fiesta-tsu@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.07.2019 г.
Поступила после рецензирования 15.08.2019 г.
Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the authors

Svetlana V. Shankina, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of Performing Arts Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: fiesta-tsu@yandex.ru

Contribution to the article: idea, educational program development, teaching methods adoption, part of text drafting and manuscript editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5651-8288>

Yury V. Shankin, Senior Lecturer of Performing Arts Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; President of the Tambov Regional Public Organization "Federation of Sports Ball Dance", Head of the Tambov Regional Branch of the Russian Dance Union, Tambov, Russian Federation. E-mail: tooofsbt@mail.ru

Contribution to the article: teaching methods adoption, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0043-5146>

Evgeniya Y. Shushpanova, Methodologist of "Fiesta-TSU" Ballroom Choreography Center. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: fiesta-tsu@yandex.ru

Contribution to the article: work with literature references, teaching methods approbation, manuscript design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2443-1692>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Svetlana V. Shankina
E-mail: fiesta-tsu@yandex.ru

Received 22 July 2019
Reviewed 15 August 2019
Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-123-129
УДК 793.38

Анализ соревновательной инфраструктуры спортивно-бальных танцев в контексте деятельности международных организаций по спортивно-бальным танцам

Ольга Викторовна ЕРШОВА, Евгений Геннадьевич СМІРНОВ

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3585-6381>, e-mail: olli65@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4954-8352>, e-mail: evvgeny.smirnovv@mail.ru

Sports and ballroom dancing competitive infrastructure analysis in the context of international organizations on sports and ballroom dancing

Olga V. ERSHOVA, Evgeny G. SMIRNOV

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3585-6381>, e-mail: olli65@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4954-8352>, e-mail: evvgeny.smirnovv@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы развития научно-теоретических представлений о соревновательной инфраструктуре спортивно-бальных танцев, в настоящее время не обеспеченных достаточным научным осмыслением. Целью является определение оснований деления, применяемых в мировой практике международных организаций по спортивно-бальным танцам для классификации конкурсов, исполнителей, их мастерства и т. д. Интерес к спортивно-бальным танцам, как форме социально-культурной и культурно-досуговой деятельности, с каждым годом возрастает не только за рубежом, но и в России. Спортивно-бальные танцы в своей структуре имеют две программы: латиноамериканскую (La), в которую входят танцы – ча-ча-ча, румба, самба, джайв, пасодобль, и европейскую (St), танцы – медленный вальс, венский (быстрый) вальс, медленный фокстрот, быстрый фокстрот (квикстеп), танго. Танцевально-спортивные клубы охватывают в своей работе все возрастные категории от детей трех лет до людей пенсионного возраста. Танцевальные объединения базируются в учреждениях культуры, культурно-досугового типа, в общеобразовательных школах и в высших учебных заведениях в рамках дополнительного образования или организации культурно-досуговой деятельности. Каждый танцевально-спортивный клуб, как элемент структуры, зарегистрирован в какой-либо российской официальной организации по спортивно-бальным танцам, которая, в свою очередь, является региональной и входит в состав международной организации по спортивно-бальным танцам. Сейчас существуют и активно функционируют четыре: 1) WDSF – World Dancesport Federation – Всемирная федерация танцевального спорта – ВДСФ; 2) WDC – World Dance Council – Всемирный Совет по танцу – РТС; 3) IDSU – International Dance Sport Union – Всемирный союз танцевального спорта – ВСТС; 4) IDSCA – International Dance Studios and Clubs Association – Международная Ассоциация клубов, школ и студий танца – МАСКТ. В каждой организации проводятся конкурсы, соревнования, турниры, чемпионаты стран, Европы, Азии, мира и т. д. Для анализа материала применялся сравнительно-типологический метод. Выявлены черты сходства и различия в деятельности международных организаций по спортивно-бальным танцам, данная информация научно исследуется впервые. Определено значение соревновательной и любительской инфраструктуры спортивно-бальных танцев для развития культуры и укрепления здорового образа жизни населения. Также впервые в научный оборот вводится систематизированный материал о деятельности международных организаций по спортивно-бальным танцам.

Ключевые слова: спортивно-бальные танцы; танцевальный спорт; профессиональные соревнования; хореография; соревновательная инфраструктура

Для цитирования: Ершова О.В., Смирнов Е.Г. Анализ соревновательной инфраструктуры спортивно-бальных танцев в контексте деятельности международных организаций по спортивно-бальным танцам // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 123-129. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-123-129

Abstract. We consider current problems of scientific and theoretical representations development about competitive infrastructure of Sports and ballroom dancing which are not provided with sufficient scientific comprehension. The purpose is to determine the basis of division used in the world practice of international organizations for sports and ballroom dancing for the classification of competitions, performers, their skills, etc. Interest in sports and ballroom dancing, as a form of social, cultural and leisure activities, increases every year not only abroad but also in Russia. Sports and ballroom dancing in its structure have two programs: Latin American, which includes dances – Cha-cha-cha, Rumba, Samba, Jive, Pasodoble and European, dance – slow waltz, Viennese (fast) waltz, Slow Foxtrot, Quickstep, Tango. Dance and sports clubs cover in their work all age categories from children of three years to people of retirement age. Dance associations are based in cultural institutions, cultural and leisure type, in secondary schools, and in higher education institutions in the framework of additional education or the organization of cultural and leisure activities. Each dance and sports club, as an element of the structure, is registered in any Russian official organization for ballroom dancing, which, in turn, is a regional and part of the international organization for ballroom dancing. Now, there are actively there are four: 1) WDSF – World DanceSport Federation; 2) WDC – World Dance Council; 3) IDSU – International Dance Sport Union; 4) IDSCA – International Dance Studios and Clubs Association. Each of the organizations provides, contests, competitions, tournaments, Championships of Europe, Asia, world, etc. To analyze the material, we use a comparative typological method. We discover the similarities features and differences in the international organizations activities in sports and ballroom dancing, this information is scientifically investigated for the first time. We define the importance of sports and ballroom dancing competitive and amateur infrastructure for the development of culture and strengthening of a population healthy lifestyle. Also, for the first time in scientific circulation we introduce a systematic material on the activities of international organizations in sports and ballroom dancing.

Keywords: sports and ballroom dancing; dance sport; professional competitions; choreography; competitive infrastructure

For citation: Ershova O.V., Smirnov E.G. Analiz sorevnovatel'noy infrastruktury sportivno-bal'nykh tantsev v kontekste deyatel'nosti mezhdunarodnykh organizatsiy po sportivno-bal'nyim tantsam [Sports and ballroom dancing competitive infrastructure analysis in the context of international organizations on sports and ballroom dancing]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 123-129. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-123-129 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В развитии любого вида деятельности закономерно присутствует этап, на котором непосредственная практика претерпевает научно-теоретическое осмысление, что позволяет ей в дальнейшем совершенствоваться целесообразно и планомерно. До прохождения данного этапа развитие происходит стихийно, порождая иногда эффективные, а иногда контрпродуктивные решения, в связи с чем можно констатировать тот факт, что научно-теоретическое осмысление деятельностного феномена является средством редукции случайности и способом качественного совершенствования деятельности. Данное положение в полной мере может быть

применено к спортивно-бальным танцам – широко распространенному виду профессиональной и любительской художественно-спортивной деятельности.

Можно констатировать, что в настоящее время спортивно-бальные танцы развиваются во многом стихийно притом, что профессиональный сегмент этого феномена сформировал ряд всемирных организаций, призванных упорядочить в первую очередь их соревновательный аспект [1].

Спортивно-бальные танцы можно рассматривать с позиций различных научных дисциплин: наибольшим потенциалом могут обладать анализ с позиций искусствоведения

(танец – род искусства), педагогики хореографии, педагогики спорта и теории социально-культурной деятельности. Ни в одной из названных научных дисциплин на данный момент еще не произведено достаточной систематизации научной информации о спортивно-бальных танцах, что создает лакуну в системе научного знания и ставит ряд исследовательских задач, среди которых наибольшим практическим значением обладает классификация соревновательной инфраструктуры спортивно-бальных танцев, как организационного явления, стихийно сложившегося на практике, но еще не проанализированного в теории. Основные авторы в области научного исследования спортивно-бальных танцев и программ – О.В. Ершова [1], М.С. Гавдис [2], А.А. Безикова [3], А.Ю. Бредихин [4], Л.В. Браиловская [5], П. Боттомер [6].

В настоящее время существует ряд подходов к научным исследованиям спортивно-бальных танцев, как культурного феномена и системообразующего фактора в сфере досуговой и соревновательной инфраструктуры. Наиболее распространено отнесение данного феномена к танцевальному спорту, что отражено, например, в названии Всемирной федерации танцевального спорта¹, а также – к сфере хореографического искусства. Применительно к любительскому сектору спортивно-бальных танцев данное явление иногда рассматривается с позиций теории социально-культурной и культурно-досуговой деятельности [1], так как помимо широкой зрелищной и соревновательной профессиональной индустрии спортивно-бальных танцев существует развитая любительская инфраструктура, позволяющая населению приобщаться к этому виду деятельности, лежащему на стыке искусства и спорта. Мир спортивно-бального танца – это своеобразная субкультура, которая объединяет людей по интересам во всем мире в сфере досуга.

В текущем столетии традиционные ценности, ассоциируемые с рабочей и досуговой деятельностью, претерпели существенные изменения, что особенно ярко проявляется в общественной жизнедеятельности индустриально развитых государств мирового сооб-

щества. Концепция труда, как основной жизненной цели, во все большей мере заменяется концепцией досуговой этики, целью которой является улучшение качества жизни каждого индивида посредством его свободного и плодотворного участия в различных видах досуговой деятельности [7].

Оказавшись на стыке творчества и бизнеса, досуговая деятельность, благодаря внедрению технологических принципов в процесс организации досуга, ориентируется на создание и реализацию творческого продукта [8].

В передовых странах мирового сообщества досуг получил невиданное ранее признание в качестве одного из важнейших факторов общественного развития. Там наблюдается не только процесс неуклонного расширения границ свободного времени, которым располагают широкие массы населения, но также и одновременный процесс количественного и качественного увеличения досуговых программ и услуг [7].

Спортивно-бальные танцы очень часто используются в постановке культурно-досуговых программ, на их основе проводятся конкурсные, концертные и шоу-программы, в рамках социально-культурной деятельности на их основе организуются коллективы по интересам, клубы, студии социального танца. В дополнительном образовании одним из современных направлений хореографической культуры также являются спортивно-бальные танцы, поскольку дети и их родители с удовольствием выбирают эту форму дополнительного обучения. В фитнес-клубах спортивно-танцевальные программы разрабатываются на основе определенных танцев европейской и латиноамериканской программы и соответствуют выбранному международным сообществом порядку танцев.

Спортивно-бальными танцы начали называться тогда, когда по ним стали проводиться конкурсы, турниры, соревнования. Появились первые положения и требования к исполнению танцев и к их судейству. Постепенно сформировались критерии оценки постановки композиции, исполнения отдельных элементов и танцевальных фигур, требования к музыкальности и эмоциональности танцоров [1; 4].

Из всех парных танцев для соревнований были отобраны танцы, наиболее интересные с точки зрения эмоционального и ритмиче-

¹ Всемирная федерация танцевального спорта (WDSF): официальный сайт. URL: <http://www.world-dancesport.org> (дата обращения: 10.04.2019).

ского содержания музыки, танцы, в которых можно было создать наиболее глубокий и интересный художественный образ [3]. Это – танцы латиноамериканской и европейской программ.

Танцы европейской программы спортивно-бальных танцев называются «стандартизированными», в учебной и научной литературе данное определение сокращается и используется как «стандарт». В иностранной интерпретации – St. В европейскую программу («Стандарт») входят 5 танцев: медленный вальс, танго, венский вальс, медленный фокстрот и квикстеп (быстрый фокстрот). Все танцы европейской программы исполняются с продвижением по линии танца (по кругу против часовой стрелки).

Танцы латиноамериканской программы спортивно-бальных танцев называются «латиноамериканскими», в учебной и научной литературе данное определение сокращается и используется как «латина». В иностранной интерпретации – La. В латиноамериканскую программу входят 5 танцев: самба, ча-ча-ча, румба, пасодобль, джайв. Самба и пасодобль исполняются по линии танца, а остальные танцы исполняются более или менее на одном месте, но перемещение в них возможны из точки в точку [9].

Российские организации по спортивно-бальным танцам являются региональными подразделениями международных организаций, которые соблюдают правила и систему. В системе спортивно-бальных танцев эти организации успешно функционируют и определяют политику спортивно-бального танцевания. В настоящее время в мире их существует четыре: WDSF, WDC, IDSU, IDSCA.

1. WDSF – World Dancesport Federation – полное официальное наименование федерации на русском языке – Всемирная федерация танцевального спорта. Сокращенное официальное наименование федерации на русском языке – ВДСФ².

Общероссийская общественная организация «Всероссийская Федерация танцевального спорта и акробатического рок-н-ролла» является членом Всемирной федерации танцевального спорта (WDSF) и Всемирной

конфедерации рок-н-ролла (WRRC), а также членом Олимпийского комитета России³.

2. WDC – World Dance Council. Полное официальное наименование федерации на русском языке – Всемирный Совет по танцу⁴.

Общероссийская общественная организация «Российский танцевальный союз» является членом WDC от России. Сокращенное официальное наименование федерации на русском языке – РТС⁵.

3. IDSU – International Dance Sport Union. Полное официальное наименование федерации на русском языке – Всемирный союз танцевального спорта⁶.

4. IDSCA – International Dance Studios and Clubs Association. Полное наименование Ассоциации на русском языке – Международная Ассоциация клубов, школ и студий танца. Сокращенное наименование на русском языке – МАСКТ⁷.

Данные организации в силу специфики своей деятельности занимаются систематизацией спортивно-бальных танцев. Можно выделить наиболее часто встречающиеся основания деления, применяемые в подобных организациях для классификации как самих танцев, так и мастерства исполнителей и мероприятий, связанных с демонстрацией спортивно-художественного материала спортивно-бальных танцев:

- возрастная группа исполнителей и/или характеристика профессионализма или любительского мастерства;
- типы конкурса;
- типы/виды танцев;
- классы мастерства исполнения.

Иногда присутствуют и иные основания деления.

³ Всероссийская Федерация танцевального спорта и акробатического рок-н-ролла (ФТСАРР): официальный сайт. URL: <http://vftsarr.ru> (дата обращения: 10.04.2019).

⁴ Всемирный Совет по танцу (WDC): официальный сайт. URL: <http://www.wdcdance.com> (дата обращения: 10.04.2019).

⁵ Российский танцевальный союз (РТС): официальный сайт. URL: <http://rdu.ru> (дата обращения: 10.04.2019).

⁶ Всемирный союз танцевального спорта (IDSU): официальный сайт. URL: <http://worlddanceunion.org> (дата обращения: 10.04.2019).

⁷ Международная Ассоциация клубов, школ и студий танца (IDSCA): официальный сайт. URL: <http://idscs.org> (дата обращения: 10.04.2019).

² Всемирная федерация танцевального спорта (WDSF): официальный сайт. URL: <http://www.worlddancesport.org> (дата обращения: 10.04.2019).

Всемирные организации по спортивно-бальным танцам в конкурсную программу включают 10 танцев (медленный вальс, танго, венский вальс, медленный фокстрот, квикстеп, самбу, ча-ча-ча, румбу, пасодобль, джайв). В WDSF, WDC и IDSU установлены одинаковые возрастные категории и классы мастерства.

В процедурном аспекте систематизации спортивно-бальных танцев некоторые всемирные организации реализуют различающиеся механизмы осуществления соревновательной деятельности: так, в WDSF, WDC, IDSU все танцоры профессионально занимаются спортивно-бальными танцами, а в IDSCA – один человек в паре является профессиональным танцором, а второй – начинающим. В WDSF принадлежность танцевальной пары к возрастной группе определяется непосредственно по дате рождения старшего в паре. Танцевальная пара переходит в новую возрастную категорию с началом нового календарного года и должна выступать в данной категории в течение всего календарного года, а в WDC и IDSU танцевальная пара переходит в новую возрастную категорию тогда, когда старшему в паре исполнится определенное количество лет.

В WDC и IDSU чемпионаты мира проводятся по всем категориям и носят открытый характер, а в WDSF данные турниры проводятся с категории юниоры-2 и в них могут участвовать не больше двух пар от каждой страны. В WDSF в латиноамериканской программе танцы исполняются в следующем порядке: самба, ча-ча-ча, румба, пасодобль, джайв, а в WDC, IDSU и IDSCA – сначала

исполняется танец ча-ча-ча, далее исполняются самба, румба, пасодобль и джайв. В WDC и IDSU камни на костюмах танцоров и макияж у партнерш разрешены с категории юниоры-1, а в WDSF – только с категории юниоры-2.

Национальные федерации, которые являются членами WDSF, по результатам соревнований присуждают танцорам спортивные разряды, а в WDC и IDSU – нет. В WDSF на соревнованиях по 10 танцам в каждом отборочном туре суммируются все оценки за все танцы, а в WDC и IDSU – соревнования в каждом танце проводятся отдельно, а затем результаты суммируются. В FTCAPP (член WDSF) и PTC (член WDC) для перехода танцоров из одного класса мастерства в следующий используются различные системы.

Как можно убедиться, в системе мирового регулирования соревновательной деятельности по спортивно-бальным танцам стихийно сформировались основания классификации большинства значимых аспектов этого спортивного искусства. Цели и задачи всех организаций: популяризация спортивно-бальных танцев как современного культурного и спортивного феномена; высокие достижения в танцевальном спорте; создание уникальной танцевальной субкультуры. Данные цели и задачи эффективно достигаются, в связи с чем можно доказательно декларировать рост значения спортивно-бальных танцев не только в профессиональном сегменте, но и как средства социально-культурной и культурно-досуговой деятельности, развивающей культурный и валеологический потенциал населения.

Список литературы

1. *Ершова О.В.* История, становление и развитие спортивно-бальных танцев. Курс лекций для студентов. М.: МГУКИ, 2011. 152 с.
2. *Гавдис М.С.* Роль спортивно-бальных танцев в формировании здорового образа жизни подрастающего поколения // Культура, наука и искусство – современные векторы развития вуза культуры: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2018. С. 212-216.
3. *Безикова А.А.* Гармонизация взаимодействия партнеров в спортивных бальных танцах: на материале подростковых групп: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2006. 25 с.
4. *Бредихин А.Ю.* Вехи истории спортивных бальных танцев и тенденции развития танцевальных программ // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 322-325.
5. *Браиловская Л.В.* Самоучитель бальных танцев: вальс, танго, самба. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. 156 с.
6. *Боттомер П.* Учимся танцевать: как научиться танцевать вальс, квикстеп, фокстрот, танго, самбу, джайв, меренгу, ламбаду и другие танцы – просто и с удовольствием! М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 256 с.
7. *Максютин Н.Ф. и др.* Социально-культурная работа за рубежом / под ред. Е.И. Григорьевой. Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2007.

8. Левина И.Д. Креативная индустрия досуга в социокультурном пространстве столичного мегаполиса // Социально-культурное взаимодействие вуза и предприятий индустрии креативного досуга в системе инновационной подготовки кадров для столичных учреждений образования и культуры: сб. науч. тр. каф. СКД ИКИ МГПУ. М., 2018. С. 44-49.
9. Ершова О.В., Смирнов Е.Г. Специфика спортивно-балльных конкурсов // Перспективы развития современной культурно-образовательной среды столичного мегаполиса: материалы науч.-практ. конф. ИКИ МГПУ: в 2 ч. / под общ. ред. С.М. Низамутдиновой. М., 2018. Ч. 2. С. 102-110.

References

1. Ershova O.V. *Istoriya, stanovleniye i razvitiye sportivno-bal'nykh tantsev* [History, Formation and Development of Sports and Ballroom Dancing]. Moscow, Moscow State Art and Cultural University, 2011, 152 p. (In Russian).
2. Gavdis M.S. Rol' sportivno-bal'nykh tantsev v formirovaniy zdorovogo obraza zhizni podrastayushchego pokoleniya [The role of sports and ballroom dances in the formation of healthy lifestyle of the younger generation]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Kul'tura, nauka i iskusstvo – sovremennyye vektory razvitiya vuza kul'tury»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Culture, Science and Art – University of Culture Modern Vectors of Development”]. Oryol, Orel State Institute of Culture, 2018, pp. 212-216. (In Russian).
3. Bezikova A.A. *Garmonizatsiya vzaimodeystviya partnerov v sportivnykh bal'nykh tantsakh: na materiale podrostkovykh grupp: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Harmonization of Partners Interaction in Sports and Ballroom Dancing: on the Teenage Groups Material. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Tyumen, 2006, 25 p. (In Russian).
4. Bredikhin A.Y. Vekhi istorii sportivnykh bal'nykh tantsev i tendentsii razvitiya tantseval'nykh program [The milestones of competitive ballroom dancing and development trends of dancing programs]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*, 2012, no. 3, pp. 322-325. (In Russian).
5. Brailovskaya L.V. *Samouchitel' bal'nykh tantsev: val's, tango, samba* [Ballroom Dancing Tutorial: Waltz, Tango, Samba]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2005, 156 p. (In Russian).
6. Bottomer P. *Uchimsya tantsevat': kak nauchit'sya tantsevat' val's, kvikstep, fokstrot, tango, sambu, dzhayv, merengu, lambadu i drugiye tantsy – prosto i s udovol'stviyem!* [Learn to Dance: How to Learn to Dance Waltz, Quickstep, Foxtrot, Tango, Samba, Jive, Merengue, Lambada and Other Dances – Simply and with Pleasure!]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2002, 256 p. (In Russian).
7. Maksutin N.F. et al. *Sotsial'no-kul'turnaya rabota za rubezhom* [Social and Cultural Work Abroad]. Tambov, 2007. (In Russian).
8. Levina I.D. Kreativnaya indstriya dosuga v sotsiokul'turnom prostranstve stolichnogo megapolisa [Creative leisure industry in the social and cultural space of the metropolitan metropolis]. *Sotsial'no-kul'turnoye vzaimodeystviye vuza i predpriyatiy industrii kreativnogo dosuga v sisteme innovatsionnoy podgotovki kadrov dlya stolichnykh uchrezhdeniy obrazovaniya i kul'tury* [Social and Cultural Interaction of the University and Enterprises of the Creative Leisure Industry in the System of Innovative Training for the Capital's Educational and Cultural Institutions]. Moscow, 2018, pp. 44-49. (In Russian).
9. Ershova O.V., Smirnov E.G. Spetsifika sportivno-bal'nykh konkursov [The specificity of sports and ballroom competitions]. In: Nizamutdinova S.M. (gen. ed.). *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii instituta kul'tury i iskusstv Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta «Perspektivy razvitiya sovremennoy kul'turno-obrazovatel'noy sredy stolichnogo megapolisa»* [Proceedings of the Scientific and Practical Conference Institute of Culture and Arts Moscow State Pedagogical University “Prospects for Development of Modern Cultural and Educational Environment of the Metropolitan Metropolis”]. Moscow, 2018, pp. 102-110. (In Russian).

Информация об авторах

Ершова Ольга Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности. Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: olli65@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, систематизация материала, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3585-6381>

Смирнов Евгений Геннадьевич, тренер-педагог Танцевально-спортивного клуба «Русский клуб», хореограф танцевально-хореографического центра ООО «Системные технологии». Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: evvgeny.smirnovv@mail.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, поиск и анализ литературы, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4954-8352>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Ершова Ольга Викторовна

E-mail: olli65@mail.ru

Поступила в редакцию 30.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 21.05. 2019 г.

Принята к публикации 05.07.2019 г.

Information about the authors

Olga V. Ershova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Social and Cultural Activities Department. Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: olli65@mail.ru

Contribution: study conception, material systematization, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3585-6381>

Evgeny G. Smirnov, Training Teacher of Dance and Sports Club “Russian Club”, Choreographer of Dance and Choreographic Center “System Technologies” LLC. Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: evvgeny.smirnovv@mail.ru

Вклад в статью: source material acquisition, literature search and analysis, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4954-8352>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Olga V. Ershova

E-mail: olli65@mail.ru

Received 30 April 2019

Reviewed 21 May 2019

Accepted for press 5 July 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-130-136
УДК 371.128.1

Формирование основ информационно-аналитической культуры обучающихся профильных экономических классов

Елена Андреевна ФЕДОТОВА

ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет»
141070, Российская Федерация, Московская обл., г. Королев, ул. Гагарина, 42
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1628-7654>, e-mail: ktf16@yandex.ru

Formation of the basis of information and analytical culture of specialized economic classes students

Elena A. FEDOTOVA

University of Technology
42 Gagarina St., Korolyov 141070, Moscow Region, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1628-7654>, e-mail: ktf16@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема профильного обучения школьников в классах с экономическим уклоном. Автор обосновывает актуальность данной проблематики, исходя из современных требований к уровню подготовки специалиста экономического профиля, формирования его профессиональных компетенций в различных смежных областях и необходимости ранней профориентации. Целью статьи является рассмотрение вышеуказанной проблемы с позиций формирования профессиональной культуры будущего специалиста на ранних этапах профессионального самоопределения и профессиональной самореализации. В частности, сделан акцент на необходимости формирования основ информационно-аналитической культуры обучающихся профильных экономических классов. Раскрыто авторское понятие информационно-аналитической культуры, необходимость формирования данного вида культуры у будущих экономистов. Рассмотрены основные области, которые входят в данное проблемное поле. Автор подходит к анализу основ формирования информационно-аналитической культуры с позиций ее роли в сфере общей культуры профессионала (в области экономики) и основных аспектов, которые определяют необходимость наличия должного уровня сформированности данного вида культуры для эффективной экономической деятельности. Для достижения результатов использованы методы теоретического анализа, синтез-вычленения структурно-компонентных элементов сложнопозиционных явлений, обобщения, описания. Результаты: представлены области (сферы), составляющие основы информационно-аналитической культуры, охарактеризованы их элементы и представлена их краткая характеристика. Авторское исследование обосновывает сущность формирования информационно-аналитической культуры обучающихся профильных экономических классов на примере практико-ориентированных основ ее успешной реализации.

Ключевые слова: информационно-аналитическая культура; обучающиеся; профильные экономические классы; области аналитической деятельности в рамках экономики; профессиональные компетенции

Для цитирования: Федотова Е.А. Формирование основ информационно-аналитической культуры обучающихся профильных экономических классов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 130-136. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-130-136

Abstract. We consider the problem of profile education of school students in classes with an economic bias. We substantiate the relevance of this issue, based on modern requirements for the level of training of an economic specialist, the formation of his professional competencies in various related fields and the need for early career guidance. The purpose of the article is to consider the

above problem from the standpoint of the professional culture formation of future specialist in early stages of professional self-determination and professional self-realization. In particular, we emphasize the need to form the basis of information and analytical culture of specialized economic classes students. We reveal the concept of information and analytical culture, the need for the formation of this type of culture among future economists. We consider the main areas that are included in this problem field. We analyze the basis of information and analytical culture formation from the standpoint of its role in the field of the general culture of a professional (in the field of economics) and the main aspects that predetermine the need for an adequate level of formation of this type of culture for effective economic activity. To achieve the results, we use the methods of theoretical analysis, synthesis-isolation of structural-component elements of complex-composition phenomena, generalization, description. Results: we present the areas (spheres) that make up the basis of information and analytical culture, we characterize their elements and present their brief description. We substantiate the essence of the information and analytical culture formation of specialized economic classes students on the example of practice-oriented basis of its successful implementation.

Keywords: information and analytical culture; students; specialized economic classes; areas of analytical activity within the economy; professional competencies

For citation: Fedotova E.A. Formirovaniye osnov informatsionno-analiticheskoy kul'tury obuchayushchikhsya profil'nykh ekonomicheskikh klassov [Formation of the basis of information and analytical culture of specialized economic classes students]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 130-136. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-130-136 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Вступление мирового сообщества в постиндустриальную эпоху, процессы глобализации бросают вызовы политическим, экономическим и образовательным парадигмам, формам и стилям мышления и деятельности, основанным на приоритете стабильности и устойчивости. Доминирующей тенденцией в мире становится нестабильность, неустойчивость, риск и неопределенность будущего.

Поэтому образование в современном мире направлено не только на формирование информационных, научных, ценностных, нормативных сторон личности, но и на составляющие, которые ориентированы на познавательные, коммуникативные возможности личности.

Формирование навыков аналитической деятельности в условиях современных реалий является необходимым условием уже на этапе профориентации и начальной профессиональной самореализации. Необходимо отметить, что любой вид профессиональной деятельности обязательно сопровождается формированием соответствующего вида культуры профессионала, критерии и показатели которой составляют основу формирования компетентности в каждом виде профессиональной деятельности.

Такая ситуация выдвигает качественно новые требования к подготовке будущих профессионалов уже на этапе школьного обучения в профильных классах, в рамках

которого закладываются первоначальные основы аналитической культуры.

Аналитическая деятельность базируется на использовании информации, которая с каждым годом увеличивается. Растет и культура поиска, отбора и анализа информации. Поэтому сегодня говорить только о воспитании аналитической культуры без учета культуры работы с информацией будет некорректно. По нашему мнению, следует рассматривать основы формирования информационно-аналитической культуры, при которой у профессионалов одновременно формируются информационные и аналитические образы в поле их деятельности.

Роль и значимость аналитической деятельности в экономике предопределена следующими основными аспектами:

- аналитическая деятельность позволяет создавать необходимые условия в рамках формирования информационной базы данных;
- аналитическая деятельность обеспечивает реализацию комплекса продуманных вариантов стратегических решений в контексте различных видов планирования: текущего, оперативного, этапного, перспективного;
- аналитическая деятельность, осуществляемая на высоком функциональном уровне, позволяет осуществить совокупность экономических решений, обуславливающих прогрессивную деятельность предприятий;

– аналитическая деятельность обеспечивает стабильность устойчивого экономического развития и мн. др. [1].

В связи с этим, рассматривая вопросы достижения должного уровня компетентности у обучающихся в школе в рамках осуществления аналитической деятельности на высоком профессиональном уровне, необходимо в контексте одной из важнейших задач рассматривать и формирование основ аналитической культуры будущих специалистов (в нашем случае, в области экономического развития).

В контексте научных исследований неоднократно подчеркивается проблема недостаточной сформированности навыков анализа у специалистов экономической и финансовой областей. Большой информационный поток различных экономических показателей затрудняет также и способность к восприятию, глубокому осознанию положения устойчивого экономического развития хозяйствующих субъектов на основе предоставляемых данных. Также это подтверждается результатами и практического опыта, в связи с чем становится актуальной возрастающая проблематика формирования у будущих профессионалов основ информационно-аналитической культуры.

Из анализа литературы известно, что аналитическая культура позволяет не только устранить имеющиеся пробелы и недостатки компетентности специалистов, но и совершенствовать свой уровень в области прогнозирования перспектив развития хозяйствующего субъекта, исходя из результатов аналитической деятельности [2].

Анализируя степень разработанности рассматриваемой проблемы, считаем необходимым отметить, что роли значимости аналитической культуры в рамках внешней и внутренней экономической деятельности предприятий уделено внимание в работах С.П. Сюлиной, М.Ю. Ворониной и др. [3; 4].

С позиций интеграции с информационной сферой экономической деятельности аналитическая культура рассмотрена в работах И.В. Седовой, И.В. Мальцевой и др. [2; 5].

В рамках методологии формирования аналитической культуры на этапах профориентации и начальной профессиональной самореализации исследовательскую ценность

представляют работы Т.В. Семеновой, Н.О. Вербицкой и др. [1].

Вышеприведенные авторы в своих работах под аналитической культурой понимали часть общей культуры профессионала экономического профиля, представляющую собой совокупность знаний, умений, навыков и компетенций в области операционной аналитики и реализуемых в строгой последовательности от сбора и анализа данных до продуцирования конкретных действий, векторов, моделей экономического развития на различных уровнях (предприятие, региональный сектор и пр.).

В отличие от аналитической культуры культура информационно-аналитическая предполагает реализацию функций оценки экономической ситуации, прогнозирования дальнейших перспектив экономического развития и поиск оптимальных путей обеспечения устойчивого развития.

Содержательная сущность информационно-аналитической культуры во многом определяется современной ситуацией. Возникающие в экономической сфере ситуации зачастую требуют оперативного действия со стороны профессионала, быстрого включения специалиста в деятельность, предусматривающую эффективность принимаемых решений, что влечет за собой необходимость формирования информационно-аналитической культуры в структуре профессиональных компетенций, обеспечивающих способность качественно оценивать ситуацию, продуцировать ряд перспектив развития на основе плюралистичности решения ситуации (зависящей от индивидуального видения и уровня аналитической культуры), а также обеспечивать эффективность развития предприятия [6].

Именно информационно-аналитическая культура, составляющая структурно-компонентный элемент общей культуры профессионала, позволит решать экономические задачи на качественно новом уровне, регулируемом постоянно возрастающими требованиями к компетентности специалиста [4].

Среди существующих на сегодня критериев сформированности аналитической культуры специалиста экономического профиля выделяют такие, как:

– *оценочный критерий*, заключающийся в способности выявить, аналитически

оценить и оперативно использовать экономическую информацию (показатели: вычленение нужных данных из общего контента; анализ данных; формулирование аналитических выводов и т. п.);

– *операциональный критерий*, заключающийся в способности правильно оценить роль и значимость информации для экономических перспектив предприятия (показатели: обработка массивов экономических данных; аналитическая интерпретация результатов и т. д.);

– *прогностический критерий*, предполагающий возможности разработки перспектив (на основе полученных аналитических данных) экономического развития хозяйствующего субъекта и пр.

Однако также стоит отметить и то, что аналитическая культура представляет собой достаточно сложнокомпозиционное явление, в связи с чем оценка содержательности ее критериев и показателей несколько затруднена [6].

В связи с этим, чтобы наметить пути ее формирования и развития на этапе профорientации будущих экономистов (например, у обучающихся профильных экономических классов), нужно понимать, какие стратегические цели и задачи могут быть эффективно решены для хозяйствующих субъектов, в связи с чем формирование ее [аналитической культуры] основ можно структурировать, объединив ряд аспектов:

– соответствие уровня аналитической культуры требованиям, определяющим роль и значимость информации, которая необходима для достижения намеченных результатов в рамках деятельности предприятий;

– выявление информационного контента, подлежащего аналитической обработке (например, затраты, результаты, финансовые потоки, политика иных хозяйствующих субъектов на рынке, результативность производственных процессов (движение по группам основных фондов предприятия, оценка состояния основных фондов, оценка данных для анализа движения основных производственных фондов и мн. др.);

– уровень готовности к следующим видам деятельности: расчетно-экономической, учебно- и научно-исследовательской, организационно-управленческой;

– уровень сформированности знаний, умений и навыков для подготовки аналитической информации для разработки каких-либо необходимых вариантов решений.

Учитывая данные аспекты в процессе формирования основ аналитической культуры обучающихся профильных экономических классов, считаем необходимым отметить, что основными областями (а также соответствующими знаниями, умениями, навыками и компетенциями) в рамках данного процесса будут являться следующие:

– *поиск необходимой информации, определенный характеристиками аналитической задачи, а также сбор, обработка, анализ данных и их хранение;*

– *формирование оснований аналитической культуры в данной структурной области будет связано с уровнем развития способностей обучающихся включаться в процесс достижения соответствия скорости поступательного увеличения объемов необходимой для анализа информации, а также владением прогрессивной методологией ее поиска.*

Обращаясь к основаниям аналитической культуры в области информационного поиска, необходимо отметить, что она [аналитическая культура] будет складываться из владения способностью к выполнению совокупности последовательных операционных действий, применяемых в сфере структурированных и неструктурированных данных для получения необходимой информации для анализа, которая может содержать как текстовые данные, так и цифровые, а также символные, то есть все данные, которые удовлетворяют критериям поиска. Также данная область, в рамках которой формируются основания аналитической культуры обучающихся, предполагает определенный уровень владения информационно-поисковым языком и информационно-поисковой системой, которые в ракурсе совокупности действий, методов и процедур позволяли бы эффективно осуществлять отбор определенного рода информации из массива данных, в классическом варианте подразумевая под ним поиск документов, удовлетворяющих запросу некоторой документированной аналитической аккумуляции [7; 8].

Помимо этого, данная структурно-компонентная область основ аналитической

культуры определяется: умениями правильно поставить задачу информационного поиска данных, которая определяет быстрый выбор документов, удовлетворяющих критериям поиска, информационной потребности и запросу без детального прочитывания или сканирования содержания; индексированием информации и обработкой информации из любой необходимой области с последующим формированием индекса документов;

– *анализ, оценка, интерпретация полученных результатов, определяющая обоснование экономических выводов.* Такой анализ позволит сохранять и укреплять конкурентные позиции, осуществляя качественный и количественный рост, а также оценивать внутренние резервы внутреннего экономического потенциала. В этом аспекте формирование аналитической культуры у обучающихся профильных экономических классов будет опосредовать развитие способности видения условий обеспечения непрерывности жизненного цикла хозяйствующего субъекта. Также необходимо отметить, что в данном контексте формирования основ аналитической культуры обучающихся достаточно значимую роль будет играть их [обучающихся] компетентность в области грамотной обработки и хранения данных в компьютерных системах (например, анализ, обработка и хранение данных деловой активности предприятия или хранение данных оценки ресурсного потенциала предприятия, полученных путем расчета ряда критериев, так как, например, критерий состояния технической базы или рыночной устойчивости и пр.). Основы аналитической культуры в данной области работы с данными будут заключаться в умениях, навыках и компетенциях обучающихся, связанных также с обменом данными и обеспечением к ним доступа, которые невозможны без представленных описаний их свойств.

Таким образом, обучающимся профильных экономических классов необходимо уметь предоставить грамотный и четкий вариант для формулировки запросов, чтобы получить то, что удовлетворит критериям поиска. Описания такого рода называются *метаданными*.

Под метаданными понимают структурированные данные об информации или описание контента. Это позволяет идентифициро-

вать информационные ресурсы, управлять ими, осуществлять их поиск. При работе с электронными документами и поиске информации метаданные имеют большое значение. Согласно стандарту, метаданные представлены как совокупность данных, отражающих контекст, содержание, структуру и управление электронными документами в течение определенного временного периода [9; 10].

Также в рамках формирования аналитической культуры при работе с данными обучающиеся должны понимать, что делопроизводственные метаданные используются, прежде всего, для описания таких свойств документа, как содержание, структура и контекст. Запись метаданных состоит из набора атрибутов или элементов, необходимых для описания определенного ресурса (объекта) [10; 11];

– *проведение аналитических расчетов экономических и социально-экономических показателей на основе типовых методик с учетом критериев действующей нормативно-правовой базы и локальных актов.* В этом аспекте основы формирования аналитической культуры будут отражаться в уровне сформированности умений и навыков обучающихся профильных экономических классов оперативном использовании необходимой информации, оперативной ее обработке, обуславливающей квалифицированное планирование деятельности, включая навыки контроля, объективного анализа и прогнозирования. Например, при расчете ресурсного потенциала предприятия обучающиеся должны знать, что данный метод предусматривает несколько этапов: на первом этапе производится расчет единичных показателей критериев оценки ресурсного потенциала (таких как, например, уровень организации производства, уровень технической базы предприятия и пр.), на втором – рассчитываются критерии ресурсного потенциала (например, критерий состояния материально-технической базы, критерий деловой активности предприятия и пр.), на третьем – производится расчет общего рейтинга предприятия. Таким образом, рассматривая данную область, необходимо отметить, что в процессе формирования основ аналитической культуры обучающихся профильных экономических классов необходимо, хоть и первичное,

но практико-ориентированное знакомство с методикой подхода к аналитической оценке в области экономики [3; 9; 11].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что следует говорить о формировании информационно-аналитической культуры, отражающей критериальную специфику именно этого вида культуры, а также ее содержательное наполнение и инструментарий, которые определяются сущностью и характером самой аналитической деятельности в экономической области.

Опираясь на проведенный аналитический обзор, отметим, что определение понятия «информационно-аналитическая культура» представляет собой совокупность знаний, умений, навыков и компетенций в области операционной аналитики и реализуемых в строгой последовательности от сбора

и анализа данных до продуцирования конкретных действий, векторов, моделей экономического развития на различных уровнях, а также предполагает реализацию функций оценки экономической ситуации, прогнозирования дальнейших перспектив экономического развития и поиск оптимальных путей обеспечения устойчивого развития.

Формирование основ информационно-аналитической культуры обучающихся профильных классов уже на ранних этапах профессиональной самореализации позволяет оценить те задачи, эффективное выполнение которых будет определять верные стратегии экономического развития предприятия, а также позволит более контекстно «погружаться» в поле профессии на основе успешного решения прикладных профессионально ориентированных задач.

Список литературы

1. Семенова Т.В. Привитие учащимся аналитической культуры на факультативных занятиях по математике в 8-м классе средней школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1968. 9 с.
2. Седова И.В. Формирование основ информационно-аналитической культуры бакалавров экономики в вузе // Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. № 9-1. С. 231-234.
3. Воронина М.Ю. Методические подходы к оценке эффективности слияния/поглощения предприятий // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири. Сибресурс: материалы 13 Междунар. науч.-практ. конф. Кемерово, 2010. Т. 2. С. 44-47.
4. Сюлина С.П. Внутренняя и внешняя аналитическая деятельность на производственных предприятиях // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 23. С. 38-42.
5. Мальцева И.В. Информационно-аналитическая культура сотрудников органов внутренних дел: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.
6. Елагина Л.В., Сергеева Н.А. Формирование культуры профессиональной деятельности будущего специалиста на основе компетентностного подхода // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 4. С. 58-69.
7. Хорошилов А.В., Селетков С.Н., Днепровская Н.В. Управление информационными ресурсами. М.: Финансы и статистика, 2006. 270 с.
8. Шокин Ю.И., Федотов А.М., Барахнин В.Б. Проблемы поиска информации. Новосибирск: Наука, 2010. 220 с.
9. Ярома О.В. Использование творческих заданий в развитии информационно-аналитических умений учащихся // Пермский педагогический журнал. 2013. № 4. С. 15-21.
10. Burnett K., Kwong Bor Ng., Park S. A comparison of the two traditions of metadata development // J. of the American Society for Information Science. 1999. Vol. 50. № 13. P. 1209-1217.
11. Hofman H. Metadata and the management of current records in digital form // International Council on Archives, Committee on Electronic and Other Current Records. 2000. July.

References

1. Semenova T.V. *Privitiye uchashchimsya analiticheskoy kul'tury na fakul'tativnykh zanyatiyakh po matematike v 8-m klasse sredney shkoly: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Inoculation students with an analytical culture in optional math classes in 8th grade of secondary school. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1968, 9 p. (In Russian).
2. Sedova I.V. *Formirovaniye osnov informatsionno-analiticheskoy kul'tury bakalavrov ekonomiki v vuze* [Basis of information and analytical culture formation of bachelors of economics at a university]. *Vestnik*

- universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya) – University Bulletin (The State University of Management)*, 2012, no. 9-1, pp. 231-234. (In Russian).
3. Voronina M.Y. Metodicheskiye podkhody k otsenke effektivnosti sliyaniya/pogloshcheniya predpriyatiy [Methodic approaches to evaluating the effectiveness of mergers/acquisitions of enterprises]. *Materialy 13 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Prirodnyye i intellektual'nyye resursy Sibiri. Sibresurs»* [Proceedings of the 13th International Scientific and Practical Conference “Natural and Intellectual Resources of Siberia. Sibresours”], 2010, vol. 2, pp. 44-47. (In Russian).
 4. Syulina S.P. Vnutrennyaya i vneshnyaya analiticheskaya deyatel'nost' na proizvodstvennykh predpriyatiyakh [Internal and external analytic activity in industrial enterprises]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, 2011, no. 23, pp. 38-42. (In Russian).
 5. Maltseva I.V. *Informatsionno-analiticheskaya kul'tura sotrudnikov organov vnutrennikh del: sotsiologicheskyy analiz: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Informational and analytical culture of law enforcement officers: a sociological analysis. Cand. social. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2009, 219 p. (In Russian).
 6. Elagina L.V., Sergeeva N.A. Formirovaniye kul'tury professional'noy deyatel'nosti budushchego spetsialista na osnove kompetentnostnogo podkhoda [Formation of a professional activity culture of future specialist based on the competence-based approach]. *Sibirskiy pedagogicheskyy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*, 2008, no. 4, pp. 58-69. (In Russian).
 7. Khoroshilov A.V., Seletkov S.N., Dneprovskaya N.V. *Upravleniye informatsionnymi resursami* [Information Resource Management]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 2006, 270 p. (In Russian).
 8. Shokin Y.I., Fedotov A.M., Barakhnin V.B. *Problemy poiska informatsii* [Problems of Information Retrieval]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2010, 220 p. (In Russian).
 9. Yaroma O.V. Ispol'zovaniye tvorcheskikh zadaniy v razvitiy informatsionno-analiticheskikh umeniy uchashchikhsya [Use of creative tasks in the development of information and analytical skills of students]. *Permskiy pedagogicheskyy zhurnal* [Perm Pedagogical Journal], 2013, no. 4, pp. 15-21. (In Russian).
 10. Burnett K., Bor Kwong Ng., Park S. A comparison of the two traditions of metadata development. *J. of the American Society for Information Science*, 1999, vol. 50, no. 13, pp. 1209-1217. (In Russian).
 11. Hofman H. Metadata and the management of current records in digital form. *International Council on Archives, Committee on Electronic and Other Current Records*, 2000, July.

Информация об авторе

Федотова Елена Андреевна, преподаватель. Технологический университет, г. Королев, Московская обл., Российская Федерация. E-mail: ktf16@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, сбор данных, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1628-7654>

Поступила в редакцию 18.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 10.05.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Elena A. Fedotova, Lecturer. University of Technology, Korolyov, Moscow Region, Russian Federation. E-mail: ktf16@yandex.ru

Contribution: study conception, data acquisition, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1628-7654>

Received 18 April 2019

Reviewed 10 May 2019

Accepted for press 23 August 2019

Подходы к фрактальному моделированию процессов освоения зоны южнорусского фронта: новая версия модели

Дмитрий Сергеевич ЖУКОВ, Валерий Владимирович КАНИЩЕВ,
Сергей Константинович ЛЯМИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4561-2882>, e-mail: inaternatum@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0772-7053>, e-mail: valcan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5357-8517>, e-mail: laomin@mail.ru

Approaches to fractal modeling of development processes of the South Russian frontier zone: new version of the model

Dmitry S. ZHUKOV, Valery V. KANISHCHEV, Sergey K. LYAMIN

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4561-2882>, e-mail: inaternatum@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0772-7053>, e-mail: valcan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5357-8517>, e-mail: laomin@mail.ru

Аннотация. Предложены новые подходы к фрактальному моделированию процессов освоения зоны южнорусского фронта. Предложено рассматривать эти процессы на более дробных отрезках времени и на уровне развития отдельных поселений, возникших на фронтальной территории. В оборот вновь введены материалы статистических и справочных изданий первой половины XIX века. Изучение новых материалов позволило сформировать новые индикаторы модели: соотношение земледелия и скотоводства в отдельных уездах; степень соответствия хлебных цен в городах зоны фронта ценам в метрополии. В результате уточнено ранее сформулированное положение о том, что к середине XIX века все уезды юга Центральной России вошли в состав старомосковской метрополии. При этом уточнено, что на временных «отсечках» 1820 и 1840 гг. оставались единичные уезды, не полностью освоенные в экономическом и социальном отношениях. Намечены первые подходы к моделированию процессов освоения зоны фронта на поселенном уровне по таким показателям, как период основания, социальный состав первых поселенцев, места выселения, изменения социального состава населения отдельных поселений в период освоения территории фронта.

Ключевые слова: Российское государство; фронт; метрополия; уезды; поселения; моделирование; фракталы; историческая информатика

Благодарности: Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00313 А, проект «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Для цитирования: Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Подходы к фрактальному моделированию процессов освоения зоны южнорусского фронта: новая версия модели // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 137-150. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-137-150

Abstract. We propose new approaches to the fractal modeling of development processes of the South Russian frontier zone. We propose to consider these processes in more partitive periods of time and at the level of individual settlements development that arose on the frontier territory. We introduce materials of statistical and reference publications of the first half of the 19th century.

Study of new materials allowed to generate new model indicators: the ratio of agriculture and farming in individual counties; the compliance degree of grain prices in towns of frontier zones to the metropolis prices. In the result we refine the previously formulated provision stating that by the mid 19th century all counties of South-Central Russia became part of the Old-Moscow metropolis. We specify that on 1820 and 1840 time segments isolated counties remained not fully developed in economic and social terms. We outline the first approaches to modeling the development processes of the frontier zone at the settlement level on such criteria as the period of foundation, social composition of the first settlers, places of settlement. Changes in the social composition of the individual settlements population during the frontier development.

Keywords: Russian state; frontier; metropolis; counties; settlements; modeling; fractals; historical informatics

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-09-00313 A, "Russian frontier: social and economic dynamics, everyday and household population models, formation of state territory and mobile border. 16th – early of 19th century (on materials of the southern and southeastern counties of the Central European Region)".

For citation: Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Podkhody k fraktal'nomu modelirovaniyu protsessov osvoeniya zony yuzhnorusskogo frontira: novaya versiya modeli [Approaches to fractal modeling of development processes of the South Russian frontier zone: new version of the model]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 137-150. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-137-150 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Как мы уже не раз отмечали, наличие у любой модели признака приблизительного представления исторического объекта требует расширения набора показателей для достижения ее большей точности [1]. Источниковая база первой половины XIX века позволяет провести более частые временные замеры и точнее определить период установления в модельном пространстве тождества зоны фронта и метрополии.

Помимо уточнения процесса освоения фронта по «узким» отрезкам времени мы также попытались «дробить» пространственное изучение зоны фронта, посмотреть процессы освоения этой зоны на уровне отдельных населенных пунктов. На этом уровне появляются возможности рассмотреть множество деталей сложного процесса. С помощью моделирования эти детали можно неоднократно «прокрутить» и соединить в большую, во многом достоверную картину.

На данном этапе моделирования мы решили обратить внимание на наиболее изученные показатели возникновения первых поселений в зоне фронта;

- время возникновения в соответствии с этапами освоения фронта;
- социальный облик первопоселенцев и его изменения в процессе освоения фронта;
- места выселения первопоселенцев (старомосковские уезды, ранее освоенные

поселения зоны фронта, соседние южные и восточные земли).

При оценке источниковой базы исследования дробных временных периодов приходится учитывать, что даже в источниках XIX века заметны многочисленные источниковедческие проблемы, связанные с различными методами создания разных групп массовых источников.

В традиционных описательных исследованиях преодоление этих противоречий потребовало бы многочисленных и пространственных оговорок. Выбор вероятностного моделирования позволяет сделать одну оговорку: «модельеры» не претендуют на абсолютную точность результатов. В данном случае мы можем твердо заявить, что невозможно абсолютно точно определить момент и все обстоятельства полного вхождения территории южнорусского фронта в состав московской метрополии. Но с помощью модели мы сможем в достаточной мере определить основные параметры этого процесса. Поэтому в отношении источниковой базы мы можем обойтись без «жесткой» критики и рассуждать об их достаточности для формирования адекватных индикаторов модели.

Проще всего обстоит дело с данными о площадях изучаемых нами уездов, которые достаточно точно стали измеряться уже в середине XIX века. В частности, они на по-

уездном уровне были опубликованы уже в 1840-е гг.¹ Поскольку территории уездов юга Центра России и прилегающих к нему регионов в начале XX века сложились окончательно, сведения об их площадях могут быть использованы для вычисления плотности населения на момент нескольких ревизий.

Анализ окладных книг 7–9 ревизий, подготовленных в 1817, 1834–1836, 1850–1850 гг., позволяет утверждать, что в них достаточно сведений для определения плотности населения [3]. Более того, в окладных книгах 8-й и 9-й ревизий для всего населения, кроме податных сословий, стали учитываться «сверх того» представители других слоев населения.

Материалы ревизий использовались также для расчета индикаторов национальной, религиозной, социально-сословной принадлежности населения конкретных уездов зоны фронта на предмет определения тождественности этих показателей населению метрополии.

Приходится учитывать, что данные ревизских переписей для определения этих показателей нередко имеют не очень точные значения, косвенный характер.

Эти проблемы возникают даже при определении социального облика жителей фронтальных территорий и старомосковского Центра России. В принципе очевидно, что городские сословия, удельные и помещичьи крестьяне были коренными слоями российского «отечества», а однодворцы и другие группы государственных крестьян – бывшие служилые люди являлись специфическими слоями фронтального общества. Но ревизии вплоть до XIX века учитывали и особые категории населения (войсковые обыватели и поселяне; приписные к собственным домам; платящие подушную подать христиане; малороссы; отставные солдаты, нигде не записанные и др.), которые «с ходу» сложно отнести к населению метрополии и фронта. Поэтому в данном случае приходится прибегать к экспертным оценкам. Полагаем, что погрешность в этих оценках невелика, поскольку перечисленные неопределенные группы населения насчитывали максимум несколько сотен человек на уезд при десятках тысяч всего населения.

¹ Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841. С. 338–339, 348–349, 358–361, 366–369, 373–374, 378–379.

Сложнее обстояло дело с определением национальной и религиозной принадлежности жителей зоны фронта. До середины XIX века в российской статистике такие показатели вообще не определялись. В 1840–1850-е гг. стали собираться сведения о религиозном составе населения Российской империи², которые косвенно можно применять и для определения национального состава населения (например, католики – поляки, лютеране – немцы, мусульмане – татары и т. п.). Этих косвенных данных вполне достаточно для того, чтобы в ходе фрактального моделирования определить, насколько население зоны фронта было тождественным населению метрополии, то есть было русским и православным.

Для определения национального и религиозного состава жителей изучаемых уездов на 1820 и 1840 гг. мы использовали данные окладных книг 1817 и 1834–36 гг. о таких нехарактерных для метрополии национально-религиозных группах, как яские крестьяне, будные крестьяне, мурзы и татары, цыгане, немецкие колонисты и некоторые другие.

В первой половине XIX века стали появляться статистические издания, в которых содержались сведения социально-экономического характера, в том числе на губернском и уездном уровнях. Для проведения своих модельных экспериментов мы использовали записки генерал-губернатора Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний А.Д. Балашова, статистические очерки К.И. Арсеньева, военно-статистические обозрения отдельных губерний юга Центральной России³ [3; 4].

² Ведомости о населении России по уездам губерний и областей. СПб., 1850. С. 8–9, 16–19, 24–27, 30–33, 39–39.

³ Краткие записки к статистической таблице округа, порученного надзору генерала-адъютанта Балашова. М., 1823; Военно-статистическое обозрение. Т. V. Ч. 4. Саратовская губерния. СПб., 1952; Военно-статистическое обозрение. Т. VI. Ч. 3. Рязанская губерния. СПб., 1858; Военно-статистическое обозрение. Т. VI. Ч. 4. Тульская губерния. СПб., 1852; Военно-статистическое обозрение. Т. VI. Ч. 5. Орловская губерния. СПб., 1850; Военно-статистическое обозрение. Т. XIII. Ч. 1. Тамбовская губерния. СПб., 1851; Военно-статистическое обозрение. Т. XIII. Ч. 2. Воронежская губерния. СПб., 1850; Военно-статистическое обозрение. Т. XIII. Ч. 3. Курская губерния. СПб., 1850; Военно-статистическое обозрение. Т. XIII. Ч. 4. Пензенская губерния. СПб., 1849.

В первую очередь материалы этих изданий дали нам возможность вычислить такой показатель, как степень распаханности территорий уездов зоны фронта. Данные этих источников позволили впервые поставить вопрос о соотношении земледельческих занятий, преобладавших в метрополии, и скотоводческих занятий, сохранявших ведущую роль в некоторых уездах фронта.

Для вычисления доли пашни в угодьях уездов зоны фронта 1820-х гг. определенные возможности дают статистические таблицы, подготовленные под руководством генерал-губернатора А.Д. Балашова, содержащие необходимые сведения по большей части губерний рассматриваемого региона⁴. В этих таблицах есть сведения о площадях губерний и размерах пахотных угодий в губерниях «подотчетных» генерал-губернатору. Расчеты исходных данных о степени распаханности этих территорий в сравнении с данными предыдущего и последующего периодов выглядят вполне реалистично. Хотя мы не имеем сопоставимых данных этого же времени по Курской, Пензенской и Саратовской губернии, мы посчитали допустимым для моделирования распространить на них данные соседних губерний.

Весьма полезным оказался анализ материалов военно-статистических обзоров, которые готовились в 1840-е гг. по всем губерниям России по единой методике. Во всех выпусках этого издания представлены специальные вычисленные весьма подготовленными офицерами таблицы поуездного распределения природных угодий, в том числе распаханных земель. Помимо получения индикаторов для 1840 г., используя данные военно-статистических обзоров, мы уточнили ранее использованные в моделировании данные о полевой распахке для середины XIX века, собранные из разных неоднородных источников.

В ходе нового этапа работ по теме был добавлен (для XIX века) еще один индикатор «преобладание земледелия над скотоводством» (H_{x4}). Описание этого индикатора представлено в Приложении 1. Данные о соотношении земледелия и скотоводства в уездах изучаемых губерний были взяты из очерков

К.И. Арсеньева, который прямо назвал уезды, в которых скотоводство вплоть до 1840-х гг. продолжало играть большую роль. За отсутствием других данных мы признали сведения К.И. Арсеньева вполне приемлемыми для 1820 г. и весьма вероятными для самой середины XIX века [3].

На данном этапе был также добавлен индикатор «соответствие цены на хлеб в уезде ценам в метрополии (Москве)» (H_{y7}). Этот индикатор указывает именно на вовлеченность территории в русский мир. Согласование цен свойственно единому рынку, а включенность во всероссийский рынок указывала на геополитическую принадлежность территории. Описание этого индикатора представлено в Приложении 2.

В формулы генерализации индикаторов для получения H_x и H_y внесены изменения в связи с появлением новых индикаторов – Приложение 3.

Напомним, что эксперименты с Фронтис Фракталом сводятся к получению аттракторов различных уездов. Во всех экспериментах по каждому уезду аттракторы оказались собраны в одну точку: один уезд – одна точка. Эта точка демонстрирует потенциал территории – возможный итог ее развития в среднесрочной перспективе. Эта точка может не совпадать с реальным положением дел, поскольку некоторые неучтенные в модели обстоятельства могут ускорить или помешать эволюции системы.

На рис. 1–6 представили результаты новых экспериментов, которые точнее показали движение отдельных фронтисных территорий в сторону метрополии. Напомним, что нахождение точки в нижнем левом квадрате фазового пространства модели обозначает нахождение конкретного уезда в зоне «русской пустоши» (территории, в административном отношении вошедшей в состав Русского государства, но неполностью освоенной в социально-экономическом отношении), нахождение точки в правом нижнем квадрате означает уже полное вхождение конкретного уезда в состав метрополии (отечества).

Мы посчитали наиболее наглядными рисунки по Воронежской и Тульской губерниям. Остальные рисунки с отражением результатов моделирования процессов освоения зоны фронта на разных отрезках первой половины XIX века в других губерниях

⁴ Краткие записки к статистической таблице округа, порученного надзору генерала-адъютанта Балашова. М., 1823.

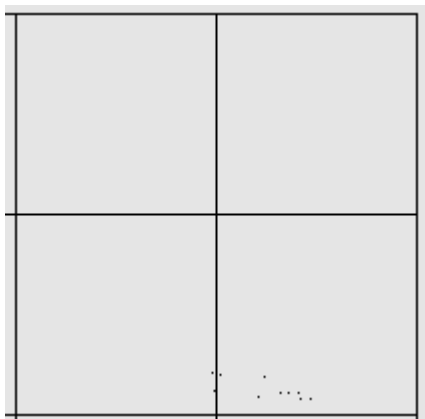

Рис. 1. Результаты моделирования, Воронежская губерния, управляющие факторы 1820-х, результаты (аттракторы) на середину XIX века

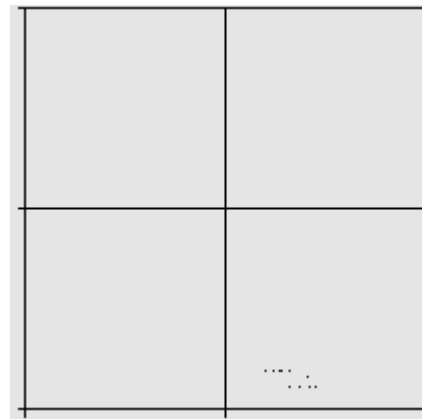

Рис. 4. Результаты моделирования, Тульская губерния, управляющие факторы 1820-х, результаты (аттракторы) на середину XIX века

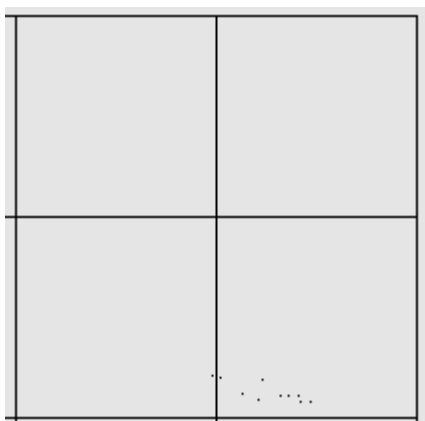

Рис. 2. Результаты моделирования, Воронежская губерния, управляющие факторы 1840-х, результаты (аттракторы) второй половины XIX века

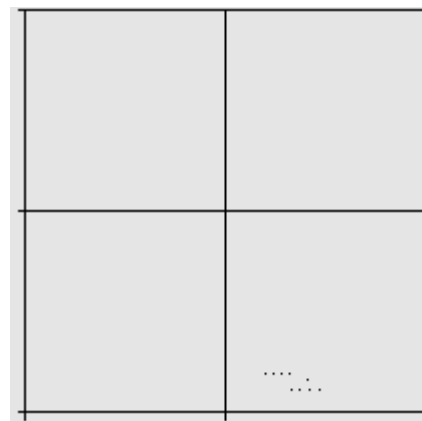

Рис. 5. Результаты моделирования, Тульская губерния, управляющие факторы 1840-х, результаты (аттракторы) второй половины XIX века

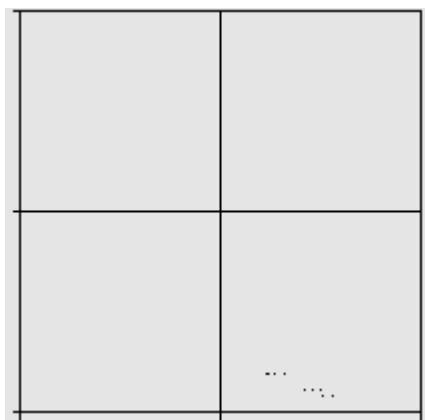

Рис. 3. Результаты моделирования, Воронежская губерния, управляющие факторы середины XIX века, результаты (аттракторы) конца XIX века

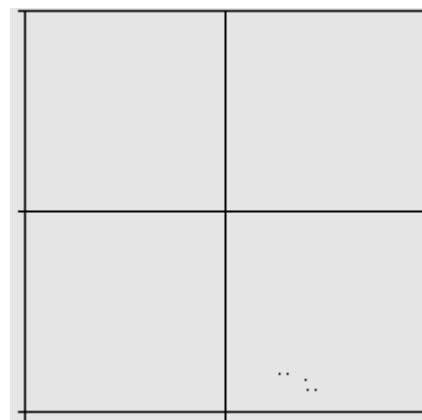

Рис. 6. Результаты моделирования, Тульская губерния, управляющие факторы середины XIX века, результаты (аттракторы) конца XIX века

Юга России можно увидеть на сайте Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов (www.ineternum.ru).

Сравнения рис. 1–6 показывают, что все аттракторы уездов Тульской губернии уже с 1820-х гг. оказались в квадрате метрополии, то есть полностью входили в ее состав. Применительно к Воронежской губернии рис. 1–6 показывают на разных отрезках первой половины XIX века, что некоторые уезды продолжали переход из фронтирного в «отечественное» состояние.

Важнейшим подходом в моделировании исторических процессов является сравнение реальных и модельных данных. Поскольку модель показывает, что должно было бы быть, если бы потенциал территории реализовался бы в полной мере без стимулирующих или сдерживающих обстоятельств. Мы, как минимум, можем отследить, когда и где реальные процессы шли медленнее или с опережением, нежели идеальные закономерности.

Проведенные новые эксперименты по построению очередной версии модели ФронтирФрактал показали, что к середине XIX века между смоделированными данными и реальными состояниями территорий обнаруживаются расхождения, которые, как мы понимаем, позволяют сделать некоторые выводы относительно финальной стадии фронтирных процессов.

На рис. 7 черные точки – полученные в результате моделирования аттракторы состояния отдельных уездов, квадратиками – верифицированные данные об уровне развития уезда, известные по историческим документам и литературе. Мы посчитали наиболее наглядным рисунок по Воронежской губернии, который показывает, что, в отличие от модельных результатов по устоявшимся в исторической науке мнениям, все уезды этого региона в 1820-е гг. уже вошли полностью в состав метрополии. Остальные рисунки можно увидеть на сайте Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов (www.ineternum.ru).

Сравнение реальных данных с модельными по нескольким отрезкам первой половины XIX века приводит к некоторым новым наблюдениям и выводам относительно большей части уездов и губерний.

Модель более пессимистична в оценке уровня социально-экономического развития

территорий. Модель явно занижает скорость развития. Квадраты реальных состояний оказались существенно более смещены влево вдоль оси x , нежели черные (модельные) точки. Возможно, это результат того, что философия модели ориентирована на симуляцию переходных процессов во фронтирной зоне, а многие губернии и их уезды к середине XIX века уже перестали быть таковыми и реально вошли в состав метрополии.

Истоки этого эффекта, мы полагаем, главным образом, заключаются в том, что темпы социально-экономического развития изученных территорий существенно ускорились в рассматриваемый период. Именно поэтому простой перенос тенденций и закономерностей предшествующих двух веков на XIX век (что и делает модель) привел к недоучету форсирования всех процессов.

В целом, модель адекватно воспроизводит степень вовлеченности территорий в русский мир (положение точек вдоль оси y). Однако имеется принципиально важное расхождение в конфигурации облаков аттракторов. Модель недоучитывает сохранение разнообразия уездов. Красные (реальные) точки вдоль оси y более разбросаны, нежели в модели, где все черные точки имеют почти одинаковые координаты y . Модель обнаруживает, что большой унифицирующий потенциал на самом деле не реализовался. Империя была способна намного быстрее преодолевать разнообразие и местную специфику. На

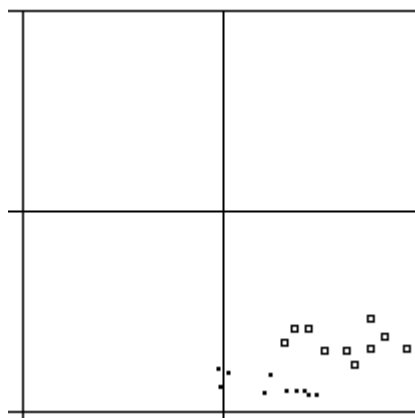

Рис. 7. Сравнение смоделированных (черные точки) и реальных (квадраты) состояний уездов на середину XIX века (управляющие факторы 1820 г.), Воронежская губерния

самом деле этого не произошло в силу большого объективного разнообразия территорий юга Центральной России, которое порождало «нелинейные эффекты» в освоении зоны фронта.

В своих новых построениях мы стремимся также учесть особенности процесса освоения южнорусского фронта на уровне отдельных поселений, что позволяет определить, оставались ли на юге Центральной России в середине XIX века какие-либо анклав, заметно сохранявшие до этого времени в повседневной жизни признаки фронтального прошлого.

Сведения для моделирования процессов освоения фронта на уровне отдельных поселений были извлечены из наиболее информативных региональных справочных изданий, сконцентрировавших материалы многих первичных источников по истории населенных пунктов: Липецкой и Пензенской энциклопедий, а также двух книг краеведа Н.В. Муравьева о возникновении населенных пунктов Тамбовской области [4–6].

При всей информационной насыщенности этих изданий они не обладают абсолютной полнотой фактов по первоначальной истории населенных пунктов зоны фронта.

Так, в Липецкой энциклопедии представлены справки о 1400 с лишним населенных пунктах, но только в 729 есть данные о времени их возникновения.

В Пензенской энциклопедии данные о времени возникновения представлены во всех 104 справках о населенных пунктах области. Но это далеко не полное число населенных пунктов, возникших в Пензенской губернии в период освоения южнорусского фронта. В Списке населенных мест Пензенской губернии на 1864 г. числится 1799 поселений, возникших к середине XIX века⁵. Даже если учесть, что нынешняя Пензенская область меньше губернии, все равно ясно, что в Пензенской энциклопедии описано примерно 10 % поселений XIX века, существовавших и существующих на территории современной области.

В книгах Н.В. Муравьева содержатся сведения о возникновении почти 1000 населенных пунктов региона. Около 700 из них, по его данным, возникли до середины XIX

века, а более 300 – в 1910–1930 гг. По данным Списка населенных мест Тамбовской губернии на 1862 г., к середине XIX века, то есть в период освоения фронта на современной территории Тамбовской области возникло 1660 поселений⁶. Получается, что в книгах Н.В. Муравьева нет сведений о появлении более чем половины поселений региона в период XVII – первой половины XIX века.

Для того чтобы не оказаться в положении «выдумщиков», мы должны выяснить, почему в данных источниках сведения о возникновении населенных пунктов оказались неполными. Авторы Липецкой энциклопедии прямо заявили, что они не стремились к строгой научности и, вероятно, опубликовали то, что им было доступно в печатных изданиях, не обращаясь к архивным источникам.

Составители Пензенской энциклопедии ничего не сказали о принципе включения в издание статей о населенных пунктах. Мы предполагаем, что это статьи о наиболее крупных и известных поселениях.

Н.В. Муравьев сам объяснил, что брал для своей первой книги преимущественно крупные и средние населенные пункты. Применительно к обеим книгам он признавал, что о некоторых поселениях он не нашел первичные сведения. При этом он не использовал такие крупные публикации первой половины XIX века, как Списки населенных мест Тамбовской губернии 1862 г., Военно-статистическое обозрение Тамбовской губернии, архивные материалы Генерального межевания и межевания Менде. Объективно это связано с огромной трудоемкостью работы с первичными источниками, которая в полном объеме непосильна для отдельных, даже самых старательных исследователей.

Моделирование как раз позволяет избежать эту трудоемкость, зачастую не дающую точных датировок. Нам важно выяснить не точные годы, а временные периоды возникновения населенных пунктов во фронтальной зоне.

Таблица 1, несмотря на явно различное количество данных по разным областям, все-таки показывает определенные различия в темпах заселения отдельных частей южнорусского фронта.

⁵ Списки населенных мест Российской империи. Пензенская губерния. Спб., 1869.

⁶ Списки населенных мест Российской империи. Тамбовская губерния. Спб., 1866.

Таблица 1

Время образования населенных пунктов Липецкой, Пензенской, Тамбовской областей

Период переселения	Количество населенных пунктов, абс.ч./%		
	Липецкая область	Пензенская область	Тамбовская область
До середины XVII века	208*/29	2/2	42/6
Вторая половина XVII века	167/23	48/46	45/7
XVIII век	331/45	46/44	247/35
Первая половина XIX века	23/3	9/8	364/52
Итого	729/100	104/100	698/100

Источник: Липецкая энциклопедия: [в 3 т.] / ред.-сост.: Шальнев Борис Михайлович, Шахов Василий Васильевич. Рязань; Липецк, 1999–2001; Муравьев Н.В. Из истории возникновения населенных пунктов Тамбовской области. Воронеж, 1988; Муравьев Н.В. Изначальная история населенных пунктов Тамбовской области. Тамбов, 1992; Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001.

Примечание. *Данные максимальные, так как в источнике часто указывается XVII век вообще.

Очевидно наиболее раннее начало массового заселения территории современной Липецкой области, которая своей северной частью примыкала к древнерусским елецким и рязанским землям, а западной и центральной частями входила в зону Белгородской оборонительной линии, создававшейся с конца XVI века.

Территория современной Тамбовской области, относившаяся к восточному участку Белгородской черты и началу Симбирской черты, а также территория современной Пензенской области, полностью относившаяся к Симбирской черте, стали широко осваиваться только в середине XVII века.

Данные о времени основания поселений в XVII веке по всем трем регионам мы считаем во многом точными, поскольку поселения этого периода, как правило, создавались государством, в воеводских документах указывалось время их основания. Они всегда попадали в ближайшие по времени государственные писцовые описания.

Но приходится учитывать, что составители изученных нами на данный момент изданий включили в свои работы не все поселения. Так, по данным писцовых книг Тамбовского и Козловского уезда, во второй половине XVIII века здесь существовало около 120 поселений [7].

По данным пензенского краеведа М.С. Полубоярова, только на территории одного Вадинского района в XVII веке и до конца царствования Петра Великого было основано около 40 населенных пунктов [8]. Ясно, что на территории всей области в этот период возникли сотни поселений.

Для моделирования важен порядок цифр, возможность распространения выборочных данных на более широкий круг объектов, в данном случае поселений. Полагаем, что изученная выборка, по пензенскому и тамбовскому участкам фронта составляющая 10–30 % от генеральной совокупности, а по липецкой территории значительно большую долю, достаточна для модельных построений. Рассуждая в парадигме фрактального моделирования, мы считаем, что не попавшие в привлеченные нами справочные издания поселения XVII века были тождественны выявленным, поскольку создавались только государством и посредством воеводского правления, стараниями частных феодалов втягивались в общую жизнь метрополии.

Сравнительно высокие проценты поселений, основанных в XVIII веке, вполне соответствуют общеизвестным данным об ускоренном освоении бывших южных окраин Московского государства именно в этот период. Это важно для верификации модельных построений. Оценочно липецкие и тамбовские данные о числе поселений, возникших на территории регионов, составляют 30–40 % от генеральной совокупности, пензенские – не менее 10 %. Это в принципе достаточно для построения модели освоения фронта в XVIII веке.

Сложнее обстоит дело с данными первой половины XIX века. В тамбовских справочниках, полагаем, учтено около половины населенных пунктов, основанных в этот период. В Липецкой и Пензенской энциклопедиях учтено явное меньшинство. Дело в том, что составители этих изданий, в отличие от

Таблица 2

Социальный состав первых поселенцев липецких, пензенских тамбовских сел

Категории населения	Количество населенных пунктов, абс.ч/%		
	Липецкая область	Пензенская область	Тамбовская область
Дворцовые крестьяне	–	1/1	23/3
Различные категории русских служилых людей, будущих государственных крестьян, в том числе	65 /55	17/17	275/35
Дети боярские	1	–	2
Дети боярские и служилые люди	–	–	10
Дети боярские и однодворцы	–	–	1
Дети боярские и помещичьи крестьяне	–	–	2
Драгуны	2	–	5
Однодворцы, государственные крестьяне	12	1	225
Помещичьи крестьяне и служилые люди	1	1	2
Однодворцы и помещичьи крестьяне	1	–	9
Служилые люди	43	13	16
Солдаты	4	1	3
Другие категории служилых людей, будущих государственных крестьян	13/11	24/23	6/1
Казачи	12	5	4
Казачи и стрельцы	1	–	–
Казачи и мордва	–	1	–
Служилые татары	–	6	–
Служилая мордва	–	1	–
Служилые чуваша	–	1	–
Ямщики	–	–	1
Ясачные крестьяне (татары) и однодворцы	–	–	1
Ясачная мордва	–	10	–
Владельческие крестьяне	40/34	60/59	474/61
Помещичьи крестьяне	28	54	420
Дворовые люди	–	–	6
Бобыли	–	–	10
Крестьяне вообще	4	–	7
Монастырские крестьяне	6	–	17
Помещичьи и церковные крестьяне	–	2	–
Приписные крестьяне, работные люди	2	–	1
Церковные крестьяне	–	3	–
Фабричные крестьяне	–	1	–
Экономические крестьяне	–	–	1
Другие	1	–	12
Итого	118/100	–	778/100

Источники: см. табл. 1.

Н.В. Муравьева, не работали с первичными материалами ревизских переписей, по которым можно выяснять время возникновения новых поселений с точностью до 20 лет, что вполне допустимо для задач моделирования. Но мы полагаем, что для восстановления числа поселений, возникших в первой половине XIX века, для наших целей будет достаточно проанализировать Списки населенных мест соответствующих губерний и уездов, которые содержат достаточное для моделирования количество разнообразной информации об истории и состоянии в середине

XIX века практически всех поселений своих губерний.

Для определения разных путей аттракторов отдельных населенных пунктов зоны фронта в фазовом пространстве фрактального моделирования важно определить эталоны этих поселений. Следуя четырехчленному разделению фазового пространства модели, мы решили выделить 4 группы поселений по первоначальному социальному составу их первопоселенцев. При этом в табл. 2 мы сознательно показали «пестроту» состава этих групп. Полагаем, что она была харак-

терным явлением для зоны фронта, где процессы социальной консолидации, аналогичные районам метрополии, шли постепенно. Но все-таки моделирование предполагает работу с более обобщенными группами.

Как мы видим из табл. 2, в трех изученных регионах количественные данные о социальном облике первопоселенцев явно неодинаковы. Но в целом мы считаем их достаточными для моделирования расселенческих процессов в зоне фронта, поскольку они верифицируются известными сведениями об освоении южных окраин России.

В первую очередь из табл. 2 видно основание в числе первых поселений дворцовых крестьян. Это связано с известным фактом существования с конца XVI века на территории современной Тамбовской области Верхоценской волости. К этой группе можно добавить поселения крестьян в вотчинах бояр Романовых (фактически представитель дворца), возникшие в конце XVI – начале XVII века на территории нынешней Липецкой области. Так что табличные данные о помещичьих крестьянах как основателях населенных пунктов Липецкой области приходится считать максимальными.

Выявленные сведения соответствуют хорошо известным фактам о создании многих первых поселений в зоне фронта русскими служилыми людьми. Хотя эти люди были направлены на службу русским государством, они в XVII – начале XVIII века сохраняли определенную самостоятельность. Поэтому их поселениям был присвоен индикатор 0,9. Единицу мы предлагаем только для дворцовых и аналогичных им сел.

В материалах табл. 2 подтверждается и другая истина: по мере утраты югом Центральной России пограничного статуса зона фронта массово заселялась частными вла-

дельцами (помещиками, монастырями и их крестьянами). В XVII–XVIII веках, а в степных уездах и в первом половине XIX века помещики юга Центральной России сохраняли некоторую самостоятельность в управлении своими имениями, определенную независимость от столицы. Неслучайны факты отъезда «в Саратов в глушь, в деревню, к тетке», ссылок опальных придворных деятелей в далекие от столицы тамбовские имения вплоть до начала XIX века. Исходя из сказанного, для помещичьих сел, селен, деревень XVII–XVIII веков мы предлагаем индикатор 0,8, а для первой половины XIX века – 0,9.

Изначально невеликой была роль «нерусских» категорий служилых людей (к ним мы отнесли и казаков, как сложный в этническом отношении, весьма вольный конгломерат людей). Их возможность создавать свои поселения была ограниченной. Немалая часть поселений этой группы долго сохраняла национально-религиозную специфику, отличный от населения метрополии образ жизни. Поэтому для них мы вводим индикатор 0,7. Уточнить длительность их существования можно по вступительным статьям к Спискам населенных мест, в которых указывались сохранившиеся до середины XIX века поселения мордвы, татар, других «инородцев».

В изученных изданиях содержится важная информация о местах выселения первых поселенцев вновь образованных населенных пунктов зоны фронта.

В изученных источниках в целом имелись данные о местах выселения жителей около 250 населенных пунктов. Эти цифры в достаточной для моделирования мере отражали направления заселения зоны фронта. Как свидетельствует табл. 3, 25 % из них основали жители старомосковских уездов

Таблица 3

Места выселения жителей вновь образованных в середине XVII – середине XIX века населенных пунктов Липецкой, Пензенской, Тамбовской областей

Регион выселения	Количество населенных пунктов, абс.ч./%		
	Липецкая область	Пензенская область	Тамбовская область
Старомосковские уезды	12/14	10/43	42/28
Уезды фронта	72/76	13/57	104/69
Соседние территории	0	0	5/3
Итого	84/100	23/100	150/100

Источники: см. табл. 1.

(метрополии), 70 с лишним % – выходцы из более старых сел зоны фронта, около 2 % – переселенцы с Дона и с Украины. Выходцы из старых московских уездов основывали первые поселения XVII века. Естественно, с точки зрения тождества новых поселений с метрополией для таких пунктов индикатором является единица.

Затем шел характерный для зоны фронта процесс вторичного заселения. Первые поселения липецкого, пензенского, тамбовского регионов основывались к северу от засечных черт и других оборонительных сооружений. Многие из них к концу XVIII века оказались перенаселенными и стали давать «выбросы» во вновь осваиваемую южную часть губернии. Понятно, что эти поселения в «глухой» степи в повседневной жизни не имели 100-процентной связи с метрополией. Но административно они уже полностью подчинялись государству. Поэтому их индикатор – 0,9.

Основание некоторых тамбовских сел выходцами из южных территорий мы считаем нелинейным эффектом в развитии зоны фронта. Он связан с тем, что на службу на

оборонительных линиях Русского государства середины XVII века нанимались не только выходцы из коренных московских уездов, но и донские и запорожские казаки, украинские отряды с этническим наименованием «черкасы». Их индикатор для XVII века мы определяем в 0,6, полагая, что при всей специфике поселения казаков подчинялись российскому государству.

Проблема для определения индикаторов мест выхода первопоселенцев фронтальных населенных пунктов XVIII–XIX веков состоит в том, что этот показатель трудно найти даже в первичных источниках. Не во всех ревизских сказках указывались места выселения жителей новых населенных пунктов, возникших в межревизский период. Моделирование и в этом случае решает проблему, учитывая то, что во второй половине XVIII – XIX веке основание новых поселений в зоне фронта выходцами из старых уездов (главным образом переводом помещичьих крестьян) постепенно сокращалось. Мы полагаем, что доля таких поселений (с индексом 1) в XVIII веке составляла 15 %, в XIX веке – 10 %.

Таблица 4

Изменения социального состава населения липецких, пензенских, тамбовских сел в XVII–XIX веке

Изменения	Количество населенных пунктов		
	Липецкая область	Пензенская область	Тамбовская область
Из служилых людей в помещичьи крестьяне	3		
Из служилых людей в городские сословия	6	3	2
Из монастырских крестьян в городские сословия	1		
Из работных людей в городские сословия	1		
Из служилых татар в государственные крестьяне		1	
Из служилых татар в помещичьи крестьяне		1	
Из служилых чувашей в помещичьи крестьяне		1	
Из ясачной мордвы в государственные крестьяне		2	
Из ясачной мордвы в церковные крестьяне		1	
Из ясачной мордвы в помещичьи крестьяне		2	
Из государственных крестьян в помещичьи		2	12
Из казаков в помещичьи крестьяне			
Из монастырских, церковных, экономических крестьян в помещичьи			8
Из церковных крестьян в государственные		1	
Из дворцовых крестьян в помещичьи			2
Из дворцовых в городские сословия			2
Из экономических крестьян в государственные			1

Источники: см. табл. 1.

В изученных справочных источниках выявлены немногочисленные факты изменений первоначального социального состава переселенцев. Большинство этих фактов – 44 из 52 – зафиксировали общероссийскую тенденцию перевода какой-то части бывших служилых людей, государственных, экономических, монастырских, дворцовых крестьян в помещичьи или в городские сословия. Общероссийским явлением был и перевод национальных групп служилых людей в различные категории владельческих и государственных крестьян. Редчайшие случаи перевода церковных и экономических крестьян в разряд казенных также соответствовали общегосударственной политике. Другими словами, население бывшего фронта все больше выравнивалось в социальном плане с населением метрополии и на поселенном уровне.

Все эти изменения происходили в основном в XVIII веке. Поэтому мы предлагаем вводить новые индикаторы для конца этого столетия, прибавляя по 0,1 к группам посе-

лений, основанных государственными и владельческими крестьянами. Списки населенных мест середины XIX века специально указывают принадлежность поселений к той или иной сословной группе. По данным списков, как уже отмечалось, можно определить «инородческие» населенные пункты. Поэтому мы намерены для всех русских поселений первой половины XIX века, независимо от социального состава, выставлять индикатор 1, а для «инородческих», сохранявших определенную фронтирную специфику, – 0,9.

Мы осознаем, что первые наброски фрактальной модели процесса основания населенных пунктов зоны фронта и развития их в сторону тождественности поселениям метрополии носят весьма контурный характер. Дальнейшее развитие этой версии модели мы видим в более тщательном изучении дополнительных источников и увеличении числа индикаторов, особенно отражающих долгое сохранение фронтальных особенностей.

Список литературы

1. Канищев В.В., Лямин С.К. Факторы фрактальной модели вхождения зоны южнорусского фронта в состав Московского государства: новая версия // Журнал фронтальных исследований. 2018. № 4 (12). С. 60-75. DOI 10.24411/2500-0225-2018-10023
2. Переписи населения. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858) / отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1972. Вып. VIII–XI.
3. Арсеньев К. Статистические очерки России. Спб., 1848.
4. Липецкая энциклопедия: в 3 т. / ред.-сост. Б.М. Шальнев, В.В. Шахов. Липецк, 1999.
5. Пензенская энциклопедия / под ред. К.Д. Вишневого. М., 2001.
6. Муравьев Н.В. Избранные краеведческие труды: в 2 т. Тамбов, 2006.
7. Аврех А.Л., Есиков С.А., Мизис Ю.А., Протасов Л.Г. Формирование и развитие сельских населенных пунктов (снп) Тамбовской области (17–20 вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв.: XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тез. докл. и сообщ. Тамбов, 2000. С. 3-16.
8. Полубояров М.С. Весь Пензенский край: историко-топографическое описание Пензенской области. М., 2016.

References

1. Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Faktory fraktal'noy modeli vkhozheniya zony yuzhnorusskogo frontira v sostav Moskovskogo gosudarstva: novaya versiya [Factors of the fractal model of the entry of the zone of the South Russian frontier into the Moscow state: a new version]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy – Journal of Frontier Studies*, 2018, no. 4 (12), pp. 60-75. DOI 10.24411/2500-0225-2018-10023 (In Russian).
2. Beskrovnyy L.G. (executive ed.). *Perepisi naseleniya. Itogovyye materialy podvornykh perepisey i reviziy naseleniya Rossii (1646–1858)* [Population Censuses. Summary Materials of Home Censuses and Revisions of the Population of Russia (1646–1858)]. Moscow, 1972, Issue 8–11. (In Russian).
3. Arsenyev K. *Statisticheskiye ocherki Rossii* [Statistical Essays of Russia]. St. Petersburg, 1848. (In Russian).
4. Shalnev B.M., Shakhov V.V. (ed.-compilers). *Lipetskaya entsiklopediya: v 3 t.* [Lipetsk Encyclopedia: in 3 vols.]. Lipetsk, 1999. (In Russian).
5. Vishnevskiy K.D. (ed.). *Penzenskaya entsiklopediya* [Penza Encyclopedia]. Moscow, 2001. (In Russian).

6. Muravyev N.V. *Izbrannyye krayevedcheskiye trudy: v 2 t.* [Selected Local History Studies: in 2 vols.]. Tambov, 2006. (In Russian).
7. Avrekh A.L., Esikov S.A., Mizis Y.A., Protasov L.G. Formirovaniye i razvitiye sel'skikh naselennykh punktov (snp) Tambovskoy oblasti (17–20 vv.) [Formation and development of rural settlements (RS) of the Tambov Region (17–20 centuries)]. *Tezisy dokladov i soobshcheniy: XXVI sessiya simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy «Osobennosti rossiyskogo zemledeliya i problemy rasseleniya IX–XX vv.»* [Proceedings of the 26th Symposium Session on Agrarian History of Eastern Europe “Features of Russian Agriculture and Problems of Resettlement in 9th – 20th Centuries”]. Tambov, 2000, pp. 3-16. (In Russian).
8. Poluboyarov M.S. *Ves' Penzenskiy kray: istoriko-topograficheskoye opisaniye Penzenskoy oblasti* [The Whole Penza Region: Historical and Topographical Description of the Penza Region]. Moscow, 2016. (In Russian).

Приложение 1. Индикатор H_{x4}

Добавлен индикатор «преобладание земледелия над скотоводством» (H_{x4}) для определения уровня социально-экономической освоенности территории (уезда). Индикатор выражен в условных единицах, где 1 – абсолютное преобладание земледелия; 0,4 – минимальное преобладание скотоводства.

Конвертация величин индикатора в величины, принятые в модели, осуществляется по формуле, принятой для прочих индикаторов H_x :

$$H_{x4} = 2 H_{x4\text{натур}} \quad (1)$$

Весовой коэффициент этого индикатора установлен на основании экспертных оценок 0,2.

Приложение 2. Индикатор H_{y7}

Индикатор изначально выражен в естественных ценах на зерно в уездах (p) в 1820, 1840, 1855 гг., опубликованных в монографии Б.Н. Миронова «Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.)» (Л.: Наука, 1985), на основании него вычислен модуль разницы между ценами в Москве (p_M) и ценами во всех уездах. После принятия московской цены за 1, было вычислено отклонение (в долях от единицы) каждой уездной цены от московской, безотносительно, больше уездная цена или меньше.

$$H_{y7\text{натур}} = 1 - (|p_M - p|/p_M) \quad (2)$$

Конвертация величин индикатора в величины, принятые в модели, осуществляется по формуле, принятой для прочих индикаторов H_{y1} , H_{y2} и H_{y3} :

$$H_{y7} = 2 - 2 H_{y7\text{натур}} \quad (3)$$

Весовые коэффициенты для H_{y7} установлены на основании экспертной оценки 0,2.

Приложение 3.

В связи с появлением новых индикаторов в формулы для расчета H_x и H_y были внесены изменения:

$$H_x = M((H_{x1} + V_{Hx2}H_{x2} + V_{Hx3}H_{x3} + 0,2H_{x4}) / (1,2 + V_{Hx2} + V_{Hx3})) \quad (4)$$

$$H_y = (H_{y1} + 0,5H_{y2} + V_{Hy3}H_{y3} + 0,7H_{y4} + 0,5H_{y5} + 0,7H_{y6} + 0,2H_{y7}) / (3,6 + V_{Hy3}) \quad (5)$$

Информация об авторах

Жуков Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и политологии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ineternatum@mail.ru

Вклад в статью: анализ данных, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4561-2882>

Канищев Валерий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: valcan@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, набор первичного материала, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0772-7053>

Лямин Сергей Константинович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: laomin@mail.ru

Вклад в статью: анализ данных, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5357-8517>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Лямин Сергей Константинович
E-mail: laomin@mail.ru

Поступила в редакцию 17.07.2019 г.
Поступила после рецензирования 14.08.2019 г.
Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the authors

Dmitry S. Zhukov, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of International Relations and Politology Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: ineternatum@mail.ru

Contribution: data analysis, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4561-2882>

Valery V. Kanishchev, Doctor of History, Professor of General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: valcan@mail.ru

Contribution: main study conception, source material acquisition, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0772-7053>

Sergey K. Lyamin, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: laomin@mail.ru

Contribution: data analysis, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5357-8517>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Sergey K. Lyamin
E-mail: laomin@mail.ru

Received 17 July 2019
Reviewed 14 August 2019
Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-151-159
УДК 94(47).04

Юго-Восточный «фронт» Европейской России в середине XVII – начале XVIII в.

Эдуард Лейбович ДУБМАН

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева»

443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>, e-mail: dubmane@mail.ru

Southeastern “frontier” of European Russia in the middle of the 17th – early of the 18th centuries

Edward L. DUBMAN

Samara National Research University

34 Moskovskoye Rte., Samara 443086, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>, e-mail: dubmane@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена специфика колонизации Юго-Востока Европейской России в середине XVII – начале XVIII века. На основе изучения совокупности источников показано взаимодействие государства и различных групп российского общества в этом процессе. Исходным является положение, что по своим базовым характеристикам освоение юго-восточных и южных рубежей страны являлось единым процессом, но имело для отдельных регионов свою специфику. Особенности Юго-Востока являлись: сложный этноконфессиональный состав коренного населения, наличие у части жителей исторической памяти о бывлой государственности, а также ряд других факторов. Сделан вывод, что использование традиционных в отечественной историографии методов теории колонизации недостаточно для изучения данной проблематики. Необходимо применение новых подходов и, в частности, теории фронта, адаптированной для российской действительности рассматриваемого периода.

Ключевые слова: колонизация; фронт; Юго-Восток; Южное Средневолжье; государство; общество; служилые и тяглые люди; казачество; кочевники

Для цитирования: Дубман Э.Л. Юго-Восточный «фронт» Европейской России в середине XVII – начале XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 151-159. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-151-159

Abstract. We consider the colonization specifics of the Southeastern European Russia in the middle of the 17th – early of the 18th centuries. Based on the set of sources study we show the interaction between the state and various groups of Russian society in this process. The original statement is that in terms of its basic characteristics, the development of the southeastern and southern borders of the country was a single process, but had its own specifics for individual regions. The features of the Southeast were: the complex ethnic and confessional composition of the indigenous population, the presence of historical memory of former statehood among some residents, as well as a number of other factors. We conclude that the use of traditional in Russian historiography colonization theory methods is not enough to study this problem. It is necessary to use new approaches and, in particular, the frontier theory, adapted for the Russian reality of the period under consideration.

Keywords: colonization; frontier; Southeast; Southern Middle Volga region; state; society; service class people and state serving peasants; Cossacks; nomads

For citation: Dubman E.L. Yugo-Vostochnyy «frontir» Evropeyskoy Rossii v seredine XVII – nachale XVIII v. [Southeastern “frontier” of European Russia in the middle of the 17th – early of the 18th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov*

University Review. Series: Humanities, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 151-159. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-151-159 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Масштабная колонизация южного и юго-восточного пограничья Европейской России, по мнению большинства историков, развернулась только с середины XVI века [1, с. 7-13]. На начальном этапе в этом процессе важнейшую роль сыграли как государство, так и отдельные группы российского социума. Если государство, присоединяя новые территории, создавая оборонительные системы и заселяя их служилыми людьми, обеспечивало безопасность начального освоения и формировало свободные зоны для хозяйственной деятельности, то общество «выплескивало» в эти анклавы беглых, «гулящих» людей, вступавших в конфликт с административно-крепостнической системой. Эпоха Смуты надолго задержала развитие государственной колонизации, но вместе с тем создала благоприятные условия для складывания областей казачьей вольницы – на Дону, Яике, Тереке и отчасти на Нижней и Средней Волге.

Только с середины 1630-х гг., когда Москва после неудачного завершения Смоленской войны приступила к созданию единой системы засечных линий, процесс правительственного освоения вновь становится важнейшим фактором дальнейшего развития российской государственности. Вывод Л.В. Милова о «необычайной активности Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства» [2, с. 561] является, на наш взгляд, основополагающим для всего периода позднего Средневековья и начального Нового времени.

Новая линия обороны, возведенная в лесостепном порубежье Европейской России, защитила население страны от постоянных нападений кочевников и создала условия для последующего освоения широкого пояса плодородных земель. На всем ее протяжении в основу фортификационных сооружений и формирования гарнизонов закладывались единые принципы [3, с. 85; 4, с. 4], но очевидно, что на восточном фланге (в Среднем Поволжье) имелись свои особенности. Присоединив территории Казанского и Астраханского ханств и установив «отношения вассалитета с элементами протектората» [5, с. 647] с Большой Ногайской Ордой, правительство, на первых порах, могло только за-

крепить и начать хозяйственное освоение Казанского края (в рамках бывшей основной территории ханства), Астрахани с дельтой Волги и северным побережьем Каспия между устьями Яика и Терека, а также волжской акватории с ее торговым путем и промысловыми ресурсами. На все остальное у государства просто не хватало сил.

На первом этапе сооружения единой оборонительной системы, вплоть до середины 1640-х гг., крайним ее пунктом на востоке являлся Саранск. В начале царствования Алексея Михайловича правительство Б.И. Морозова внесло коррективы в осуществление проекта. Были изменены подходы к фортификации засечных черт, более мощными стали их укрепления. Значительно увеличили количество ратных людей в гарнизонах крепостей и острогов [6, с. 54-56]. Оборонительную линию продлили до Волги, а позднее, уже в начале 1650-х гг., довели ее в Заволжье до впадения р. Ик в Каму.

В основе этих новаций (прежде всего, продолжения системы укреплений далее на Юго-Восток) обнаруживается острая необходимость создания на южных окраинах бывшего Казанского ханства хорошо защищенного и освоенного района с крупным контингентом служилых людей. Тем самым этнически и конфессионально неоднородные территории беспокойного региона были надежно прикрыты от контактов с кочевыми сообществами, а также сделан еще один решительный шаг по освоению богатейших природных ресурсов Южного Средневолжья и Заволжья. Именно в середине XVII – начале XVIII века вновь заселенные территории по Саранской, Карсунской, Симбирской и Закамской линиям являлись частью пространства своеобразного «фронта», наряду с непосредственно соприкасавшимися с ними зонами кочевий степняков и башкирских угодий, волжской акватории с беспокойной массой сезонных работников, областями казачьей вольницы.

Еще раз повторим, что по своим базовым характеристикам юго-восточные рубежи были сходны с аналогичными военизированными южными районами Московского государства. На всем огромном пространстве ев-

ропейской лесостепи действовало единое законодательство о «заказных городах», а контингенты служилых людей, расселенных на территории новых уездов, должны были противостоять близким по своим военным навыкам и вооружению кочевым сообществам.

Следует отметить, что в отличие от хорошо концептуально и конкретно изученного южного пограничья, несмотря на значительное количество исследований по юго-восточным районам, в большинстве своем сюжеты последних посвящены отдельным локальным территориям и не позволяют представить целостную картину развития всего региона.

Особые сложности в изучении ранней «российской» колонизации европейского Юго-Востока связаны, прежде всего, с недостаточностью и слабой репрезентативностью источниковой базы. Это обусловлено судьбой архива приказа Казанского Дворца, сгоревшего в начале XVIII века, а также лишь частично сохранившимся делопроизводством уездных приказных (съезжих) изб низовых городов. Не будем специально останавливаться на данном вопросе, так как он уже не однажды обсуждался историками.

В отечественной историографии явления, протекавшие на Юго-Востоке в XVI–XVIII веках, длительное время рассматривались в рамках общей центристской модели развития русской цивилизации, единого колониационного процесса, охватившего огромные пространства средневековой страны. В данной системе координат, пожалуй, единственное фундаментальное исследование особенностей колонизации Юго-Востока и взаимоотношений его коренного населения, русских переселенцев и имперской администрации предпринял в конце XIX века Г.И. Перетяткович. В советской историографии отдельным сторонам этого явления посвящены труды Р.Г. Кузеева и И.П. Ермолаева [7; 8]. Все остальные историки рассматривали региональные процессы в рамках трудов, посвященных, как правило, в целом истории российской колонизации. Так, уже после революции краткий очерк о Юго-Востоке в обобщающей работе по истории русской колонизации дает М.К. Любавский [9, с. 257–284]. В обширной монографии Б.Э. Нольде, посвященной взаимоотношениям Российской империи и народов, ее населяющих, значительное внимание уделено колонизации

Среднего Поволжья [10, с. 121–246]. Отметим недавно вышедшие обобщающие труды Б.Н. Миронова, И.А. Верняева, В.А. Воропанова и ряда других исследователей, в которых затрагиваются вопросы этноконфессиональной политики и управления в Российской империи, правового положения ее различных народов, в том числе и в рассматриваемом регионе [11–13].

Несомненно, что теория колонизации, более полутора столетий используемая отечественными историками, является одним из базовых концептуальных подходов к изучению рассматриваемых явлений. Вместе с тем в последнее время становится очевидным, что ее эвристический потенциал явно недостаточен для исследования сложных и неоднозначных процессов, происходивших на российских окраинах. Получившая широкое распространение концепция фронта, при всех существенных различиях истории формирования российского и американского социумов, позволяет получить новые значимые результаты, характеризующие зоны пограничного взаимодействия, ментальную специфику их населения, особенности развития периферийных областей.

В этом отношении интерес представляют вышедшие в последние десятилетия исследования зарубежных историков, прежде всего, статьи и книги А. Каппелера, а также недавно переведенная на русский язык монография М. Ходарковского [14–16]. Для нас значимо то, что эти авторы особое внимание уделили процессам, происходившим в ходе колонизации Юго-Востока Европейской России. Отметим, что в конце XX века Т.М. Барретт отмечал, что Нижнее и Среднее Поволжье практически не попадало в сферу особого внимания западных ученых к истории российского «фронта» [17, с. 166].

Пожалуй, наиболее аргументированную характеристику юго-восточного фронта, в сопоставлении с южным, предложил А. Каппелер [15]. В целом мы согласны с концептуальными положениями этого автора, хотя некоторые его утверждения вызывают сомнения. Нам, например, ближе, «географическая» трактовка фронта у Ф. Тернера, который включает в нее не только «зоны свободных земель», но и пограничные с ними заселенные пространства коренных жителей и переселенцев. Наиболее значимой, по мне-

нию Ф. Тернера, особенностью фронта является то, что «он находится на ближнем к нам крае свободных земель» и к нему следует относить «пределы поселения» [18, с. 14].

А. Каппелер же приводит несколько иное, модернизированное О. Латтимором и другими авторами понимание фронта, представлявшего «...переходную зону, которая, как правило, не интегрирована ни в одно из государственных образований и имеет динамический характер» [15, с. 48].

Несомненно, на Юге и Юго-Востоке понимание государственной границы носило достаточно размытый, «зыбкий» характер. Нередко она включала, как считали в Москве, области на первых порах практически автономной казачьей вольницы, других территорий. Да и степняки в сезонном цикле кочевий, соприкасаясь с зоной оседлого расселения русского пограничья, нередко оказывали на него определенное давление.

Можно согласиться с определением Ф. Тернера в связи еще с одним обстоятельством. Для переселенцев на земли Юго-Востока ментальность, психология и даже, в некоторой степени, идеология жителей фронта вырабатывались не только в среде казачьей вольницы и других подобных сообществ. В значительной степени они проникали в сознание и поведение служилых людей по прибору, работных людей волжских промыслов и судоходства и даже тяглого населения, всех тех, кто заселял опасное приграничье и находился в постоянном контакте с казачеством, «гулящими людьми», «всяким сбродом и наволокою», каждый год приходившими на Волгу.

Источники свидетельствуют, что новые поселенцы могли не однажды менять свою социальную принадлежность. Среди тяглых и приборных людей было немало выходцев из «гулящих», казачьей вольницы и т. д. Именно поэтому для нас особую важность приобретает характеристика А. Каппелером социального фронта между «...различными жизненными укладами и системами ценностей», прежде всего, по отношению к тем переселенцам, которые, осваивая новые земли и вступив в непосредственный контакт с казачьими, кочевническими и прочими сообществами, приобрели на какое-то время существенно отличавшиеся от жителей внутренних районов страны нормы поведения и

представления. Зона постоянных контактов способствовала «облегченной» диффузии, взаимопроникновению элементов различных культур, их аккультурации. Переселенцы становились носителями психологии нового социокультурного фронта; они создавали особые региональные культурные и ценностные традиции. Вместе с тем уже следующая волна новоселов размывала эти слабо закрепленные региональные особенности «поселенческого фронта» и, напротив, все более закрепляла традиционные для основного населения Европейской России нормы поведения и восприятия действительности.

Несомненно, что в осваиваемом регионе удобнее использовать понятие фронт не как «зону постоянной конфронтации» и не как «неотъемлемую часть *mission civilisatrice* превосходящей оседлой христианской цивилизации», а как опыт «зоны коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с разной спецификой» [15, с. 49].

В этом отношении крайне интересны выводы таких исследователей, как Г.-Г. Нольте, Н.Я. Эйдельмана и других, которые трактовали мощные социальные движения XVII–XVIII веков, как восстания «окаин против центра» [19, с. 31-37; 20, с. 188]. Это отчетливо наблюдается в поведении и действиях различных в социальном, этническом и конфессиональном отношении категорий населения Южного Средневолжья в октябре 1670 – начала 1671 гг., когда казачье войско и сам С. Разин ушли из-под Симбирска на Дон¹ [21]. При этом практически не наблюдалось каких-либо массовых столкновений между различными в этноконфессиональном отношении группами приборных и тяглых людей. Подавляющее большинство населения окаин приняло программу разинцев и выступило на их стороне.

Несколько смущает также и то, что в утверждениях некоторых зарубежных исследователей постоянно рефреном звучит формула о противостоянии леса и степи, та самая, которую в совершенно иной системе временных координат употреблял С.М. Соловьев и ряд других российских историков. Понятно, что в работах А. Каппелера, М. Ходарков-

¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1.

ского, как и С.М. Соловьева, под этим противостоянием подразумевается столкновение различных культур и этнических сообществ, что совершенно справедливо. Но неясно, почему из этой амбивалентности выпадает понятие «лесостепи», занимавшей многие сотни километров между зонами лесов и степей и которую можно как раз назвать динамически меняющейся во второй половине XVI – середине XVIII века «областью фронта». Тем более что освоение самих степных пространств произошло намного быстрее, без значительных экономических и людских затрат уже и потому, что к середине XVIII века кочевые народы просто не могли оказывать серьезного сопротивления натиску с севера. Между тем юго-восточную лесостепь пришлось преодолевать не менее полутора веков, в течение как минимум 3-х колонизационных этапов – волн. Вначале, во второй половине XVI века, была создана система оборонительных укреплений по линии Темников – Алатырь – Тетюши, прикрывшая южные рубежи недавно завоеванного Казанского края. Затем в середине XVII века возводятся Саранская, Карсунская, Симбирская и Закамская линии. Наконец, ближе к концу этого же столетия строится Пензенская засека. Последнюю к югу, уже практически на границе лесостепи и степи, оборонительную линию на Правобережье, также проектировалось создать по образцу других. Но внезапно, весной 1686 г., правительство буквально накануне начала строительства отказалось от затратного проекта [22, с. 326-332]. Оно ограничилось возведением на волжском побережье Сызрани и Кашпира, а далее к Суре отдельных селений приборных людей. Удивляет, как быстро, несмотря на отсутствие непрерывной засечной линии, все огромное пространство к югу от Симбирской и Карсунской черт было заселено уже к началу XVIII века [23]. К тому же в 1680-х – 1690-х гг. правительство существенно ограничило запретительные нормы законодательства о «казаных городах», что позволило сложиться во вновь осваиваемом регионе, совокупности крупных владений центральных монастырей и представителей светской знати [24, с. 19-26].

Помимо засечных линий и локальных крепостей практически в каждом крупном владении, а то и просто в отдельных селениях были устроены хорошо вооруженные го-

родки с небольшими гарнизонами, «заборы с боями» вокруг храмов и другие оборонительные сооружения (села Новодевичье, Со-сновый Остров, Усольская слобода, Городищенская, Рождественская и т. д.).

В этом все более ускорявшемся колонизационном движении необходимо указать на еще один крайне важный аспект. Дело в том, что все пространство к югу от линии Алатырь – Тетюши, то есть в междуречье Волги и Суры в XV – середине XVII века, практически не имело постоянного населения. Кочевья ногаев и сменивших их калмыков на Правобережье Волги проходили значительно южнее, автохтонное же население Казанского края владело лишь промысловыми угодьями и хозяйствовало здесь эпизодами, «наездом». Археологические данные и письменные источники свидетельствуют о том, что после начала «замятни» в Орде во второй половине XIV века коренные жители Среднего Поволжья практически покидают южную лесостепь и уходят на север в более безопасные районы² [25, с. 294-295; 26, с. 180-181]. О пустынности этих мест красноречиво свидетельствует описание А. Курбским похода своего отряда на Казань в 1552 г. [27, с. 33]. В определенной степени о данной территории можно говорить, как о «ничейной земле», в трактовке ряда историков [17, с. 178-179].

Контингент переселенцев, заселивших новые земли, состоял из ратных людей по прибору и отечеству, несших службу по крепостям и острогам. Подавляющее большинство стрельцов, городских казаков и людей пушкарского чина расселили слободами и испоместили наделами земли. Дворяне и дети боярские в своих новых поместьях селили крестьян и создавали сеть деревень. Характерно, что вся эта совокупность служилых и тяглых переселенцев отличалась этническим и конфессиональным разнообразием. Данные сметы 1651 г. дают своеобразный «показатель насыщенности» («защищенности») военными людьми Саранской, Карсунской и Симбирской черт. Каждая из них имела протяженность в среднем около 100 км, и на один километр линии приходилось 15–18

² История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары, 1966. С. 66.

служилых людей³. Интересен их этнический состав. По Симбирской и Саранской чертам в смете 1651 г. указаны русские; на Карсунской – около 60 % являлись «мурзами и татарами», а также новокрещенными.

Смета военных сил 1661–1663 гг. свидетельствует о росте численности служилого населения. По Симбирской линии она достигла 3353 человек (113 дворян и детей боярских, 2796 казаков и стрельцов, 444 служилых татар, чуваш и мордвы), по Саранской – 3479 человек. Только на Карсунской линии (2091 человек казаков, стрельцов; татар, чуваш и мордвы, а также пушкарей) их число осталось прежним. Часть служилого коренного населения показана стрельцами и казаками. По сравнению со сметой 1651 г. по Симбирской и Саранской линиям, значительно выросло число татар и мордвы⁴.

Для всех них (в том числе тяглых и ясачных) расселение в новом регионе, помещение здесь означало не что иное, как своеобразное «обретение родины». Они, как считают многие исследователи, являлись равноправными участниками этого процесса⁵ [10, с. 236; 13, с. 24–27]. Таким образом, при переходе через линию «старых» городов-

крепостей Темников – Алатырь – Тетюши служилые и ясачные чуваш, мордва, татары и другие народы Казанского края, подвергшиеся ранее русской колонизации и вынужденные приспособляться к условиям насильно внедряемой на территории завоеванного ханства новой российской системы, сами стали неперенными и полноправными акторами нового этапа процесса колонизации. Характерно, что данные об их расселении, помещении, размежевании новых угодий, содержащиеся в писцовых книгах и актовом материале, содержат сведения о ранее находившихся здесь бортных ухажаях, бобровых гонах, сенных покосах и рыбных ловлях, промышлявших в этих местах ранее жителей Алатырского, Свияжского и других уездов [28, с. 402–403]. По крайней мере, в XVII веке отсутствуют сведения о том, что население этих новых районов страдало от насильственной христианизации, правового бесправия и т. д. [29, с. 17–19]. Так, например, В.А. Юрченков, специально изучавший взгляды европейцев (прежде всего, побывавших в России) на мордву, за единственным исключением, не смог выявить упоминаний о насильственной христианизации или особом бесправии этого народа [30, с. 110–111, 122, 146–147, 182–183].

К началу XVIII века лесостепь правобережья Южного Средневолжья практически была заселена и в значительной степени утратила свои особенности фронта. XVIII – начало XIX века – время колонизации лесостепного Заволжья, но оно протекало уже с иными характерными особенностями.

³ «Сметный список» вооруженных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 30–31.

⁴ Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. С. 50–52; Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 30.

⁵ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6473. Роспись дел симбирской приказной избы за 1662–1700 гг.

Список литературы

1. Мизис Ю.А., Скобелкин О.Б., Папков А.И. Теория фронта и Юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7–15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15
2. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
3. Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
4. Загорский В.П. Краткое историко-географическое и историко-демографическое описание Изюмской линии // Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. Вып. 2. Томск, 1982. С. 3–13.
5. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.
6. Голомбиевский А. Выписка в Разряде о построении новых городов и Черты (7189–1681 г.) // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XXXIII. Тамбов, 1892. С. 49–56.
7. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII в. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.
8. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
9. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
10. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013.

11. Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017.
12. Верняев И.А. Очерки по истории этноконфессиональной политики в России. СПб., 2017.
13. Воропанов В.А. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). М., 2017.
14. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000.
15. Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–65.
16. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019.
17. Барретт Т.М. Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 163–194.
18. Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М., 2009.
19. Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // *Вопросы истории*. 1994. № 11. С. 31–38.
20. Эйдельман Н.Я. 17 сентября 1773 г. // Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993.
21. Степанов И.В. Крестьянская война под предводительством Степана Разина в Среднем Поволжье // Ученые записки Ленинградского университета. Серия исторические науки. 1956. Вып. 24. № 205. С. 125–166.
22. Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 326–332.
23. Дубман Э.Л. Проблема Сызранской черты и начальный этап колонизации волго-сурского междуречья (1680-е гг. – начало XVIII в.) // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2012. № 1. С. 161–171.
24. Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII в. // *Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья*. Йошкар-Ола, 1990. С. 19–25.
25. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). Чебоксары, 1986.
26. Мухамдиев А.Г. Золотая Орда // *Материалы по истории Татарского народа* / отв. ред. С.Х. Алишев. Казань, 1995. С. 136–185.
27. Курбский А. История о делах великого князя Московского. М., 2015.
28. Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг.: публ. текста / сост. Ю.Н. Мельников. Ульяновск, 2014.
29. Дубман Э.Л. Ясачные крестьяне Казанского края в Южном Средневожье (к вопросу о специфике колонизационных процессов во второй половине XVII в.) // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2019. № 2 (25). С. 13–23. DOI 10.18287/2542-0445-2019-25-2-13-23
30. Юрченков В.А. Взгляд со стороны (мордовский народ и край в сочинениях западно-европейских авторов VI–XVIII столетий). Саранск, 1995.

References

1. Mizis Y.A., Skobelkin O.B., Papkov A.I. Teoriya frontira i Yug Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. [The theory of the frontier and the south of Russia in 16th – the first half of the 18th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 7–15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15 (In Russian).
2. Milov L.V. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and Features of the Russian Historical Process]. Moscow, 1998. (In Russian).
3. Zagorovskiy V.P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, 1969. (In Russian).
4. Zagorovskiy V.P. Kratkoye istoriko-geograficheskoye i istoriko-demograficheskoye opisaniye Izyumskoy linii [Brief historical-geographical and historical-demographic description of the Izyumskaya line]. *Problemy istoricheskoy demografii SSSR. Vyp. 2* [Problems of Historical Demography of the USSR. Issue 2]. Tomsk, 1982, pp. 3–13. (In Russian).
5. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordyy* [History of Nogai Horde]. Moscow, 2001. (In Russian).
6. Golombiyevskiy A. Vypiska v Razryade o postroyenii novykh gorodov i Cherty (7189–1681 g.) [Extract from the construction of new cities and traits department (7189–1681)]. *Izvestiya Tambovskoy uchenoy arkhivnoy komissii. Vypusk XXXIII* [Bulletin of the Tambov Scientific Archival Commission. Issue 33]. Tambov, 1892, pp. 49–56. (In Russian).

7. Ermolayev I.P. *Sredneye Povolzh'ye vo vtoroy polovine XVI–XVII v. (Upravleniye Kazanskim krayem)* [Middle Volga Region in the Second Half of the 16th – 17th Centuries (Management by the Kazan Region)]. Kazan, 1982. (In Russian).
8. Kuzeyev R.G. *Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala: Etnogeneticheskiy vzglyad na istoriyu* [Peoples of the Middle Volga Region and Southern Ural. Ethnogenetic View on History]. Moscow, 1992. (In Russian).
9. Lyubavskiy M.K. *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX veka* [Review of the Russian Colonization History from Ancient Times to the 20th Century]. Moscow, 1996. (In Russian).
10. Nolde B.E. *Istoriya formirovaniya Rossiyskoy imperii* [History of the Russian Empire Formation]. St. Petersburg, 2013. (In Russian).
11. Mironov B.N. *Upravleniye etnicheskimi mnogoobraziyem Rossiyskoy imperii* [Ethnic Diversity Management of the Russian Empire]. St. Petersburg, 2017. (In Russian).
12. Vernyayev I.A. *Ocherki po istorii etnokonfessional'noy politiki v Rossii* [Essays on the History of Ethnic and Confessional Politics in Russia]. St. Petersburg, 2017. (In Russian).
13. Voropanov V.A. *Sud i pravosudiye v provintsii Rossiyskogo gosudarstva v XVI – pervoy polovine XVIII v. (na primere oblastey Povolzh'ya, Urala i Zapadnoy Sibiri)* [Court and Justice in the Russian State Province in the 16th – First Half of the 18th Century (on the Example of the Volga Region, Ural and Western Siberia)]. Moscow, 2017. (In Russian).
14. Kappeler A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknoveniye. Istoriya. Raspad* [Russia is a Multi-national Empire. Occurrence. History. Disintegration]. Moscow, 2000. (In Russian).
15. Kappeler A. *Yuzhnyy i vostochnyy frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh* [The southern and eastern frontier of Russia in the 16th – 18th centuries]. *Ab Imperio*, 2003, no. 1, pp. 47-65. (In Russian).
16. Khodarkovskiy M. *Stepnyye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800* [Steppe Lines of Russia: How the Colonial Empire was Created. 1500–1800]. Moscow, 2019. (In Russian).
17. Barrett T.M. *Liniya neopredelennosti: severokavkazskiy «frontir» Rossii* [Line of uncertainty: Russia's north Caucasus “frontier”]. In: David-Fox M. (compiler). *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period: antologiya* [American Russian Studies: Milestones in the Historiography of Recent Years. The Imperial Period: Anthology]. Samara, 2000, pp. 163-194. (In Russian).
18. Turner F.J. *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American History]. Moscow, 2009. (In Russian).
19. Nolte G.-G. *Russkiye «krest'yanskiye voyny» kak vosstaniya okrain* [Russian “peasant wars” as rebellion of the outskirts]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 1994, no. 11, pp. 31-38. (In Russian).
20. Eydelman N.Y. *17 sentyabrya 1773 g. [17th September, 1773]. In: Eydelman N.Y. Iz potayennoy istorii Rossii XVIII–XIX vekov* [From the Hidden History of Russia 18th – 19th Centuries]. Moscow, 1993. (In Russian).
21. Stepanov I.V. *Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom Stepana Razina v Srednem Povolzh'ye* [Peasant War led by Stepan Razin in the Middle Volga region]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo universiteta. Seriya istoricheskiye nauki* [Scientific Notes of Leningrad University. Series Historical Sciences], 1956, vol. 24, no. 205, pp. 125-166. (In Russian).
22. Dubman E.L. *Proyekt Syzranskoy linii: predystoriya, sozdaniye i sud'ba* [The project of Syzran boundary: prehistory, creation and destiny]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, vol. 13, no. 3 (2), pp. 326-332. (In Russian).
23. Dubman E.L. *Problema Syzranskoy cherty i nachal'nyy etap kolonizatsii volgo-surskogo mezhdurech'ya (1680-e gg. – nachalo XVIII v.)* [The problem of Syzran fortified border line and the early colonization of the area between Volga and Sura rivers (1680 – early 18th century)]. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* [Yearbook on Agrarian History of Eastern Europe], 2012, no. 1, pp. 161-171. (In Russian).
24. Dubman E.L. *Formirovaniye sel'skogo naseleniya v Simbirsko-Samarskom Povolzh'ye v XVII – nachale XVIII v.* [The formation of the rural population in the Simbirsk-Samara Volga region in the 17th – early 18th century]. *Krest'yanskoye khozyaystvo i kul'tura derevni Srednego Povolzh'ya* [Peasant Farming and Village Culture of the Middle Volga Region]. Yoshkar-Ola, 1990, pp. 19-25. (In Russian).
25. Dimitriyev V.D. *Chuvashiya v epokhu feodalizma (XVI – nachalo XIX v.)* [Chuvashia in the Feudalism Era of (16th – Early of 19th Century)]. Cheboksary, 1986. (In Russian).
26. Mukhamadiyev A.G. *Zolotaya Orda [Golden Horde]. In: Alishev S.Kh. (executive ad.). Materialy po istorii Tatarskogo naroda* [Proceedings on the History of Tatar People]. Kazan, 1995, pp. 136-185. (In Russian).
27. Kurbskiy A. *Istoriya o delakh velikogo knyaza Moskovskogo* [History of the Grand Duke of Moscow Affairs]. Moscow, 2015. (In Russian).
28. Melnikov Y.N. (compiler). *Pistovaya kniga Karsunskogo i Simbirskogo uyezдов 1685–1686 gg.* [The Scribal Book of Karsun and Simbir Counties 1685–1686]. Ulyanovsk, 2014. (In Russian).

29. Dubman E.L. Yasachnyye krest'yane Kazanskogo kraya v Yuzhnom Srednevolzh'ye (k voprosu o spetsifike kolonizatsionnykh protsessov vo vtoroy polovine XVII v.) [Yasak peasants of the Kazan Region in the Southern middle Volga region (to the question of the specifics of colonization processes in the second half of the 17th century)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 2019, no. 2 (25), pp. 13-23. DOI 10.18287/2542-0445-2019-25-2-13-23 (In Russian).
30. Yurchenkov V.A. *Vzglyad so storony (mordovskiy narod i kray v sochineniyakh zapadno-evropeyskikh avtorov VI–XVIII stoletiy)* [View from the Side (Mordovian People and Region in the Essays of the West European Authors of 6th – 18th Centuries)]. Saransk, 1995. (In Russian).

Информация об авторе

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация. E-mail: dubmane@mail.ru

Вклад в статью: изучение архивных и научных источников, обработка и анализ материала, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>

Поступила в редакцию 05.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 02.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Edward L. Dubman, Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department. Samara National Research University, Samara, Russian Federation. E-mail: dubmane@mail.ru

Contribution: archival and scientific sources study, material processing and analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>

Received 5 July 2019

Reviewed 2 August 2019

Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-160-168
УДК 94(47)04/06

Роль строительства укрепленных линий и новых городов в формировании юго-восточных границ России в XVII–XVIII вв.

Роза Гафаровна БУКАНОВА

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-3666>, e-mail: brg777.50@mail.ru

The role of building fortified lines and new cities in the formation of southeastern borders of Russia in the 17th – 18th centuries

Roza G. BUKANOVA

Bashkir State University
32 Zaki Validi St., Ufa 450076, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-3666>, e-mail: brg777.50@mail.ru

Аннотация. Исследование процесса расширения государственной территории и формирования государственных границ является актуальной проблемой исторической науки. Поставлена цель: показать, как шел этот процесс на территории юго-востока России в XVII–XVIII веках. В условиях регионализации отечественной исторической науки важным методологическим инструментом является теория фронта. Она позволяет применить к исследованию юго-восточного фронта России теоретические и конкретно-исторические разработки ученых, полученных в результате изучения других пограничных территорий, в частности, южного и поволжского фронта. Основные результаты данной работы заключаются в том, что в ней дано определение юго-восточного фронта и установлены его географические параметры, охватывающие в основном территорию Башкирии, оказавшейся в составе России с середины XVI века. Обоснована роль городов-крепостей и укрепленных линий в формировании юго-восточной фронтальной зоны. Показан процесс формирования государственных границ в этом регионе. Сделан вывод о том, что, независимо от мотивов сооружения, города-крепости становились политическим инструментом закрепления новых земель в составе Российского государства, способствовали постепенному превращению фронтальной территории во внутреннюю область (уезд, губернию).

Ключевые слова: юго-восточный фронт; Башкирия; города-крепости; Оренбургская укрепленная линия; государственная граница

Благодарности: Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00313 А, проект «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Для цитирования: Буканова Р.Г. Роль строительства укрепленных линий и новых городов в формировании юго-восточных границ России в XVII–XVIII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 160-168. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-160-168

Abstract. The study of the process of state territory expansion and the formation of state borders is a relevant problem of historical science. We set a goal: to show how this process went on in the Southeast of Russia in the 17th – 18th centuries. In the context of the regionalization of domestic historical science, frontier theory is an important methodological tool. It allows applying theoretical and concrete historical scientists' solutions to the study of the southeastern frontier of Russia obtained as a result of studying other border territories, in particular the southern and Volga frontier. The main results of this study define the southeast frontier and sets its geographic parameters,

covering mainly the territory of Bashkiria, which has been part of Russia since the middle of the 16th century. We substantiate the role of fortress cities and fortified lines in the formation of the southeast frontier zone. We show the process of state borders formation in this region. We draw conclusion that, regardless of the construction motives, the fortress cities became a political tool for securing new lands within the Russian state, and contributed to the gradual transformation of the frontier territory into an internal region (county, governorate).

Keywords: southeastern frontier; Bashkiria; fortress cities; Orenburg fortified line; state border

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-09-00313 A, "Russian frontier: social and economic dynamics, everyday and household population models, formation of state territory and mobile border. 16th – early of 19th century (on materials of the southern and southeastern counties of the Central European Region)".

For citation: Bukanova R.G. Rol' stroitel'stva ukreplennykh liniy i novykh gorodov v formirovaniy yugo-vostochnykh granits Rossii v XVII–XVIII vv. [The role of building fortified lines and new cities in the formation of southeastern borders of Russia in the 17th – 18th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 160-168. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-160-168 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Методологическое значение концепции фронта в современной отечественной историографии заключается в том, что она позволяет по-новому взглянуть на самые различные стороны процесса формирования государственной территории России на протяжении практически всей ее истории. На разных этапах развития государства – от эпохи Киевской Руси до Российской империи – ее территория непрерывно прирастала новыми землями, которые различались не только географическими и природно-климатическими, но и этнодемографическими, социально-экономическими и культурными признаками. В связи с этим одним из ключевых вопросов российской истории является формирование государственных границ, очерчивающих ареал расселения государствообразующего этноса и вовлеченность данной территории в административно-правовую систему страны.

В трудах Ю.А. Мизиса, О.В. Скобелкина, А.И. Папкина, посвященных исследованию южнорусского фронта, подробно рассмотрено содержание и соотношение терминов «фронт» и «граница». В конкретно-историческом плане мнение авторов можно сформулировать следующим образом: фронт – это «зона экономического, социального, политического и культурного взаимодействия» русского населения с населением колонизируемой приграничной территории, а граница – «четкое определение государственной принадлежности смежных территорий» [1, с. 9-10]. Наряду с общими признаками фронта, достаточно хорошо описанны-

ми в исторической литературе, на юге России главными отличительными признаками фронтальной зоны являлись:

- отсутствие на сопредельной территории какого-либо государства (колонизируемой территорией было Поле, где не было постоянного населения);

- государственная граница в современном понимании отсутствовала, она носила весьма условный (подвижный) характер. В XVI–XVII веках определенными координатами подконтрольной российскому правительству территории являлись сторожевые посты и маршруты проезжих станиц, посылаемых в степь из окраинных городов [2, с. 44-45].

Ввиду обширности колонизируемых Россией пограничных регионов по всему периметру ее границ, географические координаты фронтальных зон, как правило, не поддаются точному определению. Тем не менее южнорусский фронт XVI–XVII веков исследователи предлагают ограничить «территорией междуречья Волги и Дона с востока на запад», а с севера на юг – «границей бывшего Рязанского княжества и предгорьями Кавказа» [1, с. 10]. Кроме того, методами фрактального анализа были впервые установлены его конкретно-исторические и пространственные характеристики [3].

Если мы сознательно ограничимся рассмотрением истории только европейской части России, то в настоящее время как в методологическом, так и конкретно-историческом аспекте наиболее полно разработана

фронтирная теория применительно к истории освоения южного приграничья к западу от правобережья р. Волга и область Среднего и Нижнего Поволжья, которая рассматривается как «поволжский» фронт [4].

Астраханские исследователи к южному фронтиру России относят также социальное пространство Нижней Волги – зону активных межэтнических и межконфессиональных контактов, где происходил процесс зарождения «новой культурной реальности» [5].

Уральские историки для осмысления процессов, которые происходили в приграничных частях страны, имевших для России петровской и постпетровской эпохи важное хозяйственное значение, выдвинули новую трактовку концепции фронта – теорию фронтирной модернизации. Кроме методологического значения данного положения, в их исследованиях подвергнуты анализу специфические черты фронтирной модернизации в условиях незавершенного освоения территорий Среднего Поволжья, Урала и Западной Сибири в имперский период, то есть с начала промышленного освоения Урала [6; 7].

Этот краткий обзор показывает, что, несмотря на регионализацию исследования одних и тех же проблем отечественной истории, в целом речь идет о тех территориях юга и востока России, которые последовательно и почти без сопротивления со стороны аборигенного населения (или их отсутствия на юге) были включены в административную систему Российского государства. Вне поля зрения историков оказались регионы, которые длительное время оставались относительно самостоятельными в политическом отношении и где даже после вхождения в состав Российского государства сохранялся традиционный уклад социально-экономической жизни, самобытное этнокультурное своеобразие. Это – территории к юго-востоку от центра России с явным преобладанием инородческого населения, зона соприкосновения славяно-православной и тюрко-мусульманской цивилизаций. Другими словами – юго-восточный фронт.

Попытаемся представить наше определение юго-восточного фронта XVII–XVIII веков с учетом того, что современные географические представления о юго-восточных рубежах России совершенно не совпадают с географическими представлениями той эпо-

хи. Под юго-восточным фронтом мы подразумеваем территорию к востоку от р. Волга и нижнего течения р. Кама, то есть территорию Башкирии, вошедшей в состав Российского государства в 1557 г. после падения Казанского ханства. Башкирия оставалась фронтирной зоной вплоть до буржуазных реформ 60-х гг. XIX века.

В соответствии с темой данного исследования мы ограничимся хронологическими рамками XVII–XVIII веков, периодом, когда перед российским правительством встала задача окончательного определения и утверждения юго-восточных границ Российского государства. На решение этой задачи ушло почти столетие: она была решена в ходе сооружения городов-крепостей и укрепленных линий на протяжении второй половины XVII – первой половины XVIII века.

Пограничная Башкирия имела ряд особенностей. Эта территория отличалась особым культурно-политическим кодом, позволившим ей сохранить региональное своеобразие как в составе Золотой Орды, так и после добровольного признания башкирами российского подданства в составе России. В сущности, она и являлась настоящей фронтирной зоной, где тесно взаимодействовали тюркские, славянские и угро-финские народы. В связи с тем, что башкирский народ в процессе этногенеза вобрал в себя разнообразные этнические компоненты, это взаимодействие складывалось естественным образом как до, так и после ее вхождения в состав России. Однако особенность юго-восточного фронта заключалась не только в этом. В отличие от южного фронта, сложившегося на стыке соприкосновения с незаселенным Полем, Башкирия была окружена со всех сторон государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды, и даже была разделена между Ногайской Ордой, Казанским и Сибирским ханствами.

В составе России Башкирия как юго-восточная фронтирная область являлась не только, и не столько зоной экономических, социальных и культурных контактов пришлого населения с местным, а территорией, имеющей важное стратегическое и геополитическое значение. Поэтому во взаимоотношениях России с ногайцами, калмыками, казахами, сибирскими татарами она играла посредническую роль. Только в середине XVIII

века после установления четких государственных границ вдоль внешних пределов Башкирии и образования на ее территории Оренбургской губернии Россия вступила в непосредственное соприкосновение с Казахстаном, вышла на среднеазиатские рынки и установила прямые дипломатические отношения со странами Центральной и Юго-Восточной Азии. Включение Башкирии в административную структуру Российского государства и постепенная трансформация буферной зоны во внутреннюю область Российской империи происходило преимущественно военно-политическими методами – путем сооружения городов-крепостей и укрепленных линий, появление которых, хотя это было обусловлено внешнеполитическими причинами, сыграло в этом процессе едва ли не главную роль.

Юго-восточный фронт в общих чертах был рассмотрен в нескольких статьях, в которых большое внимание уделено строительству на его территории городов-крепостей и укрепленных линий [8–10]. На начальной стадии формирования юго-восточного фронта (вторая половина XVI века) в историческом центре Башкирии была построена Уфимская крепость (1586 г.); на западной ее окраине – город-крепость Самара (1586 г.); на р. Кама, в северной части Башкирии, было основано укрепленное дворцовое поселение – Оса (1591 г.), вокруг которого образовалась Осинская дворцовая волость. В Башкирии же наряду с существовавшими издавна фискальными округами – Ногайской, Казанской и Сибирской дорогами – появилось еще одно административное деление: Осинская дорога. Основание Уфы, по существу, явилось первым шагом в освоении заволжских и закамских земель. Русские крепости и укрепленные поселения явились условными знаками принадлежности этого региона к сфере влияния Российского государства.

Следующий этап в формировании юго-восточного фронта относится к середине и второй половине XVII века. Он характеризовался возникновением внешней угрозы: в 30-х гг. XVII века многочисленные калмыцкие племена окончательно завоевывают территорию вдоль внешних границ России на юге и юго-востоке Башкирии. Большая Ногайская Орда прекратила свое существование, что побудило российское правительство

перейти к активным наступательным действиям.

В середине 40-х гг. XVII века на левобережье р. Кама в Уфимском уезде сначала были построены отдельно стоявшие крепости: Шешминск, Чалнинский городок и Мензелинск. А в 1652–1655 гг. была построена сплошная линия укреплений – Закамская черта. В ходе строительства Закамской черты в восточном направлении от р. Волга возникли крепости: Белый Яр, Ерыклинск, Тининск, Новошешминск, стоялый острог Кичуев, крепость Заинск, а также частично была перестроена и включена в Закамскую черту Мензелинская крепость, возникшая еще в 1645 г. [11].

Этот период характерен тем, что под угрозой калмыцкого вторжения впервые предпринимается попытка установить внешние границы Российского государства – «государевой земли». От имени царя как гаранта вотчинного права башкир и обладателя верховной власти на башкирские земли московское правительство выступило с категорическим требованием, чтобы калмыки не вторгались в пределы Башкирии. В документах четко обрисованы границы ясачных владений башкирского населения, которые назывались «государевыми башкирскими волостями», «государевых ясажных людей вотчинными землями». Так, 14 июня 1650 г. уфимский воевода доводил до сведения калмыцких послов, что «по Яику, и по Сакмаре, и по Илеку, и по Ору, и по Киилу и с малыми речками, которые в те реки впади, земли царского величества; в тех урочищах Казанских, и Уфинских, и Самарских уездов русских людей, и башкирцов <...> вотчины истари, а с тех своих вотчин они платят государев яsak»¹. Другие источники также обозначают внешние пределы «государевых земель» по среднему и верхнему течению р. Яик и его притокам Илеку, Ори, Сакмаре и Киилу². Кроме того, в грамоте приказа Казанского дворца 1650 г. указывалось, чтобы калмыки «к государеве отчине к Астарахани, и к государевым городом, и к Волге реке не приходили»³. По этим документам можно устано-

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 127. Ногайские дела. 1650 г. Д. 2. Л. 5.

² Там же. Л. 2, 4-5, 131; Ф. 119. Калмыцкие дела. 1648 г. Д. 1. Л. 53, 62.

³ РГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. 1649 г. Д. 1. Л. 131.

вить примерные границы России на юго-востоке: от Каспийского моря они шли между р. Волга и р. Яик на север, постепенно поворачивая на северо-восток, к низовьям рек Большой и Малой Узени. Далее – по среднему течению р. Яик, его притокам Илек и Орь, – и уходила в верховья р. Тобол [11, с. 67–68]. К тому времени в орбиту интересов Российского государства входили также земли по рекам Иртыш, Омь и Камышлов, с которых калмыки должны были платить ясак за право кочевать на этих землях. Следует заметить, что эта определенность в обозначении юго-восточных границ была обусловлена тем, что башкиры очень хорошо знали границы своих вотчинных земель, что противоречит утвердившемуся в исторической литературе мнению о том, что степные народы были кочевниками, не имевшими локальной территории расселения.

Строительство Закамской черты вписывалось в общую концепцию оборонительной стратегии Российского государства. В 30–50-х гг. XVII века московское правительство берет курс на создание непрерывной цепи оборонительных линий: Белгородской черты (1635–1658 гг.), Тамбовского вала, Симбирской черты (1648–1654), Закамской черты (1652–1655 гг.). Они стали представлять собой своеобразную линию русского фронта, которые разделили наиболее освоенные русским населением южные и юго-восточные окраины Российского государства от иноязычного окружения. На укрепленных линиях появились десятки городов-крепостей, которые длительное время выполняли функцию пограничных форпостов.

Таким образом, установление внешних государственных границ на юго-востоке диктовалось необходимостью борьбы с внешними неприятелями. В первой половине XVII века возникла реальная угроза потери Россией юго-восточных земель. Территория Большой Ногайской Орды, распространившаяся на большое пространство между реками Эмбой и Волгой, была захвачена хорошо вооруженными и известными в степи своей воинственностью калмыками, а в первой половине XVIII века их сменили не менее воинственные киргиз-кайсаки (казахи).

На примере освоения территории Башкирии (Уфимского уезда) хорошо иллюстрируется логика перехода от строительства от-

дельных крепостей к строительству укрепленных линий. Первая русская крепость на этой территории возникла в процессе присоединения новой территории – с согласия самих башкир. В последующем большая часть укрепленных городов-крепостей возникла в ходе создания цепи оборонительных линий против внешних врагов или подавления сопротивления местного населения. С середины XVII века возникает новая тенденция – строительство крепостей в процессе экономического освоения природных богатств вновь присоединенной территории. Так, после подавления башкирского восстания 1662–1664 гг. на месте запустевшего дворцового села Архангельского в 1667 г. был построен укрепленный Бирский городок, который выполнял функцию перевалочного пункта в торговле местных жителей с сибирскими городами. К XVII веку относится появление на Южном Урале первого русского поселения, основанного в связи с разработкой природных ресурсов. В 1684 г. на соляных месторождениях, принадлежащих башкирам Кесе-Табынской волости, с их согласия был построен Соловарный городок, заселенный стрельцами. Эти городки XVII века, хотя и были заселены военно-служилым населением, были ориентированы в основном на освоение природных богатств края.

История градостроительной политики на территории Башкирии представляет особый интерес в связи с тем, что политико-правовой статус Башкирии в составе России разительно отличался от положения других регионов. Башкиры, принявшие русское подданство добровольно, в отличие от других покоренных народов, обладали вотчинным правом, охраняемым государством, что в какой-то степени сдерживало процесс увеличения численности городских поселений в этом регионе.

Начало третьего этапа формирования юго-восточных границ России относится к эпохе Петра I. Здесь мы не будем касаться вопросов картографирования и создания атласа Российской империи в процессе всеобщей «инвентаризации» государственной территории. Петр I сохраняет прежнюю политику присоединения и освоения новых земель посредством предварительного сооружения на стратегически важных направлениях крепостей или непрерывных укрепленных ли-

ний. Однако, в целом город на протяжении первой четверти XVIII века постепенно меняет свое предназначение. Город становится политическим инструментом и основным ядром в проведении административных реформ.

В основу губернской реформы 1708 г. была положена сложившаяся к тому времени урбанистическая система. Созданные указом Петра I от 18 декабря 1708 г. губернии и уезды стали теперь напрямую зависеть от наличия городов. Наиболее крупные из них стали губернскими центрами. Весь юго-восток вошел в состав Казанской губернии. Всего в ней числилось 36 городов уездного значения, а к ним в свою очередь было приписано 34 «пригорода». Так, к Уфе были приписаны село Каракулино, Бирский и Соловарный городки. Если учесть, что Соловарный городок был построен лишь в 1684 г. как острожек и вскоре прекратил свое существование, то на огромной территории Башкирии в петровское время фактически оставалось всего лишь 2 городских поселения: Уфа и Бирск. Мензелинская крепость и городок Оса, ранее находившиеся в составе Уфимского уезда, были приписаны к г. Казань. Губерния оказалась трудноуправляемой. После крупнейшего башкирского восстания 1704–1711 гг. в 1712–1715 гг. в Башкирии была введена особая система управления. В 1728 г. воевода Уфимской провинции был напрямую подчинен Сенату.

В XVIII веке строительство линий и крепостей все больше приобретает наступательный характер. Признание российского подданства ханом Младшего казахского жуза Абулхаиром побудило российское правительство приступить к строительству новых укрепленных линий с городами-крепостями нового типа. Так, в 1731–1736 гг. в Заволжье была построена Новая Закамская линия и на ней крепости: Алексеевск, Красноярская, Сергиевск, Черемшанская. Это было началом активной политики России в Башкирии, все еще остававшейся вне российской юрисдикции и сохранявшей особое положение в составе Российской империи.

Следующий этап, предшествующий установлению демаркационной линии между Российской государственной территорией и казахскими землями, связан деятельностью

Оренбургской военно-географической экспедиции (комиссии) в 1734–1743 гг.

Основная задача экспедиции – первоначально она называлась Киргиз-кайсацкой экспедицией – состояла в открытии нового сухопутно-морского пути из России в Индию, который должен был пройти через Башкирию, территорию Младшего казахского жуза и акваторию Аральского моря. На этом пути должны были быть построены город Оренбург и пристань на Арале. Однако с самого начала деятельности экспедиции стало ясно, что эти задачи невыполнимы, и, чтобы оправдать свое существование и затраченные на нее средства, вся ее деятельность была направлена на массовое строительство городов-крепостей на территории Башкирии [12, с. 110]. При первом начальнике Оренбургской экспедиции И.К. Кирилове в центре и вдоль внешних границ Башкирии в общей сложности было заложено 18 крепостей. Из них к началу 1737 г. было построено 10 крепостей: Оренбургская крепость на р. Ор (ныне – г. Орск), в остальных частях Башкирии – Табынская, Озерная, Бузулуцкая, Красносамарская, Красноуфимская, Елдяцкая и Нагайбацкая крепости. Две крепости были построены в Зауралье – Чебаркульская и Миясская.

В мае 1737 г. после смерти И.К. Кирилова начальником Оренбургской комиссии был назначен В.Н. Татищев, который в 1720–1722 и 1734–1737 гг. занимал пост начальника Главного Правления Сибирских и Казанских казенных заводов в г. Екатеринбург и хорошо знал обстановку в Башкирии.

В.Н. Татищев не только продолжил строительство городков, начатых при И.К. Кирилове, но и внес определенный порядок в это дело, подчинив строительство крепостей задачам управления краем и определив их административные функции. При нем были заложены и новые крепости: Тевкелев Брод, Переволока, а также Елшанская и Сорочинская – на р. Самара; Татищева пристань, Бердская, Губерлинская – на р. Яик; Мочинская крепость в 20 верстах южнее г. Самары; Ставрополь на р. Волга для удержания калмыков за Волгой (это место ныне затоплено Волжским водохранилищем); достроены Эткульская и Челябинская крепости в Зауралье.

В.Н. Татищевым было принято решение о переносе г. Оренбурга на новое более удобное место. Выяснилось, что, хотя И.К. Кирилов еще в 1736 г. доложил императрице Анне Иоанновне об окончании строительства Оренбурга, ничего в нем еще не было построено. Место под строительство нового города Оренбурга было определено в урочище Красная гора, однако достроить Оренбургскую крепость В.Н. Татищеву не удалось [12, с. 143-144].

В 1742 г. командиром Оренбургской комиссии был назначен опытный администратор и государственный деятель И.И. Неплюев. В 1743 г. он объезжает Башкирию с целью определения границ будущей губернии, а заодно основывает и заселяет новые города-крепости. Ниже по течению р. Яика были определены места для строительства еще двух крепостей: Магнитной близ Магнитной горы, Кизильской на р. Нижний Кизил. Две небольшие крепости предполагалось построить на реках Уртазым и Таналык. Во время пребывания И.И. Неплюева в Зауралье было выбрано новое место под строительство г. Оренбург при впадении р. Сакмара в р. Яик – на самой границе Башкирии. 19 апреля 1743 г. было начато строительство города. В 1744 г. была образована Оренбургская губерния. Оренбург становится губернским городом, а И.И. Неплюев – первым губернатором [12, с. 148-151].

Многие города-крепости, построенные в 1736–1743 гг. вдоль внешних границ башкирских земель и земель уральского казачества, вошли в состав Оренбургской укрепленной линии. При И.И. Неплюеве окончательно оформляются контуры пограничной линии, организуется постоянная пограничная служба силами оренбургского казачества и башкир, устанавливаются государственные границы Российской империи на юго-вос-

токе, просуществовавшие почти до середины XIX века. Оренбургская линия была разделена на 5 дистанций.

1-я дистанция включала крепости и редуты от Звериноголовской крепости до г. Верхнеуральск (Звериноголовская, Усть-Уйская, Крутоярская, Каракульская, Троицкая, Степная, Петропавловская, Карагайская крепости).

2-я – от Верхнеуральска до Орской крепости (Верхнеуральская, Магнитная, Кизильская, Уртазымская, Таналыкская крепости).

3-я – от Орской крепости до Оренбурга (Орская, Губерлинская, Ильинская, Верхнеозерная, Красногорская крепости и г. Оренбург).

4-я – от г. Оренбург до Уральска (Чернореченская, Татищева, Нижне-Озерная, Расыпная крепости).

5-я – от Уральска до Гурьева городка.

От Звериноголовской крепости начинались Сибирские укрепленные линии, протянувшиеся по южным рубежам Западной Сибири, и тоже выполнявшие функцию государственной границы.

Башкирия в составе Оренбургской губернии превратилась во внутреннюю область Российского государства, однако до 60-х гг. XIX века эту территорию нельзя считать освоенной. Поэтому мы считаем, что с середины XVIII до середины XIX века эту территорию можно считать внутренним фронтиром, где еще продолжались процессы взаимодействия разных укладов хозяйственной жизни и разных культур.

В заключение отметим, что города-крепости и укрепленные линии, построенные на территории Башкирии в XVI–XVIII веках, сыграли исключительно важную роль в расширении государственной территории и формировании юго-восточных границ империи.

Список литературы

1. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7-15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15
2. Скобелкин О.В. Южный фронт России на рубеже 60–70-х гг. XVI в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 10 (126). С. 43-48.
3. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Конкретно-историческое обоснование расчета значений управляющих факторов динамики южнорусского фронта в XVII – середине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 16-29. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-16-29

4. Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России // Дубман Э.Л. Ч. I. Поволжский фронт в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2012.
5. Романова А.П., Якушенков С.Н. Фронтальная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России // Инноватика и экспертиза. 2012. № 2 (9). С. 74-80.
6. Зубков К.И. Фронт как исследовательская парадигма // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 63-71.
7. Побережников И.В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72-80.
8. Рахимов Р.Н. Оренбургская и сибирские пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронты России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 10 (126). С. 103-109.
9. Буканова Р.Г. Роль Оренбурга в формировании юго-восточного фронта России // Оренбург в контексте истории Российского государства (к 270-летию г. Оренбурга): материалы заседания Научного совета ГБУ «ГАОО» / под ред. В.А. Ильиной [и др]. Оренбург: ООО НИК «Университет», 2014. С. 25-27.
10. Буканова Р.Г., Тычинских З.А., Муратова С.Р. Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 89-95. DOI 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-89-95
11. Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. Уфа, 1999. 149 с.
12. Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 256 с.

References

1. Mizis Y.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. Teoriya frontira i yug Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. [The theory of the frontier and the south of Russia in 16th – the first half of the 18th century] *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 7-15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15 (In Russian).
2. Skobelkin O.V. Yuzhnyy frontir Rossii na rubezhe 60–70-kh gg. XVI v. [Southern frontier of Russia at the edge of 60–70s. 16th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, vol. 10 (126), pp. 43-48. (In Russian).
3. Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Konkretno-istoricheskoye obosnovaniye rascheta znacheniy upravlyayushchikh faktorov dinamiki yuzhnorusskogo frontira v XVII – seredine XIX v. [A concrete historical rationale for evaluation of control factors of South Russian frontier dynamics in 17th – the middle of 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 16-29. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-16-29 (In Russian).
4. Dubman E.L. Yugo-Vostok Evropeyskoy Rossii [Southeast of European Russia]. In: Dubman E.L. *Ch. I. Povolzhskiy frontir v seredine XVI – XVII vv. Ocherki istorii* [Part 1. Volga Region Frontier in the mid 16th – 17th Centuries]. Samara, “Samara University” Publ., 2012. (In Russian).
5. Romanova A.P., Yakushenkov S.N. Frontirnaya teoriya: novyy podkhod k osmysleniyu sotsial’no-politicheskoy i ekonomicheskoy situatsii na Yuge Rossii [Frontier theory: a new approach to understanding the socio-political and economic situation in the south of Russia]. *Innovatika i ekspertiza – Innovatics and Expert Examination*, 2012, no. 2 (9), pp. 74-80. (In Russian).
6. Zubkov K.I. Frontir kak issledovatel’skaya paradihma [Frontier as a research paradigm]. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*, 2018, no. 4 (61), pp. 63-71. (In Russian).
7. Poberezhnikov I.V. Frontirnaya modernizatsiya na vostokey Rossiyskoy imperii: regional’nyye variatsii [Frontier modernization in the east of the Russian Empire: regional variations]. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*, 2018, no. 4 (61), pp. 72-80. (In Russian).
8. Rakhimov R.N. Orenburgskaya i sibirskiy pogranichnyye linii v XVIII – pervoy polovine XIX v. kak yugo-vostochnyy i vostochnyy frontiry Rossii [Orenburg and Siberian boundary lines in 18th – first half of 19th centuries as south-eastern and eastern frontiers of Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, vol. 10 (126), pp. 103-109. (In Russian).
9. Bukanova R.G. Rol’ Orenburga v formirovaniy yugo-vostochnogo frontira Rossii [The Role of Orenburg in the Formation of the Southeastern Frontier of Russia]. *Materialy zasedaniya Nauchnogo soveta GBU «GAOO» «Orenburg v kontekste istorii Rossiyskogo gosudarstva (k 270-letiyu g. Orenburga)»* [Proceedings

- of the Academic Council Session of the State Budgetary Institution “State Archive of Orenburg Region” “Orenburg in the Context of Russian State History (to the Orenburg’s 270th Anniversary)”. Orenburg, LLC NIK “University” Publ., 2014, pp. 25-27. (In Russian).
10. Bukanova R.G., Tychinskikh Z.A., Muratova S.R. Osobennosti frontira na Urale i v Zapadnoy Sibiri v XVI–XVIII vv. [Peculiarities of frontier in Ural and Western Siberia in 16th – 18th centuries]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*, 2018, no. 4 (61), pp. 89-95. DOI 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-89-95. (In Russian).
 11. Bukanova R.G. *Zakamskaya cherta XVII veka* [Zakamskaya Line of the 17th Century]. Ufa, 1999, 149 p. (In Russian).
 12. Bukanova R.G. *Goroda-kreposti yugo-vostoka Rossii v XVIII veke. Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii* [Fortress Cities of Southeastern Russia in the 18th Century. The History of Cities Formation in Bashkiria]. Ufa, Kitap Publ., 1997, 256 p. (In Russian).

Информация об авторе

Буканова Роза Гафаровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения. Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация. E-mail: brg777.50@mail.ru

Вклад в статью: работа с архивными источниками, анализ научной литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-3666>

Поступила в редакцию 12.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 14.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Roza G. Bukanova, Doctor of History, Professor, Professor of Russian History, Historiography and Source Studies Department. Bashkir State University, Ufa, Russian Federation. E-mail: brg777.50@mail.ru

Contribution: work with archival sources, scientific literature analysis, manuscript text drafting

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-3666>

Received 12 July 2019

Reviewed 14 August 2019

Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-169-177
УДК 94(47)

Подведомственность российского Черноземья московским приказам в XVII в.

Владимир Николаевич ГЛАЗЬЕВ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4615-0699>, e-mail: vng@main.vsu.ru

Jurisdiction of the Russian Black Earth Region to Moscow prikazes in the 17th century

Vladimir N. GLAZIEV

Voronezh State University
1 University Sq., Voronezh 394018, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4615-0699>, e-mail: vng@main.vsu.ru

Аннотация. Рассмотрено подчинение городов и уездов южного пограничья (Черноземья) московским приказам. Определено, что главным приказом для Черноземья являлся Разрядный приказ, сосредоточивший в своих руках военное, административное, финансовое и судебное управление Югом. Специфические задачи на юге России решали другие приказы: Посольский, Поместный, Стрелецкий, Разбойный и др. В ведении Посольского приказа находились донские казаки, которые снабжались хлебом с территории Черноземья. Поместный приказ наделял землями служилых людей, вел учет поместий и вотчин. Стрелецкий приказ руководил стрельцами и городскими казаками. Разбойный приказ организовывал борьбу с уголовными преступлениями. На протяжении XVII столетия компетенция Разрядного приказа в отношении городов Черноземья расширялась. По документам прослеживается стремление руководителей приказов расширить компетенцию своего ведомства.

Ключевые слова: Россия; XVII век; южное пограничье; Черноземье; приказы; подведомственность

Благодарности: Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00313 А, проект «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Для цитирования: Глазьев В.Н. Подведомственность российского Черноземья московским приказам в XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 169-177. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-169-177

Abstract. We consider the subordination of cities and counties of the southern borderland (Black Earth Region) to Moscow prikazes. We determine that the main prikaz for the Black Earth Region was the Order-in-charge prikaz, which concentrated in its hands the military, administrative, financial and judicial management of the South. Specific tasks in the south of Russia were solved by other prikazes: Ambassadorial, Domestic, Prikaz of Riflemen, Robbery Prikaz and others. The Don Cossacks were in charge of the Ambassadorial prikaz, and were supplied with bread from the Black Earth Region territory. The Domestic prikaz endowed the service class people with lands, kept records of manors and patrimonial estates. The Prikaz of Riflemen supervised riflemen and city Cossacks. The Robbery prikaz organized the fight against criminal offenses. Throughout the 17th century, the competence of the Order-in-charge prikaz in relation to the cities of the Black Earth Region expanded. According to the documents, the desire of prikazes chiefs to expand the competence of their department is traced.

Keywords: Russia; 17th century; southern borderland; Black Earth Region; prikazes; jurisdiction

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-09-00313 A, "Russian frontier: social and economic dynamics, everyday and household population models, formation of state territory and mobile border. 16th – early of 19th century (on materials of the southern and southeastern counties of the Central European Region)".

For citation: Glaziev V.N. Podvedomstvennost' rossiyskogo Chernozem'ya moskovskim prikazam v XVII v. [Jurisdiction of the Russian Black Earth Region to Moscow prikazes in the 17th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 169-177. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-169-177 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В организации управления территорией Российского Черноземья в XVII веке ведущую роль играли столичные органы власти. При этом наиболее важные и спорные вопросы выносились на рассмотрение царя и боярской думы, текущие дела решались в приказах. Наблюдения над приказной административной практикой в отношении определенного региона позволяют проследить тенденции в развитии местного управления в России XVII века.

Вопрос об административной подчиненности территории в разные исторические периоды имеет и прикладное для исследователей значение. Знание компетенции того или иного приказа помогает вести поиск документов в современных хранилищах.

Приказы создавались без какой-либо системы, четкое разграничение их функций отсутствовало. В связи с этим классификация приказов условны и дискуссионны. Н.Ф. Демидова, не рассматривая подробно дискуссионные вопросы, разграничила приказы на государственные, дворцовые и патриаршие [1, с. 20]. Д.В. Лисейцев признает это деление обоснованным. По его мнению, государственные приказы могут быть распределены по следующим группам: 1) приказ территориальной компетенции (в эту категорию включается для начала XVII века только приказ Казанского дворца); 2) государствообразующие ведомства; 3) сословные приказы; 4) приказы судебной компетенции; 5) финансовые учреждения [2, с. 239-241]. Представляется, что для изучаемого региона целесообразно выделить областной (территориальный) приказ и функционально-ведомственные приказы.

Географически район исследования охватывает территорию городов-крепостей «на Поле» конца XVI века, к которым относились Воронеж, Ливны, Елец, Курск, Белгород, Оскол (Старый Оскол), Валуйки, Царев-

Борисов. В XVII веке к городам «на Поле» вместо запустевшего Царева-Борисова относились Лебедянь. С 1635 г. в области «полевых» городов возникли новые города. С 1658 г. территория современного Черноземья входила как составная часть в область «городов Белгородского полка».

Как можно судить по елецким (1592–1593) и воронежским (1594) документам, в конце XVI века новопостроенные городокрепости «на Поле» находились в судебном-административном подчинении *Посольскому приказу*. В 1592 г. глава Посольского приказа дьяк А.Я. Щелкалов разбирал спорные дела об имуществе между помещиками и ушедшими от них в новые города в полковые казаки крестьянами. «И по государеву <...> указу и по боярскому приговору елецких голов и сотников казачих ведает во всем в Посольском приказе», – отмечено в памяти от 12 февраля 1593 г. Распоряжение пронскому воеводе кн. И.Ф. Жировому-Засекину от 26 августа 1594 г. о возвращении в Воронеж беглых плотников было направлено из Посольского приказа. Из Посольского приказа в сентябре 1594 г. производилось назначение воеводы в Воронеж вместе с выдачей наказа [3, с. 336, 354, 359, 380, 387]. Следует отметить, что в июне 1594 г. думный дьяк А.Я. Щелкалов отошел от руководства Посольским приказом, а его место занял брат В.Я. Щелкалов [4, с. 53, 61]. Суд над воронежским казаком А. Старцевым, ограбившим крестьянина И. Беляева, по грамоте, выданной в августе 1594 г., должен был производиться «в приказе дьяка Василия Щелкалова». На обороте грамоты по этому делу помещена запись: «Лист литовский, отдать в Посольский приказ»¹. Из этого следует, что

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. 1594. Д. 1. Ч. 2. Л. 39об., 40.

возникновение новых городов «на Поле» рассматривалось в правительстве в контексте отношений России и Речи Посполитой. Воронежские документы, относящиеся к 1594 г. и, вероятно, к 1595 г., в 1626 г. хранились в архиве Посольского приказа [5, с. 260].

Вместе с тем к управлению новыми городами в Черноземье в конце XVI века имел отношение *Разрядный приказ*, как орган, ведущий учет служилых людей и осуществляющий их назначение на службу [6, с. 156]. В Разрядном приказе на основе текущего делопроизводства составлялись разрядные книги, содержащие сведения о пребывании в должности воевод и голов в городах «на Поле» и имеющие местническое значение. В ведении Разряда находилась организация станичной и сторожевой службы, о чем свидетельствует память из Разряда в Посольский приказ за приписью разрядного дьяка С. Аврамова [3, с. 373].

После Смуты в XVII веке города Черноземья в военном, судебно-административном и податном отношении находились в подчинении Разрядному приказу. В компетенции Посольского приказа остались вопросы, связанные с проходами турецких и крымских послов через территорию Черноземья, выплатой жалования донским казакам. По словам О.В. Новохатко, Разрядный приказ был одним из двух (вместе с Поместным) государствообразующих учреждений России XVII века [7, с. 66].

Разрядный приказ в XVII веке решал множество разнообразных вопросов, общих и частных, которые возникали в повседневной жизни. Перечислить их невозможно. Выделим лишь некоторые направления военной, финансовой, административной и судебной деятельности Разряда в отношении Черноземья.

В 1614/15 г. оброчные, таможенные и кабацкие доходы с Лебедяни, Воронежа, Ельца, Курска, Валук поступали в Разряд². Это правило действовало до конца 1670-х гг. Распоряжение таможенными и кабацкими доходами в городах Черноземья составляло исключительную компетенцию Разрядного приказа. В 1642 г. воронежскому воеводе В.Г. Ромодановскому категорически предпи-

сывалось не расходовать денежные средства, собранные в таможне и кабаке, по грамотам других приказов кроме Разряда, в противном случае с него их могли взыскать в двойном размере [8, с. 49]. Разрядный приказ руководил всей организацией таможенного и кабацкого дела в Черноземье – отдачей на откуп таможен и кабаков, выборами голов и целовальников, следил за составлением приходных и расходных книг, состоянием кабацкого и таможенного хозяйства, взыскивал недоборы денежных средств.

Разрядный приказ осуществлял назначение воевод, осадных голов, подьячих в города Черноземья, выдавая должностным лицам подробные наказы. После 1658 г. в Разряде производилось назначение стрелецких и казачьих голов в города по Белгородской черте.

В ведении Разряда находился учет южнорусских служилых людей «по отечеству», определение характера их воинских обязанностей, поместных окладов, денежного жалования. После 1658 г. в распоряжение Разряда перешли стрельцы и полковые казаки из городов по Белгородской черте. Разряд руководил организацией обороны территории Черноземья, его распоряжения касались состояния защитных сооружений, строительства новых крепостей, отражения нападений татар и «воровских черкас», станичной и сторожевой службы.

Разрядным приказом определялся объем повинностей южнорусского населения, велся контроль за исполнением работ на десятинной пашне, сбором посопного и четверикового хлеба, городовым и валовым делом, подводной, струговой и прочими повинностями, которые несло южнорусское население. Обязанностью Разряда была организация отпуски жалования донским казакам. Разрядный приказ занимался сбором полоняничных денег с городов Черноземья с последующей передачей их в Посольский приказ³.

В Разряде с доклада царю рассматривались дела о политических преступлениях, обозначаемых как «Слово и дело государево» [9]. Здесь же осуществлялся суд южнорусских детей боярских, поместных казаков и атаманов, крестьян и бобылей, посадских людей (а с 1658 г. – стрельцов и полковых казаков) по искам о неуплате денег по зай-

² Русская историческая библиотека. Т. 28. Приходно-расходные книги московских приказов. М., 1912. IV, 1012 с. Стб. 284-285, 290-292.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 341. Л. 1-2.

мам, о кражах и грабежах. Полномочия Разряда распространялись на дела о сыске и возвращении владельцам беглых крестьян и на дела о бегстве посадских людей с посадов.

После крупного оборонительного строительства, которое началось с 1635 г., число городов Черноземья, подведомственных Разрядному приказу, увеличилось. В декабре 1651 г. Разряд рассылал грамоты о сборе полоняничных денег в следующие города: Валуйки, Чугуев, Валки, Белгород, Болхов, Карпов, Хотмышск, Вольный, Каменный, Алешню, Недрыгайлов, Курск, Кромы, Козлов, Сокольск, Добрый, Усмань, Воронеж, Коротояк, Ольшанск, Усерд, Царев-Алексеев, Верхососенск, Яблонов, Короча, Оскол (Старый Оскол), Ливны, Елец, Обоянь, Севск, Ефремов, Данков, Епифань, Лебедянь, Талецкий, Чернавский⁴.

Структура и управленческая деятельность Разрядного приказа в 7185 г. (с 1 сентября 1676 по 1 сентября 1677 г.) изучены в монографии О.В. Новохатко. В связи с тем, что одним из направлений работы приказа было управление южными городами и уездами, автор характеризует переписку Разряда и городовых воевод, Белгородский полк Г.Г. Ромодановского, деятельность Разрядного приказа в связи с подготовкой Чигиринского похода русской армии. О.В. Новохатко приходит к заключению о том, что как по современным критериям эффективности управления, так и по выполнению задач, поставленных перед ним правительством в середине 70-х гг. XVII века, деятельность Разрядного приказа можно признать вполне эффективной [7, с. 70-72, 74-77, 112-233, 596].

Поместный приказ руководил составлением дозорных, писцовых и переписных книг, вел учет земельных владений и зависимых крестьян и бобылей, фиксировал отделение земли в поместье и сделки по земельным владениям, решал спорные дела о поместьях и вотчинах.

Столбцы Поместного приказа за 1629/30 г. и за 1678 гг. по Воронежскому уезду показывают, что служилые люди «по отечеству» подавали челобитные в Поместный приказ о наделении пустующей землей, о записи в книги Поместного приказа результатов купли-продажи, обмена, раздела поместий. В

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 341. Л. 5-11.

случае необходимости Поместный приказ ссылался с Разрядным приказом. Разряд сообщал величину поместного оклада служилого человека, то есть то количество поместной земли, на какое служилый человек мог рассчитывать по своему служебному положению. Затем в Поместном приказе составлялась выпись на основе опроса челобитчика и найденных в приказе документов об обстоятельствах дела. В выписях 1678 г. содержались ссылки на соответствующие статьи Соборного уложения 1649 г. о порядке решения данного дела. На основе резолюций руководителей приказа составлялись грамоты к должностным лицам на местах: писцам, воеводам, губным старостам, осадным головам о выполнении правительственного решения. О результатах произведенных действий надлежало сообщать в Поместный приказ⁵.

В ведении *Стрелецкого приказа* до 1658 г. находились стрельцы и полковые казаки из городов Черноземья. Здесь хранились списки стрельцов и полковых казаков, документы на их земельные наделы, осуществлялся суд в отношении этой категории лиц. Так, в 1624/25 г. воронежские и елецкие стрельцы и полковые казаки подчинялись этому учреждению⁶. В 1630 г. списки курских стрельцов и полковых казаков находились в Стрелецком приказе⁷. Из Стрелецкого приказа назначались стрелецкие и казачьи головы, которым это ведомство выдавало наказ и осуществляло общее руководство их деятельностью.

Стрельцы и полковые казаки Черноземья после Смуты не получали денежного и хлебного жалования и считались служившими «с земель». На рубеже 1620–1630-х гг. им эпизодически выдавали деньги в ответ на коллективные челобитные. В 1627/28 и в 1628/29 гг. произошли выплаты валуйским стрельцам, казакам и пушкарям, в 1628/29 г. – оскольским служилым людям из-за «их скудости». В 1630 г. денежное жалование было выдано воронежским, белгородским, оскольским детям боярским, стрельцам, казакам, пушкарям и затинщикам, а также валуйским стрельцам

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1194. Столбцы по Воронежскому уезду. Д. 34733. Д. 1-24; Д. 34730. Л. 1-53.

⁶ Книги разрядные по официальным оных спискам. СПб.: Тип. II Отд. с.е.и.в. канц., 1853. Т. 1. XV с., 1380 стб. Стб. 1128-1129.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 34. Л. 43-44.

и казакам. Вслед за этим курские служилые люди обратились в Москву с просьбой о жаловании. Денежные выплаты производились из Разряда⁸.

Согласно памяти из Стрелецкого приказа в Разрядный от 1 июля 1632 г., воронежские, валуйские, оскольские, белгородские стрельцы и казаки «в Стрелецком приказе ведомы службою, и судом, и землями..., а государево денежное жалование в те города стрельцам и казакам посылают из Розряду, и ныне государь. <...> указал тех городов стрельцов и казаков ведать во всем и свое государево жалование им посылать из Стрелецкого приказа, а в Розряде их ведать ни в чем не ве[ле]л». В связи с этим Стрелецкий приказ запрашивал сведения о размерах и времени выдачи денежного и хлебного жалования. До 24 ноября 1632 г. Разрядный приказ не ответил на запрос, что вызвало повторное обращение из Стрелецкого приказа, в котором отмечалось: «Стрельцы и казаки тех городов бьют челом государю об государеве жалованье беспрестанно»⁹.

Однако полного устранения Разряда от управления стрельцами и полковыми казаками Черноземья не произошло. В 1634 г. воронежские стрельцы и казаки подали коллективную челобитную в Стрелецкий приказ о приведении их служебных обязанностей и повинностей в соответствие с размерами земельных «дач». С аналогичной просьбой воронежские стрельцы и казаки обратились в Разряд. 18 марта из Стрелецкого приказа была направлена память в Разряд о посылке грамоты к воронежскому воеводе по поводу упорядочения повинностей стрельцов и казаков г. Воронеж. Соответствующая грамота из Разряда воронежскому воеводе была датирована 17 мая 1634 г. [10, с. 617-619].

С 1635 г. на территории Черноземья началось крупное оборонительное строительство. В связи с тем, что сооружение крепостей и защитных линий находилось в ведении Разрядного приказа, этот орган управления набирал стрельцов в новые города, назначал голов и сотников, наделял земель служилых людей. В Разряд направлялись именные списки стрельцов и казаков, сведе-

ния об их вооружении, выписки из строевых книг с указанием размера земельных «дач». В подчинении Разряда находились стрельцы и казаки из следующих новых городов: Козлов, Ефремов, Чернавск, Короча, Яблонов, Усерд, Хотмышск, Вольный, Чугуев. Стрельцы и казаки из старых «полевых» городов оставались в ведении Стрелецкого приказа.

Чтобы восстановить единообразие в управлении стрельцами новых и старых городов Черноземья, правительство первоначально решило вернуться к традиционной схеме. В течение 1643 г. был издан ряд указов, в соответствии с которыми стрельцы и казаки из новопостроенных городов передавались из Разряда в ведение Стрелецкого приказа¹⁰. До 1642 г. Стрелецкий приказ возглавлялся кн. И.Б. Черкасским, с 1642 г. – Ф.И. Шереметевым, унаследовавшим после кн. И.Б. Черкаского положение «главы правительства» [11, с. 653].

Названное мероприятие нельзя признать удачным. Положение, когда одна часть служилых людей подчиняется одному приказу, другая часть – другому, таило в себе значительные неудобства, так как создавало излишнюю дробность в управлении и тем самым наносило вред обороне порубежных городов. 28 февраля 1658 г. стрелецкие головы, сотники и рядовые стрельцы из городов по Белгородской черте: Белгорода, Вольного, Хотмышка, Яблонова, Усерда, Ольшанска, Воронежа были переданы в ведение Разрядного приказа. Списки голов и сотников переслали из Стрелецкого приказа в Разряд¹¹. Но стрельцы и казаки городов «в черте» остались под руководством Стрелецкого приказа.

Такое положение сохранялось до 12 ноября 1680 г., когда стрельцы и казаки из городов «в черте»: Мценска, Новосиля, Курска, Старого Оскола, Ельца, Лебедяни, Ливен, Черни, Данкова были приписаны к солдатским полкам и подчинены Разрядному приказу. Аналогичная мера была принята в отношении городовых стрельцов Новгородского, Севского, Тамбовского полков.

В октябре 1689 г. после прихода к власти правительства Петра I руководство Стрелец-

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 34. Л. 39-52.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Стб. Севск. ст. Д. 94. Л. 406-407.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 236. Л. 831-832.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 605. Л. 160-162.

кого приказа попыталось вернуть городских стрельцов и казаков под свою юрисдикцию. В качестве основания утверждалось, что те стрельцы и казаки в походах находятся в московских стрелецких полках и получают денежное жалование за службу из Стрелецкого приказа.

В ответ на обращение Стрелецкого приказа в Разряде была составлена справка, в которой подчеркивалось, что городовые стрельцы и казаки несут службу в солдатских полках. Они принимали участие в Крымских походах 1687 и 1689 гг., в строительстве Новобогородицкой крепости в 1688 г. Жалование стрельцы и казаки Белгородского, Севского, Новгородского, Тамбовского разрядов получали из таможенных и кабацких доходов. Эти аргументы были приняты, и городовые стрельцы и казаки по грамоте от 9 ноября 1689 г. остались в распоряжении Разряда¹².

Помимо вышеперечисленного с территории Черноземья в Стрелецкий приказ собирали стрелецкие деньги, которые предназначались московским стрельцам¹³ [12, с. 10]. Под руководством Стрелецкого приказа осуществлялся набор в московские стрельцы из числа южнорусских посадских людей, крестьян и бобылей [12, с. 99-102].

Пушкарки, затинщики, воротники, плотники, кузнецы находились в ведении *Пушкарского приказа*¹⁴. Пушкарский приказ следил за состоянием городской артиллерии, запасами свинца и пороха, обеспечивал южные города таким важным предметом, как востовой колокол. В ряде случаев во второй половине XVII века осадные головы в города Черноземья назначались из Пушкарского приказа. Так, в 1659 и в 1676 гг. из Пушкарского приказа выдавались назначения и наказы воронежским осадным головам [12, с. 57-58; 13, с. 103; 14].

Приказ Большого дворца принадлежал к числу дворцовых приказов, чьей основной задачей являлось обслуживание царского двора. Но иногда функции дворцовых приказов расширялись до общегосударственных. В частности, до основания городов «на Поле» Приказ Большого дворца ведал откупными

ухожьями по реке Воронежу. В 1645/46 г. и в 1681/82 г. в Приказ Большого дворца собирались оброчные деньги с рыбных ловель Воронежского уезда¹⁵. После Смуты Приказ Большого дворца распоряжался монастырями и белым духовенством Воронежского уезда [13, с. 37-38] и, видимо, всего Черноземья.

В 1659 г. воронежские монастыри подчинялись *Монастырскому приказу*. В марте 1663 г. Монастырский приказ запрашивал Разряд о разорении Карачунского монастыря татарами в 1659 г.¹⁶

Разбойный приказ руководил деятельностью выборных губных старост, основной обязанностью которых была борьба с разбоями, убийствами, воровством. Первые имеющиеся в нашем распоряжении известия о губных старостах в Курске относятся к 1623/24 г. и к 9 января 1625 г., в Воронеже – к 8 февраля 1625 г., в Ельце – к 1626/27 г. По грамотам из Разбойного приказа, воеводы собирали в уездный центр представителей всех категорий населения и проводили выборы губных старост из числа местных детей боярских и целовальников из числа крестьян. Выбранные лица утверждались в Москве. Из Разбойного приказа губной староста получал наказ, которым руководствовался в своей деятельности. Грамоты из Разбойного приказа чаще всего адресовывались губному старосте, но иногда и воеводе.

Распоряжения Разбойного приказа касались организации больших повальных обысков – опросов местных жителей о лицах, занимающихся разбоем. Обо всех своих действиях – приводах с поличным, приеме челобитных, арестах, допросах, пытках – губные старосты сообщали в Разбойный приказ. Это ведомство руководило строительством тюрем, вело учет «тюремных сидельцов». С 15 ноября 1682 г. этот приказ назывался или *Разбойным сыскным приказом*, или *Приказом сыскных дел*.

Печатный приказ заведовал хранением и прикладыванием государственных печатей. Этим учреждением собирались печатные пошлины с челобитных и указных грамот, с назначенных должностных лиц: осадных голов, губных старост, губных целовальников,

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 1525. Л. 143-169.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 157. Л. 158; Д. 200. Л. 47.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 34. Л. 44.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 200. Л. 53.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 464. Л. 133.

губных дьячков и сторожей [12, с. 17]. В октябре 1687 г. при назначении воеводы Н. Голловкина в Воронеж с него в Печатном приказе взимались «поворотные деньги»¹⁷.

Ямской приказ занимался организацией ямского дела, набором ямских «охотников», наделением их земель, выдачей денежного жалования, сбором ямских денег [8, с. 2-3].

Приказ Большой казны был создан в 1621/22 г. для сбора прямых доходов и руководства государственным хозяйством. В 1646 г. из этого приказа в города Черноземья рассылались грамоты о введении новой соляной пошлыны. Это предписание подтверждалось грамотой Разряда¹⁸. Осенью 1680 г. с Приказом Большой казны были слиты Приказ Большого прихода и Новая четверть. В приказе Большой казны сосредоточился сбор таможенной пошлыны и питейной прибыли и ряда иных доходов. Как можно судить по воронежским документам 1683–1685 гг., таможни и кружечные дворы Черноземья перешли в ведение этого приказа, по грамотам из которого осуществлялся расход кабацких и таможенных доходов. Кроме того, в обозначенный период в Приказ Большой казны собирались пошлыны с конской площадки и с торговых бань, полуполтинные деньги по переписным книгам 1678 г., десятая деньга на 1679/80 г. и последующие годы. Под руководством названного ведомства в Воронежском уезде производился досмотр мостов, перевозов и плотов, видимо, с целью учета объектов обложения.

Принятые на российскую службу иностранцы находились в компетенции *Иноземного приказа*. В 1644 г. иноземцы, получившие поместья в Воронежском уезде, обращались с челобитной в Иноземный приказ. В том же году в воронежскую приказную избу присылались грамоты из Иноземного приказа¹⁹. Дела о беглых холопах на территории Черноземья рассматривались, в основном, в Разрядном приказе. Но в ряде случаев к этому делу подключался *Холопный приказ*. Как и Приказ Большой казны, в 1683–1685 гг. *Конюшенный приказ* ведал сбором конских денег с продажи и с обмена лошадей. В 1697 г.

в Конюшенный приказ должен был поступить оброк с новопостроенных «торговых» бань²⁰.

Исследование компетенции приказов в отношении региона необходимо продолжить. Требуется уточнения датировка в изменении подведомственности тех или иных приказов, распространение власти приказов на всю территорию Черноземья или на ее часть. Тем не менее имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать некоторые выводы.

Территориальным (областным) приказом для Центрального Черноземья в XVII веке считался Разрядный приказ. В то же время это ведомство выступало как функциональный приказ в отношении учета и назначения на службу служилых людей «по отечеству». Центральное Черноземье являлось сферой компетенции других функциональных приказов: Поместного, Посольского, Стрелецкого, Пушкарского, Приказа Большого дворца, Монастырского, Приказа Большой казны, Иноземного, Конюшенного и ряда других.

Централизация управления регионом проявлялась в расширении властных полномочий Разрядного приказа, но в течение XVII века она проводилась крайне непоследовательно. Шагами в направлении усиления централизации управления Черноземьем явилось создание в 1658 г. Белгородского разряда. Воевода Белгородского полка, подчиненный Разрядному приказу, постепенно сосредоточивал в своих руках военное и судебно-административное управление на подведомственной территории. В том же году в ведение Разряда перешло управление стрельцами и казаками в городах «по черте».

В то же время полномочия воеводы Белгородского полка и Разрядного приказа не были четко разграничены, и это создавало почву для трений и противоречий между ними. Компетенция ведомственно-функциональных приказов не была строго определена: их функции переплетались. По материалам, касающимся управления Центральным Черноземьем, иногда можно проследить стремление руководителей столичных ведомств к расширению компетенции своего учреждения, что было одним из проявлений политической борьбы в правящих кругах Российского государства.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 1310. Л. 14.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 200. Л. 55, 59.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 174. Л. 312; Д. 200. Л. 43-54.

²⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 1650. Л. 24-25.

Список литературы

1. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 228 с.
2. Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула: Гриф и К, 2009. 792 с.
3. Анпилов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 542 с.
4. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб.: Наука, 1992. 280 с.
5. Опись архива Посольского приказа 1626 г. / подг. к печ. В.И. Гальцов. М.: Археографическая комиссия АН СССР, 1977. Ч. 1. 416 с.
6. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. Москва; Санкт-Петербург: Ин-т истории РАН, РГАДА, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.
7. Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М.: Памятники исторической мысли, 2007. 640 с.
8. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова / собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. Воронеж: Тип. губернского правления, 1852. Кн. 2. 312 с.
9. Новомбергский Н. Слово и дело государевы (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.). М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1911. Т. 1. С. 10, 14, 593.
10. Акты Московского государства / под ред. Н.А. Попова. СПб.: Тип. Акад. наук, 1890. Т. 1. 766 с.
11. Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. Т. 1. 784 с.
12. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова / собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. Воронеж: Тип. губернского правления, 1853. Кн. 3. 102 с.
13. Материалы для истории Воронежской и соседних губ. Т. 1. Воронежские акты / изд. Л.Б. Вейнберг, А.А. Полторацкая. Воронеж: Тип. губернского правления, 1887. VIII, II, 420 с.
14. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова / собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. Воронеж: Тип. губернского правления, 1851. Кн. 1. 168, 94 с.

References

1. Demidova N.F. *Sluzhilaya byurokratiya i eye rol' v formirovanii absolyutizma* [Service Bureaucracy and its Role in the Absolutism Formation]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 228 p. (In Russian).
2. Liseytshev D.V. *Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty* [The Prikaz System of the Moscow State in the Time of Troubles]. Tula, Grif i K Publ., 2009, 792 p. (In Russian).
3. Anpilov G.N. *Novyye dokumenty o Rossii kontsa XVI – nachala XVII v.* [New Documents on Russia in the Late 16th – Early 17th Century]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1967, 542 p. (In Russian).
4. Pavlov A.P. *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove* [State Court and Political Struggle Under Boris Godunov]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, 280 p. (In Russian).
5. Galtsov V.I. (Print prep.). *Opis' arkhiva Posol'skogo prikaza 1626 g.* [Archive List of the Ambassadorial Prikaz of 1626]. Moscow, Archaeographic Commission of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1977, pt 1, 416 p. (In Russian).
6. Liseytshev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Y.M. *Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. Slovar'-spravochnik* [Prikazes of the Moscow State of the 16th – 17th Centuries: Dictionary-Reference]. Moscow, St. Petersburg, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, The Russian State Archive of Ancient Acts, Humanitarian Initiative Center Publ., 2015, 303 p. (In Russian).
7. Novokhatko O.V. *Razryad v 185 godu* [Order-in-Charge in Year 185]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2007, 640 p. (In Russian).
8. Vtorov N., Aleksandrov-Dolnik K. (compiler). *Drevniye gramoty i drugiye pis'mennyye pamyatniki, kasayushchiesya Voronezhskoy gubernii i chastiyu Azova* [Ancient Letters and Other Written Monuments Related to the Voronezh Governorate and Part of Azov]. Voronezh, Typography of Governorate Administration, 1852, bk 2, 312 p. (In Russian).
9. Novombergskiy N. *Slovo i delo gosudarevy. Protsessy do izdaniya Ulozheniya Alekseye Mikhaylovicha 1649 g.* [The Word and Affair of the State (Processes Before the Publication of the Council Code of Aleksey Mikhailovich 1649)]. Moscow, A.I. Snegireva's Publishing House, 1911, vol. 1, pp. 10, 14, 593. (In Russian).

10. Popov N.A. (ed.). *Akty Moskovskogo gosudarstva* [Acts of the Moscow State]. St. Petersburg, Typography of Academy of Sciences, 1890, vol. 1, 766 p. (In Russian).
11. Pavlov A.P. *Dumnyye i komnatnyye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoye issledovaniye: v 2 t.* [Thoughtful and Servant People of Tsar Mikhail Romanov: Prosopographic Study: in 2 vols.]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2019, vol. 1, 784 p. (In Russian).
12. Vtorov N., Aleksandrov-Dolnik K. (compiler). *Drevniye gramoty i drugiye pis'mennyye pamyatniki, kasayushchiyesya Voronezhskoy gubernii i chastiyu Azova* [Ancient Letters and Other Written Monuments Related to the Voronezh Governorate and Part of Azov]. Voronezh, Typography of Governorate Administration, 1853, bk 3, 102 p. (In Russian).
13. Veynberg L.B., Poltoratskaya A.A. (compiler). *Materialy dlya istorii Voronezhskoy i sosednikh guberniy. T. 1. Voronezhskiy akty* [Proceedings for the History of Vorenezh and Nearest Governorates. Vol. 1. Voronezh Acts]. Voronezh, Typolitography of the Governorate Administration, 1887, VIII, II, 420 p. (In Russian).
14. Vtorov N., Aleksandrov-Dolnik K. (compiler). *Drevniye gramoty i drugiye pis'mennyye pamyatniki, kasayushchiyesya Voronezhskoy gubernii i chastiyu Azova* [Ancient Letters and Other Written Monuments Related to the Voronezh Governorate and Part of Azov]. Voronezh, Typography of Governorate Administration, 1851, bk 1, 168, 94 p. (In Russian).

Информация об авторе

Глазьев Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета. Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: vng@main.vsu.ru

Вклад в статью: анализ архивных материалов и документов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4615-0699>

Поступила в редакцию 11.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 09.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Vladimir N. Glaziev, Doctor of History, Professor, Dean of History Faculty. Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: vng@main.vsu.ru

Contribution: archival documents and materials analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4615-0699>

Received 11 July 2019

Reviewed 9 August 2019

Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-178-186
УДК 94 (47)

О записи крестьян в служилые люди крепостей Юга России в конце XVI века

Денис Александрович ЛЯПИН

ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, Российская Федерация, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, 26
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>, e-mail lyapin-denis@yandex.ru

On the record of peasants in service class people of South of Russia fortresses in the late of 16th century

Denis A. LYAPIN

Bunin Yelets State University
26 Kommunarov St., Yelets 399770, Lipetsk Region, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>, e-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности записи крестьян в служилые люди в конце XVI века в условиях отмены норм Юрьева дня. В рассматриваемый период времени на южной окраине России возводились новые крепости. Их население было представлено служилыми людьми разных социальных групп, главным образом, городскими казаками и стрельцами. Правительство разрешало брать на службу крестьян, которые были готовы поменять свой социальный статус. Показаны специальные правила записи крестьян в служилые люди, а также рассмотрены особенности организации их службы первое время в гарнизоне крепости.

Ключевые слова: крестьяне; стрельцы; казаки; служилые люди; крепостное право

Благодарности: Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00313 А, проект «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Для цитирования: Ляпин Д.А. О записи крестьян в служилые люди крепостей Юга России в конце XVI века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 178-186. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-178-186

Abstract. We consider peasants record features in service class people in the late of 16th century in the conditions of St. George's day norms cancellation. During the period under review, new fortresses were built on the southern outskirts of Russia. Their population was represented by serving class people of different social groups, mainly, city Cossacks and streltsy. The government allowed employing peasants who were willing to change their social status. We show the special rules of recording peasants in service class people, also we consider their service organization features for the first time in the garrison of the fortress.

Keywords: peasants; streltsy; Cossacks; service class people; serfdom

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-09-00313 A, "Russian frontier: social and economic dynamics, everyday and household population models, formation of state territory and mobile border. 16th – early of 19th century (on materials of the southern and southeastern counties of the Central European Region)".

For citation: Lyapin D.A. O zapisi krest'yan v sluzhilyye lyudi krepostey Yuga Rossii v kontse XVI veka [On the record of peasants in service class people of South of Russia fortresses in the late of 16th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov*

После смерти Ивана Грозного в 1584 г. окружение нового царя, Федора Ивановича, принимает ряд мер по защите южных границ государства, которые предполагали строительство крепостей [1, с. 93-187]. Вскоре на территории «Поля» в небольшой промежуток времени возникают новые военные форпосты Москвы: Воронеж (1586), Ливны (1586), Елец (1592), Оскол (сегодня – Старый Оскол) (1596), Курск (1596), Белгород (1596), Валуйки (1599) и Царев-Борисов (1599). Под власть московского царя перешли обширные территории, доходившие до среднего течения реки Дон (Воронеж) и верховьев Северского Донца (Белгород, Царев-Борисов).

Жителями этих крепостей являлись, главным образом, служилые люди «по прибору», то есть те, кого обычно набирали из разных социальных групп, и чья служба не обязательно являлась наследственной. Это были стрельцы, городовые казаки, пушкары, а также затинщики (обслуживающие артиллерию на укрепленных стенах – за тыном). Как показывают сохранившиеся документы о заселении Ельца, гарнизоны крепостей пополнялись в значительной степени крестьянами из региона Верхней Оки [2; 3, с. 307-403]. Однако хорошо известно, что в конце XVI века нормы Юрьева дня были официально отменены и сельское население лишилось права свободного перехода на другие земли [4–6]. С.Б. Веселовский и Б.Д. Греков считали, что это случилось в 1580–1581 гг., когда появился указ, объявлявший временный запрет (без указания сроков) на выход крестьян [7, с. 228; 8, с. 310-358]. Современные исследователи согласны с тем, что сельские жители примерно в 80–90-е гг. XVI века потеряли право свободного выхода со своих земель [4; 5; 9].

В данной статье мы рассмотрим вопрос о том, как крестьяне оказывались частью служилого мира крепости в условиях отмены норм Юрьева дня и какова их роль в заселении крепостей. Несмотря на то, что мы ограничиваем наше исследование только концом XVI века, когда были сделаны первые решительные шаги к закреплению сельских жителей, полученные результаты можно распространить и на весь XVII век, поскольку

особенности записи на службу почти не менялись в течение долгого времени.

Наша статья также связана с важной проблемой изучения социального состава населения Юга России накануне Смутного времени. Известно, что этот регион сыграл большую роль в поддержке Лжедмитрия I в 1605 г., а затем и в разразившемся в 1606 г. восстании И.С. Болотникова.

Первые обстоятельные труды по изучению южнорусской окраины, принадлежавшие перу Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского, были направлены, в большей степени, на изучение хозяйственной истории региона [10–12]. Только С.Ф. Платонов впервые указал на то, что социальная история южного пограничья заслуживает отдельного внимания, учитывая активность местного населения в годы Смуты [13, с. 43].

Советские историки, изучающие такие бурные события начала XVII века, как Крестьянскую войну (точнее – Первую Крестьянскую войну, поскольку восстание Степана Разина интерпретировалось как Вторая Крестьянская война), считали, что на южной окраине страны было много беглых крестьян и холопов, которые якобы и выступили против царя Василия Шуйского в 1606–1607 гг. [14–17]. Утверждалось, что поскольку сельские пахари окончательно лишились права свободного выхода, то именно они имели все основания для восстания против власти. По мнению исследователей, недовольные отменой Юрьева дня крестьяне бежали на окраины страны, где жили незаконно и ждали случая, чтобы в подходящий момент выступить против властей.

Так, К.В. Базилевич подчеркивал, что крестьяне и холопы Юга России являлись грозной, оппозиционной властям силой, а в Смуту к ним присоединились еще и казаки, посадские люди и стрельцы «пограничных городов» [18]. В.И. Буганов считал, что крестьяне, лишившись права свободного выхода с земель, бежали на южные окраины в поисках свободы, а здесь их активно поддерживали местные «городские люди» [19, с. 26]. А.А. Зимин предлагал все население региона считать единой массой, угнетаемой государством, хотя только крестьяне и «горожане»

Юга России, по его мнению, подняли восстание против Москвы в 1604 г., ставшее ответом «на рост крепостничества в годы правления Годунова» [20, с. 240]. Р.Г. Скрынников предположил, что основной категорией населения южного пограничья были мелкие служилые люди, хотя местные крестьяне и беглые холопы сыграли заметную роль в восстании против Бориса Годунова [21, с. 53-55].

Как видим, несмотря на очевидную актуальность изучения социальной истории Юга России накануне Смуты, советские историки обращались к этой проблеме больше гипотетически. Заранее предполагалось, что крестьяне и холопы составляли значительную часть местного населения, причем крестьяне были беглые, так как их выступление против Москвы в годы Первой Крестьянской войны было ответом на лишение права выхода в Юрьев день.

Среди современных исследований можно выделить несколько направлений, близких нашей теме. Так, М.Ю. Зенченко посвятил специальную работу освоению южнорусского пограничья, но сделал акцент на изучении политической истории региона. Выделив два типа развития местных городов и уездов, он показал некоторые особенности их развития [22]. Следует также отметить работы в области изучения фронтирной зоны Юга России тамбовских специалистов [23]. Вопросы социальной истории в контексте пограничной ситуации на юго-западной окраине страны затрагивались в работе А.И. Папкова [24; 25]. Социально-политические аспекты освоения территории окраины Российского царства были в центре внимания В.Н. Глазьева [26–30].

Когда мы говорим о социальной истории XVI–XVII веков, важно помнить, что она не должна сводиться только лишь к описанию внутренней структуры и организации конкретных служилых групп. Историку следует уделять большее внимание анализу специфики их поведенческих моделей, а для того чтобы лучше понять эту сторону существования служилых сообществ, нужно остановиться на вопросе социального происхождения его представителей. Нормы и правила, присущие той или иной группе населения, оказывают существенное влияние на организацию повседневной жизни человека в тра-

диционном обществе, каким являлась Российское государство.

Перейдем к цели нашей работы – изучению процесса записи крестьян в служилые люди в условиях отмены норм Юрьева дня. Необходимо сразу отметить, что процесс набора служилых людей в новые крепости не был стихийным явлением, а осуществлялся по определенным правилам, которые становятся понятны при изучении сохранившихся документов. Прежде всего, эти правила касались перевода на службу в стрельцы и городовые казаки лиц из той же социальной группы. В каждой крепости должен был существовать ограниченный военный контингент (обычно, две или три сотни стрельцов и казаков), соответственно этому количеству людей в крепость поступало жалование. В этой связи пополнить гарнизон новой крепости могли лица, уже состоящие на службе в другом городе или крепости, но в таком случае вместо себя они были обязаны оставить своего родственника. Отметим, что здесь играло роль еще одно важное обстоятельство: опытные воины имели семьи, а семья была важной поддержкой человека в новых сложных реалиях, которые неизбежно возникали в условиях степного пограничья.

Однако военное население крепостей было не столь велико, служилые люди редко могли найти себе замену, и при этом незаконный уход со службы рассматривался властями как бегство и сурово карался. В этой связи именно крестьяне становились важным источником для формирования необходимого контингента служилого населения новой крепости. Но каким образом это могло происходить в условиях, когда сельским жителям было запрещено покидать свои земли?

Следует сказать, что в конце XVI века (и на протяжении всего XVII столетия) далеко не все крестьяне оказались прикреплены к земле, а только те, которые состояли в «тягле», то есть имели земельные участки (пахали «крестьянскую пашню») и обрабатывали землю своего помещика (или же платили ему оброк). В свою очередь, братья, племянники, дальние родственники или просто знакомые («подсосудники»), жившие с ними в одном дворе, были вполне свободны в своих перемещениях [31, с. 227]. Они могли свободно передвигаться и в том числе записываться на военную службу. Это обстоятельство было

применимо не только для южной окраины страны, но являлось общим правилом. Весьма показательна в этой связи содержание льготной грамоты Духову монастырю 1585 г. на земли в Новгородском уезде, где сказано, что монастырь может заселить новые земли крестьянами, но только *«нетяглыми, з деревень от отцов – детей, и от дядь – племянников, и от братии – братию. А с тяглых ему мест крестьян на льготные деревни не называти»* (то есть не звать)» [4, с. 414].

По всей видимости, таких свободных крестьян (не состоящих в тягле) было достаточно много, поскольку они пополняли гарнизоны крепостей на протяжении всего XVII века. В Москве всегда разрешали запись сельских жителей, не входивших «в тягло», в служилые люди, хотя те и не являлись профессиональными воинами. Это были, главным образом, крестьяне, которые жили во дворах у своих родственников и знакомых, не платили налогов и не пахали пашню помещика.

Однако еще один важный момент связан с тем обстоятельством, что правительство разрешало набирать на службу и тех крестьян, которые состояли «в тягле», при условии, что они оставляли на пашне своего помещика замену себе по распространенному тогда принципу: «от отцов – дети, от братьев – братья, от дядь – племянники».

Главное, что запись в служилые люди «по прибору» всегда была добровольной, и именно это определяло ее специфику в дальнейшем. Многие крестьяне, даже прикрепленные к земле, имели возможность поменять свой социальный статус, получить новые возможности. Кроме того, переселенцам выдавалось «государево жалование»: по 12 четвертей муки (около 47 кг) и 3 рубля денег. В челобитной елецких казаков по этому поводу читаем: *«По твоему государеву указу прибирали нас, холопей твоих, головы и сотники на твой государев на новой город на Елец отцов дети, от братьи братья, от дядь племянники, а сказывали государь, нам холопам твоим, твоего государево жалования по три рубля денег, да по 12 четвертей хлеба»* [2, с. 11].

Первые жители крепости первоначально приезжали без семьи и поступали в распоряжение местных властей, чтобы участвовать в постройке крепостных укреплений: возводи-

ли стены, копали рвы и насыпали валы. Когда строительство укреплений заканчивалось, можно было возвращаться к местам своего бывшего проживания за женами и детьми.

Вернуться, однако, удавалось не всем и не сразу. Дело в том, что очень часто крестьяне записывались на службу незаконно, бросив свои доли на пашне помещика, не оставив вместо себя родственника. В других случаях крестьянин соблюдал все необходимые правила, но уже сам землевладелец использовал все средства, чтобы задержать его: не отдавал имущество и не отпускал родных, а иногда «вымучивая» отказ от службы у самого «новоприбранного». На этой почве происходило множество споров и разбирательств, сведения о которых сохранились в документах о строительстве Ельца.

В случае, если крестьянин уходил от помещика без соблюдения действующих правил, оставленный без рабочих рук землевладелец писал жалобу с приложением свидетельств своей правоты. В Москве в этих случаях выдавали грамоты, позволяющие пострадавшему забрать своих крестьян обратно. К сожалению, эти документы не сохранились до нашего времени (мы имеем только упоминания о них), и трудно сказать, какое ведомство выдавало их помещикам.

Однажды елецкий городской голова Иван Никитич Мясной выдал несколько казаков особенно настойчивым помещикам, имевшим «государевы грамоты» на своих бывших крестьян. Этот прецедент напугал служилых людей, и из крепости началось массовое бегство, причем бежали и те, кто записался на службу вполне законно. Многие беглецы даже успели получить жалование и начать постройку дворов, которые теперь были заброшены. Общее число беглецов составило почти половину военного гарнизона Ельца, что указывает на многочисленность крестьянского компонента среди служилого населения крепости.

Действия головы И.Н. Мясного вызвали резкую критику со стороны главы Посольского приказа дьяка А. Щелкалова (этот Приказ отвечал за заселение новых земель): *«Писал еси к нам, что по нашему указу на Елец казаков ты, и головы, и сотники казаки по городом прибрали, и которых казаков прибрали, и тем казаком наше хлебное и де-*

нежное жалованье дано. И дети боярские привозят наши многие грамоты, и вы ис казаков и ис стрельцов и ис пушкарей детям боярским выдаете назад, и от того многие казаки дрогнули, розбежались по городом, и в осадное время быти не с кем. И ты дуруешь, что казаков выдаешь. А к вам наша грамота послана – не велено казаков выдавать детям боярским. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б казаков берег и за них стоял и детям боярским не выдавал, они в казаки написались, а братья их и дядья и отцы живут на их долях за детьми боярскими» [2, с. 45-46].

Это послание ясно показывает, что правительство запрещало выдавать стрельцов и казаков их бывшим помещикам, даже если те имели специальные грамоты. Здесь мы видим весьма распространенную практику, связанную с тем, что высшая власть старалась принимать решения, исходя из конкретной проблемы, не боясь показаться противоречивой и непоследовательной.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют сделать точные подсчеты численности служилых людей по прибору, набранных из крестьян. Мы можем только сказать, что их было не менее половины от общей численности гарнизона, который составил в Ельце в 1593 г. 820 человек.

У каждой группы населения крепости были свои места проживания – слободы, свои районы для выпаса скота, участки под пашню и свои внутренние взаимоотношения. Слобода состояла обычно из ста дворов служилых людей, при этом она делилась на две полусотни, включавшие в свой состав по десять дворов, то есть слобода повторяла структуру войска¹. Земельные владения за пределами крепостных стен давались каждой сотне стрельцов и казаков в общее пользование и обрабатывались также коллективно.

Таким образом, служилое население представляло собой единую систему, объединенную разными способами социальной организации, которая успешно функционировала не только в военном отношении, но и в хозяйственно-бытовом. Это способствовало

развитию корпоративной психологии, делавшей вчерашних крестьян на обособленные группы, часто вступающие в конфликты между собой [32]. Так, елецкие городовые казаки в 1592 г. жаловались на то, что стрельцы не дают им спокойно патрулировать участок крепостной стены, проходящий возле их слободы. «...И нас, холопей твоих лают собаками, а воеводы, государь, нам от них оборони не учиняют», – сетовали елецкие казаки [2, с. 24].

Бывшие крестьяне быстро осваивались в новых условиях: они активно вовлекались в споры и конфликты между своими начальниками, испытывали «обиды и насилия» от сослуживцев и командиров среднего звена, выезжали патрулировать степь, участвовали в строительстве крепости, в общем, переносили все тяготы своего нового положения.

Жители крепости активно занимались промыслами, бортничали, ставили неводы на реках, пахали огороды – словом, жили в свободное от службы время привычной им хозяйственной жизнью. Опыт ведения хозяйственной деятельности компенсировал отсутствие военных навыков, поскольку от первых поселенцев требовалось не столько умение воевать, сколько выживать, приспосабливаться к новым условиям.

У нас нет никаких четких свидетельств того, что крестьянин (неважно – свободный от тягла или нет) стремился записаться в службу по причине бедности. Напротив, документы свидетельствуют, скорее, в пользу хорошего материального обеспечения новобранцев. Вот описание имущества крестьянина, перешедшего в казацкую службу в 1593 г. в Елец: у него было 17 рублей, «два мерина: мерин рыж, а другой гнед, цена 6 рублей... да две коровы цена 2 рубля, да две шубы бораных, да сермяга сера, а цена шубам и сермягам полтора рубля, да десятеро овец 3 рубля, да десятеро свиней 3 рубля ж, да всякая рухледь (имущество. – Д. Л.) подворенная, а у брата моего... лошадей, коров, овец, свиней и всякой подворной рухледи и платья на 40 рублей с полтиною, да хлеба: 20 чети ржи, 20 чети овса, 3 чети пшеницы, 3 чети гороху, 4 чети гречи, 5 чети ячмени и 2 чети семени конопляного» [2, с. 25].

В другом случае пришедший на службу в Елец бывший крестьянин перечисляет свое имущество, удержанное его бывшим поме-

¹ Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). Кн. 2. М., 1859. С. 40.

щиком так: «мерин гнед, да корова, да телица, да пятеро овец, да десятеро свиней, да четыре полтины мяса, да двадцать куриц, да взял у меня ормяк, да крашенину, да шапку женскую камчатую белую, да шапку нагольную лисью, да коробью с рубашками, да два круга, да сошники с полицами, да две косы, да четыре серпа, [да] котел пивной с кручем, да две бочки пивных, да четыре напола, да три кадки с капустою, да...хлеба тритцать чети ржи, да сорок чети овса, да пять чети гречихи, да осьмину проса, а оземи полторы десятины» [2, с. 52].

Таким образом, в конце XVI века и, видимо, на протяжении всего XVII столетия в России существовали специальные правила, позволяющие крестьянам, даже в условиях отмены норм Юрьева дня, записываться в служилые люди. Благодаря этому обстоятельству правительству каждый раз удавалось пополнять гарнизоны крепостей, если это нужно было сделать в короткий срок.

Участие служилого населения Юга России в событиях Смутного времени требует отдельного специального изучения так же,

как и исследование мотивов поддержки местными жителями самозванцев. Мы можем только предположить, что активность стрельцов и городских казаков, этих вчерашних крестьян, была вызвана их традиционными представлениями о царе, свойственными для низов общества и основанными на их ментальности, на что обратила внимание М. Перри [33]. Она отметила, что самозванство как общественное явление было тесно связано с традициями социальной организации и формами поведения низов русского общества [33, р. 242, 249]. Действительно, быть может, эти стрельцы и казаки, вчерашние крестьяне, которым дали в руки оружие, и которые добровольно выбрали военное занятие, не выработали еще присущей служилым людям формы поведения, характеризующейся строгим подчинением власти и жесткой дисциплиной. По своим взглядам они так и остались крестьянами, имевшими традиционные, патерналистические представления о высшей власти и царе, которые проявились в их симпатиях «истинному царевичу Дмитрию» [34].

Список литературы

1. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства. Воронеж, 1991.
2. Российской крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах / подг. текста и коммент. В.Н. Глазьев, А.В. Новосельцев, вст. ст. В.Н. Глазьев, Н.А. Тропин. Елец, 2001.
3. Анпилов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. М., 1967.
4. Аракчеев В.А. Закрепощение крестьян в России в конце XVI – начале XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 106–117.
5. Петрухинцев Н.Н. Причины закрепощения крестьян в России в конце XVI в. // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 23–40.
6. Шевченко М.М. История крепостного права в России. Воронеж, 1981.
7. Веселовский С.Б. Отмена Юрьева дня // Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М., 2008. С. 217–251.
8. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси: в 2 т. М., 1954. Т. 2.
9. Ляпин Д.А. Социальная организация сельского населения юга России в XVII в. // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 2. С. 601–614.
10. Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков, 1890.
11. Багалей Д.И. К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края. Отзыв об исследовании И.Н. Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства». Спб., 1896.
12. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1884.
13. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1910.
14. Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607. М., 1951.
15. Смирнов И.И. Крестьянская война 1606–1607 гг. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. Москва; Ленинград, 1966. С. 6–93.
16. Фирсов Н.Н. Крестьянская революция на Руси в XVII в. М., 1927.
17. Фирсов Н.Н. Смута и народ на Руси в XVII столетии. М., 1919.

18. *Базилевич К.В.* История СССР от середины XV до конца XVII века. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1946.
19. *Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976.
20. *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой Крестьянской войны в России. М., 1986.
21. *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.
22. *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008.
23. *Мизис Ю.А., Кащенко С.Г.* Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 1. С. 9-16.
24. *Папков А.И.* Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века // История: Факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 24-36.
25. *Папков А.И.* Порубежье российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004.
26. *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII в. Воронеж, 2001.
27. *Глазьев В.Н.* Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках. Воронеж, 2007.
28. *Глазьев В.Н.* Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 23-33.
29. *Глазьев В.Н.* Размещение стрельцов в городах Черноземного края // Историческая география черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 42-49.
30. *Глазьев В.Н.* Стрельцы и их начальники в XVI в. // История военного дела: исследования и источники. 2015. № 1. С. 188-202.
31. *Беляев И.Д.* Земский строй на Руси. СПб., 2004.
32. *Ляпин Д.А.* От крепостей к городам: повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. // История: Факты и символы. 2016. № 2. С. 9-16.
33. *Perry M.* Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia. Cambridge, 1995.
34. *Рощупкин А.Ю.* Социальное сознание служилого человека южного пограничья Московского государства в конце XVI в. // История: Факты и символы. 2015. № 2. С. 42-51.

References

1. *Zagorovskiy V.P.* *Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva* [History of the Central Black Earth Joining the Russian State]. Voronezh, 1991. (In Russian).
2. *Glazyev V.N., Novoseltsev A.V.* (text prep. and comments), *Glazyev V.N., Tropin N.A.* (foreword). *Rossiyskaya krepost' na yuzhnykh rubezhakh. Dokumenty o stroitel'stve El'tsa, zaselenii goroda i okrestnostey v 1592–1594 godakh* [Russian Fortress on the Southern Borders. Documents on the Construction of Yelets, the Settlement of the City and the Surrounding Area in 1592–1594s]. Yelets, 2001. (In Russian).
3. *Anpilov G.N.* *Novyye dokumenty o Rossii kontsa XVI – nachala XVII veka* [New Documents of Russia the Late 16th – the Early 17th Century]. Moscow, 1967. (In Russian).
4. *Arakcheyev V.A.* *Zakreposhcheniye krest'yan v Rossii v kontse XVI – nachale XVII v.* [Enslavement of peasants in Russia in the late 16th – the early 17th century]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2009, no. 1, pp. 106-117. (In Russian).
5. *Petrukhintsev N.N.* *Prichiny zakreposhcheniya krest'yan v Rossii v kontse XVI v.* [Peasants enslavement reasons in Russia in the late 16th century]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2004, no. 7, pp. 23-40. (In Russian).
6. *Shevchenko M.M.* *Istoriya krepostnogo prava v Rossii* [History of Serfdom in Russia]. Voronezh, 1981. (In Russian).
7. *Veselovskiy S.B.* *Otmena Yur'yeva dnya* [Cancellation of St. George's day]. *Moskovskoye gosudarstvo: XV–XVII vv. Iz nauchnogo naslediya* [Moscow State 15th – 17th Centuries. From the Scientific Heritage]. Moscow, 2008, pp. 217-251. (In Russian).
8. *Grekov B.D.* *Krest'yane na Rusi: v 2 t.* [Peasants in Ancient Rus: in 2 vols.]. Moscow, 1954, vol. 2. (In Russian).
9. *Lyapin D.A.* *Sotsial'naya organizatsiya sel'skogo naseleniya yuga Rossii v XVII v.* [The Social organization of the rural population of South Russia in the 17th century]. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 2, pp. 601-614. (In Russian).

10. Bagaley D.I. *Materialy dlya istorii kolonizatsii i byta Khar'kovskoy i otchasti Kurskoy i Voronezhskoy guberniy* [Materials for the Colonization History and Life of Kharkiv and Partly Kursk and Voronezh Governorate]. Kharkiv, 1890. (In Russian).
11. Bagaley D.I. *K istorii zaseleniya i khozyaystvennogo byta Voronezhskogo i Kurskogo kraya. Otyzv ob issledovanii I.N. Miklashevskogo «K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva»* [To the History of Settlement and Economic Life of Voronezh and Kursk Region. Review of the Study by I.N. Miklashevsky "To the History of Moscow State Economic Life"]. St. Petersburg, 1896. (In Russian).
12. Miklashevskiy I.N. *K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva* [To the History of Moscow State Economic Life]. Moscow, 1884. (In Russian).
13. Platonov S.F. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.* [History Essays of the Time of Troubles in the Muscovite State 16th – 17th Centuries]. Moscow, 1910. (In Russian).
14. Smirnov I.I. *Vosstaniye Bolotnikova. 1606–1607* [Bolotnikov Uprising. 1606–1607]. Moscow, 1951. (In Russian).
15. Smirnov I.I. *Krest'yanskaya voyna 1606–1607 gg.* [The peasant war 1606–1607s]. *Krest'yanskiye voyny v Rossii XVII–XVIII vv.* [Peasant Wars in Russia 17th – 18th Centuries]. Moscow, Leningrad, 1966, pp. 6-93. (In Russian).
16. Firsov N.N. *Krest'yanskaya revolyutsiya na Rusi v XVII v.* [Peasant Revolution in Russia in the 17th Century]. Moscow, 1927. (In Russian).
17. Firsov N.N. *Smuta i narod na Rusi v XVII stoletii* [Time of Troubles and People in Ancient Rus in the 17th Century]. Moscow, 1919. (In Russian).
18. Bazilevich K.V. *Istoriya SSSR ot serediny XV do kontsa XVII veka. Kurs lektsiy, pročitannykh v Vysshey partynoy shkole pri TSK VKP(b)* [History of the USSR from the Middle of 15th to the Late 17th Century. Course of Lectures Given at the Higher Party School of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. Moscow, 1946. (In Russian).
19. Bugarov V.I. *Krest'yanskiye voyny v Rossii XVII–XVIII vv.* [Peasant Wars in Russia 17th – 18th Centuries]. Moscow, 1976. (In Russian).
20. Zimin A.A. *V kanun groznykh potryaseniy. Predposylki Pervoy Krest'yanskoy voyny v Rossii* [On the Eve of Terrible Bewilderments. Background of the First Peasant War in Russia]. Moscow, 1986. (In Russian).
21. Skrynnikov R.G. *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka* [Social and Political Struggle in the Russian State in the Early 17th Century]. Leningrad, 1985. (In Russian).
22. Zenchenko M.Y. *Yuzhnoye rossiyskoye porubezh'ye v kontse XVI – nachale XVII v.* [South Russian Frontier in the Late 16th – the Early 17th Century]. Moscow, 2008. (In Russian).
23. Mizis Y.A., Kashchenko S.G. Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii [The Russian frontier formation problem on the south of Russia in the 16th – first half of 18th century in the national historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2: History*, 2011, no. 1, pp. 9-16. (In Russian).
24. Papkov A.I. Bunt ili izmena? Vosstaniya sluzhilykh cherkas na yuge Rossii v 40-e gody XVII veka [Revolt or treason? Rebellion of cherkas service class people on the South of Russia in the 40s of the 17th century]. *Istoriya: Fakty i simvoly – History: Facts and Symbols*, 2017, no. 4 (13), pp. 24-36. (In Russian).
25. Papkov A.I. *Porubezh'ye rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoj (konets XVI – pervaya polovina XVII veka)* [The Frontier of the Tsardom of Russia and the Ukrainian Lands of the Polish–Lithuanian Commonwealth (the End of 16th – First Half of 17th Century)]. Belgorod, 2004. (In Russian).
26. Glazyev V.N. *Vlast' i obshchestvo na yuge Rossii v XVII v.* [Authority and Society on the South of Russia in the 17th Century]. Voronezh, 2001. (In Russian).
27. Glazyev V.N. *Voronezhskie voyevody i ikh okruzeniye v XVI–XVII vekakh* [Voronezh Voivodes and their Entourage in 16th – 17th Centuries]. Voronezh, 2007. (In Russian).
28. Glazyev V.N. *Voronezhskie strel'tsy i ikh rol' v ekonomicheskom razvitii kraja* [Voronezh streltsy and their role in the region economic development]. *Istoriya zaseleniya i khozyaystvennogo osvoyeniya Voronezhskogo kraja v epokhu feodalizma* [The History of Settlement and Economic Development of the Voronezh Region in the Feudalism Era]. Voronezh, 1987, pp. 23-33. (In Russian).
29. Glazyev V.N. *Razmeshcheniye strel'tsov v gorodakh Chernozemnogo kraja* [Placement of streltsy in the cities of the Black Earth Region in the 17th century]. *Istoricheskaya geografiya chernozemnogo tsentra Rossii, (dooktyabr'skiy period)* [Historical Geography of the Black Earth Center of Russia (Pre-October Period)]. Voronezh, 1989, pp. 42-49. (In Russian).
30. Glazyev V.N. *Strel'tsy i ikh nachal'niki v XVI v.* [Streltsy and their commanders in the 16th century]. *Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki* [Military History: Studies and Sources], 2015, no. 1, pp. 188-202. (In Russian).

31. Belyayev I.D. *Zemskiy stroy na Rusi* [Zemsky System at the Ancient Rus]. St. Petersburg, 2004. (In Russian).
32. Lyapin D.A. Ot krepostey k gorodam: povsednevno-bytovyye i povedencheskiye modeli naseleniya yuzhno-russkoy kreposti kontsa XVI v. [From fortresses to cities: everyday life and behavioral population models of the South Russian fortress of the late 16th century]. *Istoriya: Fakty i simvolyy – History: Facts and Symbols*, 2016, no. 2, pp. 9-16. (In Russian).
33. Perry M. *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia*. Cambridge, 1995.
34. Roshchupkin A.Y. Sotsial'noye soznaniye sluzhilogo cheloveka yuzhnogo pogranič'ya Moskovskogo gosudarstva v kontse XVI v. [Service class people social consciousness of the southern frontier of the Muscovite state in the late 16th century]. *Istoriya: Fakty i simvolyy – History: Facts and Symbols*, 2015, no. 2, pp. 42-51. (In Russian).

Информация об авторе

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и историко-культурного наследия. Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Липецкая область, г. Елец, Российская Федерация. E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Вклад в статью: анализ научной литературы и архивных документов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

Поступила в редакцию 15.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 08.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Denis A. Lyapin, Doctor of History, Associate Professor, Head of the History and Historical and Cultural Heritage Department. Bunin Yelets State University, Lipetsk Region, Yelets, Russian Federation. E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Contribution: scientific literature and archival documents analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

Received 15 July 2019

Reviewed 8 August 2019

Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-187-194
УДК 908+634.94

Формирования воинских гарнизонов на юге России в XVII в.

Юрий Александрович МИЗИС

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4065-0767>, e-mail: ymizis49@yandex.ru

Military garrisons formation on the South of Russia in 17th century

Yury A. MIZIS

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4065-0767>, e-mail: ymizis49@yandex.ru

Аннотация. Предложен системный подход к изучению принципов формирования гарнизонов южнорусских уездов, расположенных вдоль Белгородской и Тамбовской черт. Рассмотрена государственная политика по привлечению различных категорий населения для записи в воинские люди, включая разные социальные группы: крестьян, родственников служилых людей, посадских людей. Особое внимание уделено привлечению в новые уезды переселенцев с Дона и Украины. Отмечены экономические и социальные меры по привлечению переселенцев. На основании новых документов прослеживается политика русского правительства по насильственному переселению на южную границу ссыльных, которые в середине XVII века значительно усилили ряд местных гарнизонов. Подчеркнута преобладающая роль правительственной колонизации южных окраин в XVII веке.

Ключевые слова: крепости; служилые люди; крестьяне; посадские люди; дети боярские; казаки; стрельцы

Благодарности: Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00313 А, проект «Русский фронтир: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Для цитирования: Мизис Ю.А. Формирования воинских гарнизонов на юге России в XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 187-194. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-187-194

Abstract. We propose a systematic approach to the study of the South Russian counties garrisons formation principles located along the Belgorod and Tambov lines. We consider the state policy on attraction of various categories of the population for record in military people, including different social groups: peasants, relatives of service class people, townspeople. Particular attention is paid to attracting immigrants from the Don and Ukraine to new countries. We note economic and social measures to attract migrants. On the basis of new documents we trace the policy of the Russian government on forcible resettlement to the southern border of exiles which in the middle of 17th century considerably strengthened a number of local garrisons. We emphasize the predominant role of government colonization of the southern suburbs in the 17th century.

Keywords: fortresses; service class people; peasants; townspeople; children of the boyars; Cossacks; streltsy

Acknowledgments: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-09-00313 A, “Russian frontier: social and economic dynamics, everyday and household population models, formation of state territory and mobile border. 16th – early of 19th century (on materials of the southern and southeastern counties of the Central European Region)”.

For citation: Mizis Y.A. Formirovaniya voinskiikh garnizonov na yuge Rossii v XVII v. [Military garrisons formation on the South of Russia in 17th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 187-194. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-187-194 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Строительство новых городов на юге России в 30–40-х гг. XVII века, образование новых уездов и формирование Белгородской, Тамбовской и Шацкой черт потребовали резкого увеличения численности служилых людей для охраны южных рубежей страны и формирования воинских гарнизонов. В работах В.П. Загоровского о строительстве Белгородской и Изюмской черт вопросы формирования воинских гарнизонов на границе не рассматривались, была дана лишь характеристика каждой социальной группы [1; 2]. В какой-то мере эти проблемы исследовались в статьях и монографиях [3–5; 6, с. 43-82]. Правительству пришлось разрабатывать целый комплекс мер привлечения сюда новых служилых людей. Прежде всего, предлагался принцип привлечения в новые служилые люди.

Этот принцип хорошо прослеживается в специальной грамоте тамбовскому воеводе. Строителю Тамбова Р.Ф. Боборыкину был послан специальный правительственный указ, разрешающий ему обращаться к населению соседних Воронежского, Ливенского, Сапожковского, Лебедянского, Михайловского, Донковского, Рязанского, Мценского, Новосельского и Шацкого уездов с призывом о переезде в новый город. Предполагалось набрать «вольных и охочих людей, от отцов детей, и от братья братьев, и от дядей племянников, и подсоседников, и захребетников»¹. То есть главным принципом при записи в воинскую службу становилось отсутствие воинской и тягловой повинности, чтобы не «опустошить» соседние города. Для этого на базарных площадях указанных городов «велено кликать бирючем», то есть громко на весь базар о возможности записаться в новый город служилым человеком. Новопоселенцев привлекали жалованием, пашней «доброй», льготами, свободным торгом и промыслами.

Слух о свободном и вольном крае, где можно записаться в привилегированные со-

словия мелких служилых людей, широко разнесся по южнорусским землям. Сюда хлынул массовый поток переселенцев, прежде всего, из числа помещичьих крестьян. Уже в 1636–1638 гг. в Разрядный приказ посыпались жалобы помещиков Воронежского, Донковского, Рязанского, Лебедянского, Переяславль-Рязанского, Рязанского уездов на бегство их крепостных в новый город². Это вызывало многочисленные конфликты и конкуренцию среди воевод за переселенцев. В те годы основной путь в Тамбов лежал через Козловский уезд, и местные воеводы стремились заполучить себе всех переселенцев и заставляли их силой записаться в козловские служилые люди или отправляли обратно в старые города. Козловский голова на Челнавской засеке Путило Быков вместе со своими товарищами «...тех людей имали и били, и грабили, а жен их позорили и грабят же, а бив и ограбя отсылают назад в Козлов город»³. Тамбовский воевода Р.Ф. Боборыкин получил царский указ о запрете местным воеводам чинить препятствие переселенцам в Тамбовский у. Козловские воеводы оправдывались тем, что они не пропускали в Тамбовский уезд только тех строителей, которые якобы опоздали в Козлов и пытались проехать в Тамбов. Скорее всего, это явление частично имело место, однако усердие козловских воевод объяснялось хронической нехваткой рабочих рук и служилых людей.

Первопоселенцами в г. Тамбов стали «сведенцы» из г. Шацк, а также Рязани, Коломны и других городов⁴. Однако добровольных переселенцев из числа нетягловых сословий насчитывалось немного, а основная масса служилых людей Тамбовского у. набиралась из числа беглых крепостных крестьян. Это наглядно проявилось в ходе их сысков в конце 1650-х – начале 1660-х гг. Правительство, почувствовав опасность крепостническим устоям, предприняло со своей стороны

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 13-44; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 135. Л. 362-363.

² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 121. Л. 1-91.

³ Там же. С. 17.

⁴ ИТУАК (Известия Тамбовской Ученой архивной комиссии). 1918. Вып. 58. С. 148-149.

слабую попытку ограничить бегство крепостных крестьян на южную окраину. Так, в Козлов была послана грамота Разрядного приказа, запрещавшая принимать на службу крестьян и холопов: «Добро новый город садити, токмо старых не запустошити». Однако остановить вольную миграцию населения русское правительство опасалось.

В эти годы у крепостных крестьян появилась еще одна лазейка для смены своего социального статуса. В 20–30-е гг. XVII века часть беглецов уходила на Дон и Яик и становилась вольными казаками. Русское правительство быстро оценило все выгоды положения донского казачества и стремилось использовать его в качестве передовых форпостов в борьбе с татарами. Донские казаки поддерживали с царским правительством отношения, основанные на признании вольностей Дона и выполнения ими за жалованье обязанностей сторожевой службы.

Правительство вынуждено было искать резерв пополнения служилых людей в среде донского казачества или украинских переселенцев. Их привлекали специальными льготами: денежным жалованьем за «выход», на корм лошадям и на обзаведение хозяйства, селили в беломестных слободах, освобожденных от налогов. Такая гибкая политика имела определенный успех. Многие выходцы с Дона и Украины переезжали на постоянное место жительства в южные уезды [7–9]. Большинство из них были недавними беглыми владельческими крестьянами, сравнительно недавно перебравшимися на Дон, и вернувшиеся обратно в ранге вольного казака.

Переселенцы с Дона и Украины (последних на Руси называли «черкассами») поселились в Козловском уезде в Устенской, Борщевской и Хмелевой слободах на положении поместных атаманов. Если в 1636 г. их насчитывалось всего 150 человек, то к 1652 г. – уже 670 человек. За «выход» они получали по 5 руб. человеку на селитьбу и дворовое строение, отрез сукна на кафтан, по 3 четверти овса и 3 пуда соли. У одиноких продовольственная норма была ниже: по 3 четверти ржи, 2 четверти овса и пуд соли.

По особому правительственному указу от 17 марта 1636 г. в слободу на Кузьминой Гати Тамбовского уезда переехали на постоянное жительство 45 донских атаманов и казаков во главе с атаманом Григорием Ивано-

вым. Их записали в сторожевую службу как сторожевых атаманов и казаков, выдали земельные наделы, хлебное жалованье и денежное пособие размером в 12 рублей 25 алтын на семью «на дворовую селитьбу и зов», «на ружье» и другие расходы⁵. Наделение земель шло из расчета 3 атаманам и двум десятникам по 30 четвертей человеку, а рядовым – по 25 четвертей и по 100 копен сена за рекою Цной сенокосных угодий. Нормы наделения земель у поместных атаманов соответствовали детям боярским. В Хмелевой слободе Козловского у. они получили по 20 четвертей пашни и сенокосных угодий по 50 копен, а в Устенской и Борщевой – 25–50 четвертей пашни и 50–100 копен сенокосных угодий. Черкасы наделялись землей в общинную собственность по 15 четвертей пашни и 30 копен сенокосных угодий.

Часто использовались и другие формы поощрения переселенцев. Так, в 1647 г. группе черкасс Федору Левинову с товарищами «за выход дано им на Москве жалования по 3 рубля, да по сукну добром, да по шубе бараньей человеку <...>, и как они в Козлов приедут и ты б их устроил и велел дать нашего жалования по 3 рубля человеку», – говорилось в одном из указов козловскому воеводе⁶.

Еще одной формой пополнения гарнизонов служила запись владельческих крестьян в служилые люди. С этой целью правительство вводило заповедные города с уездами по черте, где помещикам центральных уездов запрещалось иметь землевладение. Ряд уже существовавших владений изымали и компенсировали их потерю в староосвоенных районах страны. Так, в их число попали и владения Пожарских на р. Воронеж, крестьян которых записали в драгунскую службу. Села новоявленных драгун перенесли с полевой стороны на «русскую» в центр Козловского уезда.

Большие строительные работы на черте в 1647–1648 гг. потребовали значительного расширения численности служилых людей в уездах, для охраны новых полевых укреплений. В 1647 г. для обороны нового Тамбовского вала ряд дворцовых крестьян записали

⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 135. Л. 362–363.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 187.

в полковые казаки. Старинные мордовские деревни Тонбов и Вижавино специальным правительственным указом перевели с правого на левый берег Цны. Новое поселение по прозвищам переселенцев называли Бойкиным (ныне с. Бокино), а его жителей записали в полковые казаки. Такая же судьба постигла некоторые другие дворцовые села: Куксово, Горелое, Татаново, расположенные вблизи от уездного города и укрепленной черты.

Для создания стимула в переезде части населения в южные пограничные земли правительство пошло на такой неординарный шаг, как запись в дети боярские⁷. В некоторых уездах их было сравнительно немного и они выполняли роль младшего командного состава [10]. В других уездах их численность была достаточно высока. Так, в Козловском у. более половины всех служилых людей были записаны в дети боярские. В Козловском у. ввиду многочисленности данной группы служилых людей нормы оказались ниже. Первые козловские воеводы получили постатейную разверстку окладами детей боярских в 150, 100 и 70 четвертей. Однако реальные наделы в одном поле составили 60, 50 и 40 четвертей земли и сенокосных угодий от 40 до 100 копен. Кроме земельных наделов, козловцы верстались от города денежным окладом в размере от 4–15 рублей. Существовали незначительные прослойки, поверстанные несколько меньшей или большей суммой. Писцам рекомендовалось детям боярским с окладом выше 100 четвертей давать наделы по 60 четвертей, а ниже 100 четвертей – от 50–60 четвертей, а по 70 четвертей – не более 50 четвертей. При наличии окладов в 40–60 четвертей рекомендовалось выделять такие же наделы примерной земли. Примерную землю у владельцев больших дач рекомендовалось отбирать в пользу беспоместных служилых людей. Наоборот, владельцам небольших дач в 10–20 четвертей, имевшим примерные земли в 5–10 четвертей, разрешалось оставлять эти наделы в своем владении.

Значительное верстание козловских детей боярских произошло в 1650–1651 гг. и

было связано с размахом работ по укреплению Козловского вала. Они должны были увеличивать размеры вала, копать ров, возить на башни бревна. Желая привлечь на юг России добровольцев, правительство пошло на дополнительную запись в службу детей боярских. Верстание на службу происходило в Москве и в Козлове⁸. В Москве в дети боярские сразу записалось 11 человек, а в Козлове – 157. Всего в 1651 г. в козловские дети боярские было поверстано 247 человек. Всем им выдавались деньги на дворовое строение. Так, в Москве 1 человек получил 6 руб., 9 человек – 5 руб., 180 человек – 4 руб. Двое человек получили только по 2 руб., так как их верстали с отцовского поместья, а родители уже получили городское жалование. В Козлове все поверстанные получили по 4 руб. из уездных доходов, а 9 человек не получили денег, так как их отцы имели жалование с города. Однако в Козлов приехало 166 новобранцев, которые не получили жалования. Поэтому им было предложено выдать жалование на дворовое строение по 4 руб. человеку, также, как и прежним новобранцам. Для этого потребовалось дополнительно еще 664 руб. Разница в размере денежного жалования между Москвой и Козловом, вероятно, объяснялась тем, что в столице были поверстаны «начальные люди» – сотники и пятидесятники, и переезд из Москвы в Козлов требовал определенных затрат.

Строительство Тамбовского вала с городками потребовало резко увеличить численность служилых людей в уезде за счет дополнительного набора. Учитывая хроническую нехватку дееспособного населения, правительство вынуждено было пойти на крайние меры и перевести в сословие служилых людей дворцовых крестьян. Так, крестьян городской Покровской слободы и деревень Татаново, Вижавино, Святая и сельца Тонбов специальным правительственным указом 1648 г. перевели в казачью службу⁹. Позднее казаками стали крестьяне еще ряда дворцовых сел: Горелое, Черленое и др. Подобная практика, которую В.М. Важинский назвал «милитаризацией» крестьян юга России, наблюдалась и в других уездах [11, с. 55].

⁷ Дети боярские – категория воинских людей, записанных в службу с выдачей земли в личное пользование, то есть в поместье. Юридически они приравнивались к дворянству.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 19–25.

⁹ ИТУАК. 1887. Вып. 15. С. 50.

Так, группу бывших дворцовых крестьян сел Татаново и Томбова в 1649 г. перевели в полковые конные казаки¹⁰. Им выделили под дворы земли из с. Тонбов рядом с Ореховой Лукой (в 3 верстах южнее г. Тамбов). Из с. Татаново новых служилых людей временно расселили на противоположной стороне Цны на старых гумнах с. Куксово, так как других свободных земель рядом не имелось.

В 50-е гг. XVII века на юге России стали формировать солдатские полки. Принципы формирования солдатских полков можно рассмотреть на примере Тамбовского полка. Указ о его создании воеводы получили 24 марта 1659 г.¹¹ Его штатный состав определялся в 1600 человек. Набирать в солдаты рекомендовалось «с тамбовцев служилых и жилецких со всяких чинов людей и Тонбовского уезду с Верхоценской волости крестьян, детей и братьев их, и племянников, и зятьев их, и внучат, и захребетников», некоторых сел Шацкого уезда¹². Им давали по 7 руб. за службу. Солдаты полностью вооружались за казенный счет. В 1659 г. Разрядный приказ прислал в Тамбов 1443 мушкета, 1600 лядунок, ружейные фитили, бандельеры, знамени и барабаны¹³. В 1668 г. из Разрядного приказа для тамбовских солдат поступило 1118 рублей, 13 алтын и 8 денег на пошив 592 кафтанов.

Первоначально правительство рассчитывало ограничить социальную базу комплектования Тамбовского солдатского полка служилыми людьми уезда по разнарядке: от трех мужчин – одного, от четырех – двух, а свыше пяти – «по рассмотру». Уже 4 июля 1659 г. тамбовские воеводы В. Лихарев и И. Полев докладывали о записи в полк 1265 человек. В дальнейшем их ряды пополнились выходцами из дворцовых крестьян. С этой целью в 1661 г. создавались специальные списки. Причем в солдаты попали крестьяне Тамбовской Верхоценской волости и Шацкого у. из сел Темниково, Чернитоно, Сюпы и Шаморги.

¹⁰ ИТУАК. Вып. 15. С. 49-51.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 311. Л. 260, 327.

¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 117.

¹³ Там же. Л. 263-265; Столбцы Белгородского стола № 459. Л. 113. Лядунка – сумка для патронов и пороха; бандельер, по-русски берендейка, – кожаный ремень для ношения оружия.

Командный состав солдатского полка формировался из иностранцев, дворян московских чинов и частично из местных детей боярских [7, с. 18]. В 1664 г. в документах о Тамбовском полку упоминаются 3 майора, 4 капитана и 5 поручиков. За время службы на границе они получали денежное жалованье в размере в месяц: 12 руб. 25 алт. – полуполковник, 11 рублей – капитан, 3 руб. – прапорщик. Также дополнительно выдавали деньги на корм лошадям. Среди начальных людей царили казнокрадство, грубые нарушения служебных обязанностей, вымогательство. Например, в 1660 г. тамбовские солдаты жаловались на майоров П.Т. Чирикова и И.С. Хомякова из-за постоянных поборов деньгами и продуктами и просили Разрядный приказ их сменить. В условиях многочисленных злоупотреблений властью местной администрацией всех уровней подобные жалобы, как правило, оставались без ответа.

Каков был социальный статус солдат на юге России? Юридически они считались помещиками с правом личного верстания земель. Однако в реальной жизни это сделать оказалось сложно. Сказалась нехватка земельных наделов, слабая материальная база новых «помещиков». Поэтому многие солдаты продолжали жить в старых домах вместе со своими родственниками. В Верхоценской волости таких оказалось 22 человека из 225. Остальные поселились отдельными дворами среди поселений дворцовых крестьян или мелких служилых людей. Нормы земельных солдатских наделов составляли 25 четвертей пашни и 50 копен сенокосных угодий. Только к концу столетия сложились в Тамбовском у. солдатские села Дубки, Никольское, Дальняя Липовица.

Однако проблемы с численностью южных гарнизонов оставались, ощущался серьезный недокомплект. Поэтому одним из средств привлечения на юг новых людей правительство видело в посылке сюда в качестве отбытия наказания ссыльных. В исторической памяти местного населения оставалась информация, что южнорусские города в XVII веке были «опальным» местом для наказания за уголовные преступления. Такая практика существовала на протяжении нескольких веков. Районами высылки были окраинные пограничные территории: Сибирь, Поволжье и Южное Черноземье. Правитель-

ство фактически жестко контролировало численность южнорусских гарнизонов и шло на крайние меры по их комплектованию. Людей, приговоренных к тюремному сидению за различные вины, безоговорочно ссылали на вечное жительство вместе с женами, детьми и «крестьянскими животами». Сюда попадали представители различных социальных групп: владельческие, дворцовые и монастырские крестьяне, служки монастырские, посадские и служилые люди.

Вероятно, практика ссылки в Козлов существовала и раньше. На это указывает челобитная вдовы Фетиницы Ивановой 1650 г. У нее умер сосланный в Козлов муж, и она осталась одна с детьми на руках. Муж получил разрешение съездить в Ярославский уезд «для родительской памяти», где разболелся и умер. Жена просила разрешить ей вернуться на родину в Ярославский уезд к своим родителям, так как не имела средств существования.

В 1651 г. состоялась массовая ссылка людей, привлеченных по суду к ответу в Козловский уезд¹⁴. Эта ситуация сложилась при козловском воеводе Иване Васильевиче Алферьеве. Речь идет о десятках людей, отправленных на службу в город на «Поле». Возможно, это был ответ власти на просьбу козловского воеводы, которому явно не хватило служилый людей для создания полноценного уездного гарнизона. Особенно остро стоял вопрос об укомплектовании стрелецких гарнизонов в небольшие городки по черте: Бельском и Челнавском. Стрелецкая служба была одной из самых низкооплачиваемых на юге России [12; 13]. Желавших записаться в нее было сравнительно немного, тем более что большинство населения уезда состояло из детей боярских.

Характер вины ссыльных был разный: наличие подозрительных корней, запрещенные письма, воровство, драки, невыплата долга. Механизм отправки в Козлов действовал достаточно стандартно. От соответствующего приказа, по которому прошел обвиняемый, происходила передача дела в Разрядный приказ. От него отправлялся служилый человек в качестве сопровождающего

лица. Это мог быть служилый человек Козловского уезда или лицо, назначенное Разрядным приказом. Он должен был доставить наказанного в Козлов и передать воеводе. Ссылные предпринимали различные приемы проволочки, а то и отмены ссылки. Так, за драки и избиения своих односельчан были посажены в тюрьму крестьяне Коломенского у. с. Ловель Каприанка Сазонов и Федька Карельский. Их приговорили к ссылке на вечное жительство в Козлов для записи в дети боярские и должны были отправить на подводах по месту службы. Сюда для сопровождения ссыльных в уезд прибыл козловский сын боярский Василий Яковлев. Однако воевода выяснил, что обвиняемые «кормились» в селе, подрабатывая ярыжками на стругах и никаких подвод у них нет. В данном селе он также не нашел подвод, поэтому без особого указа отказался передавать сопровождающему лицу обоих ссыльных. Следующий указ из Разрядного приказа был более жестким. Посылался другой сын боярский из Козлова, который должен был забрать обоих крестьян с женами, детьми и имуществом и на подводах отправить в Козлов. При этом поиски подвод передавались на усмотрение воеводы.

Большинство из сосланных в Козлов получали деньги на строительство жилья, на приобретение первоначально продуктов питания, наделение участком земли. Козловский воевода должен был выдать участок земли под двор, огород, под пашню и сенные покосы так же, как это выдавалось таким же ссыльным. То есть между обычными переселенцами и ссыльными при записи в службу особой разницы не делалось. Формулировка царского указа говорила о ссылке «на вечное жительство» без права вернуться на прежнее место жительство.

Таким образом, заселение южнорусских уездов шло под мощным движением правительственной колонизации, которая использовала различные формы поощрения и льгот для записи в служилые люди, привлекая земель, пашней, деньгами и профессиональным статусом.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 210.

Список литературы

1. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
2. Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.
3. Загоровский В.П. Формирование и заселение Козловского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1969. С. 94-114.
4. Загоровский В.П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма // История заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху феодализма. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1987. С. 3-23.
5. Скобелкин О.В. Изменения социального статуса служилых людей Воронежского уезда в 50–70-х гг. XVII в. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья: сб. науч. докл. 4 межвуз. конф. по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Москва; Курск, 1994. С. 63-66.
6. Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках. Тамбов, 1990.
7. Гоголева А.А. Население Острогожского уезда во второй половине XVII – начале XVIII в. // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный бюллетень. 2005. Вып. 3. С. 41-48.
8. Брезгунова В.М. «Черкасский вопрос» во взаимоотношениях острогожских полковников и местных администраторов в 1670–1690-е годы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 40-42.
9. Брезгунова В.М. Переселение украинцев в Острогожск в 1652 г. // Власть и общество: история взаимоотношений: материалы 10 регион. науч. конф. Воронеж: Истоки, 2016. С. 29-32.
10. Глазьев В.Н. Служилые люди Елецкого уезда в конце XVII века // Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 850-летию г. Ельца. Елец, 1996. С. 64-66.
11. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам юж. уездов России). Воронеж, 1974.
12. Глазьев В.Н. Размещение стрельцов в городах Черноземного края в XVII в. // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 42-49.
13. Глазьев В.Н. Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края в XVII веке // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 23-33.

References

1. Zagorovskiy V.P. *Belgorodskaya cherta* [The Belgorod Line]. Voronezh, 1969. (In Russian).
2. Zagorovskiy V.P. *Izyumskaya cherta* [The Izium Line]. Voronezh, 1980. (In Russian).
3. Zagorovskiy V.P. Formirovaniye i zaseleniye Voronezhskogo uyezda v XVII v. [Formation and settlement of Kozlov county in the 17th century]. *Iz istorii Voronezhskogo kraya* [From the History of Voronezh Region]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1969, pp. 94-114. (In Russian).
4. Zagorovskiy V.P. Obshchiy ocherk istorii zaseleniya i khozyaystvennogo osvoyeniya yuzhnykh okrain Rossii v epokhu zrelogo feodalizma [General study of the history of settlement and economic development of the southern outskirts of Russia in the era of mature feudalism]. *Istoriya zaseleniya i khozyaystvennogo osvoyeniya yuzhnykh okrain Rossii v epokhu feodalizma* [History of Settlement and Economic Development of the Southern Outskirts of Russia in the Feudalism Era]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1987, pp. 3-23. (In Russian).
5. Skobelkin O.V. Izmeneniya sotsial'nogo statusa sluzhilykh lyudey Voronezhskogo uyezda v 50–70-kh gg. XVII v. [Changes in the social status of service class people of the Voronezh county in the 50s – 70s of the 17th century]. *Sbornik nauchnykh dokladov 4 mezhvuzovskoy konferentsii po istoricheskoy demografii i istoricheskoy geografii Tsentral'nogo Chernozem'ya «Problemy istoricheskoy demografii i istoricheskoy geografii Tsentral'nogo Chernozem'ya»* [Collection of Scientific Reports of the 4th Interuniversity Conference on Historical Demography and Historical Geography of the Central Black Earth Region “Problems of Historical Demography and Historical Geography of the Central Black Earth Region”]. Moscow, Kursk, 1994, pp. 63-66. (In Russian).
6. Mizis Y.A. *Zaseleniye Tambovskogo kraya v XVII–XVIII vekakh* [Settlement of Tambov Region in 17th – 18th Centuries]. Tambov, 1990. (In Russian).
7. Gogoleva A.A. Naseleniye Ostrogozhskogo uyezda vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII v. [Population of Ostrogozhsky county in the second half of the 17th – the early 18th century]. *Voronezhskiy vestnik arkhivista* [Voronezh Archivist Herald], 2005, no. 3, pp. 41-48. (In Russian).
8. Brezgunova V.M. «Cherkasskiy vopros» vo vzaimootnosheniyakh ostrogozhskikh polkovnikov i mestnykh administratorov v 1670–1690-e gody [“Cherkassy question” in the relationship Ostrogozhsk colonels and local administrators in 1670–1690s]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Isto-*

- riya. *Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2017, no. 3, pp. 40-42. (In Russian).
9. Brezgunova V.M. Pereseleniye ukrainsev v Ostrogozhsk v 1652 g. [Resettlement of ukrainians to Ostrogozhsk in 1652]. *Materialy 10 regional'noy nauchnoy konferentsii «Vlast' i obshchestvo: istoriya vzaimootnosheniy»* [Proceedings of the 10th Regional Scientific Conference "Authority and Society: the History of Relations"]. Voronezh, Istoki Publ., 2016, pp. 29-32. (In Russian).
 10. Glazyev V.N. Sluzhilyye lyudi Eletskego uyezda v kontse XVII veka [Serving class people of Yelets county in the late 17th century]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 850-letiyu g. El'tsa* [Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 850th Anniversary of Yelets]. Yelets, 1996, pp. 64-66. (In Russian).
 11. Vazhinskiy V.M. *Zemlevladieniye i skladyvaniye obshchiny odnodvortsev v XVII veke (Po materialam yuzhnykh uyezдов Rossii)* [Land Ownership and Folding Communities Smallholders in the 17th Century (According to the Southern Counties of Russia)]. Voronezh, 1974. (In Russian).
 12. Glazyev V.N. Razmeshcheniye strel'tsov v gorodakh Chernozemnogo kraya v XVII v. [Placement of strel'tsy in the cities of the Black Earth Region in the 17th century]. *Istoricheskaya geografiya Chernozemnogo tsentra Rossii (dooktyabr'skiy period)* [Historical Geography of the Black Earth Center of Russia (pre-October Period)]. Voronezh, 1989, pp. 42-49. (In Russian).
 13. Glazyev V.N. Voronezhskiy strel'tsy i ikh rol' v ekonomicheskom razvitii kraya v XVII veke [Voronezh strel'tsy and their role in the economic development of the region in the 17th century]. *Istoriya zaseleniya i khozyaystvennogo osvoiniya Voronezhskogo kraya v epokhu feodalizma* [The History of Settlement and Economic Development of the Voronezh Region in the Era of Feudalism]. Voronezh, 1987, pp. 23-33. (In Russian).

Информация об авторе

Мизис Юрий Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ymizis49@yandex.ru

Вклад в статью: рассмотрение системного подхода к изучению принципов формирования гарнизонов южнорусских уездов, работа с архивными документами и материалами, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4065-0767>

Поступила в редакцию 17.07.2019 г.
Поступила после рецензирования 16.08.2019 г.
Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Yury A. Mizis, Doctor of History, Professor, Head of General and Russian Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: ymizis49@yandex.ru

Contribution: consideration of systematic approach to the study of the South Russian counties garrisons formation principles, work with archival documents and materials, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4065-0767>

Received 17 July 2019
Reviewed 16 August 2019
Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-195-200
УДК 94(47+57)"16"

Чины служилого населения в городах и уездах южного фронта России в 7185-м году

Олег Владимирович СКОБЕЛКИН

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5274-5694>, e-mail: olegskob@mail.ru

The ranks of service class population in the cities and counties of the southern frontier of Russia in the year 7185

Oleg V. SKOBELKIN

Voronezh State University
1 University Sq., Voronezh 394018, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5274-5694>, e-mail: olegskob@mail.ru

Аннотация. Проанализированы данные о чинах служилых людей в городах и уездах южного фронта России в 1676/77 г. Выявлены 39 городов с уездами и без уездов, которые можно, бесспорно, отнести к южному фронтиру. Поставлена проблема определения северной границы южнорусского фронта во 2-й половине XVII века. Выявлены тринадцать чинов служилых людей городской службы. Рассмотрено распределение тринадцати чинов по 39-ти городам. На основании полученных данных произведены подсчеты количества чинов в каждом городе/уезде. Кроме того, выявлена распространенность каждого чина в городах и уездах южнорусского фронта.

Ключевые слова: фронт; XVII век; чины; служилые люди

Благодарности: Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00313 А, проект «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Для цитирования: Скобелкин О.В. Чины служилого населения в городах и уездах южного фронта России в 7185-м году // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 195-200. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-195-200

Abstract. We analyze data on the ranks of service class people in the cities and counties of the southern frontier of Russia in 1676/77. We identify 39 cities with and without counties, which can undoubtedly be attributed to the southern frontier. We raise the problem of determining the northern border of the southern Russian frontier in the 2nd half of the 17th century. We identify thirteen ranks of service class people of the urban service. We considered the distribution of thirteen ranks in 39 cities. Based on the obtained data, we calculate the number of ranks in each city/county. In addition, we reveal the prevalence of each rank in the cities and counties of the southern Russian frontier.

Keywords: frontier; 17th century; ranks; service class people

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-09-00313 A, "Russian frontier: social and economic dynamics, everyday and household population models, formation of state territory and mobile border. 16th – early of 19th century (on materials of the southern and southeastern counties of the Central European Region)".

For citation: Skobelkin O.V. Chiny sluzhilogo naseleniya v gorodakh i uyezдах yuzhnogo frontira Rossii v 7185-m godu [The ranks of service class population in the cities and counties of the southern frontier of Russia in the year 7185]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 195-200. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-195-200 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Белгородская черта была построена, исходя из сочетания ряда географических условий юга Московского государства (прежде всего, рек, текущих хотя бы отчасти в широтном направлении, и лесных массивов). В силу этого, черта, почти полностью закрыв территорию страны с юга и юго-востока от нападений крымских и ногайских татар, оставила несколько самых южных городов на территории Поля без прикрытия.

В ходе строительства самой черты, как известно, было основано множество новых городов, часть из которых несколько позже превратились в центры уездов, на территории которых возникали села и деревни. Иными словами, строительство Белгородской черты дало мощный толчок для продолжения колонизации Поля.

Другим следствием строительства черты были коренные изменения административного плана на Юге. Был создан Белгородский полк, и Москва по целому ряду вопросов переподчинила воевод и приказных людей городов, вошедших в полк, воеводе этого полка (в то время как ранее все они напрямую подчинялись столице). Территория уездов, чьи города относились теперь к Белгородскому полку, время от времени в документах (и очень часто в исследованиях) стала называться Белгородским разрядом. Белгород же стал своеобразной столицей региона, в которой даже возник своеобразный филиал Разряда – разрядная изба.

Появление новой управленческой инстанции вызвало к жизни и новые потоки документации. В частности, Белгород стал ежегодно собирать отчеты о состоянии подведомственных крепостей – так называемые годовые сметы или годовые сметные книги городов. Отчеты каждого года переплетались в единые книги, которые архивисты позапрошлого столетия называли также сметными книгами. Это – давно известный, очень информативный, но почти неизученный источник по истории южного фронта 2-й половины XVII века. Одной из наиболее полных и хорошо сохранившихся годовых сметных

книг городов Белгородского полка является книга 7185 (1676/77) г.¹, которая послужила источником для данного исследования.

С завершением строительства Белгородской черты южнорусские города, города Белгородского полка стали разделять на три неравные по численности группы: города «в черте» (то есть защищенные Белгородской чертой), города «по черте» (города-крепости самой черты) и города «за чертой» (то есть оказавшиеся южнее оборонительной линии). «Города в черте» в свое время как раз и составляли территорию южнорусского фронта [1]. Но к 70-м гг. XVII века какая-то часть этих уездов, скорее всего, потеряла «фронтирные признаки», а какая-то часть по-прежнему являлась фронтиром. Вопрос о составе этих двух групп, то есть вопрос о северной границе южнорусского фронта, для начала последней трети XVII века относится к числу дискуссионных и явно требует дальнейших исследований. Что касается городов и уездов «по черте» и «за чертой», то, на наш взгляд, они, безусловно, составляли территорию южного фронта России 2-й половины XVII века. Именно о них и пойдет речь ниже.

В сметной книге 185 г. (чаще всего именно так, в сокращенном виде, записывали год от сотворения мира в XVII веке) есть данные о 39-ти городах, расположенных на интересующей нас территории. Это – в первых, 25 городов «по черте». Хотя В.П. Загоровский убедительно показал, что Ахтырский, Боровля и Олешня не располагались непосредственно на Белгородской черте, а находились вблизи ее [2, с. 164-169], будем, вслед за Разрядом и белгородской разрядной избой, считать их, в рамках данного исследования, городами «по черте». Оставшиеся 14 городов были городами «за чертой», и большинству из них вскоре предстояло стать крепостями новой Изюмской черты.

Сметная книга 185 г. учитывала только служилых людей городской службы; по ка-

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210. Разряд. Оп. 6-д. Книги Московского стола. Кн. 97.

Таблица 1

Наличие чинов служилых людей городской службы в городах южного фронта в 185 г.

№ п/п	Город (уезд) Чин	Дворяне	Дети боярские	Станичники	Стрелы	Казаки	Драгуны	Пушкари	Затинщики	Воротники	Казенные кузнецы	Плотники	Ямщики	Черкасы	ВСЕГО чинов в городе/уезде
1	Ахтырский – БЧ							+						+	2
2	Белгород – БЧ		+	+		+		+			+		+	+	7
3	Белоколосьск – БЧ		+												1
4	Богодухов													+г	1
5	Болховой – БЧ		+		+	+		+		+	+				6
6	Болыкля									+				+г	2
7	Боровля – БЧ							+						+	2
8	Валки													+г	1
9	Валуйка			+	+	+		+	+		+		+	+	8
10	Верхососенск – БЧ		+		+	+		+							4
11	Вольный – БЧ	+	+		+	+		+							5
12	Воронеж – БЧ				+	+		+	+	+			+		6
13	Городное							+						+г	2
14	Доброе – БЧ		+				+	+							3
15	Змеев		+					+						+г	3
16	Карпов – БЧ		+		+	+	+	+		+	+			+	8
17	Колонтаев													+г	1
18	Коротояк – БЧ		+	+	+	+		+		+	+			+	8
19	Короча – БЧ		+		+	+		+						+	5
20	Костенск – БЧ		+				+	+							3
21	Красный Кут													+г	1
22	Мояцкий							+				+		+г	3
23	Мурафа							+						+г	2
24	Нежегольск – БЧ		+	+				+			+			+	5
25	Новый Оскол – БЧ		+		+	+	+	+							5
26	Олешня – БЧ		+					+							2
27	Ольшанск – БЧ		+	+	+	+		+			+			+	7
28	Орлов – БЧ						+	+							2
29	Острогожск – БЧ		+	+	+			+		+	+	+		+г	8
30	Салтов		+					+						+г	3
31	Сокольск – БЧ		+				+	+		+					4
32	Урыв – БЧ		+					+						+	3
33	Усерд – БЧ		+	+	+	+		+							5
34	Усмань – БЧ		+		+	+		+		+	+				6
35	Харьков		+					+		+				+г	4
36	Хотмышск – БЧ	+	+		+	+		+		+	+				7
37	Царев-Борисов													+г	1
38	Чугуев		+	+	+	+		+		+		+			7
39	Яблоньск – БЧ		+	+	+	+		+							5
	ВСЕГО городов/уездов с данным чином	2	25	9	16	16	6	32	2	11	10	3	3	23 (13г)	

Примечание: «–БЧ» – город «по черте»; «+» – наличие служилых людей данного чина в городе/уезде; «г» – городской службы.

ким-то причинам учет служилых людей полковой службы не предусматривался. Источник знает 13 чинов служилых людей: это – дворовые (или «городовые службы по дворовому»), дети боярские, станичники (включая станичных голов, станичных атаманов, белгородских «станичных детей боярских, едоков и вожей» и «станичных недорослей»), стрельцы, казаки (полковые казаки, а также воронежские поместные казаки и атаманы и беломестные казаки), драгуны, пушкари, затинщики, воротники, казенные кузнецы, плотники, ямщики (в том числе ямские охотники) и черкасы. (В данном случае слово «черкасы» означало не только этническую принадлежность, но и чин; тем более что более чем в половине случаев (13 из 23; см. табл. 1) специально указывалось «черкасы городовые службы».)

Все эти категории служилых людей городской службы в разных городах были представлены в совершенно различных сочетаниях (см. табл. 1).

Следует иметь в виду, что в годовых сметах не всех городов соблюдался предписанный формуляр сметной книги. В 185 г. в двух городах невозможно определить полный перечень имевшихся чинов. В Моецком, кроме пушкарей, плотника и черкас городской службы указаны просто «мояцкие жители городовые службы»². В Царево-Борисове «дворян и детей боярских отставных, стрельцов, козаков, драгунов, пушкарей, воротников, затинщиков, козенных кузнецов, плотников, посадских людей, розсыльщиков, ямщиков, дворников нет», а помимо черкас городской службы учтены «русские люди, а каких они чинов, того в сметных книгах <...> не написано»³.

Данные о том, сколько чинов служилых людей городской службы приходилось на каждый город, приведены в порядке убывания в табл. 2.

Как видно из табл. 2, по количеству чинов все 39 городов можно разделить на 8 групп: 1-я группа – 4 города по 8 чинов в каждом, 2-я – 4 города по 7 чинов, 3-я – 3 города по 6 чинов, 4-я – 6 городов по 5 чинов, 5-я – 3 города по 4 чина, 6-я – 6 городов по 3 чина, 7-я – 7 городов по 2 чина и 8-я – 6 городов по

1 чину. При этом в последней группе в пяти городах единственный чин был представлен только черкасами, и лишь в Белоколодске – детьми боярскими. Также следует отметить вполне естественную ситуацию: среди городов с малым количеством чинов (1, 2 и 3) абсолютно преобладают города «за чертой», в то время как в городах с максимальным количеством чинов (8 и 7) – города «по черте».

Данные о том, в каком количестве городов присутствовал тот или иной чин, представлены в табл. 3.

Таблица 2
Количество чинов городской службы
в городах южного фронта в 185 г.

№ п/п	Город/уезд	Чинов
1	Острогожск – БЧ	8
2	Валуйка	8
3	Карпов – БЧ	8
4	Коротояк – БЧ	8
5	Белгород – БЧ	7
6	Ольшанск – БЧ	7
7	Хотмышск – БЧ	7
8	Чугуев	7
9	Болховой – БЧ	6
10	Воронеж – БЧ	6
11	Усмань – БЧ	6
12	Вольный – БЧ	5
13	Короча – БЧ	5
14	Новый Оскол – БЧ	5
15	Нежегольск – БЧ	5
16	Усерд – БЧ	5
17	Яблонов – БЧ	5
18	Верхососенск – БЧ	4
19	Сокольск – БЧ	4
20	Харьков	4
21	Доброе – БЧ	3
22	Змеев	3
23	Костенск – БЧ	3
24	Моецкий	3
25	Салтов	3
26	Урыв – БЧ	3
27	Ахтырский – БЧ	2
28	Болыклея	2
29	Боровля – БЧ	2
30	Городное	2
31	Мурафа	2
32	Олешня – БЧ	2
33	Орлов – БЧ	2
34	Белоколодск – БЧ	1
35	Богодухов	1
36	Валки	1
37	Колонтаев	1
38	Красный Кут	1
39	Царев-Борисов	1

² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 6-д. Книги Московского стола. Кн. 97. Л. 1359об., 1368.

³ Там же. Л. 1370об.

Таблица 3
Распределение чинов по городам
южного фронта в 185 г.

№ п/п	Чин	Количество городов
1	Пушкари	32
2	Дети боярские	25
3	Черкасы	23
4	Стрельцы	16
5	Казаки	16
6	Воротникики	11
7	(Казенные) кузнецы	10
8	Станичники	9
9	Драгуны	6
10	Плотникики	3
11	Ямщики	3
12	Дворовые	2
13	Затинщики	2

Как видно из табл. 3, самым распространенным чином были пушкари; их не было только в 5 городах (см. табл. 1). Однако из этих пяти крепостей только в Белоколодском острожке не было артиллерии⁴, и, следовательно, пушкари были не нужны. В четырех других городах количество орудий колебалось от 1 до 5⁵, и отсутствие пушкарей в этом случае выглядит странно. Видимо, следует предположить, что артиллеристами в этих крепостях были служилые люди других чинов. Судя по составу служилого населения,

⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 6-д. Книги Московского стола. Кн. 97. Л. 1197об.

⁵ Там же. Л. 1386-1386об., 1488-1488об., 1504-1504об., 1540об.-1541, 1563об.

это были, скорее всего, черкасы (а в Белоколодске дети боярские), которых просто не считали нужным верстать в пушкарскую службу.

На другом полюсе находились два самых «редких» чина – дворовые и затинщики.

Дворовые, которые зафиксированы только в Вольном и Хотмышке (см. табл. 1), представляли собой явный реликт исчезнувшего в южнорусских уездах чина. Там, где этот чин существовал ранее и относился к полковой службе, его представителей давно перевели в новые чины полков нового строя. В книге же 185 г. мы видим какие-то остатки дворовых, числящихся к тому же не в полковой, а в городской службе.

Что касается затинщиков, то здесь ситуация пока еще менее ясная. Этот чин значится только в Валуйке и Воронеже. Но, если в Воронеже было 33 затинных пищали⁶, то в Валуйке затинных пищалей не было вовсе⁷. В то же время в ряде городов затинные пищали имелись, но затинщиков не было. Можно осторожно предположить, что здесь мы наблюдаем некую тенденцию, сходную с ситуацией отсутствия пушкарей при наличии орудий. Возможно, власти постепенно отказывались от обязательного соответствия служебных обязанностей чину, и обслуживание затинных пищалей стало привлекать представителей других чинов без поверстания кого-либо в затинщики.

⁶ Там же. Л. 1093об.

⁷ Там же. Л. 1348-1350.

Список литературы

1. Скобелкин О.В. Южный фронт России на рубеже 60–70-х гг. XVI в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 10 (126). С. 43–48.
2. Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.

References

1. Skobelkin O.V. Yuzhnyy frontir Rossii na rubezhe 60–70-kh gg. XVI v. [Southern frontier of Russia at the edge of 1560–1570s of 16th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, no. 10 (126), pp. 43–48. (In Russian).
2. Zagorovskiy V.P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, 1969. (In Russian).

Информация об авторе

Скобелкин Олег Владимирович, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России. Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: olegskob@mail.ru

Вклад в статью: изучение архивных источников, статистический анализ, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5274-5694>

Поступила в редакцию 19.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 19.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Oleg V. Skobelkin, Doctor of History, Associate Professor, Associate Professor of Russian History Department. Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: olegskob@mail.ru

Contribution: archival sources study, statistical analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5274-5694>

Received 19 July 2019

Reviewed 19 August 2019

Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-201-208
УДК 94(47)

Динамика изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630–1680-е гг.

Виктория Михайловна БРЕЗГУНОВА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1015-1307>, e-mail: bvm1792@mail.ru

Cherkas number changes dynamics in the Voronezh Region in 1630–1680s

Viktoriia M. BREZGUNOVA

Voronezh State University
1 University Sq., Voronezh 394018, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1015-1307>, e-mail: bvm1792@mail.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена возросшим в последнее время интересом к политическим, социально-экономическим и демографическим процессам, происходившим в приграничных регионах Юга России в XVII веке, к которым относился и Воронежский край. Его территория была вовлечена в широкомасштабные демографические процессы, происходило заселение и освоение земель края. В конце 1630-х гг. в Воронежском крае правительством были размещены черкасы, ставшие впоследствии частью служилого населения. На основе источников изучена динамика изменения численности черкасского контингента края в 1630–1680-е гг., выявлено, что их количество на протяжении этого периода претерпевало существенные изменения. Рассмотрены основные факторы, которые могли оказывать влияние на количество черкас в крае, одним из которых, например, могло быть переселение черкас в соседние регионы. Также динамика изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630–1680-е гг., представленная в данном исследовании, с одной стороны, систематизирует данные источников и литературы, которые касаются этого аспекта; с другой стороны, может быть в дальнейшем использована исследователями для сопоставления с другими категориями служилого населения края, а также для изучения демографии в этот период.

Ключевые слова: Воронежский край; XVII век; миграционные процессы; черкасы; Острожский полк; демографические процессы

Благодарности: Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00313 А, проект «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Для цитирования: Брезгунова В.М. Динамика изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630–1680-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 201-208. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-201-208

Abstract. The relevance of this study is due to the recent increased interest in the political, social, economic and demographic processes that took place in the frontier region of South Russia in the 17th century, which included the Voronezh Region. Its territory was involved in large scale demographic processes, there was a settlement and development of edge lands. In the late 1630s, the government placed cherkassys in the Voronezh Region, which later became a part of the military population. Based on the sources, we study the dynamics of changes in the number of cherkassy contingent of the region in the 1630–1680s, and reveal that their number during this period underwent significant changes. We consider the main factors that could make an influence on the cher-

kassy number in the region, one of which, for example, could be the resettlement of cherkassy in neighboring regions. Also, the dynamics of changes in the cherkassy number in Voronezh Region in the 1630–1680s, presented in this study, on the one hand, systematize the data sources and literature that relate to this aspect; on the other hand, it can be further used by researchers to compare with other categories of service population of the region, as well as to study the demography in this period.

Keywords: Voronezh Region; 17th century; migration processes; cherkassys; Ostrogozhsk regiment; demographic processes

Acknowledgments: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-09-00313 A, “Russian frontier: social and economic dynamics, everyday and household population models, formation of state territory and mobile border. 16th – early of 19th century (on materials of the southern and southeastern counties of the Central European Region)”.

For citation: Brezgunova V.M. Dinamika izmeneniya chislennosti cherkas v Voronezhskom krae v 1630–1680-e gg. [Cherkas number changes dynamics in the Voronezh Region in 1630–1680s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 201–208. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-201-208 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В XVII веке происходило активное заселение и освоение территории Воронежского края, и частью этого процесса стали черкасы, переселившиеся в разное время в населенные пункты края с украинских земель Речи Посполитой. Черкасы приняли присягу, поступили на государственную службу, став впоследствии одной из составляющих служилого населения, ведущего по численности в этот период для всего Юга России [1, с. 34]. Они были размещены в нескольких разных по величине населенных пунктах края – в Гвоздевке, Усерде, Костенках, Ендовище, Ольшанске, Острогжске, Коротояке, Урыве, Землянке и Перлевке. Историографию изучения черкас, переселившихся в Воронежский край, можно назвать довольно обширной, но неполной, так как, как правило, исследователи затрагивали этот аспект в контексте рассмотрения более крупных интересующих их вопросов. Большей предметностью и ценностью в плане изучения черкас отличаются работы А.А. Гоголевой и А.И. Папкова [2–5]. Вопрос об общем количестве черкас в Воронежском крае и динамике изменения их численности на протяжении XVII века ранее практически не затрагивался исследователями, в то время как этот аспект представляет несомненный научный интерес. Необходимо сразу же отметить, что источники, которые содержат данные о численности черкас, отличаются крайней разрозненностью, фрагментарностью и нуждаются в проведении скрупулезного сравнительного анализа, попытка которого будет проведена в этом ис-

следовании. Кроме того, в документах, как правило, идет речь о количестве взрослых мужчин, одиноких или глав семей, иногда упоминаются родственники мужского пола, роспись всего состава семьи встречается очень редко. Именно поэтому при изучении динамики изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630–1680-е гг. мы, опираясь на данные источников и придерживаясь хронологии, будем говорить об общей численности взрослого мужского черкасского контингента.

Хронологически первым переселением черкас в Воронежский край был приход в деревню Гвоздевку в 1638 г. 23 домохозяев и свободных холостых мужчин со своими семьями, общее количество группы составляло 93 человека¹. В 1639 г. в Костенках русской администрацией было размещено 130 черкас, именно это количество указано в поданной ими челобитной². В.П. Загоровский указывает другое количество – 150 человек [6, с. 109], разделяет его мнение и А.И. Папков [4, с. 226], в источниках также упоминается цифра в 140 человек, которая и представляется с учетом всех данных наиболее убедительной³. В это же время, в 1639 г., 180 черкас были поселены в городе-крепости

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210. Оп. 12. Д. 99. Л. 45–46.

² Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы: в 3 т. М., 1953. Т. 1: 1620–1647 годы. № 164. С. 275.

³ Там же. № 172. С. 283.

Усерд⁴, через два года после его строительства. Найденные нами первые сведения о черкасах с. Ендовище относятся к 1640–1641 гг., в источнике упоминается 175 черкас⁵, и 1640 г. представляется наиболее вероятным годом их размещения под Воронежем. Таким образом, можно сделать вывод, что общее количество отслеживаемого по источникам мужского черкасского контингента в Воронежском крае в 1640 г. составляет 518 человек.

Существенное влияние на численность черкас в Воронежском крае в дальнейшем, в 1640-е гг., оказала попытка бегства костенских черкас со своими семьями и всем имуществом «в Литву», в пути они были задержаны русскими служилыми людьми, после чего началось следствие и переселение семей беглецов, что уже было подробно освещено исследователями [7; 8]. В этом случае наиболее важны данные о тех черкасах, которые остались в Костенках, а это, как следует из источников, всего 10 семей⁶. В построенном в 1644 г. Ольшанске впервые черкасы были размещены в количестве 17 человек в тот же год, они были верстаны в дети боярские⁷, что представляет собой достаточно редкий случай, так как обычно переселенцы поступали на полковую или городовую службу. Сохранились списки воронежских черкас, к которым относились черкасы Гвоздевки, Ендовища и Костенок (с 1642 г. – города-крепости Костенск), они датированы 1649 г. и содержат сведения о 24, 172 и 9 черкасах в этих населенных пунктах соответственно⁸.

Вопрос о количестве черкас в Усерде в 1640-е гг. требует отдельного уточнения, так как в источниках и литературе приводятся разные сведения. А.И. Папков в своих работах приводит несколько версий: в таблице численности различных категорий «жилецких людей» в городах Белгородской черты за 1643 г. в Усерде он указывает 200 черкас [5, с. 59]; также он упоминает, по данным источников, количество в 166 и 153 черкаса в Усерде в 1645 г. [4, с. 228]. Сохранилась челобитная с просьбой о выдаче жалования 153 проживавших в Усерде черкас, которую они

подали 27 мая 1644 г.⁹ Приведенные данные, как можно отметить, весьма противоречивы, поэтому уместно, на наш взгляд, брать среднее количество, которое равно количеству черкас в Усерде в 1639 г. – это примерно 180 мужчин со своими семьями. Таким образом, общее количество отслеживаемого по источникам мужского черкасского контингента в Воронежском крае в 1650 г. составляло 402 человека, и уменьшение количества черкас по сравнению с 1640 г. произошло из-за попытки бегства костенских черкас в Речь Посполитую и их дальнейшего переселения правительством в другие места.

В начале 1650-х гг. контингент черкас Воронежского края был весьма существенно пополнен. В 1652 г. впервые поселились черкасы в Острогожске – их было 967 рядовых казаков и 36 начальных людей, всего 1003 человека¹⁰. В этом же году ольшанский воевода разместил в своем городе две группы присланных из Путивля и Олешни черкас – всего 197 человек¹¹. В 1652 г. черкасы впервые были размещены в Коротояке и Урыве – 101 [9, с. 171] и 100¹² черкас со своими семьями соответственно, в 1654 г. указано их общее количество в этих населенных пунктах в 195 человек [9, с. 171]. В 1658 г. проживавшие в Острогожске черкасы были разобраны думным дьяком С.И. Заборовским и дьяком С. Титовым, в итоге 490 человек были определены в полковую службу, а 429 – записаны в городовую службу¹³, всего 919 человек.

Общее количество черкас в Воронежском крае в 1660 г. приводится А.А. Гоголевой в ее монографии [2, с. 28], она, следуя за источником, которым была перечневая роспись черкас по Белгородской черте, составленная Степаном Ушаковым¹⁴, делит их на три категории – полковых, городских и пахотных, нас же интересует общее количество черкас, которое более наглядно можно представить так: в Воронеже (видимо, имеются в виду Гвоздевка, Костенск и Ендовище) – 239 человек; Коротояке (видимо, здесь указаны черкасы Коротояка и Урыва) – 195 человек; Острогожске – 981 человек; Ольшанске – 210

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 138. Л. 130-139.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 140. Л. 483.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 154. Л. 198.

⁷ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 15. Акты XVII и XVIII столетий. Воронеж, 1889. № 722. С. 1609.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 293. Л. 36-46.

⁹ Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы... № 231. С. 381-382.

¹⁰ Там же. № 187. С. 368.

¹¹ РГАДА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 374. Л. 257.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 395. Л. 45-67.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 414. Л. 160-164.

человек; Усерде – 195 человек. Приведенные А.А. Гоголевой данные отличаются точностью и достоверностью, но не совсем полны, так как не упоминаются черкасы Землянска и Перлевки, переселившиеся в Воронежский край в 1660 г. Необходимо отметить, что и в источнике – перечневой росписи черкас по Белгородской черте – эти сведения также отсутствуют, так как, видимо, списки составлялись на несколько месяцев раньше, чем черкасы были размещены на новом месте.

В 1660 г. в Воронежский край переселяется достаточно большая группа черкас, количество людей в ней вполне сопоставимо с крупным переселением черкас в Острогожск в 1652 г. В источниках и литературе существует несколько версий того, каков же был размер переселившейся в Землянск группы. Количество переселенцев упоминается в чуть более поздней, относящейся к 1661 г., челобитной черкасского атамана и сотника, где они просят о царском пожаловании их за то, что «созвали мы тебе с розных черкасских городов черкас человек с 1000, и те черкасы ныне... построились дворами в новом твоём государеве Землянском городе многие черкасы, а иные дворами строятся» [10, с. 28]. По сметным книгам Белгородского полка в Землянске чуть позднее, в 1663–1664 г., было служилых людей полковой службы 1006 человек, из них 980 черкас и 26 детей боярских¹⁵. Исследователи Е.В. Казмина и К.И. Кузин в своей статье упоминают 1000 семей переселившихся в Землянск черкас [11, с. 3], то же самое указывает в одной из своих статей Г.Н. Мокшин [12, с. 83]. П.В. Загоровский пишет о 850 семьях, пришедших с атаманом Осипом Дашкеевым [13, с. 77]. Подвергнув анализу всю эту информацию и ориентируясь, прежде всего, на источники, мы приходим к цифре в 1000 переселившихся в Землянск и поступивших на русскую службу в 1660 г. черкас со своими семьями.

Итак, учитывая все приведенные данные, можно сделать вывод, что общее количество отслеживаемого по источникам мужского черкасского контингента в Воронежском крае в 1660 г. составляло 2820 человек, что говорит об увеличении количества черкас по сравнению с 1650 г. в 7 раз, что произошло прежде всего за счет новых групп переселен-

цев, также наблюдается и небольшой естественный прирост числа людей.

К сожалению, мы располагаем совсем небольшим количеством источников, упоминающих количество черкас в Воронежском крае в 1660–1670-е гг., наиболее ценным из них являются Чигиринские смотренные списки Острогожского полка 1676–1677 гг., которые все же требуют уточнения и дополнения, так как количество городских черкас там не указано, эти сведения содержатся в описи городов 1678 г. Итак, по Чигиринским спискам полковых казаков Острогожска всего значилось 415 человек¹⁶. В описи городов 1678 г. приведены данные о составе населения города Острогожска, и там упоминается, что было «городовые службы черкас 277 человек, детей их и братьи и всяких свойственников 283 человека»¹⁷ [17, с. 280]. Таким образом, всего, с учетом родственников, в Острогожске было 975 черкас. «Воронежцов», то есть жителей Гвоздевки, Ендовища и Костенска в списках полка указано 145 человек¹⁸, в описи городов 1678 г. в Воронеже черкасы не упоминаются. Ольшанских полковых черкас в 1676–1677 гг. было 127 человек¹⁹, в 1678 г. городских – 48 (30 черкас и 18 родственников)²⁰, всего 175 человек. Землянских полковых черкас в Чигиринских списках указано 334 человека²¹, городских в 1678 г. – 295 (189 черкас и 106 родственников)²², всего 629 человек. Сведения из тех же источников об усердских черкасах указывают на 80 человек полковой службы²³ и 8 –

¹⁶ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 8. Акты XVII и XVIII столетий. Воронеж, 1886. № 349. С. 726.

¹⁷ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссией. Т. 9. Спб., 1875. С. 280.

¹⁸ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 8. Акты XVII и XVIII столетий. Воронеж, 1886. № 349. С. 726.

¹⁹ Там же.

²⁰ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссией... С. 279.

²¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 8. Акты XVII и XVIII столетий. Воронеж, 1886. № 349. С. 726.

²² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссией... С. 279.

²³ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 8. Акты XVII и XVIII столетий. Воронеж, 1886. № 349. С. 726.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 471. Л. 339.

городовой²⁴, всего 88 человек. В Коротояке и Урыве по Чигиринским спискам было 44 и 84 полковых черкаса соответственно²⁵, а городских – 65 (21 черкас и 44 родственника) и 10 также соответственно²⁶, всего 203 человека.

Таким образом, общее количество отслеживаемого по источникам мужского черкасского контингента в Воронежском крае к 1678 г. составляло 2215 человек, из них 1229 состояли на полковой службе. По сравнению с данными 1660 г. в 2820 человек наблюдается значительное уменьшение фиксируемого количества черкас, даже с учетом включения в общее количество родственников городских черкас, о которых известно из описи городов 1678 г. С одной стороны, это уменьшение можно объяснить недостаточностью сведений, так как о пахотных черкасах с 1660 г., например, мы упоминаний больше не находим, с другой стороны, возможно влияние на численность черкасского контингента каких-либо других, пока неучтенных нами факторов.

В 1680-е гг. сведения о численности черкас в Воронежском крае приобретают еще более фрагментарный и порой противоречивый характер, так, данных о городских черкасах практически не встречается, в основном сведения касаются тех, кто состоял на полковой службе. Достаточно наглядно это можно показать на примере полковых черкас Коротояка и Урыва. Так, в материалах по истории Воронежской и соседних губерний приведена перечневая роспись урядников и казаков Острогожского полка, поданная Иваном Сасовым в Курск в октябре 1682 г. В ней отмечено, что «Урывской и Коротоячен на лицо – 140, нетчиков – 48»²⁷, всего 188 человек. В феврале 1684 г. была составлена смотровая роспись казаков Острогожского полка, она не содержит данных о черкасах некоторых населенных пунктов, но именно в нее включен «список из смотру уривских полковых казаков, в которых оружие есть и в

которых нет», где упоминается 112 человек²⁸. Там же содержится и «ропис коротояцких полковых казаков», где упоминается 3 десятника и 51 казак, всего 54 человека²⁹, то есть всего в Коротояке и Урыве в 1684 г. было 166 полковых казаков-черкас. При этом, как следует из источника, в 1685 г. с острогожским полковником на службе в Царево-Борисове было 228 урывчан³⁰, и эта цифра, как можно предположить, обозначает количество полковых черкас и Коротояка, и Урыва.

Таким образом, из источников следует, что в 1682 г. в Коротояке и Урыве было 188, в 1684 г. – 166, а в 1685 г. – 228 полковых черкас. Хронологическая разница между данными совсем небольшая, но количественные показатели различаются весьма существенно, такое большое количество полковых черкас к 1685 г. можно предположительно объяснить новым состоявшимся набором в полк. Например, в 1681 г. полковник Сасов получил приказ «Острогожского города городской службы черкас бобылей пересмотреть и разобрать и написать в Острогожской полк»³¹ [32, л. 1].

В 1685 г. А.А. Гоголева фиксирует наибольшее количество людей в Острогожском черкасском полку в период с 1668 до 1700 г. [2, с. 111]. В Царево-Борисове с острогожским полковником на службе в 1685 г. всего было 1745 черкас из Воронежского края: из Острогожска – 500 черкас, из Воронежа (Гвоздевка и Ендовище) – 324, из Коротояка и Урыва – 228, из Ольшанска – 185, из Землянска – 344, из Усерда – 164³². Если информацию о полковых черкасах Воронежского края, благодаря источникам, можно считать полной, то гораздо сложнее с черкасами городскими, в данном случае мы можем только выдвинуть версию. Известно только то, что в Острогожске в 1682 г. был 761 городской черкас [2, с. 33], если сравнить эти данные с количеством в 560 городских черкас в 1678 г., то наблюдается рост примерно на 35 %, если принять, что этот рост был таким же и в других городах и уменьшения не происходило, то общее количество городских черкас должно было составлять примерно

²⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией... С. 278.

²⁵ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 8. Акты XVII и XVIII столетий. Воронеж, 1886. № 349. С. 726.

²⁶ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией... С. 281-282.

²⁷ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 13. Акты XVII и XVIII столетий. Воронеж, 1888. № 555. С. 1291.

²⁸ РГАДА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 233. Л. 22-24.

²⁹ Там же. Л. 31-32.

³⁰ РГАДА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 50. Л. 19.

³¹ ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. И-288. Оп. 1. Д. 15.

³² РГАДА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 50. Л. 19.

1330 человек. Таким образом, к 1685 г. общее количество черкас Воронежского края, по нашей версии, могло составлять примерно 3075 человек, что говорит о новом росте количества черкас по сравнению с общими данными 1678 г., но при этом информации о пахотных черкасах, к сожалению, нет, и сложно предположить, сколько же их было в этот период.

Наглядно динамику изменения численности черкас в Воронежском крае можно представить следующим образом:

1640 г. – 518 человек;
1650 г. – 402 человека;
1660 г. – 2820 человек;
1678 г. – 2215 человек;
1685 г. – 3075 человек.

Интересно отметить, что если уменьшение количества черкас в 1650 г. по сравнению с 1640 г. достаточно просто объяснить бегством примерно 130 черкас со своими семьями из Костенок, а увеличение контингента к 1660 г. – переселением нескольких групп черкас в Воронежский край, то далее с данными все несколько сложнее. По источникам фиксируется уменьшение количества черкас с 1660 г. до 1678 г. почти на 600 человек. Отчасти это можно объяснить тем, что 394 пахотных черкаса, упоминаемые в 1660 г., больше не упоминаются как отдельная категория в источниках, но, возможно, именно они составили тот резерв, который позволил в дальнейшем расширить состав Острогожского черкасского полка к 1685 г. Также весьма существенным может быть влияние того, что черкасы Воронежского края в 1670 г. участвовали в событиях, связанных с восстанием Степана Разина, когда полковник Иван Дзиньковский перешел на сторону восстав-

ших [14; 15, с. 195], но едва ли при этом можно говорить о крупных потерях среди черкас.

Следующим фактором, который мог так существенно повлиять на численность черкасского контингента в Воронежском крае к 1678 г., является их возможное переселение в другие города – так, один из таких примеров говорит о том, что около 70 черкас в начале 1670-х гг. переселились в построенный в 1671 г. под руководством черкасского полковника Герасима Карабута г. Полатов (в дальнейшем – Старый Полатов, сейчас – это с. Палатово Красногвардейского района Белгородской области) [16, с. 195]. В источнике есть сведения, что «из малороссийских и литовских городов черкасы никто не приходили, а бежали в тот городок Полатов и построились Острогожского полку старых выборов полковые казаки»³³, переселялись в новый город черкасы из Острогожска, Усерда, Ольшанска, что непосредственно приводило к уменьшению их количества в указанных городах.

Как уже было отмечено ранее, все данные, приведенные нами в исследовании, отражают количество взрослых мужчин-черкас, женатых и холостых, которые подвергались учету государством и упоминаются в найденных источниках. И непосредственно связанным с динамикой изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630–1680-е гг. вопросом является изучение поло-возрастного состава, состава семьи и темпов прироста всего черкасского контингента в крае, но, к сожалению, источников, которые могли бы полно, точно и достоверно отразить этот аспект, практически нет, но поиск обязательно будет продолжен.

³³ РГАДА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 176. Л. 4.

Список литературы

1. Глазьев В.Н. Особенности взаимодействия власти и общества в условиях южнорусского пограничья в XVII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4. С. 28-35.
2. Гоголева А.А. Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в.: городские воеводы и черкасские полковники. Воронеж, 2008.
3. Гоголева А.А. Население Острогожского уезда во второй половине XVII – начале XVIII в. // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный бюллетень. 2005. Вып. 3. С. 41-48.
4. Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004.
5. Папков А.И. Расселение украинцев на южной окраине России в конце XVI – первой половине XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Вып. 10 (150). С. 47-70.

6. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
7. Папков А.И. Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 24-36.
8. Брезгунова В.М. Политика российских властей в отношении изменников-черкас в Воронежском крае в 40–50-е гг. XVII века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 33-37.
9. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1.
10. Мокшин Г.Н. Сколько лет Землянску? Воронеж, 2012.
11. Казмина Е.В., Кузин К.И. Землянск в XVII в.: история городского управления // Из истории Воронежского края: сб. ст. 2004. Вып. 12. С. 3-23.
12. Мокшин Г.Н. О новом «городовом строении» в Землянске в 1678 году // Гуманитарные исследования Центральной России. 2017. № 2 (3). С. 83-91.
13. Загоровский П.В. Возникновение и развитие городов в Воронежском крае в XVII–XVIII веках // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма: сб. ст. 1987. С. 62-93.
14. Скобелкин О.В. Разинские атаманы в Воронежском крае // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1983. С. 101-111.
15. Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988.
16. Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

References

1. Glazyev V.N. Osobennosti vzaimodeystviya vlasti i obshchestva v usloviyakh yuzhnorusskogo pogranich'ya v XVII veke [Features of interaction of government and society in the conditions of the southern Russian border in the 17th century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2018, no. 4, pp. 28-35. (In Russian).
2. Gogoleva A.A. *Mestnaya vlast' v Ostrogozhskom uyezde vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII v.: gorodovyye voyevody i cherkasskiye polkovniki* [Local Government in Ostrogozhsk District in the Second Half of 17th – Early of 18th Century: City Governors and Cherkassy Colonels]. Voronezh, 2008. (In Russian).
3. Gogoleva A.A. Naseleniye Ostrogozhskogo uyezda vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII v. [Population of Ostrogozhsk county in the second half of 17th – early 18th century.]. *Voronezhskiy vestnik arkhivista* [Voronezh Archivist Herald], 2005, no. 3, pp. 41-48. (In Russian).
4. Papkov A.I. *Porubezh'ye Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoj (konets XVI – pervaya polovina XVII veka)* [Frontier of Russia Tsardom and the Ukrainian Lands of the Commonwealth (the Late of 16th – First Half of 17th Century)]. Belgorod, 2004. (In Russian).
5. Papkov A.I. Rasseleniye ukrainsev na yuzhnoy okraine Rossii v kontse XVI – pervoy polovine XVII v. [The resettlement of Ukrainians in the southern part of Russia in the late of 16th – first half of 17th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, no. 10 (150), pp. 47-70. (In Russian).
6. Zagorovskiy V.P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, 1969. (In Russian).
7. Papkov A.I. Bunt ili izmena? Vosstaniya sluzhilykh cherkas na yuge Rossii v 40-e gody XVII veka [Round or change? The revolution of servicing cherkas in the south of Russia in the 40th of the 17th century]. *Istoriya: Fakty i simvol'y – History: Facts and Symbols*, 2017, no. 4 (13), pp. 24-36. (In Russian).
8. Brezgunova V.M. Politika rossiyskikh vlastey v otnoshenii izmennikov-cherkas v Voronezhskom krae v 40–50-e gg. XVII veka [Policy of Russian authorities in relation Cherkassy's treason in Voronezh region during 40–50s of 17th century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 2017, no. 1, pp. 33-37. (In Russian).
9. Miklashevskiy I.N. *K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva* [To the Economic Life History of the Muscovite State]. Moscow, 1894, pt 1. (In Russian).
10. Mokshin G.N. *Skol'ko let Zemlyansku?* [How Old is Zemlyansk?]. Voronezh, 2012. (In Russian).
11. Kazmina E.V., Kuzin K.I. Zemlyansk v XVII v.: istoriya gorodskogo upravleniya [Zemlyansk in the 17th century: history of city governance]. *Sbornik statey «Iz istorii Voronezhskogo kraya»* [Collection of Articles "From the History of Voronezh Region"], 2004, no. 12, pp. 3-23. (In Russian).
12. Mokshin G.N. O novom «gorodovom stroenii» v Zemlyanske v 1678 godu [About a new “town building” in Zemlyansk in 1678]. *Gumanitarnyye issledovaniya Tsentral'noy Rossii – Humanities Researches of the Central Russia*, 2017, no. 2 (3), pp. 83-91. (In Russian).

13. Zagorovskiy P.V. Vozniknoveniye i razvitiye gorodov v Voronezhskom kraye v XVII–XVIII vekakh [The emergence and development of cities in the Voronezh region in the 17th – 18th centuries]. *Sbornik statey «Istoriya zaseleniya i khozyaystvennogo osvoeniya Voronezhskogo kraya v epokhu feodalizma»* [Collection of Articles “The History of Settlement and Economic Development of the Voronezh Region in the Feudalism Era”], 1987, pp. 62-93. (In Russian).
14. Skobelkin O.V. Razinskiye atamany v Voronezhskom kraye [Razin hetmans in the Voronezh region]. *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov «Klassovaya bor’ba i revolyutsionnoye dvizheniye v Voronezhskom kraye»* [Interuniversity Collection of Scientific Papers “Class Struggle and Revolutionary Movement in the Voronezh Region”]. Voronezh, 1983, pp. 101-111. (In Russian).
15. Chistyakova E.V., Solovyev V.M. *Stepan Razin i ego soratniki* [Stepan Razin and His Comrades]. Moscow, 1988. (In Russian).
16. Zagorovskiy V.P. *Izyumskaya cherta* [Izium Line]. Voronezh, 1980. (In Russian).

Информация об авторе

Брезгунова Виктория Михайловна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры политической истории. Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: bvm1792@mail.ru

Вклад в статью: изучение архивных источников и литературы, анализ документов, сравнительный анализ, обработка результатов исследования, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1015-1307>

Поступила в редакцию 23.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 19.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Viktoria M. Brezgunova, Candidate of History, Lecturer of Political History Department. Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: bvm1792@mail.ru

Contribution: archival sources and literature study, documents analysis, comparative analysis, research results process, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1015-1307>

Received 23 July 2019

Reviewed 19 August 2019

Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-209-219
УДК 94(47).04

Государственно-церковное взаимодействие в условиях фронта на Юге России в XVI–XVII веках

Андрей Игоревич ПАПКОВ

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
308012, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7612-0795>, e-mail: papkov@bsu.edu.ru

State and church interaction in the frontier conditions on the south of Russia in 16th – 17th centuries

Andrey I. PAPKOV

Belgorod State National Research University
85 Victory St., Belgorod 308012, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7612-0795>, e-mail: papkov@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрен процесс расширения государственной территории России в южном направлении, происходивший в XVI–XVII веках. Проанализирован процесс формирования сети православных храмов и монастырей в зоне фронта – на южной окраине России. Сделана попытка определить роль государства в этом процессе. Сделан вывод о том, что государство обеспечивало строительство необходимого количества храмов и монастырей, а также выделяло средства на обеспечение их деятельности в дальнейшем.

Ключевые слова: Российское царство; Юг России; Днепро-Донская лесостепь; Крымское ханство; Речь Посполитая; фронт; порубежье

Благодарности: Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00313 А, проект «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Для цитирования: Папков А.И. Государственно-церковное взаимодействие в условиях фронта на Юге России в XVI–XVII веках // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 209–219. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-209-219

Abstract. We consider the process of Russia state territory expansion in the southern direction, which took place in the 16th – 17th centuries. We analyze the network formation process of orthodox churches and monasteries in the frontier zone – on the southern outskirts of Russia. We made an attempt to determine the role of the state in this process. It is concluded that the state provided the construction of the necessary number of churches and monasteries, as well as allocated funds to ensure their activities in the future.

Keywords: Tsardom of Russia; South of Russia; Dnieper-Don forest steppe; Crimean Khanate; Polish-Lithuanian Commonwealth; frontier; borderlands

Acknowledgments: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-09-00313 A, “Russian frontier: social and economic dynamics, everyday and household population models, formation of state territory and mobile border. 16th – early of 19th century (on materials of the southern and southeastern counties of the Central European Region)”.

For citation: Papkov A.I. Gosudarstvenno-tserkovnoye vzaimodeystviye v usloviyakh frontira na Yuge Rossii v XVI–XVII vekakh [State and church interaction in the frontier conditions on the south of Russia in 16th – 17th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitar-*

nye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 209-219.
DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-209-219 (In Russian, Abstr. in Engl.)

С тех пор, как Ф. Тернер сформулировал теорию фронта [1], она применялась не только для трактовки событий американской истории, но и использовалась применительно к другим регионам мира. В российской историографии с использованием концепции фронта рассматривалась история Сибири [2–9]. Показательными являются труды американских исследователей истории Юга России, в которых используется термин «фронт» [10–12]. Термин «фронт» применительно к данной территории был введен сравнительно недавно [4; 13–16], началось рассмотрение истории заселения лесостепи и степи юга России с точки зрения фронта [17–25].

Процесс складывания государственной территории, когда в 1521 г. под власть Москвы перешли Северская земля и Рязанское княжество, привел не только к образованию Российского государства. Еще одним следствием стало появление обширной фронтальной зоны, протянувшейся вдоль южных и восточных рубежей страны, прежде всего там, где в силу разных обстоятельств граница не была четко маркирована и имела подвижный, неустойчивый характер. Такое положение отразилось в использовании для обозначения частей этой зоны устойчивых терминов, прочно вошедших в практику российского приказного делопроизводства: «рязанские города», «северские города», «города от польской украины», «украинные города». В дальнейшем, когда российские города-крепости начинают возводиться непосредственно на территории Поля, их стали называть «польские города» [26]. Сооружение Белгородской черты оказалось настолько серьезным фактором, повлиявшим на ситуацию на порубежье, что само понятие «черта» стало использоваться в качестве географического ориентира. В документах постоянно употребляются понятия «города на черте», «города в черте», «города за чертой» [27, с. 20-21]. При изучении и описании колонизации Юга России XVI–XVII веков целесообразно использование категории «украина» [28, с. 532-533]. Вместе с тем наличие сопоставимых процессов, проявившихся при продвижении европейцев в Северной Америке и россиян в

Сибири, на южном и примыкающих к нему направлениях, позволяют проводить сравнительный анализ, и в этом случае категория «фронт» будет вполне уместной [29].

Юг России как зона фронта в XVI–XVII столетиях не является географически неизменным [30]. В этот период государственная территория Российского царства расширяется в южном направлении, но в целях изучения государственно-церковных отношений в зоне южнорусского фронта ее можно ограничить районом Белгородской черты (на юге) и Окской оборонительной линией (на севере). Особенности данной территории, которые непосредственно влияли на положение храмов и монастырей, является не только отсутствие крупного вотчинного землевладения, но и в целом невысокая плотность населения, довольно низкий уровень доходов местных жителей, которые в подавляющем большинстве случаев относились к низшим военно-служилым категориям.

Для изучения вопросов государственно-церковных отношений Юг России является уникальной территорией. В этом географическом районе прослеживаются несколько тенденций. С одной стороны, необходимость противостояния Великому княжеству Литовскому, которое, как и Великое княжество Московское, претендовало на роль наследника Древней Руси. Следует отметить, что для обоснования противоборства с Литвой, в отличие от войн с государствами, населенными мусульманами, необходимо было искать идеологическое обоснование. Война с Литовским княжеством противоречила идее единства православного мира. Кроме того, значительная часть российской элиты XVI века происходила с территории Литовского княжества и ощущала свою связь с его землями. Смещаться идеологические акценты начинают после образования Речи Посполитой и инкорпорации украинских земель в состав Королевства Польского. Теперь в качестве идеологического обоснования можно было использовать тезис о необходимости защиты православия от католического давления с Запада. С другой стороны, южные лесостепные и степные пространства непосредственно примыкали к землям Крымского

ханства, которое не только воспринималось как напоминание о былой ордынской зависимости Руси, но и являлось, после завоевания Казани и Астрахани, наиболее опасным мусульманским государством среди соседей Руси [31, с. 560-568]. Третье обстоятельство – особенности распространения православия на новые земли, на которых, в отличие от Сибири или Севера, практически не было коренного населения, которое могло быть объектом миссионерской деятельности Русской церкви.

Начиная со второй половины XVI века Россия начинает длительный процесс колонизации своих степных окраин. Для закрепления новых территорий строятся городокрепости. Они становились полноценными населенными пунктами, так как для обеспечения их защиты в городе и его округе селились служилые люди и их семьи. В этих условиях жители должны были иметь возможность удовлетворять свои религиозные запросы, а для этого была необходима церковная структура, опирающаяся на сеть православных храмов и монастырей. Не случайно при описании строительства церквей и монастырей в Карелии и Сибири XVI–XVII вв. митрополит Макарий (Булгаков) указывал на исключительную роль Российского государства в распространении православия в окраинных регионах страны [17, с. 61-62]. Б.Н. Флоря отметил не только объективную необходимость формирования организации для контроля и управления духовенством (по его справедливому мнению, таковым условием стало появление в России сети храмов, достаточно равномерно покрывающей всю территорию страны), но и обратил внимание на заинтересованность светской власти в создании такой организации [32, с. 121-122]. В связи с особенностями, характерными для зоны фронта, основным субъектом, организовывавшим и регулировавшим колонизацию порубежных территорий, было государство. Как показывают сведения, приведенные далее, роль государства была очень значительной и в церковной колонизации. В частности, она проявлялась в государственной поддержке не только строительства, но и функционирования значительного количества храмов и монастырей.

В Тульском кремле было две деревянных церкви, на посаде имелось несколько дере-

вянных храмов [33, с. 382-383]. Судя по описанию конца 80-х гг. XVI века, городской собор имел богатые иконы, убранство и утварь, что не удивительно, учитывая размеры города. При этом храм с приделом получал государственную ругу, а на выпечку просфор ежегодно выделялось 4 чети пшеницы для собора и две для придела [34, с. 254]. Аналогично можно характеризовать и ряд посадских храмов, в частности деревянные церкви Третьего обретения честной главы Иоанна Предтечи, теплый храм Похвалы Пречистой Богородицы с приделом Николая Чудотворца, принадлежавшие Предтеченскому монастырю, находившемуся на посаде, в Никитском конце [34, с. 263-265]. Еще три храма Тулы получали государственную помощь на обустройство. Два из них находились на посаде, на Пятницкой улице: теплый Покровский и Параскевы Пятницы, сгоревший ко времени описания. Оба они имели церковную утварь «государева строенья» и церковную землю. На старом тульском городище на берегу р. Упы стояла теплая церковь Введения Пречистой Богородицы. В ней упоминаются девять икон «на золоте» и иное «церковное строенье государево цареву и великого князя» [34, с. 276-277]. Остальные восемь тульских храмов обустраивались без участия государства. По данным 1571–1572 г. в Епифани, с учетом посада и всех слобод, было 7 церквей. Но сведений об источниках храмового имущества и содержания церквей писцовая книга г. Епифани и Епифанского уезда князя И.В. Мосальского и Г. Ярова 1571/72 г. не содержит [34, с. 324-335].

После сооружения крепостных укреплений в Ельце, начало строительства которого относится к 1591 г., а гарнизон планировался в количестве 1000 человек, в 1592–1593 гг. были возведены первые храмы: Воскресенский собор, поставленный внутри крепости, на посаде – церковь Успения Пречистой Богородицы. В эти же годы поблизости от крепости, на мысе над р. Сосной был основан мужской монастырь в честь Живоначальной Троицы и Сергия чудотворца [35, с. 19]. Одновременно со строительством городских укреплений возводился храм. Порой, как это было отмечено Д.И. Багалеем, строилось сразу две церкви [36, с. 116-117]. Вероятно, можно говорить о взаимосвязи масштабов городского и церковного строительства и

предположить, что строительство Ельца и Царева-Борисова (при основании которых воеводы заложили по два храма) осуществлялось как общегосударственное мероприятие. Из наказа воеводе В.В. Мосальскому, направленному для строительства крепости Валуйки, известно, что он должен был взять с собой все необходимое для обеспечения богослужения: церковную утварь, ризы, богослужебные книги и др. Следовательно, на него возлагалась ответственность не только за строительство храма, но и за его функционирование, по крайней мере, сразу после завершения строительства [37, с. 25].

Как и другие жители, священники получали владения, необходимые для обеспечения жизни причта и деятельности церкви. Как правило, это была земля под пашню, сенокосы, лесные угодья и рыбные ловли. Наделы священников обычно не превышали наделов прихожан, и нет оснований говорить о привилегированном положении духовенства на Юге России в это время [38, с. 7].

Схожая ситуация прослеживается и в других городах южной окраины Российского царства. Вероятно, практически одновременно со строительством крепостных стен и башен Воронежа, в 1586 г. была возведена соборная Благовещенская церковь [39, с. 46]. При этом в Воронеже проявляется следующая особенность: первый храм был возведен государством, но спустя небольшой промежуток времени начинают строиться церкви уже по инициативе горожан. Церковное имущество в них было собственностью священников, строивших эти храмы и служивших в них. Например, на средства священнослужителей или прихожан в слободе полковых казаков были построены: Рождественская церковь, Георгиевская церковь, храм во имя Дмитрия Солунского и церковь Параскевы Пятницы; «на посаде на Старом городище» Ильинская церковь [38, с. 5]; церковь Покрова Богородицы в слободе беломестных казаков [40, с. 8].

Практически одновременно с основанием города-крепости Оскол возводятся соборная церковь Преображения Господня и храм Николая Чудотворца с приделом Параскевы Пятницы. Еще три церкви были выстроены в остроге: Георгиевская, Покровская и Никитская, а в пригородных слободах – еще четыре. Храмы имели достаточное количество

церковного имущества, земельные и иные владения, выделенные одновременно с земельными пожалованиями служилых людей в Оскольском уезде. Известно несколько православных храмов, существовавших в Оскольском уезде к началу XVII века: церковь Архангела Михаила (с. Нижнее Чуфичево, Чуфичевский стан), построена, вероятно, в последнем десятилетии XVI века; церковь Николая Чудотворца (с. Яблоново, Дубенский стан), построена в начале XVII века; церковь Рождества Пресвятой Богородицы (с. Караваево-Геросим, Ублинский стан), сгорела в 1612 г., следовательно, была построена еще до Смуты. В этом же стане был еще один храм – церковь Параскевы Пятницы (с. Пятницкое-Черкасское). Она была построена в конце XVI века, а в 1612 г. разорена татарами [41, с. 61-62, 168-173].

В исторической литературе поднимался вопрос о причинах появления монастырей в опасном приграничном регионе. Экономическое положение этих обитателей в связи с постоянной опасностью вражеских набегов было весьма сложным, и объяснить монастырскую колонизацию экономическими мотивами невозможно. Это подтолкнуло Д.И. Багалея к поиску причин монастырского строительства на южной окраине России в «сильном религиозном чувстве тогдашнего русского человека» [36, с. 116-117]. Монастыри на Юге Российского царства в рассматриваемое время строились, как правило, либо в городах, либо вблизи от них, то есть это были городские монастыри, сильно отличавшиеся от лесных пустыней русского Севера. Большая часть их была основана не по свободному почину отдельных подвижников, а по приказу государственной и церковной властей. Почти все монастыри открывались сразу после основания города, и их существование, строй монастырского быта в них были тесно связаны с государственно-политическим значением города, в котором они появлялись [42]. В этой связи интерес представляет мнение И.К. Смолича относительно причин основания православных монастырей на восточных границах России в XVI веке. Он считал, что монастыри должны были выполнять миссионерскую функцию по отношению к этнически разнообразному населению данного региона, немалую часть которого составляли язычники [43, с. 115]. Однако

ситуация в зоне южнорусского фронта была принципиально иной, здесь практически не было коренного оседлого населения, на которое могла быть обращена миссионерская деятельность.

Несмотря на опасности, обусловленные набегами степняков и периодическими военными столкновениями с Великим княжеством Литовским (затем – Речью Посполитой), на южной окраине России, по мере сооружения крепостей и роста численности населения, количество монастырей увеличивается. Так, к концу XVI века в Рязанском крае насчитывалось шесть монастырей [44, с. 225]. Для Рязанской земли монастырское землевладение было нехарактерно. Хотя отдельным рязанским монастырям принадлежали значительные земельные владения. По мнению М.Н. Тихомирова, развитие крупного землевладения в Рязанской земле затруднялось ее пограничным положением [33, с. 395]. В это же время в Тульском крае известно восемь монастырей [33, с. 381-383], а в Орловском крае упоминаются четыре монастыря [43, с. 123]. В Воронеже, к началу XVII века, появляется первый монастырь – Успенский. Ход его строительства хорошо иллюстрирует осуществление государственного контроля за развитием церковно-монастырской структуры на осваиваемых южных землях. Однако, несмотря на это, выстроить монастырь удалось не сразу [39, с. 51]. В Курском уезде в XVI веке был один монастырь, в Путивльском – две обители, а в Севском, Елецком, Белгородском и Тамбовском уездах имелось по одному монастырю [43, с. 123-125].

Государство, по мнению Д.И. Багалея, выделяло средства на содержание монастырей, поскольку «...монастырь того времени был, так сказать, богадельней для раненых, больных, безприютных; <...> сами монахи не в состоянии были прокормиться трудами рук своих» [36, с. 119-120]. При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что сохранившиеся источники не дают оснований считать благотворительную деятельность характерной для монастырей зоны южнорусского фронта конца XVI – первой половины XVII века [44]. Кроме того, государственные средства выделялись не только монастырям, но и храмам окраинных городов и уездов. Поэтому можно говорить скорее о стремлении российских властей сформиро-

вать соответствующую идеологическую систему на осваиваемой окраине, чем об использовании церковных институтов для решения социальных вопросов в регионе.

Для решения задачи материального обеспечения функционирования православных храмов и монастырей государством применялись различные меры. Во-первых, выделялись земля под пашню и другие хозяйственные угодья (сенокосы, рыбные ловли, лес, бобровые гоны). Во-вторых, устанавливалось ружное жалованье (в натуральном или денежном выражении). Попутно можно отметить стремление государства к замене руги земельными пожалованиями. В-третьих, могли предоставляться различные льготы. В-четвертых, чаще всего по челобитным, выделялось различное церковное имущество: колокола, иконы, книги, облачение священно- и церковнослужителей, иная церковная утварь, ладан, воск на свечи, церковное вино.

Во время строительства Белгородской черты продолжилось сооружение храмов в новых городах государством. Строельные книги Усерда, Хотмыжска, Коротояка свидетельствуют о постройке соборов в этих городах за государственный счет, а также о снабжении их государством иконами и церковной утварью [38, с. 5; 45, с. 23]. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что государственная помощь приводила к формированию тенденции к дальнейшему удовлетворению церковных потребностей за казенный счет. Так, священники собора г. Хотмыжск спустя год после его основания и получения церковной утвари вновь «били челом» о выделении им святых мощей, хоругвей и другого церковного имущества¹. Схожие челобитные подавали в 1642 г. священники городов Вольного, Яблонова², в 1643–1645 гг. – Усерда, Яблонова³ и Хотмыжска⁴. С аналогичными просьбами в Москву обращался не только причт церковью новых городов, но и,

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Столбцы Белгородского стола. № 139. Л. 198-201.

² РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 151. Л. 457-458; РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 152. Л. 97-99.

³ РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 170. Л. 563-570, 796-800.

⁴ РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 278. Л. 266-275.

например, Белгорода в 1637 г.⁵ В писцовых книгах 1629 г. отмечен факт снабжения соборной Благовещенской церкви г. Воронежа иконами, облачением, книгами, колоколами и другой богослужебной утварью за государственный счет [38, с. 5-6; 46]. После Смуты Святогорский монастырь не только получал натуральную ругу, но и снабжался за казенный счет ладаном, церковным вином, получал церковное облачение и богослужебные книги [47, с. 31, 101].

В различных регионах, даже на окраине, степень участия государства в материальном обеспечении деятельности православных храмов и монастырей была различной. Например, если проанализировать описания церквей в 30 погостах Орловского уезда, содержащиеся в писцовой книге этого уезда 1594/95 г., то получается, что в 15 случаях, когда была описана или упомянута церковная утварь, говорится, что приобретена она на средства прихожан⁶. Таким же образом характеризуется Епифань и Дедилов с уездом в это время⁷.

Во время сооружения Белгородской черты, несмотря на колоссальные усилия, потребовавшиеся для такого широкомасштабного строительства, активизировалось и открытие монастырей на южной окраине страны. В 30–50-е гг. XVII века здесь было основано 14 монастырей. Следует обратить внимание на то, что монастыри основывались не только в районах, хотя и остающихся пограничными территориями, но уже достаточно давно осваивающимися Российским государством (например, в Рязанском крае появилось два монастыря, в Воронежском уезде – три, в Белгороде, Путивле и Рыльске – по одному), но и спустя непродолжительный промежуток времени после строительства новой крепости и образования уезда, как это

было в Хотмыжске, где Знаменский монастырь появился в 1642 г., или в Карпове (в начале 50-х гг. XVII века появляются упоминания о Карповском Царевском Покровском мужском монастыре и Карповском Святотроицком мужском монастыре) [17, с. 758-761].

В это время государство продолжало оказывать материальную помощь уже существовавшим монастырям. С челобитными о выделении предметов церковного обихода настоятели монастырей через местных воевод обращались в Разрядный приказ, который управлял территорией польской Украины России. Как показывает анализ делопроизводственных материалов, челобитные в подавляющем большинстве случаев удовлетворялись. В столице закупались иконы, книги, ризы и другая утварь, приобретенное церковное имущество выдавалось (нередко через городских воевод) челобитчикам. Помощь оказывалась как новым храмам и монастырям, так и тем, которые уже достаточно давно существовали.

Таким образом, за довольно короткий период (конец XVI – первая половина XVII века) в южных уездах Российского государства была сформирована достаточно развитая церковная структура. Роль государства в этом процессе была весьма существенной. Правительство выделяло средства и организовывало строительство сооружений, необходимых для полноценного функционирования Церкви в регионе. Вероятно, государство обеспечивало строительство необходимого количества храмов и монастырей. Затем появляются церкви, возведенные местными жителями, однако на протяжении еще довольно длительного периода времени монастырское строительство на южной окраине России было невозможным без непосредственного участия государства, а специфика приграничного региона привела к формированию тенденции удовлетворения церковных потребностей за государственный счет.

⁵ РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 123. Л. 325-326.

⁶ Писцовые книги XVI века. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. III. С. 902-1063.

⁷ Там же. С. 1079-1095, 1261-1290, 1582-1593.

Список литературы

1. Тернер Ф.Д. Фронтир в американской истории. М., 2009.
2. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.
3. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75-89.

4. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
5. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1 (72). С. 189-193.
6. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А.М. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012.
7. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001–2003. Вып. 1–3.
8. Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов 3 регион. молодежной науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 108-113.
9. Шиловский М.В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101-118.
10. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2002. 290 p.
11. Khodarkovsky M. Taming the "Wild Steppe": Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // Russian History/Histoire Russe. 1999. Vol. 26. № 3. P. 241-297.
12. Shaw D.J.B. Southern Frontier of Moscow 1550–1770 // Studies in Russian Historical Geography. London; New York, 1983. Vol. 1. P. 117-142.
13. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Конкретно-историческое обоснование расчета значений управляющих факторов динамики южнорусского фронта в XVII – середине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 16-30. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-16-30
14. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Моделирование исторической динамики южнорусского фронта. XVII – первая половина XIX в. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2014. Вып. 42. С. 77-78.
15. Канищев В.В., Баранова Е.В. Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII – середине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 178-186.
16. Канпелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47-65.
17. Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. 6.
18. Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. № 1. С. 9-16.
19. Скобелкин О.В. «Украины» Разрядной книги 1475–1605 гг. // Российская история. 2015. № 5. С. 54-63.
20. Скобелкин О.В. Служилые «немцы» в военных действиях на территории южного фронта (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 86-92. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-86-92
21. Скобелкин О.В. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и социальной политики государства во 2-й половине XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 58-65.
22. Скобелкин О.В. Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края / отв. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж, 2011. Вып. 18. С. 75-82.
23. Скобелкин О.В. Уездные элиты южного фронта России во 2-й половине XVII века: некоторые вопросы методики исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 121-123.
24. Американский и сибирский фронтир (Американские исследования в Сибири): материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. М.Я. Пелипась. Томск, 1997. Вып. 2.
25. Мизис Ю.А., Папков А.И., Скобелкин О.В. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7-15.
26. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991.
27. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.
28. Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015.
29. Папков А.И. «Фронтир» или «украина»: два подхода к изучению истории российской колонизации Днепро-Донской лесостепи в XVI–XVII вв. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 176-182.

30. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / отв. ред. А.Я. Дегтярев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
31. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
32. Флоря Б.Н. Отношение государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха Средневековья). М., 1992.
33. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
34. Города России XVI века. Материалы писцовых описаний / сост. Е.Б. Французова. М., 2002.
35. Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII веков. Тула, 2011.
36. Багалеи Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887. Т. 1.
37. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1.
38. Комолова Э.В. Церковное развитие южнорусского региона в XVII в. // Из истории воронежского края / отв. ред. В.П. Загорский. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. Вып. 10. С. 3-16.
39. Глазьев В.Н. Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001. Вып. 2. С. 46-64.
40. Акинъшин А.Н. Храмы Воронежа. Воронеж, 1994.
41. Никулов А.П. Старый Оскол. Историческое исследование Оскольского края. Курск, 1997.
42. Папков А.И. Освоение Российским государством своих южных окраин и основание монастырей в конце XVI – начале XVII веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102). С. 110-115.
43. Смолич И.К. Русское монашество. М., 1997.
44. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972.
45. Багалеи Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков, 1890. Т. 2.
46. Папков А.И. Отношение Российского государства к церковному землевладению во второй половине XVI – начале XVII века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 4. № 8. С. 39-43.
47. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук: в 3 т. / под ред. Н.А. Попова. Спб., 1894. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659.

References

1. Turner F.D. *Frontir v amerikanskoy istorii* [Frontier in American History]. Moscow, 2009. (In Russian).
2. Ageyev A.D. *Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizheniye frontirov* [Siberia and American West: Frontier Movement]. Moscow, 2005. (In Russian).
3. Zamyatina N.Y. Zona osvoyeniya (frontir) i yeye obraz v amerikanskoy i russkoy kul'turakh [Settlement zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*, 1998, no. 5, pp. 75-89. (In Russian).
4. Rezun D.Y., Shilovskiy M.V. *Sibir', konets XIV – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, the Late 16th – Early 20th Century: Frontier in the Context of Ethnosocial and Ethnocultural Processes]. Novosibirsk, 2005. (In Russian).
5. Soboleva T.N., Bobrov D.S. *Sovremennaya rossiyskaya istoriografiya kontseptsii frontira* [The modern Russian historiography on the frontier conception]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*, 2011, no. 4-1(72), pp. 189-193. (In Russian).
6. Etkind A.M., Uffel'mann D., Kukulin I. (eds.). *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossi* [In There. Internal Colonization Practice in the Cultural History of Russia]. Moscow, 2012. (In Russian).
7. Rezun D.Y., Lamin V.A., Mamsik T.S., Shilovskiy M.V. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the Siberia and North America History in the 17th – 20th centuries: General and Special]. Novosibirsk, 2001–2003, vol. 1–3. (In Russian).
8. Khromykh A.S. K voprosu o primeneniі ponyatiy «kolonizatsiya» i «frontir» v izuchenii istorii Sibiri [To the question of “colonization” and “frontier” concepts in Siberia history study]. *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Researches in Siberia: Problems and Prospects]. Novosibirsk, 2009, pp. 108-113. (In Russian).
9. Shilovskiy M.V. *Frontir i pereseleniya (sibirskiy opyt)* [Frontier and resettlement (Siberian experience)]. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the Siberia

- and North America History in the 17th – 20th Centuries. General and Special]. Novosibirsk, 2003, no. 3, pp. 101-118. (In Russian).
10. Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, Indianapolis, Indiana University Press, 2002, 290 p.
 11. Khodarkovsky M. Taming the “Wild Steppe”: Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600. *Russian History/Histoire Russe*, 1999, vol. 26, no. 3, pp. 241-297.
 12. Shaw D.J.B. Southern Frontier of Moscow 1550–1770. *Studies in Russian Historical Geography*. London, New York, 1983, vol. 1, pp. 117-142.
 13. Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Konkretno-istoricheskoye obosnovaniye rascheta znacheniy upravlyayushchikh faktorov dinamiki yuzhnorusskogo frontira v XVII – seredine XIX v. [A concrete historical rationale for evaluation of control factors of south Russian frontier dynamics in the 17th – the middle of 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 16-30. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-16-30 (In Russian).
 14. Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Modelirovaniye istoricheskoy dinamiki yuzhnorusskogo frontira. XVII – pervaya polovina XIX v. [South Russian frontier historical dynamics modeling. 17th – first half of 19th centuries]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»* [Informative Bulletin of the Association “History and Computer”], 2014, no. 41, pp. 77-78. (In Russian).
 15. Kanishchev V.V. Prostranstvennoye predstavleniye dvizheniya yuzhnorusskogo frontira v seredine XVII – seredine XIX v. [Spatial representation of Russian south frontier dynamics in the middle 17th – middle 19th centuries]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Ancient Rus, Russia. Middle Ages and Modern Time], 2015, no. 4, pp. 178-186. (In Russian).
 16. Kappeler A. Yuzhnyy i vostochnyy frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh [The Russian south and east frontiers from 15th to the 18th centuries]. *Ab Imperio*, 2003, no. 1, pp. 47-65. (In Russian).
 17. Makariy (Bulgakov). *Istoriya russkoy tserkvi* [Russian Church History]. Moscow, 1996, bk 6. (In Russian).
 18. Mizis Y.A., Kashchenko S.G. Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii [Russian frontier formation problem on the south of Russia in the 16th – first half of 18th century in the national historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya – Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2011, no. 1, pp. 9-16. (In Russian).
 19. Skobelkin O.V. «Ukráiny» Razryadnoy knigi 1475–1605 gg. [“Borderlands” of deployment books 1475–1605s]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2015, no. 5, pp. 54-63. (In Russian).
 20. Skobelkin O.V. Sluzhilyye «nemtsy» v voyennykh deystviyakh na territorii yuzhnogo frontira (vtoraya polovina XVI – nachalo XVII v.) [Service class of the “Germans” in military operations on the territory of south frontier (second half of 16th century – the early 17th century)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 86-92. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-86-92 (In Russian).
 21. Skobelkin O.V. Sluzhilyye lyudi yuzhnogo frontira: osobennosti zemlevladieniya, zemel'noy i soslovnoy politiki gosudarstva vo 2-y polovine XVII v. [South frontier service class people: land ownership features, government land and estate policy in the 2nd half of the 17th century.]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 2013, no. 1, pp. 58-65. (In Russian).
 22. Skobelkin O.V. Struktura sluzhilogo naseleniya Voronezha i Voronezhskogo uyezda v XVII v. [Voronezh and Voronezh county service class population structure in the 17th century]. *Iz istorii Voronezhskogo kraya* [From the Voronezh Region History]. Voronezh, 2011, no. 18, pp. 75-82. (In Russian).
 23. Skobelkin O.V. Uyezdnnyye elity yuzhnogo frontira Rossii vo 2-y polovine XVII veka: nekotoryye voprosy metodiki issledovaniya [Russia south frontier county elites in the 2nd half of the 17th century: some issues of research methodology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 2015, no. 1, pp. 121-123. (In Russian).
 24. Pelipas M.A. (executive ed.). *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Amerikanskiy i sibirskiy frontir (Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri)»* [Proceedings of the International Scientific Conference “American and Siberian Frontier (American Studies in Siberia)”]. Tomsk, 1997. (In Russian).
 25. Mizis Y.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. Teoriya frontira i Yug Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. [The theory of the frontier and the South of Russia in XVI – the first half of the XVIII century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 7-15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15 (In Russian).
 26. Zagorovskiy V.P. *Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke* [The History of Central Black Earth Region Entry into the Russian State in the 16th Century]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1991. (In Russian).

27. Zagorovskiy V.P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1969, 304 p. (In Russian).
28. Golovnev A.V. *Fenomen kolonizatsii* [Colonization Phenomena]. Ekaterinburg, 2015. (In Russian).
29. Papkov A.I. «Frontir» ili «ukrayna»: dva podkhoda k izucheniyu istorii rossiyskoy kolonizatsii Dnepro-Donskoy lesostepi v XVI–XVII vv. [“Frontier” or “Ukraine”: two approaches to the study of the history of Russian the mastering of the Dnieper-Don forest steppe in the 16th – 17th centuries]. *Rus', Rossiya. Sredne-vekov'ye i Novoye vremya* [Ancient Rus, Russia. Middle Ages and Modern Time], 2017, no. 5, pp. 176-182. (In Russian).
30. Lyubavskiy M.K. *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX veka* [Review of the Russian Colonization History from Ancient Times to the 20th Century]. Moscow, Moscow University Publ., 1996. (In Russian).
31. Khoroshkevich A.L. *Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy serediny XVI veka* [Russia in the International Relations System in the Middle 16th Century]. Moscow, 2003. (In Russian).
32. Florya B.N. *Otnosheniye gosudarstva i tserkvi u vostochnykh i zapadnykh slavyan (epokha Srednevekov'ya)* [East and West Slavs State and Church Attitude (Medieval Era)]. Moscow, 1992. (In Russian).
33. Tikhomirov M.N. *Rossiia v XVI stoletii* [Russia in 16th Century]. Moscow, 1962. (In Russian).
34. Frantsuzova E.B. (compiler). *Goroda Rossii XVI veka. Materialy pistsovykh opisaniy* [Cities of Russia in 16th Century. Proceedings of the Scribe Descriptions]. Moscow, 2002.
35. Lyapin D.A. *Istoriya Eletskego uyezda v kontse XVI–XVII vekov* [History of Yelets County in the Late 16th – 17th Centuries]. Tula, 2011.
36. Bagaley D.I. *Ocherki iz istorii kolonizatsii i byta stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays on the History of Colonization and Life of the Muscovite State Steppe Outskirts]. Moscow, 1887, vol. 1. (In Russian).
37. Miklashevskiy I.N. *K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva* [To the Muscovite State Economic Life History]. Moscow, 1894, pt. 1. (In Russian).
38. Komolova E.V. Tserkovnoye razvitiye yuzhnorusskogo regiona v XVII v. [Church development of the south Russian region in the 17th century.]. *Iz istorii voronezhskogo kraia* [From the History of Voronezh Region]. Voronezh, Voronezh University Publ., 2002, no. 10, pp. 3-16. (In Russian).
39. Glazyev V.N. Stranitsy ranney tserkovnoy i monastyrskoy istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uyezda [Pages of early church and monastery history of Voronezh and Voronezh county]. *Tserkov' i eye deyateli v istorii Rossii* [The Church and its Leaders in the History of Russia]. Voronezh, 2001, no. 2, pp. 46-64. (In Russian).
40. Akinshin A.N. *Khramy Voronezha* [Voronezh Churches]. Voronezh, 1994. (In Russian).
41. Nikulov A.P. *Staryy Oskol. Istoricheskoye issledovaniye Oskol'skogo kraia* [Stary Oskol. Oskol Region Historical Research]. Kursk, 1997. (In Russian).
42. Papkov A.I. Osvoyeniye Rossiyskim gosudarstvom svoikh yuzhnykh okrain i osnovaniye monastyrey v kontse XVI – nachale XVII vekov [The Russian state development southern suburbs and the founding of monasteries in the late 16th – early 17th centuries]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika – Belgorod State University Scientific Bulletin Economics Information Technologies*, 2011, vol. 7 (102), pp. 110-115. (In Russian).
43. Smolich I.K. *Russkoye monashestvo* [Russian Monasticism]. Moscow, 1997.
44. Zimin A.A. *Rossiia na poroge novogo vremeni. Ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.* [Russia at the Beginning of a New Time. Essays on the Political History of Russia in the First Third of the 16th Century.]. Moscow, 1972. (In Russian).
45. Bagaley D.I. *Materialy dlya istorii kolonizatsii i byta Khar'kovskoy i otchasti Kurskoy i Voronezhskoy guberniy* [Materials for the History of Colonization and Life of Kharkiv and Partly Kursk and Voronezh Governorates]. Kharkov, 1890, vol. 2. (In Russian).
46. Papkov A.I. Otnosheniye Rossiyskogo gosudarstva k tserkovnomu zemlevladieniyu vo vtoroy polovine XVI – nachale XVII veka [The attitude of the Russian state to church land tenure in the second half of the 16th – early 17th centuries]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika – Belgorod State University Scientific Bulletin Economics Information Technologies*, 2007, vol. 4, no. 8, pp. 39-43. (In Russian).
47. Popov N.A. (ed.). *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye imperatorskoyu Akademiyeyu nauk: v 3 t. T. 2. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1635–1659* [Acts of the Moscow State, Published by the Imperial Academy of Sciences: in 3 vols. Vol. 2. Order-in-Charge Prikaz. Moscow Table. 1635–1659]. St. Petersburg, 1894. (In Russian).

Информация об авторе

Папков Андрей Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация. E-mail: papkov@bsu.edu.ru

Вклад в статью: концепция исследования, набор первичного материала, анализ архивных документов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7612-0795>

Поступила в редакцию 26.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 19.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Andrey I. Papkov, Candidate of History, Associate Professor, Dean of History and Philology Faculty. Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation. E-mail: papkov@bsu.edu.ru

Contribution: study conception, source material acquisition, archival documents analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7612-0795>

Received 26 July 2019

Reviewed 19 August 2019

Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-220-224
УДК 94(47)

Этнический фактор на пограничной территории

Полина Константиновна НАПОЛЬНИКОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-1521>, e-mail: nappolina78@yandex.ru

Ethnic factor on the frontier territory

Polina K. NAPOLNIKOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-1521>, e-mail: nappolina78@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена территория Поценья конца XIV – начала XVII века с точки зрения фронтальной теории. Сделан вывод, что о Поценье первой четверти XVII века можно говорить как о внутреннем фронтире, то есть как о сложившейся контактной зоне, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местного автохтонного населения. На основе анализа источников определен этнический состав населения Поценья. Поднята проблема взаимодействия различных этнических групп на пограничной территории. Рассмотрено постепенное формирование в рамках внутреннего фронтира Поценья на рубеже XVI–XVII веков локального межкультурного общества.

Ключевые слова: Поценье; фронтир; цнинская мордва; цнинские татары; русские переселенцы; Московское государство

Для цитирования: Напольникова П.К. Этнический фактор на пограничной территории // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 220-224. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-220-224

Abstract. We consider Tsna region territory in the late of 14th – early 17th century from the point of view frontier theory. We made a conclusion that about Tsna region of the first quarter of the 17th century, one can speak about the inner frontier, that is, as existing on the contact zone, where permanent Russian settlements interspersed in places of residence of the local autochthony population. Based on the sources analysis we identify ethnic composition of the population of Tsna region. In this study we raise the interaction problem of different ethnic groups in the border area. The study deals with the gradual formation of a local intercultural society within the inner frontier of Tsna region at the turn of the 14th – 17th centuries.

Keywords: Tsna region; frontier; Tsna Mordovian; Tatar Tsna; Russian immigrants; Muscovite state

For citation: Napolnikova P.K. Etnicheskiy faktor na pogranichnoy territorii [Ethnic factor on the frontier territory]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 220-224. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-220-224 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Изучая историю Поценья на рубеже XIV–XVII веков, уместно рассматривать этот регион с точки зрения концепции фронтира. И применять здесь этот термин не в первоначальной трактовке Ф.Д. Тернера, как встреча цивилизованного мира с диким [1], а уже в модернизированных, адаптированных трак-

товках, предложенных А. Каппелером [2] и рядом российских ученых [3]. Так, А. Каппелер говорит о социальном фронтире между различными жизненными укладами, о религиозном и культурном фронтире между различными культурными и ценностными тра-

дидиями [2, с. 48]. Именно на эти аспекты хотелось бы обратить внимание.

Если следовать типологии фронта, предложенной М.В. Шиловским [4, с. 101] и развитой А.С. Хромых [5, с. 113], о Поценье первой четверти XVII века можно говорить как о внутреннем фронтире, то есть как о сложившейся контактной зоне, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местного автохтонного населения, в данном случае – мордвы, а вся территория уже входит в административное и правовое поле государства.

Как проходило это движение? Строительство Шацка в 1552 г., который стал основным звеном в Шацкой засеке, растянувшейся от с. Конобеево на р. Цна до с. Тимошкино на р. Пара, как бы зафиксировало и огородило уже освоенные русским населением территории.

В 1579 г. мещерскими писцами уже проводилось описание земель населенных пунктов восточнее села Конобеево¹. В 1583 г. в районе села ст. Чернеево уже основан Никольский Чернеев монастырь, что является прямым свидетельством проникновения русского населения за линию укреплений. К 1598 г. следует отнести образование в низовьях р. Цна дворцовой волости с центром в селе Конобеево.

А к 1617 г. практически вся территория Поценья административно включается в Верхнеценскую волость. По документам волость делилась на «верхние» и «нижние» мордовские деревни². Шесть «нижних» деревень располагались компактно в нижнем течении Цны на расстоянии примерно 30 км восточнее Шацка. Двадцать восемь «верхних» деревень шли выше по течению. Общая протяженность по реке всех «верхних» деревень составляла около 150 км [6, с. 79]. Между «верхними» и «нижними» деревнями находился Конобеевский присуд – отдельная административно-территориальная единица, включавшая двенадцать населенных пунктов.

Несмотря на то, что деревни волости названы мордовскими, этнический состав их был неоднороден. По данным писцовых

книг, непосредственно мордва в шести нижних деревнях составляла около 60 % (при общей численности населения 600–800 человек) [6, с. 90]. Русские крестьяне – соответственно – около 40 %. Новокрещенов, то есть мордвы, которая только приняла православие, отмечено всего 3 человека [6, с. 90].

По «верхним» мордовским деревням данных о крестьянах нет. Однако и там нельзя говорить о моноэтническом составе. Наряду с мордвой в деревнях проживали русские бортники (люди, носящие русские имена). Они составляли около 30 % всего населения «верхних» деревень [6, с. 94]. Говорить о бортниках «верхних» деревень, как о представителях только русского этноса, скорее всего, нельзя. Хотя, безусловно, часть из них были русскими переселенцами с северных регионов, часть была коренным населением этих мест наряду с мордвой, со времен Рязанского княжества. Другая же часть представляла крестившееся мордовское население. Об этом красноречиво говорят имена самих бортников, например, Селиверстка Кичемасов³. Около 2 % – отмечено новокрещенов [6, с. 93].

Села и деревни Конобеевского присуда, в отличие от мордовских деревень, были заселены более плотно. Общая численность населения была в пределах от 3500 до 4000 человек [6, с. 92]. Это были преимущественно русские крестьяне. Мордва отмечена только в одном селе и двух деревнях присуда. Общий процент мордовского населения – не более 8 % [6, с. 91–92].

Помимо мордовского и русского компонентов, здесь еще необходимо отметить и татарский. Однако, если русские и мордва – это в основном податное население, то татары здесь – это служилое сословие, владевшее поместьями, сосредоточенными в нижнем течении Цны. В документах того времени упоминаются Альмакай мурза Тахтаров, Ураз мурза Васильев, Чепай мурза Семеев, Ишмаммет мурза Неверов, князь Андрей Сатыев, Еникей мурза Ернеев, Ашмаммет мурза Исикеев⁴, князь Булай Кудашев⁵. При работе с фондами татарских фамилий⁶ выяснилось,

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 227.

² СПбИАИ (Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук). К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 4, 264.

³ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 123.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 228–231.

⁵ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

⁶ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 116. Оп. 1. Ед. хр. 1–3; Ф. 121. Оп. 1. Ед. хр. 1–9; Ф. 161. Оп. 1. Д. 539.

что значительная часть татарских князей и мурз, поместья которых сосредоточены в нижнем Поненье и перемежаются с мордовскими деревнями, являются родственниками, потомками князя Акчуры Адашева. Как известно, Акчура Адашев был пожалован в 1503–1505 гг. крестьянскими дворами в селе Купля на нижней Цне⁷. Основное «княжение» Акчуры находилось гораздо восточнее, по реке Мокше. Там также фиксируются вотчины и поместья татарских князей и мурз⁸ [12]. Однако потомки Акчуры в XVI веке получали грамоты на взимание пошлин с цнинской мордвы, а также стали жаловаться поместьями в этом регионе.

Как же складывались отношения разных этнических групп на этой территории? Мордва, по всей видимости, спокойно впускала русских в свою среду. В писцовых книгах появляется категория «пущенников»⁹. Пущенники – это люди, первоначально не имевшие собственных промысловых лесных участков. Их принимали в свои бортные ужожи владельцы – мордва, для совместного ведения промысла. А также давали им право пользоваться своим знаменем – то есть знаком собственности в бортном ужоже. Именно промыслы, в первую очередь бортничество, были основой хозяйства Верхоненской волости. И именно бортничество в целях эффективности промысла заставляло продвигать границы освоенных участков. Земледелие развивалось в нижнем Поненье, уже более-менее защищенном от набегов с Поля.

Для верхнего Поненья, на тот период, возделывание пашни на левом берегу Цны всегда сопряжено было с большим риском. В столбцах Московского стола от 1626 г. есть сообщения о нападении татар на мордву на полях и взятии в плен¹⁰.

Особенности ведения промыслового хозяйства, связанные с риском для жизни, с передвижением на значительные расстояния, постоянная угроза с Поля – все это заставляло людей объединяться. Совместное проживание и ведение хозяйства не могло не отразиться и на культурном влиянии, в первую очередь на языке. Русские встраиваются в

хозяйственную модель мордвы, и русский язык проникает в эту среду. Уже значительно позже, в 1651 г., архиепископ Мисаил в письме к Никону пишет: «...чтоб их отговоркам не верить, акибы им христианския веры не сдержать, что ходят в вотчины дальние по лесам... и едят всякое звериное мясо, и жены их русским языком говорить не умеют... жены их мордвы и дети русским языком говорить горазды...» (цит по: [7, с. 110]). Но на начальных этапах, при преобладании мордовского этнического компонента, по нашему мнению, и русские говорили на мордовском языке.

Уставная грамота 1652 г., присланная в ответ на письма Мисаила о творящихся безобразиях в вверенной ему епархии, в том числе и в Шацком уезде, прекрасно иллюстрирует культурный симбиоз в регионе. Приведем только особо показательный отрывок: «...и скверного платья у поганых татар и мордвы... христиане отнюдь не имели, и в церковь бы в нем не ходили... к некрещеным татарам и к мордве в дома не приходили, и к себе в дома их не призывали, и вместе с ними не пили и не ели» [8, с. 40]. То есть даже к середине XVII века, уже после строительства Тамбова, усиления потока переселенцев в регион, русское население, проживая на исконных мордовских территориях, не ассимилировало местное население, сколько само оказалось под значительным культурным влиянием, нашедшим отражение даже в заимствовании традиционного костюма.

Далее в указанной выше грамоте перечислен большой список народных обычаев, игр, праздников, традиций, на которые налагается запрет. И здесь мы видим уже переплетение и славянской Коляды, и мордовского Таусеня в праздновании Рождества, и мордовских и русских традиций в праздновании Семика [8, с. 41].

Таким образом, можно говорить о постепенном формировании в рамках внутреннего фронта Поненья на рубеже XVI–XVII веков некоего локального межкультурного общества.

Исследователи А.П. Романова, Н.А. Ермаханова, изучающие межкультурные взаимодействия на фронтире, выделяют три их вектора [9, с. 173]. Первый связан с теми коммуникациями, которые формируют некое сообщество, основанное на взаимной выгоде

⁷ ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 773. Л. 19.

⁸ ГАТО. Ф. 121. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

⁹ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 6.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ст. 27.

и взаимопомощи. Здесь происходит общекультурный обмен. В русле второго вектора коммуникации характеризуются внутрикультурными конфликтами сторон фронта. Третий вектор – начало жестких конфликтов.

Предположим, что второй и третий векторы начинают действовать в Печенье со второй половины XVII века, когда начинается активная политика по крещению мордвы. Это приводило к серьезным столкновениям в ряде случаев. Наиболее яркий пример – убийство архиепископа Мисаила при попытке крестить мордву «нижних» деревень Печенья [8, с. 44]. Часть мордовского населения начинает уходить на вос-

ток в район Суры, на юг, в район Хопра. Увеличивающееся население за счет переселенцев начинает ломать хозяйственную модель мордвы, так как возрастает нагрузка на природную экосистему, и эффективность бортничества резко снижается.

Однако для более глубокого понимания этих процессов, подтверждения или опровержения эффективности применения векторной модели для описания коммуникаций на территориях фронта требуются дополнительные исследования, привлечение новых и более скрупулезное изучение имеющихся источников.

Список литературы

1. Тернер Ф.Д. Фронтир в американской истории. М., 2009.
2. Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64.
3. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и Юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7–15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15
4. Шиловский М.В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101–118.
5. Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири // Исторические исследования Сибири. Проблемы и перспективы: сб. материалов 3 науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 108–113.
6. Напольникова П.К. Цинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017.
7. Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.
8. Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII веков: в 4 т. Рязань, 2005. Т. 3. 692 с.
9. Романова А.П., Ермуханова Н.А. Межкультурные коммуникации на этапе раннего фронта на Кавказе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (51). С. 172–175.

References

1. Turner F.D. *Frontir v amerikanskoy istorii* [Frontier in American History]. Moscow, 2009. (In Russian).
2. Kappeler A. Yuzhnyy i vostochnyy frontir Rossii v XVI–XVIII vv. [Southern and eastern Russian frontier in 16th – 18th centuries]. *Ab Imperio*, 2003, no. 1, pp. 47–64. (In Russian).
3. Mizis Y.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. Teoriya frontira i Yug Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. [The theory of the frontier and the south of Russia in 16th – the first half of the 18th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 7–15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15 (In Russian).
4. Shilovskiy M.V. Frontir i pereseleniya (sibirskiy opyt) [Frontier and resettlement (Siberian experience)]. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the History of Siberia and North America in the 17th – 20th Centuries: General and Special]. Novosibirsk, 2003, no. 3, pp. 101–118. (In Russian).
5. Khromykh A.S. K voprosu o primeneni ponyatiy «kolonizatsiya» i «frontir» v izuchenii istorii Sibiri [To the question of the concepts “colonization” and “frontier” in the study of Siberia history]. *Sbornik materialov 3 nauchnoy konferentsii «Istoricheskiye issledovaniya Sibiri. Problemy i perspektivy»* [Proceedings of the 3rd Scientific Conference “Historical Studies of Siberia. Problems and Prospects”]. Novosibirsk, 2009, pp. 108–113. (In Russian).

6. Napolnikova P.K. *Tsninskaya mordva. Vkhazhdeniye v sostav Moskovskogo gosudarstva v XVI – pervoy chetverti XVII veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Tsna Mordvinian. Joining the Muscovite State in the 16th – First Quarter of the 17th Century. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2017. (In Russian).
7. Smirnov I.N. *Mordva. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Mordovians. Historical and Ethnographic Essay]. Kazan, 1895. (In Russian).
8. Tsepkov A.I. *Svod pis'mennykh istochnikov po istorii Ryazanskogo kraya XIV–XVII vekov: v 4 t.* [Set of Written Sources on the History of the Ryazan Region 14th – 17th Centuries: in 4 vols.]. Ryazan, 2005, vol. 3, 692 p. (In Russian).
9. Romanova A.P., Ermukhanova N.A. *Mezhkul'turnyye kommunikatsii na etape rannego frontira na Kavkaze* [Intercultural communications in the period of early frontier in the Caucasus]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 1 (51), pp. 172-175. (In Russian).

Информация об авторе

Напольникова Полина Константиновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: nappolina78@yandex.ru

Вклад в статью: работа с архивными фондами, анализ статистических данных, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-1521>

Поступила в редакцию 30.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 19.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Polina K. Napolnikova, Candidate of History, Senior Lecturer of World and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: nappolina78@yandex.ru

Contribution: work with archival funds, statistical data analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-1521>

Received 30 July 2019

Reviewed 19 August 2019

Accepted for press 23 August 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-225-231
УДК 27

Подготовка к преобразованиям в Тамбовской духовной семинарии: устав 1867 года (исторические аспекты)

митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ (Васнев)

Религиозная организация «Тамбовская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат)»
392002, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Набережная/Августа Бебеля, 80/2
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, e-mail: troveo@mail.ru

Preparations for a transformations in the Tambov Seminary: charter of 1867 (historical aspects)

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo THEODOSIUS (Vasnev)

Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
80/2 Naberezhnaya/August Bebel St., Tambov 392002, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, e-mail: troveo@mail.ru

Аннотация. Со второй половины XIX века был создан новый комитет по подготовке к преобразованиям духовно-учебных заведений. Новый комитет при разработке устава учитывал предложения специального Комитета по подготовке «Проекта устава 1862 года». В новый устав вошло определение учебно-воспитательного заведения и оценка получаемого в нем образования: общая, специальная. Определялись дисциплины и количество часов, согласование предметов с богословскими уроками. Проблемным вопросом Тамбовской духовной семинарии в тот период являлось большое количество казеннокоштных учеников и постоянный рост епархиальных средств на содержание семинарии, решением которых занялся вновь созданный временный комитет по улучшению быта семинарии. Год 1860 в Тамбовской духовной семинарии стал переходным, с которого и началась постепенная подготовка к изменениям в образовательном и воспитательном процессе духовной семинарии, включающим поиск дополнительных средств для хозяйственных нужд, введение новых и отмена некоторых предметов, а также разработка программ по тем предметам, которые оставались в семинарском курсе. Участие семинарской педагогической корпорации в подготовке нового устава вдохновляло педагогов и содействовало тому, что они уже в первой половине 1860-х гг. стремились обновить многие стороны жизни Тамбовской семинарии.

Ключевые слова: духовно-учебные заведения; Тамбовская духовная семинария; устав 1867 г.; семинарский курс; богословские классы

Для цитирования: *Феодосий (Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский.* Подготовка к преобразованиям в Тамбовской духовной семинарии: устав 1867 года (исторические аспекты) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 225-231. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-225-231

Abstract. Since the second half of the 19th century, a new committee was created to prepare for the transformation of the spiritual and educational institutions. The new committee in the development of the charter took into account the suggestions of the special Committee for the preparation of the «Draft charter of 1862». The new charter includes the definition of an educational institution and the evaluation of the education it provides: general, special. The disciplines and the number of hours, the coherence of subjects with theological lessons were determined. A problematic issue of the Tambov Seminary at that time was a large number of state-serving students and the constant growth of eparchial funds for the maintenance of the seminary, the decision of which was taken up by the newly created temporary committee for improving the life of the seminary. The year 1860 in the Tambov Seminary became transitional, from which gradual preparation began for changes in the teaching and educational processes of the seminary, including the search for additional funds for household needs, the introduction of new and the abolition of certain subjects,

as well as the development of programs in those subjects that remained in a seminar course. The participation of the Seminary pedagogy corporation in the preparation of the new charter inspired teachers and contributed to the fact that already in the first half of the 1860s they aimed to update many aspects of the life of the Tambov Seminary.

Keywords: spiritual and educational institutions; Tambov Seminary; charter of 1867; seminary course; theological classes

For citation: Theodosius (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo. Podgotovka k preobrazovaniyam v Tambovskoy dukhovnoy seminarii: ustav 1867 goda (istoricheskiye aspekty) [Preparations for a transformations in the Tambov Seminary: charter of 1867 (historical aspects)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 225-231. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-225-231 (In Russian, Abstr. in Engl.)

19 марта 1866 г. был образован новый Комитет по подготовке преобразований духовно-учебных заведений, который приступил к работе под председательством митрополита Киевского Арсения (Москвина), бывшего некогда епископом Тамбовским и Шацким. Основной целью создания Комитета являлась разработка нового устава духовно-учебных заведений и поиск путей введения положений этого устава в жизнь. Указанный Комитет в своей работе постарался учесть предложения специального Комитета по подготовке проекта устава 1862 г., несколько лет трудившегося под руководством архиепископа Димитрия (Муретова). Комитет использовал также все отзывы о проекте устава 1862 г., поступившие из епархий, в том числе и из Тамбовской. В результате проделанной работы он подготовил новый устав духовных семинарий, который был утвержден императором Александром II 14 мая 1867 г. [1, с. 454].

Новый устав четко разъяснял, что духовные семинарии являются учебно-воспитательными заведениями, и получаемое в них образование должно быть как общим, так и специальным. В соответствии с этим количество часов на изучение общих и специальных предметов разделялось почти в равных пропорциях. Подчеркивалась важность согласованности дисциплин общего образования с богословскими предметами. Для должного усвоения знаний признавалось необходимым усовершенствовать изучение классических языков. При этом общее количество времени в сетке часов, отводимое на изучение классических языков, почему-то сокращалось, что свидетельствует о некоторой противоречивости положений устава.

Семинария по новому уставу находилась в непосредственном ведении епархиального

архиерея. Академическое правление было упразднено. Высшей инстанцией, куда следовало обращаться семинарскому руководству для решения важных вопросов, стал Святейший синод. Избрание ректора и инспектора проходило следующим образом. Семинарская корпорация выбирала двух кандидатов на одну должность и предлагала архиерею, который в случае согласия представлял их Святейшему синоду. Синод утверждал в должности одного из двух кандидатов. Ректором мог стать только кандидат в священном сане. Количество уроков для ректора и инспектора ограничивалось, а помощник инспектора вовсе не обязан был вести какой-либо предмет. Преподавателем семинарии назначался только выпускник духовной академии, имеющий ученую степень кандидата богословия, который утверждался в должности после трех пробных лекций.

Принципы организации воспитательной системы в семинарии обсуждались долгое время. Какие нормы должны лежать в основе воспитания: монастырские или семейные? В итоге в устав была внесена следующая редакция: «Воспитание, даваемое в благоустроенных и благочестивых семействах, принято за образец в духовных семинариях»¹. Считалось необходимым для совершенствования воспитательного процесса учреждать в семинариях общежития для своекоштных воспитанников. Со временем всех семинаристов, проживавших в городских квартирах, предполагалось перевести в семинарские общежития. С целью обеспечения постоянного духовного руководства учениками вво-

¹ Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий 1808–1814, 1862, 1867, 1884, 1897 гг. СПб.: Синодальная типография, 1908. С. 52.

дидась должность духовника и штатного священника семинарского храма.

Устав разрешал принимать в семинарии представителей всех сословий, а в богословские классы дозволялось принимать и выпускников гимназий после соответствующего экзамена. Количество учащихся в семинариях определялось в зависимости от того, сколько в епархии имелось свободных священно-церковнослужительских и учительских мест. Устав требовал, чтобы на казенное содержание принимались только те, кто показывал успехи в науках и поведении, а ученики, оставленные на второй год, лишались такого содержания. Повышалось содержание казеннокоштных учеников до 90 рублей в год на одного ученика. Если же казеннокоштный ученик после выпуска уклонялся от священнического служения, он обязывался вернуть хотя бы часть средств, потраченных на его содержание. Правление семинарии по новому уставу составляли две структуры: распорядительное и педагогическое собрания. В них обязательно входили ректор и инспектор, избираемые члены учительской корпорации, представители епархиального духовенства. Таковы были основные положения устава 1867 г. В своих главных разделах этот устав практически повторял положения проекта устава 1862 г.²

В Тамбовской духовной семинарии уже в 1860-х гг. озаботились двумя проблемами: весьма большим количеством казеннокоштных и увеличением содержания семинарии за счет епархиальных средств. На заседании семинарского Правления 30 марта 1860 г. выяснилось, что на казенном содержании находилось 400 воспитанников, тогда как по штату полагалось только 160. Среди воспитанников было много учившихся по 3 разряду, а также второгодников. Правление постановило исключить таковых из числа казеннокоштных³. В этом же году святитель Феофан (Говоров), епископ Тамбовский и Шацкий, предложил помимо лишения содержания неуспешных учеников сократить число казеннокоштных еще на 50 человек. Ходатайство об этом направили в Святейший синод, решение которого было получено в Тамбове только через пять лет – 18 марта

1865 г. Синод не согласился с предложением святителя Феофана сократить число воспитанников и предложил изыскать средства на содержание казеннокоштных внутри епархии «по преимуществу за счет монастырей»⁴. Некоторые тамбовские монастыри согласились помогать семинарии при условии, что это не повлияет на их экономическое состояние. Деньги на семинарию перечисляли следующие монастыри: Санаксарский Сретенский – 200 рублей в год; Козловский Троицкий – 150 рублей; Трегуляевский Предтеченский – 100 рублей; Лебедянский Троицкий – 450 рублей; Чернеев Никольский – 250 рублей; Вышенский Успенский – 750 рублей⁵. На одного воспитанника расходовалось примерно 30 рублей в год. Перечисляемых монастырями денег хватало на содержание чуть более 60 воспитанников⁶. Тамбовские монастыри неохотно направляли перечисления на содержание семинарии и, по возможности, старались уклониться от этой обязанности. Об этом свидетельствует такой характерный случай, произошедший в 1868 г. Ректор семинарии и одновременно настоятель Козловского Троицкого мужского монастыря архимандрит Геннадий (Левитский) в качестве монастырского взноса в 150 рублей предложил Правлению семинарии принять сарай стоимостью в 225 рублей, построенный на семинарском дворе монастырем. Однако Правление семинарии не согласилось с этим и постановило: «Сарай, построенный монастырем, нужен был собственно для ректора семинарии, находящегося ныне на чреде в Санкт-Петербурге, дело оставить до окончания чреды, а между тем отнестись к казначею монастыря, чтобы он озаботился высылкою 150 рублей»⁷.

Правление семинарии, не надеясь получить от Святейшего синода дополнительные средства на содержание семинарии, приступило к их изысканию в пределах епархии. 23 октября 1865 г. епископ Тамбовский и Шацкий Феодосий II (Шаповаленко) предложил при семинарском Правлении учредить временный комитет по улучшению быта семинарии. Указанный комитет был создан в соответствии с решением Правления 31 де-

² Устав духовных семинарий 1867 г. СПб., 1908.

³ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 186. Оп. 66. Д. 1.

⁴ ГАТО. Ф. 181. Д. 1497.

⁵ ГАТО. Ф. 186. Оп. 74. Д. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

кабря 1865 г. Председателем комитета назначили ректора семинарии архимандрита Геннадия, а членами стали: смотритель 1-го Тамбовского духовного училища протоиерей Иоанн Москвин, протоиерей Знаменской церкви г. Тамбов Иаков Бондарский, священник Иоанн Алмазов, делопроизводитель, секретарь семинарского Правления М. Кадомский. Основная цель комитета состояла в том, чтобы принимать и рассматривать сообщения благочинных Тамбовской епархии о сборе средств на содержание семинарии⁸. 31 декабря 1865 г. было принято решение увеличить взнос с дохода, получаемого от продажи свечей на 2,5 копейки с ревизской души. Для духовенства епархии такое решение было обременительным. Вот что сообщило в Комитет духовенство Борисоглебского уезда: «Каждогодно делать посильное пожертвование из церковных сумм и предоставлять оные находим для себя более возможным в июле месяце. Более означенными пожертвований из церковных сумм предоставлять мы возможности никакой не находим по бедности наших церквей»⁹. Кирсановские священники обещали «вносить вместо 103 рублей 75 копеек 207 рублей 50 копеек и от свечной лавки 139 рублей 5 копеек, а всего 346 рублей 55 копеек»¹⁰, причем свечной взнос они увеличить не могли. В Елатье также утверждали, что свечной взнос увеличить не в состоянии, так как он и так достигает 9 копеек с души, и постановили добровольно собирать с каждого прихода по 1 рублю специально на улучшение быта духовно-учебных заведений. Такое же решение приняли и священнослужители Липецкого уезда, которые вообще предложили отменить свечной сбор и платить посильную добавочную сумму. Бондарское духовенство сообщило, что свечной взнос оно постарается «увеличить, хотя и с великим трудом»¹¹. А моршанские пастыри, по бедности, соглашались платить только 2 копейки с каждой ревизской души¹². Все эти факты свидетельствуют о том, что предложение Правления увеличить суммы на улучшение быта семинарии за счет средств, получаемых

от продажи свечей, не было тщательно продумано, и поэтому большая часть приходов увеличила свой взнос на содержание духовно-учебных заведений за счет обложения дополнительным сбором церковных причтов. Несмотря на трудности, средства на содержание семинарии удалось значительно увеличить. Если в 1864 г. на семинарию и училища было потрачено 23910 рублей, то в 1867 г. эта сумма возросла до 64130 рублей 30 3/4 копейки¹³.

На содержание казеннокоштных воспитанников был изыскан дополнительный источник финансирования, состоящий в процентах с капитала, пожертвованного на счет семинарии различными лицами. К 1867 г. этот капитал составлял сумму 29792 рубля в основном в виде облигаций. Пожертвованы они были: епископом Калужским и Боровским Николаем, архимандритом Козловского Троицкого монастыря Анастасием, коллежским асессором Константином Аввакумовичем Трунцевским, коллежским асессором Николаем Козловским и др. В эту же сумму входили финансовые средства, пожертвованные в семинарский храм на вечное поминовение. Начиная с конца 1860 гг., проценты с капиталов семинарии шли на выплату стипендий лучшим воспитанникам семинарии¹⁴.

Накануне вступления в силу нового устава в Тамбовской духовной семинарии был реализован указ Святейшего синода от 27 февраля 1866 г., предписывавший прекращение в конце учебного года преподавания медицины и сельского хозяйства и введение вместо них педагогики. Кроме того, Синод предписывал открывать при семинариях воскресные школы. Класс педагогики в Тамбовской семинарии начал действовать 28 сентября 1866 г. Первым учителем назначили протоиерея Иоанна Переверзева. 30 ноября 1866 г. из Святейшего синода получили примерную программу курса педагогики, ставшую первой подобной программой. Вот как определялась цель преподавания названного предмета: «Раскрыть положительно, что подлинное христианское воспитание содействует возрастанию человека, обновленного благодатью Божией, и умерщвлению человека ветхого... к изображению христианского

⁸ ГАТО. Ф. 186. Оп. 71. Д. 2.

⁹ ГАТО. Ф. 186. Оп. 72. Д. 18.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАТО. Ф. 186. Оп. 72. Д. 19.

¹² Там же.

¹³ ГАТО. Ф. 186. Оп. 70. Д. 15.

¹⁴ ГАТО. Ф. 186. Оп. 73. Д. 28.

совершенства человеческой жизни и человеческой личности»¹⁵.

Преподавателям семинарии, преподающим указанный предмет, рекомендовалось «щадить чувство свободы» воспитуемого. В качестве действенных способов воспитания предлагались следующие меры: «Хранение детского сердца от удовольствий, свойственным зрелым возрастам. Ограничение удовольствий. Не давать возрастать чувствам до степени аффектов (неудержимый смех, слезы, крик, гнев, страх). Назначать определенное время для кушанья, работы и сна»; религиозное воспитание не должно «переходить в чувство гнета и слепой необходимости, правящей душой»¹⁶.

Открыв класс педагогики, в семинарии не спешили открывать воскресную школу. В декабре 1866 г. епископ Тамбовский Феодосий II (Шаповаленко) своей резолюцией напомнил семинарскому Правлению о необходимости исполнить определение Синода, на что Правление издало следующее распоряжение: «Открыть немедленно, то есть с будущего 8 января воскресную школу при Тамбовской духовной семинарии для всех детей, жителей г. Тамбов безмездно. Обучать в ней следует предметам: чтению, письму, молитвам, необходимым каждому христианину, краткой Священной истории, первоначальным и основным арифметическим действиям, практической элементарной русской грамматике, чтению с логическим разбором, объяснять церковные службы, знакомить детей с математической, физической и политической географией. Время для занятий назначить на 2–3 часа по полудни воскресного дня. Объявить воспитанникам семинарии высшего отделения в г. Тамбов, чтобы они, готовясь быть пастырями и образователями простого народа, неопустительно посещали школу, с усердием бы занимались преподаванием вышеуказанных предметов. Поручить наставнику педагогики протоиерею Иоанну Переверзеву составить программу по всем предметам»¹⁷. В январе 1867 г. воскресная школа при семинарии начала действовать¹⁸.

Еще в марте 1865 г. Правление Казанской духовной академии прислало в Тамбов-

скую духовную семинарию предписание, чтобы оно представило в академию конспекты уроков по тем предметам, которые преподаются в семинарии¹⁹. Требование это было вполне стандартное, так как еще по положению устава 1814 г. каждая семинария обязана была предоставлять конспекты уроков в Правление академии, которой она была подчинена. Тамбовская духовная семинария в 1865 г. несколько запоздала с подачей таких конспектов, о чем Правление академии и напоминало семинарскому Правлению. Впрочем, конспекты в академическое Правление так и не были поданы, но зато были составлены программы предметов, по которым преподавание осуществлялось вплоть до 1893 г. Таким образом, еще до введения устава 1867 г. в Тамбовской семинарии шло постепенное реформирование учебной части и составление новых учебных программ²⁰.

Некоторые из этих программ сохранились в семинарском фонде Государственного архива Тамбовской области, и имеется возможность их изучения. Программа по предмету «Теория словесности и история русской литературы» содержала сведения лишь по первой части, а именно, по теории словесности. Состояла она из двух глав: «Теория сочинений» и «Теория прозы»²¹. В них подробно рассматривались формы сочинений и методы их составлений. Программа по гражданской истории делилась на три части: история Древнего мира, средних веков и Нового времени. Особое внимание уделялось изучению быта людей в средние века, истории крестовых походов и религиозных движений, таких как лютеранство. В курсе церковно-библейской истории изучалась история от сотворения мира до перевода Библии 70-ю толковниками. В нравственном богословии изучались: нравственный закон, внутренний закон, закон Моисеев, закон Христов, церковные и гражданские законы; главные начала христианской деятельности; нравственное вменение, свобода воли, физическая возможность, познание закона, совесть, добродетель; понятие о грехах – смертном, простительном, мысленном, неведения, невнимания, чужих грехах; учение о диаволе; обязанности христианина к Богу, другим людям,

¹⁵ ГАТО. Ф. 186. Оп. 72. Д. 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАТО. Ф. 186. Оп. 71. Д. 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

телу, ближним; гражданские и церковные обязанности и др. Сохранились также программы по математике и геометрии. Программа по физике делилась на статику, гидростатику, аэростатику, акустику, теплоту (термодинамику), магнетизм, динамическое электричество. Изложение материала основывалось на объяснении природных явлений с помощью доступных физических приборов. В курсе гидростатики, помимо усвоения понятий давления, равновесия, удельного веса, демонстрировали гидравлический пресс, объясняли принцип работы ареометра и спиртометра. В курсе динамического электричества воспитанникам показывали Вольтов столп, элемент Бунзена, элемент Даниэля, элемент Грове²².

Специфическим семинарским предметом, который изучался только в духовных учебных заведениях, был курс пасхалии. Основная цель этого предмета заключалась в том, чтобы научить будущих священнослужителей самостоятельно вычислять день Пасхи. К этому времени преподавание пасхалии в семинариях было не на очень высоком уровне, и даже выпускники академий иногда приходили в замешательство, когда им предлагали преподавать пасхалию. Протоиерей Виктор Певницкий, который вел в этот период в Тамбовской духовной семинарии пасхалию, вспоминал, как он начинал читать этот предмет еще в Пензенской семинарии: «Пасхалию я и сам не знал, в академии о ней не было и помина. К счастью моему, в Пензенской семинарии по другому отделению низшего класса был отличный пасхалист, преподаватель давнишний – Павел Матвеевич Семилиоров, который издал в печати им составленную недавно перед моим поступлением научную книжку «Пасхалия», да такую умную и обстоятельную, что мне без труда по ней можно было узнать, что нужно, и преподавать. Эту драгоценную для меня книжку я изучил, составив по ней коротенькие и простенькие записки, и ученики с охотой их усвоили» [2]. В Тамбовской духовной семинарии еще в начале XIX века преподавателем Рубаном был составлен учебник по пасхалии. Одним из новых предметов, который появился в семинарии в 1860 г., стал курс по истории раскола и сектантства. Программа курса была составлена преподавателем

лем семинарии протоиереем Иоанном Перевезевым и выглядела следующим образом.

1. История раскола.
 - 1.1. Первый период.
 - 1.1.1. Начало раскольниковых мнений в XVI веке.
 - 1.1.2. Умножение и усиление раскольниковых мнений в 1-й половине XVI века.
 - 1.1.3. Попытка возвести некоторые раскольниковые мнения в степень догматов в XVI веке.
 - 1.1.4. Окончательное утверждение главных раскольниковых мнений к концу XVI века.
 - 1.2. Второй период.
 - 1.2.1. Исправление церковных книг и начало раскола.
 - 1.2.2. Начало раскола.
 - 1.2.3. Открытое восстание.
 - 1.2.4. Распространение.
 - 1.2.5. О беспоповщине.
 - 1.2.6. О поповщине.
 - 1.2.7. Меры против раскола.
2. История и распространение сект.
 - 2.1. Странников.
 - 2.2. Хлыстов.
 - 2.3. Скопцов.
 - 2.4. Молокан и др.
3. Исторические сведения о начале раскола и ересей в Тамбовской епархии.
4. Библиография раскола.
5. Обличение раскола²³.

Предмет этот входил в курс так называемого миссионерского класса и пришел на смену преподаванию мордовского и татарского языков, что свидетельствовало об изменении приоритетов в миссионерской работе.

Таким образом, в 1860-х гг. в Тамбовской духовной семинарии началась постепенная подготовка к реформам в духовно-учебных заведениях, выразившаяся в изыскании дополнительных средств на улучшение быта семинарии, введении новых и отмене некоторых непрофильных предметов, а также разработке программ по тем предметам, которые оставались в семинарском курсе. Участие семинарской педагогической корпорации в подготовке нового устава вдохновляло педагогов и содействовало то-

²² ГАТО. Ф. 186. Оп. 71. Д. 2.

²³ ГАТО. Ф. 186. Оп. 72. Д. 1.

му, что они, заинтересованно обсуждая все нововведения и заботясь о совершенствовании системы образования и воспитательного процесса в духовных учебных заведениях

России, уже в первой половине 1860-х гг. стремились обновить многие стороны жизни Тамбовской семинарии.

Список литературы

1. Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700–1917. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. 798 с.
2. Певницкий В., прот. Записки // Русская старина. 1905. Вып. 7-9. С. 117-169.

References

1. Smolich I.K. *Istoriya Russkoy Tserkvi: 1700–1917* [History of Russian Church: 1700–1917]. Moscow, Vалаам Monastery, 1996. 798 p. (In Russian).
2. Pevnitskiy V., prot. Zapiski [Notes]. *Russkaya starina* [Russian Antiques], 1905, issue 7-9, pp. 117-169. (In Russian).

Информация об авторе

митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), кандидат богословия, магистр теологии. Тамбовская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат), г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: troveo@mail.ru

Вклад в статью: работа с архивными документами и материалами, идея, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>

Поступила в редакцию 04.10.2018 г.

Поступила после рецензирования 02.11.2018 г.

Принята к публикации 30.01.2019 г.

Information about the author

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Theodosius (Vasnev), Candidate of Theology, Master of Theology. Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Tambov, Russian Federation. E-mail: troveo@mail.ru

Contribution: work with archival documents and materials, idea, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>

Received 4 October 2018

Reviewed 2 November 2018

Accepted for press 30 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-232-242
УДК 930.8

Сельскохозяйственное предпринимательство купечества уездных городов Тамбовской губернии в XIX веке

Марина Константиновна АКОЛЬЗИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8684-9405>, e-mail: akolmarina@yandex.ru

County towns merchants' agricultural enterprise of Tambov Governorate in the 19th century

Marina K. AKOLZINA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8684-9405>, e-mail: akolmarina@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено проблеме изучения купеческого землевладения и землепользования в Тамбовской губернии в XIX веке. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью восполнения источниковедческого и историографического пробела в изучении российского варианта социально-экономической предпринимательской деятельности в аграрном секторе в дореформенный период. Результаты исследования перспективны для решения задач, которые стоят перед сельским хозяйством нашего региона на современном этапе. В настоящее время в качестве одного из приоритетов социального и экономического развития Тамбовской области является повышение конкурентоспособности отечественного агропромышленного комплекса, качественное развитие сельских территорий. Научная новизна работы связана с рассмотрением купеческих хозяйств через анализ формирования инновационных форм рационализма и предприимчивости в сельском хозяйстве на микроуровне. Изучение условий деятельности купечества позволяет полнее раскрыть ранее неизвестные аспекты социальной модернизации, охарактеризовать специфику реализации предпринимательской функции в аграрном секторе, оценить динамику развития новых форм хозяйства в нашем регионе в предреформенный период. Деятельность предпринимателей в сельскохозяйственном бизнесе, их роль в процессе модернизации аграрного общества в России до сих пор остается нераскрытой в конкретно-исторических проявлениях. Вопросы развития частновладельческих купеческих хозяйств в Тамбовской губернии еще не становились предметом серьезного научного анализа.

Ключевые слова: купечество; предпринимательская деятельность; товарное сельское хозяйство; землевладение; землепользование; аренда земли

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта «Социальный аспект модернизации крупных хозяйственных комплексов Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века», проект РФФИ № 18-49-680004p_a.

Для цитирования: Акользина М.К. Сельскохозяйственное предпринимательство купечества уездных городов Тамбовской губернии в XIX веке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 232-242. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-232-242

Abstract. We center on the issue of studying merchant land ownership and land use in Tambov Governorate in the 19th century. The relevance of this study is due to the need to fill the source and historiographical gap in the study of the Russian version of social and economic business activities in the agricultural sector in the pre-reform period. The results are promising for solving the problems facing the agriculture of our region at the present stage. Currently, one of the priorities of social and economic development of the Tambov Region is to increase the competitiveness of the

domestic agro-industrial complex, the qualitative development of rural areas. The scientific novelty is associated with the consideration of merchant farms through the analysis of innovative forms formation of rationalism and entrepreneurship in agriculture at the micro level. Consideration of the merchant activities conditions allows to fully disclose previously unknown aspects of social modernization, to characterize the specifics of the entrepreneurial functions implementation in the agricultural sector, to assess the dynamics of new forms of economy development in our region in the pre-reform period. The activities of entrepreneurs in the agricultural business, their role in the process of agricultural society modernization in Russia is still undisclosed in concrete historical manifestations. Issues of the private-owned merchant farms development in Tambov Governorate has not yet been the subject of serious scientific analysis.

Keywords: merchant; business; commercial agriculture; land tenure; land use; land rent

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research “Social aspect of modernization of large economic complexes of Tambov province in the late 19th – early 20th century”, project no. 18-49-680004p_a.

For citation: Akolzhina M.K. Sel'skokhozyaystvennoye predprinimatel'stvo kupechestva uyezdnnykh gorodov Tambovskoy gubernii v XIX veke [County towns merchants' agricultural enterprise of Tambov Governorate in the 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 232-242. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-232-242 (In Russian, Abstr. in Engl.)

История изучения предпринимательской деятельности купечества в сфере товарного сельского хозяйства только недавно стала предметом отдельного анализа. Долгое время превалировал постулат о том, что прогресс сельского хозяйства в Российской империи был связан с прогрессом крестьянского хозяйства. Но успешных хозяйств было явно недостаточно, большинство из них практиковало экстенсивные и малопродуктивные методы хозяйствования. Поэтому стали рассматриваться вопросы дворянского предпринимательства. Ученые занимались в основном исследованием крестьянских и помещичьих хозяйств¹ [1–3], оценкой роли латифундий в развитии аграрного сектора, преимущественно в пореформенное время и на рубеже XIX–XX веков [4–6]. В немногих работах затрагивались вопросы купеческого сельскохозяйственного предпринимательства² [7–9]. В 2000-е гг. началось изучение модернизационных процессов в крупных имениях, в том числе и в Тамбовской губернии [10–13]. В это же время начинается исследование купеческих усадеб, преимущественно в контексте русской усадебной культуры [14–20]. Успешно занимаются изучением купеческого предпринимательства, включая и сельскохозяйственное, тамбовские историки [21–23].

¹ Сборники Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ). Вып. 1–8. М., 1928–1929.

² Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Москва; Рыбинск, 1994. Вып. 1 (17).

Современные историки занимаются в основном изучением эволюции купеческого землевладения и землепользования в пореформенный период по отдельным регионам, только фрагментарно рассматривая положение купеческих имений накануне отмены крепостного права [24].

Большое значение имеет практическое переосмысление первых конкретных шагов по внедрению в сознание и практику отечественного сельского хозяйства основ буржуазной предприимчивости, рационализма, новых форм организации труда. Разработка проблем экономической активности купечества поможет рассмотрению проблемы современного сельскохозяйственного предпринимательства, фермерства. Выявленные в процессе исследования проблемы примеры успешной сельскохозяйственной деятельности купцов в Тамбовской губернии дают важный материал для предположений о наиболее емких формах бизнес-активности в современном аграрном секторе.

Материалы исследования могут быть востребованы в ходе реализации региональной политики развития агропромышленного комплекса, для проблем социальной и экономической активности современных аграриев-предпринимателей, фермеров.

Другим аспектом актуальности работы является попытка микроуровневой характеристики купеческих имений. На фоне внимания исследователей к аграрной истории региона изучение конкретных проявлений

предпринимательства купечества уездных городов Тамбовской губернии в XIX веке в сфере сельского хозяйства остается слабо изученной темой.

С точки зрения современных исследователей, история сельскохозяйственного предпринимательства, купеческой усадьбы особенно скупо представлена в источниках [24]. Но это не так. В настоящем исследовании были использованы, прежде всего, законодательные акты рассматриваемого периода, регламентировавшие купеческое землепользование и землевладение, прежде всего указы 1798 г. «О дозволении покупать к заводам и фабрикам крестьян и об отбирании оных в казну в случае уничтожения оных заведений», 1801 г. «О дозволении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли» (давал право купцам покупать в собственность земли и другую недвижимость), 1804 г. «О дозволении получившем из купцов осьми классные чины, покупать деревни и владеть оными на условиях, заключаемых с поселенными в оных крестьянами», 1818 г. «О распространении права учреждать фабрики и заводы на всех казенных, удельных и помещичьих крестьян и «свободных хлебопашцев», 1831 г. «О землях, какие могут однодворцы продавать или передавать в частные владения», «мнение Государственного Совета «Об отчуждении, передаче по наследству и отдаче в залог и аренду населенных помещичьих земель и имений», утвержденное Положением 19 февраля 1861 г.»³ [24–27].

Сведения для изучения бизнес-активности провинциального купечества в аграрном секторе содержат справочные материалы и издания. Наиболее ценными источниками являются «Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы», «Список фабрик и заводов Европейской России», «Торговый адрес-календарь», в котором представлены поименно купцы – владельцы или арендаторы

³ Законы о состояниях // Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб., 1896; Сборник законов и постановлений для землевладельцев и сельских хозяев / сост. В.И. Вишняков. СПб., 1879; Собрание законов о купцах, мещанах, посадских и цеховых или Городовое положение со включением законов предшествующих и последующих с 1766 по 1823 год. СПб., 1823.

промышленных предприятий на оброчных землях крестьян в Тамбовской губернии⁴.

Уникальным источником для изучения темы стали материалы периодической печати. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» печатались Высочайшие указы и правительственные распоряжения, например, о возведении в потомственное гражданство, о награждении орденами и медалями (нередко в этом качестве выступали представители местного купечества, в том числе и землевладельцы). В «Тамбовских губернских ведомостях» существовали разделы «Ведомость казенным оброчным статьям, на кои, за неуплатою съемщиками оброков, назначены торги...» или «Ведомость казенным оброчным статьям, кои, за окончанием срока содержания остались без отдачи и отданы в хозяйственное распоряжение окружным начальникам», «О продаже имений», «О предоставленной ко взысканию закладной», «О совершенных купчих крепостях, совершенных и утвержденных раздельных актах и выданных данных», «О... утвержденном и засвидетельствованном духовных завещаниях», «О продаже недвижимого имения», «О вызове наследников, кредиторов и должников». Сложностью в работе с этими источниками является чрезвычайная кропотливость в поиске сведений о представителях купеческого агробизнеса.

Из архивных источников нами использовались документы статистического учета. К ним относятся «Ведомости о занятиях купечества» (Ведомости о занятиях) (к сожалению, сохранилось лишь по одному экземпляру таких ведомостей по отдельным городам)⁵.

⁴ Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816; Географически-статистические заметки по Тамбовской губернии / сост. Ф.А.З. СПб., 1870; Кишкин-Жгерский В. Коммерческий указатель г. Санкт-Петербурга на 1831 год. СПб., 1831; Кишкин-Жгерский В. Торговый адрес-календарь, или Всеобщий коммерческий указатель Российского государства на 1836 год. СПб., б. г.; Петров А. Памятная книжка Российской промышленности на 1843 год. М., 1843; Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903; Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года / сост. в Департаменте мануфактур и внутренней торговли. Ч. 2. СПб., 1833; Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. 6. СПб., 1872. Материалы для статистики заводско-фабричной промышленности в Европейской России за 1868 год.

⁵ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 63. Тамбовский губернский статистический комитет.

Сведения об экономической деятельности купцов сохранились в материалах фондов «Тамбовская казенная палата» и «Тамбовская удельная экспедиция. Тамбовская удельная контора». В них сохранилось много дел «Об отдаче казенных мельниц в оброчное содержание» купцам, «Об отдах казенных земель и мельниц в оброк и о взыскании оброчных недоимок»⁶.

Особого внимания заслуживают делопроизводственные документы государственных учреждений и органов городского самоуправления⁷: маклерские книги, содержащие сведения о контрактах, торговых сделках, о заемных операциях и протестах по векселям; книги на записку контрактов, в которых имеются контракты того же типа, что и в маклерских книгах; описные книги оброчным статьям уезда, казне принадлежащим; книга указов Департамента уделов содержит сведения о наличии имущества жителей (оброчные мельницы у купцов), сведения о введении наследников в наследство. Данные о владельцах промышленных предприятий сохранились в ведомостях о количестве и работе фабрик и заводов в Тамбовской губернии.

Судебно-следственные материалы зафиксировали сведения об имуществе и доходах отдельных жителей: «Книга с продажи домов Тамбовской палаты гражданского суда», «Книги протоколов Тамбовского гражданского суда», содержащие различные иски, «Книга на записку протоколов уездного суда» и другие документы⁸. Особенно информативны дела о завещаниях, дарственных, о вступлении в наследство, об оспаривании наследства и др. Они содержат данные о количестве земли и скота в купеческих имениях, размерах пахотной земли и сенокосных угодий, пастбищ, способах ведения хозяйства, хозяйственных постройках, количестве инвентаря и др.

Как показало проведенное исследование, товарным сельским хозяйством занимались

многие из купцов, имевшие земли в разных губерниях, они преимущественно владели казенными участками, как, например, лебедянский купец Семен Урываев. В «Деле о продаже в частную собственность казенных земель в уездах Тамбовской губернии за март 1812 – апрель 1831 гг.» содержатся сведения о том, что в 1813 г. борисоглебскому купцу Конону Каштанову была продана «в частную собственность» земля в Кирсановском уезде «вновь отрезанная из владения помещика Кошелева с 1809 по 1813 год 300 десятин 1786 сажень, земля отрезана князем Гагариным, за 71 руб.». Примечательно, что за период с марта 1812 по апрель 1831 г. это был единственный купец из провинциального города, купивший землю, все остальные собственники – дворяне или тамбовские купцы⁹.

В 1827 г. елатомский купеческий сын 3-й гильдии Иван Иванов Носов просил допустить его к торгам по отдаче казенных земель в оброчное содержание. В том же году елатомский купеческий сын Иван Михайлов Пустовалов просил допустить его к торгам, проходившим в г. Борисоглебск, по отдаче в оброчное содержание казенной земли в Борисоглебском уезде «по левую сторону от реки Елани в количестве 926 десятин 585 сажень». Эта земля была ему отдана за 3505 руб. в год¹⁰.

В 20–50-е гг. XIX века купцы арендовали оброчные земли или земли помещиков в коммерческих целях, так называемые «лесные дачи» в северных лесных уездах Тамбовской губернии. Там они устраивали предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, поскольку в «Жалованной грамоте городам» 1785 г. в разделе «О постройке водяных и ветряных мельниц» было установлено, что «городу не дозволяется, где удобно, на городских землях завести, построить и содержать мучные, или пильные, или иные водяные, или ветряные мельницы»¹¹.

Купечество южных степных уездов Тамбовской губернии также активно занималось

⁶ ГАТО. Ф. 12. Тамбовская казенная палата. Оп. 1. Д. 1144, 1570, 1613 и др.

⁷ ГАТО. Ф. 4. Тамбовский наместник. Канцелярия Тамбовского губернатора; Ф. 157, 899 (городские думы); Ф. 33, 448 (городничие).

⁸ ГАТО. Ф. 21 (нотариусы); Ф. 71, 76, 79, 81 (уездные суды); Ф. 67. Тамбовская палата гражданского суда; Ф. 78, 796 (губернский и уездные стряпчие); Ф. 139, 140, 141, 142 (городовые магистраты); Ф. 795. Тамбовский губернский прокурор.

⁹ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 483. Л. 37об., 207.

¹⁰ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 912. Л. 2; Д. 914. Л. 464, 471.

¹¹ Екатерина II. Грамота на права и выгоды городам Российской империи // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 22, 1784–1788. № 16187. С. 358–384.

арендой земли. Липецкие купцы Василий Голиков и Алексей Хренников арендовали казенные земли 4996 десятин 2116 сажень в селе Архангельском Борисоглебской округи. У липецкого купеческого сына Семена Васильева сына Ларионова в оброчном содержании на 12 лет находилась казенная земля в Усманском уезде в урочище по левой стороне реки Битюг 446 десятин 1082 сажени.

В «Деле о взыскании оброчных денег с помещиков и купцов за пользование казенными землями за 1822–1824 гг.» сохранились сведения о требовании возвращения долга «с липецкой вдовы купеческой жены Анны Зотовой Неверовой на сыне ея бывшем липецком купце, а ныне мещанине, Иване Неверове долг за землю, лежащую в Усманском уезде вверх по реке Чемлыку 523 десятины».

У липецкого купеческого сына Василия Карпова Голикова в оброчном содержании была казенная земля в Усманском уезде «вверх по реке Чемлыку 2545 десятин 1969 сажень и от сделанной межи к селу Мордову 3326 десятин 1617 сажень с 1813 по 1817 год». У липецкого купца Никиты Антонова Терпугова в оброчном содержании была казенная земля в Усманском уезде «от сделанной межи села Кужного 792 десятины 1064 сажени». У липецкого купца Ивана Никитина Неверова в 1812–1813 гг. находилась в оброчном содержании казенная земля в Усманском уезде «вверх по реке Чемлыку 523 десятины 1774 сажени по 1110 руб. в год». У липецкого купца Василия Степанова Распопова в оброчном содержании имелась казенная земля в Усманском уезде «от Чемлыцкой межи Карачинскою дорогою 617 десятин по 912 руб. в год. Условием оброчного содержания казенных сенокосных полей было «никакого строения на той поляне не заводить и не заселять, среди поляны сделать рабочим людям для укрытия от дождя маленькие шалаши из кольев или хворосту, а также для варения только пищи рабочим людям дрова выбирать только из валежника». В 1826 г. липецкий купец Семен Васильев сын Ларионов просил в оброчное содержание казенную землю, лежащую в Липецком уезде «отрезную от сел Казинки, Хвошевки, Таволжанки и Телелюя 2587 десятин 1094 сажени за 817 руб. в год»¹².

¹² ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 482. Л. 69, 122, 130, 153; Д. 830, Л. 1; Д. 872. Л. 97, 1359; Д. 913. Л. 250.

У усманского купца Никиты Иванова сына Терпугова была в оброчном содержании земля в Липецком уезде отрезная от села Двуречек 1499 десятин 2049 сажень. Другой усманский купец 3-й гильдии Венедикт Алексеев Кузнецов просил землю в Усманской округе при однодворческом селе Кужном 388 десятин 1936 сажень за 665 руб. контракта с подлежащим залогом¹³.

Больше всего земли арендовали купцы г. Козлов. 16 марта 1818 г. купец Никита Степанов сын Богатырев «дал сие условие Тамбовской округи села Лысые Горы Беломестной слободы однодворца Агапа Лелькова жене его Матрене Сергеевой дочери Чулидовой о том, что доставшегося мне Богатыреву с торгов Тамбовской казенной палаты казенной земли ковыльной распашной 40 десятин указной мерой в урочище близ господина Аркадьева». В Козловской округе 4017 десятин 1469 сажень села Кукова находились в оброчном содержании у купца Баранникова в урочищах от реки Битюга выше Ахматова Куста. У купца Ивана Антонова Демина в оброчном содержании в Усманском уезде отрезная от села Чемлыка земля количеством 245 десятин 440 сажень. У купца 3-й гильдии Ивана Алексеева Воронина в оброчном содержании было 523 десятины 1674 сажени в Усманском уезде в урочищах вверх по реке Чемлык за 1255 руб. У купеческого сына Петра Никитина Баженова в оброке на 1822 год находилась казенная земля в Козловском уезде вверх по реке Чемлык 2545 десятин 1969 сажень ценою за 3130 руб. В 1823 г. купец Иван Николаев Осетров просил казенную землю: в Тамбовском уезде от дачи графа Толстова 1034 десятины 2234 сажени с 1823 по 1825 год по 4100 руб.; в Усманском уезде по обе стороны реки Битюг 2780 десятин 425 сажень с 1823 по 1825 год по 8310 руб. в год; в Козловском уезде отрезную от деревни Федоровки 453 десятины 1032 сажени на один 1824 год за 1005 руб. «Эти земли по истечении сего года, срока более уже иметь в своем содержании не желаю». У Степана Казмина Демина в оброчном содержании казенная земля в Борисоглебском уезде «при реке такаю вверх по правую сторону 6717 десятин 91 сажень».

Купец Федор Григорьев Силантьев содержал 4253 десятины 2198 сажень в Усман-

¹³ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 829. Л. 2; Д. 872. Л. 485.

ском уезде и «от дачи графа Толстого 569 десятин 1574 сажени». У купца 2-й гильдии Дмитрия Ларионова Придорогина в оброчном содержании была казенная земля в Борисоглебском уезде, «состоящая за отводом от села Шапкина 6153 десятины 644 сажени по 3130 руб. в год». У купца 2-й гильдии Никиты Степанова Богатырева в оброчном содержании казенная земля в Борисоглебском уезде «от Карачинской дороги 5329 десятин 58 сажень за 8800 руб. в год». Купцы Иван Александров Гладышев и Алексей Александров Гладышев содержали в оброке казенную землю в Усманском уезде «от намежеванной дачи реки Такая 6225 десятин 1693 сажени по 1817 год по 13005 руб. в год». У купца Лариона Никитина Заратовского в оброчном содержании находилась казенная земля в Усманском уезде «отрезная от села и сельца Телелюя и деревни Верхнего Телелюя 1183 десятины 154 сажени по 4510 руб. в год». В 1826 г. у купца Трофима Алымова в оброчном содержании находилась казенная земля в Усманском уезде «вновь поступившая называемая Излучинская 4515 десятин 678 сажень за 21031 руб.». В это же время у козловского купца Ивана Осетрова находилась в оброчном содержании казенная земля, «взятая из владения полковника Ивана Рославлева и деревни Неводной 385 десятин 1587 сажень за 1380 руб.»¹⁴.

Заклучали контракты на содержание казенных земель, отданных в оброк в уездах Тамбовской губернии, и лебедянские купцы. Например, у Федора Яковлева Ермолова в оброчном содержании была казенная земля, лежащая в Тамбовском уезде от устья речки Солунки 1113 десятин 1188 сажень, и в Козловском уезде от дач села Знаменки 714 десятин 739 сажень. У лебедянского купца Михаила Васильевича Тулинова в оброчном содержании имелась казенная земля в том же Козловском уезде «отрезная от села Абакумовки 740 десятин с ценою за каждый год по 1225 руб.»¹⁵.

В одном только 1838 г. держателями казенных оброчных земель и мельниц в разных уездах Тамбовской губернии были: борисоглебские купцы Дементий и Петр Суво-

ровы, Петр Казьмин Гладышев; елатомский купеческий сын Иван Михайлов Пустовалов; козловские купцы Василий Иванов Баженов, Петр Баженов, Никита Богатырев, Николай и Иван Вороновы, Петр Александров Гладышев, Иван Иловыйский, Аким Моисеев, Дмитрий Придорогин, Иван Гололобов, Баранников, Силантьев; лебедянские купцы Борис Плешков, Яков Агарков, Иван Чеботарев; липецкие купцы Карп и Василий Голиковы, Михаил Медведев, Филипп Распопов, Василий Назаров, Сергей Сорокин, Василий Андреев Комаров, Терпугов; моршанские купцы Федор Савельев Трофимов, Герасим Дутов, Самсон Сливин; спасский купеческий сын Григорий Жданов; усманские купцы Матвей Бородин, Степан Федотов, Венедикт Кузнецов, Никита Терпугов¹⁶.

В 1837 г. однодворцы Пушкарской слободы г. Усмань заключили с купцом Гостевым на отдачу ему в оброк на 10 лет 130 десятин общественной земли с платежом «за все время» 3 тыс. руб., из них купец выплатил «вперед» 1375 руб., и еще 500 руб. внес в казну на платеж податей¹⁷.

В 1845 г. купец 3-й гильдии г. Шацк Марк Рыбаков на торгах арендовал 5 десятин выгонной земли¹⁸.

Не уплатили оброчные деньги за земли в Борисоглебском уезде борисоглебские купцы 3-й гильдии Полчанинов 1149 десятин по 1021 руб. в год (с 1842 по 1853 г., Шумская волость), Турбин (1842–1849 гг., Хомутовская), Афонасьев (1842–1845 гг., Шапкинская); за мельницы в Моршанском уезде у шацкого купца Швецова (1839–1851 гг., Нижнесерповская)¹⁹.

С середины 50-х гг. XIX века наметился упадок в хлебной торговле Моршанска и пристаней в северных уездах Тамбовской губернии, открылись новые пути сбыта хлеба в столицы и за границу в городах Борисоглебск, Балашов, Липецк и Козлов. Купеческие имения перемещались в южные уезды губернии и соседние уезды Саратовской губернии.

¹⁴ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1566, 1567, 1568, 1569.

¹⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1024. Л. 725.

¹⁸ ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1111. Л. 2-3об.

¹⁹ Тамбовские губернские ведомости [Текст]. № 37: 15 сентября 1845 г. / подлинное подписал: За вице-губернатора: старший советник Попов. [Тамбов: Типография губернского правления], 1845.

¹⁴ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 482. Л. 75, 77, 81, 83, 87, 118, 197; Д. 777. Л. 13об.; Д. 789. Л. 3-6; Д. 829. Л. 21; Д. 872. Л. 18, 166, 316; Д. 912. Л. 3, 4.

¹⁵ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 872. Л. 29, 35, 45.

О сельскохозяйственном бизнесе, например, моршанских купцов много сведений содержат духовные завещания. Так, наследство потомственного почетного гражданина Григория Михайловича Рымарева, представителя одного из самых крупных и влиятельных купеческих кланов, оценивалось в 802655 руб. В него, кроме наличных денег и ценных бумаг, входили 4877 1/3 десятин земли общей стоимостью 536470 руб. в Козловском уезде Тамбовской губернии и Балашовском уезде Саратовской губернии, «разный хлеб, имущества в имениях и движимости, приносящей доход» на 69250 руб.

В недвижимое имущество входили имения в Козловском уезде при селе Покровском в 28560 руб., при селе Бибикове в 32720 руб., при селе Дмитриевском в 6380 руб. Еще у него было право на 355 десятин леса в Моршанском уезде «по Гагаринской дороге с устроенным двором и другими строениями».

Очень интересны приложенные к делу о введении в наследство описи имущества, дающие представление о купеческих имениях (они были весьма внушительными, не все помещицы могли с ними конкурировать). Всего в хозяйстве было 1965 десятин земли, из которых 532 десятины засеяны рожью. О серьезности ведения дел свидетельствует описание построек на усадьбе (покрытые железом каменный одноэтажный дом с деревянным флигелем, две каменные кухни, птичий двор, людская, кладовая, два каменных амбара и овин, два деревянных амбара, деревянная конюшня с камышовой крышей, деревянная баня под железной крышей, скотный двор, крытый соломой, два загона для овец из кизняка и плетневый свиной хлев), они оценивались в 206325 руб. В амбарах было засыпано 3 тыс. четвертей²⁰ ржи, 1,5 тыс. четвертей овса, 200 четвертей озимой пшеницы, 300 четвертей гороха, 100 четвертей льняного семени, 200 четвертей проса (всего зерна на 16050 руб.). Впечатляет количество рогатого скота: 31 корова, 19 валухов²¹ двухлетних, 9 валухов-годовиков, телят – 6 бычков и 10 телок, 3 быка-заводчика. В качестве рабочего скота использовались 49 меринов и 40 кобыл, для перевозки грузов еще 19 меринов и 20 кобыл. Еще в хозяйстве содержались де-

сятки свиней и поросят, три сотни «русских» овец и две сотни ягнят.

Из инвентаря, наглядно свидетельствующем о размахе ведения купеческого хозяйства, перечислены: паровая молотилка «на ходу» (стоимостью 250 руб.), две конных молотилки, сортировка с ситами, ветрогон²², горка для очистки льна, 6 однолемешных, 13 двухлемешных плугов железных и трехлемешный, деревянный плуг, 12 сеялок, 15 борон с железными зубьями и 15 с деревянными, 34 сохи, две маслобойки. Так же кропотливо перечислено множество ручных орудий труда (вилы, тяпки, лопаты).

Транспортные средства были представлены 20 телегами на ходу, 16 санями, двумя летними водовозками, многочисленными предметами конской упряжи (хомуты, седла, уздечки, вожжи, чересседельники, дуги; все отмечены как «пахотные»). Для перевозки сельскохозяйственных грузов использовались кожи «сырые разной величины для накрывания возов» и поперечные слегги. Для контроля за работой в хозяйстве пользовались беговыми дрожками и санками.

Обязательными в таком хозяйстве были весы и гири, железные меры, «17 разных замков», строительные материалы. Функционировала кузница, о чем свидетельствует наличие клещей, гвоздей, шин для колес, листовое железо, чаны с железными обручами. Все имущество в имении оценивалось в 32301 руб.

Еще в одном имении Рымаревых при селе Покровском «Нероновотож» Козловского уезда было 2152,5 десятины земли, из них 200 десятин лесных угодий, 392 десятины засеяны озимой рожью и 68 десятин – озимой пшеницей. На усадьбе располагались постройки: двухэтажный каменный дом с одноэтажным флигелем, кухня, птичий двор, овин, амбар, «скотская изба», конюшня (все под железными крышами), конный двор (покрыт тесом), два деревянных амбара, ветряная мельница, кизяковый овечий и деревянный свиной загон (крытые соломой). Вся недвижимость оценивалась в 225995 руб.

В этом хозяйстве насчитывалось 2 тыс. четвертей ржи и столько же овса, по 200 четвертей проса и озимой пшеницы, 300 четвертей гороха «зубок» и 100 четвертей крупного. Для питания работников имения в амбаре

²⁰ 1 четверть = 2,099 гектолитра = 209,9 л.

²¹ Валух – кастрированный или холощенный баран.

²² Деталь веялки.

хранилось 15 пудов ржаной муки и 5 четвертей пшеницы.

На скотном дворе содержались четыре десятка молодых коров и телочек, десяток годовалых бычков, два быка, тридцать валухов; около сотни свиней и поросят, 46 рабочих мерин и 44 кобылы, десяток жеребят, а также бараны, овцы, ягнята.

Инвентарь состоял из паровой молотилки «со всеми принадлежностями», десятков сеялок, парных плугов, сох и борон, вил и мотыг, цилиндрической сортировки, грабель американских, 24 ножниц для стрижки овец. Для обработки и транспортировки зерна в хозяйстве в большом количестве имелись деревянные лопаты, железные насыпки и скребки, две сотни холщовых мешков, десятки телег, конская упряжь.

В имении этой же семьи при сельце Дмитриевка Козловского уезда насчитывалось 760 десятин земли, из них 130 десятин с посевами озимой ржи и 80 десятин с посевами озимой пшеницы; хранилось 900 пудов льняного семени и 1200 пудов озимой пшеницы. Постройки на усадьбе: деревянный одноэтажный флигель, кухня, каменный амбар (все постройки под железными крышами), деревянные конюшни и амбар, плетневый скотный двор и каменная рига, крытая соломой, с двумя въездами. Очень солидный по тем временам «гараж» (городские сани, фаэтон с верхом, 4-местное ландо, дуга городская и др.). Все недвижимое имущество было оценено в 79800 руб.

В 1898 г. один из самых крупных предпринимателей купец С.Ф. Михайлов владел в Моршанском уезде «круподельной машиной» оценочной стоимостью в 2000 руб. По данным на 1900 г., за ним числилось 1762 десятины земли в селе Грязнуха Чембарского уезда Пензенской губернии. В имении находился конный завод и семенное хозяйство²³.

Наиболее активные и предприимчивые купцы на протяжении ряда лет были повенными дворян-помещиков, по доверенности участвовали в торгах и содержали крупные мельницы и земельные участки в уездах Тамбовской губернии²⁴.

На протяжении всего XIX века Тамбовская губерния была одним из центров производства хлеба и хлебной торговли России. Проведенное исследование показало, что уже в дореформенный период в аграрной Тамбовской губернии было развито купеческое землевладение и землепользование. Если в первой половине XIX века купцы использовали арендованные ими оброчные земли для устройства и эксплуатации перерабатывающих предприятий, то уже в предреформенное время они начали заниматься выращиванием зерновых и животноводством.

²³ Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Т. 2. Издание А.С. Суворина, 1900. С. 265.

²⁴ Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов: Губернская земская типография, 1894. С. 42-61.

Список литературы

1. *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969.
2. *Минарик Л.П.* Система помещичьего хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1962. С. 377-398.
3. *Шапалов В.А.* Дворянское землевладение в Центрально-Черноземном регионе в пореформенный период. М., 1993.
4. *Анфимов А.М.* Некоторые вопросы организации и экономики крупного помещичьего хозяйства в России (Конец XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 1967. № 3. С. 160-168.
5. *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX века. М., 2004.
6. *Тарновский К.Н.* Проблемы аграрно-капиталистической эволюции России (К дискуссии о путях развития капитализма в сельском хозяйстве) // История СССР. 1970. № 3. С. 60-75.
7. *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915. Ч. 1.
8. *Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н.* Отечественное предпринимательство: Очерки истории. М., 1995.
9. *Логашев П.* Несколько слов о крупном частновладельческом хозяйстве. СПб., 1894.
10. *Житин Р.М.* К проблеме изучения роли инноваций в развитии крупных имений в конце XIX – начале XX в. (На материалах Ново-Покровского имения семьи Орловых-Давыдовых в Тамбовской губернии) // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 12. С. 219-224.

11. Житин Р.М. Ново-Покровское имение графа А.А. Орлова-Давыдова. Организация производственного комплекса крупного капиталистического хозяйства // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12 (58). С. 146-149.
12. Житин Р.М. Социальные характеристики рабочих крупных имений в пореформенное время (на материалах Ново-Покровского имения Орлова-Давыдова и Ракитянского имения Юсуповых) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 10 (138). С. 159-166.
13. Житин Р.М. Экономические характеристики хозяйственных комплексов крупных имений на микроуровне (По материалам Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых и Ракитянского имения) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. № 11 (139). С. 258-266.
14. Водарский Я.Е., Иванова Л.В., Истомина Э.Г. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. М., 2001.
15. Ермашов М.Н. Купечество г. Воронежа в последней трети XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010.
16. Наумова Г.А. Дворянские и купеческие усадьбы Подольского уезда Московской губернии в культурной жизни пореформенной России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
17. Петров Ю.А., Савинова Е.Н. Купеческая усадьба: пора расстаться с «синдромом Лопахина» // Отечественная история. 2002. № 6. С. 150-153.
18. Савинова Е.Н. Сельские усадьбы московских предпринимателей конец XIX – начало XX в. М., 2008.
19. Савинова Е.Н. Социальный феномен купеческой усадьбы // Русская усадьба. 2003. Вып. 9 (25). С. 123-130.
20. Щеболева Е.Г. Три поколения купеческих усадеб // Отечественная история. 2002. № 6. С. 153-155.
21. Акользина М.К. Купцы Морозовы из Моршанска // Девятые Всероссийские краеведческие чтения / отв. ред. В.Ф. Козлов. Москва; Воронеж, 2016. С. 611-618.
22. Акользина М.К. Моршанские купцы Тюлюкины в XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Вып. 1 (141). С. 152-157.
23. Орлова В.Д. Родственные, деловые и соседские связи предпринимательских семей городов Тамбова и Моршанска в XIX веке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Вып. 1 (141). С. 133-144.
24. Карнаух О.А. Купеческое землевладение и землепользование в Центрально-Черноземном регионе в 50–90-е годы XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2011.
25. Кашенов А.Т. Государственно-правовое регулирование предпринимательства в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: (по материалам Западной Сибири). Томск, 2010.
26. Колоколов Е.Ф. Указатель законов Российской империи для купечества. М., 1847.
27. Житин Р.М., Топильский А.Г. Социально-экономическая природа помещичьего хозяйства во второй половине XIX – начале XX в. // 7 Бартеневские чтения: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 330-летию со дня рожд. В.Н. Татищева, 200-летию со дня рожд. С.А. Гедеонова, 175-летию со дня рожд. В.О. Ключевского. Липецк, 2016. С. 172-178.

References

1. Anfimov A.M. *Krupnoye pomeshchich'ye khozyaystvo Evropeyskoy Rossii* [Large Landlord Economy in European Russia]. Moscow, 1969. (In Russian).
2. Minarik L.P. Sistema pomeshchich'yego khozyaystva v Rakityanskom imenii Yusupovykh [The system of landlord economy in Rakityanskoe estate of Yusupov]. *Materialy po istorii sel'skogo khozyaystva i krest'yanstva SSSR* [Materials on the History of Agriculture and the Peasantry of the USSR]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1962, pp. 377-398. (In Russian).
3. Shapovalov V.A. *Dvoryanskoye zemlevladieniye v Tsentral'no-Chernozemnom regione v poreformennyy period* [Nobility Land Tenure in Central-Chernozem Region in Post-Reform Period]. Moscow, 1993. (In Russian).
4. Anfimov A.M. Nekotoryye voprosy organizatsii i ekonomiki krupnogo pomeshchich'yego khozyaystva v Rossii (Konets XIX – nachalo XX v.) [Issues of organization and economy of large landlord's household in Russia (Late 19th – early 20th centuries)]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1967, no. 3, pp. 160-168. (In Russian).
5. Kovalchenko I.D. *Agrarnyy stroy Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Agricultural System of Russia in the Second Half of 19th – Early 20th Century]. Moscow, 2004. (In Russian).
6. Tarnovskiy K.N. Problemy agrarno-kapitalisticheskoy evolyutsii Rossii (K diskussii o putyakh razvitiya kapitalizma v sel'skom khozyaystve) [Problems of agrarian-capitalist evolution of Russia (To the discussion

- on the ways of development of capitalism in agriculture)]. *Istoriya SSSR* [History of USSR], 1970, no. 3, pp. 60-75. (In Russian).
7. Ioksimovich C.M. *Manufakturnaya promyshlennost' v proshlom i nastoyashchem* [Manufacturing Industry in the Past and Present]. Moscow, 1915, part 1. (In Russian).
 8. Kuzmichev A.D., Shapkin I.N. *Otechestvennoye predprinimatel'stvo: Ocherki istorii* [Domestic Entrepreneurship: Essays on History]. Moscow, 1995. (In Russian).
 9. Logashev P. *Neskol'ko slov o krupnom chastnovladel'cheskom khozyaystve* [A Few Words About Large Private Household]. St. Petersburg, 1894. (In Russian).
 10. Zhitin R.M. K probleme izucheniya roli innovatsiy v razvitii krupnykh imeniy v kontse XIX – nachale XX v. (Na materialakh Novo-Pokrovskogo imeniya sem'i Orlovkh-Davydovkh v Tambovskoy gubernii) [To the issue about studying of the role of innovations in development of large manors at the end of XIX – the beginning of the XX centuries (On materials of the Orlov-Davydov's New and Pokrovsk manor in the Tambov province)]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i processy – Social and Economic Phenomena and Processes*, 2014, no. 12, pp. 219-224. (In Russian).
 11. Zhitin R.M. Novo-Pokrovskoye imeniye grafa A.A. Orlova-Davydova. Organizatsiya proizvodstvennogo kompleksa krupnogo kapitalisticheskogo khozyaystva [The earl A.A. Orlov-Davydov's New and Pokrovsk estate. Organization of industrial complex of large-scale capitalist enterprise]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i processy – Social and Economic Phenomena and Processes*, 2013, no. 12 (58), pp. 146-149. (In Russian).
 12. Zhitin R.M. Sotsial'nyye kharakteristiki rabochikh krupnykh imeniy v poreformennoye vremya (na materialakh Novo-Pokrovskogo imeniya Orlova-Davydova i Rakityanskogo imeniya Yusupovykh) [Social characteristics of workers in large estates in the post-reform period (On the materials of the New Pokrovsky estate Orlov-Davydov and Rakityansky estate of Yusupovs)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, no. 10 (138), pp. 159-166. (In Russian).
 13. Zhitin R.M. Ekonomicheskiye kharakteristiki khozyaystvennykh kompleksov krupnykh imeniy na mikrourovne (Po materialam Novo-Pokrovskogo imeniya Orlovkh-Davydovkh i Rakityanskogo imeniya) [Economic characteristics of economic systems of large estates at micro level (Novo-Pokrovskoye estate of Orlov-Davydovs and Rakityanskoye estate of Yusupovs)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, no. 11 (139), pp. 258-266. (In Russian).
 14. Vodarskiy Y.E., Ivanova L.V., Istomina E.G. *Dvoryanskaya i kupecheskaya sel'skaya usad'ba v Rossii XVI–XX vv.: istoricheskiye ocherki* [Rural Manor of Nobility and Merchant in Russia in 16th – 20th Centuries]. Moscow, 2001. (In Russian).
 15. Ermashov M.N. *Kupechestvo g. Voronezha v posledney treti XIX – nachale XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Merchantry of the City of Voronezh in the Last Third of 19th – Early 20th Centuries. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2010. (In Russian).
 16. Naumova G.A. *Dvoryanskiye i kupecheskiye usad'by Podol'skogo uyezda Moskovskoy gubernii v kul'turnoy zhizni poreformennoy Rossii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Manors of Nobility and Merchants in Podolskiy County of Moscow Province in the Cultural Life of Post-Reformed Russia. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2009. (In Russian).
 17. Petrov Y.A., Savinova E.N. Kupecheskaya usad'ba: pora rasstat'sya s «sindromom Lopakhina» [Merchant manor: it is time to part with “Lopakhin” syndrome]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 2002, no. 6, pp. 150-153. (In Russian).
 18. Savinova E.N. *Sel'skiye usad'by moskovskikh predprinimateley konets XIX – nachalo XX v.* [Rural Manors of Moscow Entrepreneurs Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, 2008. (In Russian).
 19. Savinova E.N. Sotsial'nyy fenomen kupecheskoy usad'by [Social phenomenon of merchant manor]. *Russkaya usad'ba* [Russian Manor]. 2003, no. 9 (25), pp. 123-130. (In Russian).
 20. Shcheboleva E.G. Tri pokoleniya kupecheskikh usadeb [Three generations of merchant manors]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 2002, no. 6, pp. 153-155. (In Russian).
 21. Akolzhina M.K. Kuptsy Morozovy iz Morshanska [Morozov merchants from Morshansk]. In: Kozlov V.F. (executive ed.). *Devyatyye vserossiyskiye krayevedcheskiye chteniya* [Proceedings of Ninth Russian Local History Readings]. Moscow, Voronezh, 2016, pp. 611-618. (In Russian).
 22. Akolzhina M.K. Morshanskiye kuptsy Tyulyukiny v XIX v. [Merchant family of Tyulyukins from Morshansk in 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, no. 1 (141), pp. 152-157. (In Russian).
 23. Orlova V.D. Rodstvennyye, delovyye i sosedskiy svyazi predprinimatel'skikh semey gorodov Tambova i Morshanska v XIX veke [Related, business and neighbor's relationship of business families of Tambov and

- Morshansk in 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, no. 1 (141), pp. 133-144. (In Russian).
24. Karnaukh O.A. *Kupecheskoye zemlevladieniye i zemlepol'zovaniye v Tsentral'no-Chernozemnom regione v 50–90-e gody XIX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Merchant Land Tenure and Land Use in the Central-Chernozem Region in the 50–90s of the 19th Century. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Belgorod, 2011. (In Russian).
 25. Kashenov A.T. *Gosudarstvenno-pravovoye regulirovaniye predprinimatel'stva v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX v.: (po materialam Zapadnoy Sibiri)* [State-Legal Regulation of Entrepreneurship in the Russian Empire in the Second Half of 18th – First Half of 19th Century: (on Materials of Western Siberia)]. Tomsk, 2010. (In Russian).
 26. Kolokolov E.F. *Ukazatel' zakonov Rossiyskoy imperii dlya kupechestva* [Index of Laws of Russian Empire for Merchants]. Moscow, 1847. (In Russian).
 27. Zhitin R.M., Topilskiy A.G. *Sotsial'no-ekonomicheskaya priroda pomeshchich'ego khozyaystva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Socio-economic nature of landlord's economy in the second half of 19th – early 20th century]. 7 Bartenevskiy chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 330-letiyu so dnya rozhdeniya V.N. Tatishcheva, 200-letiyu so dnya rozhdeniya S.A. Gedeonova, 175-letiyu so dnya rozhdeniya V.O. Klyuchevskogo.* [Proceedings of the International Science Conference: “7th Bartenevskiy Readings”, Dedicated to 330th Anniversary of the Birth of Tatishchev V.N., 200th Anniversary of Birth of Gedeonov S.A., 175th Anniversary of the Birth of Klyuchevskiy V.O.]. Lipetsk, 2016, pp. 172-178. (In Russian).

Информация об авторе

Акользина Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и гуманитарно-педагогического образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: akolmarina@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, набор первичного материала, анализ литературы и архивных источников, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8684-9405>

Поступила в редакцию 18.02.2019 г.

Поступила после рецензирования 12.03.2019 г.

Принята к публикации 28.06.2019 г.

Information about the author

Marina K. Akolzina, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of Linguistics and Humanities and Pedagogical Education Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: akolmarina@yandex.ru

Contribution: main study conception, source material acquisition, literature and archival sources analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8684-9405>

Received 18 February 2019

Reviewed 12 March 2019

Accepted for press 28 June 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-243-249
УДК 93/94

Экономическое значение садово-парковых зон имений помещиков Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века

Руслан Магометович ЖИТИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>, e-mail: istorik08@mail.ru

Economic importance of park and garden zones of landowners' estates of the Tambov Governorate in the second half of the 19th – early 20th century

Ruslan M. ZHITIN

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>, e-mail: istorik08@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловливается необходимостью восполнения историографического пробела в изучении истории садов и парков тамбовских имений. Рассмотрена проблема организации садово-парковых зон владений тамбовских помещиков в пореформенный период. Показаны изменения региональных особенностей ландшафта, композиции, структуры и элементов паркового устройства. Изучены основные причины упадка паркотворчества после 1861 г., особенность этого процесса и глубина. В рамках рассмотрения истоков оскудения зеленых зон тамбовских имений показано влияние экономического кризиса на положение тамбовского помещика. Выявлено, что владельцам требовалось время на хозяйственную адаптацию имений, не хватало средств для налаживания доходных экономий и становления новой системы администрирования собственностью. Применительно к истории тамбовских поместий был выявлен ряд новых направлений паркового искусства (промысловые сады), проанализирован процесс постепенной трансформации регулярного и пейзажного стиля в планировке зеленых зон. Данный материал позволил показать, что благодаря творческой преемственности и накоплению ценнейших практических навыков помещикам дореформенного времени во многом удалось преодолеть разрыв двух эпох, открыть новую страницу в развитии российского паркостроения. С рассмотрением конкретных изменений парковых зон имений Тамбовской губернии был проанализирован материал по владениям Чичериных, Воронцовых-Дашковых, Лодыгиных, Петрово-Солововых, Орловых-Давыдовых. Особенностью садов и парков указанных помещиков являлся симбиоз местной флоры и адаптированных к местным условиям нехарактерных для тамбовской природы образцов. Стремление повысить привлекательность своих парков заставляло владельцев искать новые растения для создания оригинальных экстерьеров. Отдельным аспектом исследования является характеристика промыслового садоводства в тамбовских имениях, специфика лесоводства в крупных экономиях края.

Ключевые слова: садово-парковые зоны; тамбовские имения; помещики; экономическая модернизация; Тамбовская губерния

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-6315.2018.6).

Для цитирования: Житин Р.М. Экономическое значение садово-парковых зон имений помещиков Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 243-249. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-243-249

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to fill the historiographical gap in the study of the parks and gardens history of Tambov estates. We consider the problem of organization of park and garden zones of Tambov landowners' possessions in the post-reform period.

We show changes in regional features of the landscape, composition, structure and elements of the park organization. We study the main reasons for the decline in park creation after 1861, the peculiarity and depth of this process. We show the influence of the economic crisis on Tambov landowner's position as a part of consideration about the sources of green areas depletion of Tambov estates. We reveal that the owners needed time for the economic adaptation of the estates, there was not enough money to establish profitable savings and to form a new property administration system. In relation to the history of Tambov mansions, we identify a number of new areas of park art (commercial gardens). We analyze the process of gradual transformation of the regular and landscape style in the planning of green areas. This material allowed us to show that, thanks to creative continuity and the accumulation of valuable practical skills, landowners of the pre-reform time largely managed to overcome the gap between two epochs, and opened a new page in the development of Russian park-building. Considering the specific changes in the park areas of the Tambov Governorate estates, we analyze the material on the possessions of the Chicherins, Vorontsov-Dashkovs, Lodygins, Petrovo-Solovovs and Orlov-Davydovs. A feature of the parks and gardens of these landowners was a symbiosis of the local flora and samples adapted to local conditions uncharacteristic for the Tambov nature. The desire to increase the attractiveness of their parks forced the owners to look for new plants to create original exteriors. A separate aspect of the study is the characteristic of commercial gardening in Tambov estates, the specificity of forestry in large economies of the region.

Keywords: park and garden zones; Tambov estates; landowners; economic modernization; Tambov Governorate

Acknowledgments: The study is funded by grant of the President of the Russian Federation (МК-6315.2018.6).

For citation: Zhitin R.M. Ekonomicheskoye znachenie sadovo-parkovykh zon imeniy pomeshchikov Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Economic importance of park and garden zones of landowners' estates of the Tambov Governorate in the second half of the 19th – early 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 243-249. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-243-249 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Садово-парковые зоны – самобытный и важный элемент усадебной культуры. С культурой зеленых зон имений связан целый пласт усадебного наследия, связанный с организацией пространства как взаимосвязи природного ландшафта, хозяйственных практик, культурных форм и традиций функционирования.

Парк, в отличие от других частей поместья, существовать отдельно в пространстве усадьбы не мог. Анализ планов обустройства показал, что помещичью усадьбу можно условно разделить на три основных функциональных части, которые создавали планировочную структуру усадебного комплекса [1, с. 15]. Это: 1) парадная зона; 2) садово-парковый комплекс; 3) мемориальная зона; 4) административно-хозяйственная зона (вотчинная контора, хозяйство). Взаимное расположение основных частей поместья определялось функциональной принадлежностью каждой из них в структуре помещичьего комплекса. Если хозяйственная часть располагалась в отдалении и от центра имений, то сады и парки, по всей видимости, никогда

не располагались далеко от парадной и мемориальных зон, создавая особую пространственную организацию владений помещиков [2, с. 11-15].

Для строительства парковых зон выбирали самое живописное место из существующих. Как правило, подавляющее большинство сохранившихся комплексов Центральной России приурочено к водоемам (будь то русло реки или небольшое озеро или ручей), что отражало тип сельского расселения помещиков, стремившихся обустроить свою усадьбу вблизи от водных ресурсов [1, с. 10].

Пореформенное время оставило крайне противоречивый след в истории отечественного паркостроения. Наиболее очевидными явлениями стали измельчение усадебных насаждений, потеря ассамбленого характера парковых зон и промысловое значение зеленых зон имений. В конце XIX века зеленые насаждения в усадьбах российских помещиков не просто представляли собой упорядоченную в пространстве систему организации природного пространства, но и выполняли

утилитарную функцию, обеспечивая владельцев продуктами садового производства.

Ключевой фактор изменений в парковом творчестве — экономические перемены в жизни имений: помещикам требовалось время на хозяйственную адаптацию владений, не хватало средств для налаживания доходных экономий, требовалась выработка новой системы администрирования собственности. Одновременно у помещиков больше не было подневольного крепостного труда, который раньше широко использовался для поддержания внешнего вида насаждений. Особенность многих культурных ландшафтов состоит в том, что они, созданные в рамках человеческой деятельности, не могут полноценно существовать вне антропогенной среды. Поддержание парковой флоры в неизменном виде во многом зависело от местных служащих и, в первую очередь, от садоводов. Они должны были быть компетентными в способах ухода за насаждениями, знать правила очистки водных систем и прудов, следить за текущим состоянием дорожек, мостиков, живых изгородей и т. д.

Современники признавали, что в условиях кризиса широкие расходы на паркостроительство были редкостью. «Частных парков «доброе старое время», принадлежавших прежним помещикам, осталось очень немного». «С тех пор, как прекратилась барщина, сменившись платным трудом, содержание таких предметов роскоши стало многим не под силу» — с сожалением констатировал А. Регель [3, с. 113]. Усадебное строительство все еще продолжалось в имениях богатой дворянской аристократии, традиционно тратившей серьезные суммы на благоустройство родовых гнезд, однако и здесь на первое место выходит промысловое значение зеленых зон.

Упадок усадебного паркового строительства был бы еще очевидным, если бы не развитие совершенно новых направлений в эволюции паркостроительства, развитие форм регулярного и ландшафтного проектирования. Многие приемы, характерные для предыдущих периодов, продолжали существовать и развиваться в пореформенный период. Благодаря творческой преемственности и накоплению ценнейших практических навыков удалось преодолеть разрыв двух эпох, от-

крыть новую страницу в развитии российского паркостроения.

Наиболее полно перемены пореформенного времени отразились на специфике организации французских и английских ландшафтных парков. Французский (регулярный) парк лучше всего передавал амбиции владельца имения, как бы подчеркивая и его материальные возможности. Такие зоны являлись предметом гордости и престижа, обязательными элементами экскурсий в процессе повседневных контактов помещиков друг с другом [4, с. 18-20].

Во второй половине XIX века садово-парковое искусство регулярного типа продолжало развиваться в соответствии со старыми принципами планировки. Одна из самых характерных особенностей регулярного стиля — целостность дворцово-паркового комплекса. Парк регулярного типа всегда примыкал к парадной зоне усадьбы. Сеть внутренних и внешних дорожек была строго унифицирована, подчиняясь принципу симметрии. Все подчеркивало особую роль усадебного дома. Помещик стремился строить его с расчетом на хорошую видимость с отдаленных точек местности. Учитывая это, архитекторы старались придать парадной части черты величия и торжественности.

Отправной точкой английских парков являлось не доминирование над природой, а тонкое следование ей [5, с. 81]. Сказывался здесь и традиционный менталитет россиянина, его стремление к естественной простоте. Описывая характер русского помещика, А. Регель замечал: «Русский человек всегда отличался искренней, неподдельной любовью к природе, перемудрить которую — то есть переиначить на свой лад — ему и в ум не приходило» [3, с. 146].

Парки пейзажного стиля сливались с окружением, границы их нивелировались, физические исчезали даже сами ограды, заменяемые рвом или валом [3, с. 82]. Такой подход способствовал смешению разных функциональных частей имения и его элементов. В комплекс помещичьей усадьбы входил сад, цветник, овраг, лес, дубовая роща, сосновый лес, «ольховый лес, березовый лес, строевой лес, фруктовый сад, покосный луг, оранже-рея, ягодник, пруд, речка, ручей, купальня, родники, игровая площадка (мачта, качели, площадки для тенниса и крокета), беседки,

горки, грот, фонтан, мосты, скамьи, фонари, цветочные вазы, ограда, ворота» [6, с. 23].

При всей парадности регулярного по красоте пейзажного типа паркостроение во второй половине XIX века в чистом виде практически не встречается. Наблюдалось слияние двух стилей, их объединение в одну композицию. Доминирование английского парка приводило к вытеснению регулярной планировки на небольшую территорию, подходящей к жилищу или находящейся в стороне от проездной дороги. «Борьба искусственного начала с естественным, живописным, уже давным-давно улеглась, – замечал по этому поводу А. Регель, – в художественном садоводстве, как и во всех остальных изящных искусствах, не существует «абсолютной красоты» [3, с. 2].

Парк в имении Чичериных носил регулярный характер, однако ближе к реке он переходил в пейзажный массив и сливался с припойменным лесом. Композиционной частью комплекса занимался известный садовод-дизайнер Макзиг, сумевший удачно вписать зеленые насаждения в окрестный ландшафт. Берега реки окаймляли серебристые тополя, которые эффектно контрастировали с темными кронами естественного леса. Общая площадь владельческой комплекса вместе с зеленой зоной составляла более 1700 дес. [7, с. 72].

Регулярная часть старинного парка Воронцовых-Дашковых также эффектно вписывалась в пейзажную часть. Усадебный парк был заложен еще при строительстве усадьбы в конце XVIII века [7, с. 71]. Характерная особенность местной планировки – чередование зеленых насаждений и небольших водоемов (проток), составляющей владельческий вензель Воронцовых-Дашковых («ГВД» – граф Воронцов-Дашков). Со временем парк превратился в огромный массив, занимающий более 15 гектаров. Кроме местных пород в местной планировке использовались экзотические виды деревьев и кустарников, что создавало великолепное впечатление на гостей усадьбы владельца.

При разбивке экономического сада владельцы имений практически не придерживались четко выстроенных композиционных решений, более полагаясь на практичность расположения зеленой зоны для своего хозяйства. Помещичьи сады разбивались в основ-

ном сбоку от парадной зоны [2, с. 11-15]. Вид на садовые насаждения из помещений господского дома, как правило, не устраивался.

В случае прохода в районе имения транзитных дорог фруктовые насаждения разбивались с учетом удобства вывоза урожая. Яркий пример данному направлению находим в крупных тамбовских имениях. В экономии Арбеновых Шацкого уезда Тамбовской губернии был «фруктовый сад с огородом, в нем оранжерея каменная, одна половина покрыта, другая ничем не покрыта. Первая с – фруктовыми деревьями, другая – с цветами»¹.

Специализирующиеся на выращивании плодовых культур селения можно было узнать издали. Они буквально утопали в насаждениях. «За деревней тянулись помещичьи фруктовые сады, – делился своими воспоминаниями помещик М.В. Добужинский, – окруженные плетнями, и дальше шла широкая красивая дорога в большое и богатое село Инжавино (или в просторечии Ржавино – по нашей Ржавке, которая там извивалась)» [8].

Один из самых крупных парков-садов располагался в имении Игнатьева. Основную площадь такого сада Игнатьева занимали плодовые посадки. Большое внимание с самого основания этого парка придавалось эстетической стороне дела, при этом предпочтение отдавалось тем растениям, которые гармоничнее всего сочетались с плодовыми деревьями. Игнатьевым была спланирована постепенная закладка парка-сада – секторами. Площадь каждого сектора занимала от 2 до 4 гектаров. Сектор от сектора отделяется садовозащитной полосой шириной от 40 до 60 метров [9]. Каждая полоса была занята какой-то определенной главной древесной породой: береза бородавчатая, тополь серебристый, сосна обыкновенная, лиственница европейская, дуб черешчатый и так далее, а в междурядья вводились сопутствующие древесно-кустарниковые виды экзотов или местной флоры. Такая планировка парка-сада знаменовала возврат к древнерусской традиции сочетания утилитарных функций сада с художественной.

Особенно активными садоводами были владельцы рациональных латифундий. Типичный пример подобного подхода представляло Ново-Покровское имение А.В. Орлова-Давыдова. С 1885 по 1900 г. площадь

¹ ГАТО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

садовых насаждений в его экономии увеличилась с 60 до 80 дес. В хозяйстве применялись самые современные методики работы с фруктовыми посадками. Весь комплекс операций осуществлялся под контролем профессионального садовника. Несмотря на это, Новопокровское садоводство развивалось нестабильно. Расходы помещика не окупались. В письмах местному управляющему главная контора имений Орлова-Давыдова сообщала, что «в благоустроенных владениях такого быть не должно»². В первое десятилетие XX века ситуацию удалось исправить, создав очередную прибыльную отрасль местного хозяйства.

Проблема сбыта плодовой продукции составляла искать новые формы ее сохранения, в частности, за счет ее консервации и последующей продажи. В начале XX века данную технологию освоили многие помещики России. Благодаря этому их заготовки могли покупать жители отдаленных регионов. В частности, в дореволюционных аптеках продавали консервированное барбарисовое варенье и сироп. Однако несовершенная технология производства и стремление промышленников получить большее количество прибыли обуславливали случаи отравления такими продуктами. Консервирование только входило в гастрономические потребности россиян. И многие начинающие предприниматели приступали к делу без должной подготовки. Побывавший на одном из таких заводов С.Ф. Шарапов отмечал, что «паяние банок с продуктом происходило вручную». Герметичность продукта контролировалась самим рабочим. Он знал, что «хорошая банка вздуется (обоими днами) немного при варке и вогнетса при охлаждении, а плохо запаянная – «поет», то есть начнет свистеть и выпускать воздух». В день один человек «поял» от 1000 до 1200 банок [10, с. 102].

Безусловной особенностью садово-паркового комплекса многочисленных имений тамбовских помещиков является симбиоз местной флоры и фауны и привезенных и адаптированных к местным условиям нехарактерных для тамбовской природы образцов.

Примечателен парк в имении Карай-Салтыковском имении Петрово-Солово. Их родовая усадьба, расположенная на берегу реки Вороны, содержала обширное садо-

во-парковое хозяйство. Сохранились фрагменты двух параллельных аллей, пронизывающих все пространство парка и подходящих к дому. Ассортимент деревьев имения владельца поражает. Сочетание хвойных и лиственных пород деревьев, разных сортов и типов кустарников оставляли приятное ощущение.

Яркий пример симбиоза местных и привезенных из-за рубежа коллекций растений представляет парк в имении Лодыгиных. Доминантой комплекса являлась липовая аллея, к которой по бокам примыкала сосновая и еловая, окружающие яблоневые насаждения. Здесь же находятся уже несколько обмелевших прудов, дополняющих композиционные решения зеленой зоны. Однако главной достопримечательностью местного парка по праву можно считать туевую рощу [11, с. 13]. Из-за сложности посадки и их теплолюбивости туи редко сажали в центральном Черноземье. Как удалось Ивану Лодыгину уберечь ее побег от суровых тамбовских зим, доподлинно не известно, но молодые деревца прижились. Попытки вывести данную породу деревьев в других местах Тамбовщины были безуспешны.

Потребность в парках ограничивали лесные насаждения, располагавшиеся в районах размещения многих усадеб Тамбовщины. Такие пространства часто выполняли рекреационную функцию, служа любимым местом отдыха помещиков. Кроме того, лес в дореформенное время представлял интерес как место для охоты.

Сохранение лесных насаждений практиковалось преимущественно в крупных капиталистических экономиках. Ряд тамбовских владельцев смогли создать уникальное лесное хозяйство, основой которого являлось бережное отношение к природе и ее ресурсам. Показательны мероприятия по эксплуатации лесных насаждений в имениях помещиков Долгоруких. Там находилась обширная дача в 1236,77 десятины. В дореформенное время на территории поместья имелось много мелких полей, которые часто использовались как сельскохозяйственные угодья. В 1911 г. они поступили под олеснение. За основу был взят опыт лесоводства в другом имении Долгоруких – Марсовской экономии. Согласно новым правилам, оборот рубки дуба не должен был быть менее 60 лет, рубка

² ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102. Л. 40.

более мягких пород проводилась только по истечении 40 лет. Лес использовался исключительно для своих надобностей и продавался на постройки местному населению [12, с. 23-24].

Таким образом, отличительной особенностью развития садово-парковых зон тамбовских владельцев в пореформенное время являлось совмещение декоративных функций зеленых насаждений имений с сугубо утили-

тарными, возникшими благодаря возросшей хозяйственной интенсификации крупных поместий Тамбовской губернии. Промышленное значение садово-парковых зон способствовало повышению экономической состоятельности помещичьего хозяйства. В результате усовершенствованные помещичьи комплексы обладали большими возможностями для развития, чем остальные имения Тамбовщины.

Список литературы

1. *Топонрина В.А.* Усадебно-парковые комплексы Центральной России XVIII–XIX вв. в культурном ландшафте: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2011. 23 с.
2. *Гусева С.Е.* Садово-парковый комплекс сельских дворянских усадеб Санкт-Петербургской губернии: типологический аспект: автореф. дис. ... канд. архитектуры. СПб., 2008. 17 с.
3. *Регель А.* Изящное садоводство и художественные сады: историко-дидактический очерк. СПб.: Изд. Г.Б. Винклер, 1896. XII, 448 с.
4. *Пятнов П.В.* Российские сады и парки: историко-культурный аспект // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 1. С. 18-28.
5. *Вергунов А.П., Горюхов В.А.* Русские сады и парки. М., 1988. 412 с.
6. *Романов Л., Бородин С.В., Балабанова Ю. и др.* Концепция государственно-частного партнерства в формировании туристско-рекреационного мегакластера «Усадьбы Подмосковья» // Мир искусств: Вестник международного института антиквариата. 2014. № 4 (08). С. 14-68.
7. Государственные памятники природы Тамбовской области: каталог / под общ. ред. С.В. Журихина. Тамбов, 1989. 110 с.
8. *Добужинский М.В.* Воспоминания / сост., послесл. и коммент. Г.И. Чугунов. М., 1987. URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Dobuzhinsky/mem/> (дата обращения: 03.05.2019).
9. *Житин Р.М.* Садово-парковые зоны тамбовских имений в пореформенное время // Тамбовская помещичья усадьба: взгляд сквозь столетие. URL: https://tambov.ru.net/stead/html/istor_spravka_sad.php (дата обращения: 03.05.2019).
10. *Шарапов С.Ф.* По русским хозяйствам: путевые письма из летней поездки 1892 г. в газ. «Новое время», пополн. и пересмотр.: Хозяйства средней полосы. М., 1893. 232 с.
11. Государственные памятники природы Тамбовской области: списки памятников природы Тамбовской области / под общ. ред. С.В. Журихина. Тамбов, 1981. 38 с.
12. *Воронков А.И.* Краткое описание Земетчинского вотчинного имения ее сиятельства княгини О.П. Долгорукой. К экспонатам на Моршанской сельскохозяйственной выставке 1911 г. Моршанск, 1911. 28 с.

References

1. *Toponrina V.A.* *Usadebno-parkovyye komplekсы Tsentral'noy Rossii XVIII–XIX vv. v kul'turnom landshafte: avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk* [Manor and Park Complexes of Central Russia of the 18th–19th Centuries in a Cultural Landscape. Cand. geogr. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2011, 23 p. (In Russian).
2. *Guseva S.E.* *Sadovo-parkovyy kompleks sel'skikh dvoryanskikh usadeb Sankt-Peterburgskoy gubernii: tipologicheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. arkhitektury* [Garden and Park Complex of Rural Noble Estates of the St. Petersburg Governorate: a Typological Aspect. Cand. arch. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2008, 17 p. (In Russian).
3. *Regel A.* *Izyashchnoye sadovodstvo i khudozhestvennyye sady: istoriko-didakticheskiy ocherk* [Elegant Gardening and Art Gardens: Historical and Didactic Essay]. St. Petersburg, G.B. Vinkler Publ., 1896. XII, 448 p. (In Russian).
4. *Pyatnov P.V.* Rossiyskiye sady i parki: istoriko-kul'turnyy aspekt [Russian gardens and parks: historical and cultural aspect]. *Sovremennyye problemy servisa i turizma – Service and Tourism: Current Challenges*, 2013, no. 1, pp. 18-28. (In Russian).
5. *Vergunov A.P., Gorokhov V.A.* *Russkiye sady i parki* [Russian Gardens and Parks]. Moscow, 1988, 412 p. (In Russian).

6. Romanov L., Borodina S.V., Balabanova Y. et al. Kontseptsiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v formirovaniі turistsko-rekreatsionnogo megaklastera «Usad'by Podmoskov'ya» [The concept of public-private partnership in the formation of the tourist and recreational megacluster "Manors outside Moscow"]. *Mir iskusstv: Vestnik mezhdunarodnogo instituta antikvariata* [World of Arts: Bulletin of the International Institute of Antiques], 2014, no. 4 (08), pp. 14-68. (In Russian).
7. Zhurikhin S.V. (gen. ed.). *Gosudarstvennyye pamyatniki prirody Tambovskoy oblasti: katalog* [State Natural Monuments of the Tambov Region: Catalog]. Tambov, 1989. 110 p.
8. Dobuzhinskiy M.V. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, 1987. (In Russian). Available at: <http://teatr-lib.ru/Library/Dobuzhinsky/mem/> (accessed 03.05.2019).
9. Zhitin R.M. Sadovo-parkovyye zony tambovskikh imeniy v poreformennoye vremya [Garden and park areas of Tambov estates in the post-reform time]. *Tambovskaya pomeshchich'ya usad'ba: vzglyad skvoz' stoletiya* [Tambov Landowner Manor: a Glance Through the Century]. (In Russian). Available at: https://tambov.ru.net/stead/html/istor_spravka_sad.php (accessed 03.05.2019).
10. Sharapov S.F. Po russkim khozyaystvam: putevyye pis'ma iz letney poyezdki 1892 g. v gazety «Novoye vremya»: popolnennyye i peresmotrennyye: Khozyaystva sredney polosy [For Russian Farms: Travel Letters from the 1892 Summer Trip to Newspaper "New Time": Supplemented and Revised: Middle Belt Farms]. Moscow, 1893, 232 p. (In Russian).
11. Zhurikhin S.V. (gen. ed.). *Gosudarstvennyye pamyatniki prirody Tambovskoy oblasti: katalog* [State Natural Monuments of the Tambov Region: Catalog]. Tambov, 1981. 38 p. (In Russian).
12. Voronkov A.I. *Kratkoye opisaniye Zemetchinskogo votchinnogo imeniya eye siyatel'stva knyagini O.P. Dolgorukoy. K eksponatam na Morshanskoy sel'skokhozyaystvennoy vystavke 1911 g.* [Brief Description of Zemetchinsky Patrimonial Estate of Her Excellency Princess O.P. Dolgorukaya. For Exhibits at the Morshansk Agricultural Exhibition 1911]. Morshansk, 1911, 28 p. (In Russian).

Информация об авторе

Житин Руслан Магомедович, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра фрактального моделирования социальных и политических процессов. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: istorik08@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, работа с архивными документами и материалами, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>

Поступила в редакцию 31.05.2019 г.

Поступила после рецензирования 21.06.2019 г.

Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the author

Ruslan M. Zhitin, Candidate of History, Research Worker of Center for Fractal Modeling of Social and Political Processes. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: istorik08@mail.ru

Contribution: study conception, work with archival documents and materials, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>

Received 31 May 2019

Reviewed 21 June 2019

Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-250-259
УДК 929.7

К истории наследования титула и фамилии графов Перовских Михаилом Михайловичем Петрово-Соловово в 1907 г.: юридические нормы и архивная реконструкция обстоятельств

Ксения Владимировна ДОНИК^{1,2}

¹ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории (дом Н.П. Лихачева)
Российской академии наук»

197110, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

²АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

191187, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7179-5897>, e-mail: extale@mail.ru

On the history of the title and surname inheritance of Counts Perovsky by Mikhail Mikhailovich Petrovo-Solovovo in 1907: legal norms and archival reconstruction of circumstances

Kseniia V. DONIK^{1,2}

¹St. Petersburg Institute of History (N.P. Lihachov Mansion) of the Russian Academy of Sciences
7 Petrozavodskaya St., St. Petersburg 197110, Russian Federation

²European University at St. Petersburg

6/1A Gagarinskaya St., St. Petersburg 191187, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7179-5897>, e-mail: extale@mail.ru

Аннотация. На основании новых, ранее не вводившихся в научный оборот, архивных источников освещаются неизвестные обстоятельства передачи титула и фамилии графов Перовских М.М. Петрово-Соловово – государственному деятелю, представителю древней аристократической фамилии, владевшему имением в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. В различных краеведческих интерпретациях, современных периодических изданиях, так или иначе транслирующих исторический нарратив о последнем владельце Карай-Салтыковской усадьбы, обычно встречается большое разнообразие версий того, как М.М. Петрово-Соловово стал графом Перовским (в основном упоминается унаследование титула от матери). Целью данного исследования является подробная реконструкция передачи титулованной фамилии Перовских в соответствии с законодательством Российской империи начала XX века. Методологически исследование построено на источниковедческой критике документов и анализе законодательства о дворянских фамилиях с опорой на данные генеалогических исследований разных лет, особое внимание уделено историческому контексту анализируемых событий. Доказано, что инициатива передачи происходила от тетки М.М. Петрово-Соловово – фрейлины императрицы, графини В.Б. Перовской, которая, предварительно заручившись разрешением императора, смогла начать формальный процесс передачи, хотя по законодательству как лицо женского пола не имела таких прав. Статья вносит новые сведения как в российскую генеалогическую историографию в целом, так и в историю рода Петрово-Соловово и тамбовское краеведение в частности.

Ключевые слова: Петрово-Соловово; Перовские; титулы; краеведение; аристократия; правоприменение

Для цитирования: *Доник К.В.* К истории наследования титула и фамилии графов Перовских Михаилом Михайловичем Петрово-Соловово в 1907 г.: юридические нормы и архивная реконструкция обстоятельств // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 250-259. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-250-259

Abstract. We highlight unknown circumstances of the title and surname transfer of Counts Perovsky to M.M. Petrovo-Solovovo – a statesman, a representative of an ancient aristocratic family who owned an estate in the Kirsanovsky County of the Tambov Governorate on the basis of new archive sources that were not previously introduced into scientific circulation. In various local history interpretations, modern periodicals that somehow transmit a historical narrative about the last owner of the Karay-Saltykovsky estate, there is a wide variety of versions of how M.M. Petrovo-Solovovo became Count Perovsky (mainly the title inheritance from mother is mentioned). The purpose of this study is a detailed reconstruction of the titled surname Perovsky transfer in accordance with the legislation of the Russian Empire at the beginning of the twentieth century. Methodologically the study is based on historiographic criticism of documents and analysis of legislation on noble surnames based on the data of genealogical studies of different years. We pay special attention to the historical context of the analyzed events. We prove that the transfer initiative came from M.M. Petrovo-Solovovo's aunt – maid of honor of the Empress, Countess V.B. Perovskaya, who, having previously secured the permission of the emperor, was able to begin the formal transfer process, although under the law as a female person she did not have such rights. We introduce new information both in Russian genealogical historiography as a whole, and in the history of the Petrovo-Solovovo clan and Tambov's local history in particular.

Keywords: Petrovo-Solovovo; Perovsky; titles; local history; aristocracy; law enforcement

For citation: Donik K.V. K istorii nasledovaniya titula i familii grafov Perovskikh Mikhailom Mikhaylovichem Petrovo-Solovovo v 1907 g.: yuridicheskiye normy i arkhivnaya rekonstruktsiya obshchitel'stv [On the history of the title and surname inheritance of Counts Perovsky by Mikhail Mikhaylovich Petrovo-Solovovo in 1907: legal norms and archival reconstruction of circumstances]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 250-259. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-250-259 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Дворянский род Петрово-Соловово, восходивший к XV столетию, через брачные узы был связан со многими представителями русских титулованных фамилий. Однако сам род Петрово-Соловово не был титулованным. Он имел татарское происхождение и восходил к старейшей допетровской аристократии, связанной с царской династией одним браком (сын Ивана IV царевич Иван Иванович был женат вторым браком на Феодосии Михайловне Соловой (в постриге Параскева, ум. 1620)) [1, с. 88; 2, с. 360; 3, с. 482; 4, с. 22-23], и был включен в систему государева двора: вся мужская линия была представлена служащими в системе придворных чинов¹. В XVIII–XIX веках эта тенденция сохранялась, старшая ветвь рода Петрово-Соловово имела придворные звания, а дети служили в привилегированных полках, в частности, в первой половине XIX века история «тамбовской» ветви Петрово-Соловово была связана с Кавалергардским полком, шефом которого при Николае I была императрица Александра Федоровна, крестившая

вместе с великим князем Михаилом Павловичем их детей.

История Кирсановского уезда с акцентом на социальные, историко-биографические и генеалогические исследования традиционно составляет большую часть тамбовского краеведения [5–8]. Представленный очерк является одной из первых отдельных работ, посвященных истории рода Петрово-Соловово. В связи с этим считаем необходимым пояснить одно словоупотребление, встречающееся в статье. Мы предлагаем условно называть «тамбовской» ветвью рода Петрово-Соловово потомков Федора Николаевича Петрово-Соловово (1763–1826), полковника, женатого на княжне Анне Григорьевне Щербатовой [1, с. 90]. Их наследники – два сына Григорий Федорович и Михаил Федорович Петрово-Соловово² в XIX – начале XX века владели, соответственно, имениями в Кирсановском и Тамбовском уездах Тамбовской губернии [9]. Михаил Михайлович Петрово-Соловово, получивший графский титул в 1907 г., был представителем *тамбовско-кирсановской* ветви фамилии. Такое обо-

¹ Родословная роспись с указанием служебных должностей представителей рода по мужской линии содержится: Дело о дворянстве рода Петрово-Соловово // РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 2204. Л. 6.

² Всего в браке было шестеро детей: три сына (Николай умер в молодости) и трое дочерей Наталия (Ланская), Ольга (Кошелева) и Анастасия (Вреде) [1, с. 90].

значение представляется целесообразным для конкретизации описания, так как одновременно существовали и другие линии этого рода.

В соответствии с представлениями о родовитости своей фамилии, ее знатности, аристократичности, по всей видимости, среди членов тамбовской ветви существовала «брачная стратегия», которая соблюдалась на протяжении всего XIX века. Исходя из специальной историографии, посвященной изучению отдельных аристократических родов в Российской империи, под «брачной стратегией» можно понимать стремление сохранить символический статусный капитал семьи путем заключения браков с представителями из равных по родовитости семей. Аналогичные тенденции, длительные и в общем характеризующие не одно поколение рода, в XIX веке можно наблюдать в некоторых аристократических семьях [10, с. 68-72]. В древнем роде Петрово-Соловово мужчины тамбовской и кирсановской ветви женились либо на титулованных дворянках с «громкими» фамилиями (представительницы княжеских родов Щербатовых, Гагариных и Долгоруковых), либо на представительницах таких же древних, но не титулованных аристократических родов из шестой части Родословных книг (например, Сухово-Кобылины), знатность которых могла быть противопоставлена многим титулам, обретенным в послепетровское время [11, с. 62-63]. Необходимо отметить, что в первом случае невесты были не только «родовитыми», но и обязательно числились среди фрейлин императриц. В 1869 г. Михаил Григорьевич Петрово-Соловово (внук Федора Николаевича и представитель «кирсановской» линии рода) женился на фрейлине двора ее величества графине Марии Борисовне Перовской (1845–1890), дочери генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта, члена Государственного совета графа Бориса Алексеевича Перовского (1814–1881) [1, с. 85-86], получившей придворное звание в 1865 г. Графский титул этой семейной линии Перовских достался от бездетного Льва Алексеевича Перовского (1792–1856), министра внутренних дел (1841–1852) и министра уделов (1852–1856) [12, с. 505-507; 13, с. 268] в николаевское царствование. Перовские были внебрачными детьми графа А.К. Разумовского и М.М. Соболевской, получившими эту

фамилию по одному из подмосковных владельческих сел А.К. Разумовского – Перово [1, с. 85; 14, с. 96]. Как следует из архивных документов, младшие (Борис и София) в 1823 г. были возведены в дворянское достоинство³, однако титулованным род не был вплоть до личного пожалования титулами при Николае I. Титул графа Л.А. Перовскому был пожалован 3 апреля 1849 г. [12, с. 505] и, согласно его воле, объявленной им незадолго до смерти, именным указом Правительствующему сенату 20 ноября 1856 г. [15, с. 439] был передан его младшему брату – Борису Алексеевичу Перовскому. Эта передача состоялась по причине того, что сам Л.А. Перовский был бездетен, а средний брат Василий Алексеевич Перовский был пожалован графским титулом 17 апреля 1855 г. [16, с. 514]. По практике наследования титулов (в данном случае, членами одной фамилии и герба), действовавшей до 1863 г., титул получали жена и все нисходящее потомство.

Таким образом, сначала получив графский титул, а потом и придворное звание фрейлины, Мария Борисовна Перовская вышла замуж за нетитулованного, но «родовитого» Михаила Григорьевича Петрово-Соловово. Согласно положению, закрепленному в «Законах о состояниях», женщина при вступлении в брак перенимала фамилию и «состояние» мужа, соответственно, если фамилия была нетитулованной, то и свой титул она утрачивала, хотя в официальных документах, как правило, указывалось ее происхождение и фамилия до брака⁴. Первым на свет в этом союзе 11 мая 1870 г. появился Михаил Михайлович Петрово-Соловово, человек с очень разносторонними интересами, государственный деятель, служивший в Канцелярии Министерства иностранных дел первым секретарем⁵, принимавший активное участие в общественной жизни России начала XX века, и имя которого тесно связано с деятельностью тамбовского (кир-

³ Правительствующего Сената, департамента Герольдии дело о передаче дворянину Михаилу Михайловичу Петрово-Соловово фамилии, титула и герба графов Перовских, 1907 год // РГИА. Ф. 1343. Оп. 42. Д. 38. Л. 36-36об.

⁴ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857. Ст. 5, 42.

⁵ Правительствующего Сената, департамента Герольдии дело... Л. 31.

сановского) земства; впоследствии в браке родились еще две дочери и сын (Григорий Михайлович). По разрозненным документам, находящимся в различных архивохранилищах, можно заключить, что уже в зрелом возрасте М.М. Петрово-Соловово целенаправленно пытался найти формальные основания для получения титула: так, в одном историческом сочинении он обнаружил, что некто Соловой в XVI веке был назван князем. После этой находки он запросил справки из архива придворного ведомства, однако, результатов это не принесло⁶. Почему он так стремился стать титулованным дворянином, и было ли это как-то связано с представлениями о знатности рода – ответ на этот вопрос во многом еще остается исследовательской задачей. Как уже отмечалось в историографии, «из всех родовых титулов лишь титулы великого князя и князя императорской крови по закону сообщали их обладателям существенные права... Принадлежность же к прочим титулованным дворянским родам сама по себе не давала никаких особых прав...» [11, с. 62]. Однако причастность к кругу титулованных аристократов в Европе всегда была предметом особой «аристократической гордости» и залогом будущих не только символических, но и вполне материальных инвестиций [17, с. 58-66].

На сегодня из общих сведений о роде Петрово-Соловово известно, что в 1907 г. Михаил Михайлович стал *графом Перовским*-Петрово-Соловово, унаследовав фамилию и титул Перовских. Но каким образом? Никого из представителей семьи Перовских по мужской линии на 1907 г., кто формально бы мог инициировать передачу титула и фамилии, уже не было в живых. Мать – Мария Борисовна Перовская, скончавшаяся в 1890 г. от чахотки⁷, и при жизни не имела юридического права передачи титула и фамилии: специальные правила о передаче дворянских титулов, введенные в дополнение к соответствующему разделу Законов о состояниях, 23 декабря 1863 г., гласили, что «*передать и принимать фамилии, гербы и титулы мо-*

гут только лица мужского пола»⁸. Таким образом, даже если М.М. Петрово-Соловово стремился наследовать не столько титул, сколько фамилию Перовских в память о матери и ее семье, не было уже никого, кто бы обладал таким правом передачи.

Вопрос о получении титула и фамилии графов Перовских М.М. Петрово-Соловово – еще один неизвестный в генеалогической историографии исключительный прецедент с передачей титула пресекающейся фамилии не только по женской линии, но и по инициативе заявителя женского пола. Согласно соответствующим нормам «Законов о состояниях», дворянин, не имевший наследников или родственников мужского пола, должен был при жизни озадачиться вопросом передачи своей фамилии, герба и титула (если он имелся): либо ближайшему родственнику, либо мужу родственницы, носившей фамилию до брака [18, с. 53]. Практика передачи титулованных фамилий по женской линии существовала со времени Павла I⁹, известен также ряд таких решений, которые в каждом случае утверждались исключительно монархом [19, с. 63-64]. Однако, как было сказано выше, лицо женского пола формально не могло выступать инициатором передачи. В XIX веке в связи с ужесточением законодательства, регламентирующего вопросы преемственности фамилий и титулов в подобных случаях, такая практика официально была не предусмотрена. Единственным способом преодолеть нормативный барьер для заявительницы было обращение на высочайшее имя.

Архивный поиск ответа на вопрос о том, как М.М. Петрово-Соловово получил титулованную фамилию Перовских, привел к обнаружению ранее не известных источников, которые прояснили этот важный для истории рода и генеалогических изысканий в целом момент. Как удалось установить, *формальная инициатива передачи титула и фамилии*

⁶ Письмо М.М. Петрово-Соловово А.В. Половцову // ОР РНБ. Ф.601. (Половцовы) Ед. хр. 615. Л. 2.

⁷ Письмо И.В. Помяловскому от М.М. Петрово-Соловово из Швейцарии // ОР РНБ. Ф. 608 (Помяловский И.В.). Оп. 1. Ед. хр. 1121. Л. 1-2.

⁸ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, опубликованное 23 декабря. О порядке передачи дворянами фамилий, гербов и титулов // ПСЗРИ [Собрание Второе]. Т. 38. 1863. № 40217. С. 166.

⁹ Е.П. Карнович указывал на эпоху Петра I как время, в которое впервые такие практики стали появляться, но затем до Павла I о случаях передачи фамилий и титулов по женской линии не было известно [19, с. 96].

Перовских в 1907 г. исходила от родной тетки М.М. Петрово-Соловово по материнской линии – графини Веры Борисовны Перовской, фрейлины императрицы, единственной на тот момент здравствующей представительницы этой почти угасшей фамилии. 22 декабря 1906 г. в Канцелярию по принятию прошений на Высочайшее имя приносимых поступило прошение графини В.Б. Перовской о передаче ее племяннику – камергеру Высочайшего двора – Михаилу Петрово-Соловово *с нисходящим потомством* фамилии и титула графов Перовских с присоединением к его фамилии¹⁰. Основной причиной передачи, как и полагалось в подобных случаях, указывалась смерть последнего представителя рода по мужской линии – родного брата В.Б. Перовской – графа А.Б. Перовского¹¹. В предварительной записке министра юстиции И.Г. Щегловитова [20], которая сопровождала документы для рассмотрения императором, указывается, что прошение сопровождало соглашение М.М. Петрово-Соловово о принятии фамилии и титула Перовских – необходимый документ для начала делопроизводства в таком случае¹². Затем, по всей видимости, узнав о том, что передача фамилии по женской линии, согласно правилам 1863 г., передается «только одному лицу, и лишь в случае смерти потом сего последнего другому»¹³, графиня Перовская изменила свое ходатайство, прося передать фамилию и титул одному М.М. Петрово-Соловово. Как мы увидим впоследствии, эта тактика оказалась верной, поскольку просить императора изменить сразу несколько положений закона 1863 г. было достаточно проблематично.

Прецедент потребовал изменения установленного порядка делопроизводства. По нему дело начинало рассматриваться в Сенате по Департаменту герольдии, затем поступало в Государственный совет и на заключительной стадии оказывалось на рассмотрении

у императора. В случае с передачей титула и фамилии по воле графини М.Б. Перовской, необходимо сначала было получить разрешение императора на рассмотрение дела в Сенате. В приложенной к документам записке, составленной И.Г. Щегловитовым для императора, пояснялось, что министерство юстиции, обратившись к своим архивам, обнаружило два аналогичных прецедента в прошлом, по которым было допущено изменение закона «по особым Высочайшим повелениям»¹⁴. На основании этих случаев И.Г. Щегловитов делал представление о возможном получении согласия императора на начало рассмотрения дела в Правительствующем сенате.

На какие же примеры опиралось министерство юстиции в этом вопросе? В папке с бумагами, поступившими к царю, были выписки решений по двум случаям аналогичных передач титулованных фамилий от заявителя женского пола. В отличие от случая Перовских, они относительно известны в историографии как прецеденты подобного рода в дореволюционной правоприменительной практике. Известно, что титул князей Ромодановских в свое время перешел к роду Ладыженских, которые получили именование Ладыженских князей Ромодановских [11, с. 63; 19, с. 96]. Однако передача титула угасающему роду Ладыженских в конце XIX века также не спасла бы фамилию от забвения. Поэтому в 1890 г. княгиня Софья Ромодановская-Лодыженская ходатайствовала перед императором о передаче принадлежащих ей титула и фамилии своему родственнику – Александру Шебеко. Для этого она получала согласие императора просить в Сенате о рассмотрении ее вопроса, *«не стесняясь тем обстоятельством, что ходатайство это заявлено лицом женского пола»*¹⁵. Эта формулировка монаршего заключения впоследствии войдет и в дело Перовских – Петрово-Соловово.

Второй прецедент заключал в себе уже случай 1906 г., когда по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел Николай II подписал указ Сенату о рассмотрении дела вдовы надворного советника Елены Хотинской, урожденной Пановой, о предоставле-

¹⁰ Дело Первого департамента Министерства юстиции Гражданского отделения по III делопроизводству. По всеподданнейшему прошению графини Веры Перовской о передаче ее племяннику Петрово-Соловово фамилии и титула // РГИА. Ф. 1405. Оп. 394. Д. 12. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же.

¹³ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, опубликованное 23 декабря. О порядке передачи дворянами фамилий, гербов и титулов... С. 166.

¹⁴ По всеподданнейшему прошению графини Веры Перовской ... Л. 6.

¹⁵ Там же.

нии права ее несовершеннолетнему сыну носить фамилию Панов-Хотинский «с тем, чтобы в нисходящем его потомстве фамилия Панов переходила всегда к одному только старшему в роде»¹⁶. Последнее условие соответствовало правилам Государственного совета 1863 г.

Следует еще раз подчеркнуть, что указанные прецеденты являлись юридическим основанием для обращения в Сенат, то есть еще не являясь гарантией такой передачи. Они санкционировались императором, однако, сама возможность передачи и вся сопутствующая ей проверка документов, сбор сведений, основательность претензий на фамилию и титул рассматривались в Сенате. В случае с Перовскими и Петрово-Соловово дело облегчалось тем, что представителей обеих фамилий царь знал лично, они принадлежали к двору и носили высшие свитские звания, поэтому вероятность положительного вердикта Сената была велика [21, с. 255-257].

После подачи прошения на Высочайшее имя графиня В.Б. Перовская получила уведомление о том, что ее прошение было внесено в Сенат «на основании статьи 13 приложений к статье 79 [Законов о состояниях], не стесняясь тем обстоятельством, что просьба эта заявлена лицом женского пола»¹⁷. Из последующих в деле бумаг становится понятно, что это произошло 24 января 1907 г. Ссылка на статью 13 Приложений указывала на добавленный в 1906 г. к правилам Государственного совета 1863 г. пункт о том, что «передача фамилий, гербов и титулов совершается не иначе, как с Высочайшего соизволения по рассмотрении поданного о сем прошения в установленном порядке, в Департаменте Герольдии Правительствующего сената и потом в Первом Департаменте Государственного совета»¹⁸.

В Сенате прошение В.Б. Перовской рассматривалось три месяца, и 27 марта 1907 г. была подготовлена резолюция Сената, которая основывалась на большой исторической справке о роде и титуле Перовских, а также родстве Петрово-Соловово с ними. Необходимые для передачи фамилии и титула сведения заключались в истории получения ти-

тула Перовскими (Львом Алексеевичем в 1849 г. «по его заслугам», передан Борису Алексеевичу Перовскому), в справках о подтверждении дворянства и выписками из родословных книг, свидетельствах о том, что на момент передачи не было в живых ни одного представителя рода Перовских по мужской линии, и, наконец, подтверждении родства М.М. Петрово-Соловово с Перовскими. На последнем следует акцентировать внимание особо, так как Сенат в своих документах пользовался такой формулировкой родства, в которой указывалось, что М.М. Петрово-Соловово – внук графа Б.А. Перовского и племянник В.Б. Перовской: упоминания о матери мы нигде не встречаем. Таким образом, титул переходил как бы от деда по ходатайству тетки, а не от матери, как следует из краеведческого мифа Тамбовской области. В данном случае получала отражение неправоподобность женщины выступать как бы «хранительницей» титула, характерная для дореволюционного законодательства о правах наследования титулов и фамилий высшим сословием, исторически отражающая служилый характер российской государственности.

Сенат завершал свою резолюцию желательным для просителей вердиктом: дозволением М.М. Петрово-Соловово «присоединить к своей фамилии и гербу фамилию, герб и титул графов Перовских и именоваться впредь «графом Перовским-Петрово-Соловово»¹⁹.

Впоследствии дело поступило в Государственный совет и слушалось на заседании 28 мая 1907 г. в Мариинском дворце²⁰. На рассмотрение Государственного совета Сенат отправил полный пакет документов, включая все исторические справки, родословную роспись Перовских, а также выписку Приложений к статье 79 Законов о состояниях. В Государственном совете вопрос был одобрен, и 13 июня 1907 г. в Петергофе Николай II утвердил постановление Сената и Государственного совета²¹.

На этом вопрос о передаче титула и фамилии формально был завершён. Однако, согласно пунктам Приложения и двум прецедентам, на которые опирался министр юс-

¹⁶ По всеподданнейшему прошению графини Веры Перовской ... Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 19.

¹⁹ Там же. Л. 15об.

²⁰ Там же. Л. 18.

²¹ Там же. Л. 25.

тиции, делая всеподданнейший доклад, титул и фамилия в семье Перовских-Петрово-Соловово переходили по наследству только одному самому старшему в роде. Это означало, что при жизни титулованного отца сын не мог носить этот титул и фамилию, а после его смерти он бы доставался только старшему сыну. М.М. Перовский-Петрово-Соловово имел двоих детей – сына Николая (1895 г. р.) и дочь Марию (1894 г. р.) от брака с княгиней Варварой Николаевной Долгоруковой. По всей видимости, опасаясь, что продолжение рода по каким-то причинам может быть поставлено под вопрос, граф М.М. Перовский-Петрово-Соловово 9 ноября 1907 г. представил свое прошение на Высочайшее имя о позволении «присоединить фамилию, герб и титул графов Перовских к своим в изъятие из указанных ныне ограничений»²². Прошение сопровождала записка М.М. Перовского-Петрово-Соловово частного характера, из которой следует, что перед его подачей граф консультировался с министром. В ней он упоминал о еще одном исключении из правил, бывшем в 1906 г.: супруга адъютанта великого князя Владимира Александровича М.Ф. Беляева, урожденная Ридигер, просила о том, чтобы ей, мужу и потомству разрешено было именоваться Ридигер-Беляевыми²³. Резолюция Николая II по этому ходатайству об отступлении от нормативных актов последовала 3 января 1908 г. в Царском Селе. По всей видимости, в этот раз министр юстиции не занял сторону просителя: царь выносил резолюцию, основываясь на уже подготовленном «мнении» министра, изложенном в записке или всеподданнейшем докладе. Из текста прилагаемой в деле резолюции следует, что И.Г. Щегловитов оказал на исход этой просьбы большое влияние. «Я нахожу, – писал он, – что действующие ныне правила о порядке передачи дворянских фамилий, гербов и титулов... изданы 4 ноября

1863 г. с целью лишь сохранения в роде памяти об угасшей фамилии или титула, но не для распространения таковых в потомстве родственников...»²⁴. Министр, аргументируя свою позицию, также пояснял, что все известные случаи такой передачи с распространением на все потомство касались «лишь фамильных прозвищ, но не почетных титулов...»²⁵. Пример распространения переданной фамилии на все потомство в случае с Беляевыми-Ридигерами, на который ссылался граф М.М. Перовский-Петрово-Соловово, по пояснению И.Г. Щегловитова, был «вполне исключительный и едва ли может служить примером... в пользу просителя...»²⁶. Кроме того, решение о распространении титула всем детям графа при его жизни противоречило не только законодательству, но и положению Первого департамента Государственного совета, вынесенного в его пользу 13 июня 1907 г. Резолюция императора от 3 января 1908 г. постановила отклонить прошение графа М.М. Перовского-Петрово-Соловово. Таким образом, попытка фактически по одному и тому же вопросу просить об исключении из законного распорядка оказалась невозможной.

Показанная выше история, помимо содержательной части о правоприменительных практиках, действовавших в подобных вопросах в России начала XX века, являет собой пример работы высшей бюрократии в этот период, роль министерского окружения Николая II в принятии решений. Полностью сохранившееся в РГИА делопроизводство по случаю передачи титула и фамилии графу М.М. Перовскому-Петрово-Соловово позволяет не только приблизиться к истине в этой истории и исключить различные, не соответствующие действительности версии, но и подробно увидеть каждый этап решения подобных вопросов в государственных учреждениях позднеимперского времени.

²² По всеподданнейшему прошению графини Веры Перовской... Л. 32-32об.

²³ Там же. Л. 33-33об.

²⁴ Там же. Л. 38.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 38об.

Список литературы

1. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2.
2. Новиков Н.И. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга): в 2 ч. М., 1787. Ч. 2.
3. Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской империи: в 2 т. / сост. Гр. Александр Бобринский. СПб., 1890.

4. Леонтьев Д.Н. Материалы для родословия дворян Леонтьевых и Петрово-Соловых. Казань, 1881.
5. Двухжилова И.В. Борис Николаевич Чичерин: штрихи к портрету земского деятеля // Вестник ТГТУ. 2006. Т. 12. № 1. С. 244-247.
6. Житин Р.М. Имение Мара рода Боратынских в Тамбовской области // 8 Бартевские чтения: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютин, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова. Липецк, 2018. С. 181-186.
7. Житин Р.М., Топильский А.Г. Социально-культурные особенности развития имения Чичериных в селе Караул Тамбовской области // 8 Бартевские чтения: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютин, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова. Липецк, 2018. С. 186-190.
8. Ульянов А.Е. Земельные ресурсы основных собственников Кирсановского уезда Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века // Актуальные проблемы истории, политики и права: сб. ст. 5 Всерос. науч.-практ. конф. Пенза: РИО ПГАУ, 2017. С. 62-67.
9. Доник К.В. История семьи Г.Ф. и Н.А. Петрово-Соловова и их родовые имения в Кирсановском уезде Тамбовской губернии в первой половине XIX в. // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: материалы 25 юбилейной ежегодной Междунар. науч. конф.: в 4 т. СПб., 2019. Т. 1. С. 155-161.
10. Мельцин М.О. Судьба старинного российского дворянства в конце XVIII – начале XX века: князья Долгоруковы в системе общественных отношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.
11. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991.
12. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001.
13. Андреева Е.А., Андреева Т.В., Косопкин А.С. и др. Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917 / под ред. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, В.Н. Плешкова и др. СПб., 2008.
14. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000.
15. Долгоруков П.В. Российская родословная книга: в 4 ч. СПб., 1857. Ч. 4.
16. Долгоруков П.В. Российская родословная книга: в 4 ч. СПб., 1856. Ч. 3.
17. Ливен Д. Аристократия в Европе 1815–1914. СПб., 2000.
18. Канторович Я.А. Законы о состояниях: (свод законов Т. IX, изд. 1899 г., по Прод. 1906, 1908 и 1909 гг.): с разъяснениями, извлеч. из: Кодификационной объяснительной записки к Законам о состояниях, изд. 1899 г. [и др.]. СПб., 1911.
19. Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886.
20. Соловьев Ю.П. Иван Григорьевич Щегловитов // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 24-48.
21. Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.

References

1. Lobanov-Rostovskiy A.B. *Russkaya rodoslovnaya kniga* [Russian Genealogy Book]. St. Petersburg, 1895, vol. 2. (In Russian).
2. Novikov N.I. *Rodoslovnaya kniga knyazey i dvoryan rossiyskikh i vyyezzhikh (Barkhatnaya kniga): v 2 ch.* [Genealogy Book of Russian and Non-Resident Princes and Nobility (Velvet Book): in 2 pts]. Moscow, 1787, pt 2. (In Russian).
3. Bobrinskiy A.A. *Dvoryanskiye rody, vnesennyye v Obshchiy Gerbovnik Vserossiyskoy imperii: v 2 t.* [Noble Clans Included in the General Herb of the All-Russian Empire: in 2 vols.]. St. Petersburg, 1890. (In Russian).
4. Leontyev D.N. *Materialy dlya rodosloviya dvoryan Leont'yevykh i Petrovo-Solovykh* [Materials for the Genealogy of the Nobles Leontiev and Petrovo-Solovy]. Kazan, 1881. (In Russian).
5. Dvukhzhilova I.V. Boris Nikolaevich Chicherin: shtrihi k portretu zemskogo deyatelya [Boris Nickolaevich Chicherin: Characteristic Traits of Zemstvo Outstanding Figure]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Transactions of the Tambov State Technical University*, 2006, vol. 12, no. 1, pp. 244-247. (In Russian).
6. Zhitin R.M. Imeniye Mara roda Boratynskikh v Tambovskoy oblasti [Mara estate of the Boratyn family in the Tambov Region]. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchikhsya deyatelya Rossii: Aleksandra II, N.A. Milyutina, S.M. Solovyeva, I.S. Turgeneva, M.N. Katkova «8 Bartenevskie chteniya»* [Proceedings of the All-

- Russian Scientific Conference with International Participation, Dedicated to the 200th Anniversary of Birth of the Prominent Figures of Russia: Alexander II, N.A. Milyutin, S.M. Solovyev, I.S. Turgenev, M.N. Katkov "8th Bartenevskiye Readings"]. Lipetsk, 2018, pp. 181-186. (In Russian).
7. Zhitin R.M., Topilsky A.G. Sotsial'no-kul'turnyye osobennosti razvitiya imeniya Chicherinykh v sele Karaul Tambovskoy oblasti [Social and cultural characteristics of the development of the Chicherin estate in the village of Karaul in the Tambov Region]. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchikhsya deyateley Rossii: Aleksandra II, N.A. Milyutina, S.M. Solovyeva, I.S. Turgeneva, M.N. Katkov «8 Bartenevskiye chteniya»* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Dedicated to the 200th Anniversary of Birth of the Prominent Figures of Russia: Alexander II, N.A. Milyutin, S.M. Solovyev, I.S. Turgenev, M.N. Katkov "8th Bartenevskiye Readings"], Lipetsk, 2018, pp. 186-190. (In Russian).
 8. Ulianov A.E. Zemel'nyye resursy osnovnykh sobstvennikov Kirsanovskogo uyezda Tambovskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Land resources of the chief owners of the Kirsanovsky County of the Tambov Governorate at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Sbornik statey 5 Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy istorii, politiki i prava»* [Proceedings of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference "Current Problems of History, Politics and Law"], Penza, 2017, pp. 62-67. (In Russian).
 9. Donik K.V. Istoriya sem'i G.F. i N.A. Petrovo-Solovovo i ikh rodovyye imeniya v Kirsanovskom uyezde Tambovskoy gubernii v pervoy polovine XIX v. [The family history of G.F. and N.A. Petrovo-Solovovo and their ancestral estates in the Kirsanovsky County of the Tambov Governorate in the first half of the 19th century]. *Materialy 25 yubileyной ezhegodnoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: «Rossiya i mir v novoye i noveysheye vremya – iz proshlogo v budushcheye» v 4 t.* [Proceedings of the 25th Anniversary Annual International Scientific Conference "Russia and the World in Modern and Contemporary History – from the Past to the Future" in 4 vols.]. St. Petersburg, 2019, vol. 1, pp. 155-161. (In Russian).
 10. Meltsin M.O. *Sud'ba starinnogo rossiyskogo dvoryanstva v kontse XVIII – nachale XX veka: knyaz'ya Dolgorukovy v sisteme obshchestvennykh otnosheniy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The fate of the old Russian nobility in the late 18th – early 20th centuries: Princes Dolgorukovs in the system of public relations. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, 1999. (In Russian).
 11. Shepelev L.E. *Tituly, mundiry, ordena v Rossiyskoy imperii* [Titles, Uniforms, Medals in the Russian Empire]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. (In Russian).
 12. Shilov D.N. *Gosudarstvennyye deyateli Rossiyskoy imperii. Glavy vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdeniy. 1802–1917. Bibliograficheskiy spravochnik* [Statesmen of the Russian Empire. Heads of Higher and Central Institutions. 1802–1917. Bibliographic reference]. St. Petersburg, 2001. (In Russian).
 13. Andreeva E.A., Andreeva T.V., Kosopkin A.S. et al. *Upravlencheskaya elita Rossiyskoy imperii. Istoriya ministerstv. 1802–1917* [Administrative Elite of the Russian Empire. History of Ministries. 1802–1917]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2008. (In Russian).
 14. Vigel F.F. *Zapiski* [Notes]. Moscow, 2000. (In Russian).
 15. Dolgorukov P.V. *Rossiyskaya rodoslovnaya kniga: v 4 ch.* [Russian Genealogy Book: in 4 pts]. St. Petersburg, 1857, pt 4. (In Russian).
 16. Dolgorukov P.V. *Rossiyskaya rodoslovnaya kniga: v 4 ch.* [Russian Genealogy Book: in 4 pts]. St. Petersburg, 1856, pt 3. (In Russian).
 17. Liven D. *Aristokratiya v Evrope 1815–1914* [The Aristocracy in Europe 1815–1914]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).
 18. Kantorovich Y.A. *Zakony o sostoyaniyakh: (svod zakonov T. IX, izd. 1899 g., po Prod. 1906, 1908 i 1909 gg.): s raz'yasneniyami, izvlecheny iz: Kodifikatsionnoy ob'yasnitel'noy zapiski k Zakonom o sostoyaniyakh, izd. 1899 g. [i dr.]* [Status laws: (Code of Laws T. 9th ed. 1899, according to Prod. 1906, 1908 and 1909): with Explanations, Extracted. from: Codification Explanatory Note to the State Laws, ed. 1899 and others]. St. Petersburg, 1911. (In Russian).
 19. Karnovich E.P. *Rodovyye prozvaniya i tituly v Rossii i sliyaniye inozemtsev s russkimi* [Family Names and Titles in Russia and the Merger of Foreigners with Russians]. St. Petersburg, 1886. (In Russian).
 20. Solovyov Y.P. Ivan Grigor'yevich Shcheglovitov [Ivan Grigorievich Shcheglovitov]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 2017, no. 3, pp. 24-48. (In Russian).
 21. Sidorova A.N. *Vospitaniye velikikh knyazey v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II (podgotovka k gosudarstvennoy deyatel'nosti): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Education of the Great Princes in the Families of the Emperors Nicholas I and Alexander II (Preparation for State Activities). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Moscow, Moscow State University, 2016. (In Russian).

Информация об авторе

Доник Ксения Владимировна, аспирант. Санкт-Петербургский институт истории (дом Н.П. Лихачева) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: extale@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, работа с архивными документами и материалами, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7179-5897>

Поступила в редакцию 08.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 29.07.2019 г.

Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the author

Kseniia V. Donik, Post-Graduate Student. St. Petersburg Institute of History (N.P. Lihachov Mansion) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation; European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: extale@mail.ru

Contribution: main study conception, work with archival documents and materials, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7179-5897>

Received 8 July 2019

Reviewed 29 July 2019

Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-260-271
УДК 371

Дети-сироты в годы Гражданской войны: от беспризорности к концлагерям

Павел Петрович ЩЕРБИНИН, Алексей Игоревич ЧУБАРОВ,

Юлия Вячеславовна ЩЕРБИНИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>, e-mail: chubar1991@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>, e-mail: dpip@mail.ru

Orphans during the Civil War: from homelessness to concentration camps

Pavel P. SHCHERBININ, Aleksei I. CHUBAROV, Ylia V. SHCHERBININA

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>, e-mail: chubar1991@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>, e-mail: dpip@mail.ru

Аннотация. Специально и комплексно изучено положение детей-сирот и трансформация собственно системы социальной защиты в годы Гражданской войны и высшей ее фазы – «антоновщины» в Тамбовской губернии сквозь призму детской повседневности и политики советской власти. На основе привлечения широкого комплекса первичных материалов, прежде всего, архивных документов, были репрезентативно и специально исследованы различные малоизвестные аспекты заявленной научной проблемы. Обобщены практики выживания детей в невероятно кровавых и ожесточенных столкновениях повстанцев и частей Красной армии в условиях одного региона – Тамбовской губернии. Выявлены условия размещения детей в концентрационных лагерях, а также попытки властей регламентировать их положение, стабилизировать заболеваемость детей и катастрофическую детскую смертность. Приведены конкретные данные по особенностям призрения детей-сирот в условиях Гражданской войны, «антоновщины», новой экономической политики на региональном и уездном уровне, что позволяет оценить не только социальную политику советской власти, но и выживаемость детского социума в рассматриваемый хронологический период. Уточнены последствия взятия членов семей повстанцев (жителей региона, примкнувших к А.С. Антонову) в заложники и использование детей в качестве привлекательного механизма борьбы с «бандитизмом». Специально рассмотрено влияние «партийно-классовой» селекции детей при приеме их в детские дома, а также учета их социального происхождения, положения родителей. Выявлены основные результаты воздействия новой экономической политики (нэпа) на социальную защиту детей и свертывание сложившихся практики призрения детей-сирот в условиях фактического прекращения финансирования многих детских учреждений. Сделаны выводы об историческом опыте, традициях и особенностях выживания детей, в том числе детей-сирот на региональном уровне (губернском и уездном) в условиях голодовок 1920-х гг. XX века, что позволило успешно реконструировать реальное положение населения Тамбовской губернии в постреволюционный период. Даны характеристики политики местных властей, взаимодействия столицы и регионов в условиях почти непрекращающихся катаклизмов и социальных катастроф первых лет советской власти.

Ключевые слова: дети-сироты; гражданская война; беспризорники; концлагеря; «антоновщина»; провинциальный социум; голодовки; новая экономическая политика

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00333 (а).

Для цитирования: Щербинин П.П., Чубаров А.И., Щербинина Ю.В. Дети-сироты в годы Гражданской войны: от беспризорности к концлагерям // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 260-271. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-260-271

Abstract. We investigate specifically and comprehensively the orphans situation and transformation of social protection system in the Civil War years and its ultimate phase Tambov Rebellion in the Tambov Governorate through the lens of children's everyday life and policy of the Soviet government. On the basis of a wide complex of primary materials attraction, first of all archival documents, we representatively and specially investigate various little-known aspects of the scientific problem declared in study. We generalize practices of children survival in the incredibly bloody and violent clashes of rebels and parts of the Red Army in one region – Tambov Governorate. We reveal the conditions of children placement in concentration camps, as well as attempts of the authorities to regulate their situation, to stabilize the morbidity of children and catastrophic child mortality. We provide the specific data on the peculiarities of orphans charity in the conditions of Civil War, Tambov Rebellion, new economic policy at the regional and county level, which allows to evaluate not only the social policy of the Soviet government, but also the survival of children's society in the chronological period under consideration. We clarify the consequences of taking rebel family members (residents of the region who joined A.S. Antonov) hostage and using children as an attractive mechanism to combat "banditry". We specially consider the influence of "party and class" selection of children at their admission to orphanages, as well as taking into account their social origin, the position of parents. We reveal the main results of the new economic policy (NEP) impact on children's social protection and the constriction of the existing practice of orphans charity in the conditions of the actual cessation of funding for many children's institutions. We draw conclusions about the historical experience, traditions and features of the children survival, including orphans at the regional level (governorate and county) in the conditions of hunger strikes of the 20s of the 20th century, which allowed to successfully reconstruct the actual population situation of the Tambov Governorate in the post-revolutionary period. We give the characteristics of the local authorities' policy, the interaction of the capital and the regions in the conditions of almost incessant cataclysms and social disasters of the first years of Soviet power.

Keywords: orphans; Civil War; homeless; concentration camps; Tambov Rebellion ("Antonovshchina"); provincial society; hunger strikes; new economic policy

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-00333 (a).

For citation: Shcherbinin P.P., Chubarov A.I., Shcherbinina Y.V. *Deti-siroty v gody Grazhdanskoy voyny: ot besprizornosti k kontslageryam* [Orphans during the Civil War: from homelessness to concentration camps]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 260-271. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-260-271 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Изучение истории Гражданской войны в Советской России невозможно без внимательного рассмотрения не только ее участников и участниц, но и исследования последствий этого кровавого, неистового, бессмысленного и беспощадного противостояния сторон для «иных» акторов данной драмы. Одним из наиболее чувствительных и катастрофических результатов Гражданской войны было изменение положения, жизни и здоровья обычных детей, чьи судьбы оказывались в прямой зависимости от расстановки сил, положения родителей, а нередко и просто случайных обстоятельств. Дети-сироты находились в наиболее критическом положении, в условиях, когда социальная защита и

опека, существовавшие при «старом» царском режиме, перестали работать, а главным желанием ребенка являлось стремление просто выжить в невыносимых условиях братоубийственной бойни.

Нами рассмотрено положение детей-сирот в период «антоновщины», являвшейся наивысшей, наиболее ожесточенной и кровопролитной фазой противостояния власти и населения, диктатуры пролетариата и «обычного» человека в условиях Гражданской войны в типично аграрной Тамбовской губернии, являвшейся одной из самых густонаселенных и плодородных в Европейской России.

Необходимо учитывать, что Тамбовская губерния не являлась ареной сражений Белой и Красной армии, но здесь традиционно размещались штабы Реввоенсовета, концентрировались войсковые соединения Красной армии, организовывалось снабжение военных частей, проводились нескончаемые мобилизации и реквизиции продовольствия для военных нужд. Заметим, что главным событием кровопролитной Гражданской войны явилась «антоновщина», размах и влияние которой на судьбы жителей региона и страны в целом были огромными. Не случайно эта Крестьянская война под предводительством А.С. Антонова имеет богатый историографический и источниковедческий задел [1; 2]. Изданы сотни специальных работ, в которых тщательно изучались лидеры крестьянского движения [3], мотивы восставших [4], применение химического оружия против повстанцев [5], но «детско-юношеские» сюжеты «антоновщины» оказались недостаточно исследованы [6–9]. Именно они требуют пристального, внимательного и критического изучения в рамках новейших методологических подходов и интерпретаций.

Кровавый молох крестьянского сопротивления неслыханному и катастрофическому давлению продотрядов, унижений со стороны комиссаров и региональной большевистской элиты, слом традиционного уклада жизни и этноконфессиональных традиций, привычек аграрного социума нес анархию и голод, разрушал семьи и социально-общественные отношения на Тамбовщине. Тектонические перемены советской эпохи первых лет являлись тотальными, но наиболее жестко и травматично они воздействовали на детский социум в отдельно взятом рассматриваемом регионе Советской России.

Не вдаваясь в подробности ярких и трагических страниц «антоновского восстания», которое «новые» власти однозначно называли бандитским, контрреволюционным, антисоветским, а сами повстанцы – освободительным движением, можно заметить, что жесточайшие репрессии касались всех, кто прямо или косвенно был причастен к восстанию. Это были не только члены семей «бандитов», которые ушли или которых насильно увели в свои отряды восставшие крестьяне. Это были и те, кто жили рядом, находились неподалеку, кто когда-то покормил или дал

ночлег нередко незваному, незнакомому «гостю» из леса [10, с. 239].

Для нейтрализации восстания военные власти в Тамбовской губернии успешно и результативно применяли тактику «выжженной земли», расстреливая родственников ушедших к «бандитам» крестьян, сжигая дома повстанцев, арестовывая и помещая в концентрационные лагеря членов их семей. Можно признать, что такого ожесточения и насилия в массовом применении никогда прежде не было в отношении собственного народа, своих сограждан.

Нельзя не согласиться с утверждением авторов сборника «Дети ГУЛАГА» о том, что, придя к власти, большевики стали смотреть на детей из социально чуждых им слоев общества как на обычных политических противников. Их брали в заложники, мучили, убивали. Казалось бы, что общего между царскими и крестьянскими детьми? Но прошло совсем немного времени после расстрела царской семьи, и «во имя счастья трудящихся» стали брать в заложники и уничтожать крестьянские семьи, включая даже грудных младенцев [11].

Как же могли попасть в концлагеря дети? Насколько «эффективной» была система помещения в концлагеря членов семей «бандитов» и ушедших в леса крестьян? Что происходило в этих лагерях, и каковы были судьбы юных арестантов? Каким образом «антоновщина» повлияла на детское сиротство? Постараемся понять причины и поводы «давления» советской власти на детей, уточнив перспективы «детоубийства» и репрессий в отношении детей повстанцев. Но, важно подчеркнуть, что в условиях Гражданской войны под раздачу и расправы попадали и члены семей коммунистов, комиссаров, местных активистов. По сути, дети несли полную ответственность за своих родителей, которые часто сами не понимали, в каком статусе они находятся, за что воюют и с кем сражаются. Братоубийственный характер Гражданской войны вполне внятно и четко реализовался в Тамбовской губернии, которая была «истерзана» новым режимом, что имело далеко идущие последствия для судеб конкретных семей и социальных групп.

Как вполне справедливо указывает О.В. Безай, с началом Гражданской войны у коммунистической власти возникла необхо-

димось в создании мест заключения для изоляции своих политических противников. В апреле 1919 г. Президиум ВЦИК принял решение об организации лагерей принудительных работ (концлагерей), а в мае одобрил инструкции о содержании там «социально-чуждых элементов» [12]. Важно заметить, что такие лагеря могли создаваться по решению губернских властей и без согласования с центром.

Маховик политических репрессий и революционной вакханалии набирал обороты, и все больше и больше «обычных» детей в Тамбовской губернии становились сиротами и беспризорными. Не случайно уже 12 октября 1920 г. загубнаробраза в докладе в губисполком указывал, что подотдел охраны детства, учитывая «чрезвычайную трудность переживаемого момента и в силу этого быстрый рост детской беспризорности и колоссальное стремление широких масс населения поместить детей в детские дома, в частности, особую остроту положения в настоящее время в связи с обязательным приемом в детские дома сирот, оставшихся на полный произвол судьбы после убитых и замученных бандитами партийных советских работников, с необходимостью принимать в детские дома детей, родители которых в силу малой сознательности примкнули к числу восставших и массовым поступлением детей – участников бандитского восстания (так, 30 сентября 1920 г. в губнаробраз было приведено свыше 70 детей, участвовавших в восстании), констатирует абсолютную невозможность удовлетворить всю потребность размещения детей и подростков, если в самом срочном порядке не будут предоставлены в распоряжение губнаробраза новые здания, могущие подойти под детские дома»¹.

Было признано необходимым: использовать помещение ремесленно-воспитательной школы для нравственно дефективных детей, находящееся на Набережной № 10, для организации детского дома для детей участников восстания. По мнению участников совещания, «...эта категория детей требует выделения их в особое помещение от прочих и применения особых мер педагогического воздействия»².

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 328. Л. 2.

² Там же. Л. 2.

Власти рассчитывали, что «малолетние» дети, члены семей примкнувших к «бандитам» крестьян будут распределяться в детские дома до конца Гражданской войны³. Однако вскоре стало понятно, что таких детей из «бандитских семей» слишком много, да и для их отцов была бы более «понятна и доходчива» в качестве меры устрашения система заложничества. С весны 1921 г. в наскоро оборудованных губернским управлением принудительных работ концентрационных лагерях для заложников наряду со взрослыми в большом количестве содержались женщины и дети.

Так, в Кирсановском уезде, по сообщениям властей, был организован во время борьбы с «бандитами» временный лагерь, и за период 5-месячного существования там пребывало около 1200 человек⁴. Кроме этого, в уезде преступные дети изолировались и направлялись в приемник для дефективных детей⁵.

Самой предпочтительной формой заложничества власти считали содержание жен и детей повстанцев в концентрационных лагерях. Эта практика активизировалась после назначения на должность командующего всеми вооруженными силами Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского. В своем письме в ЦК РКП(б) от 20 мая 1921 г. он указывал, что «совместно с боевыми действиями необходимо создавать резкий перелом в настроении крестьянской среды. Для этого, прежде всего, надо ударить по хозяйственным интересам крестьянства. Для этого решено семьи бандитов сажать в концентрационные лагеря и в случае неявки бандита отправлять их вглубь РСФСР» (цит. по: [12, с. 19]).

В Тамбовской губернии активно создавались стационарные и полевые концентрационные лагеря: 1) № 1 в Тамбове; 2) № 2 в Тамбовском уезде, в помещении бывшего Трегуляевского монастыря; 3) № 3 в Борисоглебске; 4) № 4 Борисоглебский полевой; 5) № 5 Моршанский⁶. В других источниках указывается, что было 7, а позже 10 концен-

³ ГАТО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1032. Л. 32.

⁴ Отчет Тамбовского губернского экономического совещания Совету труда и обороны за период с 9 февраля по 1 октября 1921 г. Тамбов, 1921. С. 20.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 58.

традиционных лагерей [8; 9]. Работа концлагерей переводилась на самоокупаемость и была направлена на изыскания средств путем использования труда заключенных на работах и на организацию производственной деятельности и сельского хозяйства. С июля 1921 г. фактически не получалось никаких денежных ассигнований, образовалась значительная задолженность, и в лагерях создалось критическое положение: голод и заболевания тифом, холерой и т. п.

Все концентрационные лагеря были схожи между собой: «солдатские палатки, обнесенные проволочными заграждениями». Поступавшие в лагеря «бандиты» и члены их семей подлежали обязательной селекции. Самых «бандитов», то есть восставших крестьян, отправляли вглубь страны в другие лагеря «по мере накопления», а заложников – после двухнедельного пребывания. Если «бандит» в течение этого срока являлся с повинной и сдавался властям, то его семья освобождалась из лагеря. Но важно понять, куда он мог возвратиться, если дома ушедших в леса или уведенных туда «антоновцами» крестьян безжалостно сжигались «оккупационной армией» М. Тухачевского?

Сами местные власти признавали, что в концлагеря в Тамбовской губернии поступало большое количество детей «с самого раннего возраста, даже грудные». Содержание малолетних детей ставило «администрацию лагерей в самое затруднительное положение»⁷. По оценкам В.В. Елисеева, только 20 июня 1921 г. в концлагеря поступило до шести тысяч заключенных, большинство из которых являлось детьми [9]. Именно дети были больше всего подвержены массовым заболеваниям. Не случайно росла и детская смертность.

Даже местные власти были встревожены сложившейся ситуацией с деткой смертностью. В Тамбовской губернии была создана междуведомственная комиссия по содержанию детей-заложников в концлагерях, на которой обсуждались различные «детские» проблемы. 27 июня 1921 г. было постановлено: «Ввиду большого наплыва в концентрационно-полевые лагеря малолетних, начиная с грудных детей, и неприспособленностью этих лагерей к длительному содержанию детей, последствием чего явились заболевания

желудочного и простудного характера, признать необходимым в самом срочном порядке принять нижеследующие меры к улучшению положения детей:

А. Детей-заложников до 15-летнего возраста включительно содержать отдельно от взрослых в особых помещениях, жилых домах или бараках, отнюдь не в палатках – по возможности в черте лагеря... При детях-заложниках до 3-летнего возраста включительно имеют право находиться их матери-заложницы.

Б. Пищевым довольствием дети-заложники должны удовлетворяться по нормам, установленным в соответствии возрасту детей в домах матери и ребенка и в детских домах»⁸.

Спустя пять дней, 31 июля 1921 г., на четвертом заседании комиссии по делам о содержании детей-заложников в концентрационно-полевых лагерях Тамбовской губернии присутствовали: председатель комиссии товарищ Погурский, члены: Белугин, Васильева, Лукина и Семенова и секретарь Вакар. На повестке дня было заслушивание докладов с мест. По предложению Е. Васильевой комиссия большинством голосов 3-х против 2-х дополнила повестку вопросом о разгрузке концлагерей от заложников, не подлежащих в них содержанию⁹.

«Постановили:

а) Обратиться в Особый Отдел с просьбой пересмотреть в первую очередь дела тех заложников, которые не подлежат содержанию в концлагерях согласно инструкции Полномочной комиссии ВЦИК, то есть беременных женщин и малолетних детей.

б) Предложить представителям местных междуведомственных комиссий в срочном порядке произвести срочную перепись беременных женщин, грудных младенцев, круглых сирот и детей-заложников, взятых за родственников, которые уже явились, и представить данные переписи в органы Особого Отдела»¹⁰.

Уполномоченная по улучшению жизни детей в Тамбовской губернии Е. Васильева привела в своем докладе сведения о количе-

⁸ ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1039. Л. 111.

⁹ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 328. Л. 3.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 328. Л. 3.

⁷ ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1. Д. 34. Л. 35.

стве детей, содержащихся в концлагерях Тамбовской губернии на 1 августа 1921 г. (табл. 1).

Понятно, что данные сведения не могли быть абсолютно точными, так как они предоставлялись в центр с большим опозданием, тогда как в лагерях происходили постоянные перегруппировки в отношении заложников, к которым и относились находившиеся в лагерях дети¹¹.

Однако вопреки требованиям об отправке детей из семей заложников в детские приемники они нередко продолжали содержаться в концлагерях вместе со взрослыми. Даже после проведения кампании по разгрузке концлагерей к осени 1921 г. (восстание к тому времени было практически подавлено, и заложники с маленькими детьми были выпущены по домам) там все еще находилось свыше 450 детей-заложников в возрасте от 1 до 10 лет [9].

Опасаясь массовых эпидемий – тифа, дизентерии и холеры, власти продолжали «разгружать концентрационные лагеря», передавая матерей с детьми на места проживания, сообщая ревкомам, которые должны были брать их на учет. Таким образом, заложники, как члены семей «бандитов», переходили под контроль местных карательных структур. Наиболее «опасные», по мнению властей, семьи «бандитов» высылались в различные отдаленные районы Советской России.

Конечно, учитывая проявления беспощадного русского бунта, ожесточение и кровавость схваток Гражданской войны, важно понимать, что сиротами становились не только дети восставших крестьян, но и дети коммунистов, милиционеров, продотрядовцев, чекистов, всех, кто активно поддерживал коммунистический режим. Несколько тысяч коммунистов и членов их семей подверглись жестокому расправам разъяренных местных жителей. В Гражданской войне все получали право на насилие и сполна реализовывали свои обиды и притеснения.

Система социальной защиты детей новой Советской России подверглась массированным деформациям и потрясениям в годы кровавой и братоубийственной Гражданской войны, которая в локальном своем проявлении – «антоновщине» – были одной из самых

катастрофических для юных жителей Тамбовской губернии.

Ситуация с многомиллионными беспризорниками, бродившими по стране, встревожила власти Советской России. 27 января 1921 г. Президиум ВЦИК постановил организовать при ВЦИК Комиссию по улучшению жизни детей. Губернские чрезвычайные комиссии должны были немедленно связаться с представителями органов Наробраза, Наркомздрава, Собеса, Компроды и прочими и оказывать им максимальную поддержку в организации помощи нуждающимся детям. В двухнедельный срок должны были поступить сообщения в ВЧК с докладами о том, что сделано и что предстояло сделать. Возглавил Детскокомиссию председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский.

9 февраля 1921 г. состоялось заседание Межведомственной комиссии по организации помощи детям, пострадавшим от бандитизма. В комиссию под председательством губсобеа вошли представители губнаробраза, унаробраза, подотдела охраны материнства и младенчества, губраспреда и военного командования. Было постановлено организовать по два детских дома в наиболее пострадавших Тамбовском и Кирсановском уездах¹². Кроме того, члены комиссии выработали план по оказанию помощи пострадавшим детям. Его целью провозглашалась всесторонняя помощь детям, пострадавшим от бандитов путем изъятия их из района бандитизма и оказания им помощи на месте. Для изъятия детей и концентрации их в детских домах и приютах планировалось организовать летучки при санитарных отрядах военных частей. «Важно было подбирать детей, которые остались без родных вследствие Белого и Красного террора. Ввиду невозможности эвакуировать всех нуждающихся детей стараться устроить часть из них у местного населения, оказывая возможную помощь материального характера»¹³. Но требовались дополнительные средства для открытия детских домов. И уже 10 марта 1921 г. председатель комиссии Соколова направила телеграмму в Москву в Наркомпрос с просьбой дополнительной организации шести домов ребенка и шести детских домов для детей, пострадавших от бандитизма. Всего на 1200

¹¹ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 33988. Оп. 2. Д. 315. Л. 256.

¹² ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 516. Л. 1-2.

¹³ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 516. Л. 2.

Таблица 1

Количество детей, содержащихся в концлагерях Тамбовской губернии на 1 августа 1921 г.

Наименование концлагерей	Детей до 3-х лет	Детей до 5-ти лет	Итого
Тамбовский № 1	74	147	221
Тамбовский № 2	3	—	3
Борисоглебский № 4	25	76	101
Моршанский № 5	3	8	11
Козловский № 7	10	15	25
Кирсановский № 8	130	50	180
Инжавинский № 9	2	12	14
Сампурский № 10	150	450	600
Всего	297	758	1155

человек в возрасте от 0 до 17 лет...»¹⁴. Однако из столицы не было ни ответа, ни дополнительных средств. В результате, 16 марта 1921 г. в г. Кирсанов был организован приемник для 15 детей¹⁵. В Тамбове в детском доме № 1 Карла Либкнехта было размещено 39 детей от 1 до 15 лет¹⁶.

Именно 1921 год стал переломным в плане формирования особой очередности и «льгот» при зачислении в детские учреждения системы социального воспитания. Всего лишь несколько лет прошло после прихода к власти большевиков, которые поставили во главу угла «классовый принцип» и пролетарское сознание. Были забыты земские правила о всесословном приеме в детские учреждения, советские лозунги о том, что «Революционная власть признала всех детей детьми Республики», «Дети – цветы жизни». Становилось очевидно, что не все дети являлись «цветами», которые произрастали на пролетарских грядках. Начали формироваться «особые» списки, в которых указывались только самые приемлемые кандидаты для домов социального воспитания.

Уже в начале августа 1920 г. была разработана и циркулярно разослана инструкция о приеме детей в детские дома:

1) в первую очередь должны были приниматься круглые сироты и дети красноармейцев, если отец на фронте, а мать умерла;

2) полусироты, оставшиеся без присмотра:

а) дети красноармейцев, ушедших на фронт при живой матери;

б) дети, в отношении которых родители и лица их замещающие злоупотребляют своей властью:

- подвергают детей истязаниям;
- склоняя к совершению преступлений, к занятию нищенством, спекуляцией, проституцией и т. п.;

3) дети многосемейных;

4) дети малосемейных;

5) «в деревнях детей следует принимать в том же порядке, не считаясь с площадью посадки и количеством лошадей и скота. Группировка детей в настоящем циркуляре произведена по степени беспризорности, которой и следует руководствоваться при приеме детей в детские дома. Однако каждый отдельный случай может обнаружить особенности, смягчающие или углубляющие степень беспризорности ребенка, вследствие чего может явиться необходимость его, как относящаяся не к одной, а к другой категории, так, например, ребенок может иметь родственников или близких лиц, своей заботливостью вполне заменяющих родителей, и, наоборот, наличие родителей не исключая необходимости приема ребенка в детский дом. А посему каждый случай приема ребенка надлежит тщательному обследованию, и при обнаружении тех или иных особенностей возможно изъятие из правила»¹⁷.

В начале 1921 г. в селах Тамбовского уезда начали открываться детские сады и ясли. Так, в поселке Токаровка был открыт детский сад, рассчитанный на 50 детей в возрасте 5–8 лет. Было решено принимать туда в первую очередь сирот, во вторую – детей

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 516. Л. 46.

¹⁵ Там же. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 55.

¹⁷ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 855. Л. 7.

красноармейцев, в третью – «детей пролетариата»¹⁸.

Рассматривая последствия «антоновщины» сквозь призму детской повседневности, необходимо коснуться ее финальной стадии, когда была введена новая экономическая политика (нэп). Эта политика привела к полной катастрофе в работе учреждений социального воспитания, сформировавшихся в регионе.

Уничтожение (отмена) продразверстки традиционно считается важнейшим этапом развития Советского государства и результатом ответа властей на многочисленные восстания против коммунистической диктатуры, к числу которых относилась и «антоновщина». Однако курс новой экономической политики оказал самое сильное, катастрофическое воздействие на организацию, содержание детей, которая происходила в 1918–1919 гг. Надо было снова приспособливаться выживать в условиях ограниченного или почти отсутствующего финансирования из столицы и искать возможности опираться лишь на местные средства, пытаться сохранить достигнутое в неимоверно трудных условиях.

По признанию заведующего губнаробразом А. Абиндера, в ходе нэпа по соцвосу на государственное снабжение были приняты только детские дома. Однако из государственного продовольственного фонда обеспечивались пайком по Тамбовской губернии 2000 работников просвещения (из общего числа свыше 20000), 10000 детей в детдомах из числа свыше 18000 [13]. Таким образом, лишь немногим более половины детей снабжались пайком, то есть детям выдавали лишь половину нормы на питание. В то же время власти констатировали все возрастающее количество беспризорных детей и планировали открытие новых детских домов для их спасения.

Новая экономическая политика привнесла в систему образования и воспитания принцип самообложения. Согласно этому принципу, государство брало на себя только часть расходов по финансированию образовательных и воспитательных учреждений. По разработанному в губернском отделе социального воспитания (губсоцвосе) циркуляру, детские дома должны были финансироваться непосредственно населением по принципу самообложения. Ход кампании по самооб-

служиванию населения с первых шагов показал, что ждать успехов было нельзя. Крестьянство, с подорванным неурожаем и бандитизмом хозяйством, слабо откликнулось на призыв помочь делу народного образования. Самообложение прошло в размере не более 3–4 %. Частичная помощь была оказана лишь 8–10 % школ¹⁹.

Заметим все же, что даже нэп и его отрицательное влияние на систему социального воспитания и заботу о детях-сиротах меркнет при освещении еще более страшного бедствия – голодовки. Фактически, одна «черная» полоса – «антоновщина», сменилась другой – «нэпом», а следом пришел «голод».

Понятно, что традиционно зажиточная и хлебобобовая Тамбовская губерния традиционно воспринималась властями как регион, куда можно было направлять голодающих детей из различных губерний, где были недороды, перебои со снабжением продовольствием, голодовки. Не случайно, уже в 1919 г. тысячи детей нашли спасение в различных уездах Тамбовской губернии. Для их размещения национализировались усадьбы помещиков. Так, в мае 1919 г. в Лебедянском уезде для размещения 500 детей были национализированы усадьбы помещиков: Савинки (дом Шиловского), Троекурово (дом Русинова), Мамонтово (дом Попова) и др. В Сезоновском монастыре было намечено разместить 185 детей [14, с. 288–289]. В 1919 г. из столицы поступила директива о необходимости размещения голодающих детей из северных губерний. Столичные чиновники считали, что Тамбовская губерния с ее традиционным хлебным изобилием, имевшим место до 1917 г., и при новой власти может брать на себя снабжение хлебом не только армии, промышленных центров, но голодающих жителей различных регионов Советской России.

Впервые в советский период, кроме массированного сбора продразверстки продотрядами, тамбовским губернским властям было предложено рассмотреть вопрос об организации приема детей голодающих северных губерний. В протоколе № 7 от 1 апреля 1919 г. заседания межведомственной комиссии губсобеза и губнаробраза указывалось: «...срочно обследовать имения, а при распределении

¹⁸ Вестник просвещения. 1919. № 4. С. 17.

¹⁹ Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С. 26–29.

помещений в имениях отдавать их детским колониям»²⁰. Предполагалось развернуть в Тамбовской губернии сеть летних детских трудовых колоний под эгидой Наркомпроса для детей северных голодающих губерний²¹. Особое значение придавалось Саровской пустыни, где новые власти собирались использовать сохранившиеся помещения. Однако этот замысел полностью не был реализован, так как многие уезды Тамбовской губернии стали близки к прифронтовой полосе. Об этом было заявлено на заседании той же комиссии 13 июля 1919 г.: «...общий план разгрузки домов-приютов по колониям выработан быть не может ввиду близости во многих уездах прифронтовой полосы. Частичная разгрузка может быть проведена. В Темниковский Саров для использования ранее проведенных подготовительных работ по оборудованию колоний и для использования высланных на этот предмет продуктов решено переправить детей приютов Темникова и частью детей Тамбова»²².

Губернские власти обследовали все сохранившиеся губернии и искали помещения для размещения детских колоний²³. Заметим, что на Тамбовщину охотно направляли на летний период и детские дома из Москвы. Столица всегда старалась использовать потенциал провинции для заботы о своих детских домах.

Спустя два года, в сентябре 1921 г., когда население региона стало только приходить в себя после разрушительной «антоновщины», развернулась новая компания по размещению голодающих детей в Тамбовской губернии. На заседании губтройки по оказанию помощи голодающим детям Поволжья было постановлено: «...Принять в детские дома Тамбовской губернии 300 детей из голодающих губерний, каковых распределить в уездах, не пострадавших от бандитизма. Необходимо предложить Губотделу Наробраза произвести разгрузку детских домов от некоторых категорий. Исключить из детских домов всех достигших 18-летнего возраста, распределив их по учебным заведениям и определив их на службу. Исключить всех детей, имеющих трудоспособных роди-

телей или родственников, живущих в том же селе или городе, оставив за последними право питания. Произвести разгрузку не менее 8 % детей. Закрывать интернаты, превратив их в детские дома. Детей состоятельных родителей исключить. С 1 по 7 октября устроить по всей губернии неделю помощи ребенку Поволжья»²⁴.

В октябре 1921 г. в Тамбовской губернии началась неделя Помголода («Помощи голодающим»), и в городах проводились кружечные сборы, лотереи, концерты, сбор суррогатов, отчисления от заработков и пр. Но важнее всего было «выбрать» хлеб из деревни. И тамбовские власти постарались на славу. В отчете Тамбовского губернского совета Помгол отмечалось, что с момента создания этой организации по 1 июня 1922 г. Тамбовская губерния была на положении благополучной по урожайности, и 90 % зерна вывозилось в Поволжье и прикрепленную Башкирскую республику.

Но после этого в самой Тамбовской губернии начался голод, и резко возросла смертность. Секретарь губкома Лотиков в своем отчете губкому РКП(б) отмечал, что голод охватил преимущественно южные уезды: Борисоглебский (120104 голодающих), Кирсановский (160000 голодающих), Усманский (свыше 100000 голодающих) и Тамбовский (60000 голодающих). Причем и в других уездах насчитывалось несколько сот тысяч человек, страдающих от голода. По сведениям специального обследования голодающих уездов, на каждые 100 случаев рождения приходилось в среднем 216 смертей, причем было установлено, что 72 % смертей происходило на почве голода. По данным губздравотдела, крестьянское население многих волостей, отчаявшись выжить в условиях голодовки, покидало целыми деревнями свои насиженные места и двигалось в поисках хлеба. Главная тяжесть голода падала на детей, которые гибли в этой обстановке сотнями²⁵.

Только с 1 июня 1922 г. по ходатайству местных властей, а именно губисполкома, ЦКПОМГОЛ ВЦИК признал саму Тамбовскую губернию пострадавшей от неурожая с предоставлением права расхода пожертвова-

²⁰ ГАТО. Ф. Р-14014. Оп. 1. Д. 140.

²¹ Там же. Л. 21.

²² Там же. Л. 39.

²³ Там же.

²⁴ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1318. Л. 17.

²⁵ Центр документации новейшей истории Тамбовской области. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1391. Л. 140-141.

ний на непосредственную помощь населению. Всего по губернии голодало 624168 человек, что составляло 18,82 % всей численности населения губернии²⁶. Примечательно, что больше всего пострадавших от голода было в охваченных прежде «бандитскими выступлениями» уездах: Кирсановском (95350 человек), Борисоглебском (102504 человека), Усманском (134168), Тамбовском (71317) уездах. Количество умерших от голода по губернии составило 5760 человек.

Другим последствием голодных месяцев было появление в Тамбовской губернии новой волны беженцев из Поволжских губерний. Как будто повторялся 1915 год, и на Тамбовщину безудержным потоком катились толпы самозавакуированных несчастных голодных людей со своими семьями. Многие «беглецы от голодной смерти» бросали своих детей на узловых станциях в Тамбовской губернии, надеясь, что здесь им смогут оказать помощь и поддержку. К январю 1922 г. было развернуто 6 детских домов для детей-беженцев из Поволжских губерний, и это спасло тысячи детских жизней²⁷.

В 1924 и 1925 гг. недород и гибель посевов, а также неумелая экономическая политика властей (на крестьян был наложен непомерно высокий размер сельхозналога) снова способствовали наступлению голода в

Тамбовской губернии²⁸. Только в тамбовской деревне число голодающих достигло 651564 человека и 675528 детей. Для детского питания были организованы 100 столовых и 3 яслей, через которые прошло 644075 детей²⁹. Эти цифры поражают воображение того, что же происходило в годы «заботливой» и «справедливой» советской власти в хлеботоробной Тамбовщине. Эти цифры оказываются еще более трагическими, если учесть, что Тамбовская губерния в 1923 г. подверглась серьезно «обрезанию», и ее территория сократилась вдвое.

Местные власти просили правительство о кредите и разрешении на завоз хлеба, но в завозе хлеба в губернию, как производящую, было отказано. Были организованы 112 детстоловых (в них удалось покормить 24242 ребенка) и 12 яслей для голодающего населения³⁰ и беспризорных детей. Число беспризорных детей резко росло и особенно за счет сельских жителей, где сильнее всего ощущался голод. И большую часть удалось удержать в деревне именно за счет открытия столовых для детей. Но к осени 1925 г. положение стабилизировалось, и осталась только одна детская столовая в Тамбове на 150 детей. С голодом было, наконец, покончено...

²⁶ Краткий обзор ГИК и его президиума за 1921–1922 отчетный год. Б. м., б. г. С. 553.

²⁷ Отчет Тамбовского губернского отдела профсоюзов (за время с 1 сентября 1921 г. по 1 ноября 1922 г.). 6-му губернскому съезду профсоюзов. Тамбов, 1922. С. 167.

²⁸ Отчет Тамбовского губкома РКП(б) XVII губернской партийной конференции за время с декабря 1924 г. по ноябрь 1925 г. Тамбов, 1925. С. 3.

²⁹ Там же. С. 10.

³⁰ Там же. С. 13.

Список литературы

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. / отв. ред. Л.Г. Протасов. Тамбов: Гос. архив Тамб. обл., 2007.
2. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): документы и материалы / отв. сост. В. Данилов, С. Есиков, В. Канищев, Л. Протасов. Тамбов: Ред.-изд. отдел, 1994.
3. Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО–XXI, 2018.
4. Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. Вып. 9. М.: Посев, 2004.
5. Bobkov A.S. On the Issue of Using Asphyxiating Gas in the Suppression of the Tambov Uprising // The Journal of Slavic Military Studies. 2012. Vol. 25. № 1. P. 65–104.
6. Щербинин П.П. Дети русско-японской, подростки Первой мировой... Этапы взросления участников революции 1917 г. и Гражданской войны // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 18–24.
7. Щербинин П.П. «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 113–115.

8. Елисеев В. Дети после «Антоновщины» // Посев. 2013. № 7 (1630). С. 42-46.
9. Елисеев В.В. Детство за колючей проволокой // Filo Ariadne. 2017. № 4 (8). С. 81-90.
10. Щербинин П.П. «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2018. 370 с. ISBN 978-5-00078-230-9
11. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. М.: МФД, 2002.
12. Безай О.В. Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (94). С. 18-22.
13. Абиндер А. Новый эконом курс и народное просвещение // Вестник просвещения. 1921. № 8. С. 3.
14. Кривошенин Н.В. Город Лебедянь и его уезд в 1917–1921 гг. М., 2016. 470 с.

References

1. Protasov L.G. (executive ed.). *«Antonovshchina». Krest'yanskoye vosstaniye v Tambovskoy gubernii v 1920–1921 gg.* [“Antonovshchina” Peasant Rebellion in the Tambov Governorate in 1920–1921]. Tambov, State Archive of Tambov Region, 2007. (In Russian).
2. Danilov V., Esikov S., Kanishchev V., Protasov L. (executive compilers). *Krest'yanskoye vosstaniye v Tambovskoy gubernii v 1919–1921 gg. («Antonovshchina»): dokumenty i materialy* [Peasant Rebellion in the Tambov Governorate in 1919–1921 (“Antonovshchina”): Documents and Materials]. Tambov, Redaktsionno-izdatelskiy otdel Publ., 1994. (In Russian).
3. Posadskiy A.V. (ed.). *Tambovskoye vosstaniye 1920–1921 gg.: issledovaniya, dokumenty, vospominaniya* [Tambov Rebellion of 1920–1921: Researches, Documents, Memories]. Moscow, Russian Society Researches Association–XXI Publ., 2018. (In Russian).
4. Sennikov B.V. *Tambovskoye vosstaniye 1918–1921 gg. i raskrest'yanivaniye Rossii 1929–1933 gg. Vyp. 9* [Tambov Rebellion 1918–1921 and Disintegration of the Peasant Class of Russia 1929–1933]. Moscow, Posev Publ., 2004, issue 9. (In Russian).
5. Bobkov A.S. On the issue of using asphyxiating gas in the suppression of the tambov uprising. *The Journal of Slavic Military Studies*, 2012, vol. 25, no. 1, pp. 65-104.
6. Shcherbinin P.P. Deti russko-yaponskoy, podrostki Pervoy mirovoy... Etapy vzrosleniya uchastnikov revolyutsii 1917 g. i Grazhdanskoy voyny [Children of the russian-japanese, teens of the First world... stages of becoming grown-up of participants of the revolution of 1917 and the Civil War]. *Tsentr i periferiya* [Center and Periphery], 2015, no. 3, pp. 18-24. (In Russian).
7. Shcherbinin P.P. «Antonovshchina» skvoz' prizmu vospriyatiya detey i podrostkov: vybor zhiznennogo puti i ego posledstviya v pervoy chetverti XX veka [“Antonovshchina” through the lenses of perception of children and adolescents: choice of life course and its consequences in the first quarter of the XX century]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 6 (80), pt 2, pp. 113-115. (In Russian).
8. Eliseev V.V. Deti posle «Antonovshchiny» [Children after “Antonovshchina”]. *Posev*, 2013, no. 7 (1630), pp. 42-46. (In Russian).
9. Eliseev V.V. Detstvo za kolyuchey provolokoy [Childhood for the barbed wire]. *Filo Ariadne*, 2017, no. 4 (8), pp. 81-90. (In Russian).
10. Shcherbinin P.P. «Pustite detey ko mne...»: «deti bedy» i popechitel'stvo do i posle 1917 goda [«Suffer the children to come unto me...»: «children of misfortune» and patronage before and after 1917]. Tambov, Derzhavinsky Publishing House, 2018, 370 p. ISBN 978-5-00078-230-9 (In Russian).
11. Yakovlev A.N. (ed.), Vilenskiy S.S. et al. (compiler) *Deti GULAGa. 1918–1956* [Children of GULAG. 1918–1956]. Moscow, MFD Publ., 2002. (In Russian).
12. Bezai O.V. Ispol'zovaniye kontslagerey v khode podavleniya Tambovskogo vosstaniya 1920–1921 gg. [Use of concentration camps during the suppression of tambov uprising of 1920–1921]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2018, no. 8 (94), pp. 18-22. (In Russian).
13. Abinder A. Novyy ekonom kurs i narodnoye prosveshcheniye [New Economic Course and People's Enlightenment]. *Vestnik prosveshcheniya* [Herald of Enlightenment], 1921, no. 8, p. 3. (In Russian).
14. Krivoshenin N.V. *Gorod Lebedyan' i ego uyezd v 1917–1921 gg.* [City of Lebedyan and its County in 1817–1921]. Moscow, 2016, 470 p. (In Russian).

Информация об авторах

Щербинин Павел Петрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

Чубаров Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, сотрудник центра гендерных исследований. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: chubar1991@mail.ru

Вклад в статью: статистическая обработка данных, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>

Щербинина Юлия Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры профильной довузовской подготовки. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: dpip@mail.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, работа с архивными документами и материалами, редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Щербинин Павел Петрович
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Поступила в редакцию 19.06.2019 г.
Поступила после рецензирования 10.07.2019 г.
Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the authors

Pavel P. Shcherbinin, Doctor of History, Professor, Head of UNESCO of Human Rights and Democracy Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Contribution: main study conception, literature search and analysis, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

Aleksei I. Chubarov, Candidate of History, Member of Gender Study Center of Public Health and Healthcare Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: chubar1991@mail.ru

Contribution: statistical data processing, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>

Ylia V. Shcherbinina, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of Profile Pre-University Training Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: dpip@mail.ru

Contribution: source material acquisition, work with archival documents and materials, manuscript text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Pavel P. Shcherbinin
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Received 19 June 2019
Reviewed 10 July 2019
Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-272-282
УДК 93/94+376.6

Историографические традиции в изучении «детей беды» в контексте детского сиротства в Российской империи и Советской России в первой трети XX века

Инна Александровна ШИКУНОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9154-9071>, e-mail: inna-barsukova82@mail.ru

Historiographical traditions in the study of “children of misfortune” in the context of orphanage in the Russian Empire and Soviet Russia in the first third of the 20th century

Inna A. SHIKUNOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9154-9071>, e-mail: inna-barsukova82@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены историографические традиции как отечественной, так и зарубежной историографии по изучению истории детства, детской повседневности, истории материнства и детства, социального попечения и призрения «детей беды» как на столичном, так и на провинциальном уровне в первой трети XX века. На основе анализа методологических подходов и исследовательских практик удалось выявить наиболее успешные, комплексные и результативные, в том числе рассмотрены различные малоизученные аспекты заявленной научной проблемы. Выявлены региональные особенности изучения системы социальной защиты, значительно отличающиеся от работ столичных историков. Уточнены подходы и интерпретация при изучении роли и места социального государства в Российской империи и политики советской власти в отношении детей-сирот. Выявлены основные постановочные вопросы перспектив историографического изучения широкого спектра проблем истории детства. Сделаны выводы о результатах изучения системы социальной защиты и призрения детей-сирот как в дореволюционной, так и в Советской России. Обращено внимание на важность учета региональной специфики и конкретно-исторических проявлений социальной политики при проведении изучения благотворительной поддержки и частной общественной инициативы рассматриваемого периода. Выявлены стереотипные подходы и оценки в отношении развития системы социального призрения и попечения о «детях беды» в царской и Советской России.

Ключевые слова: дети-сироты; «дети беды»; историография; Российская империя; Советская Россия; социальное воспитание; столица; провинция

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00333 а.

Для цитирования: Шикунова И.А. Историографические традиции в изучении «детей беды» в контексте детского сиротства в Российской империи и Советской России в первой трети XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 272-282. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-272-282

Abstract. We consider the historiographical traditions of both domestic and foreign historiography on the study of the childhood history, children's daily life, the history of motherhood and childhood, social welfare and charity of “children of misfortune” both in the capital and at the provincial level in the first third of the 20th century. Based on the analysis of methodological approaches and research practices, we identify the most successful, complex and effective, including consider-

ation of various poorly studied aspects of the claimed scientific problem. We reveal the regional features of the social protection system study that are significantly different from the works of the capital's historians. We refine the approaches and interpretation in the study of the role and place of the social state in the Russian Empire and the policy of Soviet authorities in relation to orphans. We reveal the main posed questions of the prospects of historiographical study of a wide range of childhood history problems. We draw conclusions about the results of the study of social protection and charity of orphans system in both pre-revolutionary and Soviet Russia. We pay attention to the importance of taking into account the regional specifics and specific historical manifestations of social policy in the study of charitable support and private public initiative of the period under review. We reveal the stereotypical approaches and assessments in relation to the system development of social charity and welfare for "children of misfortune" in imperial and Soviet Russia.

Keywords: orphans; "children of misfortune"; historiography; Russian Empire; Soviet Russia; social education; capital; province

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-00333 a.

For citation: Shikunova I.A. Istoriograficheskiye traditsii v izuchenii «detey bedy» v kontekste detskogo sirotstva v Rossiyskoy imperii i Sovetskoy Rossii v pervoy treti XX veka [Historiographical traditions in the study of "children of misfortune" in the context of orphanage in the Russian Empire and Soviet Russia in the first third of the 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 272-282. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-272-282 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Внимание к семейным практикам, взаимоотношения родителей и детей, учет этноконфессиональных подходов в воспитании подрастающего поколения, изучение традиций социализации детей, в том числе и попечения о детях-сиротах имеют достаточно богатую и содержательную историографическую линию. Без систематизации историографических подходов, анализа методологического инструментария, источниковедческих инноваций невозможно оценить уровень «проникновения» в историю детства, а также реконструировать социально-демографические, правовые, семейно-бытовые особенности развития столичного и провинциального социума и в целом государственной политики в отношении положения детей, охраны материнства и семейных ценностей.

Считаем важным предварить историографический дискурс по проблеме изучения системы попечительства, призрения детей и подростков, в том числе детей-сирот, до и после 1917 г. уточнением вопросов по постановке проблемы, особым сюжетным композициям в работах столичных и провинциальных исследователей. Так, специального рассмотрения заслуживают не только история «несчастливого детства» сквозь призму детского сиротства, беспризорности, малолетней преступности и девиантного поведения, но и широкий спектр историко-правовых подходов, анализ этнодемографических сю-

жетов в условиях непрекращающейся турбулентности и социальных катастроф в первой четверти XX века.

Одной из особенностей историографической традиции является ее несомненная «поляризация» на столичную и провинциальную, что отражает не только источниковую базу и методологию исследований, но и собственно положение «детей беды» в центре и регионах. Вне всякого сомнения, «столичные» сироты, петербургские и московские дети и подростки имели совершенно иные перспективы социализации, повседневную жизнь, социальные возможности, финансовое обеспечение, чем такие же представители «детской когорты» в провинциальной России. Такая «столичность» определяла направления социальной работы в отношении социальной помощи детям, показывало «пример» и вектор развития благотворительных инициатив и начинаний, которые затем с различной успешностью и систематичностью проявлялись в отдаленных регионах, «медвежьих» углах, просто в провинциальной России. Примечательно, что этот принцип разделения страны на особый столичный мир и «другую» Россию сохранялся и в период императорской власти и при Советском режиме. О различных проявлениях этой «разницы» и этого «особого» состояния и противостояния центра и периферии в контексте благотворительной деятельности и практики

признания, опеки и проявлений элементов социального государства справедливо указано в монографии П.П. Щербинина [1].

Другим системным историографическим заданием отличается изучение собственно опеки и признания, которое начали обеспечивать для детей-сирот различные социальные и благотворительные учреждения. Важно оценить результативность и эффективность такого попечения о «детях беды» в до и послереволюционный периоды, в том числе каким было проявление инициативы и тактики «социального государства» и частной, общественной инициативы.

Другими постановочными проблемами историографического изучения проблемы детского сиротства является выяснение историко-социального, культурно-идеологического, этноконфессионального и экономикополитического наполнения признания и благотворительности в отношении детей и подростков до и после 1917 г. При таком изучении уровней и результативности социального попечения, признания и социальной опеки детей-сирот и иных детей, нуждающихся в поддержке, реконструкции благотворительных инициатив в столичном и региональном измерении важно получить ответы на следующие вопросы.

1. Какова была нуждаемость «детей беды» в общественном попечении и насколько эффективны и результативны были сословные, групповые, профессиональные и иные механизмы социальной защиты?

2. Каким образом регламентировались и изучались правовые механизмы признания детей на столичном и региональном уровне?

3. Насколько сопоставимо реформирование системы социального признания и практик «социального государства» в Российской империи и Советской России на положение детей, оставшихся в силу разных причин без поддержки и попечения родителей?

4. Учитывались ли этноконфессиональные особенности при организации признания детей, которым была необходима «немедленная» социальная помощь?

5. Насколько эффективной при разных политических режимах была социальная поддержка и существовали ли для детей-сирот возможности использования «социальных лифтов» и «социальных трамплинов»?

6. Влияли ли гендерные стратификации на перспективы социальной защиты для детей, нуждающихся в поддержке детей? Важны ли были гендерные роли, традиции и нормы для самих благотворителей или эти же «водоразделы» и ограничения касались и самих призреваемых детей и подростков?

7. Насколько сопоставимыми являются государственная, общественная и частная социальная поддержка «детей беды»?

В целом, как отечественная, так и зарубежная историография по заявленной научной теме очень обширна и многогранна, но с другой – отражает достаточно стереотипные подходы и оценки в отношении развития системы социального признания и попечения о «детях беды» в царской и Советской России. Заметим, что, прежде всего, это касается региональных историков, которые стремились традиционно «воссоздавать» картину происходящего на местном региональном материале, пользуясь, как правило, лишь столичными «лекалами». Представляется важным и перспективным выделение наиболее существенных подходов и методологических решений по реконструкции системы социальной защиты детей в столицах и российской провинции, а также уточнению роли социального государства, взаимоотношений общества, государственных органов, личной инициативы в контексте «особенности» проявлений заботы о нуждающихся в поддержке и защите о детях.

Наиболее классическую и успешную классификацию отечественной историографии по изучению проблем материнства и детства, как социального явления, и детей, как специальной демографической категории, провела Т.М. Смирнова, которая выделила три наиболее значимых этапа, каждый из которых имеет свою внутреннюю структуру:

- 1) советская историография;
- 2) период пересмотра советской историографии (конец 1980-х и 1990-е гг.);
- 3) новейший период развития историографической традиции, связанный с разоблачением мифа о «счастливым советском детстве» [2].

Классические исследования о формах и типах социального государства, в том числе в контексте признания детей, проведены Г. Риттером [3] и Ф. Кауфманом [4].

Наиболее существенные методологические решения и выводы по изучению детства в дореволюционной, советской и постсоветской историографии содержатся в работах К. Келли [5–7], А.А. Сальниковой [8], Т.М. Смирновой [9], С.В. Журавлева и А.К. Соколова [10].

Одним из наиболее привлекательных сюжетов для изучения стала история социальной работы в России [11; 12], организация призрения [13] в благотворительных учреждениях в столице [14] и на региональном уровне [15–17], в том числе сквозь призму отечественного и зарубежного опыта [18], в контексте социальной работы [19] и социальной защиты детства [20].

Комплексное и системное изучение положения детей-сирот и их призрения в период войн начала XX века предпринял П.П. Щербинин, который изучил прежде всего положение детей в солдатских семьях [21], военное сиротство [22], в целом повседневную жизнь детей в условиях Первой мировой войны 1914–1918 гг. [23].

Проблему кормиличного промысла в Российской империи и роли столичных воспитательных домов в призрении детей наиболее тщательно изучил в своей монографии Д. Рансел [24]. Особенности организации яслей в российской деревне в императорской России затронуты в работе Н. Фрайден [25; 26]. Отдельные аспекты охраны материнства и детства в России тщательно рассмотрены в статье А. Линденмайер [27], которая указывала, что наиболее существенные шаги в области охраны материнства и детства в России были связаны с деятельностью правительства. О раннем советском периоде социальной политики и трансформациях в сфере образования и воспитания детей активно писали зарубежные и отечественные историки [28–33].

Заметим, что весьма популярный, активно разрабатываемый сюжет социального призрения и возможностей опеки и попечительства детей в дореволюционной России успешно отражен в работах по истории благотворительности. Прежде всего, отметим фундированное исследование Г.Н. Ульяновой, посвященное благотворительности в Российской империи в XIX – начале XX века [34–36]. Очень добротнo проблемы взаимоотношений власти и общества сквозь призму благотворительной деятельности рассмотрел

А.Р. Соколов [37]. История социальной работы и ее особенности изучены М. Фирсовым и другими авторами сборника «Нужда и порядок» [38]. Оценки возможностей государственной поддержки слабо защищенных слоев в Российской империи рассмотрены в фундаментальных работах Б.Н. Миронова [39; 40]. Традиционные практики изучения частной жизни ребенка в XIX веке исследованы в работах К. Кухер [41] и А. Виннинг [42].

На особенности и перспективы изучения истории благотворительности и социальной помощи, различия по глубине исследования и степени концептуализации обратила пристальное внимание А. Линденмайер [43; 44]. Среди обобщающих работ о деятельности общественных объединений и организаций в контексте благотворительности следует выделить работы А.С. Тумановой [45], И.П. Павловой [46], Н.Л. Матвеевой [47], статьи Д. Кароли [48], А. Авдеева [49] и др. О приютах для малолетних преступников написано немало специальных работ, среди которых выделим исследования А.Ю. Рожкова [50] и К. Кур-Королев [51].

Призрение и забота о беспризорных детях в Советской России привлекала внимание многих исследователей [52], в том числе и по сюжетам социальной региональной [53], физической дефективности [54].

Новым направлением в изучении детства в годы Гражданской войны стало исследование положения детей в концлагерях [55], в том числе и на Тамбовщине в период «антоновщины» [56].

Региональные аспекты социального попечительства и опекуна тщательно изучены в работах Е.П. Мерко [57], М.П. Осиповой [58], В.Б. Безгина [59]. Благотворительную поддержку детей-сирот в Тамбовской губернии изучали Т.Г. Деревягина [60], О.А. Дорожкина [61], С.Ю. Истомина [62]. Борьба с беспризорностью в Тамбовской губернии, повседневная жизнь в детских домах в 20-е гг. XX века в Тамбовской губернии рассмотрены в публикациях А.А. Дика [63] и А.А. Слезина [64].

Подводя итоги историографического обзора научной литературы по заявленной научной проблеме, вполне очевидно, что существуют некоторые лакуны при изучении системы социальной защиты и призрения детей сирот как в дореволюционной, так и в Совет-

ской России. Можно оценить перспективность изучения данной проблематики, прежде всего, на региональном уровне, что позволило бы выявить общее и особенное, уникальное и обыденное, странное и типичное в многомерной картине российского государственного, общественного и частного интереса к сюжетам защиты, спасения и попечения в отношении «детей беды».

Развитие историографической традиции требует обращения к различным сюжетным линиям историков, демографов, этнологов, социологов и культурологов, которые могли бы провести системное и комплексное изучение повседневной жизни «детей беды», истории «несчастливого» детства, гендерной проблематики, истории частной жизни.

Другой важный вопрос, который обязательно потребует своего разрешения и может быть постановочным для различных обобщающих, специальных или региональных работ, состоит в важности изучения будуще-

го своих «героев», умении «заглянуть» вдаль и понять, что же случилось с «субъектами», а иногда и «объектами» проведенного исследования спустя несколько лет или десятилетий после описываемых событий. История всегда «населена» людьми, и без понимания жизненных судеб и перипетий, личных трагедий, комедий или драм очень сложно изучать или воссоздавать прошлое, разбираться в том, что же было «потом», как повлияли события и исторические явления на общее и частное, общественное и индивидуальное, простое и сложное в развитии конкретных людей, институтов, общества и государства [1].

Историографическая «картина» имеет много сюжетных линий и еще будет дополняться добротными исследованиями по истории «детей беды», что позволит лучше понять и реконструировать различные стороны жизни российского социума в рассматриваемые хронологические периоды.

Список литературы

1. Щербинин П.П. «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2018. 370 с.
2. Смирнова Т.М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург: Ин-т рос. истории РАН; Центр гум. инициатив, 2015.
3. Ritter G.A. Der Sozialstaat, Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich. München, 2010. (3. Aufl.).
4. Kaufmann F.-X. Varianten des Wohlfahrtsstaates. Der deutsche Sozialstaat im internationalen Vergleich. Frankfurt a/M., 2003.
5. Келли К. Об изучении истории детства в России XIX–XX вв. // Какокея. Из истории детства в России и других странах: сб. ст. и материалов / сост. Г.В. Макаревич. Москва; Тверь: Научная книга, 2008. С. 8–46.
6. Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia 1890–1991. New Haven; London: Yale UP, 2007.
7. Kelly C. Riding the magic carpet: children and leader cult in the Stalin Era // Slavic and East European Journal. 2005. Vol. 49. № 2.
8. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.
9. Смирнова Т.М. Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921–1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 486–528.
10. Журавлев С.В., Соколов А.К. Счастливое детство // Социальная история: Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 159–203.
11. Исторический опыт социальной работы в России / под общ. ред. Л.В. Бадя. М., 1994.
12. Фирсов М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика. М., 1996.
13. Апарина И.И., Попов В.М. Государственное и частное призрение детей в дореволюционной России. М., 2000.
14. Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в. СПб., 2014.
15. Горбунова И.А. Становление общественного призрения на Дальнем Востоке России (1884 – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2003.
16. Задворнова Е.Е. Государственно-общественное призрение на Урале (последняя треть XVIII – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2001.

17. Голикова С.В., Дашкевич Л.А. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013.
18. Юстус И.В., Яшина М.А. Система и деятельность учреждений по призрению детей в конце XIX – начале XX веков: отечественный и зарубежный опыт. Ульяновск, 2006.
19. Елфимова Н.В. Становление и развитие социальной работы с несовершеннолетними в пореформенной России, 60-е гг. XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
20. Ануфриева О.В. Становление системы социальной защиты детства в России в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2009.
21. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.
22. Щербинин П.П. Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 9 (125). С. 334-341.
23. Щербинин П.П. Повседневная жизнь детей и подростков в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тамбов, 2016.
24. Ransel D.L. Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton: Princeton University Press, 1988.
25. Frieden N.M. Child care: medical reform in a traditionalist culture // The Family in Imperial Russia. New Lines of Historical Research / ed. by D.L. Ransel. University of Illinois Press, 1978.
26. Ransel D. Russia and the USSR Children in Historical and Comparative Perspective: an International Handbook and Research Guide // eds. by N.R. Hiner, J.M. Hawes. N. Y.: Greenwood Press, 1991.
27. Lindenmeyr A. Maternalism and child welfare in late Imperial Russia // Journal of Women's History. 1993. Vol. 5. № 2.
28. Fitzpatrick Sh. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts Under Lunacharsky (October 1917–1921). Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 162-203.
29. Ball A. And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley: University of California Press, 1994.
30. Goldman W.Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
31. Kirschenbaum L.A. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932. L.: Routledge, 2003.
32. Балашов Э.М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление «Нового человека». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
33. Clementine G.K. Creuziger. Childhood in Russia: Representation and Reality. Lanham, Maryland: University Press of America, 1996.
34. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи: XIX – начало XX века. М., 2005.
35. Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX в.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17-31.
36. Ульянова Г.Н. Изучение истории благотворительности в России: тенденции и приоритеты (1989–2002 гг.) // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 16-29.
37. Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб.: Лики России, 2006.
38. Фирсов М. История социальной работы в России: тенденции становления // Нужда и порядок. История социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 65-128.
39. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Изд-во «Весь мир», 2012.
40. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.
41. Кухер К. Размышления о подходах к изучению истории детства // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века): сб. ст. М.: РГГУ, 2013. С. 76-88.
42. Kucher K., von Winning A. Privates Leben und öffentliche Interessen. Adlige Familie und Kindheit in Russlands langem 19. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2015. Vol. 63. H. 2. S. 233-255.
43. Линденмайер А. Открывая Атлантиду: тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 95-107.
44. Lindenmeyr A. Poverty Is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.
45. Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999.
46. Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века. Красноярск, 2003.

47. Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004.
48. Кароли Д. Дети-инвалиды в дореволюционной и советской России // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 138-196.
49. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. ст. / под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. М., 2010.
50. Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134-139.
51. Kuhr-Korolev C. "Gezaemte Helden". Die Formierung der Sowjetjugend 1917–1932. Essen, 2005.
52. Лебедев А.Г. История борьбы с нищенством и бродяжничеством в России XIX – начала XX в.: Опыт использования пенитенциарных учреждений // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2006. № 4. С. 111-126.
53. Щербинин П.П. «Физически-дефективные дети» и их призрение в первой трети XX века: региональный аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24. № 178. С. 140-148. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-140-148
54. Калининкова-Магнуссон Л.В., Магнуссон М. Социальная политика в отношении детской «дефективности» в военно-революционный период и в первую декаду Советской власти (1914–1927 гг.) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 157-166.
55. Щербинин П.П. «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-2 (80). С. 113-115.
56. Елисеев В. Детство за колючей проволокой // Filo Ariadne. 2017. № 4. С. 81-90.
57. Вьюнник (Мерко) Е.П. «Нет у нас маменьки, нету тятеньки!.. Сиротки мы трое горемычные!» Система социальной помощи и поддержки детей-сирот в конце XIX – начале XX века в повседневной практике // Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. В.А. Шаповалов, И.Т. Шатохин. Белгород: НИУ «БелГУ», ООО «ГиК», 2011. С. 299-315.
58. Осипова М.П. Материальное положение малолетних опекаемых в крестьянской среде Тамбовской губернии в XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3-2 (9). С. 152-157.
59. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). Москва; Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004.
60. Деревягина Т.Г. Роль и место благотворительной деятельности купца А.М. Носова в организации социальных учреждений в г. Тамбове (вторая половина XIX – начало XX века). Тамбов, 2004.
61. Дорожжина О.А. Сиротство в России: историко-педагогический анализ. Тамбов, 2000.
62. Истомина С.Ю. Земское здравоохранение в Тамбовской губернии (1864–1918): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
63. Дик А.А. Учреждения для беспризорных детей в Тамбовской губернии 20-х гг.: реалии повседневной жизни // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. науч. трудов. Вып. 4. СПб.: Нестор, 2006.
64. Дик А.А., Слезин А.А. Сельские учреждения для беспризорных детей в Тамбовской губернии 1920-х годов // Российское село в XIX–XX вв.: сб. ст. Тамбов, 2009. С. 92-101.

References

1. Shcherbinin P.P. «Pustite detey ko mne...»: «deti bedy» i popechitel'stvo do i posle 1917 goda [“Suffer the Children to Come unto Me...”: “Children of Misfortune” and Patronage Before and After 1917]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2018, 370 p. (In Russian).
2. Smirnova T.M. *Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnoy zhizni. 1917–1940 gg.* [Children of Soviet Country: from State Policy to Everyday Realities. 1917–1940]. Moscow, St. Petersburg, Institute of Russian History of the RAS Publ., Humanitarian Initiatives Center Publ., 2015. (In Russian).
3. Ritter G.A. *Der Sozialstaat, Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich*. Munich, 2010. (In German).
4. Kaufmann F.-X. *Varianten des Wohlfahrtsstaates. Der deutsche Sozialstaat im internationalen Vergleich*. Frankfurt-am-Main, 2003. (In German).

5. Kelly C. Ob izuchenii istorii detstva v Rossii XIX–XX vv. [On studying childhood history in Russia of 19th – 20th centuries]. *Kakokeya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh* [Kakokeya. From Childhood History in Russia and other Countries]. Moscow, Tver, Nauchnaya kniga Publ., 2008, pp. 8–46. (In Russian).
6. Kelly C. *Children's World: Growing Up in Russia 1890–1991*. New Haven, London, Yale UP, 2007.
7. Kelly C. Riding the magic carpet: children and leader cult in the Stalin Era. *Slavic and East European Journal*, 2005, vol. 49, no. 2.
8. Salnikova A.A. *Rossiyskoye detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya* [Russian Childhood in 20th Century: History, Theory and Practice of Research]. Kazan, 2007. (In Russian).
9. Smirnova T.M. Deti Sovetskoy Rossii (po materialam Detkomissii VTSIK. 1921–1924 gg.) [Children of Soviet Russia (based on Children Commission of VtsIK (Central Executive Committee of the All-Russian Congress of Soviets). 1921–1924)]. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 2001–2002* [Social History. Yearbook. 2001–2002]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 486–528. (In Russian).
10. Zhuravlev S.V., Sokolov A.K. Schastlivoye detstvo [Happy Childhood]. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 1997* [Social History. Yearbook. 1997]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, pp. 159–203. (In Russian).
11. Badya L.V. (ed.). *Istoricheskiy opyt sotsial'noy raboty v Rossii* [Historic Experience of Social Work in Russia]. Moscow, 1994. (In Russian).
12. Firsov M.V. *Sotsial'naya rabota v Rossii: teoriya, istoriya, obshchestvennaya praktika* [Social Work in Russia: Theory, History, Social Practice]. Moscow, 1996. (In Russian).
13. Aparina I.I., Popov V.M. *Gosudarstvennoye i chastnoye prizreniye detey v dorevolutsionnoy Rossii* [State and Private Charity of Children of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, 2000. (In Russian).
14. Sinova I.V. *Deti v gorodskom rossiyskom sotsiume vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Children in Russian Urban Society in the Second Half of 19th – Early of 20th Centuries]. St. Petersburg, 2014. (In Russian).
15. Gorbunova I.A. *Stanovleniye obshchestvennogo prizreniya na Dal'nem Vostoke Rossii (1884 – fevral' 1917 g.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Development of Social Charity in Russian Far East (1884 – February 1917). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Khabarovsk, 2003. (In Russian).
16. Zadornova E.E. *Gosudarstvenno-obshchestvennoye prizreniye na Urale (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX veka): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [State and Public Charity in the Ural (Last Third of 18th – Early of 20th Centuries). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Kurgan, 2001. (In Russian).
17. Golikova S.V., Dashkevich L.A. *Prizreniye detey na Urale v XVIII – nachale XX v.: institutsional'nyy i sotsiokul'turnyy aspekty* [Children Charity in the Ural in 18th – Early of 20th Centuries: Institutional and Socio-cultural Aspect]. Ekaterinburg, 2013. (In Russian).
18. Yustus I.V., Yashina M.A. *Sistema i deyatel'nost' uchrezhdeniy po prizreniyu detey v kontse XIX – nachale XX vekov: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [System and Activities of Institutions for the Charity of Children in the late 19th – Early 20th Centuries: Domestic and Foreign Experience]. Ulyanovsk, 2006. (In Russian).
19. Elfimova N.V. *Stanovleniye i razvitiye sotsial'noy raboty s nesovershennoletnimi v poreformennoy Rossii, 60-e gg. XIX – nachalo XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and Development of Social Work with Minors in Post-Reform Russia, 1960s – Early 20th Century. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2003. (In Russian).
20. Anufriyeva O.V. *Stanovleniye sistemy sotsial'noy zashchity detstva v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [The Formation of Childhood Social Protection System in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Elets, 2009. (In Russian).
21. Shcherbinin P.P. *Voyennyy faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.* [Military Factor in the Everyday Life of a Russian Woman in 18th – Early 20th Centuries]. Tambov, 2004. (In Russian).
22. Shcherbinin P.P. *Detisiroty i ikh prizreniye v period voyn Rossii nachala XX v.* [Orphans and their charity during the wars Russia beginning of 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, no. 9 (125), pp. 334–341. (In Russian).
23. Shcherbinin P.P. *Povsednevnyaya zhizn' detey i podrostkov v gody Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg.* [Everyday Life of Children and Teenagers During the World War I in 1914–1918]. Tambov, 2016. (In Russian).
24. Ransel D.L. *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton, Princeton University Press, 1988.
25. Frieden N.M. Child care: medical reform in a traditionalist culture. *The Family in Imperial Russia. New Lines of Historical Research*. University of Illinois Press, 1978.
26. Ransel D. *Russia and the USSR. Children in Historical and Comparative Perspective: an International Handbook and Research Guide*. New York, Greenwood Press, 1991.

27. Lindenmeyr A. Maternalism and child welfare in late Imperial Russia. *Journal of Women's History*, 1993, vol. 5, no. 2.
28. Fitzpatrick S. *The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts Under Lunacharsky (October 1917–1921)*. Cambridge, Cambridge University Press, 1970, pp. 162–203.
29. Ball A. *And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930*. Berkeley, University of California Press, 1994.
30. Goldman W.Z. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993.
31. Kirschenbaum L.A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. London, Routledge, 2003.
32. Balashov E.M. *Shkola v rossiyskom obshchestve 1917–1927 gg. Stanovleniye «Novogo cheloveka»* [School in Russian Society 1917–1927. Formation of “New Man”]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. (In Russian).
33. Clementine G.K. *Creuziger. Childhood in Russia: Representation and Reality*. Lanham, Maryland, University Press of America, 1996.
34. Uyanova G.N. *Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii: XIX – nachalo XX veka* [Charity in Russian Empire: 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, 2005. (In Russian).
35. Uyanova G.N. Zakonodatel'stvo o blagotvoritel'nosti v Rossii (konets XVIII – nachalo XX v.) [Legislation on the charity in Russia (Late 18th – Early 20th Centuries)]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 2005, no. 6, pp. 17–31. (In Russian).
36. Uyanova G.N. Izucheniye istorii blagotvoritel'nosti v Rossii: tendentsii i priority (1989–2002 gg.) [Study of charity history in Russia: trends and priorities (1989–2002)]. *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskiye i sotsial'no-ekonomicheskiye issledovaniya* [Charity in Russia. Historical and Social and Economic Researches]. St. Petersburg, 2003, pp. 16–29. (In Russian).
37. Sokolov A.R. *Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII – konets XIX v.)* [Charity in Russia as a Mechanism of Interaction Between Society and State (Early 18th – Late 19th Centuries)]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2006. (In Russian).
38. Firsov M. Istoriya sotsial'noy raboty v Rossii: tendentsii stanovleniya [The history of social work in Russia: formation trends]. *Nuzhda i poryadok. Istoriya sotsial'noy raboty v Rossii, XX v.* [Need and Order. The History of Social Work in Russia, 20th Century]. Saratov, 2005, pp. 65–128. (In Russian).
39. Mironov B.N. *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [Welfare of the Population and Revolution in Imperial Russia: 18th – Early 20th Centuries]. Moscow, Ves mir Publ., 2012. (In Russian).
40. Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [Russian Empire: from Tradition to Modern: in 3 vols.]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2015. (In Russian).
41. Kukher K. Razmyshleniya o podkhodakh k izucheniyu istorii detstva [Reflections on approaches to the study of childhood history]. *Maloletniye poddannyye bol'shoy imperii: Filipp Ariyes i istoriya detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX veka)* [Juvenile Subjects of a Large Empire: Philippe Ariès and Childhood History in Russia (18th – Early 20th Centuries)]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2013, pp. 76–88. (In Russian).
42. Kucher K., von Winning A. Privates Leben und öffentliche Interessen. Adlige Familie und Kindheit in Russlands langem 19. Jahrhundert. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2015, vol. 63, bk 2, pp. 233–255. (In German).
43. Lindenmayer A. Otkryvaya Atlantidu: tendentsii i perspektivy izucheniya istorii rossiyskoy blagotvoritel'nosti [Discovering Atlantis: trends and prospects for studying the history of Russian charity]. *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: Novyye dokumenty i issledovaniya* [Charity in Russian History: New Documents and Studies]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2008, pp. 95–107. (In Russian).
44. Lindenmeyr A. *Poverty Is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*. Princeton, 1996.
45. Tumanova A.S. *Obshchestvennyye organizatsii goroda Tambova na rubezhe XIX–XX vekov* [Public Organizations of the City of Tambov at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. Tambov, 1999. (In Russian).
46. Pavlova I.P. *Sotsial'noye popecheniye v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Social Welfare in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Krasnoyarsk, 2003. (In Russian).
47. Matveyeva N.L. *Blagotvoritel'nost' i imperatorskaya sem'ya v gody Pervoy mirovoy voyny* [Charity and Imperial Family in World War I Years]. Moscow, 2004. (In Russian).
48. Karoli D. Deti-invalidy v dorevolyutsionnoy i sovetskoy Rossii [Disabled children in pre-reform and Soviet Russia]. *Maloletniye poddannyye bol'shoy imperii: Filipp Ariyes i istoriya detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX veka)* [Juvenile Subjects of a Large Empire: Philippe Ariès and Childhood History in Russia (18th – Early 20th Centuries)]. Moscow, 2012, pp. 138–196. (In Russian).

49. Avdeyev A. Mladencheskaya smertnost' i istoriya okhrany materinstva i detstva v Rossii i SSSR [Infant mortality and the history of motherhood and child health in Russia and the USSR]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography]. Moscow, 2010. (In Russian).
50. Rozhkov A.Y. Bor'ba s besprizornost'yu v pervoye sovetskoye desyatiletie [Struggle against homelessness during first Soviet decade]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2000, no. 11, pp. 134-139. (In Russian).
51. Kuhr-Korolev S. "Gezaemte Helden". *Die Formierung der Sowjetjugend 1917-1932*. Essen, 2005. (In German).
52. Lebedev A.G. Istoriya bor'by s nishchenstvom i brodyazhnichestvom v Rossii XIX – nachala XX v.: Opyt ispol'zovaniya penitentsiarnykh uchrezhdeniy [Struggle against begging and vagrancy in Russia over 19th – early of 20th centuries (experience of use of penal system)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya – Bulletin of Moscow University. Series 8: History*, 2006, no. 4, pp. 111-126. (In Russian).
53. Shcherbinin P.P. «Fizicheski-defektivnyye deti» i ikh prizreniye v pervoy treti XX veka: regional'nyy aspekt ["Physically defective children" and their care in the first third of the 20th century: the regional aspect]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 178, pp. 140-148. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-140-148 (In Russian).
54. Kalinnikova-Magnusson L.V., Magnusson M. Sotsial'naya politika v otnoshenii detskoy «defektivnosti» v voyenno-revolutsionnyy period i v pervuyu dekadu Sovetskoy vlasti (1914–1927 gg.) [The social policy on child "defectiveness" during the World War I, revolution and the first decade of soviet power (1914–1927)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2015. № 1, pp. 157-166. (In Russian).
55. Shcherbinin P.P. «Antonovshchina» skvoz' prizmu vospriyatiya detey i podrostkov: vybor zhiznennogo puti i ego posledstviya v pervoy chetverti XX veka ["Antonovshchina" through the lenses of perception of children and adolescents: choice of life course and its consequences in the first quarter of the 20th century]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 6-2 (80), pp. 113-115. (In Russian).
56. Eliseev V. "Detstvo za kolyuchey provolokoy [Childhood for the barbed wire]. *Filo Ariadne*, 2017, no. 4, pp. 81-90. (In Russian).
57. Vyunnik (Merko) E.P. «Net u nas mamen'ki, netu tyaten'ki!.. Sirotki my troye goremychnyye!» Sistema sotsial'noy pomoshchi i podderzhki detey-sirot v kontse XIX – nachale XX veka v povsednevnoy praktike ["We don't have mommy, we don't have a auntie! .. We three miserable orphans!" The system of social assistance and support for orphans in the late 19th – early 20th centuries in everyday practice]. *Transformatsiya provintsial'noy povsednevnosti v usloviyakh modernizatsionnogo razvitiya Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [The Transformation of Provincial Everyday Life in the Context of the Modernization Development of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries.]. Belgorod, Belgorod State National Research University, LLC "GiK", 2011, pp. 299-315. (In Russian).
58. Osipova M.P. Material'noye polozheniye maloletnikh opekayemykh v krest'yanskoy srede Tambovskoy gubernii v XIX – nachale XX veka [Circumstances of juveniles under wardship among peasants in Tambov province at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2011, no. 3-2 (9), pp. 152-157. (In Russian).
59. Bezgin V.B. *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX v.)* [Peasant's Everyday Life (Traditions of the Late 19th – Early of 20th Centuries)]. Moscow, Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2004. (In Russian).
60. Derevyagina T.G. Rol' i mesto blagotvoritel'noy deyatelnosti kuptsa A.M. Nosova v organizatsii sotsial'nykh uchrezhdeniy v g. Tambove (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [The Role and Place of Charity Work of the Merchant A.M. Nosova in the Social Institutions Organization in the City of Tambov (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. Tambov, 2004. (In Russian).
61. Dorozhkina O.A. *Sirotstvo v Rossii: istoriko-pedagogicheskiy analiz* [Orphanhood in Russia: a Historical and Pedagogical Analysis]. Tambov, 2000. (In Russian).
62. Istomina S.Y. *Zemskoye zdravookhraneniye v Tambovskoy gubernii (1864–1918): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Country Council Healthcare in Tambov Governorate (1864–1918). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2003. (In Russian).
63. Dik A.A. Uchrezhdeniya dlya besprizornykh detey v Tambovskoy gubernii 20-kh gg.: realii povsednevnoy zhizni [Institutions for street children in the Tambov province of the 20s: realities of everyday life]. *Trudy kafedry istorii i filosofii Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: Vyp. 4* [Proceedings of the History and Philosophy Department of Tambov State Technical University]. St. Petersburg, Nestor Publ., 2006. (In Russian).

64. Dik A.A., Slezin A.A. Sel'skiye uchrezhdeniya dlya besprizornykh detey v Tambovskoy gubernii 1920-kh godov [Rural institutions for street children in the Tambov Governorate of the 1920s]. *Rossiyskoye selo v XIX–XX vv.* [Russian Village in 19th – 20th Centuries]. Tambov, 2009, pp. 92-101. (In Russian).

Информация об авторе

Шикунова Инна Александровна, аспирант, кафедра всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: inna-barsukova82@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9154-9071>

Поступила в редакцию 27.06.2019 г.

Поступила после рецензирования 18.07.2019 г.

Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the author

Inna A. Shkunova, Post-Graduate Student, General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: inna-barsukova82@mail.ru

Contribution: main study conception, literature search and analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9154-9071>

Received 27 June 2019

Reviewed 18 July 2019

Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-283-291
 УДК 93/94; 73.01.09 (470.42)

Ульяновский городской автотранспорт в 1986–1990 гг.

Рашит Алимович МУХАМЕДОВ, Марат Ильгизович ХИСАМОВ

ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова»

432071, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. В.И. Ленина, 4/5

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6181-3249>, e-mail: rasit56@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1149-3974>, e-mail: Mr.marat.ul@icloud.com

Ulyanovsk urban motor-vehicle transport in 1986–1990

Rashit A. MUCHAMEDOV, Marat I. KHISAMOV

Ulyanovsk State University of Education

4/5 V.I. Lenina Sq., Ulyanovsk 432071, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6181-3249>, e-mail: rasit56@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1149-3974>, e-mail: Mr.marat.ul@icloud.com

Аннотация. Цель исследования – изучить развитие пассажирского и грузового автотранспорта, от эффективности работы которого зависит обеспечение непрерывного функционирования больших и малых промышленных предприятий, а также городской торговой сети и сферы услуг населению. Проблема проанализирована на базе архивных источников, почерпнутых из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО) и Государственного архива Ульяновской области (ГАУО), которые впервые вводятся в научный оборот, а также материалах монографии и диссертационных исследований авторов как регионального, так и российского уровня. Были выявлены тенденции развития пассажирского и грузового автотранспорта, его проблемы и достижения. Рассмотрены меры, принимаемые местными партийными органами для повышения эффективности функционирования автотранспорта в период двенадцатой пятилетки, тенденции развития городского транспорта, а также его проблемы и достижения. Сделан вывод, что пассажирский транспорт является важным связующим звеном системы городского хозяйства, без которого существование города, как единого целого, не представлялось бы возможным, а его пик развития приходится именно в рассматриваемые годы (1986–1990 гг.), когда в городе осуществлялось интенсивное строительство и промышленных объектов, и жилья. Интенсивное развитие городского транспорта также было связано, прежде всего, с трудом рационализаторов, разрабатывавших новые проекты внедрения инновационных технологий, которые дали возможность увеличить эффективность труда.

Ключевые слова: Ульяновск; городской транспорт; грузовой транспорт; автобус; рационализатор; Ульяновскавтотранс; пассажирское автопредприятие; маршрут

Для цитирования: Мухамедов Р.А., Хисамов М.И. Ульяновский городской автотранспорт в 1986–1990 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 283–291. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-283-291

Abstract. We set the goal to study the development of passenger and freight motor-vehicle transport, the effectiveness of which ensures the continuous operation of large and small industrial enterprises, as well as the urban trading network and the services sector. We analyze the problem on the basis of archival sources drawn from the funds of the State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk Region (SACH UR) and the State Archive of the Ulyanovsk Region (SAUR), which are first put into scientific circulation, as well as materials from a monograph and dissertation research by authors from both regional and Russian level. In the course of the work, we reveal the trends in the development of passenger and freight motor-vehicle transport, its problems and achievements. We consider the measures taken by local party bodies to increase the functioning efficiency of motor-vehicle transport during the twelfth Five-year plan, the development trends of urban transport, as well as its problems and achievements. As a result of the study, we conclude

that passenger transport is an important link in the urban economy system, without which the existence of the city as a whole would not have been possible, and its development peak occurred precisely in the years under consideration (1986–1990) when intensive construction of industrial facilities and housing was carried out in the city. The intensive development of urban transport was also associated, with the labor of rationalizers who developed new projects of innovative technologies introduction, which made it possible to increase labor efficiency.

Keywords: Ulyanovsk; urban transport; freight transport; bus; rationalizer; Ulyanovsk Auto Trans; passenger automobile company; route

For citation: Muchamedov R.A., Khisamov M.I. Ul'yanovskiy gorodskoy avtotransport v 1986–1990 gg. [Ulyanovsk urban motor-vehicle transport in 1986–1990]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 283–291. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-283-291 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В реалиях современной науки одной из недостаточно рассмотренных тем является проблема, связанная с выявлением роли транспорта в общественно-социальной жизни граждан как страны в целом, так и конкретного региона в частности. Актуальность проблемы усиливается тем, что возможность граждан в максимально короткие сроки добраться до культурных, промышленных социально-значимых объектов является экономически и стратегически важной. Кроме этого, автотранспорт играет важную роль в осуществлении грузоперевозок, и от эффективности его работы зависит обеспечение непрерывного функционирования торговой сети г. Ульяновск. К данной проблеме в своих трудах обращались как отечественные ученые – А.В. Горшенин, А.В. Лаврентьев, В.Р. Матвеева [1–3], так и зарубежные специалисты [4; 5]. Однако монографии, где бы подробно рассматривалось развитие автотранспорта в Ульяновске в 1986–1990 гг., отсутствуют, что усиливает уникальность данного исследования.

В г. Ульяновск потребности населения в пассажирских перевозках обеспечивались несколькими видами транспорта: автобусами [6, с. 50] и электротранспортом [7, с. 135]. Доля автобусных перевозок составляла 68 %, тогда как электротранспорта – 32 %¹. Ульяновцы обслуживались тремя пассажирскими автопредприятиями: ПОПААТ № 1, возглавляемым В.И. Скрыбиным, ПОПААТ № 2 – Ю.В. Григорьевым и автоколонной 1433 – В.А. Дерягиным². В распоряжении Ульяновскавтотранса в 1979 г. находилось в экс-

плуатации 404 единицы транспортных средств. Среди них: ИК-280 – 35, ИК-60 – 92, ЛИАЗ-677 – 150, ЛАЗ-695 – 39, ЛАЗ-4202 – 30, ЛАЗ-42021 – 18, ПАЗ-672 – 37, ИК-255 – 3. На ремонте и техобслуживании было 52 транспортных единицы: ИК-280 – 3, ИК-260 – 4, ЛАЗ-4202 – 9, автобусы с ГМП-6 – 36³.

В 1986 г. в Ульяновске было решено прекратить кассовый метод обслуживания пассажиров, так как он устарел и не соответствовал выдвигаемым временем условиям⁴. Взамен ему был принят метод оплаты пассажирами проезда непосредственно кондуктору, что позволяло гражданам не затрачивать усилия на предварительную покупку билета в кассе⁵. Во втором квартале 1986 г. были открыты диспетчерские станции на конечных остановках автобусных маршрутов в Ленинском, Засвияжском и Заволжском районах, что позволяло лучше контролировать выполнение водителями расписания маршрутов, а также фиксировать имевшиеся нарушения⁶.

Кроме этого, для местных партийных структур было задачей первостепенной важности добиться улучшения состояния городских дорожных путей, от низкого качества которых страдали, прежде всего, водители. Наличие небольших ям и неровностей приводило к вынужденному снижению скорости движения, росту расхода горючего, ухудшению состояния узлов и деталей автотранспорта. По мнению члена Союза архитекторов СССР А. Бросмака, реализация плана по улучшению дорожных покрытий в годы двенадцатой пятилетки приведет к: повышению эффективности эксплуатации автотранс-

¹ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1259. Л. 15.

² ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 13. Оп. 40. Д. 33. Л. 11.

³ ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1263. Л. 9.

⁴ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 83.

⁵ ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1479. Л. 21.

⁶ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 38. Д. 24. Л. 25.

портных средств, ритмичности доставления различного рода грузов в пункт назначения, снижению временных и топливных затрат, а также увеличит срок службы транспорта⁷. К 1986 г. в Ульяновске была завершена реконструкция Московского шоссе, на улице Минаева была оборудована проезжая часть, через реку Свиягу были построены два моста, через железнодорожное полотно в Засвияжском районе был сооружен путепровод, а также в новых микрорайонах города проложены дорожные пути. А. Бросмак, докладывая на состоявшихся в сентябре 1986 г. совещаниях по вопросу развития автотранспортной инфраструктуры, акцентировал внимание на несоответствии схемы дорог плану, что послужило препятствием для решения ключевых проблем. В частности, по его мнению, если бы удалось выполнить план в его первоначальном виде, то Ульяновск получил бы широкую магистраль, которая одним бы концом упиралась в мост через реку Свияга, а другим – в район выставки достижений народного хозяйства Ульяновского региона⁸.

Однако строительство новых объектов и прокладка дорожных путей дорожниками треста «Гордострой» зачастую велась с большим количеством нарушений различного рода: во-первых, укладка асфальта под проливным дождем, на мокрое или неочищенное основание, во-вторых, накладка вместо прямоугольных вырубков на место трещины бесформенных заплаток низкого качества, превращающихся спустя месяц или два в крошку, и в-третьих, отсутствие на некоторых дорожных участках ливневых канализаций [8, с. 31]. По причине беспечности работников треста местным властям приходилось ежегодно выделять дополнительные денежные средства на капитальный ремонт ранее уложенных дорожных покрытий⁹.

В 1987 г. увеличилось количество доступных для граждан автобусных маршрутов. Были добавлены следующие маршруты: № 39 «УАЗ – Отрадная» с десятиминутным интервалом движения, № 40 «Солнышко – Центральный рынок», а также экспресс-маршрут № 38э «Микрорайон Свияга – Цен-

тральный рынок»¹⁰. Всего в 1987 г. в городе существовало 66 маршрутов, на которых действовало 242 автобуса¹¹. Среди них 8 экспрессных (1э, 14э, 21э, 27э, 29э, 30э, 38э, 48э) и 12 садоводческих (118, 122, 125, 131, 133, 142, 331, 332, 332к, 333, 334, К)¹². Экспрессные маршруты действовали в субботу и воскресенье, а садоводческие – ежедневно. В 1988 г. число садоводческих маршрутов увеличилось и составило 28¹³.

Зачастую водители не достигали плановых показателей по количеству рейсов (табл. 1) и качеству пассажирских перевозок, в связи с чем в Ульяновскавтотранс поступали жалобы и предложения от пассажиров и организаций¹⁴.

В частности, председатель профкома Т.Н. Долматова мебельного объединения Ульяновскмебель жаловалась на нерегулярность движения автобусных маршрутов № 1, 2, 21, 24, 117. Согласно жалобе: «Постоянно отмечаются нарушения на маршруте № 24, где не только не соблюдается время движения, но и зачастую вовсе отменяются рейсы. Особенно тяжелой ситуация становится в разгар сельхозработ, когда снимают два или три автобуса из семи, причем знают, что обратиться гражданам больше не на чем. Например, 19 августа отклонение в движении транспорта составило около 7–10 минут, а один автобус так и не пришел. 20 августа из 12 рейсов было лишь 8»¹⁵. После получения жалобы, 21 августа 1988 г., Ульяновскавтотранс провел проверку. По результатам проверки было выявлено: «...маршруты автобусов 2, 21, 117 следовали через 10, 13, 15 минут, а 117 следовал через 40–45 минут. Автобус № 2 закончил движение в 23.50, что на 5 минут позже графика, а № 21 в 24.00, хотя по графику последний рейс должен был быть в 0.25. Автобус № 1 следовал строго по расписанию движения. Средняя заполняемость автобусов с 22.00 составляла 75–80 %, а с 23.30 и далее – менее 50 %. При беседе с рабочими и пассажирами было установлено, что во время пересменки с 20.00 до 21.00 на

⁷ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 38. Д. 24. Л. 25.

⁸ ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1581. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 40. Д. 71. Л. 83.

¹² ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1685. Л. 11.

¹³ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 23.

¹⁴ ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1691. Л. 17.

¹⁵ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 52.

линии постоянно отсутствуют автобусы в течение 40, 45, 50 минут»¹⁶.

25 августа профком Ульяновского автомобильного завода имени Ленина попросил автомобильные организации исправить ситуацию с нерегулярностью движения пассажирского автобуса по маршруту № 17. Согласно жалобе: «...в 14.27 постоянно отсутствует рейс. В связи с этим рабочие вынуждены добираться пешком по улице Московское шоссе до завода»¹⁷.

С целью решения проблемы, связанной с нехваткой автобусных маршрутов, 2 марта 1988 г., в Заволжском районе в городском исполкоме, под руководством замначальника объединения Ульяновскавтотранс по пассажирским перевозкам В.И. Ковалева было организовано собрание¹⁸. По итогам собрания было решено: во-первых, осуществить сбор бригад шоферов на специальное внеочередное совещание; во-вторых, начать дежурство передвижного диспетчерского пункта; в-третьих, сформировать производственное объединение пассажирского автотранспорта на основе АТП-6 и ПАТП-3; в-четвертых, к апрелю 1988 г. установить автоматизированную систему контроля и управления за транспортными средствами; в-пятых, повысить эффективность строительных работ по сооружению гаражей для автобусов¹⁹.

Ульяновские автотранспортные объединения к сентябрю 1988 г. фактически полностью были переведены на бригадную форму деятельности²⁰. В частности, в УПОПАТ-1 на бригадной форме деятельности были задействованы 749 работников (78 %) от общего количества – 961, в ДПАТП – 641 человек (67 %) от общего количества – 957, в автоколонне 1433 – 827 человек (81 %) от общего количества – 1021²¹. В объединениях периодически проводились соцсоревнования за звание «Лучшая колонна», «Лучшая бригада», «Лучший комсомольско-молодежный экипаж», «Лучшее ремонтное подразделение», «Лучший ремонтный рабочий». Победителям соревнований выдавалась денежная премия [9, с. 838]. В 1989 г. по итогам проведенного в УПОПАТ-1 соцсоревнования было

присвоено 182 рабочим звание ударника коммунистического труда, а получили премию две водительские бригады²².

В объединениях встречались и злостные нарушения водителями трудового режима, препятствовавшие выполнению плановых показателей по пассажирским перевозкам. Наиболее частыми нарушениями трудовой дисциплины являлись прогулы, чрезмерное употребление спиртных напитков, а также халатность при обращении с транспортным средством [10, с. 56]. К водителям, обвиняемым в нарушении дисциплины, применялись следующие меры: сокращение отпуска, осуждение на товарищеском суде, перевод на низкооплачиваемую работу, дисциплинарное взыскание и увольнение²³.

Водители пассажирских автобусов также зачастую становились и виновниками различного рода дорожно-транспортных происшествий, которые фиксировались сотрудниками Госавтоинспекции. Согласно отчету Госавтоинспекции за 1988 г., произошло увеличение количества дорожно-транспортных происшествий по вине водителей пассажирских автобусов, по сравнению с показателем 1987 г., на 15 %²⁴. Особенно часто ДТП происходили в Ленинском районе, на оживленных участках трассы. Наиболее частыми причинами происшествий являлись: плохое состояние транспортного средства, несоблюдение водителем правил дорожного движения, а также переход дороги пешеходами в неполюженном месте (табл. 2).

Согласно плану Ульяновскавтотранса на двенадцатую пятилетку, количество автобусных пассажирских маршрутов к 1989 г. должно было достигнуть 39, а транспортных средств, действовавших на них, – 313²⁵. Кроме этого, планировалось осуществить ремонтные работы на мосту через реку Свияга, расширить путепровод для автотранспорта по Московскому шоссе, а также построить на автобусных остановках 93 заездных кармана, 267 посадочных площадок и 90 специальных павильонов: в Ленинском районе – 20, в Железнодорожном районе – 14, в Засвияжском районе – 32, в Заволжском районе – 24²⁶.

¹⁶ ГАИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 23.

¹⁷ ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1621. Л. 4.

¹⁸ ГАИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 23.

¹⁹ ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1652. Л. 7.

²⁰ ГАИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 23.

²¹ ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1652. Л. 7.

²² ГАИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 23.

²³ ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1259. Л. 15.

²⁴ ГАИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 23.

²⁵ ГАИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 23.

²⁶ Там же.

Таблица 1
Основные показатели по выполнению пассажирскими автобусами рейсов в 1986–1990 гг.²⁷

Показатель	Год				
	1986	1987	1988	1989	1990
План рейсов	681271	828852	905954	985475	1057517
Факт рейсов	657275	768318	872860	968147	1035714
% выполнения рейсов	96,5	92,7	96,3	98,2	97,9

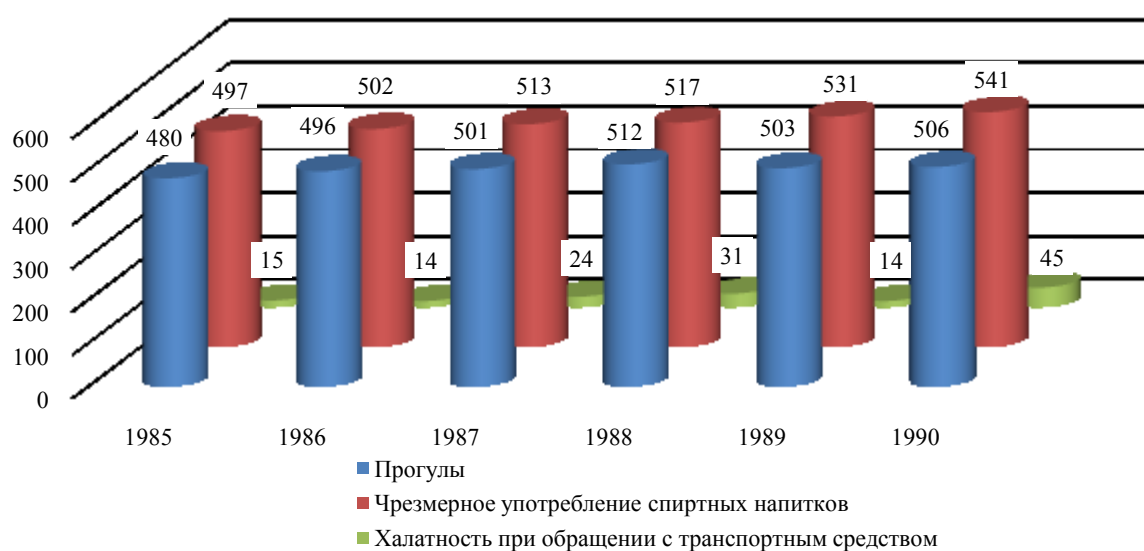

Рис. 1. Нарушения водителями пассажирских автобусов трудовой дисциплины в 1985–1990 гг.²⁸

Таблица 2
Состояние аварийности в Ульяновске в 1987–1988 гг.²⁹

Район	Год	ДТП	Погибло	Ранено
Ленинский	1987	48	5	43
	1988	69	6	73
Железнодорожный	1987	63	8	64
	1988	62	8	68
Засвияжский	1987	81	9	81
	1988	89	9	89
Заволжский	1987	63	11	61
	1988	79	6	82

²⁷ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 38. Д. 24. Л. 25; Оп. 40. Д. 71. Л. 83; ГАУО. Ф. Р-2106. Д. 1479. Л. 21; Оп. 7. 1691. Л. 17.

²⁸ ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. 1652. Л. 7; ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 40. Д. 71. Л. 23.

²⁹ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 38. Д. 24. Л. 25.

Однако плановые показатели выполнить так и не удалось.

В период двенадцатой пятилетки произошел значительный рост и грузового транспорта, что позволяло справляться «Ульяновскавтотрансу» с задачами по перевозке грузов. Городские грузовые автотранспортные предприятия занимались централизованной вывозкой контейнеров, нефтепродуктов, железобетонных изделий, силикатного кирпича, цемента, угля, продуктовых товаров и т. п. [11, с. 237]. Перевозка груза в основном осуществлялась на машинах ГАЗ-51, коэффициент использования грузоподъемности автомобиля при этом не превышал 0,25. Всего в городе было задействовано в грузовых перевозках 6 автотранспортных предприятий³⁰. УГАТП-1 к 1986 г. насчитывал 357 грузовых автомобилей, 6 легковых и 4 автобуса. Предприятие занималось организацией и осуществлением перевозок различного рода грузов автотранспортом и транспортно-экспедиторским обслуживанием промышленных предприятий. При перевозке строительных материалов, преимущественно силикатного кирпича, использовался пакетный способ перевозки автопоездами. Другое предприятие, ГАТП-4, базировалось на производственных площадях по улице Урицкого и имело в своем распоряжении гаражное и станочное оборудование, а также столовую на 70 человек, которая позволяла персоналу питаться, не покидая производства. Предприятие располагало 213 грузовыми автомобилями различной комплектации, на которых были задействованы 450 рабочих, из них 35 обладали правительственными наградами³¹. Основным направлением деятельности предприятия было обслуживание торговых предприятий и общепита.

Кроме данных предприятий грузовыми перевозками занимались также Ульяновское производственное автотранспортное объединение, а/к 1462, ГАТП-5 и ГАТП-7. Среди них стоит отметить ГАТП-5, которое стало первым в Ульяновске грузовым автотранспортным предприятием, внедрившим в период одиннадцатой пятилетки метод контейнерных перевозок. Внедрение контейнерного метода перевозки дало возможность уменьшить временные затраты, сократить количе-

ство автомобилей, необходимых для обслуживания промышленных предприятий, значительно усовершенствовать доставку грузов потребителям³². В 1986 г. на грузовых предприятиях имелась 6251 единица грузового транспорта, из них на предприятиях общего пользования – 598, или 9,5 % от общего числа, а перевезено 27 % грузов от общего объема транспортных перевозок. В уборочных работах было задействовано 696 автомобилей и 1800 механизаторов³³. Однако в ходе уборочных работ грузовые автопредприятия Железнодорожного и Заволжского районов проявили случаи неорганизованности в подготовке и направлении автотранспорта на уборку урожая [12, с. 53].

Происходили преобразования и в грузовых автотранспортных предприятиях, по итогам которых некоторые из них объединялись, а другие упразднялись. Так, 10 марта 1986 г. «Ульяновскавтотранс» было принято решение о введении в состав Ульяновского производственного автотранспортного объединения УГАТП-1. В результате слияния было сформировано УПАТО-1. Рабочие УПАТО-1 постоянно занимались поиском новых форм организации и методов труда, а также более совершенных трудовых отношений. Одним из нововведений стал переход предприятия на арендный подряд. В результате перехода грузовое автотранспортное предприятие получило большую самостоятельность, что позволило увеличить показатели труда в среднем на 15 %³⁴.

Каждый водитель предприятия занялся самообразованием и старался внедрять более новые технологии, дабы достигнуть более высоких показателей. В результате были расширены объемы перевозок, а также при проведении уборочных работ было задействовано больше единиц техники [13, с. 158]. В 1990 г. было задействовано 190 транспортных единиц на уборке сахарной свеклы в Цильнинском районе [13, с. 158]. Основные трудности при перевозке сахарной свеклы были связаны с началом дождей, однако, благодаря решению водителей упаковывать свеклу в мешки и накрывать их тентом удалось доставить в хорошем состоянии более 85 % урожая [12, с. 48].

³⁰ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 23.

³¹ ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1259. Л. 15.

³² ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 28.

³³ ГАУО. Ф. Р-2106. Оп. 7. Д. 1259. Л. 15.

³⁴ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 30. Д. 71. Л. 23.

Таким образом, в 1981–1990 гг. в Ульяновске значительно возросла роль автотранспорта, что было связано, прежде всего, с интенсивным периодом строительства промышленных, культурных и жилых объектов. Городские грузовые автотранспортные предприятия активно пользовались трудом рационализаторов, разрабатывавших новые проекты внедрения инновационных технологий, которые дали бы возможность увеличить эффективность труда. Благодаря рационализаторам на ульяновских грузовых автотранспортных предприятиях были внедрены

контейнерный и пакетный метод перевозок, что способствовало более эффективной работе отраслей народного хозяйства. Одновременно с грузовым постоянно рос и автобусный пассажирский парк, а также возникали новые маршруты. Зачастую автобусные маршруты подвергались масштабным изменениям, которые выполнялись в соответствии с данными о количестве перевезенных пассажиров и обращениями ульяновцев и представителей профкомов промышленных организаций. Все это дало возможность наладить эффективное автобусное сообщение.

Список литературы

1. Горшенин А.В. Городской пассажирский транспорт Среднего Поволжья в 1941–1950 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2018. 22 с.
2. Лаврентьев А.В. Автомобильный транспорт юга Дальнего Востока СССР: 30-е – сер. 80-х годов XX в. исторический опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001. 22 с.
3. Матвеева В.Р. Развитие массового общественного транспорта в городах Башкирской АССР в 1925–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2016. 31 с.
4. О'Салливан А. Экономика города. М.: ИНФРА-М, 2002. 706 с.
5. Симпсон Б.Дж. Планирование развития городов и общественный транспорт в Великобритании, Франции и ФРГ. М.: Транспорт, 1990. 96 с.
6. Калимуллин Р.Р. Идеино-теоретические основы научно-технического развития СССР в 1950–1980-е гг.: соотношение теории постиндустриального общества и теории НТР // Инновационная наука. 2017. Т. 7. С. 33–37.
7. Горшенин А.В. К вопросу о становлении трамвайного движения в г. Ульяновске // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 129–135.
8. Вильчик А.А. Строительное производство Ульяновской области в 1971–1980-е гг. // Симбирский историк: сб. науч. ст. Вып. 3. Ульяновск: УлГПУ, 2017. С. 28–32.
9. Ширишков А.С., Антипов И.А. Повышение эффективности обслуживания пассажиров общественным автомобильным транспортом // Аллея науки. 2018. Т. 4. № 4 (20). С. 837–838.
10. Сагателян Г.Ш., Дядя С.А. Кризис советской системы мотивации труда в 30–80-е годы XX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 2 (55). С. 45–56.
11. Филатов А.В. Реализация социально-экономической программы и состояние грузового транспорта Ульяновской области в 1960–1970-е годы // История Поволжья сквозь призму истории России: материалы Всерос. науч. конф., пров. 23 ноября 2018 г. в рамках Форума, посвящ. 75-летию кафедры истории историко-филологического факультета УлГПУ им. И.Н. Ульянова. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2019. Т. 1. С. 234–237.
12. Бармин А.В., Карпенко С.Я. Дорога длиною в пятьдесят лет. Ульяновск: Объединение «Ульяновск-автотранс», 1993. 110 с.
13. Пашкин А.Г., Забалухина Н.В. Симбирский – Ульяновский край в новейшей истории России. 1917–1991. Люди, события, факты. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. 200 с.

References

1. Gorshenin A.V. *Gorodskoy passazhirskiy transport Srednego Povolzh'ya v 1941–1950 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Urban Passenger Transport of the Middle Volga Region in 1941–1950. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Belgorod, 2018, 22 p. (In Russian).
2. Lavrentyev A.V. *Avtomobil'nyy transport yuga Dal'nego Vostoka SSSR: 30-e – seredina 80-kh godov XX v. istoricheskiy opyt: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Road Transport of the Far East South of the USSR: 30s – mid 80s of 20th Century Historical Experience. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Vladivostok, 2001, 22 p. (In Russian).
3. Matveyeva V.R. *Razvitiye massovogo obshchestvennogo transporta v gorodakh Bashkirskoy ASSR v 1925–1991 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Development of Mass Public Transport in the Cities of the

- Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in 1925–1991. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Ufa, 2016, 31 p. (In Russian).
4. O'Sullivan A. *Ekonomika goroda* [City Economy]. Moscow, INFRA-M Publ., 2002, 706 p. (In Russian).
 5. Simpson B.D. *Planirovaniye razvitiya gorodov i obshchestvennyy transport v Velikobritanii, Frantsii i FRG* [Urban Planning and Public Transport in the UK, France and Germany]. Moscow, Transport Publ., 1990, 96 p. (In Russian).
 6. Kalimullin R.R. Ideyno-teoreticheskiye osnovy nauchno-tekhnicheskogo razvitiya SSSR v 1950–1980-e gg.: sootnosheniye teorii postindustrial'nogo obshchestva i teorii NTR [The ideological and theoretical foundations of the scientific and technological development of the USSR in the 1950–1980s: the correlation of the theory of post-industrial society and the theory of technological revolution]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science], 2017, vol. 7, pp. 33–37. (In Russian).
 7. Gorshenin A.V. K voprosu o stanovlenii tramvaynogo dvizheniya v g. Ul'yanovske [The question of tram traffic development in Ulyanovsk]. *Samarskiy nauchnyy vestnik – Samara Journal of Science*, 2017, vol. 6, no. 1 (18), pp. 129–135. (In Russian).
 8. Vilchik A.A. Stroitel'noye proizvodstvo Ul'yanovskoy oblasti v 1971–1980-e gg. [Construction production of the Ulyanovsk region in the 1971–1980s. *Simbirskiy istorik. Vyp. 3* [Simbirsk Historian. Issue 3]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State University of Education, 2017, pp. 28–32. (In Russian).
 9. Shirshikov A.S., Antipov I.A. Povysheniye effektivnosti obsluzhivaniya passazhirov obshchestvennym avtomobil'nyim transportom [Improving the efficiency of passenger service by public motor-vehicle transport. *Alleya nauki* [Science Alley], 2018, vol. 4, no. 4 (20), pp. 837–838. (In Russian).
 10. Sagatelyan G.S., Dyadya S.A. Krizis sovetskoy sistemy motivatsii truda v 30–80-e gody XX veka [Crisis of the Soviet motivation system in the 1930–1980s]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin], 2017, no. 2 (55), pp. 45–56. (In Russian).
 11. Filatov A.V. Realizatsiya sotsial'no-ekonomicheskoy programmy i sostoyaniye gruzovogo transporta Ul'yanovskoy oblasti v 1960–1970-e gody [Implementation of the social and economic program and the state of freight transport in the Ulyanovsk Region in the 1960–1970s] *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, provedennoy 23 noyabrya 2018 g. v ramkakh Foruma, posvyashchennogo 75-letiyu kafedry istorii istoriko-filologicheskogo fakul'teta UIGPU im. I.N. Ul'yanova «Istoriya Povolzh'ya skvoz' prizmu istorii Rossii»* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Held on 23 November, 2018 Within The Forum Dedicated to the 75th Anniversary of History Department of History and Philology Faculty of Ulyanovsk State University of Education “History of Volga Region Through the Prism of History of Russia”]. Ulyanovsk State University of Education, 2019, vol. 1, pp. 234–237. (In Russian).
 12. Barmin A.V., Karpenko S.Y. *Doroga dlinoyu v pyat'desyat let* [Fifty Years Road]. Ulyanovsk, “Ul'yanovskavtotrans” Publ., 1993, 110 p. (In Russian).
 13. Pashkin A.G., Zabalukhina N.V. *Simbirskiy – Ul'yanovskiy kray v noveyshey istorii Rossii. 1917–1991. Lyudi, sobytiya, fakty* [Simbirsk – Ulyanovsk Region in the Contemporary History of Russia. 1917–1991. People, Events, Facts]. Ulyanovsk, Promotion Technology Corporation Publ., 2012, 200 p. (In Russian).

Информация об авторах

Мухамедов Рашит Алимович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории. Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация. E-mail: rasis56@mail.ru

Вклад в статью: концепция и дизайн исследования, научное консультирование, работа с архивными документами и материалами, анализ и структурирование терминологии, итоговая обработка результатов исследования, написание раздела статьи, редактирование.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6181-3249>

Information about the authors

Rashit A. Muchamedov, Doctor of History, Professor, Professor of History Department. Ulyanovsk State University of Education, Ulyanovsk, Russian Federation. E-mail: rasis56@mail.ru

Contribution: study conception and design, scientific consulting, work with archival documents and materials, terminology analysis and structure, final research results processing, article section writing, editing.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6181-3249>

Хисамов Марат Ильгизович, аспирант, кафедра истории. Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация. E-mail: Mr.marat.ul@icloud.com

Вклад в статью: набор первичного материала, анализ авторской картотеки, изучение группы исторических источников по проблематике, статистическая обработка архивных материалов, статистический анализ данных и составление диаграмм, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4954-8352>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Мухамедов Рашит Алимович
E-mail: rasis56@mail.ru

Поступила в редакцию 07.03.2019 г.
Поступила после рецензирования 28.03.2019 г.
Принята к публикации 05.07.2019 г.

Marat I. Khisamov, Post-Graduate Student, History Department. Ulyanovsk State University of Education, Ulyanovsk, Russian Federation. E-mail: Mr.marat.ul@icloud.com

Вклад в статью: source material acquisition, work with literature references, authors card files study, group of historical sources on the subject study, archival materials statistical processing, statistical data analysis and charting, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4954-8352>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Rashit A. Muchamedov
E-mail: rasis56@mail.ru

Received 7 March 2019
Reviewed 28 March 2019
Accepted for press 5 July 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-292-298
УДК 93/94

«Мансуровский проект» Русской Палестины (по материалам поездки 1857 г. по Святым местам)

Андрей Николаевич АЛЛЕНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0730-5582>, e-mail: anicol@yandex.ru

“Mansurov project” of the Russian Palestine (based on materials from a trip in 1857 to Holy Places)

Andrey N. ALLEN OV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0730-5582>, e-mail: anicol@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена деятельность Б.П. Мансурова по организации русского паломничества в Святую землю. Описана подготовка, ход и результаты поездки Б.П. Мансурова по православному Востоку (1857 г.), во многом предопределившей характер российского присутствия в Палестине. В рамках данной поездки рассмотрены причины создания акционерной компании «Русское общество пароходства и торговли». Выявлено, что созданная как попытка сохранения присутствия России на Черноморском побережье компания поставила задачу содействовать перемещению русских паломников в Палестину и на Афон. Таким шагом русское правительство предполагало усилить гуманитарное влияние России в регионе. Обращается внимание на служебные инструкции Б.П. Мансурова в путешествии по Востоку, значение его работы для издания «Путеводителя православному поклоннику ко святым местам», а также рассмотрены собственные взгляды Б.П. Мансурова на проблему русского православного паломничества в Палестине. Показано, что программа Б.П. Мансурова предусматривала увеличение интенсивности пароходного сообщения с Палестиной, приобретение земель и строительство паломнических приютов, возведение храмов для совершения русского богослужения. Вопросы развития православного паломничества должны курироваться через российские консульства, действующие на Ближнем Востоке, в том числе в самом Иерусалиме. Рассмотрение результатов путешествия 1857 г. позволило сделать выводы о значительной роли Б.П. Мансурова в истории русского присутствия на Святой земле.

Ключевые слова: Б.П. Мансуров; Святая земля; Палестина; паломничество; великий князь Константин Николаевич

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41034.

Для цитирования: Алленов А.Н. «Мансуровский проект» Русской Палестины (по материалам поездки 1857 г. по Святым местам) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 292-298. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-292-298

Abstract. We consider the activity of B.P. Mansurov in organizing Russian pilgrimage to the Holy Land. We describe the preparation, course and results of B.P. Mansurov's trip to the Orthodox East (1857) that largely predetermined the nature of the Russian presence in Palestine. In the framework of this trip, we consider the reasons for creating the joint-stock company “Russian Company of Shipping and Trading”. We reveal that created as an attempt to preserve the presence of Russia on the Black Sea coast, the company set the task to facilitate the movement of Russian pilgrims to Palestine and Athos. By this step, the Russian government intended to increase Russia's humanitarian influence in the region. We pay attention to B.P. Mansurov's service instruc-

tions in trip to the East, the significance of his work for the publication of the “Guide to the Orthodox Worshiper to Holy Places”, and also Mansurov’s own views on the problem of Russian Orthodox pilgrimage in Palestine. We show that B.P. Mansurov’s program envisaged an increase in the intensity of the steamship communication with Palestine, the acquisition of land and construction of pilgrimage shelters, the erection of temples for the Russian worship. The development issues of Orthodox pilgrimage should be managed through the Russian consulates operating in the Middle East, including in Jerusalem itself. Consideration of results of the journey in 1857 allowed to draw conclusions about the significant role of B.P. Mansurov in the history of the Russian presence in the Holy Land.

Keywords: B.P. Mansurov; Holy Land; Palestine; pilgrimage; Grand Duke Konstantin Nikolaevich

Acknowledgments: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-41034.

For citation: Allenov A.N. «Mansurovskiy proyekt» Russkoy Palestiny (po materialam poyezdki 1857 g. po Svyatym mestam) [“Mansurov project” of the Russian Palestine (based on materials from a trip in 1857 to Holy Places)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 292-298. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-292-298 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Русская Палестина – уникальное явление для истории и культуры России. Возникнув как важный элемент продвижения российских интересов после поражения в Крымской войне, наше представительство смогло пережить различные потрясения и беды, вплоть до сегодняшнего времени сохраняя русскую традицию в православном христианстве на Святой земле.

История Русской Палестины тесно связана с именем известного государственного деятеля, члена Государственного совета Б.П. Мансурова [1, с. 446]. Блестящий ум и проницательность Бориса Павловича позволили предложить комплексную программу деятельности России в Иерусалиме [2]. Начало этой программы положила первая поездка Б.П. Мансурова по Православному Востоку в 1857 г., во многом предопределившая характер российского присутствия на Святой земле.

После поражения России в Крымской войне ключевое значение имело возвращение авторитета нашей страны на международной арене. Ближневосточный регион оставался одним из направлений внешнеполитической активности. Для преодоления негативных последствий мирного договора 1856 г. российское правительство решилось нарастить торговый флот на Черном море. Корабли должны были находиться под флагом частного предприятия – акционерной компании «Русское общество пароходства и торговли». В ее задачи входила постройка судов и создание собственной инфраструктуры на черноморском побережье, которая в последую-

щем могла быть использована для быстрого воссоздания военного флота [3, с. 108]. Одновременно Общество должно было содействовать перемещению русских паломников в Палестину и на Афон, что предполагало усиление гуманитарного влияния России в регионе [4, с. 31].

Уже осенью 1856 г. в докладе великого князя Константина Николаевича на имя императора Александра II оговаривался возможный характер миссии России на Ближнем Востоке: «Русское общество пароходства и торговли намерено неотлагательно приступить к заказу, покупке и постройке пароходов, дабы при первой возможности открыть рейсы и, между прочим, сообщение между Одессой, Афоном и Бейрутом». В то же время обращалось внимание на необходимость привлечения достаточного «внимания православного населения России на удобство предстоящих пароходных сообщений» и обеспечения «достаточного числа пассажиров на первые рейсы» для безубыточной работы Общества [5].

Развитию паломничества должен был способствовать «Путеводитель православному поклоннику по святым местам», отражающий «маршруты, гостиницы, средства сообщения, цены на жизненные припасы, на переезды, ночлеги»¹. Издание такого путеводителя признавалось существенным шагом для развития русского паломничества, так как вплоть до описываемых событий путе-

¹ РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-Морского Флота). Ф. 410. Оп. 2. Д. 13. Л. 3-4.

шествия русских по святым местам проходило бессистемно, с неудобствами и даже с риском для жизни. Проработав этот вопрос, Б.П. Мансуров сообщал, что «облегчительные меры в отношении к поклонникам заключались только в льготах по получению заграничных паспортов и в поручении нашим дипломатическим агентам на Востоке возможного участия в судьбе путешественников» [6, с. 1].

История русского паломничества на Святую землю имеет определенную традицию. Православные паломники прибывали в Яффу «или на пароходах, или на парусных судах» и «на собственный свой счет» искали место для размещения [6, с. 10-11]. В то время роль гостиниц выполняли греческие монастыри, за многие годы выработавшие странноприимную традицию. Русские путешественники отправлялись в Архангельскую (для мужчин) и Федоровскую (для женщин) обители, где им на возмездной основе предоставляли условия для проживания [6, с. 12]. За уголь в монастыре и общую с другими лицами комнату с каждого паломника бралось до 70 пиастров (около 3,5 руб.). За эти деньги паломник получал право «жить в Иерусалиме неопределенное время, но не более целого поклоннического периода, то есть от праздника Воздвижения Святого Животворящего Креста (сентябрь) до Пасхи» [6, с. 10-11]. Кроме того, с каждого лица, прибывавшего в Палестину для паломничества, взималось 27 пиастров «под видом обязательного для настоятеля взноса в пользу Иерусалимской святогробской казны» [6, с. 10-11].

Огромной проблемой являлось отсутствие нормальных условий проживания паломников в монастырях. «Внешнее и внутреннее устройство Иерусалимских монастырей вовсе не соответствует нашим понятиям об иноческих обителях, — писал Б.П. Мансуров. — Здания были построены на основе перепланировки обычных частных домовладений, то есть «из отдельных комнат с выходами на общие террасы и дворы». Такие постройки не имели «ни твердости, ни прочности», в результате чего «худосложенные своды и стены, и каменные крыши пропускают со всех сторон воду, ветер, холод и сырость» [6, с. 12-13].

Особенности строений определили общую планировку и экстерьер внутренних

монастырских помещений. Паломников особенно удивляло, что «комнаты не многочисленны, не имеют ни сообщений между собою, ни правильного расположения, в них нет вовсе печей, почти нигде нет оконных рам и стекол, все двери выходят прямо на двор или террасы, и квартиры из двух комнат составляют редкое исключение» [6, с. 12-13].

Однако самой большой неприятностью для прибывающих путешественников являлись даже не бытовые неудобства, а полное игнорирование правил размещения гостей по полу и возрасту. Из-за относительно высокого количества прибывающих паломников разделение монастырей на мужские и женские имело лишь условное значение. Так что в каждом из монастырей размещались «оба пола без разбора», «старики, старухи, парни, девицы и дети» жили вместе «средним числом по 5 (кроме детей)» в таких маленьких комнатах, «в которых и двум было тесно» [6, с. 14].

Однако стремление для многих паломников побывать на Святой земле было сильнее бытовых проблем и неустроенности жизни. Поэтому при разработке проблемы гуманитарного присутствия России в Святом Граде вопрос положения там паломников в должной мере не ставился.

Идеолог миссии великий князь Константин Николаевич поручил работу по составлению путеводителя Борису Павловичу Мансурову, в это время заведующему госпиталем Морского министерства. Предполагалось придать поездке неофициальный статус. Борису Павловичу предписывалось «вести себя самым скромным и простым образом, дабы не обращать на себя внимание местных властей и агентов иностранных газетчиков»². Все донесения к великому князю Константину Николаевичу должны были посылаться либо через лиц «вполне верных» или через посольства и консульства³.

В задачи Б.П. Мансурова входило подробное описание средств сообщения, ночлегов, гостиниц, цен на переезды, квартиры и жизненные припасы. По мысли организаторов поездки, «напечатанный в огромном числе экземпляров и разосланный по всей России Путеводитель ко времени открытия рейсов пароходов Общества в Бейрут и на

² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 13. Л. 7-8.

³ Там же.

Афон, доставлял желающим поклониться святым местам всевозможные сведения, <...> дабы каждый русский мог составить себе расчет издержек, сообразно потребностям сословия, к которому он принадлежит». Кроме того, по примеру иностранных «*Guides de voyageurs*» представлялось полезным дополнить издание «краткими историческими и статистическими сведениями при посещении святых мест россиянами»⁴.

В ноябре 1856 г. Б.П. Мансуров начинает свое первое путешествие в Святую землю. Из Петербурга его путь лежал в Одессу, откуда он отправился в египетские Каир и Александрию, чтобы затем прибыть в палестинскую Яффу (2 февраля 1857 г.). Возможно, все трудности и тяготы данного путешествия предопределили личный взгляд Б.П. Мансурова на проблему паломничества по христианскому Востоку.

Это был первый выезд Б.П. Мансурова за рубеж. Свои оценки, впечатления от путешествия Б.П. Мансуров составляет в подробной переписке с отцом [1; 7]. Параллельно он работает над отчетом о командировке в Святую землю и описанием будущих паломнических маршрутов.

Компанию Б.П. Мансурову составили молодые супруги Преженцовы, которых он встретил по дороге в Палестину. Такой формат идеально подходил для конспирации поездки, так как соответствовал регламенту подобных путешествий европейцев по Востоку [7, с. 40].

Посещение Палестины оставляет восторженные, но одновременно тревожные впечатления. Бориса Павловича поражает «невероятная нищета», сводящая на нет «колоссальное плодородие и богатство Палестины». «В руках даровитого и цивилизованного народа и правительства эта земля стала бы неисчерпаемым кладезем», — заключает он в одном из своих писем к отцу, возможно, уже имея в виду собственную программу действий в Палестине [7, с. 41].

Возможно, к этому его подталкивал и факт присутствия на Святой земле католических стран, оказывающих существенное влияние в регионе. В середине XIX века Россия отставала от других стран по уровню организации паломничества на Святую землю. Например, французы в пригороде Иерусали-

ма имели собственный Францисканский монастырь, предоставляющий «покойный и удобный приют» довольно значительному числу путешественников [6, с. 88]. Одновременно Франция владела и монастырем в Рамле, который был «меньший по размерам, однако представляющий достаточный уровень комфорта для гостей Палестины». Обращал на себя внимание и имеющийся в Иерусалиме «великолепный странноприимный дом, называемый Casa nova и зависящий от Монастыря Спасителя (San Salvatore)». Здесь было «устроено удобное помещение на европейских условиях для 100 или 120 путешественников», и «изошрялись над странниками все средства гостеприимного радушия» [6, с. 89].

В Иерусалиме Б.П. Мансуров пробыл не более 3 месяцев, и 17 марта 1856 г. он отправляется в Бейрут, Смирну и Тир, а затем через Константинополь вернулся в Одессу 7 июня 1857 г. Таким образом, первое путешествие Бориса Павловича по христианскому Востоку заняло не более 7 месяцев.

За время командировки Б.П. Мансуров смог в полной мере оценить специфику пребывания и жизни «православных поклонников» в Палестине. Неоценимую пользу для командировки имело знакомство с дипломатическими документами в архиве русских консульств в Бейруте и Константинополе, где он изучил отчеты русских дипломатов. Собранный материал позволил ему комплексно осветить проблему русского паломничества по святым местам.

Через месяц после прибытия в Одессу (4 июля) Б.П. Мансурова ждала новая экспедиция, на этот раз на борту парохода «Русского общества пароходства и торговли» «Херсонес». Путешествие осуществлялось в рамках официальной миссии компании, предполагалось официально презентовать проект гуманитарной деятельности РОПиТ и получить разрешение Протата на осуществление регулярных паломнических поездок на Афон. Маршрут «Херсонеса» должен был пройти через Константинополь, Афон, Сир, Мессину и закончиться остановкой во французском Марселе. Описание этой поездки позже было опубликовано в Морском сборнике [8].

Из Марселя, где должен был завершиться поход «Херсонеса», Б.П. Мансуров от-

⁴ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 13. Л. 3-4.

правляется Париж, где продолжает работу над отчетом по своей командировке в Святую землю. В письме отцу он поручает «най-ти каталог всех существующих книг, касающихся Палестины, святых мест и т. п.», отыскать ему «гравера и рисовальщика карт и планов, который мог бы быстро и очень точно выполнить заказ». Данные документы требуются ему для работы над отчетом о своей командировке в Палестину [7, с. 77].

По приезду в Петербург эта концепция будет опубликована для ознакомления официальных лиц государства, а после в сильно сокращенном виде переиздана для широкой публики [6]. В отчете Б.П. Мансуров отходит от идеи создания простого каталога достопримечательностей Палестины, а сосредотачивается на проблеме комплексного присутствия России в Палестине [9, с. 16]. «Результат исследований быта наших богомольцев на Востоке, – отмечал Б.П. Мансуров, – очень естественно привел к убеждению, что ни правительство наше, ни Общество пароходства и торговли не могут еще решиться на издание в свет общенародного путеводителя к святым местам, книги». Он опасался, что в случае «издания путеводителя и его успеха» странствования в Палестину могут увеличиться, а это было крайне нежелательно, ведь «в Палестине ничего не приготовлено и <...> одного набожного настроения недостаточно для поддержания духовной и телесной силы в течение долгого времени».

С особой тщательностью Б.П. Мансуров рассматривает проблему транспортировки паломников на Ближний Восток, отсутствие достаточных площадок для размещения гостей, трудности диалога с турецкой администрацией. Его доводы подкрепляются не только личным опытом путешествия, но и историческими материалами из отчетов консулов в Бейруте и Константинополе. «Примеры иностранных пароходных компаний, – писал он, – показывают, что недостаточно одного открытия сообщений, необходимо соображать условия сообщения с разными местными потребностями» [6, с. 3].

Структурно программа Б.П. Мансурова предусматривала увеличение интенсивности пароходного сообщения с Палестиной, приобретение земель и строительство паломнических приютов, возведение храмов для совершения русского богослужения. Вопросы

развития православного паломничества должны курироваться через российские консульства, действующие на Ближнем Востоке, в том числе в самом Иерусалиме.

Для выкупа палестинских земель и строительства паломнической инфраструктуры предполагалось развернуть широкую частную благотворительность [10, с. 95]. «Одна Римская пропаганда ежегодно тратит до 4,000,000 франков на нравственное завоевание Востока, расходы ежегодно возрастали [6, с. 101]. Эти деньги шли в том числе на отправку тысячи миссионеров, укрепление влияния латинства в Палестине. Мы «должны доказать искренность наших чувств настоящим делом – в денежных средствах и в личном труде», – искренне полагал Борис Павлович.

Для активизации сбора средств Б.П. Мансуров предлагает провести мощную просветительскую работу среди населения, предоставляя населению России доступную и актуальную информацию. В этой связи он открыто замечает, что в России «очень много предубеждений против путешествий в Иерусалим», а сочинений А.С. Норова, А.Н. Муравьева и других современных писателей, знакомивших российских читателей «со всеми возвышенными сторонами Палестинского путешествия», уже по цене книг недоступны «для прочтения средним классам» [6, с. 4].

Не менее важной задачей, по мнению автора записки, является организация духовного быта паломников. Посещая греческие монастыри Палестины, он обращает внимание на «отсутствие в Палестине Русского богослужения». Б.П. Мансуров отмечает, что «некоторая разница между Формальной частью Греческого и Русского служения» может вселить в паломниках сомнение в правильности восточной службы или внушить им недоверие к законности нашей». То и другое представлялось ему «главной причиной неудовлетворенного религиозного настроения путешественников» [6, с. 18]. В этом значении организация собственной инфраструктуры должна была быть полезной и самой Церкви, которая обретала прочный плацдарм для своей деятельности на Святой земле.

Опыт знакомства с иностранным присутствием в Палестине Б.П. Мансуров предлагает использовать во благо России. Особенно

сильно поражает его участие в делах западных стран сестер милосердия и устройство под управлением их «богоугодных лечебных заведений». Такие общины он наблюдал в Бейруте, Смирне и Константинополе. По представлению Б.П. Мансурова, «латинские сестры превосходят своею нравственною силою и материальными средствами Протестантские учреждения, и можно безошибочно сказать, что именно со времени появления христианских женщин на Востоке влияние Римской пропаганды сделалось гораздо сильнее и действительнее» [6, с. 18].

Отчет Б.П. Мансурова возымел большой эффект. Со всей очевидностью стали понятны не только перспективы, но и упущенные возможности России в ближневосточном регионе. Фрейлина А.Ф. Тютчева делилась впечатлениями: «вышла интереснейшая записка о русском влиянии в Святой земле. Он не ограничился тем, что указал на зло, но предложил средство устранить его, средство, состоящее в том, чтобы при помощи сборов, которые у нас так легко организовать ввиду

усердия народа к религиозным делам, собрать денег для поддержания нашей миссии и для основания в Назарете и Иерусалиме приютов, школ и больниц»⁵.

Значение поездки Б.П. Мансурова в 1857 г. трудно переоценить для истории русского присутствия на Святой земле. Благодаря исполнительности и блестящему уму Бориса Павловича был составлен реалистический проект гуманитарного влияния в Палестине. За короткий срок русское правительство приобрело там собственные земли и построило инфраструктуру для приема и размещения русских паломников («вне стен греческих монастырей и частных подворий»). «Проект Б.П. Мансурова» оказал существенное влияние на историю Русской Палестины, способствуя укреплению авторитета России в регионе.

⁵ Борис Павлович Мансуров. URL: <https://guide-israel.ru/people/96382-mansurov-boris-pavlovich/> (дата обращения: 30.05.2019).

Список литературы

1. Дмитриевский А.А. Памяти Б.П. Мансурова // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1910. Т. XXI. Вып. 3. С. 446-457.
2. Вах К.А. «Иерусалимский проект» России: Б.П. Мансуров и Русские постройки // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания: материалы конф. М., 2012. С. 21-37.
3. Барышников М.Н. Русское общество пароходства и торговли: учреждение, функционирование, перспективы развития (1856–1864 гг.) // TERRA ECONOMICUS. 2015. Т. 13. № 2. С. 106-130.
4. Степанов Д.А. Учреждение Русского общества пароходства и торговли (1856–1857) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22 (237). С. 30-38.
5. Казанина Н.В. Роль Великого князя Константина Николаевича Романова в создании Русской Палестины 1856–1862 // Россия и Христианский Восток. URL: https://ros-vos.net/history/pal_komitet/1/3/ (дата обращения: 20.05.2019).
6. Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1858. 106 с.
7. Мансуров Б.П. Письма Б.П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. М., 2014. 286 с.
8. Мансуров Б.П. О посещении афонских монастырей. (Извлечение из письма Б.П. Мансурова) // Морской сборник. 1857. Октябрь.
9. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую землю: к 150-летию основания Русской Палестины 1860–1864 / сост. К.А. Вах. М., 2011. 62 с.
10. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882–1907. М., 2008. 448 с.

References

1. Dmitriyevskiy A.A. Pamyati B.P. Mansurova [In the memory of B.P. Mansurov]. *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva* [Notes of Imperial Orthodox Palestine Society], 1910, vol. 21, no. 3, pp. 446-457. (In Russian).
2. Vakh K.A. «Iyerusalimskiy proyekt» Rossii: B.P. Mansurov i Russkiye postroyki [“Jerusalem project” of Russia: B.P. Mansurov and Russian Buildings]. *Materialy konferentsii «Velikiy knyaz' Konstantin*

- Nikolayevich i Russkiy Iyerusalim: k 150-letiyu osnovaniya* [Proceedings of the Conference “Grand Duke Konstantin Nikolaevich and Russian Jerusalem: to the 150th Anniversary of Foundation”]. Moscow, 2012, pp. 21–37. (In Russian).
3. Baryshnikov M.N. Russkoye obshchestvo parokhodstva i trgovli: uchrezhdeniye, funktsionirovaniye, perspektivy razvitiya (1856–1864 gg.) [Russian society of shipping and trade: establishment, operation and prospects of development (1856–1864)]. *TERRA ECONOMICUS*, 2015, vol. 13, no. 2, pp. 106–130. (In Russian).
 4. Stepanov D.A. Uchrezhdeniye Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli (1856–1857) [Establishment of Russian society of shipping and trade]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 22 (237), pp. 30–38. (In Russian).
 5. Kazanina N.V. Rol' Velikogo knyaza Konstantina Nikolayevicha Romanova v sozdanii Russkoy Palestiny 1856–1862 [Role of the Grand Duke Konstantin Nikolaevich Romanov in the creation of Russian Palestine 1856–1862]. *Rossiya i Khristianskiy Vostok* [Russia and Christian East]. (In Russian). Available at: https://ros-vos.net/history/pal_komitet/1/3/ (accessed 20.05.2019).
 6. Mansurov B.P. *Pravoslavnyye poklonniki v Palestine* [Orthodox Worshipers in Palestine]. St. Petersburg, 1858, 106 p. (In Russian).
 7. Mansurov B.P. *Pis'ma B.P. Mansurova iz puteshestviya po Pravoslavnomu Vostoku v 1857 g.* [B.P. Mansurov's Letters from the Trip to Orthodox East in 1857]. Moscow, 2014, 286 p. (In Russian).
 8. Mansurov B.P. O poseshchenii afonskikh monastyrey. (Iz vlecheniye iz pis'ma B.P. Mansurova) [On visiting Athos monasteries. (Extract from the letter of B.P. Mansurov)]. *Morskoy sbornik* [Marine Digest], 1857, October. (In Russian).
 9. Vakh K.A. (compiler). *Velikiy knyaz' Konstantin Nikolayevich i russkoye palomnichestvo v Svyatuyu zemlyu: k 150-letiyu osnovaniya Russkoy Palestiny 1860–1864* [Grand Duke Konstantin Nikolaevich and Russian Pilgrimage to the Holy Land: to the 150th Anniversary of Foundation of Russian Palestine 1860–1864]. Moscow, 2011, 62 p. (In Russian).
 10. Dmitriyevskiy A.A. *Imperatorskoye Pravoslavnoye Palestinskoye Obshchestvo i ego deyatelnost' za is-tekshchuyu chetvert' veka 1882–1907* [Imperial Orthodox Palestinian Society and its Activities over the past Quarter Century 1882–1907]. Moscow, 2008, 448 p. (In Russian).

Информация об авторе

Алленов Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: anicol@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, работа с архивными документами и материалами, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0730-5582>

Поступила в редакцию 06.06.2019 г.

Поступила после рецензирования 27.06.2019 г.

Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the author

Andrey N. Allenov, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy and Methodology of Science Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: anicol@yandex.ru

Contribution: study conception, work with archival documents and materials, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0730-5582>

Received 6 June 2019

Reviewed 27 June 2019

Accepted for press 20 September 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-299-304
УДК 93/94

Крестьянское землевладение Восточной Галиции во второй половине XIX – начале XX века

Алексей Геннадьевич ТОПИЛЬСКИЙ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>, e-mail: a-topil@yandex.ru

Peasant land tenure of Eastern Galicia in the second half of 19th – early 20th centuries

Aleksey G. TOPILSKY

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>, e-mail: a-topil@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы развития мелкой земельной собственности на территории Восточной Галиции во второй половине XIX – начале XX века. Показана динамика имущественного расслоения крестьянского населения, причины дробления хозяйств. Охарактеризовано развитие сельской буржуазии и сельского пролетариата, показан рост количества малоземельных и безземельных крестьянских хозяйств среди русино-украинского населения. Показано изменение социально-экономического положения крестьян, дана динамика выступлений, связанных с проблемами раздела земли между помещиками и крестьянами после отмены крепостного права. С целью защиты своих земель крестьяне прибегали к выступлениям, включавшим, прежде всего, такие формы борьбы, как срыв работ (выполняемых на изъятой территории лесорубами, пастухами, пахарями и т. п.). Сделан вывод, что в Галиции подавляющее большинство крестьянских семей не могло прокормить себя со своего участка, а потому огромное количество бедняцких малообеспеченных и безземельных крестьян вынуждено было покидать свой родной край, ища заработка преимущественно в странах Нового Света и Пруссии. Охарактеризовано неравное налогообложение крестьянских и помещичьих хозяйств. Кадастр земли осуществлялся так, что вполне одинаковые земли крестьян и помещиков относили к разным категориям, всегда считая крестьянские земли лучше помещичьих.

Ключевые слова: Галиция; крестьянское землевладение; наемные работники; национальное самосознание; шляхта

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Влияние землепользования в Галиции во второй половине XIX – начале XX века на развитие украинского национального самосознания» (грант Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых МК-752.2019.6).

Для цитирования: *Топильский А.Г.* Крестьянское землевладение Восточной Галиции во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 299-304. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-299-304

Abstract. We consider the problems of development of small land tenure in Eastern Galicia in the second half of 19th – early of 20th century. We show the dynamics of the property stratification of peasant population, the reasons for the households fragmentation. We characterize the development of the rural bourgeoisie and the rural proletariat, the growth of the number of small-land and landless peasant households among the Rusyns-Ukrainian population is shown. We show the change in the peasants' social and economic status, the dynamics of demonstrations related to the problems of land parcelling between landowners and peasants after the serfdom abolition. For the

purpose of lands protection the peasants resorted to the demonstrations including, first of all, such forms of fight as disruption of works (performed in the withdrawn territory by woodcutters, shepherds, ploughmen, etc.). We conclude that in Galicia, the vast majority of peasant families could not feed themselves from their land, and therefore a huge number of poor low-income and landless peasants were forced to leave their native land, looking for work mainly in the New World counties and Prussia. We characterize an unequal taxation of the peasant and landowner households. The land cadastre was carried out so that quite identical lands of peasants and landowners were assigned to different categories, always considering peasant lands better than landowners'.

Keywords: Galicia; peasant land tenure; employees; national identity; szlachta (nobility)

Acknowledgements: The article is fulfilled in the framework of project "Impact of land use in Galicia in the second half of the 19th – early 20th century on the development of Ukrainian national identity" (grant of President of the Russian Federation to support young scientists MK-752.2019.6).

For citation: Topilsky A.G. Krest'yanskoye zemlevladieniye Vostochnoy Galitsii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Peasant land tenure of Eastern Galicia in the second half of 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 299-304. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-299-304 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Положение Восточной Галиции как восточной окраины Габсбургской монархии оказывало огромное значение на развитие местного сельского хозяйства. Слаборазвитая промышленность не была в состоянии полностью обеспечить работой избыточное сельскохозяйственное население. Кроме того, она не могла обеспечить сельскохозяйственной продукцией соответствующий рынок сбыта в рамках своей территории.

Отставание двух важнейших отраслей народного хозяйства (сельского хозяйства и промышленности) приводило к медленному развитию других его отраслей, экономической зависимости населения Галиции от индустриально более развитых провинций Австро-Венгрии и иных стран.

Согласно данным 1902 г., имения в Восточной Галиции площадью свыше 5 тыс. га занимали 899989 га (85,1 %), от 2 до 5 тыс. га – 408165 га (4,6 %), от 500 до 2 тыс. га – 652654 га (6,7 %), до 500 га – 268661 га (3,6 %). Кроме того, в Галиции в государственной и церковной собственности находилось около 7,5 % всего табулярного землевладения [1, S. 52]. Таким образом, в качестве основного рынка в самой Галиции для найма сельскохозяйственных работников выступали, прежде всего, крупные поместья.

В то же время даже все вместе взятые поместья не давали возможности трудоустройства всем желающим. По данным переписи 1907 г., на примерно 800 тыс. земельных хозяйств в Галиции приходилось бо-

лее 70 % карликовых (пролетарских) и мелких (полупролетарских) хозяйств, около 15 % – на средние, 10 % – на крупные крестьянские (кулацкие) и только 0,4 % – на помещичьи хозяйства. На карликовые и мелкие крестьянские хозяйства приходилось менее 30 % всей земли, на средние – около 20 %, на кулацкие – 10 %, на помещичьи – около 40 % земли.

В среднем на карликовые и мелкие крестьянские хозяйства, семьи которых в среднем насчитывали 5–6 человек, приходилось 2,3 десятины, а на одно помещичье хозяйство – около 570 десятин (567) земли. Из этого следует, что в Галиции подавляющее большинство крестьянских семей не могло прокормить себя со своего участка, а потому огромное количество бедняцких малообеспеченных и безземельных крестьян вынуждено было покидать свой родной край, ища заработка преимущественно в странах Нового Света и Пруссии [2, с. 93].

С развитием капитализма в деревне старое крестьянство дифференцируется, в результате чего создаются новые типы сельского населения. Эти типы – сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих. Для примера возьмем классовое расслоение в отдельных селах. Так, например, в с. Денисов Тернопольского уезда по положению крестьянские хозяйства делились так: одно было в 60 моргов поля, 40 хозяйств владели от 20 до 30 моргов, 20 хо-

зяйств владели 12–20 моргами и 40 хозяйств были полностью безземельными, несколько крестьянских семей были малоземельными. Подобная картина наблюдается в большинстве сел данного уезда.

Следует отметить, что до 1868 г. в Габсбургской монархии были законодательно запрещены наследственные разделы крестьянских хозяйств, также ограничивалась аренда и продажа крестьянской земли. Затрудняя мобилизацию земли, эти ограничения препятствовали капиталистическому преобразованию сельского хозяйства. Они были устранены законом от 27 июня 1868 г. об отмене специального наследственного права для крестьян и земскими законами о свободном обороте земли в Австрии. На этом был завершён переход к свободному бессловному землевладению. Это означало утверждение капиталистической формы земельной собственности и окончательное устранение правовых преград проникновению капитала в сельское хозяйство [3, с. 392]. В результате с 1850 по 1883 г. численность хозяйств площадью менее 0,5 га возросла с 509 до 780, от 0,5 до 1 га – с 213 до 366, от 1 до 2 га – с 304 до 603, от 2 до 5 га – с 887 до 1359 [4]. Окуневский по данному поводу отмечал, что в с. Синьковы до 1867 г. не было хозяйств площадью менее чем в 9 моргов, а к началу 1890-х гг. в результате деления крестьянских хозяйств на месте одного было от двух до пяти хозяйств¹.

Дробление крестьянского землевладения было характерно как для русино-украинских, так и для польских крестьян. Обращает на себя внимание высокий процент пролетарских и полупролетарских хозяйств, с которых крестьяне не могли прокормиться и были вынуждены наниматься на работу. Можно выделить различные категории сельскохозяйственных работников – постоянные, сезонные и мигрирующие. В целом сезонные работники преобладали над постоянными, что обуславливалось сезонностью сельскохозяйственных работ, постоянным наличием огромного резерва рабочей силы и относительно слабого спроса на нее. Крестьянская беднота была не в состоянии покрыть свои расходы за счет своих хозяйств, вынуждена была прибегать к сторонним заработкам [5, с. 73–74].

Интересные данные по поводу неоднородного состава сельского населения на конец XIX века отмечались в материалах прессы. Так, газета «Батькивщина» от 16 октября 1892 г. писала: «В Викне Скалатского уезда только три хозяина имеют до 30 моргов, а большая часть крестьян имеет 4 до 8 (моргов), но много есть таких, которые имеют 1 до 2 моргов, а несколько совсем безземельны. В безземельных халупах большая беда, голые стены и несколько досок вместо лежака. Ни постели, ни белья, ни утвари»².

Социал-демократическая газета «Воля» указывала, что всего в Галиции насчитывалось 842 тыс. сельских хозяйств, 75 % которых были не в состоянии прожить без посторонних заработков³.

Развитие капиталистических отношений в Галиции в 1900–1910 гг. определяло длительный процесс непрерывного ухудшения экономического положения крестьянства. В условиях существования феодальных пережитков положение крестьянских масс было крайне тяжелым. Особенно эксплуатировали крестьянские хозяйства торгово-ростовщический капитал, который подчинял труд крестьян и часто присваивал себе больше добавочной стоимости, чем промышленный капитал у городских работников. Наибольшую прибыль приносила продажа с молотка (путем аукциона) хозяйств, которые не могли платить по долгам.

Вообще продажа крестьянских хозяйств с молотка стала обыденным явлением. В 1873 г. в Галиции объявлено 614 лицитации – продаж с молотка имущества крестьян и мелких мещан, в 1884 г. – 2052, в 1894 г. – 2507 продаж. Всего за 22 года (1873–1894) были проведены 49823 лицитации, что составило в среднем 2065 лицитаций за год. Задолженность, которая была непосредственной причиной изъятия земель, превысила за эти годы 12,5 млн гульденов [6, S. 14]. Часто не очень большие задолженности были основанием для проведения лицитаций имущества на куда как большие суммы.

С целью защиты своих земель крестьяне прибегали к выступлениям, включавших, прежде всего, такие формы борьбы, как срыв работ (выполняемых на изъятой территории лесорубами, пастухами, пахарями и т. п.) (табл. 1).

¹ Діло. 1892. С. 216.

² Батьківщина. 16.08.1892. С. 67.

³ Воля. 1900. С. 112.

Таблица 1

Динамика активных выступлений крестьян в Восточной Галиции (1850–1882 гг.)

Год	Количество выступлений	Количество населенных пунктов	Год	Количество выступлений	Количество населенных пунктов
1850	88	103	1866	26	27
1851	46	51	1867	41	45
1852	46	56	1868	28	33
1853	32	39	1869	36	44
1854	15	24	1870	17	19
1855	24	30	1871	15	16
1856	17	21	1872	16	16
1857	25	31	1873	9	9
1858	36	38	1874	8	8
1859	27	29	1875	7	7
1860	42	54	1876	6	6
1861	22	26	1877	8	8
1862	27	27	1879	7	7
1863	38	41	1880	7	7
1864	46	51	1881	5	5
1865	35	37	1882	5	5

Из приведенных показателей (табл. 1) можно сделать вывод о постепенном сокращении выступлений крестьян и процессе урегулирования земельных отношений, переходе их в русло признания со стороны крестьян. В связи с этим рост арендной платы и уровня эксплуатации крестьян не вызывал значительных протестных настроений.

Следует также отметить, что в Восточной Галиции налоги росли быстрее, чем в Западной Галиции. Если в 1847 г. Галиция вместе с Буковиной платила 13 млн гульденов всех видов налогов и податей, то в 1873 г. с Галиции (уже без учета Буковины) взималось 34 млн гульденов. В Тернопольском, Чортковском и Залищевском уездах налог был повышен более чем в три с половиной раза, в Гумятинском – в 3 раза, в Скалатском – почти в 3 раза⁴.

В результате неравноправная налоговая политика приводила к ухудшению положения крестьян. Кадастр земли осуществлялся так, что вполне одинаковые земли крестьян и помещиков относили к разным категориям, всегда считая крестьянские земли лучше помещичьих. По воспоминаниям современников, «эта жизненная и богато одаренная от природы провинция в ее теперешнем состоянии не может содействовать серьезному улучшению австрийских финансов и обога-

щению государства... Если Галиция платит посылные для нее подати, то это делается ею за счет ее жизни и будущего, за счет истощения основных ее жизненных сил» [7, S. 2].

Кроме прямых, крестьяне вынуждены были платить и ряд косвенных налогов. Так, например, уездные налоги в 1900 г. составляли от 30 крейцеров от гульдена, а кроме него, оплачивались общественные налоги⁵.

Таким образом, социально-экономическое положение сельского населения не улучшалось. Профессор Н. Цибульский отмечал, что беднейшие категории русино-украинского населения питаются плохо и постоянно находятся в полуголодном состоянии [8, с. 52]. Фактически сотни тысяч крестьян постоянно голодали, причем не только в неурожайные годы.

Недостаточное продовольственное обеспечение, особенно мясными и молочными продуктами, было обусловлено не только сокращением землевладения, но и широким распространением чересполосицы. Подавляющая часть крестьян имела по меньшей мере четыре участка земли, у многих селян были десятки клочков земли. При таком землепользовании крайне затруднена интенсификация сельского хозяйства, так как выгоняемый соседями по время пара скот потопчет сделанные по многопольной системе посева кормовых растений. В результате соз-

⁴ Statistisches Jahrbuch für das Jahr 1873. Heft VII. Wien: Her. v. d. k. k. statistischen Central-Commission, 1874. 923 s.

⁵ Воля. 1900. С. 24.

давался замкнутый круг, когда крестьяне не могли увеличить доходы со своего участка для интенсификации сельского хозяйства, и не росли ни урожайность, ни поголовье скота. При таких условиях, как замечали современники, «самый трудолюбивый и изворотливый крестьянин не в силах увеличить своих средств» [9, с. 61, 62].

В результате как недостаточного потребления продовольствия, так и отсталого медицинского обеспечения населения (по данным на 1883 г., в Восточной Галиции один врач

приходился на 10 тыс. человек, тогда как в Верхней Австрии – на 2 тыс. человек, а в Чехии – на 3,2 тыс. человек), в Восточной Галиции смертность была наиболее высокой в Австрии.

Таким образом, динамика крестьянского землевладения в Галиции во второй половине XIX – начале XX века характеризовалась раздроблением крестьянских хозяйств, сохранением чересполосицы и ростом миграций сельскохозяйственных работников.

Список литературы

1. Buzek J. Własność tabularna w Galizji według stanu z koncem roku 1902. Lwów: Towarzystwo Naukowe we Lwowie, 1910. 252 s.
2. Богайчук В.І. Становище сільського господарства Тернопільщини напередодні Першої світової війни // Тези доповідей звітно-наукової конференції кафедр інституту. Івано-Франківськ: Івано-Франківський державний педагогічний інститут, 1966. С. 92-96.
3. Гуменюк Е.Н. Раздробление крестьянской земли и применение института рентных имений в Галиции // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 389-401.
4. Styś W. Rozdrabianie gruntów chłopskich w byłym zaborze austriackim od roku 1787 do 1931. Lwów: Towarzystwo Naukowe we Lwowie, 1934. S. 297-300.
5. Кравець М. Селянство Східної Галичини та Північної Буковини у другій половині XIX століття. Львів: видавництво Львівського університету, 1964. 240 с.
6. Feldman W. Stan ekonomiczny Galicji. Lwów: Uroda, 1900. 32 s.
7. Wodzicki K. Własność i służebnictwa w Galicyi. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1867. 59 s.
8. Cybulski N. Czy państwo i społeczeństwo mają obowiązek popierać naukę. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1895. 122 s.
9. Симоненко Г.Ф. Царство Польское сравнительно с Познанью и Галицией в отношении их успехов экономических, умственных и нравственных со времени крестьянских реформ 1848, 1850 и 1864 годов в этих провинциях. Варшава: Типография медицинской газеты, 1878. 86 с.

References

1. Buzek J. Własność tabularna w Galizji według stanu z koncem roku 1902 [Tabular in Galicia Według State from the Late of 1902]. Lviv, Lviv Scientific Partnership Publ., 1910, 252 p. (In Polish).
2. Bohaychuk V.I. Stanovyshe sil's'koho hospodarstva Ternopil'shchyny naperedodni Pershoyi svitovoyi viyny [The situation of agriculture in Ternopil region on the eve of the First World War]. Tezy dopovidey zvitno-naukovoyi konferentsiyi kafedr instytutu [Proceedings of Scientific Conference of Institute Departments]. Ivano-Frankivsk, Ivano-Frankivsk Sovereign Pedagogical Institute Publ., 1966, pp. 92-96. (In Ukrainian).
3. Gumenyuk E.N. Razdrobleniye krest'yanskoy zemli i primeneniye instituta rentnykh imeniy v Galitsii [Fragmentation of peasant land and the use of the Institute of rental estates in Galicia]. Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 1965 g. [Yearbook on Agrarian History of Eastern Europe. 1965]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1970, pp. 389-401. (In Russian).
4. Styś W. Rozdrabianie gruntów chłopskich w byłym zaborze austriackim od roku 1787 do 1931 [The Tearing of Peasant Lands in the Former Austrian Fence from 1787 to 1931]. Lviv, Lviv Scientific Partnership Publ., 1934, pp. 297-300. (In Polish).
5. Kravets M. Selyanstvo Shkhidnoyi Halychyny ta Pivnichnoyi Bukovyny u druhiy polovyni XIX stolittya [Peasantry of Eastern Galicia and Northern Bukovina in the Second Half of the 19th Century]. Lviv, Lviv University Publ., 1964, 240 p. (In Ukrainian).
6. Feldman W. Stan ekonomiczny Galicji [Economic Condition of Galicia]. Lviv, Uroda Publ., 1900, 32 p. (In Polish).

7. Wodzicki K. *Wlasnosc i sluzebnictwa w Galicyi* [Ownership and Service in Galician]. Cracow, Jagiellonian University Publ., 1867, 59 p. (In Polish).
8. Cybulski N. *Czy państwo i społeczeństwo mają obowiązek popierać naukę* [Should the State and Society Encourage the Study of Science]. Cracow, Jagiellonian University Publ., 1895, 122 p. (In Polish).
9. Simonenko G.F. *Tsarstvo Pol'skoye sravnitel'no s Poznan'yu i Galitsiyey v otnoshenii ikh uspekhev ekonomicheskikh, umstvennykh i npravstvennykh so vremeni krest'yanskikh reform 1848, 1850 i 1864 godov v etikh provintsiyakh* [The Kingdom of Poland in Comparison with the Poznan and Galicia in Relation to Their Economic Success, Mentally and Morally since the Time of the Peasant Reform of 1848, 1850 and 1864 Years in these Provinces]. Warsaw, Typography of Medical Newspaper, 1878, 86 p.

Информация об авторе

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: a-topil@yandex.ru

Вклад в статью: идея, поиск и анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>

Поступила в редакцию 17.06.2019 г.

Поступила после рецензирования 05.07.2019 г.

Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the author

Aleksey G. Topilsky, Candidate of History, Senior Lecturer of General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: a-topil@yandex.ru

Contribution: idea, literature search and analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>

Received 17 June 2019

Reviewed 5 July 2019

Accepted for press 20 September 2019

